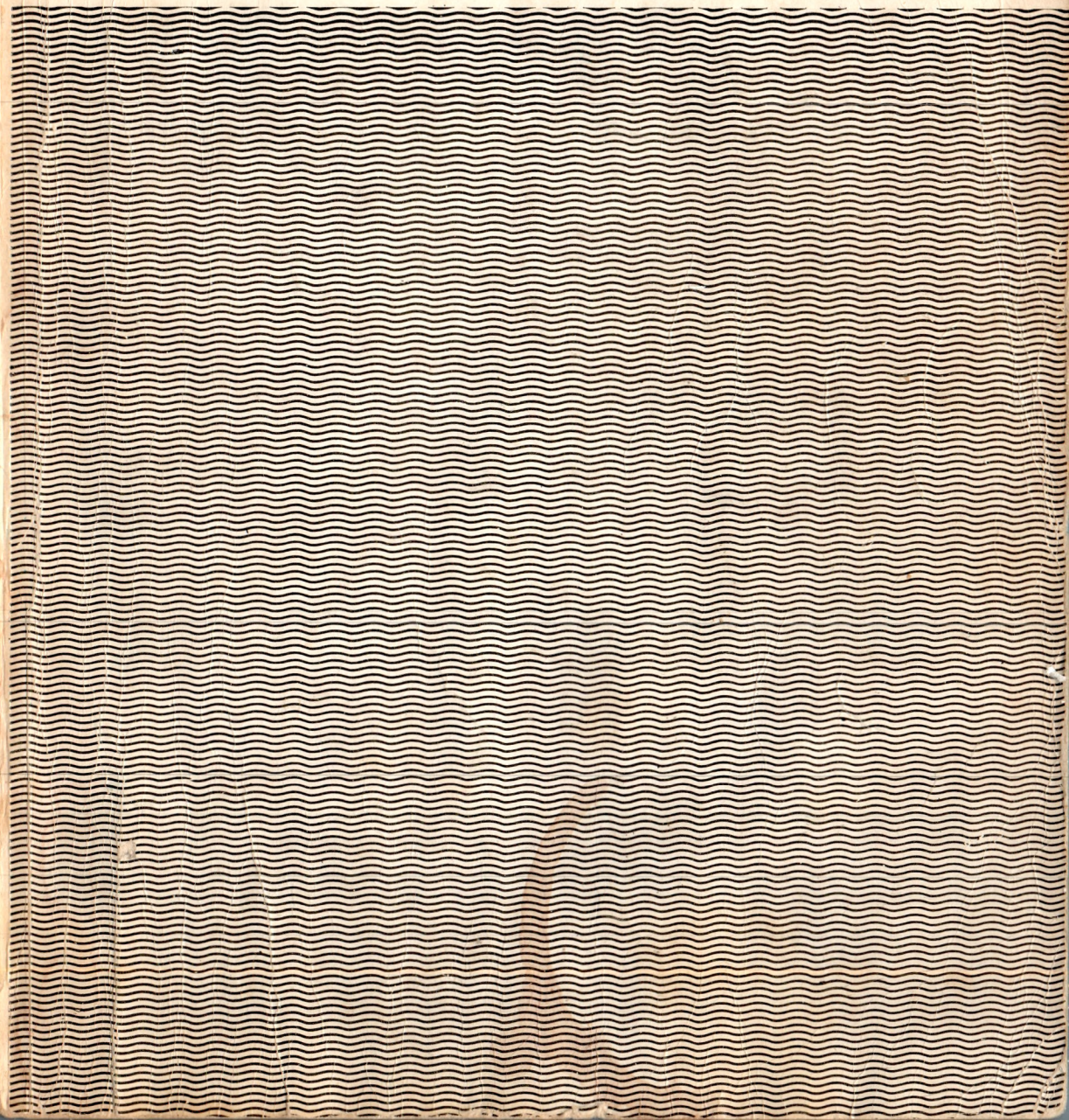

КИНОСЦЕНАРИИ 1979

КИНОСЦЕНАРИИ

АЛЬМАНАХ • 1979

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ
СОВЕТСКОМУ
КИНО

КИНОСЦЕНАРИИ

АЛЬМАНАХ • 1979

Первый выпуск

- 3 **60 ЛЕТ СОВЕТСКОМУ КИНО**
Е. Оноприенко
- 9 **ПОЕЗДА РЕВОЛЮЦИИ**
А. Стреляный
- 39 **ТАЙНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ**
А. Макаров
- 71 **БЛИЗКАЯ ДАЛЬ**
В. Кунин
- 109 **СТАРШИНА**
Э. Володарский, П. Чухрай
- 143 **ЛЮДИ В ОКЕАНЕ**
В. Ежов
- 177 **ЦВЕТЫ ЛУГОВЫЕ**
Э. Акопов
- 205 **«ЗАВОЕВАТЕЛЬ»**
ИЗ АРХИВА МАСТЕРОВ
Г. Козинцев, Л. Трауберг
- 235 **ПОХОЖДЕНИЯ ОКТЯБРИНЫ. БРАТИШКА**
Е. Габрилович, М. Ромм
- 256 **КРАХ**
- 275 **СЦЕНАРИИ КОРОТКОМЕТРАЖНЫХ ФИЛЬМОВ**

ГОСКИНО СССР
МОСКВА • 1979

ОТ РЕДАКЦИИ

В августе 1979 года советское кино отмечает свое 60-летие. В связи с этим первый выпуск альманаха «Киносценарии» 1979 года открывается обзором основных этапов истории советской кинематографии. Далее вниманию читателей редакция предлагает сценарий на историко-революционную тему украинского кинодраматурга Е. Оноприенко «Поезда революции», сценарии на актуальные темы жизни современной деревни — А. Макарова «Близкая даль» и А. Стреляного «Тайное голосование», произведения о наших воинах — Э. Володарского и П. Чухрая «Люди в океане» и В. Кунина «Старшина». Морально-этические проблемы составляют содержание сценариев В. Ежова «Цветы луговые» и Э. Акопова «Завоеватель». В альманахе представлены также произведения, написанные для постановки короткометражных кинолент.

Учитывая интерес читателей к сценарному творчеству мастеров кино старшего поколения, редакция включила в альманах новую рубрику «Из архива мастеров». Здесь публикуются сценарии фильмов Г. Козинцева и Л. Трауберга, написанные в начале 20-х годов, и незавершенный сценарий М. Ромма и Е. Габриловича «Крах».

Редакция благодарна читателям за присланные отзывы и ждет новых откликов.

60 ЛЕТ СОВЕТСКОМУ КИНО

27 августа 1919 года — это «день рождения» советской кинематографии. В этот день глава первого в мире государства, избравшего путь социализма и коммунизма, Владимир Ильич Ленин подписал декрет о национализации «фотографической и кинематографической промышленности». С этого момента «важнейшее из искусств», как назвал Владимир Ильич кино, начало свое всестороннее и широкое развитие в советской стране. Оно завоевало любовь нашего народа. Даже сухие цифры ярко говорят об этом. В Советском Союзе почти пять миллиардов раз в году люди посещают кинозалы. Статистики подсчитали также, что несмотря на огромное распространение телевидения, на душу населения у нас приходится 16—17 посещений кинозалов в год. Это в два-три раза больше, чем в любой из капиталистических и развивающихся стран...

Коммунистическая партия и Советское правительство с первых дней и во все последующие времена уделяли большое внимание, заботились о развитии нашей кинематографии. Это стало важнейшим фактором ее побед, ее постоянного движения вперед к новым творческим свершениям.

Уже в начальный период становления советского кино, в двадцатые годы, на волне революционного подъема, появилась целая плеяда выдающихся мастеров кинематографии. Они стали первопроходцами и создателями фундамента киноискусства общества строителей социализма и коммунизма. Они дали человечеству ряд ставших классическими художественных и документальных кинолент. Сергей Эйзенштейн создал фильмы «Октябрь», «Броненосец Потемкин», Всеволод Пудовкин — «Мать», Александр Довженко — «Земля» и «Арсенал». Через полвека кинокритики всего мира признали «Броненосец Потемкин» первым, самым лучшим из десяти самых лучших фильмов за всю историю кино!

К мастерам старшего поколения — таким, как Протазанов и Кулешов, — вскоре присоединились многие молодые художники, которые умножили славу советского киноискусства: Эрмлер и Трауберг, Козинцев и Юткевич, Александров и Дзига Вертов, Перестиани и Амо Бекназаров и другие.

В тридцатые годы советскими кинематографистами создано множество замечательных фильмов. Из них история, время отобрали шедевры, произведения, ставшие величайшей ценностью культуры социалистического общества: «Чапаев» братьев Васильевых, «Депутат Балтики» Фридри-

ха Эрмлера, «Трилогия о Максиме» Григория Козинцева и Леонида Трауберга, «Член правительства» Александра Зархи и Иосифа Хейфица, «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» Михаила Ромма, «Человек с ружьем» Сергея Юткевича, «Мы из Кронштадта» Ефима Дзигана, кинокомедии Григория Александрова и Ивана Пырьева, документальный фильм «Три песни о Ленине» Дзиги Вертова и др.

Советское кино и в этот период утверждало высокие идеи пролетарской революции, борьбы за социализм, мир и дружбу между народами. Впервые в истории мирового киноискусства в фильмах появился новый герой — человек труда, рабочий и крестьянин, солдат, борющийся за правое дело трудящихся, интеллигент, ставший в ряды строителей лучшего будущего человечества. В тридцатые годы нашего века оформился в теории и на практике, стал основным методом всех видов советского искусства метод социалистического реализма. Он открыл для творчества писателей, художников, композиторов, деятелей кино новые перспективы в создании прогрессивных по своей идее произведений, дал им широту взгляда на жизнь и события, не связывая ограничениями в выборе материала и жанров, в стилистике и манере творчества.

И еще одно важное завоевание характеризует советское киноискусство в предвоенные годы — дальнейшее развитие получили национальные кинематографии в таких союзных республиках, как Украина, Белоруссия, Грузия и Армения, где оно зародилось ранее, первые кинопроизведения появились в Казахстане, Туркмении, Таджикистане, Киргизии.

Победное шествие многонационального советского киноискусства — социалистического по содержанию, национального по форме — в последующее время обусловили дружеские связи и взаимопомощь между утвердившимся, уже взявшим высочайшие творческие вершины русским кино и кино других народов Союза СССР.

В годы Великой Отечественной войны киностудии страны выпускали меньше фильмов. Однако наши кинематографисты и в те трудные годы создавали выдающиеся произведения, которые помогали титанической борьбе народа с ордами фашистских захватчиков, помогали ковать победу над сильным и страшным врагом. Марк Донской создал фильм «Радуга», Леонид Луков — «Два бойца». Более двухсот кинооператоров и режиссеров в рядах воинов действующей армии снимали документальные фильмы. Среди них — Роман Кармен, автор лучших документальных лент времен войны о патриотизме и массовом героизме советских людей, о замечательном полководческом искусстве наших офицеров и генералов. Впоследствии Роман Кармен на материале военных кинодокументов создал ряд замечательных фильмов, в том числе полнометражную ленту «Великая Отечественная война». Она раскрывала правду о героической борьбе советских людей во Второй мировой войне, их основном вкладе в победу над гитлеризмом и японским милитаризмом...

В первые десятилетия после Великой Отечественной войны наше киноискусство набирало новые силы для дальнейшего развития, дальнейших завоеваний. Новые талантливые люди, воспринимая опыт заслуженных мастеров, и сами старые мастера создавали выдающиеся произведения, рассказывающие о минувшей войне, о героизме периода восстановления,

о делах советского человека, успешно строящего фундамент зрелого социалистического общества.

Вспомним такие фильмы, как «Молодая гвардия» Сергея Герасимова, «Летят журавли» Михаила Калатозова, «Баллада о солдате» Григория Чухрая, «Судьба человека» Сергея Бондарчука, «Коммунист» Юлия Райзмана и ряд других. Время уже отобрало их в «золотой фонд» советского и мирового киноискусства.

А далее — в шестидесятые годы — появились замечательные работы и старых мастеров, и тех, кто пришел в кино в послевоенные полтора-два десятилетия, и тех, кто шел за ними, — молодых, дебютантов. История, время отберут с годами те фильмы, которые войдут в «золотой фонд» советского и мирового киноискусства. Но и теперь уже нельзя не назвать такие выдающиеся кинопоэмы, как «Освобождение» Юрия Озерова и «Война и мир» Сергея Бондарчука. Два эти грандиозных кинополотна обошли экраны всего мира, получив признание зрителей Европы и Америки, освободившихся от колониализма молодых стран Азии и Африки, многих стран Латинской Америки. Новую славу советскому кино принесли художественные киноленты Юлия Райзмана «Твой современник», Андрея Смирнова «Белорусский вокзал», Александра Столпера «Живые и мертвые» и многие другие.

Этот период истории советской кинематографии, что особо надо отметить, характеризуется новыми огромными достижениями национальных кино нашей страны. Великолепные фильмы были поставлены на киностудиях почти всех союзных республик. Большой и заслуженный успех у наших зрителей и на международных киносмотрх сопутствовал, например, фильмам «Отец солдата» Резо Чхеидзе, «Нежность» Эльера Ишмухамедова, «Всадники революции» Камиля Ярматова, «Небо нашего детства» Толомуша Океева, «Никто не хотел умирать» Витаутаса Жалакявичуса и др.

В августе 1972 года ЦК КПСС принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии». Этот специально направленный в адрес нашего кино партийный документ, развивая основополагающие положения о дальнейшем развитии советской культуры и, в частности, кино, данные на съездах КПСС, а также указания Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в его приветствиях Московскому Международному кинофестивалю, киностудии «Мосфильм», Всесоюзным кинофестивалям стали мощными стимулами активизации нашего многонационального и многожанрового киноискусства.

«С законной гордостью мы можем сегодня сказать, что у нашего кинематографа есть большие и неоспоримые достижения. Они определены направляющей и мобилизующей ролью партии, которая сумела сплотить деятелей кино на позициях коммунистической партийности, указать вдохновляющие цели, связать труд художника с созидательным трудом народа» — отмечал на Всесоюзном совещании работников кино в марте 1978 года Председатель Госкино СССР Ф. Т. Ермаш. В своем докладе на этом совещании Ф. Т. Ермаш назвал многие художественные, публицистические, документальные фильмы, которые являются действительно неоспоримыми достижениями многонационального советского киноискусства

в самые последние годы. Среди них фильмы на современную тему, например, «У озера» Сергея Герасимова, «Премия» Сергея Микаэляна, «Калина красная» Василия Шукшина, «Мимино» Георгия Данелия; фильмы военно-исторические — эпопея «Дума о Ковпаке» Тимофея Левчука, «А зори здесь тихие...» Станислава Ростоцкого и «Фронт за линией фронта» Ильи Гостева, «Горячий снег» Гавриила Егиазарова; фильмы для детей и юношества: «Ключ без права передачи» Динары Асановой и «Розыгрыш» Владимира Меньшова, «В зоне особого внимания» Андрея Малюкова; публицистические: «Повесть о коммунисте», «Ночь над Чили», «Тихие американцы».

Все эти и многие другие фильмы, в том числе на историческую тему или экранизации произведений литературы («Легенда о Тиле» Владимира Наумова и Александра Алова, «Табор уходит в небо» Эмиля Лотяну, «Неоконченная пьеса для механического пианино» Никиты Михалкова, «Судьба» Евгения Матвеева и т. д.) тепло встречены нашим народом. Каждый из этих фильмов просмотрели десятки миллионов зрителей! Получили они и много призов и премий на наших и международных кинофестивалях.

Деятели советского кино вносили и вносят существенный вклад в развитие киноискусства — важнейшего из искусств. «Кино — боевой помощник партии, важный фактор формирования мировоззрения советского человека, неотъемлемая часть художественной культуры народа» (Л. И. Брежнев. «Приветствие участникам и гостям Всесоюзного кинофестиваля в Риге»).

Кино справедливо называют синтетическим искусством. Выше авторами фильмов назывались лишь режиссеры. Однако в создании произведений киноискусства полноправно участвуют кинооператоры и актеры, художники и композиторы. А первооснова каждого фильма это результат творческого труда литератора — литературное произведение. Им может быть роман, повесть, рассказ, пьеса или оригинальный, специально написанный сценарий. И, как правило, чем выше идейно-художественное качество этой литературной первоосновы, тем, в конечном итоге, более значительно само кинопроизведение. Большинству выдающихся фильмов в истории кино соответствуют либо крупные литературные произведения, либо талантливые, профессионально сильные оригинальные сценарии.

Всеволод Пудовкин поставил знаменитый фильм «Мать» по классическому роману М. Горького. «Чапаев» был создан братьями Васильевыми по известному роману Дм. Фурманова, «Война и мир» Сергея Бондарчука и «Анна Каренина» Александра Зархи — по романам Л. Толстого, «Идиот» и «Братья Карамазовы» Ивана Пырьева, «Преступление и наказание» Льва Кулиджанова — по романам Ф. Достоевского.

Значительные произведения советской современной литературы также послужили основой для многих замечательных наших фильмов. Назовем для примера романы М. Шолохова «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», его рассказ «Судьба человека», рассказ «Калина красная» В. Шукшина, который он экранизировал сам, романы «Блокада» А. Чаковского, «Судьба» А. Проскурина, «Горячий снег» Ю. Бондарева, повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие...» Можно было бы назвать еще

многие и многие десятки произведений советских писателей, успешно использованных для экранизации.

На всех этапах истории нашего и мирового кинематографического искусства исключительно важное значение имело творчество кинодраматургов — сценаристов, писателей, овладевших спецификой написания оригинальных сценариев или создававших сценарии на основе опубликованных литературных произведений (экранизации).

Творческий литературный труд сценаристов дал жизнь множеству значительных и выдающихся фильмов. Назовем, снова для примера, фильмы «Коммунист», поставленный по сценарию Евг. Габриловича, «Высота» — по сценарию Евг. Воробьева, «Баллада о солдате» — по сценарию В. Ежова, «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» по сценарию Ал. Каплера, «Красная площадь» по сценарию В. Фрида и Ю. Дунского, «Отец солдата» по сценарию С. Жгенти.

Важность работы над созданием сценариев отмечена в упомянутом выше Постановлении ЦК КПСС. В нем, наряду с другими указаниями, было предложено Госкино СССР выпускать специальный альманах для публикации лучших сценариев. Альманах «Киносценарии» выходит уже шестой год. Читатели, о чем свидетельствуют письма и выступления в печати, тепло встретили уникальное в своем роде издание, печатающее только оригинальные сценарии, причем до выхода на экраны поставленных по ним фильмов. Тем самым альманах в известной мере помогает вместе с журналом «Искусство кино», также печатающим сценарии, утверждению сценария для фильма как полноправного литературного жанра. Недавно в нашей стране появился и еще один подобный альманах — в Грузии.

В течение шестидесяти лет советская кинематография гордо несет знамя передового, прогрессивного киноискусства. Оно оказывало и оказывает плодотворное влияние на кинематографии всех стран мира, в том числе стран капиталистических, где властвует, в основном, так называемая «массовая культура», пропагандирующая насилие, секс, любование «красотами» буржуазной жизни, антикоммунизм и антисоветизм.

Советские фильмы широко демонстрируются на экранах стран социалистического содружества и развивающихся государств. Несмотря на чинимые под теми или иными предлогами препятствия, интерес к произведениям советского кино постоянно растет и в странах капитализма. Огромный авторитет в мире завоевали международные кинофестивали в Москве и Ташкенте, собирающие ведущих кинорежиссеров всех континентов. В нынешнем, юбилейном для советского кино году, как и прежде, благородный девиз Московского кинофорума «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!», несомненно, привлечет не менее тысячи участников, в том числе многих выдающихся мастеров современного мирового кино.

Смотром достижений киностудий СССР станет обширная выставка, посвященная 60-летию советской кинематографии. Ее посетители смогут познакомиться с историей нашего киноискусства, с творческими планами ведущих мастеров, с технологией работы киностудий и их материально-технической базой и т. д.

Благодаря заботам и вниманию Коммунистической партии, ныне киностудии художественных фильмов построены во всех союзных республиках, а киностудии хроникально-документальных лент — во многих краевых и областных центрах. Успешно работают кинематографические учебные заведения — ВГИК и ЛИКИ, готовя высококвалифицированные кадры творческих и технических работников. Укрепляется научно-исследовательская база советской кинематографии, год от году расширяется круг научных проблем, которыми занимаются. Научно-исследовательский институт теории и истории кино, Всесоюзный научно-исследовательский институт кинофотопромышленности.

Сейчас в нашей стране более ста пятидесяти тысяч кинотеатров и киноустановок, в том числе более восьмисот — с аппаратурой для демонстрации широкоформатных фильмов. К 1980 г. количество кинотеатров и киноустановок увеличится, будет совершенствоваться техника демонстрации фильмов, улучшаться обслуживание кинозрителей — миллионов и миллионов советских людей, ради которых трудятся киносценаристы, режиссеры, актеры, операторы, техники, организаторы производства, ученые и киномеханики...

Свой «День рождения» в 1979 году наше кино встречает, обладая всеми материальными и творческими возможностями, окруженное любовью народа, поддерживаемое и направляемое Коммунистической партией. Это — залог новых побед, новых творческих достижений самого передового в мире советского киноискусства!

С нынешнего года «День рождения» нашего кино будет отмечаться как праздник советского киноискусства всей страной. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ, в котором говорится:

«Установить праздник «День Советского кино». «День Советского кино» праздновать ежегодно 27 августа.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва. Кремль. 25 апреля 1979 г.»

Этот Указ — новое свидетельство внимания и заботы Коммунистической партии, Советского государства о нашей кинематографии.

ЕВГЕНИЙ ОНОПРИЕНКО

ПОЕЗДА РЕВОЛЮЦИИ

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ ОНОПРИЕНКО (родился в 1925 году) участник Великой Отечественной войны. В 1954 году закончил сценарный факультет ВГИКа. Автор и соавтор сценариев художественных фильмов, поставленных на киностудии и.м. А. Довженко: «Гори, моя звезда», «Катя-Катюша», «Молчат только статуи», «Ярость», «К свету», «Разседчики», «Крутой горизонт», «Мужество», «За твою судьбу», «В бой идут одни старики» и др.

Фильм по литературному сценарию Евгения Оноприенко «Поезда революции» ставит на Киевской киностудии и.м. А. Довженко режиссер Владимир Шевченко.

Взрывается шумом экран. Кинокадры старой хроники. Биржевые залы, люди на улицах, безработные... Льется на дорогу молоко, сыплется в море пшеница, кофе... Руки потрясают пачками газет. Наплывающие заголовки: «Западный мир в тисках кризиса!», «1922 — небывалый голод в России!», «По дороге в Геную...», «Возвращение царских долгов — 18 миллиардов золотых рублей! — единственно возможное условие для переговоров!», «Что ответят большевики?»

На экране — фотография Чичерина, звучит его голос:

— Мы согласны.

— Да, да, господа, мы согласны! — с трибуны конференции повторяет Чичерин. — И не возражаем, чтобы эта сумма, восемнадцать миллиардов золотом, была удержана из суммы в пятьдесят миллиардов — иска, который советские республики предъявляют вам!

— Если вы с этим ехали в Геную, — восклицает Ллойд Джордж, — вам бы лучше не присажать совсем. Делегация правительства ее величества не имеет ни времени, ни желания...

— Отчего же? Уж кто-кто, а мы, представители воевавших стран, знаем опустошительные последствия битв. Взгляните на эти фотографии, господа!

Мы видим мертвые дороги, затянутые паутиной станки, разбитые эшелоны в зарослях диких трав. Раненые, убитые. Дети — скелеты в лохмотьях. Руины. Звучит голос Чичерина:

— Это Украина. Та самая Украина, где семьдесят процентов угля и металла при-

надлежали вашим фирмам, господа. Не тем ли объяснить исключительную ожесточенность боев?..

— Но при чем здесь Украина? — вступил Барту. — Мы не к ней, а к Советской России предъявляем счет!

— Телеграммой от двадцатого февраля сего года правительство Украинской Советской республики уполномочило нас, делегацию РСФСР, представлять ее здесь, в Генуе, и президент Украины товарищ Петровский поручил мне зачитать следующее: «Мы хотим перед лицом международного пролетариата показать свои зияющие раны, свои руины, свои поля, вспаханные окопами, где гибли наши лучшие силы, буквально зубами отстаивая суверенность молодой республики... Кровавый иск изнасилованных женщин, убитых и растерзанных стариков и детей, заживо сожженных, живьем закопанных, измученных лютыми муками мирных жителей. Это будет иск к «великой европейской цивилизации», ко всему «культурному» капиталистическому миру. Пусть остервенелая мировая контрреволюция, в числе предъявленных к ней векселей, получит и этот страшный, потрясающий вексель». Теперь я передаю текст господам журналистам. А мы... что мы ответим президенту Петровскому?..

— Итак, что ответит дряхлеющий Запад? — добродушно спросил мистер Смит, бросая газету на ворох уже просмотренных.

Хозяин кабинета, высокий красивый генерал, почтительно поворачивается к Смигу:

— Следует прежде всего учесть возможность объединения красных республик в

единый союз. Грозная и могучая держава — вот это опасность!

— И она реальна? — вступил в разговор Фракен.

— Весьма, мосье Фракен. Тем более, что получает широкую общественную поддержку!

По знаку генерала вперед шагнул стройный джентльмен, раскрыл досье и стал докладывать, перебирая документы:

— Целесообразней всего, господа, начать с Украины. Сейчас это — пороховая бочка. Небывалый голод, жертвы, разруха. Множество подпольных групп и организаций... «Союз освобождения Украины», «Национальный комитет», «Украинская столица», у самой границы генерал Вовк, Дельвиг, Булак-Булахович... Достигнуто единение Петлюры и Врангеля. Пятьдесят тысяч отборных войск готовы к походу!..

— Такие козыри! — перебивает насмешливо Смит. — Просто удивительно, как этот президент Петровский еще сидит в своем Харькове!

— Господин Петровский в Харькове не сидит. Он все время в пути. Его рабочий кабинет — вагон, — ответил генерал.

Смит бросает на столик пачку фотографий, которую только что рассматривал. На фото — члены украинского правительства. Снимает очки.

— Он непрерывно разъясняет толпам свою политику. Для решения сложных вопросов члены правительства... — Смит взглянул на листок, — Артем, Чубарь, Фрунзе, Мануильский, Скрипник — все быстро съезжаются.

— А эти... они тоже в вагонах? И это серьезное правительство? — спросил Фракен.

— Это серьезное правительство, — ответил генерал.

— Каковы же перспективы? — Смит взял одну из фотографий, поднес к глазам. — Мы люди дела... мы должны иметь абсолютно точную и объективную информацию оттуда.

— Мне передали ваше пожелание, — сказал генерал с оттенком обиды. — Оно исполнено в точности. Человек, «не окончательно озверевший в этой резне», — я правильно повторяю, сэр? — этот человек ждет.

Смит потряс ворохом газет.

— Не обижайтесь, генерал. Лучше скажите, как быть с этим? Общественное мнение! «Руки прочь от Советов!» Пролетарии Америки отправили русским пароход «Ариэль» с медикаментами, тракторами. Международный Красный Крест шлет наблюдателей и делегации... Напсен собирается посетить Россию...

— Это необходимо предотвратить любым способом! — торопливо сказал Фракен.

— Ни в коем случае! — сказал генерал, улыбкой сглаживая категоричность. — Пусть едут! Больше того, мы предлагаем к концу лета наводнить Украину корреспондентами и всячески содействовать приезде туда любых делегаций и деputationей...

— И... что они увидят там в конце лета? — спросил Смит.

Четким, чуть тяжеловатым шагом в сопровождении адъютанта вошел немолодой подтянутый военный. Адъютант бесшумно проскользнул к большой карте на стене, закрыл ее шторой.

— Полковник Минзаревский по вызову прибыл! — С острым интересом полковник поглядывал на штатских, которых ему не представляют.

— Вам объяснили задачу? — Генерал подошел к нему, положил на плечо руку.

— Да. Но я не разведчик, я...

— Именно поэтому мы избрали вас. Вы должны трезво оценить все. Что собой представляют наши силы на Украине? — Генерал подошел к карте. — Видите — здесь только подпольных групп более ста. Реальная сила, настроение, возможности широкого выступления, словом, — все! То же, по-возможности, и о силах президента Петровского... Что означает ваша усмешка?

— Личное. В давние времена много спо-

рили с Петровским о судьбах мира и отечества.

— Вы знакомы?

Минзаревский насмешливо взглянул на него.

— Зачем это, генерал? Вы же прекрасно осведомлены обо мне... разве нет?

Генерал засмеялся, сказал примирительно:

— Что он собой представляет?

Минзаревский подумал.

— В девятьсот пятом возглавлял в Екатеринославе восстание, в последний миг с револьвером в руках прикрывал отступление рабочих с баррикад... Решителен. Смел... Это очень сильный противник, генерал.

— Да-а... Явки вами получены?

— Так точно. Границы моих полномочий?

— Нет границ. При необходимости — возглавить движение.

Они смотрят в глаза друг другу.

— Ясно.

— С богом, полковник. — Генерал сердечно пожал ему руку. Минзаревский вышел.

— Эмиграция знает полковника Минзаревского, — поясняет генерал, — как храброго офицера, человека широких взглядов...

Смит понимающе кивнул.

— Хорошо... Но вернемся к нашим делам. Так что же произойдет на Украине к концу лета?

— Широкая волна диверсий, анархия на действующих предприятиях... — Генерал говорил решительно, все более и более вдохновляясь. — Союз с оппозицией и ряд других мер помогут нам превратить к этому сроку роднички недовольства в полноводную реку восстания. В любом случае мы сорвем саму идею объединения республик в союз!

Стелятся навстречу, поблескивают, бегут рельсы, мелькают столбы, разворачиваются

деревья, тает дым, и ветер гудит, ревет гудок. Стучат колеса.

Всадник мчится наперерез поезду, припав к гриве коня. Вскинулся, машет, стреляет вверх, привлекая внимание.

Петровский, прищурился, напряженно смотрит. Не отрывая взгляда от вагонного окна, похлопал себя по карманам. Сказал с досадой и угрожающе:

— Опять?

— Что, Григорий Иванович? — Его помощник, Иванов, предупредительно наклоняется к Петровскому.

— Что ты себе думаешь, что позволяешь?

— Да о чем вы, Григорий...

— Где табак? — Разворачивалась сцена, видимо, уже привычная обоим. Не дожидаясь ответа, Петровский запустил руку в глубину кармана его кавалерийских штанов и извлек жестяную коробку с табаком. Принялся скручивать немалой величины самокрутку.

— Я обещал вашей жене, что не будете курить, — пытался оправдаться Иванов.

— А я не обещал, — уже спокойно сказал Петровский и скомапдовал: — Замедлить ход! Принять кавалериста!..

Резкий тревожный гудок и скрежет тормозов, вагон бросило вперед. Между рельсами стоял чуток оборванный кавалерист с перевязанной головой, подняв скрещенные руки. Конь сзади испуганно храпел, кося на пыхтящий паровоз.

Вагоны агитпоезда расписаны ярко и нестро. Тут и штурм Зимнего, и баррикады Пресни, и атаки буденовцев.

Охрана попрыгала на землю. Увидев Петровского, кавалерист шагнул вперед, вскидывая руку с плетью к виску, к сбитой набок, лихо примятой бескозырке. Геройские усы смешили Петровского, но он прятал улыбку.

— Товарищ глава правительства Григорий Иванович Петровский! — кавалерист еле переводил дыхание. — Я есть революционный комендант станции Ковалевка. Вам туда никак нельзя... в Ковалевку...

— Почему нельзя?

— Так что послан красным командиром Ладушкиной. Там, в Ковалевке, несознательный элемент бунтует, запер ее с детьми в аппаратной!..

— Говорите спокойно...

— Значит, так. — комендант старается говорить толково. — Была у нас ярмарка. А там детей полно, ну этих же ж, беспризорных, а они ж голодные, крадут... А дядьки их поймали и кнутом! А Ладушкина, как увидела, — в ружье! И ну колбасу и сало реквизиловать! А дядьки бойцов покрутили, те ж не могут открывать в людей свинцовый огонь!

Комендант вдруг вспомнил что-то важное, шагнул вперед, встал по всей форме.

— Так что докладую: в Одессе пароход горит!

— «Ариэль»? — вскрикнул Петровский. — Откуда сведения?

— Во-во! «Ариэль»... Горит. Диверсия!

— Какая диверсия?

— Та кто ж его знает, связь порвали... Ладушкина велела...

— Ничего не пойму. А ну, живо в Ковалевку!

— Ни-ни! — бросился к Петровскому начальник охраны. — Нет! Не пушу! Я отвечаю за вас, за поезд!

— Григорий Иванович, — поддержал спокойно Иванов. — И впрямь... Вернемся, бронпоезд пропустим... Куда волку в зубы?

— Мне связь нужна сейчас! — чуть не крикнул Петровский. И спокойнее: — И потом учти момент. Мы всех оповестили окрест, что к пяти часам будем в Ковалевке. Там люди ждут! Из дальних сел, из лесов, из степи ходоки... ждут нас, Советскую власть, ждут ровно в пять. И мы будем в пять!

Шумит, колышется толпа крестьян на станционном перроне. Петровский, не дожидаясь полной остановки поезда, прыгнул на перрон, стремительно идет к стан-

ционному помещению. Толпа расступается, образуя живой коридор. Прямо на его пути — сухопарый, жилистый дедок с острыми молодыми глазками... Слышны голоса из толпы:

— Вот она! Заперлась!

— Под наганом все забрала!

— Что тебе сало, что колбаса!

— И глечик сметаны!

Петровский решительно идет прямо на Шулику. Остановился. Молчаливый поединок взглядов. Шулика потоптался, посторонился... Петровский идет к вокзалу.

— От! Это значит объедение с кацапами? — говорит Шулика вслед Петровскому. — От куда нас ведут! Опять под Москву! Люди-и!..

Петровский подошел к аппаратной, не успел взяться за ручку, дверь распахнулась, и на пороге встала немолодая женщина в наброшенной на плечи шинели. Одной рукой прижала к себе маленького пацана, в другой — держит гранату.

— От и добре! От же ж вовремя, товарищ член ЦК РКП(б)...

— Вы что тут самоуправством занялись? Беззаконие развели... Вы кто? — спросил строго Петровский.

— Та я это... Я Ладушкина, краском. На пути следования из лазарета задержана несознательным элементом.

— А это что? — Петровский кивнул на гранату.

— Боевого оружия из рук не выпускаю, охраняю телеграф, поскольку важное допесение из Одессы...

Ладушкина замолчала, увидела, что Григорий Иванович ее не слушает. Он смотрит мимо нее в аппаратную... Резко повернулся к толпе:

— Кого обидели? Вас? Вас? И вас? — он вызывал пострадавших. — И ходоков прощу за мной!

— И в мене глечик сметаны! — торопилась за Петровским бабка.

В аппаратной за столом сидели дети. И на полу сидели, по углам. Ели. Хлеб ле-

жал, колбаса, вареная картошка. Ели жадно, ненасытно, словно боясь, что отнимут.

— Ваше? — звенящим голосом спросил Петровский, показывая на колбасу и хлеб. — Забирайте!

Кто-то из младших заревел.

— Берите, что ж вы! — повысил голос Петровский. — А ты не плачь, сынок, с тобой раненый красноармеец поделится последним куском. Берите у сирот солдатских, бездомных и бесприютных!

— Та господь с тобой, Григорий Иванович, — отступают женщины. — Як же то отнимать... у детей...

— Засовестились? — наступает Петровский. — Вот! — выворачивает карманы, доставая деньги. Махнул Иванову, кавалеристам: — Вот. И вот. За сало, хлеб и колбасу. Не-ет, вы возьмете!

— Да не позорь, Григорий Иванович! — плачущим голосом кричит кто-то.

— Ну погорячились судру, так не срами!..

— То все Шулика!

Петровский тем временем склонился над телеграфным аппаратом.

— Молчит... — Телеграфист разводит руками. — В Одессе миноносец мешает...

Быстро вошел Иванов, подошел к Петровскому, тихо доложил:

— Воду мутят националисты. Какой-то пришлый дед Шулика, никто не знает, откуда.

На перроне не унимался дед Шулика. И два человека рядом, хмурые, настороженные.

— От старые люди помнят! Разорили москали нашу Сечь! Разогнали казаков! А зараз що — наши лужки забирают?

В дверях аппаратной стремительно появился Петровский, стоит, слушает Шулику. Сделал несколько шагов в сторону связистов, работающих на столбе.

— Живее, товарищи, связь мне! А вы, ходоки, сюда! Все сюда! Смотрите! И расскажите всей Украине, до какого ж позора

дошли ковалевцы, с женщинами воюют, для детей кусок пожалели, а главное...

— То не так!

— Неправда ваша! — раздаются голоса из толпы.

По Петровский говорит, обращаясь только к ходокам:

— А главное, что они берут на веру сказки залетных дедов и плюют на свою родную землю, позволяют ее обижать и оскорблять! Этот Шулика вам сказки про Сечь говорит, — продолжает Петровский, не обращая внимания на возмущенный гул, — а вы и уши развесили! А в это время в Одессе терпит бедствие пароход, что снарядили к нам рабочие и фермеры Америки, а мешает связаться с ним, спасти его американский миноносец, зашел в наш порт для ремонта, глушит радио! А пароход сносит на минные поля!

— Та в наших землях и водах та чтоб позволять такое?

— Та что ж мы уже, последние!

— Та врезать по тому миноносцу залп из полевых батарей!

Григорий Иванович уловил чуть наметившийся перелом в настроении толпы.

— Они того и добиваются! Скандала! Да чтоб погромче! Нет, на эту провокацию надо ответить умно и осторожно.

— Так давай, Григорий Иванович!

— А что «давай»? — шагнул к толпе Петровский. — Связь порвали, а глоткой до Одессы не докричишься!

— Так будет связь!

Несколько человек побежали к столбам. Петровский проводил их взглядом, а затем обратился к Шулике:

— Извиняюсь перед вашей сединой, но что же вы не договариваете? — И обратился ко всем: — Не москали разорили Сечь! А богатая казачья верхушка предала народ! Вот почему казаки подались к туркам... Товарищи, когда стал царь турецкий заставлять казаков присягу на верность давать, они что же сделали?

— Ну дали, куда ж денешься, — буркнул Шулика.

— Плохо вы знаете историю народа! Каждый казак, уходя из дома, горсть земли захватил. В сапоги ее насыпал и говорит султану: «Клянусь служить той земле, на которой стою!»

— Ты дывы!

— Знае!

— Вот как предки наши любили свою землю. А вы? Не только защитить ее не хотите, но и мне мешаете!..

К Петровскому пробирается группа крестьян.

— Та идить вы, диду, не путайтесь! — Женщины оттолкнули Шулику. — Мы з Вербивки, Григорий Иванович! Дело такое... Ходоки мы! Вы б там побалакали... Земля, вроде, есть...

— А робыть нікому! — вставила та, что помоложе.

— Може б поотпускали хлопцев из армии? Войны нету!

Петровский записал, сказал негромко: — Передам Фрунзе и сделаем, что можем. Но всех отпустить нельзя! Враг не спит, товарищи...

— Та и я ж не сплю! — пожаловалась молодичка. — Вы вже хоть тех, что молодички дома пуждаются! — закончила под общий хохот.

Петровский дождался тишины, сказал серьезно:

— Теперь о главном... Вас пытались обмануть, сбить с толку... И главная уловка врагов — национализм! Они надеются на то, что мы не сможем объединиться с братьскими республиками в единый Союз, а раз так, значит, не сможем быстро подняться из руин, не сможем защищаться порознь от объединенных сил мирового капитала! Задайте любому Шулике всего один вопрос и вы сразу поймете, что он враг... Вы его спросите, чья будет земля?..

Народ на площадке оживился, волной покотился шумок...

— Ну-ка, Шулика, становись тут и говори... Где же вы, дед Шулика?

Но остроглазый дедок и его спутники,

пригнувшись за спинами людей, торопливо покидали перрон.

Из окна аппаратной выглянул телеграфист.

— Есть связь! Одесса!

— Товарищ Петровский! Григорий Иванович! — слышится голос из толпы. — А вы к Ленину, так, мол, и так.

— Правильно, пусть Владимир Ильич на весь свит скажет, как их моряк забыл совесть морскую оказать помощь терпящему бедствие! Та я плавала на дубках в Мариуполь... — кричит Ладушкина.

— Что? — Петровский шагнул к ней. — Что вы сказали? Именно, именно так!.. Пиши!

Он громко диктует:

— Господину капитану — чин и фамилию пусть уточнят одесские товарищи.

— Ваша радиостанция мешает...

— Ни в коем случае! Пиши так: радиостанция не может наладить связь с терпящим бедствие судном «Ариэль» с продовольствием для голодающих и медикаментами. Просим помощи в проводке судна сквозь минные заграждения. Заранее благодарим за спасение людей и груза. Сообщаем о вашем благородном мужественном акте всем телеграфным агентствам мира. Председатель Петровский благодарит лично.

— Думаете, подействует? — спрашивают из толпы.

— А куда ему деться? Ни один моряк мира не захочет опозориться отказом в помощи. А чтобы нагляднее — передайте, кроме депеши, еще и семафором. Чтобы видела вся команда эсминца!

Он протянул руку Ладушкиной.

— Молодец. Спасибо, товарищ! Поедете с агитпоездом.

— Да шо там, — сконфузилась она. — Только тут, товарищ глава... — Она сделала страшные глаза, огляделась и тихо добавила: — Нечисто...

— Ну!

— Ага... Тут не столько Шулика-дед, тут уездное начальство дело портит. Глухитко...

Шторм стихает, но ветер еще крепок, свиреп, он рвет полотнища знамен и транспарантов, он уносит звуки оркестра в Одесском порту. Встречают «Ариэль», помятый штормом и взрывом, с проломленным фальшбортом.

На борту двое держат лозунг: «В будущих боях мы будем рядом. Пролетарии Америки».

По трапу и дальше по живому коридору к трибуне идут переселенцы, добровольцы, слесари, механики, трактористы. Их обвиняют, хлопают по плечам, показывают «на большой»!

И Минзаревского со Степаном ташат к трибуне комсомолки, наперебой повторяя неумелые английские фразы приветствия.

А рядом несколько телег, какие-то люди в белых халатах мечутся от одного к другому.

— Товарищ! — бросаются к Минзаревскому. — Вы с «Ариэля»?

— Да!

— Слава богу!.. Хотя вы подскажите, когда разгрузку, где что? Мы из лазарета, нам сказали, лекарства привезли, бинты, верно?

Минзаревский не знал, что ответить. Да и не успел. Энергичная девушка отодвинула медиков и тоном, не терпящим возражения, сказала:

— Сначала нам, в детприемник! Четыреста беспризорников! И вот-вот сыпняк полыхнет, а у нас — ужас! Ни термометра, ни шприца, ни... Юрась, сюда!

— Товарищи, товарищи! — появился озлобленный комиссар. — Спокойствие. Тут... осложнение, понимаете ли... Взрыв на «Ариэле» был, пожар... выясняем, что уцелело!..

— Как же так... А у нас ни йода, ни ваты, — бормочет Юрась.

Смотрит Минзаревский в эти радостные, худые лица... Слышит медь оркестра, звуки «Интернационала», когда первый прибывший «фордзон» загромыхал по причалу, постреливая сизым дымком.

— Алексей Иванович, — бормочет Степан. — Что оно тут творится?

— Смотри, Степан... обманутые люди...

— Непонятность... от эти вот? — с сомнением спрашивает денщик. — Интернациональная солидарность... Думаю, брешут... Деньги, небось... — заключил он, как бы успокаивая себя.

Старая одесская улица. Уличный базар. Степан проходит вдоль рядов, по-крестьянски осматривает товар. Мыло, спички, куски хлеба, рыба... Продают золоченые подсвечники, глобус, статуэтку Венеры... Снуют оборванные мальчишки.

На краю базара — тумба с афишами. У тумбы стоит Минзаревский, оглядывается, видит подошедшего Степана.

— нас не встретили... Иди за мной.

Идут вдоль чугунной ограды. С интересом смотрят вокруг. Вывески звали в сад Эдема, где давались обеды с хлебом и чаем, всего по миллиону рублей. Театральная афиша приглашала на спектакль «Царь Эдип».

Свернули в подъезд, идут дворами. Мусор, запустение, забитые досками окна и двери. Минзаревский неожиданно прижал Степана к стенке, прижался сам. По улице проходил отряд чоновцев.

Увидели фасад некогда роскошного дома. Минзаревский всмотрелся, узнал, кивнул Степану — здесь!

Явка, куда они пришли, удивила. Это был огромный дом с множеством галерей, переходов, коридоров и огромный двор, куда входили все эти галереи. Не то старые торговые ряды, не то семинария...

Здесь все кипело, кричало, плакало, смеялось. Такого количества оборванных, грязных детей — чтоб все вместе — видеть им еще не доводилось. Милиционеры охраняли входы и выходы. Приводили детей.

— Тут организация должна быть крепкая, — сказал тихо Минзаревский. — Учителя, агрономы. Но... оружие наготове? Чуть что — стреляй из кармана...

Цемпогочисленные взрослые, оглохшие и охрипшие, шатались от усталости.

Беспорядки не унывали. Кто-то обучал товарищей бить чечетку, в углу шлепали засаленными картами, играли в ножички, а то сидели в кружке, слушали старшего или слонялись бесцельно, пели, свистели, задирались, спали.

Минзаревского и Степана, не спрашивая, пропустили.

Во дворе девушка, к которой они обратились, — в белой накидке сестры милосердия — испуганно прижала руку к сердцу. Повела их, оглядываясь. Та самая девушка, что на пристани встречала «Ариэль», ждала медикаменты.

Они стояли в комнате, куда шум и крики почти не доносились.

Молодой человек Юрась, рядом с которым встала испуганная сестра, не отрываясь, смотрел на них. Степан остался у двери, а Минзаревский шагнул вперед, широко протягивая руки.

— Наконец-то! — сказал он. — От закордонного центра приветствую организацию «Пивденна варта» и вас, панове, особисто!

Хозяева не двинулись, он стоит с протянутыми руками.

— Надо объясниться, — кашлянув, сказал Юрась.

— Да... — подтвердила сестра милосердия. — Нет больше никакой «Варты»!

— Арестованы?

— Нет.

— Так где же она?

В дверь, оттолкнув Степана, ворвался завхоз.

— Товарищи, да что ж это!.. Кожухарь наволочек не дал, топчаны разломанные, холодища, сырость — куда ж поселять?

Но тут же осекся, понял, что попал не вовремя.

— Идите, — сказал Минзаревский. — Начальник сейчас придет.

Завхоз вышел.

— Что же не приглашаете сесть? — Мин-

заревский придвинул табурет, сел. Остальные остались стоять.

— Итак, где «Варта»?

— Члены организации поняли, что пошли неверным, злым для народа путем. Поэтому организация постановила — самороспуск.

— И поддержка большевиков?

— Это дело совести каждого.

— Ну, а вы... лично? С большевиками?

— С Украиной. С народом.

— А мы, выходит, — против. Зрада! — От старой контузии у Минзаревского дергалась щека.

Последовало тяжелое молчание.

Дверь снова распахнулась, и вновь ворвался завхоз.

— Я извиняюсь, конечно, но Кожухарь контра из контр! Второй день детей накормить не могут!..

— Передай ему, — сказал Юрась, — организация приемника для беспорядочных — личное указание Петровского. Под его контролем! Хочет Кожухарь под ревтрибунал? — Есть передать! Я ему сейчас...

Завхоз исчезает.

— Слепцы! — с презрением бросил Минзаревский. — Да за одно то, что столько сирот и бездомных, за это одно Советы надо гнать!

— Из этих детей половина сирот ваших вояк, — крикнула сестра.

Минзаревский кивнул Степану. Оба пятились к двери — и исчезли.

Открылась дверь с табличкой «Голова», и обескураженный крестьянин вышел из комнаты в приемную, держа в руке шапку, бессмысленно глядя на измятую бумажку. К нему кинулись из толпы.

— Вот... Это же самое, — бормочет он.

Нашелся грамотный, читает:

— «Пошел ты к...», — он огляделся, увидев женщин в приемной, покачал головой. — «Пошел ты к ... кулацкая твоя морда...» Ты, что ли?

— Что я?

— Ну эта... морда, значит, кулацкая?

Рука протянулась, взяла бумагу. Это Петровский в толпе мужиков. Никто его не знает — такой, как все, чуть почище одет. Сапоги, полувосенные брюки и китель, шинель.

Он забирает бумажки и у других и направляется к двери.

— Не ходи! — предупреждают его. — Лютый сегодня, страх!

...За большим столом в немыслимом кресле-троне восседал товарищ Глухитько.

— Ну что? — не глядя, протянул руку, ожидая заявление. — Тоже в кулаки метишь? Тоже луговой землички захотелось?

— Какие же это кулаки? — сказал Петровский. — Самые середнячки и есть.

— А ты кто? — Глухитько грозно встал, прищурил глаза, и вдруг узнал Петровского.

— Я... я... вы? Товарищ глава, Григорий Иванович, наш дорогой! — Он вытянулся и гаркнул: — Глава Советской власти в уезде Глухитько! — Быстро надел папаху и козырнул. Но Петровский смотрел не на него. Он смотрел на портреты, исполненные, очевидно, местными богомазами. На одном был изображен, по всей видимости, Маркс, на другом — Ленин, на третьем Петровский с трудом узнал себя.

— А это кто? — спросил он про четвертый, самый большой и парадный.

— Та то я, — смутился Глухитько. — Да вы садитесь! Вот! Та не там, вот сюда! На мое место!

— На ваше не хочу.

— А чего ж, что так?

— Да крепко вы его дискредитировали!

— Чего?

Распахнулась дверь, и ворвались запыленные бойцы охраны, Иванов, с ними худощавый, немолодой, но по-юношески подтянутый человек в студенческой косоворотке.

— Вот он! — с облегчением сказал начальник охраны, вытирая лоб. — Нельзя ж так, Григорий Иванович. Я буду жаловаться в ЦК. Уйти от охраны, куда, что?!

— Ладно, ладно. — Петровскому нелов-

ко, он не хочет сосредоточивать внимание на себе. — Ничего со мной не случится!..

Пока все это происходит, Ладушкина в глубине комнаты изучает портреты, переводит взгляд с Петровского на его изображение и, в конце концов, одобряет работу художника.

Три бабы ворвались в комнату, расталкивая охрану.

— Григорий Иванович! — кричат они. — Приехал! Защити и помоги!

— Вот он я, слушаю вас.

— Разрешите доложить? — Глухитько вышел вперед и заслонил собой женщин. — Это из села Кленови Мосты. Суть дела. Делили землю, так?

— Так, — подтвердил Петровский.

— А эти ж! — возмущенно сказал Глухитько на женщин. — Мало того, что куркуляки, доложу я вам...

— Если не ошибаюсь, ваша фамилия Решетило. — Петровский повернулся к бабам.

Бабы выглянули из-за Глухитько и закивали головами...

— Мои помощники мне докладывали. Какие ж они куркуляки? Среднячками можно назвать, и то с натяжкой...

— Та диточек же повна хата! Двенадцать же ж штук! Та две бабы! Та сестры! Та мы вже и косить начали... — запричитала пожилая женщина.

— Знать не знаю! — Глухитько непреклонен. — И знать не хочу! Там за ними хутора — одна махновщина!

— Минутку! — остановил его Петровский. — Значит, вы, товарищ Глухитько, согласны сами, лично, прийти и отнять хлеб у этих двенадцати детей?..

— Согласен! — отрезал Глухитько.

— Ну, а как же закон? — спросил Петровский.

— А что закон?

— А то, что нельзя валить в кучу середняка и кулака. Средняк — это первый союзник бедняка в селе.

Глухитько посмотрел на баб, на Петровского.

— Так выходит, что ж, я глава и не могу своей властью...

— Какой же вы глава, представитель Советской власти, — строго говорит Петровский, — если не только не уважаете законы этой власти, но даже не знаете, не читаете их?

Быстро вошел худой, в потертой кожанке человек.

— Товарищ Петровский, я секретарь уездного комитета партии Мирошниченко. Мы вас на станции ждем, там и цветы, и митинг... весь партактив!..

— Вы б меня лучше в Ковалевке встречали! — уколол Петровский.

— Не доглядел. Я тут всего пятый день, виноват, промашка...

— Та мы эту контру железной революционной рукой! — захохотал Глухитко.

Петровский остановил его жестом, обращаясь к Мирошниченко:

— Товарищ Мирошниченко, цветы в сторону, партактив сюда. Повестка дня — исключение из партии бывшего predisполкома товарища Глухитко.

— Та вы шо? — шепчет Глухитко. — Та за то, что я вот этой саблей в кровавых боях...

— Нет! За то, что вы вот этим карандашом не только перечеркнули все, добытое в боях, но и объективно стали поперек дороги социалистическому строительству!

Пожилая женщина из Кленовых Мостов, заинтересованно слушавшая Петровского, одобрительно кивнула и нерешительно подошла к нему. Она хотела поклониться, но Петровский удержал ее.

— То ж грех, Григорий Иванович, поклон не принять, то же не одному вам. То праведный Радянской влады!

Она низко поклонилась и решительно пошла к выходу.

Ночь. Идет поезд, мерно качается вагон. Лунное сияние за окном, поблескивает на столе чернильница. Ритмично стучат колеса.

В купе не спят. Петровский в одной ниж-

ней рубашке лежит, заложив руки под голову. Тихо мурлычет песню. В полутьме остро поблескивают очки.

В дверь постучали. Вошел начальник особого отдела.

— Есть срочный разговор, Григорий Иванович.

— Слушаю вас. — Петровский сел на скамье.

— Григорий Иванович, как вы предполагаете, дед этот, Шулика, не простой? Таких дедов что-то много объявилось в последние недели. Распространяют сплетни, сеют слухи, грозятся к концу лета кару небесную нам на голову...

— В конце лета? Опять? — остро спросил Петровский. — Вы докладывали о разоружившейся «Варте», там тоже что-то говорилось о конце лета...

— Так точно. И вот еще, Григорий Иванович...

Он протянул Петровскому раскрытую папку.

— Минзаревский? — удивился Петровский. — Знаю. Умный и честный в юности был человек. Из студентов... Аи нет — полковник Петлюры...

— Мы от юности ушли не близко, Григорий Иванович. А что умный — опасный, значит. Засечен в Одессе, движется, предположительно, к Харькову. По всем данным, эмиссар оттуда.

— В молодости горяч был, романтичен. В пятом году помогал повстанцам, но на самостоятельности помешан был! Как он служил у Петлюры?

— Не преуспел по причине неговорчивости и сильно развитой критичности к Симуону...

— Минзаревский... Хотелось бы встретиться лично.

— Думаю, предоставим эту возможность, Григорий Иванович.

— Считаете, его появление связано с общим оживлением контрреволюционных сил?

— Выясняем. Думаю, что да.

Петровский подошел к окну, опустил ра-

му. Ворвался грохот колес, теплый ночной ветер.

— А лето красивое стоит, урожай будет! Голод стреножим — полгоры с плеч! Ох, и урожай будет! В конце лета...

Харьков. Пустынные вечерние улицы, накрапывает дождь. Свист ветра. Иногда из разрывов туч проглядывает бледная луна.

Ярко освещенные окна шикарного ресторана «Пальмира». На другой стороне улицы — Минзаревский, чуть в стороне под дождем нетерпеливо топчется Степан.

Из глубины ночной улицы слышен цокот копыт. Степан и Минзаревский скрываются в глубокой тени подворотни.

Едет по улице кавалерийский патруль. Поблескивают кожанки под дождем...

Из ресторана вывалилась веселая, шумная компания. Визг, смех. Подкатили два извозчика, компания рассаживается. Поехали. Красивая женщина взвизгнула, привстала, швырнула бутылку с шампанским — подарок. Разбилась бутылка у ног коня, гулко хлопнула.

Стихает в переулке смех.

И вновь ровный цокот подков по мостовой...

Степан и Минзаревский осторожно вышли на свет.

— Пора, — сказал Минзаревский.

Он пересек улицу, вошел в ресторан. Степан остался на другой стороне сторожить.

По лестнице, ведущей в подвал ресторана, со свечой спускается официант. Он светит людям, которые тащут два больших кожаных мешка фельдсвязи. В подвале — склад продуктов ресторана: мешки с мукой, ящики, гогочут гуси со связанными лапами, на полках — бутылки, банки, корзины. Официант подошел к одной из них; за ней обнаружилась потайная дверь, из-за нее ударил яркий свет...

На кушетке отдыхает Минзаревский. У двери в кресле заснул Степан. Боевики

вскрывают мешки, прямо на пол высыпают их содержимое, начинают рыться в письмах, пакетах, бандеролях.

Официант-связной обратился к Минзаревскому:

— О вас доложено. Завтра встреча состоится, а сейчас отдыхайте. Желаете закусить? Покрепче?

— Спасибо, сыты.

Официант вышел.

Боевик Денис наугад выживает из груды на полу письмо, вскрывает и, пробежав глазами, с проклятьем отбрасывает в сторону. Весь пол в конвертах, листах: по ним нервно ходит другой боевик, седой, тощий, очень подвижный. Это Поповский.

— В Миргороде пущена первая электрическая молотилка. Мировое событие! Приглашается любезный вождь Григорий Иванович Петровский! — Денис, просмотрев, бросает лист на пол.

— К черту, — раздраженно сказал Поповский. — Ты вот такие ищи, вот эти! — Он потрясает тремя письмами, зажатыми в руке. — Вот! В Херсоне на три тысячи рождений отмечено тысяча сто шестьдесят три смерти.. Или вот еще... «Кулак, Григорий Иванович, окреп и обнаглел»... а вот о холере на юге, о голоде...

Минзаревский нагнулся, поднял с пола письмо, читает.

— Охота вам голову забивать бредом этого быдла, — сказал Денис.

— Да, — как бы отвечая своим мыслям, сказал Минзаревский, — Симону Петлюре таких писем не писали...

Поповский внимательно посмотрел на эмиссара.

Полковник продолжал читать.

Утром состоялась встреча на этой же явке. Железнодорожник, военный, служащие.

Закуска, бутылки, нож, вскрытые банки консервов. Уже выпито по первой за встречу, разговор пошел о деле.

Филоненко протянул стакан.

— Прими, брат полковник. Да скорбь переплавь в ненависть. Деньги привез? Вы там, за кордоном, считаете, на сухой корочке тут? Ну нет! Я волонтер идеи, но ты мне будь добр!..

Осадчий остановил его.

— Он прав, — сказал Минзаревскому. — Нам не инспекция нужна. Нам деньги нужны, реальная помощь оттуда!..

— Значит, все ваши помыслы — заграница? — спросил Минзаревский.

— А что же еще?

— То есть вторжение? Я хочу полной ясности. Что вы, представители, так сказать, внутреннего сопротивления, можете противопоставить Петровскому в борьбе за самостоятельную Украину?

— Дело! — вскочил Филоненко. — Это вы, удирая, хапанули немало, оставив нас тут голыми и безоружными. А у нас дело! — Филоненко выпил водку.

— Какое? — Минзаревский поставил стакан на стол.

— Да хотя бы вот это!..

Он сделал шаг и ткнул ногой мешки фельдсвязи!..

— Это уже не первый поезд под откосом.

— Скоро вы убедитесь! Вот как полыхнет на Подолии, как загудит Украина!..

— Филоненко! — прикрикнул военный. — Язык за зубы!

Минзаревский усмехнулся.

— Что ж, три дивизии на Подолии — это не шутка, — сказал он, дав понять, что ему известно все. — Если, конечно, это не такой же блеф, как и ваша грандиозная организация!..

— А иди ты, полковник!.. — вскипел Филоненко. — Не знаю, за каким чертом вы тут появились, господин либерал. Украинку спасать в белых перчатках?

В комнате все время находился Поповский. Сначала он сидел, затем встал и нервно ходил, пока спорили за столом. Когда дело начало поворачиваться к спору, он резко отрубил рукой и крикнул:

— Хватит! Не время ляссы точить. У пол-

ковника есть свое задание и он его выполняет! — Голос его стал приглушенным: — Время ускоряет бег! И, слава богу, колесница истории пришла в движение. — Он осмотрел всех, сказал почти шепотом: — Крупнейший завод юга, Брянку, закрывают! А это к толпам безработных еще тысячи! Тайные пружины! Приказ из Москвы, нет средств. Теперь — раздуть пожар! А через считанные дни еще удар — наши пойдут через кордон, но теперь — Брянка. Раздуть пожар! Вам путь, полковник, — на Подолию, мы же все — на Брянку! Все туда! Все!

На мелководье через небольшую речку, вздымая завесу брызг, несутся два всадника!.. Выскочили на брус, мчатся к косогору. Придержали лошадей, увидели вдали поезд, рванулись к нему.

Пристраиваются параллельным курсом, сближаются с поездом.

...Петровский ходит по вагону, диктует Иванову:

— Четвертый вопрос — безработица. Докладчик Затонский. Пятое!..

Петровский подошел к окну, заметил скачущих всадников, следит за ними.

— Пятое — о помощи комнезамам. Этот доклад сделаю я.

Всадники, вылетев из-за роши, пустили коней за вагонами. Первый быстро сближается с вагоном. Так и есть! Повис на руках, подтянулся, оказался на подножке вагона. Конь его бежит, отстает от поезда, другой всадник забирает его.

— Кто этот сумасброд? — сердито спросил Петровский.

— Порученец члена Политбюро КП(б)У товарища Чубаря! — лихо рапортует в вагоне молодой парень в буденовке и в невообразимой ширины галифе. — Послан к вам лично, товарищ глава ВУЦИК, на встречу!

— Вот-вот, все вы у него такие! Узнаю Чубаря, — ворчит Петровский.

— Так спешное ж и секретное дело! Деремся из последних сил!

— Что значит деремся?

— Да то, что, воспользовавшись этой штукой с закрытием завода, скрытая оппозиция и националисты обнаглели вконец! Сколотили конференцию без большевиков, собираются принять решение протеста против объединения республик в Союз.

— Лучшего подарка врагам не придумаешь... В Синельниково свернуть на Екатеринослав.

Поздно вечером агитпоезд, непрерывно давая гудки, медленно вкатился на территорию огромного завода Брянки. В темноте мрачно высились мощные цеха, трубы, мосты, эстакады, озаренные редкими огнями. Кругом неспокойно. Люди стоят группами, в отблесках фонарей видны возбужденные лица. Среди них — Поповский. Он кого-то ищет. Люди стекаются к поезду, идут за ним, направляясь к большому зданию управления, ярко освещенные окна которого и мелькающие в них тени выдают напряжение и тревогу.

— Григорий Иванович! — узнавали Петровского.

— С приездом!

— С прибытием! Разберись, помоги!

В толпе мелькнули знакомые лица. Это Поповский, с ним петлюровцы, сопровождавшие Шулику.

— Не сейчас, — тихо сказал высокий. — Не дадут...

— Стреляйте оба, но чтоб наверняка!... — тихо сказал Поповский.

В большом зале идет конференция. Публика собралась пестрая. Гимназические преподаватели, инженеры, истеричные женщины, какие-то молодцы в украинских, слишком уж театральных одеяниях.

— Почему обманывают народ? — вопрошает оратор. — Почему отвергается предложение Раковского о создании конфедерации республик?

Пусть Петровский не прячется за Ленина! Разве не он председательствовал на девятом съезде, когда Ленин демонстративно покинул зал заседания? А? Разве такого не было? Значит, и тогда Ленин не верил ему!

— Отчего ж? Было. — Петровский стоит у бокового входа, за ним Ладушкина и Иванов...

Голос Петровского прозвучал неожиданно. Все повернулись к нему. Он исторопливо прошел на сцену, движением руки остановил охрану, Иванова и Ладушкину, готовых тут же броситься за ним... Поднялся на сцену, отстранил кого-то из президиума, забрав у него табурет, вынес его к самой рампе впереди стола. Сел и начал свой рассказ, скручивая папироску...

— Было. Слушайте! Ильичу исполнилось пятьдесят лет, и делегаты девятого съезда захотели это отметить в своих речах. Ильич строго сказал — хватит! Давайте о деле! Делегаты не согласились. Он в знак протеста встал и ушел. А меня, как председателя, строжайше отчитал. Эти наши разногласия вы имеете в виду?

Озадаченная публика настороженно молчит. Смотрят друг на друга. Мельниченко, ведущий конференцию, опомнился первый:

— Здесь не исторические анекдоты рассказывают! Здесь решают судьбу Украины!

— А я считал, что украинский народ решил ее в семнадцатом году! — с искренним изумлением говорит Петровский.

В это время Мельниченко подали телеграмму, он только взглянул на нее — встал, поднял телеграмму над головой.

— Из Москвы! — крикнул он. — Отказано опять! Закрывают завод!..

— Вот вам и равноправие!

— Вот тебе и союз!

— Товарищи! — кричат в зале. — Граждане! Это ж наглядный пример! Ни-ка-ких союзов!

— Чего репетеуете? — негромко, но так, что все стихли, спросил Петровский. — Да, не дали денег. И это есть грубейшая чья-то ошибка. Или преступление! — Он

повысил голос, посмотрел на Мельниченко. — И я уведомил об этом товарища Ленину и товарища Дзержинского.

— Народ требует... — послышался голос из зала.

Петровский резко повернулся на голос.

— Ты почему кричишь именем народа? Он тебя уполномочил? Большевики есть среди вас?

— Это демагогия! — кричит Мельниченко. — Мы все большевики, и...

— Нет! Вы как были врагами партии, так ими и остаетесь, и мы сорвем с вас маски! И чтоб сомнений не было в том, с кем народ, предлагаю вынести заседание вон туда! На заводской двор!

— Вот-вот! — слышны реплики. — Это ваше любимое — площади, улицы...

— И мы гордимся этим! Наша политика площадей не боится!

— Мы принимаем вызов! — вновь вскричал Мельниченко. — Пусть знает народ этот ответ из Москвы! — Он потрясает телеграммой.

Заскрипели, задвигались стулья.

У подъезда тем временем уже волнуется толпа рабочих.

— Что будет с заводом? — провоцирует рабочих один из участников конференции.

— Безработица, голод будет! Потому что Москва командует! Правильно, товарищ! — поддерживает его второй провокатор.

Рядом стоят в толпе рабочих Поповский, Денис, Буров. Поповский внимательно следит за происходящим.

Уже начинают хватать друг друга за грудки. Шум, крики...

Петровский быстро взобрался на станну огромного ковша и неожиданно громко заговорил:

— Возможна Брянка без никеля? Ну-ка, товарищи?

— Нет!

— Без цинка и олова?

— Нет! Ты ж сам металлист!

— Без никеля, молибдена, свинца, серебра. А откуда все это идет? Отвечайте, Мельниченко! Что, кашель папал? Из России идет! А медь из Армении! А как мы будем восстанавливать хозяйство без нефти? Откуда она?

— Баку и Грозный! — кричат в толпе.

Денис нетерпеливо дергает Поповского за рукав. Поповский еле заметным движением головы отвечает отрицательно. Буров внимательно следит за молчаливым диалогом. Облегченно вздыхает.

— Так что мы ответим, товарищи, этой жалкой кучке злобных врагов, которые хотят поссорить нас с братьями? Владимир Ильич вот что сказал: «При едином действии пролетариев великорусских и малороссийских свободная Украина возможна, без такого единства о ней не может быть и речи!»

Слышен грохот железных колес. Толпа расступается, и бойцы чоновского батальона въезжают на тачках. С ними — Влас Чубарь.

— Григорий Иванович! — Чубарь вскричал на ступени. — Рабочие Брянки стыдятся того, что произошло! Что потеряли бдительность и позволили оппозиции замяться черным делом. И, раскусив ее, по примеру пролетариев Петрограда, хотя вывезти на тачках и свалить на свалку всех, кто путается под ногами истории!..

— Начинать, — кричат чоновцы.

— Мы готовы!

Поповский оказался напротив Ладушкиной. Она с силой ударила его по плечу, широко улыбаясь.

— От хлопцы! От же молодцы! Та начинайте скорей!

Мельниченко, быстро пошептавшись со своими, кинулся к Петровскому.

— Это ваши методы дискуссии? Да вы!.. Вы! — Он замахнулся. Чубарь перехватил его руку.

Толпа ахнула, а потом грозно колыхнулась.

— Ах, ты ж, здыхляк! — Ладушкина потрясена.

Но шагнул Петровский, подняв обе руки, и улыбнулся.

— Товарищи, это хладнокровно задуманная провокация! Вот вы бы его сейчас помяли, и завтра оппозиция всех мастей, наши враги за кордоном такой бы подняли вой! Вот, мол, как большевики с несогласными!.. Поэтому отпустите их спокойно. И такчек не надо...

Быстро, почти бегом подходит Иванов, улыбаясь, протягивает телеграмму.

— Читайте, — не поворачиваясь, говорит Петровский Чубарю.

— «Виновные в финансовой анархии с Брянским заводом отстранены от руководства, будут сурово наказаны. Деньги выделены. Передайте горячий братский привет товарища Ленина рабочим завода. Он рад их поддержке в вопросе объединения республик».

И хотя Чубарь произнес эти слова негромко, их слышат все.

Петровский и Чубарь в окружении рабочих идут по территории доменного цеха. Проходят мимо Поповского, он слышит их разговор.

— Ну, Влас, давай на спор... Обставлю! Я же старый токарь!

— Не могу, Григорий Иванович, не могу! За авторитет боюсь... За ваш!

— Как то есть за мой? Сейчас же идем в токарный... Будьте свидетелями! Нет, тут я должен проучить тебя.

Поповский сделал едва заметный знак Денису и Бурову: здесь. Послышались характерные гулкие удары — пробивают легку.

Боевики пробираются среди рабочих. Бурова остановил молодой литейщик, попросил прикурить. Буров вынужден был задержаться. Он нервничает, нетерпеливо поглядывает вслед Денису. Тот тем временем избрал удобное место за большим ковшом, тускло блеснуло оружие, поднял ствол пистолета...

Петровский стоял в группе людей, наблюдая за слаженной работой горновых. На крупном плане Петровского вдруг еле слышный щелчок. Еще щелчок... И еще... Денис растерянно смотрит на пистолет, он бросает его на пол, задвигает ногой под ковш...

Характерный шум идущего из печи металла наполнил цех. Течет огненная река. Заволновалась толпа рабочих. Улыбки, отблески огня на лицах. Поповский пятится, исчезает в темноте.

За окном проносится поезд. Денис смотрит в окно, задергивает занавеску и опускается на стул. Буров разжигает примус. Петлюровцы на явке.

— Что, Буров, провалили мы дело? Но ты скажи, что с браунингом? — спрашивает Денис.

— Браунинг был исправен... мы вдвоем проверяли, — насторожился Буров. — Странно, странно.

— Но ты ж сам видел там... в цеху... Ты подтверди... А то скажут — струсил...

Быстро вошел Поповский.

— Не оправдываться! — резко сказал он. — Все видел сам. За неисправность оружия ответишь, ты виновник неудачи, — обращается он к Денису. — Испытать можете одним. — Он достает из кармана карту, лихорадочно разворачивает ее. — Немедленно! Птицей! Опередить поезд Петровского, встретить в Белоруссии отряды из-за кордона. Вот здесь — маршрут агитпоезда. Пока Булак-Булахович отвлечет на себя гарнизоны, Усько сможет вот здесь лесом выйти и перехватить Петровского с поездом. И... Ну, люди! Спешите!

Сделал шаг к Денису:

— А ты, Денис, задержись... покажи браунинг.

Село на Подолии. Слышен надрывный женский крик. Это родные встречают Степана. Неодетые, простоволосые — мать,

сестры, дети. Среди ночи в открытую дверь — свет чадного каганца, уродливые тени, лай собаки, всхлипывания, причитания.

— Ну ладно, тут, тут я, — сдерживая слезы, говорит Степан. — Ну, в плену был...

Минзаревский стоит недалеко, курит, котомка на плече.

— Алексей Иваныч! — зовет Степан. И к Минзаревскому бросается мать Степана, обнимает, целует и крестит.

Сидят за небогатым столом. Фитиль в блюдце. Картошка, лук. Мутная жидкость в бутылке.

— С Алексеем Иванычем мы, можно сказать, кровные теперь родственники. — Чуть захмелевший Степан обнимает сестер. — Как он меня еще в германскую, раненого, в беспамяත්стве, из блиндажа откопал, на свет вернул!..

Старуха низко кланяется Минзаревскому.

— Ну что там, — смущенно говорит он. — Степан и сам меня в таких переплетках выручал!

— Хватит бы переплетов, — сказала улыбчивая старшая сестра.

— Что ты, Дуня, слава богу, теперь дома!.. — говорит мать. — Теперь, слава тебе господи, и земля есть, и пахать-сеять есть кому!..

— Как земля? — спросил Степан.

— Ой, Степа, то как было!.. Помешика Тризуба землю как поделили, так Ванька Филин шш в какую! Кравчукам, говорит, не давать, их Степан у Петлюры, говорит, шляется!.. — Старуха вытирает слезы.

— Ну?

— И было не дали! А то недавно указ, говорят, от самого Петровского вышел... всем, говорит, землю!.. Деточки ж, мол, не виноваты, что, мол... — Она смутилась.

— Что их дурень с бандитами спутался, — насмешливо закончила Дуня. — Это так в уезде растолковали Филину.

— Ну, и землицу-то дали, а кто ж на

ней? Вот они... — Старуха повела рукой — за столом женщины, дети мал-мала меньше. — Прямо хоть плачь!.. Ну, теперь-то...

— Да ты теперь-то хоть домой? Или на Ближние дворы? — не унимается сестра. — Какие Ближние, — смутился Степан.

— Да там, говорят, собираются... самостийники, мол... опять пойдут Тризубу землю отбивать... Уж ты не туда ли?

— Н-нет, — сказал Степан, взглянув на Минзаревского.

Ночью на сеновале Степан все ворочался.

— Алексей Иваныч, — тихо сказал он. — Не спите?

— Чего тебе?

— Землю-то, а?

Помолчали. Каждый о своем.

— Рад?

Степан хмыкнул.

— Даже вероятно... Алексей Иванович, а вы ж этого Тризуба помните? Ну, артиллерийский генерал...

— Помню...

В темноте Минзаревский ссл, стал натягивать сапоги.

— Куда вы, Алексей Иванович?..

В степи было тихо, рассвет еще не наступил. На перекрестке они остановились.

— Не пойду с вами, — сказал Степан. — Не сердитесь. Много мы прошли вместе, вы во мне не сомневайтесь... Но сами ж видите... Помрут же дома!.. Кто ж им...

— Вижу...

Минзаревский вскинул котомку и зашагал.

— Алексей Иваныч! — окликнул его Степан, догоняя. Остановились.

— Вы б это... плюнули на это дело... не ходите вы на те Ближние дворы!.. Ну на черта вам за Тризуба стараться, головой рисковать?

— Будь здоров, — улыбнулся Минзаревский.

Скачет по лесной дороге гонец. Кричит. ликует. Ветки по лицу хлещут, но он не обращает внимания.

— Началось! Загудело!

Пронесется по лагерю повстанцев. Вскривают люди, бегут за гонцом. Буров чистил коня. Оглянулся на шум, смотрит... Быстро берет коня под уздцы, второй рукой — седло, спешит вслед за всадником... Тот осадил коня под высоким дубом, прыгнул на землю — чуть не упал, бежит к командирской палатке. Атаман и командиры вскочили, бросились к гонцу...

— Панове, началось! Сегодня ночью отряды Булак-Булаховича вступили в белорусские леса. Перешли кордон группы Савинкова — идут на Вольшь. Приказано наступать. Загудит Украина!

Всеобщее ликование. Командиры обнимаются, целуются. Пожилой «батько» снял шапку — торжественно осеняет себя крестным знамением.

Сразу стало шумно. Ожил лес. Забегали у коновязей люди, набрасывают седла на спины коней, ведут их.

Из-за росистых кустов двое часовых вели Минзаревского. Идут по взбудораженному, словно муравейник, лагерю. У командирской палатки деловая суета. Буров стоит у коновязи, седлает коня, прислушивается к словам атамана. Из-за куста Денис наблюдает за Буровым...

— Так и передай... Хватит сидеть! Пусть срочно поднимают людей. Все! — говорит ему атаман.

Посыльный побежал к коновязи.

— Вам особая задача, — обращается атаман к человеку в кожаном. — Передайте Усько: по надежным сведениям, агитпоезд Петровского прибудет в ближайшее время на станцию Лесовщина. Гарнизона там нет. Так что с богом! Самый момент убрать руководство. — И, обращаясь ко всем, скомандовал: — Быстро все в штаб!

На поляне появился в сопровождении часовых Минзаревский. Все повернулись к нему.

— Полковник? — спросил атаман, вглядываясь, и шагнул навстречу, широко раскрывая объятия. — Наконец-то!..

— Ждали? — удивился Минзаревский.

— Ждали! Сам бог вас послал нам в такой день! Вы добрый вестник!

Все это видел и слышал уже знакомый нам Буров. Из-за куста смотрит Денис. Бесшумно подошел к Бурову, положил руку ему на плечо.

— Интересуешься?

— Я?..

— А ну, пойдем к сотнику. Что-то ты все трешься и трешься возле командирской палатки, а?..

— Да ты что, Денис?

— Идем, идем... Интересуется сотник, как это браунинг мой отказал!.. Ведь вдвоем чистили, а?..

— Вот и идем, тетеря! — вспылл Буров. И мгновенно ребром ладони по горлу опрокинул петлюровца. Оглянулся. Прыгнул в кусты, подбежал к лошади. С лёта вскочил в седло и с места в галоп, загудела земля. А уже бежали, уже скидывали карабины.

— Сто-о-ой!

Вывернулся навстречу разъезд.

— Вот он! Держи! — Буров наганом показал вправо, скачет вместе с разъездом. Наперерез выскочила застава. Прямо в лицо есаула выстрелил Буров и разрядил наган во всадников, скачущих рядом.

Нарастает топот погони.

Впереди старый ров, заросший бурьяном. Взвился конь, перелетел через преграду. И уже когда, казалось, ушел, пуля подкосила коня, покатился по земле Буров.

Подлетели преследователи, спешились.

— Где он?

— Вон кровь, раненый! Ушел в кусты!... — Побежали по следам.

А Буров, зажимая руку, встал в другой стороне за канавой, крадучись побежал через дорогу. Ударом нагана оглушил ездового на тачанке, прыгнул в нее и хлестнул по лошадям...

Грохот колес на лесной стлани покати-
лся эхом на первые кадры эпизода, затиха-
ет. Во весь широкий экран мчатся всад-
ники, размахивают шашками, рубят на ска-
ку тыквы на пиках.

Струнная группа народного оркестра иг-
рает вступление к украинской народной пес-
не «Ой, чий то кінь стоить...»

Маршируют курсанты-выпускники харь-
ковской школы командиров. Уборевич и
Затонский принимают парад курсантов.

Стройный немногочисленный хор подхва-
тывает задушевную песню...

Станционные пути. Стоит состав агитпо-
езда. Бронепоезд. Стенка одного из ваго-
нов расцвечена театральными афишами.
Тут и «Разбойники» Шллера, и «Шель-
менко-денщик», и «Лимеровна», а над всем
этим — яркая надпись: «Революционный
украинский театр».

Двери вагона открыты. Видны поющие
артисты.

В окне своего походного кабинета —
Григорий Иванович... Слушает. Повернул-
ся, поманил кого-то пальцем. Огромный
бородатый старик показался в проеме окна.

Петровский повернулся от окна вагона
к ходокам...

— А песни родные там... в Сибири не за-
были?

— Да как же можно? — говорит боро-
датый.

Он достал кисет, закуривает. Петров-
ский тоже оторвал газетку, разровнял та-
бак, умело свернул самокрутку. Прислу-
шался к песне.

— Так значит, это вы к Ильичу обраща-
лись? Украинское село, что двести лет на-
зад панов спалило и выслано было в Си-
бирь?

— Мы! Э-э... — смущается молодой кре-
стьянин.

Что-то хочет сказать, но не решается.
Его выручает бородатый:

— Мы и есть! Весной одни мужики при-
ехали, а обозы с детишками да бабами все

еще в пути. Ну, землю нам, спасибо, да-
ли — маеток панский. Коммуна у нас.

Он делает знак молодому, чтобы тот го-
ворил.

— Ну, говорите! Вижу с просьбой при-
шли, не так? — подбадривает его Петров-
ский.

— То так... Дело вот какое, Григорий
Иванович, слух прошел... Трактора из Аме-
рики привезли, а?

— Привезли! Подарок американских про-
летариев, — улыбнулся Петровский.

— Нам бы тракторишку... — просит бо-
родатый.

— А толк дадите ему?

Крестьяне оживились, закивали голова-
ми, встали с мест.

— Ну, если так, для коммуны дадим.
Как называли коммуны?

— Та от хотим... имени, значит, вождя
Петровского... — говорит молодой крестья-
нин.

— А вот это уже и незачем! Совершен-
но лишнее. Возражаю... — посуровел Пет-
ровский.

Крестьяне засуетились, направляются к
выходу. Петровский провожает их. Григо-
рий Иванович прощается с крестьянами у
вагона.

— Та ты-то, Григорий Иванович, возра-
жай, не возражай, а люди так и зовут
нас — петровцы, мол...

— Вот что, мужики, у меня мысль
есть! — В глазах Петровского мелькнула
хитринка: — Давайте назовем вашу ком-
муну... ну, скажем, имени Братства наро-
дов... Звучит! — протянул руку молодому
сибиряку: — А то, сами посудите, мне как-
то неудобно давать вам в первую очередь
трактор... Люди подумают, что, мол, сво-
им, по знакомству...

Молодой сибиряк выразительно посмот-
рел на бородатого, развел руками.

— Пусти! Пусти, кому говорю, — кри-
чит кто-то.

— Осадн!

— Ах ты ж, бюрократическая твоя душа!
— Ах ты, пугало! Да за такие слова — карабином!

— И карабин твой бюрократический!

— Да пусти, — обращается к часовому Ладушкина.

— В чем дело? — спросил Петровский, глядя уже из окна на юношу в невообразимом одеянии, которого едва сдерживали разгневанные часовые.

— Вы кто?

— Я артист, — гордо сказал юноша и картинно поклонился. — Юрий Смолевский я. Наш революционный народный театр остался без паровоза! — Он показал на одинокий товарный вагон. — А зритель ждет! А народ, истомившийся в вечночной гъме бескультурья, — он ждет! А мы — стоим!..

— И скандалим с часовыми, несущими службу, — добавил начальник охраны.

— Бюрократизм! — презрительно сказал Смолевский. — Прикажете прицепить вагон к вашему поезду!

— Но куда вам ехать?

Смолевский повел широким жестом.

— В любую сторону. Везде целина! Везде нужно слово поэзии и правды.

— Прицепите вагон, — сказал Петровский начальнику охраны.

Петровский устраивается поудобнее на ступеньках вагона.

— Ну, как вы живете? Условия труда, питание? Вижу — казенный реквизит носите...

— Не-е. Сомбреро выменял за два фунта соли, туфли в Таганроге — за семь миллионов, а брюки сам пошил из подкладки пальто! — гордо сказал Смолевский.

— Я тоже как-то шшил, хуже вышло, хоть и сын портного...

И обратился к Иванову:

— Пишите. Наркомпросу. Сколько в республике театров? Сколько украинских театров и каков репертуар? Условия работы н...

Он посмотрел на брюки Смолевского.

— ...и оплаты актеров. Весь комплекс

вопросов! Вызвать Юру, Курбаса... Что нужно? Вопросы национальной культуры решаются не в год и не в два... Это — душа народа, а у нас тут!

— Григорий Иванович! — Ладушкина, воодушевленная, шагнула к нему. То она стояла смиренно и внимательно слушала. А тут не терпела. — Товарищ Петровский! А может, меня на эту культуру бросить? — Она энергично взмахнула кулаком. — Я вижу, трудно там!

Петровский удивленно посмотрел на нее.

— А, может, вас к академикам? В руководители...

Она приняла это всерьез.

— Не, — энергично сказала она. — Алгебры не знаю.

— А культуру знаете?

— Сравнили!..

— А ведь культура — много сложнее, дорогой мой командир, — мягко сказал Петровский.

— Ну, мы, конечно, люди простые, неученые мы, — с обидой начала Ладушкина, но он нахмурился, перебил, обратился ко всем и к ней:

— «Мы академиев не кончали» — эту фразу сдать в архив, товарищи! Это наша беда, а не заслуга! Не учились — теперь надо учиться. Надрываясь, не спя, скрипя зубами — но без этого нам не обойтись, пет! А пока... немедленно отправляйтесь на станцию Узловая, там неспокойно. Нужен крепкий комиссар. Обстановку вам разъяснит начальник особого отдела. Иди...

Ладушкина поняла по тону Петровского, что дело нешуточное и коротко ответила: — Есть!

Петровского и Ладушкину осветило направленным светом... Это поворачивал из за станции к перрону автомобиль. За ним — взвод конной охраны. В свете фар остановившегося автомобиля пружинистой походкой шел молодой стройный военный, за ним человек в кожанке с рукой на перевязи.

— Примаков! — удивленно воскликнул Петровский.

В вагоне, дожидая, пока Иванов, представлявший стаканы с чаем, вышел, Примаков сказал:

— Буров. Иван Денисович, только что оттуда, из подполья. Выполнял там задание... Из чрезвычайность заставила его раскрячься...

— В чем она, чрезвычайность? — сурово спросил Петровский.

Буров шагнул к карте на стене вагона.

— Вот здесь, на Подолии выступили повстанческие дивизии. Ну, это так сказано — дивизии, но тысяч пять-семь наберется. Остатки банд, махновцы, петлюровцы, кулачье — но очень много и обманутого крестьян!

— Так... Все же выступили... Под каким же лозунгом их ведут?

— Ничего нового. «Советы без коммунистов» и «Никаких союзов с кацапами!»

— Я поднял корпус, — решительно вступил Примаков. — Блокирую район. Прошу разрешения немедленно ударить по бандитам.

Петровский задумался.

— Не спеши, Виталий... — поморщился Петровский.

Примаков нетерпеливо:

— Как же не спешить? Бандиты выступили с оружием. Тут леса, болота. С них могут уйти в Белоруссию. Да мои хлопцы их уничтожат в два счета!

Петровский посмотрел на Примакова, на карту, подумал...

— Ты думаешь, они не понимают, что твои полки их разнесут в считанные часы? Понимают! Они люди военные, опытные. Здесь главное — политическая сторона! Вот он — конец лета! Хотя кровью залить идею создания Союза республик — вот куда нацелен удар! — Григорий Иванович оценил ситуацию... — Да, нужно ехать на Подолию!

Примаков сделал протестующий жест, но в это время вошел Иванов с пачкой телеграмм.

— Срочно!

Петровский взял телеграммы. Читает:

— Петровскому... Срочно... Проследите продвижение маршрутов литерных поездов «Б» двенадцать... семь... ага! Это хорошо. Это в Харьков, Чубарю! Петровскому... Примите меры принятию и размещению рациональному использованию первого отряда специалистов-железнодорожников из России... Три тысячи человек... Прекрасно! Тоже в Харьков и тоже Чубарю!

Григорий Иванович просматривает телеграммы. Одни он кладет на стол, другие передает Иванову. Иванов просматривает возвращенные ему телеграммы.

— Тут, Григорий Иванович, еще не все, вот: «По нашим сведениям ваш дальнейший маршрут опасен, рекомендуем возвратиться...»

— Ну, нет!..

Петровский повернулся к Примакову, предваряя неизбежный разговор, сказал:

— Значит, так: немедленно в корпус. Самое главное — удержаться от боя, не дать втянуть себя в огонь. Сделать все, все!

— А вы? — спросил Примаков.

— Я выезжаю в Переброды!

И, увидев протестующий жест Примакова, сказал:

— Ты скажешь — риск... А вся жизнь большевика — риск, иначе как? Сам посуди, Виталий. Пристало ли главе республики, поджав хвост, бежать в кусты? Неловко. Люди ж кругом... То ж не я деру дам. Это ж Советской власти насмешка!.. Нет! Труби дорогу!

Громяхают на стыках рельсов колеса, волнуется степь зрелыми хлебамн.

Станция Переброды. Поезд останавливается. На перроне движение, торпливость. Пробегают красноармейцы, несут мешки с песком, укладывают их в окна, часовой отгоняет от вагонов посторонних. Ополченцы тшечно стараются поднять станковый пулемет на пассажирскую площадку. Вдали светится река на вечернем солнце. Незадачливые пулеметчики все же затащили пулемет, устанавливают его в окне за мешками.

Несколько командиров партизанского вида обступили уездного военкома, требуют, кричат, двигаясь к вагонам.

— Фортеля, — сказал Петровский, прыгнув на перрон, взглянул на забаррикадированную станцию.

А командиры осаждают военкома.

— Нет, нет и нет, товарищи! — Воском сух, аккуратен, педантичен.

— Объясни ж ему, Петро! — говорит первый командир.

— Да, что объяснять, вредительство! Давай патроны, контра.

— Ай-ай-ай, ай-ай. Зачем же так, Петя, — сказал военком. — Ты, извини, еще на горшочке мурлыкал, а я, между тем... словом, порядок есть порядок. Документик — и забирай патрончики! Сидоренко!

— Да какой документ! Банда вона за речкой!

— Банды — есть ли, нет, слухи к отчету не подошьешь, а у меня инспекция — ого-го!.. И без паники!.. — военком непреклонен.

Командиры узнали Петровского, кинулись к нему.

— Товарищи! Григорий Иванович! Накопец-то!

— Шум почему? — спросил Петровский.

Военком чуть свысока о том же:

— Невежество и азарт, товарищ глава.

— Какое невежество? У нас патронов нет, гранат нет! А он не дает! — говорит второй командир.

— Видите ли, товарищ Григорий Иванович, — объясняет солидно военком. — Вот это вот, до Днепра — Украина. И тут украинская Советская власть. А за Днепром — то Белоруссия. А там — белорусская Советская власть. Так как же я могу отпустить имущество другой республике без соответствующей бумажки?

— Да отряд же у нас общий, совместный. Вот турок! — возмущается первый командир.

— Это, что он общий, — незаконно! — сказал непреклонный военком. — Это вы

сами, без распоряжения! Это они давно своевольничают, Григорий Иванович.

— Давно? — улыбулся Петровский.

— Да-а! — не замечая насмешки, сказал военком. — У нас как осень — разлив, так они приспособились вместе и дамбочки ладить — одному-то местечку не поднять! И сенцо спастись... Вон и паромчик общий.

Тревожно заиграла труба, промчались к реке всадники. Петровский пошел к пулеметной тачанке, сел в нее.

— А патроны выдать немедленно! — крикнул с тачанки.

— Слушаюсь! Сидоренко, ключики! Живо!

Темнеет. На светлой воде медленно движется бесформенная черная тень. Пыхтит машина, в воде дробятся отражения огней. Цепь солдат-ополченцев залегла у берега.

— Не стреляй! Свои!

Темные, молчаливые стволы пулеметов нацелены на подплывающий тяжело пыхтящий и натужно шлепающий плицами старый, вдрызг расхристанный ветрами и войнами пароходошко. Кто-то размахивает фонарем. Окрики, слова команд, скрип и скрежет старого причала. И уже пассажиры хлынули на берег.

Проталкиваясь, спешил энергичной, пружинистой походкой крепкий военный, в крагах, кожаной шапке. Ему очень шли небольшие усы.

— Миша, — про себя удивленно сказал Петровский, выходя навстречу. — Товарищи, это же Фрунзе.

Фрунзе прыгнул на причал. Они оба очень рады встрече, и это видно. Но не обнялись, суровое мужество эпохи сентиментов не знало. Лишь очень крепко и сердечно пожали руки, хлопнули друг друга по плечу.

— Как ты оказался тут, Михаил Васильевич? — удивленно спросил Петровский. — Ведь твой маршрут все больше по западу республики?

— Получил донесение Примакова... Здесь будет штаб по ликвидации мятежа.

С парохода сгружают ящики, тюки, сво-

дят на берег верховых лошадей. Двое часовых провели Дениса. У него связаны руки за спиной. Петровский заинтересовался...

— Это, я вижу, пленный у тебя?

— Да. Белорусы поймали — шел на связь с Булак-Булаховичем... Хочешь послушать допрос?

— Нет, некогда. Вот что, сейчас я напишу письмо — предложение им сдать. Пусть отнесет...

И тут возник военком:

— Извиняюсь, товарищ глава!.. Мне бы бумажечку!

— Какую? — спросил Петровский.

— А на патрончики! А то, знаете, ревизия в нашем деле — у-у-у!..

Бойцы-ополченцы из объединенного отряда украинцев и белорусов помогают сгружать ящики. Трое белорусов бережно опустили на землю свою ношу. Двое из них помоложе, третий постарше, в шинели — видать, бывалый солдат. Подошли к Петровскому.

— Можно, товарищи начальство, до вас? — спросил один из них.

— Можно!

Петровский закончил писать письмо, вкладывает его в конверт.

— А правда, что вы есть самый главный вождь на Украине?

— Правда! — Фрунзе засмеялся, взянул весело на Григория Ивановича.

— Мы слышали, с куравом у тебя скрутцо... Вот... Кури! У нас в Белоруссии еще есть.

— Спасибо! — Петровский берет билет. — Вот это выручил!

Белорус взглянул на своих товарищей, собрался с духом:

— Мы, конечно, зачем? Оно б там, чтобы плугов да сеялок-всялок, да всякого прочего реманенту поболее, а? А то ведь нету! А увидишь, так даже дьячок сосчитать не может цену, а он же у нас на всю волость грамотей! А без реманенту куда ж нам?

Иванов все время порывается вмешаться в разговор, хочет внести ясность, но белорус останавливает его жестом:

— Ты, цыц! Тая республика, этая республика — хлеб одинаковый! И есть детки просят так же. А вы, товарищ председатель, ежели сомнительно, так рассудите сами: мы ж тем лесом снабдить можем для ваших шахт, а? А вы — реманентом...

— Вот! — Петровский обращается к Фрунзе. — За примерами ходить далеко не надо... Вопрос назрел... — И снова к белорусам: — Нужду вашу знаем, поможем... Общими усилиями одолеем беду. Поедете со мной на станцию. Вместе подумаем....

Петровский заклеил письмо, обратился к Фрунзе:

— Вот письмо! Сегодня же нужно передать...

Просторная сельская изба. За столом напряженная, кругая тишина. За окном прохаживаются часовые. Перед столом стоит напуганный Денис. На столе лежит письмо Петровского.

— Вот как... Значит, и сам уже здесь! — сказал атаман недобро, осмотрелся, увидел Дениса: — Марш! — Многозначительно посмотрел на Минзаревского:

— Так что, полковник? Примите команду? Поскольку у нас согласия нет, все тянутся в командиры... а у вас — полномочия!

— Мне неясны лозунги, — поморщился Минзаревский. — Что скажем людям, где реальная причина для выступления?

— Э-э... поздно думать, сотни подняты! И некогда! Вот ультиматумы шлют!.. — сказал атаман с досадой.

— И все же?

— Ну что? Из Сибири переселенцы едут, им нашу землю дают... — пояснил один из командиров.

— Это же несерьезно.

— Здесь все грамотные... — Атаман хлопнул шапкой по столу. — Поднялся в атаку — иди, не оглядывайся и не думай!

А в атаке — брата убило, и я за брата убыю! Нужна эта акция, нужна!

— И тем не менее, — говорит Минзаревский спокойно. — Даже если мы бросаем людей в жертвенный костер, нужно, чтобы резонанс был мощный, на всю Европу. А для этого согласимся с Петровским на переговоры... И, скажем, туда, куда он приехать не сможет, его и пригласим...

— На Узловую! Она, считай, наша... — говорит первый командир.

— Вот. Предъявим ему наш ультиматум — который он, конечно, не примет...

— Спектакль! — сплюнул атаман.

— А вся наша затея — спектакль. Для Европы. Спектакль и есть. Только подышать будем не понарошку...

— Полковник прав! Вызовем Петровского на Узловую. А как не явится — мы к людям, вот, мол, нету! — говорит первый командир.

— А коль явится? Это такой, что может... — вступает второй командир.

— Еще того лучше! В заложники его — и будь любезен, Примаков!.. — говорит первый командир.

Атаман согласно кивает, но по глазам видно — задумал что-то свое, однако говорит тихо:

— Ладно! Давай спектакль... А я еще такую пиллюлю кину... После голодовки — в самый раз!

Станция Переброды. Проезжают платформы с гаубицами, обозными повозками, снарядами ящиками... Рядом из вагонов выгружается пехота. По пологим трапам кавалеристы выводят из вагонов лошадей. Деловая спешка, напряженность.

И поезд Петровского рядом. У редакционного вагона людно. Посыльные разбирают газеты и листовки, на велосипедах уезжают в близлежащие села. Подъезжают верхом конные вестовые. Сотня красных казаков пересекает станционные пути и направляется к роще. На станционной

водонапорной башне наблюдатели. Они смотрят в бинокли в сторону леса...

На станцию вкатывается дрезина. На полном ходу подлетает и резко тормозит у вагона Петровского. Еще не дождавшись полной остановки, Ладушкина прыгнула и бросилась к вагону.

Она в невероятном возбуждении. Зло оглянувшись на своего спутника — коменданта станции Узловая и, задыхаясь, говорит:

— Я тебе зараз! Ты... ты...

Она не нашла слов и только потрясла над головой двумя кулаками.

За нею спешит изрядно помятый комендант станции Узловая.

Ладушкина всхлипывает, в нервном возбуждении стаскивает португеею, оружие и все это грохает на стол. Петровский смотрит на нее, делает знак часовому уйти. Разрывая крючки, Анюта тянет с себя шинель, ее бьет крупная дрожь. Петровский решительно хлопает ладонью по столу. Комендант от неожиданности широко открывает глаза.

— Стоп! Стыдно...

— Что стыдно? — Ладушкина села на стул.

— Дальше раздеваться стыдно! Барышня кисейная! В чем дело, комиссар?

— Да как же так, Григорий Иванович! Вы меня сюда послали? Сил моих больше нету, берите, отдавайте под трибунал, судите...

— И будем судить! — кричит комендант. — Я тут главный, я тоже партиец и не позволю, чтобы мне тут черт те что вытворили! Или я, или она!

— Спокойно! — сказал Петровский, беря Анюту за руку и усаживая.

— За что орден?

— За Перекоп.

— Вот видишь, — укоризненно говорит он. — А выдержки — кот наплакал. Что случилось?

— Буза, товарищ Григорий Иванович, форменная буза!

— Командовать ей хочется! Свое «я» показать! — говорит комендант.

— Дурак! Тут положение — хуже некуда. На станции вагоны с хлебом для голодающих Поволжья...

— А тут контра будоражит... — вставляет слово комендант. — Из хуторов, села бабы, дети на рельсы ложатся, не пускают... Хлеб! Пограбить хотели! А эта заместо того, чтобы поскорее эшелоны спихнуть, всё митинги разводит, всё разъяснять хочет. А им, бандитам, твои митинги...

— Со станции-то спихнем, а дальше что? — кричит она. — Провокация-то останется?

— Очистить станцию надо, и немедленно! — кричит комендант. — Иначе не миновать беды.

Петровский изучающе смотрит на Анюту:

— Так как же быть?

— Ей-бо, не знаю...

Вошел Иванов, обратился к Петровскому:

— Григорий Иванович, парламентаря ведут.

Между агитпоездом и бронепоездом, с которого сгружают боеприпасы, стремительно идет Примаков. За ним еле успевают парламентар и два часовых, сопровождающих его. Денис явно перетрусил, но старается держаться с достоинством. Примаков остановился около Григория Ивановича. Виталий взбешен, но держится.

— Какая наглость!.. Вот! Пожалуйста... Повтори то, что мне говорил! — обращается он к Денису.

— Завтра в семь утра полковник Минзаревский предлагает встречу на Узловой для переговоров. Лично с председателем Петровским и ни с кем другим.

На юном лице Примакова — злость и нетерпение.

— Не много ли позволяет себе полковник!

Петровский жестом остановил его. Сказал спокойно:

— Ответ получите через час.

— Проводите его, — приказал Примаков часовым. И когда увели парламентаря, взорвался: — Это верх наглости! Такая задняя! Ведь Узловая практически занята

ими! Под видом ярмарки проникли и заняли! Григорий Иванович, я вас туда не пущу. Не имею права!

Петровский подошел к Примакову, с улыбкой обнял его:

— Понимаешь, Виталий, у них все задумано так, что я откажусь. И ярмарка недаром использована. Вот, мол, хотели добром, а Петровский боится идти к народу! Надо идти... надо. Тут главное, не допустить до первого выстрела, потом кровь, огонь, потом не остановишь!

На соседний путь, тяжело пыхтя, вкатился паровоз. Пассажирские вагоны украшены кумачом и зелеными ветками. Огромные буквы лозунга: «Его величеству ребенку повсюду уступать дорогу!». Десятки детских голов торчат из всех окон, глазят на конников, на бронепоезд.

— Это почему сюда? — возмутился Примаков.

— Я задержал, — сказал Иванов. — Дети-беспризорники направляются в санатории Крыма. Поскольку Узловая под угрозой...

Петровский не слышал. Резко поднял голову, быстро оглядел всех.

— Примаков, связь мне! Немедленно связь. Киев, Житомир, Винница! От связи зависит все!

— Делается! — крикнул Примаков и побежал вдоль вагона.

— Передайте парламентарю — я прибуду на встречу с Минзаревским в семь утра!

Стучит телеграфный аппарат. Петровский у аппарата диктует, рядом Примаков и Иванов.

— Киев. Литерный эшелон «Б», пятнадцать, девять, вернуть, направить через станцию Узловая... При подходе расчехлить...

Иванов удивленно смотрит на него, затем на Примакова.

— Так это ж... кругалю давать? Зачем?

Не отвечая, Петровский продолжал:

— Маршрутный седьмой — тоже... Винницу вызывай, товарищ.

Торопливо стучит ключ. Стук нарастает, перекрывая все шумы.

Когда агитпоезд медленно подошел и остановился, у перрона было тихо.

Толпа, враждебная, глухая, грозная. Внешне ярмарка с ее многоцветьем, толпой, глечиками, рядами. А присмотришься — то под сеном увидишь пулемет, то приклад из-под плаща, то обрезы оттягивают свитки. И кое-где сзади, в тени люди с военной выправкой, к ним тянутся невидимые нити.

Медленно останавливается поезд. Грозно молчит толпа. И звонкий голос:

— Ты дывы! Это что такое?

На стене вагона — огромный плакат в стиле РОСТА. На нем изображены националисты на скамье подсудимых. Огромный Мануильский простер к ним грозный перст. Крупные буквы.

— А ну, читай! — кричит кто-то.

Нашелся грамотный, читает:

— «Мы вас судим за государственную измену, за расстрел рабочих, за сношение с Антантой, с Деникиным и со всеми черными силами. Мы вас судим для того, чтобы слышал весь народ, вся Украина о том, что вы эту самую «неньку Украинну», седоволосую неньку, вынесли на международную ярмарку, торговали ею, сделали из Украины пристанище притонов и банд...»

— Ганьба!

— Зрада!

— Брехня все! Хватит! Долой!

— Брехня? — спросил Петровский, стоя на ступеньках тамбура. — Не сметь! — грозно крикнул он, стремительно выбросив руку вперед и указывая пальцем на человека, поднявшего за возом карабин и целящегося в него.

— Хочешь пулей правду перечеркнуть?

Толпа неодобрительно гудит.

— Мы вам не верим, Петровский!

— А почему? Разве я обманывал вас? — говорит он уже спокойно.

— Так! Вы в царской Думе заседали, а теперь...

— Заседал! По заданию большевистской партии и лично товарища Ленина. Я являюсь представителем одной из угнетенных народностей... большинство населения которой не имеет права и возможности говорить на родном языке, испытывает бесконечное насилие и гнет... Это я говорил в Думе еще в тринадцатом году. Правильно говорил?

— Та вроде правильно! — отвечает за всех бородатый крестьянин.

— А возражал против этого, выражая полное удовлетворение положением украинского народа, знаете кто? Павло Скоропадский! Нашадок известного гетмана! Богач из богачей! Вы спросите — а почему ж так мы по-разному? А потому, что я бедняк, от имени бедняков говорил.

— То все слова и слова! А от это вот что? — И тычут пальцами в вагоны напротив, на которых написано: «Голодающим Поволжья от украинских братьев!»

— Сами голодны!

— Не пустим!

— Не дадим! Куда от нас хлеб?

— А получали вы этой весной семена кукурузы для сева? Молчите? Получали! А откуда они взялись? Молчите? А откуда, что за четыре миллиона золотом Россия закупила ту кукурузу на Балканах. Для нас, Украине! Дальше идем...

Подскакали всадники. Минзаревский спешил, ему дали проход. Он медленно идет по перрону. Петровский ждет. Минзаревский подошел, козырнул.

— Мы пригласили вас не для агитационных бесед, — сказал он.

— Знаю. Вы пригласили меня, — твердо сказал Петровский, — веря в то, что я не приду. Разговаривать будем здесь!

— Хорошо.

Толпа колыхнулась. Издалека нарастает шум поезда.

— Спокойно, — сказал Петровский. — Это обычный поезд.

Минзаревский смотрит ему в глаза. Чер-

ные дула карабинов из-за его спины уставились на Петровского.

— Хорошо, я верю, — сказал Минзаревский и отвел руками стволы.

Быстро нарастает шум поезда. И мимо станции понеслись товарные вагоны.

— Смотрите, земляки! — кричит Петровский. — Это рабочие Петрограда пухлыми от голода руками снарядили нам десятки вагонов с сельскохозяйственными орудиями, вот они на платформах, видите?

Сеялки, бороны, плуги.

— Это Наркомзем России отправил нам из закупленного за границей реманента тысячу шестьсот семьдесят плугов, запасных частей и прочес.

— То не простой поезд, председатель Петровский, — сказал Минзаревский, глядя на него.

— Но разве от этого он перестает быть реальностью, полковник Минзаревский?

Петровский погасил чуть заметные озорные искорки в глазах, взглянул на Минзаревского.

— Итак, о чем будут переговоры? Зачем звал?

— Ты напрасно явился сюда, Григорий, — негромко говорит Минзаревский.

— Нет. И ты это знаешь. Я — дома. На своей земле. И у меня тут работа. Вот я и прибыл. А ты? На что вы надеетесь? На Запад? Так обманет... Нет?

— Обманет, — согласился Минзаревский.

— Тогда на что? Банды в Белоруссии разгромлены. Все попытки перейти границу в других местах пресечены. Авантюра на заводах провалилась...

Он сделал нетерпеливый шаг в сторону людей и вновь повернулся к Минзаревскому...

— «В конце лета»... ничего не случится!

Движение среди крестьян. Минзаревский хочет овладеть инициативой в разговоре...

— Вы не пророки истины... Вы слишком громогласны для пророков... Да и люди, как видите, не с вами...

— Да. Время такое... Оглохли многие. Громко говорить приходится...

Осмотрелся, взглянул решительно в глаза людей... Уже не та глухая толпа... Уже человеческие лица... Задвигались, заглядывались. Не выдерживают прямого взгляда Григория Ивановича, опускают глаза. Петровский уловил наметившуюся перемену в толпе, идет в активное наступление.

— Нет, полковник, мы не пророки... Мы просто понимаем, что нужно вот этому усталому народу. Ему нужно землю, плуг и... покой! Покой... чтобы растить детей... А ты? Ты собираешься бросить в огонь тысячи людей! Для чего? Во имя чего?

Он наступает на Минзаревского. Тот несколько растерян оборотом дела. Он понял, что проиграл, но хватается за последнюю соломинку.

— Странный у нас разговор... для парламентариев...

— Не тешь себя иллюзиями, Алексей Иванович! — говорит Петровский уверенно. — Нет здесь парламентариев, как нет там в лесу повстанцев, а есть одурченные, запуганные атаманами люди.

Снова слышен шум поезда. Люди заволновались... Побежал встречать состав начальник станции. Поезд останавливается. Из дверей товарных вагонов смотрят лошади. И лозунг на вагоне: «Воронежская губерния — 400 лошадей коммунарам Таврии».

— А чего в Таврию? А мы хуже? — слышен голос из толпы.

Петровский резко повернулся на голос:

— Хуже! Люди там урожаем ждут, а вы.. Вам для чего кони? Для бандитских рейдов?

Эшелон остановился, но все равно слышен грохот поезда. Люди поворачивают головы — с противоположной стороны на станционные пути въезжает еще один состав. Начальник станции обменялся с машинистом жезлами, достает бумажку из патрона жезла, пробегает ее глазами и спешит к Петровскому.

Тяжело гудит по рельсам бронированная площадка перед паровозом. Крестьяне испуганно переглядываются, невольно пятят-

ся. Из толпы протиснулся вперед человек с военной выправкой, закричал:

— Предательство! Стреляй в него, полковник!

Никто его не поддержал. Он сник, исчез.

Петровский поднял руку, требуя тишины:

— Тихо, люди! Чего испугались? А еще в поход собрались... Это же не бронепоезд. Это охрана детей, первых сотен детей, бездомных, нищих детей, которые направляются в Крым, где раньше отдыхала только буржуазия...

Ворвался эшелон на станцию, взбудоражил все музыкой, детскими голосами. Машут дети из окон вагонов. Смотрят крестьяне с перрона во все глаза. За составом, на открытой площадке — военный духовой оркестр. К Петровскому подбежал начальник станции, подал бумажку. Григорий Иванович взглянул на нее, поднял бумажку над головой.

— Вот! Телеграмма от голодающих Поволжья... «Никогда рабочие и крестьяне Царицынской губернии не забудут той большой и своевременной поддержки Украины, которую она подала им в тяжелейшие моменты их жизни. Спасенные от голодной смерти... шлют вам, украинским рабочим, крестьянству и казачеству сердечную благодарность...» Это они нас за тот хлеб благодарят!

Григорий Иванович отыскал глазами Ладушкину и коменданта Узловой.

— Отправляем поезд! И с зерном тоже...

Никто не возразил ему...

Смотрит Минзаревский. Петровский решительно подошел к нему.

— Сильно изменился, Григорий...

— Сильно. Время такое...

— Доброты в тебе меньше стало.

— А я не за доброту!

— Вот как? А за что же ты? — с интересом спросил Минзаревский.

— Я — за справедливость! Иди, Алексей, к своим, командуй сдачу... Не будет крови — прощенье будет!..

Минзаревский подошел к коню, взялся за луку седла, оглянулся:

— Не знаю...

Петровский проводил взглядом медленно отъезжающих всадников.

На опушке леса под деревом — атаман и группа командиров. На деревьях наблюдатели. Смотрят в бинокли.

— Какого ж черта он там панькается!

— Что-то не нравится мне этот чистоплюй!

В окулярах бинокля видны стоящие под горой конные лавы, эскадроны полков Примакова. Перед ними колосится поле, бежит среди хлебов степная дорога. А за дорогой, сюда поближе, угадывается движение; здесь залегли повстанцы, перебегают между кустами. Подлетел от станции всадник.

— Минзаревский предал! Приказывает сложить оружие!

Из-за леса на дорогу медленно выезжает обоз. Конца ему нет. Крытые фуры, к возам привязаны коровы, бегут овцы, в клетках на возах — птица. Собаки бегут за возами.

Атаман скрипнул зубами.

— К пулеметной команде! Живо!

А телеги все идут и идут.

Парни помогают сойти с воза седому старому деду. Он опускается на колени и целует пыльную дорогу.

Всадник догоняет Минзаревского, и атаман, выхватив маузер, сквозь зубы:

— Умри, гад! — Он выстрелил, Минзаревский упал. Атаман умчался вперед. Минзаревский поднялся. Зажимая рукой рану в плече, крикнул:

— Коня! — вид его был страшен. Ему помогли взобраться в седло, и он поскакал вслед за атаманом.

А тот поднял коня на дыбы, кричит пулеметчикам:

— Стреляй! Стреляй, сволочь!

Десять станковых пулеметов — страшной силы свинцовая метель. Но нерешительно мнутса пулеметчики.

— Куда ж бить? На дорожи ж люды...

Атаман взмахнул шашкой, занес ее над головой пулеметчика.

— А-а, зрада? — И четкий выстрел выбил из его руки шашку, а другой сбросил под ноги коня.

Минзаревский спрятал пистолет. Сказал пулеметчикам, не глядя на них:

— Отставить огонь! Друзья мои! Хлеборобы, украинцы... Сложите оружие и спасайте хлеб!

— Та як же ж... он воны, примаковцы! Порубають!..

— Нет, — сказал Минзаревский. — Нет. Петровский обещал вам прощение, он сдержит слово...

И, повернув коня, шагом направился к дороге. Ехал мимо возов, бричек. Мимо людей, коров.

Голосили женщины, причитали, кричали дети, ржали кони. Мужики вытирали глаза.

У дороги на тачанке стоял Петровский.

— Товарищи! — слышен звонкий голос Петровского. — Братья мои! Двести лет назад разгромлены были хаты и печи ваших предков, свободолюбивых казаков, поднявшихся на бой за народное счастье. И тогда ушли они всем обществом свит за очи, в далекую Сибирь. Я был там в кандалах, я знаю — широкой души сибиряки, не дали вам пропасть. Вы сохранили и язык свой, и песни, и обычаи — слава вам. А теперь партия коммунистов возвращает вас на земли предков. Любите ее, эту землю, берегите и защищайте ее! И навечно храните в сердце величайшее сокровище наших дней — дружбу народов, бла-

годаря которой вы и живы, и целуете теперь родную стежку.

Восемьсот двадцать девять делегатов седьмого Всеукраинского съезда Советов стоя поют «Интернационал». В президиуме Петровский, Фрунзе, члены правительства. Снизу выплывают строки телеграммы:

«...Москва, Кремль, Ленину. Сейчас под звуки «Интернационала» Всеукраинским съездом Советов единогласно принята по докладу правительства резолюция о немедленном создании нового государственного объединения под названием «Союз Социалистических Советских Республик». Съезд не сомневается, что инициатива рабочих и крестьян Украины встретит полное сочувствие и одобрение трудящихся масс России и всех других братских советских стран. Горячо приветствуя вас, как своего идейного вождя, съезд надеется в недалеком будущем видеть Вас на посту руководителя Общесоюзного Советского правительства.

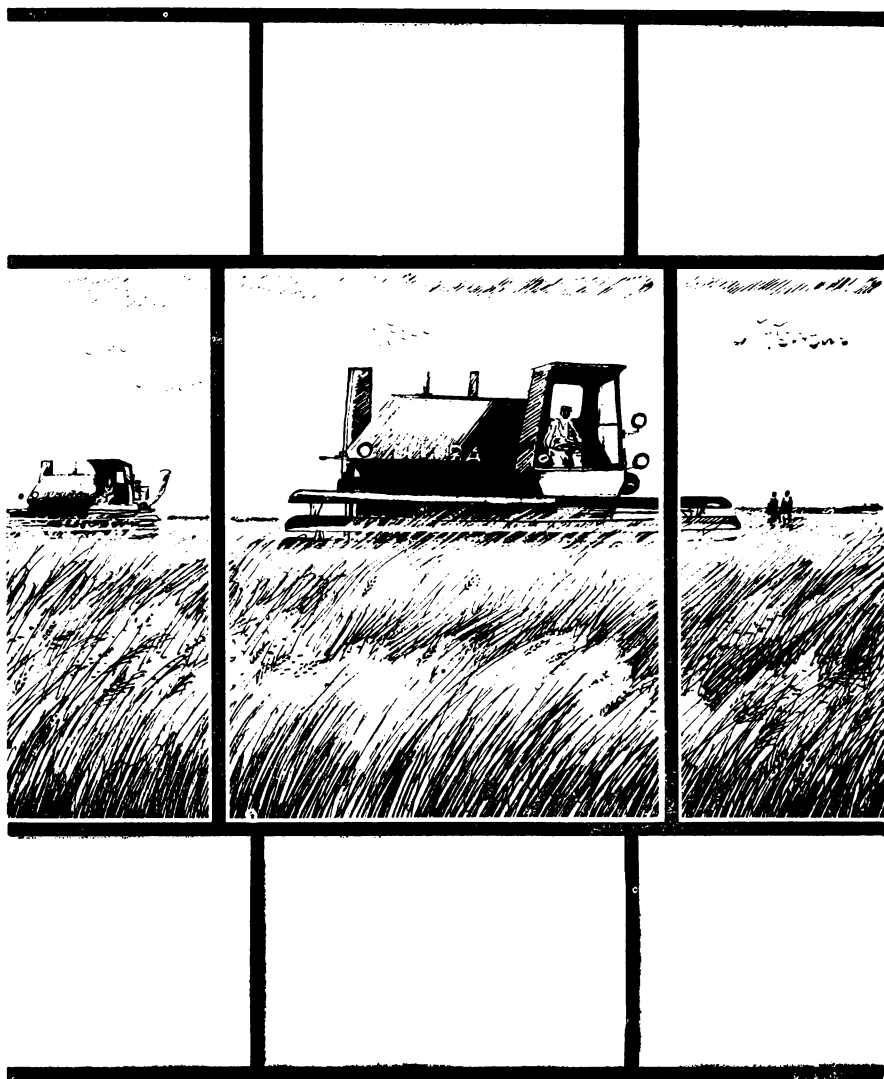
Съезд выражает глубокую уверенность, что новый Союз Советских Республик явится не только мощным оплотом трудящихся масс союзных советских республик и всего мира, но также первым шагом к созданию будущей всемирной республики Советов.

Да здравствует Союз Социалистических Советских Республик!

Да здравствует союз рабочих и крестьян советских стран!

Да здравствует всемирная республика Советов! 14 декабря 1922 г.»

А. СТРЕЛЯНЫЙ

ТАЙНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ СТРЕЛЯНЫЙ (родился в 1939 году) после окончания педагогического училища работал в газетах на целине, в «Комсомольской правде», затем комментатором Агентства печати «Новости». Закончил факультет журналистики МГУ, лауреат премии Союза журналистов СССР, автор нескольких очерковых книг, член Союза писателей СССР. Публикуемый сценарий — дебют А. Стреляного в художественной кинематографии.

Фильм по литературному сценарию «Тайное голосование» ставит на киностудии «Ленфильм» режиссер Валерий Гурьянов.

В центре большого ставропольского села, в сквере перед Дворцом культуры, работает съемочная группа местного телевидения. Снимают руководство и актив.

Всё внимание режиссёра и оператора — на Фому Михайловича Лукаша, крупного пожилого человека в костюме с Золотой Звездой. Это председатель известного в этих краях колхоза «Рассвет».

В числе окружающих его людей — многие из тех, кого увидим в дальнейшем, а также заместитель председателя Степан Васильевич Иванченко. Ему лет сорок, он тщательнее всех одет, его костюм нигде не виснет, на нем белая рубашка и хороший галстук. Держится он несколько в стороне.

Приезжие хлопочут над тем, чтобы люди вели себя непринужденно, улыбались, и те, поощряемые примером председателя, стараются преодолеть скованность. Фома Михайлович это всё видит, понимает он и желание заместителя стусеваться — зовет его стать ближе, не скромничать.

За съемкой наблюдает небольшая толпа колхозников, среди которых и жена Фомы Михайловича Палажка — крепенькая веселая старушка. Она что-то подсказывает мужу, и он вынимает расческу.

Сквозь толпу протискивается подъехавший на мотоцикле механизатор в рабочей одежде. У него к руководству срочное дело. Первым это угадывает Иванченко. Берет у механизатора какую-то бумажку, смотрит и вежливо, но решительно отвлекает председателя. Тот легко отрывается от хроникеров, с лица сразу исчезает не совсем натуральная улыбка, оно становится будничным. Подписывая бумагу, что-то коротко, внушительно говорит заместителю.

Иванченко готов тут же выполнять поручение, но Лукаш придерживает его, снова улыбаясь так, как пужно приедем товарищам.

По асфальтированной улице села катит добротная двуколка. Лошадью правит средних лет колхозница в белом платочке. От съёмочной группы отделяется молодой человек, спешит наперез двуколке. Женщина натягивает вожжи, останавливается, и он уговаривает ее сняться. Она отнекивается, машет руками. Однако, заметив повелительный жест Лукаша, поправляет платочек на голове.

Тележурналисты оказались людьми приметливыми. Обратив внимание на то, как Иванченко избегал быть на первом плане, чтобы случайно не затмить интересующих их Лукаша, они решили снять его отдельно. Отпустив всех, усадили Степана Васильевича на скамейку в безлюдном месте сквера, стали расспрашивать.

— Как я впервые встретился с товарищем Лукашом? — неуверенно переспрашивает он, подыскивая подходящий тон. — Ну, как... Ну, прислали меня на практику из Тимирязевки, из академии, после четвертого курса. Колхоз уже и тогда был известный. Я, конечно, понимал это...

Начав говорить, почувствовал, что тон найден верный и что так и надо продолжать — в меру свободно.

— Был я, конечно, холостой, студент, костюмчик на мне был... с первого курса. Шея — в палец, жил на стипендию... Чемоданчик у меня был, где-то и сейчас... Фома Михайлович посмотрел моё направление. «Сколько ж это ты учился?» Ну, как, говорю, сколько? Семь классов, потом сельхозтехникум — четыре года, ну, и вот

пятый год академии. «Так ты, говорит, шестнадцать годов учился?!» Ему, наверно, жалко меня стало... Шея тонкая... На практике я был агроном. Работу он спрашивал, не взирая, что студент. Как что — ты шестнадцать годов учился! Ну вот. Может, я ему понравился или что-то еще... Случай был. Кто-то докладывал на правлении: прополка произведена на всем поле. А я говорю: не на всем, а только от дороги... Фоме Михайловичу понравилось. В общем, говорит после практики, я на тебя заявку даю... Так и пошло.

Разгоняя гусей, по улице несется машина хроникеров. Оператор снимает белые дома с антеннами, кирпичные сараи и гаражи, стариков в палисадниках, прохожих. В кадре дом быта, дом торговли, пивной ларек, пруд с купальней, кафе в первом этаже колхозной гостиницы, стадион, где подростки гоняют мяч, парк и примыкающее к нему кладбище, машинный двор на околице, за которым открывается вид на поля и виноградники.

Обогнав двуколку, оператор с особым смаком наводит аппарат на нее. Женщина от смущения торопит вожжами лошадь — жест, радующий оператора.

В раскрытой двери зерносклада стоит, покуривая, кладовщик Назаров — начальственного вида пожилой мужчина в вельветовых галифе. Завидев приближающуюся двуколку, он гасит окурки и уходит в помещение.

... Здесь выгорожен закуток под некое подобие кабинета. Стоит стол с перекидным календарем, конторскими счетами, на дощатой стенке висит портрет Мичурнина, в углу — сноп сухой пшеницы.

Назаров величественно садится в деревянное кресло, водружает на нос очки и углубляется в бумаги.

Женщина привязывает лошадь, берет сверток пустых мешков и заходит к На-

зарову. Тот, конечно, смертельно занят и не сразу замечает протянутую ему бумажку, а заметив, морщится:

— Что у тебя?

— Такой ненасытный кабан! Утром глянула — пустой закром.

— Сколько выписала?

— Три мешка дроблени.

— Тебя спрашивают: сколько весу?

— Полтора центнера.

— Так и отвечай. Иди нагребай.

Женщина скрывается в глубине склада. С большой натугой вытаскивает и взгромождает на весы наполненные мешки.

— Полкила отсыпь, — говорит Назаров, взвесив их.

Снякая перед этой куражливой мелочностью, она бежит за совком.

К складу подъезжает «Волга», из которой, размашисто хлопнув дверцей, выходит Фома Михайлович Лукаш.

Нагнувшаяся было за мешком женщина выпрямляется.

— Ну-ка, — Фома берется за мешок, но одним движением поднять его не удается. — Так и будем сидеть? — осведомляется он у Назарова. — Не своей бабы не жалко?

Назаров нехотя, а колхозница виновато помогают ему взвалить мешок на плечо.

— Я сама, Фома Михайлович!

Она семенит за ним, поддерживая мешок. Груз довольно тяжел, и Фома опускает его, не донеся до брочки. Он оглядывается и жестом подзывает шофера. Тот выскакивает из машины, и в мгновение ока мешок оказывается на брочке.

— Постой, — тяжело дышит Фома. — А ты чего одна? Где сын — матери помочь?

— Ничего, я сама.

— Не позвала? Или не захотел?

— У них что-то там на стадионе.

— Ото так! — аж приседает Фома. — Байстрюку шестнадцать годов — мяча гонять! Ему, значит, сало лопать и мяча гонять, а матери — мешки таскать? Это, что же ты себе думаешь?

От солидности известного председателя — ни следа. Перед нами склонный по возрасту к патетике, не на шутку расхолодившийся сельский старик.

— Ты в каком государстве находишься? Симулянтов плодить? Я всю мою жизнь только о том и думал, чтоб всё у вас было. По лезвию для вас ходил. Это за это мне такое? — Опускается на мешок.

Всё она помнит, понимает, стоит, пригорюнившись. Кажется, что буря миновала, как вдруг он снова вскакивает:

— Мяча гоняет! Не будет им стадиона, закрываю стадион! — И шоферу: — Чего стоишь, уши развесил? Давай сюда её байстрюка! Пусть глянет, кто тут за него плечи обрывает!

Бросается к весам, хватает второй мешок, делает с ним пару шагов. Ноги заплетаются, подгибаются, и с перекошенным от внезапной боли лицом Фома опускается под непосильной тяжестью. Женщина заламывает над ним руки.

У операционного стола врачи несуетливо заняты Фомой.

Успокоенное лицо, невидящие глаза, за кадром — его голос.

— Вот и меня, считай, нет... Жил, стремился, а чему быть, того, видно, не миновать. Не наелся — не налижешься. А хотелось... Что ж! Человек я был преданный... Человек я был хороший и заслуженный, а оно и с заслуженными — видишь как...

От этого стреноженного положения и боли в памяти всплывает одно давнее событие.

Во дворе фермы готовят к операции быка. Здесь скотники, доярки, ветеринар, Фома и его старый друг, скотник и председатель ревизионной комиссии колхоза Михаил Никитич Сербул. Операция будет жестокая. Опутанного веревками, могучего и страшного любимца Фомы подводят ко вкопанной в землю колоде. Возле нее на

жаровне раскаляется железная пластина. Сербул смотрит туда и поёживается. Доярки стараются не смотреть. Сурово и ласково, как друга, которого надо подбодрить, Фома похлопывает быка по холке. Ветеринар окидывает взглядом своих ассистентов. Все, кроме Фомы и Сербула, отступают на несколько шагов.

— Вот так вот, дорогуша! — говорит быку Сербул. — Слов ты не понимаешь, бодаешь правого и виноватого. Выбирай: или пойдешь на мясо, или собьем тебе рога... Рога или жизнь? — Заносит молот. — Все жить хотят!

Рог сбит, Сербул отбрасывает молот и что-то коротко, яростно кричит мужикам.

Бык повален! Лежит, тяжело поводя боками, — живая, здоровая, но беспомощная гора мышц.

Голову быка прикручивают к колоде. В руках ветеринара молнией сверкает нож. С хрустом, медленно его крепкие руки отдирают от черепа рог.

Рог брошен в сторону. Зияет круглая кровоточащая рана.

Фома и ветеринар одновременно поворачиваются к жаровне, где наготове стоит мужик с кузнечными щипцами в руках. Схватив добела раскаленную пластину, он подбегает к ветеринару. Ветеринар быстро снимает картуз, бросает его под ноги. Берет щипцы с пластиной, нависает над раной.

Женщины отворачиваются.

Фома кладет ладонь на холку быка. Раскаленная пластина прижата к ране. Операция закончена. Мужики отпускают веревки. Бык поднимается на ноги, стоит, покачиваясь...

Двор столярно-плотницкого цеха. Гудит пилорама, стучат топоры, шуршит стружка из-под фуганков. Люди раскатывают бревна, грузят на машины готовые стеновые брусья. Это владение Ивана Лукаша, сына Фомы. Делается тут всё: от оконных рам, штакетников и ворот до ульев и дощатых

туалетных «скворечен», ряд которых напoминает телефонные будки с распахнутыми дверями.

Работается Ивану в удовольствие. В темном халате, осыпанном стружками (в кармане — складной метр и пухлый блокнот), он, молодой начальник, везде успевает и во все вникает, всем он нужен.

— Фомич! — настигает его у штабеля бревен один колхозник. — Как мои ворота?

— Да как... Пока никак, — сожалеет Иван.

— Дочку выдаю. Хлопцам на воротах стоять, магарыч с молодого требовать, а ворот нету.

— Раз такое дело, будут.

— Как там батя?

— Уже вроде ничего. Начал вставать, передают.

— Понятно, встанет. Если б не свадьба, мне эти ворота...

— Выбрось из головы — будут! Свои сниму — тебе поставлю.

Иван спешит к другому колхознику.

— Тебе я дубков на подвалины выделил. Пришел глянуть?

— Да надо бы, — доволен колхозник...

— ...Иван Фомич, рыбонька! Ты меня совсем забыл, — на выходе из кабинета упрекает Ивана некая молодая особа в дефиците с ног до головы.

Иван разводит руками, показывая, как занят, и просит подвернувшегося Степана Сербула, своего друга, шофера:

— Займись.

Степан уводит ее в кабинет.

— Импортная резина на «Жигули», — придвигается к нему особа. — Шипованная. Свояк на складе. Возьмет по государственной. А впридачу — ваша продукция.

— Брус?

— Не горбыль же? Куба три-четыре.

— Подожди, — Степан выходит за Иваном.

Через некоторое время оба появляются в кабинете.

— Резина точно с шипами?

— В резине, рыбонька, я с восьмого класса разбираюсь.

— Зачем ему брус? — мнется Иван. — Может, что другое возьмет?

Пустив облачко дыма, особа отрицательно качает головой:

— Дачу строят.

Иван переглядывается со Степаном.

— Оформить можно горбылем, — говорит Степан.

Иван с неприязнью косится на особу и машет рукой, соглашаясь на сделку.

В машине, нагруженной пиломатериалом, едут Иван, Степан и особа. Мелькают деревья, поля, селения. Вечер.

— Влипнем? — Степан настороженно поглядывает на будку ГАИ.

— Со мной на тебя ни одна собака не тявкнет, — говорит Иван.

Проехали.

Однако уже у самого города — повелительный взмах руки немолодого лейтенанта, короткое «твою мать» Степана... Проверяются документы. Проверен один, другой...

— Накладная, — протягивает лейтенант руку.

Степан смотрит на Ивана.

— Что? — спрашивает Иван.

— Накладная на груз.

— Я завстоляркой из «Рассвета», а это шофер у меня.

— Тем более.

— Я Лукаш. Сын Фомы Лукаша.

— Лукаш, сын Лукаша, а накладной нема. Я только снаряды на передовую без накладной возил.

Иван нехотя протягивает накладную, лейтенант читает.

— Тут сказано: горбыль.

— Вы что, Лукаша не знаете? Не здешний, что ли?

— Только вчера назначили, — ухмыляется лейтенант.

Это лучшие минуты жизни старого скотника Михаила Никитича Сербула: закон-

чен трудовой день в коровнике — подчищены последние лепешки навоза, посыпан опилками проход, повешен на гвоздь темный халат — и можно домой, к любимой внучке...

Дома он сидит перед телевизором, на коленях у него, под музыку «Спокойной ночи, малыши!», дремлет девочка лет четырех. Здесь и жена Сербула, и беременная невестка — она переключает телевизор. Передают кадры послевоенной кинохроники. Хлеб косят лобогрейками, молотят — лошадьми, отправляют государству — на возах.

— Не так оно вроде и давно, — тихо говорит Сербул, — а подумаешь, как жил, вроде и не ты. Все теперь есть, знаешь, что получишь... Одна осталась жадность: до покою. — Он осторожно поднимается отнести девочку в другую комнату.

На пороге вырастает взъерошенный Степан:

— Пропал!

Старый Сербул взглядом пресекает этот хриплый выдох и проходит в другую комнату.

Вернулся. Стоят лицом к лицу. Объяснений Степана не слышно. Потом:

— Что ты наделал, дурак! — трясет он сына и оглядывается на висящий в комнате большой застекленный фотоснимок Фомы с Юрием Гагариным. — Чего тебе не хватало?!

— Тюрьмы. — Степан смотрит на дверь, за которой осталась дочка.

Причитает старуха, заливаясь слезами молодая.

По асфальтированным аллеям больницы прохаживаются больные с их гостями. Санитарка толкает коляску с сидящим в ней Фомой. Он вертит головой по сторонам, его ноздри раздуваются.

— Устал без воздуха? — участливо говорит санитарка.

— Ой, надоело! И ни одного своего человека...

Санитарка поправляет плед у него на коленях.

— Тебе сколько платят? — вдруг интересуется Фома. — Ходила за мной, когда я был в падежном состоянии...

— Семьдесят рублей.

— Да таким, которые из-под больных выносят, я не знаю, что надо платить!

Приблизились к скамейке, на которой сидит пожилая женщина в больничном и двое хорошо одетых молодых мужчин. Фома жестом требует подкатить его к ним.

— Москвичи?

Сидящие переглядываются. Ответ ему не нужен.

— А я Лукаш. Вот гуляю. Та не на своих — на резиновых, — показывает на колеса коляски.

Соображает, что его фамилия им ничего не говорит.

— Председатель колхоза. Может, слышали: Лукаш такой?

— Как теперь насчет кукурузы? — вежливо спрашивает мужчина со скамейки.

— То булки для свиней! Я всегда больше всех брал. Мы и вино делаем...

— Самодельное?

— Настоящее, сухое. Алиготэ, рислинг, сильванер. Без фальши! Приезжайте в гости. До нас так: самолетом до Краснодара или Ставрополя, а там Лукаша спросите. Приму.

— Спасибо, — улыбаются на скамейке. — Найдем.

Из боковой аллеи навстречу коляске выходит Сербул.

— Ты откуда взялся?! — ликует Фома.

Они обнимаются. Сербул кладет ему на колени авоську с тортом, которую Фома сразу протягивает санитарке. Та смущена.

— Иди-иди, — говорит он. — Чайку попей.

Теперь коляску толкает Сербул.

Стуча высокими каблучками, дорогу им перебегает юная медичка: обтягивающий мини-халатик, пышные волосы... На нее нельзя не засмотреться и на нее засматриваются. С бескорыстным наслаждением,

ласково и грустно — как на солнце, березы и молодую траву кругом, смотрит на нее Фома. Подмигивает Сербулу:

— В Москве девки ничего!

— Нам теперь все девки ничего,— натянуто улыбается Сербул.

Коляска движется дальше по аллее, перед ней расступаются группы прогуливающихся — много групп, много людей.

— И всех кормить надо,— бормочет Фома.— Кормишь-кормишь, а они болеют... Ну, говори, — продолжает он, не меняя задумчивого тона.— Без дела ты бы не приехал.

— Есть и дело... Не знаю, как и подступиться. Мой Степан на пилораме запутался, с брусом пойман.

— Судить гада!

— Судить-то судить... Второй с ним кто — знаешь? Твой Иван. Друзья, растака их! Свои машины в дефицит обуви захотели.

Перед глазами Фомы поплыли очертания предметов.

Быку прижигают рану. Больно быку!

В укромном месте аллеи Сербул, на коротких перед Фомой, умоляюще заглядывает ему в глаза:

— Ну как же так, ну Фома, ну как это? Чтоб они за какую-то грязь сидели?! За какую-то грязь... Ну, что ж это? Статья — от двух до шести. До шести, Фома! Семьи, дети... мы с тобой... такой позор! Тебе ж пальцем ворохнуть — и замнут. Я все спланировал. Прогоним их с пилорамы, и хватит. Малой кровью обойдемся. Тебе только пальцем ворохнуть... Они пока дома, подписку дали.

— Ты сам замешан? Знал?

— Ты что, Фома?!

— Смотри! Я вам ворохну. Я так вам ворохну!

В кабинете Фомы в его отсутствие проходит очередное расширенное заседание правления. Его ведет Иванченко. Кабинет

набит битком, двери открыты, люди толпятся и в «предбаннике».

— Потихе, товарищи, — просит Иванченко. — Время позднее, сейчас разойдемся. Осталось последнее — утверждение трудового распорядка. Ничего нового не предлагается: летом мужчины начинают работу в шесть утра, женщины в семь. Других предложений нет?

— Почему ж нет? Есть! — заявляет от двери Серафима Березовская, крупная красивая женщина его лет.— Все, как ты сказал, только на час позже.

— Когда-нибудь, наверное, будет и так,— негромко, явно ей одной говорит Иванченко. И уже громче: — Повестка исчерпана, можно расходиться.

Люди поднимаются со своих мест.

— Расходиться?! — взвизгивает Серафима.— А другие предложения не в счет?

Медля с ответом, надеясь, что сейчас разойдутся, Иванченко начинает складывать бумаги. Но Серафима загораживает выход:

— А ну, сядьте! Тобой было спрошено?

Иванченко молча проталкивается к выходу, Серафима стоит в дверях, он со сдержанной досадой смотрит на нее.

— Веди заседание!— указывает рукой на стол Серафима.

— Этот распорядок заведен много лет назад,— отворачиваясь, разводит он руками.— Не вижу, о чем тут говорить.

— Об этом и говорить. Тогда телевизора не было.

— При чем тут телевизор?

— В десять спали все, а зараз катание смотрим до двенадцати!— Серафима поводит плечами, изображая осанку фигуристки.

— Кому надо заработать, не смотрит,— Иванченко пытается пройти в дверь, но руки Серафимы как шлагбаум.

— Всех денег не заработаешь, здоровье дороже,— подает голос одна женщина и тут же умолкает: на нее быстро взглянул Иванченко.

— Не зыркай на нее, не зыркай! — на-

ступает Серафима.— Продолжай заседание, как положено.

— Вряд ли это уже можно назвать заседанием.

— Он не за столом, так и заседания нет! — гремит она.— Взяли моду... Иди за стол!

— Мне трудно что-либо сказать, пока вы не сядете на свое место.

— Пожалуйста. На место можно, чего ж!

Иванченко возвращается за стол.

— Конторские — те с девяти, — раздастся чей-то голос.

— Я-то с шести,— отвечает Иванченко. — А бывает, и с пяти.

— В лесополосе свое доспишь,— говорят ему.— За вами глаза нет.

— Иногда я готов меняться с вами.

— Ты не крути,— вмешивается Серафима. — Ставь на голосование!

— Товарищи! Я все-таки только заместитель председателя. Известно, как Фома Михайлович этим гордится: «Раньше всех встаем — больше всех имеем!». Без него мне бы не хотелось...

— А нам и без него хочется! — парирует Березовская.

Все хохочут. Иванченко раскрывает папку, стоит над нею в задумчивости.

— А в чем, собственно, вопрос? — звучит чья-то реплика.— Кругом давно в восемь. И мужчины, и женщины. Когда-то надо и нам.

— Без Лукаша я не хотел бы ничего менять.

В том, как Иванченко это произносит,— солидарность с людьми и просьба понять его шекотливое положение. И кто-то отвечает ему открытостью на открытость:

— Лукаша нет и неизвестно, когда будет. Сейчас хозяйство ведете вы.

— Да, веду,— твердо отвечает Иванченко и, в короткой паузе взвесив все, добавляет быстро и сурово: — Кто за предложение товарища Березовской, прошу голосовать! Принято. Только так... Закупить

десяток электрочасов. Повесить на видных местах. Если в восемь, так в восемь! Чтоб не так, что где восемь, там и девять, а где девять, там и до десяти близко.

Фома выходит в больничный коридор. Медленно шаркает, придерживаясь за стену. За стеклянной перегородкой пьют чай давешняя санитарка и юная медичка. Перед ними — початый торт. Он подсаживается к ним. Санитарка наливает ему чаю, он берет стакан двумя руками, долго молчит, глядя в него.

— Сын у меня проворовался. Беда...

— Женатый? — спрашивает санитарка.

Фома еще ниже склоняется над стаканом. Думая о сыне, Фома не может не перейти на молодежь в целом.

— Ну, а ты? — вдруг обращается к юной медичке.— Отдежуришь — что делать будешь?

— Не знаю,— девушка не ожидала вопроса.— Диски с ребятами послушаем...

— Какие диски? Дисками стерню лущат! Девушка прыскает.

Фома молчит, думая о своем.

Иванченко и бригадир Петр Иванович Бальяный на свекловичном поле. Еще вчера здесь был сплошной зеленый ковер, а сейчас — черное, словно выжженное пространство, утыканное стебельками растений с изъеденными листьями. Иванченко приседает на корточки, срывает один из немногих уцелевших листьев. На листе — жирная препротивная гусеница. Он сбрасывает ее на ладонь, и она начинает подпрыгивать. Какая энергия, сколько злой жизненной силы!

— Вечером проезжал — все было зеленое, как луг,— говорит Бальяный. — За одну ночь!

— Ночь была влажная, теплая.— Иванченко стряхивает гусеницу.— Шестое поколение... В этой стадии она за сутки проползает до тысячи мстров.— Опускается

на корточки, жестом приглашает Балясно-го: — Слушайте.

Отчетливо слышен тот скрипучий звук, с которым миллионы гусениц приканчивают поле.

— Жрет,— говорит Балясный.

— Петр Иванович! — поднимается Иванченко.— А ведь это поле не опрыскивалось.

— Опрыскивалось.

— Где опрыскиватель?

— Где ж ему быть? Управились — и на машинный двор.

Во дворе одной из усадеб видны работающий трактор и опрыскиватель. Хозяин усадьбы, напевая, использует современную технику для побелки сарая.

— Если не ошибаюсь, это он и есть.— Иванченко, выходя из машины, кивает на опрыскиватель. — Извините, — обращается к хозяину, — это чье распоряжение?

С ним, как и со всеми, Иванченко говорит спокойно, вежливо, но внутренне напряженно. Быть в рамках — это диктует ему и натура, и необходимость как-то уравновешивать собой спонтанного Фому, у которого что на уме, то и на языке.

Хозяин мнется, смотрит на бригадира.

— Никто ему не разрешал,— торопливо говорит Балясный.— Гони в поле!

— В поле — поздно,— говорит Иванченко.— Там уже шестое поколение. Продолжайте опрыскивать сарай.

Тракторист растерянно смотрит то на Иванченко, то на Балясного.

— Сарай будет показательный,— продолжает Иванченко.— Вам хоть понятно, что вы наделали? Будет потеряно... Там гектаров семьдесят. Будет потеряно минимум двадцать восемь тысяч центнеров свеклы. Это триста девяносто две тысячи рублей убытка по вашей вине.

— Мне разрешил бригадир! — оправдывается тракторист.

— А мы... Единственное, что нам позволено, это лишить вас в конце года допо-

нительной оплаты.— Поворачивается к бригадиру: — Я вас предупреждал. Луговой мотылек — вредитель страшный. Это только так звучит: мотылек. В наши края залетел впервые, нужно было проявить величайшую серьезность!

— Он мне разрешил! — повторяет тракторист.

— Пересейте кукурузой,— велит Иванченко Балясному.— Без четверти восемь хотел бы видеть вас у себя. Буду ставить вопрос о вашем освобождении...

И он, сгорбясь, идет к машине.

Идет заседание правления. В торце стола сидит Иванченко.

— Как это снять? — раздражается один член правления.— Как это не справляется? Люди его слушаются. Ну, допустил ошибку. Кто не ошибается?

— Я прошу вас выслушать меня еще раз! — напрягается Иванченко.

— Да, люди его слушаются,— чешет в затылке Сербул.

— Слушаются, Михаил Никитич, слушаются. Весной велел подкормить аммиачной водой гречиху — послушались. А теперь туда пчелы не летят.

Из-за стола выходит плотник Митрофан Данилович. Он любит порассуждать в движении.

— Каждый год слышно: туда привезли председателя, туда прислали главного агронома, туда — парторга, туда — директора школы. Даже продавщиц присылают! Да... А кто слышал, чтоб прислали бригадира? Не бывает. «Бригадиров шукайте у себя». Спасибо за доверие — шукаем. Вот,— кивает на Балясного,— нашли. Работает, люди его слушаются... Мало! Прилетел мотылек — и мотылек должен его слушаться... Не знаю. Может, и должен.

— Хотелось бы услышать ваше предложение, — поднимает голову Иванченко.

— Я так понимаю, Степан Васильевич, не хочешь ты с ним работать. Так и скажи: «Или я, или он!». Мы пойдем! Поду-

маем и кого-то из вас двоих выберем.— Плотник наклоняется к уху Иванченко, но говорит громко: — Не будем думать, тебя выберем! Ты только откровенно: «Или я, или он». В этом же все дело?

— Нет.

— Тогда еще скажу. Лукаш, дай бог ему здоровья, каким вернется, неизвестно. Не вечен никто. Не сегодня-завтра с ним,— кивает на Балясного,— работать тебе.

— Я и до сих пор с ним работал.

— Ты понимаешь, что я говорю. Каждый подбирает под себя, тут ничего такого. Для одного коренника эти пристяжные, для другого — эти.

— Не рано ли начал подбирать? — решил перейти в наступление Балясный.

— Ты помолчи,— обрывает его плотник.— Не рано.

Иванченко сереет.

— Не тех хотите от меня замашек, Митрофан Данилович. «Я или он» — это не мой метод.

— Без Лукаша сдавать бригаду несогласный,— заявляет Балясный.

— Лукаш вас не спасет.

— Посмотрим. Тут и моего немало вложено!

— Ставите условие или высказываете просьбу? — В тоне и взгляде Иванченко — предупреждение, и плотник Митрофан Данилович затаенно любитесь заместителем председателя.

— Говорю просьбу,— опускает голову Балясный.

— Ладно, подождем до Лукаша.

Когда расходятся, замешкавшийся Митрофан Данилович мягко касается плеча Иванченко:

— Далеко пойдем, Степан Васильевич!

— Не дальше колхоза, Митрофан Данилович,— сухо отвечает Иванченко.

На винограднике женщины подвязывают лозу. Здесь и неутомимая Серафима Березовская. На ней трикотажные брюки в обтяжку, подвернутые выше колен, легкий

лифчик; цветастая кофта служит передником. Серафима привыкла все делать всласть: качать права, работать, есть.

Вот женщины устраиваются обедать, сидят по двое-по трое. Сидит с подругой и Серафима, она чистюля — сначала расстилает большую свежую салфетку, потом располагает на ней свою снедь: пирожки, половину курицы, горшочек с чем-то запеченным, несколько огромных помидоров, баночку сметаны. Все это она потребляет так, что вызывает не отвращение, а веселые мысли о вечной прелести здоровой, свободной, всегда правой плоти. Покончив с обедом, ложится, жует травинку, побалтывает ногами.

В стороне, возле своей машины, о чем-то разговаривает с трактористом Иванченко. Серафима наблюдает за ним.

— Подход к Иванченке хочу найти!..— мечтательно сообщает она подружке, переворачивается на спину, зажмуривается.— Начну с намеков.

— И охота тебе...

— Ой, охота! Какой он без очков? Снимает же когда-нибудь...

— Все одинаковы.

— Ой, не кажи! — сладко улыбается, задумывается.— Не, намеков не поймет.

— Тогда давай, как мужик: без подхода.

— Без подхода неинтересно. — Серафима садится.— Серединочкой пройду!

...Грузовая машина везет женщин с виноградника в село. У заднего борта сидит Серафима. Она смотрит на пустынную дорогу, уходящую назад, и видит появившийся «газик» Иванченко. Серафима снимает с пояса кофточку, будто намереваясь прикрыться, и роняет ее за борт. Кофточка теряется в клубах пыли.

Пыль улеглась. Иванченко замечает посреди дороги потерянную вещь, останавливается, поднимает ее, не выходя из машины, и прибавляет газу.

Вот обогнал грузовик с женщинами, остановился, машет кофточкой: чья, мол? Серафима всплескивает руками, закрыва-

ется ими крест-накрест — ни дать, ни взять школьница.

Невозмутимо целомудренное лицо Иванченко, протягивающего через борт кофточку Серафиме. Принимая кофточку, она улыбается ему так, что он, оставшись один на дороге, озадаченно пожимает плечами.

Над пшеницей, словно по воздуху, движется никелированная коляска. Она — на крыше «Волги». Это Иванченко и Сербул-старший везут Фому в село. Фома вертит головой по сторонам. Домой, в колхоз. Вырвался!

Посмеиваясь, рассказывает:

— Да, пришел с войны, зализал плечо, ногу. Хозяйную. И вот одна... Ну, такая язва! Как собрание — встает и кроет. В хвост и в гриву. Все ей не так! Ну, думаю, подожди... А мужик у нее — кот наплакал мужика, даже на войну не брали. Подкараулил ее как-то в лесополосе... А может, и она меня... В общем, взаимно. И что же вы думаете? Шелковая стала! Обе руки за меня! Я после этого и хозяйин, и заступник — отец родной...

Хихикает Сербул, вежливо, втайне неодобрительно, улыбается за рулем Иванченко.

— Гони,— говорит ему Фома.

Иванченко не реагирует. «Волгу» обходит грузовик.

— Давай-давай! — понукает Фома.

«Волгу» обходит еще один грузовик, Иванченко по-прежнему невозмутим, только набычил шею.

— Стой! — командует Фома. Иванченко останавливает машину. — Ты чув, что было сказано?

— Фома Михайлович, ты забыл,— говорит Сербул.— Он за всю свою сознательную жизнь не дал больше шестидесяти!

— Я ж засну!

— Принцип! — одобряет Сербул Иванченко. Тот трогает машину.

Фома чертыхается себе под нос.

...Втроем стоят у поля, где раньше бы-

ла погубленная Балясным свекла, а теперь молодая кукуруза.

— Почему кукуруза? — недоумевает Фома. — Где буряк?

— Пришлось пересеять,— объясняет Иванченко.— Балясный постарался...

— Опять Петро?! — грозно хмурится Фома.

...Наконец село. Проезжают мимо колхозного гаража. В одном из его боксов видна пожарная машина. На табуретке, в воротах, сидит занятый чисткой брандспойта Иван Лукаш. На голове у него фуражка пожарника с кокардой, на плечах кожанка, лицо насупленное.

— Иван Фомич сидит. Станем? — говорит Иванченко Фоме, глядящему в другую сторону и, не дожидаясь ответа, тормозит перед воротами.

— Хай сидит, воруяга! — Фома распаивает дверцу, рассматривает выпрямившегося Ивана.

Говорит и смотрит гневно, но глаз все-таки отцовский, тревожно-жадный к подробностям, по которым можно судить о том, что главное всего для родителей: здоров ли сын? Стоптаные ботинки, заострившиеся колени, истончившаяся шея... Все заметил, обо всем что-то заключил.

— Что это у него за картуз?

— Мы его пока в пожарные перевели, — объясняет Иванченко.

— Так ему и надо.

В этом — весь Фома с его простодушной уверенностью, что работа «не бей лежачего» есть не благо для человека, а наказание. Но таков же и сын, и потому последние слова отца для него — нож в сердце.

— Я не могу пожарным! — Поднимается он, отбросив брандспойт. — Я работать должен!

— Кто не давал?

— Сними карантин.

— Прости-и-м хлопца, простим! — с наигранной уверенностью говорит Сербул.

— На скамью сядешь, — отвечает сыну Фома. — Такой тебе будет карантин. От двух до шести!

Захлопывает дверцу машины.

Контора бригады Балясного. Как всегда поутру, на крыльце и под крыльцом толпятся колхозники, стоит пара грузовиков, трактор «Беларусь». Выходит Балясный в сопровождении водителей (один из них — тот самый тракторист, который опрыскивал сарай). Каждый направляется к своей машине.

За углом остановилась «Волга» Фомы, которую никто не замечает.

Балясный, словно что-то вспомнив, вкрадчивым движением пальца вдруг снова подзывает водителей к себе. Первый нерешительно останавливается перед крыльцом, но бригадирский палец неумолим — приходится преодолеть и остальные ступеньки. Балясный велитдохнуть, глубокомысленношевели ноздрями, анализирует запах... Второй поднимается смелее, а тракторист — с той отвагой, которой русский человек, зная за собой вину, обычно маскирует робость и тем самым выдает себя. Балясный это понимает — смельчачка подвергает особенно тщательной проверке.

Колхозники посмеиваются, кто-то (подалее от греха) прячется за спины товарищей.

От угла за этой экспертизой наблюдает вышедший из машины Фома.

— Ну, как? — осведомляется он, подходя к крыльцу. — Есть трошки?

Балясный картинно всплескивает руками, хочет кинуться к нему, но, заметив выражение его лица, остается на месте.

Фома подзывает его пальцем.

Теперь, к удовольствию колхозников, экспертизе подвергается бригадир.

— Тверезый! — притворно изумляется «на публику» Фома. — Сарай тоже белил по трезвому?

Люди затаили дыханис, слышно тяжелое сопение Фомы.

— Значит, так, — решает он. — С сегодняшнего дня твоя работа — вот, — указывает перстом на трактор. — Не разучился? — вертит воображаемую баранку, поворачивается к подошедшему Иванченко: — Бригаду сдаст в выходной. — И объясняет колхозни-

кам: — Мужика спасать надо, пока не поздно! А то он такого натворит, что всем колхозом не расплатимся.

У подъезда сельской больницы Фома, Иванченко и Сербул снимают с крыши «Волги» коляску.

В кабинете главного врача собрались санитарки, медсестры, врачи. Фома по-хозяйски расположился в кресле, перед ним — коляска.

— Вот такой вам будет от меня подарок, — объясняет он. — То есть больным, которым надо. В районе ни у кого такой панской коляски нема. Я и подумал: надо достать, да. Блестит. Глядите, чтоб всегда блестела! И надумал я вам льготу. До Москвы не знал, какая тяжелая работа у санитарок. То золотые люди — ходили за мной, когда я был в падежном состоянии. Семьдесят рублей им платят и больше ничего. Это грóши? В общем, от меня вам будет такая привилегия: таким, которые ходят за падежными больными, — бесплатное питание в столовой колхоза.

— Фома! — громко говорит одна пожилая женщина. — Чем же тебя самого в той Москве кормили?

— О, только птичьего молока и не хватало! А вообще, боли на первых порах были страшные. Ты, говорю врачихе, дай мне спиртику — на стенку лезу. И она стала давать, тайком, грамм по тридцать за раз. Так что же вы думаете? Узнали! По анализам узнали и говорят: кто-то не тем тебя, Фома, снабжает. До чего наука доходит!

— Выдал свою врачиху? — интересуется другая женщина.

— Не. Молчал!

Жена Фомы Палажка кормит кур во дворе. Двор увит виноградной лозой, чисто подметен. На ногах у нее тапочки с меховой оторочкой. Завидев Фому, ставит на землю сито, куры тут же бросаются к нему. Вытирая руки, она спешит к мужу.

— Приехал?
 — Привезли.
 — А Иван-то... Ой, горе-горе...

... Самая большая комната в доме Лукаша. На стене — снимок Фомы с Гагариным. Тахта, сервант с посудой и подарками от всевозможных делегаций и организаций: вымпелы, флажки, вазы, макеты кораблей, танков, спутника.

За столом кончают завтракать Фома и Сербул.

— К прокурору зараз поедешь? — встает Сербул. — Тянуть не стоит.

— Ни к кому не поеду. Получай, что заслужил!

— Ну да. За лишним трактором ты хоть на край света...

— И все, и кончен разговор! Пойду гляну, что тут робьётся.

— Ну, нет, — загораживает ему дорогу Сербул. — В селе, что надо, то и робьётся, а разговор не кончен. Разговор, видно, только начинается. — Поворачивается к Палажке, стоящей с руками под передником: — Чего стоишь? Преси! Твой сын или не твой? На коленях преси!

Палажка — в слезы.

— Эх, Фома-Фома, — говорит Сербул. — Я знаю твои мысли, знаю... Что скажут люди, да? Ты отстал. Думаешь, люди тебя похвалят? На руках тебя за это понесут? Не дождешься! Народ да-а-вно перебесился.

Входит Иван, молча садится на тахту. Фома останавливается перед ним:

— Я сын Лукаша, ага? Мне все можно? Мне ничего не будет? — Он вдруг выдергивает ремень и замахивается. — Я Лукаш, а не ты Лукаш!

Иван вскакивает, отбегает в сторону. Фома продолжает пороть тахту, приговаривая: — Я Лукаш, а не ты Лукаш! Я Лукаш, а не ты Лукаш!

Опускается на тахту, сидит, отдуваясь.

Все молчат, только всхлипывает Палажка.

— Фома, — мирно начинает Сербул. — Я тебе скажу. Ты ж никого за сорок лет... Ни одного человека не выгнал из колхоза и не

отдал под суд! Кому сказать, да мне и самому не верится... Всех жалел!

— Никого не жалел, — говорит, несколько успокоившись, Фома. — Не давал дойти до края, своими силами справлялся.

— Факт есть факт, всю жизнь ты жалел чужих. Пожалей своего один раз!

— Елки-молалки, Михаил Никитович! — с горечью восклицает Иван. — За что мне так не повезло? Другие не то делают... А тут... Работал неплохо, люди уважают. На тебе!.. Кем другим он бы так не бросался... Ты это для политики. На моем примере других хочешь научить.

Быку прижигают рану. Больно быку!...

— Я булки за так не взял колхозной! — вскакивает Фома. — Больше всех получал, а в дом — меньше всех! С тем посидишь, с этим, — показывает на стол. — Нельзя без этого. Человек думает, ты с ним за колхозный счет. Она, — пальцем на Палажку, — она вон только знает этот счет! Было время, по соседям занимала... Для политики — что ж это я когда-нибудь делал для политики? Для сводки — не сеял, по снегу — не убирал, завидовал только молодым, любви — не просил, порядка — требовал, славе — радовался... — Оборвал себя, подумал и закончил спокойно: — Пойду гляну...

... Двор Фомы — третий с краю, а к улице вплотную подходит пшеничное поле. Выйдя за калитку, Фома видит, что в пшеницу забрели чьи-то гуси.

— Чьи гуси? — спрашивает, не поворачиваясь к Сербулу.

— На них не написано.

— Выгони.

Сербул усматривает в этом добрый знак и трусит выгонять гусей. На ходу просит:

— Прозвони куда надо... Съезди!

Из небольшого дома выходит пожилая женщина с мешком и серпом. Это Степанида. Она жнет траву на меже огорода, потом — в какой-то заросшей канаве, под стенами каких-то строений. Старательно набивает мешок, несет его, согнувшись, в сарай.

... Высыпав траву в ясли корове, Степанида с трудом разгибается. Болит поясница, болит... Садится доить.

На нее падает тень — это встал в проёме двери Фома. Степанида, мельком взглянув на него, продолжает доить.

— Всё мордуешься? — спрашивает Фома, закуривая.

— Брось сигарку. Дымишь тут.

— Лежал в больнице, думал: продала или не продала? Хай молодые держат.

Степанида молчит.

— С твоим радикулитом... Ты мне звезду затемняешь, — показывает Фома на лацкан пиджака, где поблескивает Золотая Звезда.

— Я обязанный, чтоб тебе легче жилось.

— Мне твои звезды без разницы. Хоть спи с ними.

Степанида идет с подойником в дом, Фома — за ней.

Степанида процеживает молоко.

— Налей, — просит Фома.

Степанида достает из шкафчика четвертинку.

— Этого налей, — смеется Фома, показывая на подойник.

Отпивает из большой белой чашки.

— Такое ж, как и колхозное. Никакой разницы.

— Ума у тебя нема, — вдруг с горечью и в то же время с нежностью говорит Степанида. — Вот ты уйдешь, а кому я расскажу, что приходил? Полаюсь с кем, обидит меня кто, поплакать захочу, пожаловаться — кому? Да я приду к ней вечером, траву брошу, вот так припаду к ней... Жует, слушает — мне и легче.

— Ладно, — встает взволнованный Фома. — Я к тебе приходи́ть буду, мне будет рассказывать.

— Поздно, Фома, поздно, — грустно улыбается сквозь слезы Степанида.

Крякнув, Фома машет рукой и уходит.

На кладбище несколько пожилых женщин наводят порядок. Фома останавливается у ограды и окликает ту, что ближе к нему.

— Ты кого прибираешь?

— Не знаю, Хома. Могилу.

— Та то ж Самородкин! Лодырь, симулянт... Сначала Кузьменка прибери, — показывает рукой на соседнюю могилу. — Труженик! Такие делал колеса, что до сих пор ходили б.

— Приберу и его, не хлопчись. Их уже не нам обсуждать!

Однако, если уж Фоме что-то пало в голову... Не успела женщина оглянуться, как он уже возле нее.

— Дай сюда. — Берет у нее грабли и ставит их к обелиску. — Прибей! Я за него, как баба, плакал!

Женщина берет грабли, Фома прохаживается между могил, показывая ей то на одну, то на другую.

— Петренко. Пастухом был. Таких пастухов уже нема... Михайло Скорик. Работал... Кавун. Симулянт. Степанчикова баба. Погуливала... А и работала ж!

Уходя, заключает:

— Все работали. У меня все работали!

— Фома! — окликает его женщина. — Ты Ивана-то своего... выручай. Свой все-таки.

Фома хмурится.

— Тебе легче будет, что он сядет? Он что, убил кого или зарезал? На поруки возьмем.

— А завтра твой попадетсЯ — ко мне прибежишь?

— А то к кому же? К тебе!

Возле кладбища Фому настигает Сербул. — Бегать за собой заставляешь. Ключи подбирать.

Фома молчит.

— Христом-богом прошу: спаси хлопцев, не доводи до суда, — просит Сербул. — Семья тоже не последнее дело. Для кого ж мы это все?..

Фома молчит.

Сербул преображается.

— Каждый хочет жить для себя и своих детей, это по природе. А ты сам не живешь и другим мешашь. Кто-то должен сказать тебе правду: надоел!

Фома молчит.

— Не доводи до греха. Тебя никто не свалит, а я — свалю. За хлопцев. Не знаю, как, а свалю. Сам поможешь. За что-нибудь дерну — и полетишь.

Фома отстраняет Сербула с дороги.

На околице села — белый коттедж, окруженный деревьями и клумбами. Это, как явствует из вывески, дом престарелых колхозников.

На крыльце Фому останавливает служительница в белом халате.

— Вы куда, Фома Михайлович?

Говорит она тем строго-покровительственным тоном приучения к порядку, который свойствен воспитательницам детских садов, некоторым учителям, врачам.

— С дедáми надо побалакать.

— Нельзя, мертвый час.

— Мне можно.

— Вы сами этот час установили. Мне приучать их знаете сколько стоило? Как дети...

Фома, чертыхаясь себе под нос, выходит за ограду. В окне показывается белобородый старик. Это Нестор. Фома жестами зовет его к себе, давай, мол, сюда, на скамейку, через окно.

Нестор, кряхтя, выбирается.

Сидят на лавке у забора.

— Когда ж это ты последний раз так лазил? — говорит Фома.

— Годов считай... Много годов. — Нестор тычет пальцем через плечо на коттедж. — Шестьдесят тысяч на нас, безродных, тра-тишь. Мыслимое ли дело!

— Куда ж вас?

— В землю, Фома, в землю.

— «История» с тобой?

Из-за ремня штанов, отвернув рубаху, Нестор достает толстую потрепанную общую тетрадь.

— Запиши про мой возврат, — говорит Фома. — Из Москвы, после тяжелой операции и лечения...

После паузы — словно вскользь:

— Про воруягу моего уже записал?

— Записа-а-ал! Все тут, — стучит Нестор по тетради. — Все!

— Что скажешь насчет погоды? В уборку не зальет?

— Хреновая будет погода. Какие порядки, такая и погода.

— Ты чего это?

— Ты с этой глупостью, что зараз всю работу на час позже начинают, разберись давай! — кричит Нестор.

Фома оглядывается, и в глаза ему бросаются электрочасы на столбе.

— Как — позже? Ты что мелешь? Так-так... Давай сюда «историю»! Где тут это?

Нестор помогает ему найти нужную страницу. Фома читает.

— Ага! Березовская.. Её мать хлеб хорошо пекла. Иванченко... Понятно. Его бабы сбили, а ты сразу писать. Понаписал тут без меня! Зачеркни. — Он возвращает тетрадь и поднимается.

Норовя взять одним махом две ступени, Фома взбирается на крыльцо колхозной конторы, гремит шагами по коридору, рвет дверь в свою приемную, велит секретарше:

— Иванченка сюда! — И скрывается в кабинете.

— Слушаю вас, Фома Михайлович, — появляется подчеркнуто официальный Иванченко.

— А-а, ты хочешь официально? Товарищ Иванченко! Дайте объяснение, на каком основании вы это самоуправство... Я имею в виду того, что вами изменен порядок трудового распорядка в колхозе, что все теперь — с восьми утра.

— Этого потребовала масса.

— Тебя бабы сбили — масса! За меня оставалась не масса, а ты. Чего ты их боишься? У тебя к ним никакого подхода!

— Дело было так... — твердо начинает Иванченко.

— Кто ж так делает, кто? С подходом же надо, по-умному, по-людски! Вот смотри...

Восстанавливается картина того самого заседания правления, только заглавное место за столом теперь занимает Фома.

Березовская. ...Все, как ты сказал, только на час позже.

Фома (мельком, но внимательно посмотрел на нее). Скажи подробно. Эй, хай все зайдут. Такое дело надо подробно.

Фома комментирует Иванченко свое решение:

— И это ей приятно — что я, значит, всех позвал ее слушать.

Березовская. *Время сейчас такое... Это же для нас передают: постановки, кабачки, футболы, огоньки. Чтоб мы смотрели, раз у нас глаза есть. Кому-то это надо, чтоб у нас развитие вот такое было, — показывает мизинец. — Сдвинулась ночь, пора сдвигать и утро!*

Фома молчит.

Наедине с заместителем комментирует:

— Молчать надо долго, чтоб начали галдеть. То не колхоз, если не галдят.

И галдеж начинается:

— Мужикам оставить как есть, а для баб — сдвинуть.

— Мужики что, уже не люди?

— Сдвигать — так для всех.

— На заводах того нет, что мужчины раньше женщин на смену заступают.

— Завод — это завод.

— Доказал! А колхоз — это колхоз.

Фома комментирует:

— А ты сиди и слушай. Не может быть, чтоб все с ней согласились. Кто-то всегда против. Обязательство! Кто-то себя заявит, жди.

И действительно.

— Серафима! — громко говорит одна из женщин. — Не тебе бы это дело поднимать. Живешь без детей, мужик — за кухарку. Помолчала б!

— Баба заявила! Это хорошо, что баба. И вот этого человека ты возьми себе на заметку. На него тебе опираться. Ободри его!

— Да ты и без детей не выпылаешь бы — по твоей жадности к работе, — льстит Фома своей стороннице. — И мать твоя, и сестры твои — эх, мало кто так ворочал! Автобуса те годы в колхозе не было, пешком километры меряли... Еду, бывало, на тара-

гайке — ну, совестно смотреть, что ты на таратайке, а люди на своих двоих.

— За автобус она молчит, — все больше заявляет себя противница Березовской. — За те часы, что от сна для пешего хода отрывала, не говорит!

Отвлекаясь от темы, Фома поворачивается к открытому окну.

— Хлебом пахнет... Что там с форсункой на пекарне? Наладили?

— В порядке, — отвечает механик от двери.

Фома — Серафиме, в высшей степени доброжелательно:

— Как твоя мать, никто у нас хлеба не пек, хай земля ей будет пухом. Я, бывало, как забуду с утра кусок в карман сунуть, так и думаю: где ж это она седни полет, ее хлебом разживусь. — Вздыхает. — Золотой была человек...

По-домашнему свободные позы, все готово, о том, о сем толкуя, сидеть хоть до утра.

— За пекарню эна тоже забыла, — говорит о Серафиме механик.

— При чем тут пекарня? — раздражается та.

— Притом, что от дежи ты давно свободная и встаешь в шесть, а не в три-четыре — печь на свое семейство!

— Так что, с вечера нас за это выходить заставите? — поддевает его молодая женщина, согласная с Березовской.

Наедине с Иванченко Фома комментирует:

— У-у, язва! Ладно, молчи. Должен тебе сказать, что если взять десять человек, то за свое мнение до конца будут стоять двое-трое. Это закон, я давно высчитал. Остальные липнут к большинству. Иначе б никогда ни до чего договориться не могли и никакого б дела не сделали. Молчи, пока не увидишь, что на весах не хватает только одной гири — твоей. Тогда бросай.

— Что ж, товарищи, — говорит Фома на заседании чуть-чуть официальнее, чем прежде, — телевизор, катание, постановки — оно конечно. Смотреть надо, раз показывают.

А порядок трудового распорядка у нас старый, это да. Но с учетом того, что и автобус, и пекарня, и прачечная — сравнения никакого. Как на меня, утренний час — все же лучший час! Будем голосовать?

Наедине с Иванченко:

— А если увидишь, что и без тебя твоя возьмет, не лезь совсем, понял?

— Нет.

— Нет? Чего же ты не понял?

— Однако я не понял, Фома Михайлович, — мягко, но с внутренним напором говорит Иванченко. — Почему моя должна всегда брать?

От изумления Фома раскрывает рот.

— И почему это я должен стремиться, чтобы моя всегда брала? — заканчивает Иванченко.

— Ты на то поставлен!

— Я так не думаю.

— А ты, — присматривается к нему после паузы Фома, — не прѳстый.

— Не простой, Фома Михайлович.

— Мое распоряжение будет такое, — закругляет Фома. — С завтрашнего дня робѳить по-старому. Как было, так и будет. Мужики — в шесть, бабы — в семь. Ранний час — лучший час!

В кабинет заходит главный зоотехник Семенова.

— Вы уже закончили? Я, Фома Михайлович, по-личному.

Иванченко уходит, мельком взглянув на Семнову, и ее джерсовая фактура, мешок ее фигуры, туго набитый жиром, напомнили ему ту гусеницу, которую он показывал Балясному.

— Подожди о личном. — Фома берет протянутый ему листок бумаги. — На птицеферме разберись. Я тут сводку посмотрел. Похоже так: одна курица несется, десять дурака валяют.

Читает заявление Семеновой.

— В правление колхоза... принять мою мать Прасковью Ивановну... Ага, одна несется, а десять дурака валяют. У людей, вообще-то, тоже так... Мою мать Прасковью

Ивановну, в связи с условиями и здоровьем, в колхозный дом престарелых.

Долго глядит в стол.

— Во-первых, твоя мать не колхозница. Получает государственную пенсию как почтовый работник.

— Но я-то колхозница. Столько лет главным зоотехником...

— Государственных людей колхоз не содержит. Их содержит государство, а мы ему налоги платим. Что ж выходит — и налог плати, и государственных людей корми?

— Там такие условия! Чистота. И близко ж, считай, дома. Фома Михайлович, возьмите старуху! — голос Семеновой становится доверительным. — Надоело с ней. Ко мне люди приезжают, по мне обо всем руководстве должны судить, а ей же этого не объяснишь! Придумала: ее отделяют от стола.

— От стола не отделяй! — грозит Фома пальцем.

— Вы знаете, при моей работе никого не приглашать — значит не работать. А тут — она... И такая двуличность! Когда свои за столом — не сядет, нет. При чужом ей надо, при чужом! Картошечки в мундире себе внесет, на краю вот так приткнется — смотрите, какая она несчастная!

Это истинная правда, и потому Фома отвечает не сразу и спокойно:

— Что люди скажут? Родную мать — в богадельню. Не так это как-то...

— Для кого-то и родного сына в тюрьму — не так. А я согласна с вами: так!

— Ну, спасибо тебе, — негромко, через силу, говорит Фома. — По-доброму ты не поняла. Может, так поймешь? — Грохает кулаком по столу. — Родную мать — в богадельню?! Вы что, разложить колхоз мне хотите? Село, где хотя бы один человек отправил свою мать в богадельню, надо тот же момент стереть с лица земли. Чтоб и на карте его не было! — Выходит на середину кабинета, потрясает руками. — Сорок человек в том доме, и все — безродные. Ваша мать была б там первой при живых детях. Ни один рядовой колхозник... всякне есть, и

пьяницы, и живут по-всякому... Никто с такой просьбой не пришел, ни один! Это сильно грамотный, сильно ушлый мог додуматься.

Возвращается за стол.

— Я вот возьму твое заявление да Нестору... В «Историю». Хай вклеит. — Семенова тянется к заявлению. Фома брезгливо кидает его на край стола.

— На птицеферме разберись, — буднично говорит ей в спину.

Колхозный радиоузел. Перед микрофоном сидит Фома, Иванченко и радист.

— Включай! — велит Фома радисту.

— Фома Михайлович, — Иванченко отодвигает от него еще не включенный микрофон, — призываю вас подумать.

— Это ты сначала думай, потом делай, — добродушно отвечает Фома. — Я думаю и делаю одновременно. Включай!

— Погодите, — Иванченко останавливает радиста. — Люди потребовали нового распорядка. Как это отменить, из-за чего? Война? Стихийное бедствие?

Фома вынужден объясниться:

— Я не могу, чтоб был пример, что одна крикуха верх взяла. Это надо сразу. — Тянется к микрофону. — Иначе нам тут делать нечего.

Иванченко отодвигает микрофон еще дальше.

— Вы этого не сделаете.

Фома встает, отбирает у него микрофон, идет, распутывая шнур, к окну. Иванченко преграждает ему дорогу.

— Фома Михайлович!

— Что — Фома Михайлович! — И радисту: — Включай!

— Ни в коем случае!

— Кому сказано? — топает Фома на радиста.

Тот включает. Фома дует в микрофон, проверяя.

— Здравствуйте, кого не видел, это я. Вот что хотел, чтобы не откладывать. Мы тут посоветовались... Товарищ Иванченко

мне доложил, каким путем изменен трудовой распорядок в колхозе... Обсудить пришлось со всех сторон, времени не пожалели. Двух мнений у нас не было: допущена поспешность. Ну, да дело поправимое...

Иванченко не верит ни своим глазам — такая мирно-деловая у Фомы осанка, ни ушам — такой спокойный, располагающий к доверию и согласию у него тон.

— Часов навешали, — несердито сокрушается Фома. — Разучились по солнцу смотреть? Вылезет одна крикуха, а все за ней.

Иванченко сидит, низко пригнувшись.

— Ага, двух мнений у нас не было. С завтрашнего дня робить будем, как и робили: мужчины — с шести, женщины — с семи. Бригадирам мною дается команда к восьми представить сведения об опоздавших. И прошу не обижаться. Все, до свидания. Не, еще одно...

Репродукторы на столбах разносят последние слова Фомы:

— Гуси! Сколько можно предупреждать? — Голос приглушается, слышны отдельные слова. — Терпеть такое положение... Это хлеб! Принимать меры... Совесть...

С небольшим чемоданчиком, в сопровождении милиционера и убитой горем матери, выходит к «воронку» из дома Иван Лукаш.

Вышедший из дома напротив, к нему присоединяется Степан Сербул.

Сербул-старший, постояв за воротами с невесткой и женой и проводив скорбным взглядом машину, уходит в дом.

В комнате он потерянно осматривается. Со стены на него смотрят Фома и Гагарин... Сербул всхлипывает, срывает рамку, бросает на пол. Звенит разбитое стекло. Потом Сербул хватается за ножницы и аккуратно, хоть и неверными руками, отделяет Гагарина от Фомы. Гагарина кладет на стол, а оставленного на полу Фому начинает топтать ногами.

Рано утром Фома выходит из дома. Ненавистные часы на столбе показывают пять. Улица пустынна.

В половине шестого Фома появляется у гаража, садится у ворот. Ждет.

Часы над воротами гаража показывают без пяти шесть, и тут появляются первые водители.

Фома встает, улыбается, но их лица ему не нравятся. Кто-то здоровается: «Доброе утро!» — с ироничным укором на слове «доброе», кто-то говорит полностью, раздельно: «Здравствуйте, Фома Михайлович», а кто-то ограничивается коротким «Здрасьте». И каждый норовит быстрее проскользнуть мимо. В интонациях, в движениях одно: мы, мол, тебе подчиняемся, но и только.

Оставшись один, Фома пожевал губами:
— Ишь ты!

Свекловичное поле на околице. Шеренга женщин, пропалывающих свеклу. Семь утра, а уже так жарко, что те, кто помоложе, разделись до купальников.

С улыбкой, не забывая, впрочем, посматривать под ноги, проверяя качество работы, Фома подходит ближе.

— Здравствуйте, ударницы! — говорит он строго-ласково, но не совсем естественно.

В ответ — недружное бормотанье.

— С какой это ноги вы седни повставали?

Молчат.

— Вас спрашивают: с какой это ногн...

Оборвал себя и быстрым шагом пошел прочь. В том, как он повернулся и пошел, — все вместе: и гнев, и обида, и растерянность, в которой сам себе не хочет признаться.

...Иза за кустов, скрывающих большой дом, слышится сап старательно работающего человека. Фома прислушивается, раздвигает ветки и видит: в яме стоит Серафима Березовская. Не замечая Фомы, она продолжает копать, как машина. Летят комья земли.

— Чего мордуешься? Погреб?

— Не, — утирается. Серафима. — Гараж. Мужик решил: сама едешь, сама и гараж... Что-нибудь зробишь?

— Какая ж у тебя машина?

— Фият. — Серафима, опершись руками о края ямы, вылезает и откидывает брезент со стоящей рядом машины. Скрученный бампер, смятый капот, треснувшее переднее стекло. Фома присвистывает. Серафима срывает косынку и тычет пальцем в шишку на лбу: — Вот какие у тебя шофера. Вылетел дурак на полосу встречного движения...

— Ну, а где ты должна быть в это время? Не на работе?

— Успею, зараз только семь.

— Так-так, — Фома берет у нее лопату, и по тому, как ее держит, видно: растерян и сейчас взорвется. — Симулируешь?

— Дай лопату, — требует Серафима, почуввав неладное.

Фома замахивается лопатой на машину, готовый разнести ее вдребезги, но берет себя в руки. Вид у него грозный и в то же время какой-то жалкий.

— В конторе получишь.

...В таком вот состоянии — удрученный, разгневанный — он и натывается на картину, которая может вывести из себя хоть кого: гуси в пшенице. Второй раз за эти дни. Причем, их стало больше. Одни пасутся в посевах, другие, растянувшись по улице, с гоготом спешат туда же. И не видно кругом ни одной живой души.

Гусакам без разницы, что перед ними сам Фома, — шинят угрожающе, норовят цапнуть за штанину.

Фома бросается в дом и вылетает с ружьем наперевес.

Первый выстрел — наугад, в воздух, на бегу.

Над пшеницей и вдоль улицы летят гуси. Некоторые пожирнее, бегут, переваливаясь.

Фома палит.

Из домов на улицу выбегают люди.

После всего, что свалилось на Фому, ноги сами принесли его к Степаниде. У той — обеденная дойка коровы.

— В самом деле каждый день приходиться будешь? — оборачивается к нему Степанида.

Тяжело опираясь на ружье, Фома присаживается у порога на корточки:

— Рассказывай.

— Сам рассказывай. Навоевался?

Фома мучительно мнет лицо.

— С тобой и в коллективизацию такого не бывало, — говорит Степанида.

— Тогда гусей было меньше.

В доме, где Степанида процеживает молоко, Фома просит:

— Налей.

Она достает чашку, хочет зачерпнуть молока.

— Не этого, — печально улыбается Фома. — Того, — кивает на шкафчик.

Отхлебывает из рюмки и снова мнет лицо. Степанида хочет погладить его по голове, но он тяжело увидит голову из-под ее руки.

Перед двором останавливается Нестор. За ремешок, которым подпоясана его кофеварка, заткнута «История».

— Степанида! Дай напиток или выпить.

— Заходи! — приглашает она.

Зашел. Не глядя на Фому, выпил рюмку, крикнул.

— Этот случай, что сегодня, ты не пиши, — говорит ему Фома, не поднимая головы.

— Запишем. Над моей рукой начальников нема. Все запишем!

— Под каким видом?

— Под видом факта: бандитизм Лукаша преподобного! — хлопывает Нестор тетрадь по столу.

— Какой там факт? Случай. Факт — это когда чего-нибудь достигли. Это — факт, это — история, и всем хорошо. Не записывай.

Нестор отрицательно качает головой.

— Вот и тебе вышла проверочка... Ты им свой? — кивает на Степаниду.

— Их спроси, — отвечает Фома.

— Ты им свой, пока они все по-твоему!

Приговор суров, и клонится-клонится под ним белая голова Фомы.

... *Быку прижигают рану. Больно быку!*

— Не записывай, — тихо повторяет Фома.

Волоча ружье и патронташ, Фома заходит в кабинет к Иванченко. Вид у него виноватый, непривычно сокрушенный. И Иванченко больше с болью и жалостью, чем с упреком говорит:

— Я все-таки всегда думаю: что я делаю, как надо, что обо мне скажут?

— Ну и жизнь у тебя! — неожиданно улыбается Фома.

Всего, что угодно, ожидал от него Иванченко, только не этих слов.

— Да при чем тут моя жизнь?

— Человек — тогда человек, когда сегодня он, как надо, как правильно, а завтра — черт знает как!

— Вы и в райкоме это скажете себе в оправдание? Нестор по селу уже пошел, работу проводит: проверочка вам, говорит, уже вышла!

— Хай говорит. По таким случаям люди никогда не судят. Люди судят по личности. С одной личностью черта сделаешь, а с другой все из рук валится. Меня, был молодой, бабы любили и люди любят. А тебя...

— По селу не я пошел. Осталось, говорит, только оформить.

Фома задумывается.

— Оформить так оформить! На ту субботу назначую досрочное перевыборное собрание. По вопросу о моем недостойном поведении. Заодно — насчет порядка трудового распорядка. Хай думают. Или я и мой порядок, или...

Парнишка с бородкой — колхозный художник — малюет, насвистывая. «Объ-

явление. В субботу, 20 июня с. г. в помещении Дворца культуры состоится общее колхозное собрание. Повестка дня: 1. О председателе колхоза. 2. О трудовом распорядке в колхозе. Явка всех трудоспособных членов колхоза обязательна».

... В самых разных местах — у Дворца культуры, у входов на машинные и скотные дворы, просто на заборах — парнишка наклеивает объявления.

— Что за самодеятельность перед уборкой? — с досадой восклицает у себя в кабинете секретарь райкома партии Хомков. — Нарисовал объявления... Сам назначил собственные перевыборы!

Перед ним — экземпляр объявления, доставленный Иванченко. Кроме Иванченко и Хомкова, в кабинете еще два члена бюро. Один, покуривая, стоит у окна, другой прислонился к книжной стенке.

Первый член бюро. Если каждый будет назначать собственные перевыборы!..

Второй член бюро. Каждый на это не пойдет.

Хомков (после паузы). Обычное дело. Где в шесть, хотя в семь. Где в семь, хотя в восемь... Дошло до восьми — скоро в девять захотим.

Первый член бюро. В девять — сельское хозяйство прекратится.

Хомков. Или выйдет на новый уровень...

Второй член бюро. Понять деда можно. Сын... Тут с этим распорядком добавилось. Возраст, характер... Если б хоть не эти гуси!

Иванченко. Придется, видимо, собирать актив и заранее проводить работу в пользу Лукаша. Перед этим — строгий выговор.

Первый член бюро. Думаете, иначе не удержится? Прокатят чудака?

Иванченко. Могу.

Хомков (задумчиво). Он хочет выйти к людям без наших подпорок, я так понимаю... Пусть!

Иванченко. После того, что допустил...

Хомков. Именно после того! Вот тут (показывает на ковер перед своим столом) краснеть давно попривыкали. Там попробуйте! (После паузы, твердо). А устраниваться не имеем права!

Думает Хомков, думают члены бюро. Им не всегда нужны слова, чтоб узнать мнение друг друга. Хомков узнал без слов и заключает, глядя на Иванченко:

— Замену готовить не будем. Рискнем без подпорок... А на собрание я все-таки поеду!

На именинах у колхозницы Маланьи. За столом она сама — полная женщина с платком на плечах и с Золотой Звездой на кофте, рядом с ней ее подруга Палажка, Иванченко (этих именин ему сегодня только и не хватало, но ничего не поделаешь: именинница такая, что надо присутствовать...), дальше Сербул, Бальясный, Назаров, Семенова, Серафима, Нестор, еще кто-то. Палажка снимает козынку, поднимает рюмку.

— Это сколько ж тебе? — обращается к Маланье.

— Шестьдесят семь, Палажка.

— Ну, чтоб еще столько.

Застолье в разгаре, поют.

Палажка смотрит на Маланью и, что-то вспомнив, резко отворачивается к Иванченко.

— Я не могу, Степан... Хоть тебе пожалуюсь.

— Ну, пожалуйста, Пелагея Гавриловна. На кого?

— На Хому, на кого ж! Все годы... Такие большие награждения! Целый воз медалей, орденов... Всем дал! Себе — звезду, Маланье вон — звезду. Только мне — медали пожалел. Я ж своя, своей не надо. Выйду в поле, до обеда — нор-

му кукурузы, после обеда — норму подсолнуха. Спроси: кто лучше Палажки робыл? Зарас спроси!

— Никто, — говорит Березовская. — Все ей мало было.

Палажка смотрит на Маланью.

— Маланька! Сними свою звезду. Сними, а то мне обидно. — Закрывает глаза руками.

Из дома выходит в сад Иванченко. Сияет луна, на дорожке — длинные тени деревьев. В одном светлом месте Иванченко, прогуливаясь, замечает голубой газовый шарфик, поднимает его и слышит над собой тихий смех Серафимы.

— Поднял! — шепчет она счастливо. — Знал, чей?

— Да нет. Признаться, не знал, — растерянно бормочет Иванченко.

Серафима наматывает шарфик на палец.

— Это лишнее, Серафима Павловна.

— Конечно, — смеется она и углубляется в сад.

— Серафима Павловна, да послушайте же!

Остановилась, потупилась.

— Выбросьте из головы, — бормочет Иванченко. — Мы же взрослые люди.

В сад вышли и стоят, покуривая, Сербул, Баясный, Назаров. С ними некурящая Семенова.

— Да-а, — говорит Назаров. — Это новость.

— Конечно... Оно бы, — тянет Сербул, присматриваясь к собеседникам. — Оно бы конечно!

Кажется, поняли.

— Но! — смеется Сербул. — Рассчитывать, что все поднимут против него руки, нельзя.

— Я сам не подниму, — объявляет Назаров. — Такой чтобы слетел, не то должен устроить. Если б он село запалил!

— И то б смолчали, — мрачно смеется Баясный. — Решили б: ему виднее, он хозяин.

— Можно и без рук, — замечает Сербул. — По уставу теперь можно хоть открыто, хоть тайно... Для чего-то это писалось?

Курят.

— Не секрет, — уже быстро и деловито развивает свою мысль Сербул. — За него могут проголосовать и тайно. Не страшно! Главное — чтоб тайно. Он поймет этот намек. Сорок лет выбирали открыто, а тут решат тайно?! При его гоноре сам дверями хлопнет.

— Что и требовалось, — радуется Семенова.

Уходят из сада.

— Собрание буду вести я, — на ходу говорит Сербул.

— Откуда ты знаешь? — не понимает Баясный.

— А вы на что? Выдвинете! Родню подключать только дальнюю...

И вот собрание. До отказа набитый зал Дворца культуры.

— ...Какие предложения по составу президиума? — говорит Иванченко ровным будничным тоном, и некий мужчина в зале торопливо вынимает бумажку из кармана. Но Баясный начеку.

— Председателем собрания предлагает товарищ Сербул Михаил Никитович! — вскочив, кричит он. — Он ревкомиссия, ему все карты!

— Зачем так громко? — невольно морщится от его крика Иванченко. — Я все слышу. Может, сначала президиум в целом, а уж потом председателя.

— Требуем учесть мнение колхозников! — оглушительно кричит, всех удивляя своим раздражением, Семенова.

— Хорошо-хорошо, — успокаивает ее Иванченко. — Еще?

... Президиум занимает свои места. Покачивая головой (он так уютно устроился в углу!), поднимается со своего места Сербул.

На трибуне — все реже встречающийся тип медлительного, туповато-старательно-го, любящего самые грубые и тяжелые работы колхозника. Свернуть может гору, съезть — окорок за раз, выпить — ведро. Возбравшись на сцену, он поворачивается к Фоме.

— Хочу спросить: по работе, вы, товарищ председатель, что-нибудь ко мне имеете?

Фома отрицательно качает головой.

— И я к вам по работе ничего не имею, — сообщает колхозник. — Хочу спросить второе: по поведению вы ко мне что-нибудь имеете?

Фома кивает.

— И я к нему имею... Ну, выпивал я — кто не выпивает? Раз иду. В тапочках на босу ногу, баян в руках. Летнего времени, правда. А он встречает и... тебя, говорит, в землю вкопать надо, чтоб стоял столбом и свиньи об тебя чесались! Это обращение?! Кто я теперь? Человек? Нет, даже дома столбом называют... Мы же до культуры идем!

— А он тебя подталкивает! — кричат из зала.

— Пить-то после этого ты бросил?

— Не бросил, а сократил. — Спускается в зал колхозник. — Да.

На трибуне Серафима Березовская.

— Лукаш меня назвал, да и в районе меня за такую знают, — крикуха. «Вылезет один крикун и давай воду мутить», — подражает она голосу Фомы. — Горлохватка я, не наш человек. Вот я зараз буду кричать за него. Не против, как всегда, а за! — Березовская становится в позу. — Да такого хозяина нигде нет! Всегда он больше всех: государству — отдавал, своим людям — оставлял. Ехал в Москву первый орден получать, кожух у моего отца покойного выпросил. Председатель без кожуха ходил, а колхоз уже тогда гремел! Дом себе последним построил! — Открывшись, снижает тон. — С ним весело! Кто назовет меня за это крикухой? Кто скажет: «Она воду му-

тит»? Никто. А зараз я буду кричать против него, героя, депутата и все такое. — Принимает прежнюю воинственную позу. — Надоело! Дыхнуть не дает! Всех зажал, как отпускной солдат молодую в лесополосе! Солдат хоть пожмет, да и отпуск у него кончится, а этот сорок лет не отпускает! Одного ждешь: на пенсию скорее от него отпасть! — Снова сбавляет тон. — Ну, и тэ дэ, и тэ пэ. Теперь как? — поворачивается к сидящему в президиуме Хомкову. — Назовете меня горлохваткой?

— Назову, — улыбается Хомков.

— Вот то-то и оно! — торжествует Серафима.

— Крик — не доказательство, — перестает улыбаться Хомков.

— Ага! Тут и доказательство давай. А само то, что я вылезла и — себе не враг! — кричу против него, не доказательство? Не сигнал?

Выступает Балясный.

— Насчет товарища Лукаша говорить не буду ничего, ему меняться поздно, а как на меня, так не очень-то и требуется. А вот некоторым не мешало бы, — поворачивается к Иванченко. — Скажу при всех, бояться мне уже нечего. Ты — не человек. Ну, почему б тебе вовремя не взять меня вот так, — свирепо хватает за грудки воображаемую фигуру. — «Гляди у меня, такой-перетакой! Шкуру сниму с такого-сякого, в землю вкопаю, чтоб стоял столбом и свиньи об тебе чесались!» Да разве б я не понял, не опрыскал бы те разнесчастные семьдесят гектаров?!

Фома толкает локтем сидящего рядом с ним Иванченко: слушай, мол.

— Не хочешь так, скажи по-другому, — продолжает Балясный. — «Петя, голубь ты мой сизокрылый! Христом-богом тебя прошу! Чем хочешь, грызи ее хоть зубами, а дрянь эту ползучую изведи. Уважь мне, Петя!» А ты что? «Петр Иванович, прошу учесть, вредитель этот обладает следующими особенностями...» В гробу я видел эти особенности! Ты меня вот так, —

трясет воображаемую фигуру. — Тогда я все особенности учту! Это ты с целью... чтоб меня убрать.

— Кто еще скажет? — спрашивает Сербул, раздосадованный этой неожиданной для него речью Баясного.

— Разрешите мне, — поднимается Иванченко. — Выступать я не собирался, — говорит он по пути к трибуне. — Но когда-нибудь надо. Если, конечно, дойдет. Хотелось бы, чтобы дошло.

Гудение в зале.

— Фома Михайлович! Если бы не вы... Если бы не такие, как вы, людям было бы лучше, — пережидает гудение в зале. — Бабы, — тоном подчеркивает, что это не его слово, его слово «женщины», — бабы любили бы кого надо: то есть, мужей своих, а не вас! С вами весело, это Серафима Павловна права, но вы создаете заколдованный круг. Это разве порядок: чтобы поверить мне, что луговой мотылек — это действительно опасно, Баясному надо любить меня или бояться?! Мне не нужна ни любовь его, ни страх. Я просто даю ему инструкцию, а он белит сарай и наносит на триста девяносто две тысячи рублей ущерба, а я же для него — не человек!

Мертвая тишина в зале.

— Чтобы Баясный делал то, что надо, — надрывает себе сердце Иванченко, — над ним должен быть Лукаш, которого он бы одно из двух: или любил, или боялся. И никакого третьего, нормального, спокойного чувства... И такими их сделали вы, Фома Михайлович.

— А может, они меня? — говорит Фома.

— Тут, очевидно, все связано. Но этот круг надо как-то разрывать.

Иванченко сходит с трибуны, Хомков делает знак вставшему Сербулу, и тот объявляет:

— Даю слово первому секретарю райкома партии товарищу Хомкову.

— Скажу откровенно, товарищи! — начинает Хомков. — Мне приятно видеть этот полный зал и даже слышать шум в

этом зале... Не секрет, что кое-где собрания превратились в формальность. Скучно бывает сидеть на таких собраниях. К сожалению, мы много говорим о производстве, а друг друга обсуждаем за столами. Фома Михайлович нарушил эту традицию. Он вынес на обсуждение себя — свою, так сказать, персону. Значит, готов работать и дальше. Так мы должны это понимать! В целом правильную получили оценку и факты. Кое-кто этим воспользовался... На полную, как говорится, катушку. Что ж, он знал, на что шел. Но вот я слушал и думал... Диктатор, Серафима Павловна, да? Где вы видели диктатора, чтоб ему это в глаза — любой и каждый, а? Люди у него... Где страх? Где подхалимство? Где тупость и рабья хитрость? Где это все, что насаждает и на чем держится любой диктатор?

— У вас все? — спрашивает Сербул.

— Пожалуй. Повторяю, товарищи. Райком считает: это обсуждение равноценно самому строгому выговору. Ограничиться обсуждением и снова избрать!

— Что ж, предложение райкома есть предложение райкома, — говорит Сербул, глядя в стол. — Как будем голосовать по кандидатуре председателя?

— Что значит — как? — вскидывается на него Хомков.

На плечо ему властно ложится рука поднимающегося Фомы. Ни на кого не глядя, он выбирается к трибуне.

— Товарищи! — Голос у него твердый, суровый. — Вы знаете, как я всю жизнь тут с вами робыл. Ну, вот. Это мое мнение, а у людей мнения могут быть разные. Кой-кого и обидеть, может, пришлось и сильно обидеть! Ну, и пятна на мне есть... Тут и мое поведение, и сына. Что бы ни говорили, а отец за сына отвечает до конца. Так было и так должно быть, иначе ничего путного в жизни не будет... Ну, и вот, чтоб кто из жалости ко мне, из неудобства, расчета или страха — особенно из страха! — не поднял за меня руку, вот чтоб этого не случилось,

я и надумал... Всю неделю думал, никому не говорил, а зараз скажу. Не надо голосовать руками. Вношу предложение и убедительно прошу: кто за, кто против — голосуйте тайно. По-другому не согласный, и это мое распоряжение... последнее слово. По-другому не согласный.

Каменеет лицо Сербула. Решительно встает Хомков, но Фома останавливает его:

— Подожди. В конце концов, и до тебя мы тут как-то колготились. А чтоб все, как следует, в бюллетень хай будет вписана и фамилия товарища Иванченко.

Огорошенный Сербул, не замечая тишины, трясет колокольчиком.

— Раз поступило такое предложение, надо голосовать. Кто за то, чтобы уважить просьбу товарища Лукаша Фомы Михайловича и выборы провести тайно, поднимайте руки.

Лес поднятых рук в зале.

— Кто против? Кто ни так, ни так? Принято... Раз такое дело, надо выбрать счетную комиссию. У кого какие кандидатуры?

Из зала выкрикивают фамилии.

— Объявляется перерыв до завтра, чтоб наделать бюллетеней, — говорит Сербул.

Народ расходится. В фойе под руководством сухонького, похожего на подростка старичка, начинает играть духовой оркестр, состоящий, в основном, из мальчиков и девочек среднего школьного возраста. Молодежь рада потанцевать.

Камера предварительного заключения в подвальном этаже районной милиции. Никакое это не подземелье, ведет туда один короткий марш истертых ступеней, а спускается по ним Фома так, словно им не будет конца. Впереди него легко и привычно идет начальствующее лицо, сзади почтительно сопит сержант с ключами.

Коридор тоже не длинный, но оттого, что он узкий и освещен одной слабой лампочкой, создается ощущение бесконечно-

сти. Сержант, звякнув ключом, открывает камеру. Фома, пригнув голову, заходит внутрь. В руках у него узелок.

За решеткой окна под потолком мелькают ноги прохожих — оно на уровне тротуара.

В камере Иван и Степан. Степан стоит, вытянувшись (быстро усвоил порядки), на смирном лице — радость надежды. Иван ничего хорошего не ожидает, мельком взглянул на вошедших и отвернулся.

Фома кашляет, ему не нужны казенные свидетели. Начальствующее лицо догадалось, вышло, а сержант стоит, несет службу.

Фома вертит узелком, косится на сержанта.

Начальствующее лицо приоткрывает дверь, и крепкой рукой взяв сержанта сзади за полу, выдергивает в коридор.

... Фома с сыном в углу камеры. Опустив голову, Иван вертит узелок.

— Не ты первый, не ты последний, — говорит Фома. — Кормят ничего?

— Из столовки носят.

— А ты хотел, чтоб для тебя отдельно готовили?

Достает из кармана пачку конвертов, несколько школьных тетрадок и шариковых ручек.

— Пиши.

— Тебе?! — мстительно восклицает Иван.

Фоме больно, сын ничего не осознал...

И видя эту боль на его лице, Иван как бы пробуждается.

— Курить бы тебе бросить, — говорит он. — А то и правда больше не увидимся.

— Матери пиши, — говорит Фома тихо. — Она за тебя ходатайствовала...

Крякнув, выходит и не оглядывается.

За решеткой окна мелькают ноги прохожих. Иван замечает ноги остановившегося отца: дорогие начищенные туфли и шерстяные носки домашней вязки, какие носят летом на юге старики.

А остановился Фома потому, что увидел: к молодому человеку, которому милиционеры помогли выйти из «воронка», тут же кинулась мать. Висит на нем, не отпускает, ничего не хочет знать, и нет с ней сладу.

В мусорную корзину летит пачка «Примы».

Рано утром из только что прибывшего под погрузку состава вагонов-холодильников выходят, потягиваясь, сопровождающие. Одного из них (с портфелем под мышкой) хватает за пуговицу экспедитор колхоза «Рассвет» Донченко.

— Я экспедитор из «Рассвета», Донченко такой... Как же это вы без предупреждения? В колхозе выходной.

— Ничего, объявите воскресник.

— Свадьба, собрание назначено... В наше положение тоже входить надо!

— Которые входят в положение, — по северному окает «портфель», — в коммерции не работают.

Махнув рукой, Донченко бежит к станции.

...И вот он уже мчит на мотоцикле в колхоз. Проскочив хилый мост через высохшую речушку, резко тормозит. Доски настила частью сняты, частью кое-как держатся. Донченко с презрением глядит на покорбившийся лист фанеры с давней надписью: «Ремонт ведет ДУ-2». Новое и устойчивое здесь только одно — дорожный знак, запрещающий проезд грузовиков.

...Приехав в колхоз, он первым делом кинулся к Иванченко: тот выходит к нему из своего дома, затачивая галстук.

...Вдвоем идут по тротуару, направляясь к колхозной конторе. Донченко размахивает руками, забегает вперед, Иванченко мрачновато сосредоточен.

На их пути — двор, в котором кипит свадебное застолье. Они видят его через раскрытые новые ворота. Иванченко смотрит на электрочасы на столбе, показывающие десять утра, и качает головой: рано-

вато, мол. Но это факт — за свадебные столы в селах теперь садятся и раньшее.

Иванченко и Донченко входят во двор. К ним бросаются радушные жених и дружка. Иванченко жестом останавливает их.

— Только что на станцию пришел состав под консервацию. Двенадцать вагонов.

К Иванченко направляется хозяин дома — тот самый, кому Иван Лукаш делал ворота. На подносе — рюмка. Иванченко берет рюмку, но гнет свое:

— Загрузить надо сегодня.

— Если не погрузим, нам больше целого состава не пришлют, — кричит Донченко, стараясь вырваться из гостеприимных рук.

За столами поднимается шум.

— Вы объявляли выходной. Не знали?

— Нас не предупредили.

— А вы нас предупредить обязаны были!

Иванченко пытается что-то объяснить, вздымая руки, просит тишины, внимания, но свадьба идет своим порядком.

А Донченко сумел-таки вырваться и убежать.

... Побегал он, конечно, к Лукашу.

Стоит перед Фомой, постанывающим в кровати.

— Говори медленно, не тарыхти, — велит Фома. — Радикулит меня прихватил. Где Иванченко?

— Свадьбу агитирует.

Фома пытается слезть с кровати. Дело плохо.

— Коляску! Повезешь меня на радио.

Донченко исчезает.

Фома свешивается к тумбочке, где стоит телефон.

— Радист? Лети объявляй: зараз буду выступать. Объявляй несчетно раз. Пока не явлюсь. Буду выступать, и все!

От больницы Донченко катит коляску к дому Лукаша.

— Внимание! — раздастся голос радиста над селом. — Говорит радиоузел колхоза «Рассвет». Через несколько минут слушайте выступление товарища Лукаша Фомы Михайловича. Повторяю: через несколько минут слушайте председателя!

...Фома в коляске, которую готов толкать Донченко.

— Палажка! — зовет Фома, и она выходит из сарая, где была занята по хозяйству. — Кто спросит, на работу поехал.

— Что ты там будешь робить такой?

— Война план покажет.

...Чтобы попасть в радиоузел, надо миновать свадьбу.

Продолжающий агитировать свадьбу Иванченко оглядывается, потому что все вокруг стихло. В проеме раскрытых ворот он видит Фому в коляске.

Фома обводит глазами столы, расстроенные лица молодых, хозяев и гостей. Все понимают, что придется вставать, бежать по домам переодеться, и кое-кто уже встает, не дожидаясь распоряжения Фомы.

— Ты что тут делаешь? — словно удивляясь, спрашивает Фома своего заместителя. — Пошли отсюда, дело есть.

— Тут же сотня человек! — негромко, отказываясь верить своим ушам, восклицает Иванченко.

— Тебя как будто не у нас делали, — тоже негромко, с добродушным смешком отвечает Фома. — Хай люди гуляют, это раз в жизни. Поехали.

Донченко разворачивает коляску.

— Стой! Разверни назад. Хай встанут молодые.

Молодые встают.

Фома наставительно поднимает палец.

— И запомните! У хороших, у умных людей такие мероприятия бывают раз в жизни.

...— Одни гуляют, а другим работать? — возмущается Донченко, вкатывая коляску с Фомой в радиоузел.

— А в жизни всегда так. Одни гуляют, другие работают.

— А что нам скажут те, кому работать? — говорит Иванченко.

— Тебе ничего не скажут. А мне... Много-го голосов я седни не досчитаюсь! — И резко, деловито спрашивает: — Что там с мостом?

— Две доски, и те пляшут. Придется кругалья давать.

— Так мы до ноябрьских не управимся. Я бы эти ДУ!.. — Фома поворачивается к Иванченко: — Взять автокран. Поехать до нового свинарника. Снять сколько надо плит с потолка, отвезти и уложить.

Иванченко уходит.

Фома берет микрофон.

— Здравствуйте, это я... Работникам детских яслей через десять минут быть на своих рабочих местах. Повторяю: Стеценко Клавдия Ивановна, Войтенко Параска Митрофановна, Косогова Наталка Иосиповна, займите свои рабочие места.

Выключает микрофон, поворачивается к Донченко.

— Что от проводников зависит?

— Все.

— Ну, если б все... Скажешь старшему: с первой машиной получают гостинцы на обратную дорогу. Брось мотоцикл. «Волгу» возьми, чтоб было видно, что ты начальник.

Радисту, кивая на телефон, до которого не может дотянуться:

— Набери мне станцию. Ресторан, кабинет директора.

Радист крутит диск. Фома берет трубку.

— Здоров, Наум, — говорит он. — Великая работа будет седни на станции. Да-да. Наум! Организуй, чтоб три-четыре девки с пивом и ситром стояли возле вагонов... Заплачу оптом. Наум! А ты чего не выходной? А-а... А то я знал одного шеф-повара — в отпуск не ходил лет десять. Боялся: заместитель раскроет его химию.

Кладет трубку, поднимает микрофон.

— Ну, вот. А зараз главное — чтоб вы не подумали, что конец света. Не, еще не конец. На станцию в наш адрес пришел с севера состав под консервацию. Двенадцать вагонов! Это — вовремя. За старый хлеб все гроши в деле, новый — пока на корню. На такой случай что-то всегда держишь на продажу, если ты, конечно, хозяин... Слушайте, что я буду казать по работам.

...На экране возникает хозяйство Фомы. Не село, а именно хозяйство, та сила, которую он накапливал десятилетиями и которую теперь бросает в дело. Десятки грузовиков рядами возле гаража, склад-холодильник, где хранится «консервация» (консервированные огурцы, помидоры, сливы, вишня, кабачки, зеленый горошек), консервный завод, а за кадром — голос Фомы, продолжающего «казать по работам»:

— Объявляю ответственного за погрузку всех машин и вагонов: заместитель председателя колхоза товарищ Иванченко. Объявляю ответственных по видам консервации! За помидоры — Серафима Березовская...

В радиоузел входит Иванченко. Фома поворачивается к нему:

— Двенадцать вагонов, мать честная! А тебе, Иванченко, надо бы так: в выходной — никаких вагонов, а в будний день только с предупреждением, каждый человек — всегда трезвый, Балясному что ни скажи — поймет и сразу сделает.

— Когда-нибудь будет и так.

— Не дожدهшься! Чтоб всё по-писаному — такой жизни нет и быть не может.— Внимательно присматривается к Иванченко.— Не переживай. Это мне... Потерять еще можно — набрать авторитету уже некогда!— Кивает на микрофон.— Не теряй времени!

Иванченко берет микрофон, говорит решительно:

— Грузить будем все вагоны сразу — в одном не протолкнешься. Объявляю ответственных за вагоны: Грищенко Нико-

лай Степанович — первый вагон. Свиридов Борис Михайлович — второй, Кармалеев Сергей Янович — третий, Оботов Андрей Андреевич...

...Кто-то из называемых слышит свою фамилию на бегу и прибавляет шагу, глубже надвинув шляпу, за кого-то его фамилию услышала жена и толкает мужа к репродуктору...

Спешат шоферы к машинам. Шоферов много. Почти солдатский быстрый, твердый шаг. Идут группами, стягиваясь к гаражу.

— Продолжаю о работах,— слышится голос Иванченко,— Каждый ответственный должен набрать по два комплекта людей. Одни работают полчаса, другие отдыхают. Чтобы темп был! Машины грузить с открытыми бортами, чтоб со всех сторон. Повторяю...

...Идет погрузка машин. До чего аппетитно выглядят банки с огурцами, помидорами и прочим! И как их много! Ответственная за погрузку помидоров Березовская играючи носит большие ящики со стеклянными банками. Вокруг нее грузчики-мужчины.

...Из коляски Фома с помощью радиста перебирается в кресло.

— Вот пока и всё. Через час, как обычно, пойдут неувязки, а зараз я трошки отдохну.

...Поверх досок негодного моста колхозный автокран укладывает бетонные плиты.

...Станция, состав вагонов-холодильников. Проводники открывают двери-ворота. Резкие, всё убыстряющиеся стуки дверей.

...А из села выходит первая колонна груженых машин.

...Тем временем в конторе колхоза две машинистки в четыре руки молотят: «Бюллетень по выборам председателя колхоза «Рассвет». Иванченко С. В., Лукаш Ф. М.» Растет кипа бюллетеней, чернеют от копирок пальцы машинисток.

...Фома, с удовольствием глядя на высокую грудь тихо сидящей в уголке молодой

медсестры с санитарной сумкой, говорит ей:

- Кого родила? Вроде ж собиралась.
- Девочку.
- Своим кормишь?
- Своим...

— Ото... Теперешние мамки своим не хотят. Цицьку для красоты держат.

Радист снимает наушники.

- Фома Михайлович! Пошли неувязки.
- Давай.

...Крановщик у моста, на котором плиты уже уложены, в кабине своей машины, оборудованной рацией, кричит:

— Здесь знак стоит! Проезд грузового запрещен... Нагрянет автоинспектор — не отбреешься, всё затормозит.

— Кинь его в кузов, и ходу,— отвечает Фома.

— Да его еще нет.

— Кого?

— Инспектора.

— Знак, кажу, кинь в кузов.

Задно со знаком в кузов летит и фанерный лист с давней надписью: «Ремонт ведет ДУ-2».

...К составу подъезжает одна машина за другой. Кипит работа на погрузке в вагоны. Три девушки стоят у тележек с ящиками пива, фруктовой воды и бумажными стаканчиками. Кое-кто из колхозников, отирая пот, пьёт.

Со стуком закрывается дверь первого нагруженного вагона, тут же — второго, третьего... Эти звуки переходят в грохот отправляющегося состава.

Во Дворце культуры на сцене устанавливаются две кабины для тайного голосования и две урны.

В фойе играет оркестр. Несмотря на очень позднее время и усталость, молодежь рада потанцевать.

Начинается голосование. К сцене медленно движется очередь от входной двери через зал. Последними голосуют Сербул, Назаров, Семёнова.

Члены счётной комиссии считают бюллетени. Среди них сидит Нестор, на коленях у него «История».

Растут две кипы бюллетеней. Кипы то выравниваются, то опять становятся разной высоты, и Нестор всё меряет, меряет глазами разность уровней. Наконец одна кипа заметно превзошла другую.

...У себя дома, отдыхая после трудового дня, Фома мирно, без азарта, играет с Палажкой в подкидного. Она щёлкает жареные тыквенные семечки, он посасывает пустой мундштук.

Летит по улице мальчишка, вбегает во двор Фомы.

— Дед Фома! Тебя зовут!

Взлетает на крыльцо, вбегает в комнату:

— Посчитали, тебя зовут! Тебя выбрали! Дед, дед, тебя выбрали! Тебя, дед, тебя!

Покосившись на мальчишку, Фома спокойно сдвигает крылья.

Очередное заседание правления закончилось. Люди покидают кабинет председателя.

— Иванченко прошу остаться, — говорит Фома.

Иванченко задерживается у стола.

— Ты почему мне сразу не доложил про этот падеж? Почему я узнаю в последнюю очередь?

— Не хотелось вас беспокоить.

— Пожалел?

— Ну, пожалел.

— Пропаду от расстройства, ага? Я что, падежа никогда не видел?

Иванченко молчит, Фома задумывается.

— Раз начинают скрывать такие факты — это уже не работа... Намек понял. Действительно, пора и честь знать. Не наелся — не налижешься.

Возле дома Фомы на машину грузят мебель, сундуки, узлы. В плюшевой жакет-

ке, повязанная теплым платком, суетится Палажка. В телогрейке, сапогах и шапке, с бородой, которую только-только начал отращивать, безучастно наблюдает за погрузкой Фома.

— Снежок, — озабоченно говорит грузчик, глядя, как летят и тают на полировке платяного шкафа белые мухи.

— Давно пора, — с не вполне естественной живостью откликается Фома. — Озиме заждались.

— Брезент у вас есть?

Фома не слышит. Он направился в сад. Садам выходит к полю. На зеленую озимь падает снег, позади, в селе, поют петухи.

...Ко двору Фомы подъехал на «Волге» Иванченко. Короткое пальто с узким меховым воротником, яркий шарф. Здесь, кроме грузчиков, уже собралось несколько человек. Среди них — Степанида, Нестор, Балясный — за рулем колесного трактора с телегой навоза на прицепе. Через забор от своего дома, стоящего напротив, посматривает Сербул.

Видно, как Иванченко спрашивает, где Фома и как ему отвечают. Иванченко направляется к саду.

Останавливается рядом с Фомой.

— Закончишь ферму — орехом обсади, — не поварачиваясь, говорит Фома. — Где орех, там мух не будет.

Иванченко кивает.

— Спасибо за проводы, — говорит Фома. — Это ты хорошо. И школа поучаствовала... Буду помнить.

— Напрасно всё-таки, Фома Михайлович. Я понимаю, для меня уезжаете. Чем бы вы могли мне помешать?

— Своим присутствием, Степан Васильевич, — глядит в поле Фома. — Присутствием!

Возвращаются садом.

— Наоборот, Фома Михайлович! Присутствие такого товарища... — торопится следом Иванченко.

— Мне бы только мешало! — обрывает Фома.

...Фома и Палажка прощаются с людьми. С кем-то обнимаются, кому-тожимают руки, кому-то просто машут. Через дорогу встретились глазами Фома и Сербул — встретились и разошлись. С горшком герани Палажка идет к «Волге», люди за ней. Фома с Иванченко поотстали.

— Что надо от колхоза... какая помощь — я всегда, Фома Михайлович.

— Спасибо, Степан Васильевич. Давай лучше прощаться.

Крепкое рукопожатие.

— Не стесняйтесь, наезжайте. Что так, что не так — может, что и подскажите.

— Спасибо-спасибо. — Фома садится рядом с водителем.

Иванченко хочет захлопнуть дверцу. Фома пальцем просит его наклониться.

— Ты тоже... Потопчись, сколько потопчется, а года за три до конца начинай где-нибудь... это... строиться.

Захлопывает дверцу.

Светится большой электрический камин в председательском кабинете. За столом Иванченко, председатель колхоза «Рассвет», как сообщает титр, создавая впечатление документальности. Перед Иванченко — гость, скорее всего, журналист.

— Главное звено! — восклицает Иванченко, отвечая на вопрос. — Спросите что-нибудь полегче... Я считаю, все звенья главные. Хозяйственная самостоятельность: доверяйте мне, не стойте над душой. Материальная заинтересованность: на дурняк только бурьян растет, да и то его авиаметодом подкармливают, как говорил мой уважаемый предшественник. — И отвечая на предложение закурить: — Спасибо, у меня свои. Недавно начал, — улыбается, закуривая. — Лучше поздно, чем никогда.

Растет число окурков в пепельнице.

— Думал, с опытом и возрастом легче будет, а оно все труднее — хочется больше сделать. На наши края ложится большая нагрузка...

Опустошает пепельницу над корзиной для бумаг.

— Ну, как все-таки это получилось? — говорит гость. — Человек тут родился, вырос, сорок лет командовал хозяйством... Вышел на пенсию, а жить не стал! Почему? Меня это удивляет.

— Это закономерно. Из таких мало кто остается. Натура не позволяет. Или все, или ничего!

— Вы жалели, когда он уехал?

— Как вам сказать...

— А в душе — благодарили?

— Мне ведь тоже это предстоит.

Смотрит на портрет Фомы с Гагариным, висящий теперь в председательском кабинете.

— Да... Я с ним начинал, а он со мной заканчивал. Десятки специалистов его режима не выдержали. Я — выдержал. Я с ним умел... Лукаш. Что ж, Лукаш? Фома... Дисциплину он, правда, мог держать... Своими методами. Старик все-таки был думающий... История с сыном его подкосила... Ну, и кое-что еще — это не для печати.

Иванченко откидывается в кресле, позволяет себе чуть-чуть потянуться.

А. МАКАРОВ

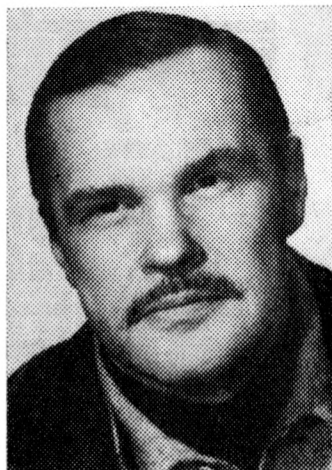

БЛИЗКАЯ ДАЛЬ

АРТУР СЕРГЕЕВИЧ МАКАРОВ (родился в 1931 году) окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор ряда повестей и рассказов. Кинематографический дебют Артура Макарова состоялся в 1966 году, когда по его литературному сценарию, написанному совместно с К. Икрамовым, на киностудии «Узбекфильм» режиссеры А. Хамраев и А. Акбарходжаев поставили фильм «Красные пески». Макаровым и при его участии написаны литературные сценарии художественных фильмов «Один шанс из тысячи» (режиссер Л. Кочарян), «Новые приключения неуловимых мстителей» (режиссер Э. Кеосаян), «Неожиданное рядом» (режиссер З. Сабитов), «Горячие тропы» (режиссер Ю. Агзамов), «Приезжая» (режиссер В. Лонской), «Последняя охота» (режиссер И. Шешуков).

Фильм по литературному сценарию «Близкая даль» поставлен на киностудии «Мосфильм» режиссером Виталием Кольцовым.

Зеленый фургончик медицинской помощи, постанывая, колыхался на рытвинах. Когда выбрались из леса, дорога стала ровнее, но проехав немного, водитель присвистнул растерянно:

— Фью-у-у! Кажется, приехали, Петр Фадеевич... Взгляните — какая тут растудытища образовалась!

Разлепив глаза, Шершневу увидел широкую лошину впереди. После дождей машины и трактора размесили в ней жидкую глину, посреди которой теперь накренился увязнувший грузовик.

— А? — спросил шофер. — Что делать станем?

— Прямо не знаю. — Шершневу огляделся. — Вон люди, вроде... Пойдем посоветуемся.

В стороне от дороги укрывались от мелкой мороси трое полураздетых мужчин. Жгли костер, поглядывали на «уазик» медслужбы.

— Здравствуйте, граждане, — приветствовал Шершневу, подходя. — Потерпели бедствие, я вижу...

— Здравствуйте, — ответил мрачно один.

Второй поворачивал над огнем распяленные брюки, а третий, сушивший носки, сказал ворчливо:

— Бедствие! За дурной ум схватишься — сам в дураках будешь... Говорили, трактора обождем, нет, сунулся! Сидит теперь, концерты слушает.

От увязшей машины, верно, доносились музыка.

— А когда трактор будет? — на всякий случай спросил Шершневу, поддерживая разговор.

— А когда? — переспросил сушивший

брюки. — Пес его знает... Когда-нибудь будет.

Подошедший шершневу водитель молча кивнул всем, присел к огню.

— Хорошо бы внутри погреться, — мечтательно сказал мужчина, жаривший брюки. — Говорил, надо две бутылки брать, нет, одну взял!

— Выпили? — участливо поинтересовался шершневу водитель.

— Ага, утром еще, перед выездом. А она б сейчас пришлась в аккурат... О! — тот прислушался. — Слышите?

От леса донесся негодующий взрев мотора, стих, объявился снова, и вскоре показался «ЗИЛ»-самосвал. Полураздетая компания оживилась, мечтавший выпить спешно натягивал брюки.

— Это наша! Митя Ермаков едет.

— А проскочит он? — усомнился Шершневу.

— Проско-о-чит, колесник классовый!

«ЗИЛ» подъехал, тормозя, проюзил и стал рядом с «уазиком». Шершневу тоже подошел, увидел молодого шофера в проеме распахнутой дверцы, услышал:

— ...Здесь обождите. Я перемахну, сдам малость и трос ему брошу. Вытягну и за вами вернусь.

— Давай, Митя! — напутствовали его.

— Поправей возьми...

«ЗИЛ» попятился, постоял, дрожа и набираясь злости, влетел в грязь, добарахтался до увязшей машины и там захлебнулся.

— Вытягнул! — сплонул шершневу шофер. — А не надо было перегазовывать...

Уныло побрели к огню, но опять воспряли, услышав урчание на той стороне.

— Еще одна тянется.

— Не поедет он, как увидит...

— Поедет, и дурак будет! Без трактора труба дело.

Напротив подошла и остановилась большая машина, никто не вышел и не выглянул из нее.

— Что, очко заходило? — рассмеялся мужчина, так и не надевший носки и теперь переминавшийся на холодной земле. — Не вкусно показалось!

Между тем подошедшая машина отъехала вспять, начав переправу, взяла наискось, со стоном выдралась из глубокого места, карабкалась по откосу, выкарабкалась.

Из кабины выкатился патлатый парнишка в комбинезоне, обошел-оглядел заляпанную грязью страдалицу, направился к зрителям.

— Шустрый деляга! — оценил шофер «уазика». — Знает службу.

Шустрый, подходя, лез в карман, поглядывая на костер.

— Спички не все на костер истратили? Здравствуйте, Петр Фадееч... Опоздали вы, родила наша Валя. Мальчика родила!

Все увидели, что это женщина, и, чиркая спичкой, Шершневу приветствовал:

— Ох, а я и не узнал вас, Анна Владимировна... Пожалуйста. Благополучно роды прошли?

— Нормально, — выудив папиросу из мятой пачки, она прикурила, затянулась с удовольствием. — Три старухи принимали, едва не перессорились! Да вам все равно посмотреть надо, подождите, я за трактором в Колпино еду. Тракторист загулял, придется за уши вытягивать...

— Вы уж поспешите! — брюзгливо потребовал босоногий. — Нам тоже загорать некогда.

Женщина подняла к нему изрядно чумазое лицо.

— А вы чьи? Вижу, машины незнакомые купаются. Ваши?

— Наши, — босоногий приосанился. — Мы мелиораторы... А я Суржиков, начальник колонны.

— А-а, вот вы кто... Вы же нам минераль-

но-аммиачные перевезти взялись, помните? Так где удобрения? Греетесь тут. Вот и грейтесь до завтра, не дам я вам трактор!

И пошла, чавкая сапогами, к машине.

Босоногий Суржиков сунулся следом, вернулся, раздраженно спросил Шершнева: — Это что за цаца такая зачуханная?

— Это не цаца, это Тальникова, кобеновским отделением совхоза заведует, — сухо пояснил врач. — На ее характер наступать не советую, вполне может трактора не дать, наплачетесь.

— А мы не будем, — тронул Суржикова за плечо его компаньон, мечтавший выпить. — Пусть сперва вытянет. А удобрения перевозить Букреева назначим, а?

— То-о-чно! — злорадно рассмеялся Суржиков. — Его и назначим. Закается тогда характер показывать...

Тальникова проехала мимо мужчин, усмехнулась их понурому виду. Но дорога требовала внимания, и скоро забылось всё, кроме неё.

Дождик прыскал пятый день. Намокшие избы Кобенева темнели на фоне неодетого леса да многие стояли заколоченными.

Евдокия Самсоновна, кончив донть, ласково шлепнула корову, и буренка, изогнув шею, шумно дохнула ей в ухо.

— Ладно, ладно, Конфетушка, не балуй... Ско-о-ро на волю, обожди. Вот как зелень пойдет, недолго осталось.

Осторожно ступая по кладкам, шла к крыльцу, а на крыльцо вышла Анна Владимировна с заколкой в зубах, на ходу поправляла волосы.

— Ты и уже? А поела? И платок обратно не накинула... Простоволосые, знаешь, кто ходют? Стыдно сказать.

— Какой платок к комбинезону. — Анна Владимировна посмотрела на небо. — Снова сеет... Все дождь и дождь.

— Это не дождь, а трава да рожь, сама знаешь... Поела, говорю? Молочка парного попей.

— Не хочу, мама. Чай пила. — Тальникова взглянула на часы. — Савкин придет,

скажите, я насчет удобрений поехала... Шестой час уже, а все не проспится никак!

— Да вона он ползет, — кивнула на улицу Евдокия Самсоновна. — Ногу тащит.

Тальникова вышла из калитки, рядом с «Эйлом» казалась совсем маленькой. Савкин подхромал, опираясь на палку, вынул изо рта окурки:

— Куда свой паровоз налаживаешь, Владимировна? День добрый... По нашим грязям самая машина, да что-то мало их шлюют!

— Комбайн когда закончите? Обещали сегодня, Михаил Константинович.

— Точно. А закончил вчера, — ухмыльнулся Савкин из черной щетины. — Еще что?

— Еще? — тоже улыбнулась она. — Еще вот что... Если определю механизацией заведовать, как работать станете?

— А как? Днем отдадим все силы родному совхозу, а уж темный вечер мой.

— Ну вот! Увеличится зарплата, и вовсе заливать будете. И охота вам?

— А так, что хоть щас! — искренне признался Савкин и осторожно положил лапшу ей на плечо. — Ты не тужи про меня, ласковая... Что мне теперь осталось? Дети далеко, жёнка еле ползает, на охоту сходить нога мешает. Одна радость выпить, да заснуть, да молодую свою молодость во снах поглядеть! Поняла?

— Поняла, — грустно кивнула Анна Владимировна. — Ты куда, Полинка? Здравствуй.

— Ой, здравсте вам, Анна Владимировна! — выбежавшая из соседнего двора девушка оглянулась, показав большеглазое лицо. — Мамыньки нет, я и проспала... Верно, сердются мои, к ним бегу.

— Я тебя подвезу к ферме, садись...

Улицу разъездили трактора, Тальникова вела осторожно, а Полинка сказала завистливо:

— Хорошо вам, что машиной владеете. Мне Саня Макарычев показывал — ну никак и никак! Не выходит у меня с техникой, неживая ко мне она.

— Зато с живым хорошо выходит. Поработаешь года два, и пошлем учиться, если захочешь. Пока нельзя, с кем коровы останутся?

— Так и я ехать никуда... Мне у вас нравится.

— Разве не интересно в Калинин, скажем, поехать, большой город увидеть?

— Бы-ы-ла я там! Да хорошего что? Шум, гром, а народу толчется, как и не работают, празднуют, что ни день... У нас лучше. — Полина развернулась к ней, села боком. — А сами... Вы и ученая, и все, так что не едете?

— Мне незачем ехать.

Тальникова ответила так, что с девушки слетела щебетная веселость. Но бес любопытства подталкивал все-таки.

— Это вы, что Игорь Михайлович здесь захоронен, да? А там и Юре учиться веселее...

— Юре тоже у нас лучше. — Тальникова резче необходимого надавила на тормоз, и Полинку кинуло к стеклу. — Приехали, беги к своим заждавшимся.

— Спасибо, Анна Владимировна. — Доярка выпрыгнула, побежала, развернулась и, пятясь спиной, еще крикнула: — Спа-сибо-о!

Анна Владимировна смотрела на нее, пока не скрылась в двустворчатых дверях длинного строения, окруженного кучами навоза и мокрой соломы. Затем медленно тронула с места.

Человек сидел с краю поля, косо стекающего от дороги к кустам над речушкой. Светлые, почти белые волосы шевелил ветерок. Услышав машину, поднялся с камня, и подошедшей Тальниковой пришлось закинуть голову.

— Здравствуйте, Алексей Петрович. Так и знала, что это вы сидите.

— Таких сивых далеко видать, да? — Трошев провел рукой по волосам. — День добрый, Владимировна.

— Нет, я не потому... Просто мало кто так вот на землю глядит.

— Да и я не так, а гляжу, откуда начинать придется. Косое оно, видишь, ево каменистую мать! Очищали запрошлый год, а гляди, какие окатыши выперлись...

— Значит, снова мелиораторам кланяться, у них и машины специальные есть.

— У их? — Тракторист крепко нахлобучил шапку. — У их есть... Да у нас нужно-го не найти.

— А у нас и сидеть за машинами некому, — напомнила она и вздохнула. — Вот и буду вас просить, как тут отпашетесь, в колпинские поля перебраться.

— Опять? — огорчился тракторист. — Не потяну я. Ты сама пойми: без того полные сутки в посевную ворочаю. Думаешь, уродился большой, так три жилы у меня?

— Все я понимаю. А что делать? Зато работаете хорошо.

— Да мне что их — солить? — Тальникова двинулась к машине, и он шел рядом, говоря на ходу: — Я за три сотни выбиваю, жёнка двести, а чего вкусного захочешь: селедок там, колбасы или сыру, так в город ехать надо. И принаряжаться — куда? Некуда. Мотоцикл куплен — все!

— Оно так, — пожалала плечами Анна Владимировна. — Но вот изба у вас тесна и старая, почему не построятся? Курите.

— Спасибо. — Трошнев толстыми пальцами вытянул папиросу из предложенной пачки. — Строиться советуешь? Так опять, стоят у меня комод, шкафчик, табуретки, скамейки, и ладно. Ну, телевизор привез с окошком в обхват... А построюсь, новая изба мебель запросит! Обратню, где взять? Езжай в Москву, в Ленинград, туда далеко и доставлять ее как... Вчистую расколотишь, пока довезешь... Не, хватит мне денег, не надо!

Посмотрел на неровно тлеющую папиросу, потом на Тальникову и успокоил.

— Ладно, куда деться? Я понимаю. Запахать — запашем, да что соберем... Ты — туда?

— Да. Хотелн, чтоб подвезла?

— Непопутно тебе, и я промнусь. Пройду мимо мха, погляжу, где тетёры играют... Счастливо!

Машина свернула на наезженную в поле дорогу, вдоль нее вздымались коричнево-бурые кучи удобрений. Выбравшись из кабины, Тальникова поморщилась от едкого запаха, огляделась. Пусто было кругом, но за полем темнели коробки вагончиков, стлался прижимаемый ветерком дым.

Пораздумав, уселась за руль, поехала к стоянке мелиораторов, да переднее правое колесо фыркнуло, и скоро машину начало подбрасывать.

Откуда он взялся, этот ржавый кривой гвоздь? Она опять посмотрела на вагончик, сплюнула в сердцах и полезла за инструментом.

Дело осложнилось тем, что не было запаски. Поддомкратив, Анна Владимировна кое-как сняла колесо, но не смогла снять толстую шину с массивного обода. Подсовывая монтировку под резину, отшибла палец, жалобно заскулив, посасывала ушибленный. И, отерев с колен грязь, пошла к мелиораторам.

Их лагерь состоял из четырех вагончиков, колесами осевших в размякшую почву. Возвышался навес с походной кухней под ним, а вокруг, признаками неаккуратного мужского жилья, валялись пустые банки, мокрые хлопья бумаги и какие-то тряпки.

Нагнувшись под свисающее с веревки белье, увидела возле кухни лениво шевелящегося мужчину, подошла ближе.

— Здравствуйте. Ваши все на работе?

— Не, не все, вот он я! Паскудные котлы носом чищу, раз очередь подошла, — пожаловался доморощенный повар. — А чего тебе?

— Не можете шину снять? Это вы железяк набросали, не иначе! Колесо пропорола, а запаски нет. Поможете?

— А я бросал? И нельзя мне, — осклабился повар. — Санитарные условия нару-

Анни Владимировна — артистка Жанна Прохоренко.

шу! Посыплется после в кашу микробы, как раз прокиснет!

И захохотал, разглядывая жалкую, перемазанную фигурку.

— Ох! — отчаялась Тальникова. — И один вы, больше нет никого?

— Бригадир недавно козлом на дожде прыгал, на великие дела себя тренировал... Верно, опять спать пошел. Ему можно, он вчера канавокопателью ремонт совершил.

— А где он?

— Ну здесь, предположим! — донеслось от ближнего вагончика, и она обернулась. — Ты из совхоза?

Бригадир вышел на верхнюю ступеньку короткой лесенки, склонив набок голову в белой шерстяной шапочке, усмешливо ждал ответа.

— Да, из Кобенева, а что?

— Да то, что обещали молока и мяса подкинуть. Мы для вас удобрения возим, а вы кормить не хотите! Это заведующая отделением мудрит? Она, говорят, у вас не баба, а конь... с рогами. Верно?

— Н-нет, она не мудрит, — смущенно возразила Тальникова. — Не знала, наверно, что вы уже взялись перевозить.

— Не зна-а-ла. — Спрыгнув на землю, он сразу оказался рядом. Невысокий ростом, совсем не виделся маленьким, пожевывал светлый, курчавистый ус. — Сама ехала — заметила, удобрения сыпаны? Это за что же тебя на машину посадили? Совсем обезлюдели!

— Видела, — тряхнула волосами Анна Владимировна, пытаясь рассердиться. — Но

удобрения на поля надо, а вы у дороги свалили, лентяи... И корми еще вас, таких!

— Таких как раз и надо. Берегите мужчин! Не читали призыв? Пошли, погляжу, что стряслось... Хотя нет — я пойду, а ты умойся сперва, во-о-н рукомойник висит. Техника грязных не любит.

И направились в разные стороны: он, независимо покачиваясь — к машине, она, послушно и удивляясь тому, — к рукомойнику. У рукомойника висело полотенце такого цвета, что вытиралась носовым платком. В бочке стояла вода: попыталась посмотреть в нее, но поверхность рябили дождики, и только огладила волосы.

Когда пришла, мелюратор уже распотрошил колесо, раскрыв ящичек аптечки, приготовил клей, зачищал заплату. Всё делал аккуратно и быстро, и всё охотно повиновалось ему.

— Ну, придвигайся, знакомиться будем... Я — Букреев. Сам Сергей, отца Семеном зовут. Тебя как прозывают?

— Анна. Анна Вла...

— Достаточно. Анна — пойдет. — Букреев прижал и разгладил заплату. — Можно Анята, можно — Нюшка. Как покажешься... Ты зачем смолишь? — Вынул у нее изо рта папиросу, отщелкнул в грязь. — Зря балуешься: солидности не прибавит, а силенок тем более.

— Ты... Вы что? — возмутилась она, но возмутилась не рьяно, растерянно. — Чего руки распускаете?

— Еще и не думал, — заверил Букреев и подмигнул. — Если отмыть и одеть — ты ничего выглядеть будешь... Будешь выглядеть, соглашусь проводить вечерком. А тебя не обнимешь, когда пельницей несет. Некуращий я, поняла? Хотя в остальном вполне гожусь, — он опять подмигнул. — Даже хвалят, кто теснее знаком...

— Да кто сказал, что я с таким нахалом провожаться решусь? — едва не рассмеялась Тальникова. — Ни за что! Это ж надо, а?

— А чего не решишься, муж строгий? Ну, совместно мы его обдурим, не бойся... По-

дай-ка монтировочку! Сейчас мы ее... Оп! Оп! И — оп! Та-ак... Качать сама будешь?

— Сама. Ступай себе. — Вытащила из кабины насос, приладила удобней, начала качать.

— Вот оно, бескультуре захолустное! Ни спасибо тебе, ни ласки... Ты дыши ровней, не то лопнешь ненароком.

— Не буду я! — Она отпихнула насос. — Что привязался и стоишь? Качай!

— Я и привязался! — Букреев, посмеиваясь, потрепал ее волосы, поплевав на ладони, взялся качать. Затем подкатил колесо, насадил на штыри, прижал. — Гайки подавай, некультяпистая... И гайковерт.

Закрутив, вытер руки о мокрую, пожухлую траву, а Тальникова собрала и уложила инструмент. И быстренько шмыгнула в кабину.

Букреев обошел ожившую машину, остановился у дверцы.

— Значит, не прокатишь?

— Обойдетесь! Давайте-ка удобрения на поля возите, а язык берегите. Больно длинный.

— Зато свой... Ладно, езжай. Никуда не денешься, раз соседи теперь. Анчутка!

Разворачиваясь, объехала его полем, выехала на дорогу. В зеркальце видела, что пошел восвояси, выделялась на сером фоне белая шапочка.

Директор совхоза «Прогресс» Андрей Захарович Погодин отсыпал из темного пузырька маленькие таблетки, кинул в рот, глотал, надув жилы на шее.

Сидевшие в его кабине ждали начала совещания, шушукались, поглядывая на незнакомого человека в углу за директорским столом. Погодин справился с таблетками, нажал клавишу рации, прохрипел:

— Кобенево! Кобенево, ответьте! Погодин говорит. Хозяйка ваша выехала?

— Давно, Андрей Захарыч... — ответила рация. — Неужели не являлась еще? Может, застряла где...

Директор совхоза Погодин — Народный артист СССР Всеволод Санаев.

— Вона, приехала! — объявил один из сидевших, глянув в окно. — Точно, она.

Тальникова кивнула с порога, но поздороваться не успела, потому что директор торопился.

— Привет, привет, Анна Владимировна! Проходи, садись, начали... Не секрет, товарищи, что работы этой весной начинаем в обстановке небывалого политического и трудового подъема. Снеготаяние повсеместно закончилось, сводка погоды не обнадеживает, но сев проведем в намеченные сроки и добьемся в этом году выполнения планов по молоку, мясу и заготовке кормов. У вас удобрения развезены, Богомазов?

— Торфо-минеральные развезли, а навоз давно разбросали, Андрей Захарыч... Вы нам трактор новый обещали, дадите?

— А кто получать будет? Кому предполагаете?..

— Беляеву Славке.

— Беляеву не дам, годы невелики... Вы вот что, — Погодин поразмыслил и решил: — Вы Беляева на иваненковский пересадите, а Иваненкову я новый доверю. Как молодняк?

— Молодняк? А как? В норме, вроде, — вывернулся Богомазов и покосился на незнакомца в углу.

— Та-ак. — Директор совхоза тоже хотел обернуться, но сдержался. — Что в Подозерском отделении?

— Подозерское отделение рапортует: минерально-аммиачные удобрения получены полностью, удобрения естественные собраны и готовы, техника и механизаторы гото-

вы как один! — поднявшись и вытянувшись, отбарабанил средних лет здоровяк, пожирая глазами начальство. — Что касаето скота, то также готовим к сдаче, какую проведем по указанию!

— Умеешь, умеешь ты, Таболов, леща подпустить, — с удовольствием оценил Погодин. — Но! Минерально-аммиачные получены, а вывезены ли на поля? Естественный навоз готов, как скотина произвела, а где лежит собранный? У коровников? Ничего не понял! А что механизаторы готовы, так за зиму было время сил накопить... И со скотом не можешь поконкретнее?

— Поконкретнее полагаемся на оценку зоотехника, товарища Никифорова.

Иван Николаевич Никифоров, улыбаясь, чиркал и чиркал в блокноте перед собой.

— Слушаем Кобневское отделение. Как у вас?

— Удобрения мы вывезли с помощью мелнораторов... А техника готова не вполне, но считаю, что к севу подготовим, — рассказала Тальникова.

— Считаете? А почему еще ковыряетесь? — поморщился директор.

— Потому что машины из капитального получены в аварийном состоянии. Доводим своими силами. И еще. — Она тоже поглядела ему за спину. — Мы решили, что засеять поля у Залесья не имеет смысла, и просим разрешения их из плана вычеркнуть.

Богомазов опять смотрел в потолок, Таболов ухмылялся, поглядывая то на нее, то на директора, зоотехник Никифоров смотрел на женщину с любопытством.

— Тэк-тэ-эк! — отреагировал Погодин. — Занятно. Как понять вашу просьбу?

— Понять? Три года мы не собираем практически ничего. Прошлый год и не пытались, оставили кабанам, и в этом вся польза. Не всходит там, и все это знают! — возвысила голос Тальникова. — Какой же смысл?

— Смысл есть, раз выдан план, товарищ Тальникова! — впервые подал голос агро-

ном Жердев. — И пересматривать его совсем не время. Понимаете?!

— Я понимаю, — упрямо кивнула Анна Владимировна. — Мы засеем ничемные поля и перевыполним план посевной. Тогда невыполнение плана уборки покажется не таким обескураживающим... Но разве это правильно? Люди будут работать на пределе, механизмы будут работать на песке, за сеянным валунами...

— Люди свое получат! — напомнил Никифоров. — Было так, чтобы людям не платили?

— Не было, государство этого не допустит. И раз на то идет — значит, убыток ему по карману... Вы так хотите сказать? Но мы должны учитывать моральный фактор: ведь все, ну все знают, что это напрасная работа! И деньгами ничего не окупишь, не милы они никому...

— Эка отмочила! — восхитился Таболов. — Деньги не милы... Прямо новая симфония.

— Погоди, погоди, — пригасил Погодин и шире расстегнул ворот. — С залесскими полями решим в узком кругу... Скот как?

Тальникова молчала. На ее лице решимость сменялась сомнениями, посыл к откровенности стирался стеснением... И что за человек сидел бессловесным наблюдателем?

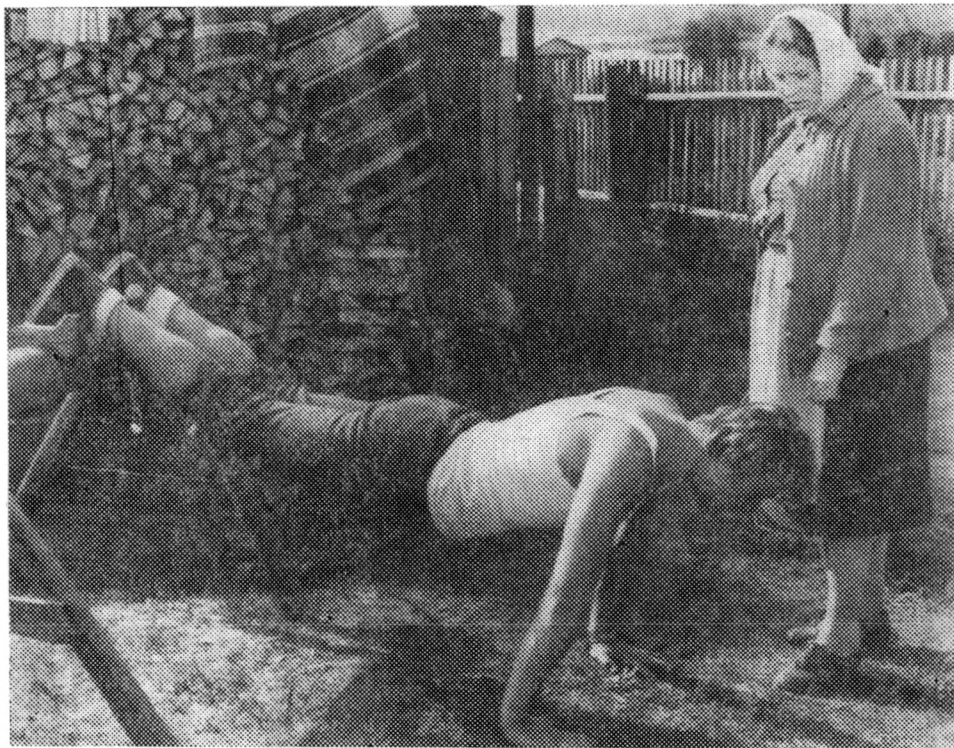
— Зачем молчишь, Анна Владимировна? — тихо переспросил Погодин. — Как выглядит скот, мне интересно?

— Он выглядит на дневной рацион в два килограмма, — еще тише прозвучал ответ.

— Сколько?! — раздалось из угла. Спрашивающий приподнялся со стула, и стало видимым его лицо.

— Два килограмма сена, — пояснила Тальникова. — Даем иногда болтушку с мукой, но это редко удается.

— С кормами неважно, — подтвердил зоотехник, адресуясь в угол. — Тяжелые погодные условия предшествующего сезона неблагоприятно повлияли на заготовку кормов. Ввиду чего потребовалось сокращение рациона, чтобы в теплое время вывести скот

*Сергей Букреев — артист Анатолий Васильев,
Евдокия Самсоновна — артистка Любовь Соколова.*

на естественное питание. На пастбище, стало быть...

— До естественного питания целый месяц ждать, — напомнила Тальникова. — Боюсь, что выведем меньше, чем на отстой поставили.

— Хорошо! — Разряжаясь, хлопнул по столу Погодин. — Что предлагаешь, Тальникова? Говорить все мастера, а совет дать... Подготовила предложения?

— Слабый скот надо сдать, пока он... есть. Высвободившиеся остатки кормов помогут остальным дожидаться травы. В целом понесем убытки, но меньше хотя бы.

— Не знаю, не знаю, — возразил зоотехник. — Совет категоричен, но может быть опрочечивым. Этот выход...

— Этот выход — единственный! — Человек в углу передвинулся ближе к столу. — Предположениями и многословием удобно кормить друг друга, у скота вкусы попроще, ему корма нужны.

— Вот, товарищи. — Погодин вздохнул и кивнул на проявившегося соседа: — Рекомендую: Нил Андреевич Велехов... Как вы знаете, в прошлом месяце наш район разделился, приблизились мы к новому райцентру, а Нил Андреевич назначен секретарем районного комитета партии...

— Избран секретарем, — поправил Велехов. И обратился уже ко всем: — Прошу прощения за запоздалое представление... Но знаете, как случается? В своем кругу — одно, при начальстве — другое. Хотел избежать,

чтобы полнее ознакомиться с делами. Кое-что в процессе познания радует, кое-что настораживает, и всё вместе заставляет о многом задуматься... Давайте разговаривать!..

«Давайте» — едва не сказала Анна Владимировна, но прикусила губу и ждала, облокотившись на стол.

Из «Прогресса» Велехов уезжал, когда сумерки сгустились до синевы, и к этому времени остались вдвоем с Погодиным. Директор опять готовился глотать таблетки, Велехов придержал его руку.

— Может, достаточно, Андрей Захарович? Почему не лечитесь?

— А когда? Я в отпуску пятый год не был... То это в хозяйстве нужно доделать, то другое начать. Одно за одним!

— Инвалидом хозяйству не поможете. Сами на лечение времени не найдете — отошлем! — жестко улыбнулся Велехов. — Из помощников ваших мне зоотехник не показался... Говорлив. А я последнее время побаиваюсь говорунов.

— Будто я их люблю! — буркнул Погодин. — А где деловых взять? В наши болота не больно едут, прельстить нечем.

— Деловой человек работой прельщается. — Велехов встал. — Поехал я. И вам отдыхать пора. Поскольку вы теперь к району ближе, надеюсь, скорее увидимся.

— Уж это как пить дать, — не слишком воодушевленно отозвался директор.

— Да, — вспомнил приезжий уже в дворах. — Эта... Тальникова, она местная? Отсюда родом?

— Муж ее, Игорь Михайлович, местный был. Из Кобенева. В армию ушел, потом сельхозинститут закончил. И вернулся вместе: она финансовое образование имеет. Жили хорошо, сына родили... А лет пять тому попал под поезд в городе Воскресенске, в командировке находясь. — Погодин поморщился. — Сильно горевала, да не было у нас никого отделение принять, уломили. Работает толково, ничего не скажу.

— И судит здраво, — кивнул Велехов. — Так я вас ждать буду, Андрей Захарович. Наведывайтесь.

Молодой человек в светлом плаще и с чемоданом в руке шел как мог осторожно, но разбитая дорога шуток не шутила, и туфли с потугой на моду промокли насквозь. Под старой елью остановился передохнуть и — прислушался.

Приближался трактор «Беларусь», и вел его вихрастый Саня Макарычев, более всего страдающий оттого, что сидел один в тесной кабине. В прицепе за трактором стояли бидоны с молоком, от их пляски бергла ноги Полинка Авдошина.

Макарычев увидел молодого человека, поднявшего руку, понял, что придется сажать франта к Полинке, но остановился, поскольку не подобрать прохожего считалось великим грехом.

А прохожий на него даже не взглянул.

— Вы из Кобенево? — спросил Полинку, шустро забрасывая в тележку чемодан. — Мне как раз туда.

— Так мы не вдруг, — сказала девушка, принимая поклажу. — Один бидон указано мелнораторам завезть, остальные на сдачу повезем... Только после домой. Здравсте.

— Здравствуй. — Незнакомец взобрался и смотрел на мокрую солому у борта. — И не присядешь тут...

— Трогать, что ли? — крикнул высунувшийся из кабины Макарычев, сплюнул и, не дожидаясь ответа, взялся за рычаги.

— Конечно, измажетесь. — Полинка подержала качнувшегося от рывка пассажира, решительно стянув ватник, бросила его на солому: — Садитесь. Садитесь, садитесь, мне тепло будет — видите, кофта еще?

— Спасибо. — Пассажир осторожно сел, оглядел девушку и, важно хмурясь, протянул руку: — Тропарев Никита Алексеевич. Ветеринарный фельдшер. К вам послан.

— Я Авдошина Полина, — испытывая непривычное смущение, представилась она. — И как раз доярка...

Они говорили, перебивая громыхание бидонов, оглядываясь на них. Саня Макарычев гнал всюду, скоро выехали из леса и направились к лагерю мелиораторов.

Мелиораторы собрались на обед, толклись у вагончиков, а Сергей Букреев боролся со своим приятелем Сеней Клевшиным. Изловчившись, с перекатом через спину бросил за себя, прижал и посмотрел на близившийся трактор.

— Молоко везут, — сообщил отдувающимся под ним Клевшину. — Любишь молочко, Сеня?

— А чего? Попьем... Ну, хватит. Пусти.

— То-то. А ты, дурочка, трепыхалась. — Букреев встал и протянул руку. — Вставай, отряхнись, пошли. Миску мне почище выбери...

Проходя мимо трактора, кивнул Макарычеву:

— Здорово, деревня!

— Подумаешь, — скривился тот. — Какой форсмажор выискался... Там еще такой сидит.

— Где? — Букреев, взлетев в прицеп, осмотрел Тропарева пренебрежительно. — Привет, глазастая... Какой брат?

— Какой хотите, — разрешила Полинка.

— Тогда этот, он, вроде, полнее. — Опустив бидон наземь, подсел на корточках к девушке, спросил шепотом: — Быстро говори, где у вас Анята живет? Ну, небольшая такая, вроде тебя, да постарше.

— Анята? Прямо и не знаю такой...

— Шутить! Неужели обманно назвалась? Ох, и будет ей за этот компот... Верно не знаешь?

— Честное комсомольское! — Полинку взяло любопытство. — Вы слышите, что? Вы сегодня в деревню придите... Перед пахотой механизаторы соберутся, ну и все, в общем. То и посмотрите свою знакомую, а?

— Дело! — Букреев прижал ей нос пальцем, та засмеялась, но скосилась на Тропарева и отбросила руку. — Так и постановили. Правда, она может с мужем заявиться. — прикинул задумчиво. — Ну да ладно!

Выпрыгнул, пошел вразвалочку к столу

под навесом, и девушка пожаловалась Тропареву:

— Во какой! Ищет, а кого, сам не знает.

— А кто это? — ревниво спросил ветеринар.

— Мелиораторы они, а он бригадир здешний, — пояснила Полинка, и трактор тронулся. — Ой, держитесь крепче, час до рога быстрая пойдет!

Букреев пришел в Кобенево, когда собрание закончилось, но люди еще расходились.

— Люблю, чтобы докладывали коротко и толково, — спускаясь по ступеням крыльца, делился с Саней Макарычевым тракторист Алексей Петрович Трошнев. — А то зарядят на полную упряжку, и все одно ничего не понять... Ты где пахать начинаешь?

— В Ерофеевом углу, — вздохнул Макарычев. — Каменьев там — жуть!

— Их везде найдешь. А всё равно паши с умом, самому осенью ворочать достанется.

— Мне не достанется, — грустно сказал Саня и поискал глазами Полинку. — Мне в армию собираться.

— Ну, как раз тебе кудри и срежут, — пообещал Трошнев.

И Полинка была здесь, стояла с матерью Прасковьей Авдошиной, поглядывала на одиноко куrivшего в стороне ветеринара. Тому тоже хотелось сблизиться, но стеснялся Прасковьи.

День заканчивался без дождя, было изрядно свежо, однако, раз собрались, расходиться не хотелось. Мужчины больше сдвигались к магазину, а женщины сошлись и обсуждали Тропарева.

— Это ветеринар, значит, новый?

— Ага, прислан. Молоденький, токо сготовленный и жить будет у бабки Сергушихи.

— Жених кому-то!

— Жених, да не нам... Может, и есть у его кто, откуда приехал.

— Дальняя любовь скоро кончается, милая! Хотя невест у нас негде взять особо...

В опустевшем помещении Тальникова прибрала стол, посидела бездумно, надела висевший на стуле пиджачок и вышла на улицу. Оттого, что каждый здесь был с кем-нибудь, ей не хотелось на люди. Она, правда, решала, не подойти ли ободрить одинокого Тропарева, да Прасковья Авдошина отошла к бабам, ветеринар и Полинка сблизилась и, улыбнувшись их смущению, Анна Владимировна обогнула строение, пошла медленно.

Букреев увидел ее.

— Вот и ты! А я, надо сказать, посмотрела тебя. Где пропадала?

— А что это — меня? — и насторожилась, и обрадовалась она. И невольно приняла обращение на ты. — Других не нашел?

— Не искал потому что, раз знакомая есть. — Он нестеснительно рассмотрел ее. — Ты ниче-го, в юбке-то... Так и ходи, брюки нам оставь, — постановил решительно.

Его нестеснительность и властность привлекали, но согласие с ними могло далеко завести.

— За комплимент признательна очень, только мне домой надо. Так что гуляй себе один.

Сказала и, вдруг ощутив, как страстно желает, чтобы не послушался, даже зажмурилась отходя... А он и не послушался.

— Снова мужа боишься? Отобьемся, не дрейфь... Давай провожу.

Как само собой, взял под руку, Тальникова попыталась высвободиться, и к их заминке приблизился и возвысился рядом Михаил Константинович Савкин. Положив руку на плечо Букрееву, предложил участие:

— Небось, помочь надо, Владимировна? Больно прыток, ага? Так ты иди, я его придержу. А хочешь, так и заброшу куда подальше... Эй, малец, стой, не дергайся особо!

Букреев не дергался, а лишь встал половчей, нашел удобную позицию. Для чего

пришлось отпустить руку женщины, и Тальникова поспешила вмешаться:

— Михаил Константинович! Сергей! Что вы? Мы с ним знакомы, просто подошел незаметно, я не ждала и испугалась... Это бригадир мелиораторов, он мне машину чинить помогал.

— А-а, — прогудел Савкин, не спеша снять руку с чужого плеча. — Тогда с моей стороны обсечка вышла... Женщина ты у нас одинокая, дай, думаю, оборону от разгильдяя. А он как раз и знакомый. Извини.

— Добрый ты, дядя. — Букреев ушел плечом от савкинской руки, пользуясь моментом, взял Тальникову под локоть. — Будь здоров!

Молча свернули за угол изгороди, дальше нужно было идти тропкой меж кустов.

— Провожать решил? — покосилась она на Букреева. — Ну ладно, проводи.

— Провожу, раз одинокая оказалась, — согласился он и рассмеялся тихонько. — Знаешь, как спрашивают: «Провожать решил. А потом?». Про «потом» обязательно, оттого что знают, какое оно бывает... А ты, видно, про всякое иначе думаешь. — И тоже, но внимательно посмотрел на нее. — На мои хаханьки внимание не обращай особенно, это у меня нажитое. Нравись ты мне.

Директор совхоза объезжал владения на старом «газике», чувствовал себя неважно и оттого был особенно не в духе.

— Вот уж неудалую весну силы природы организовали! — жаловался шоферу. — Ты помнишь такую? Хотя откуда тебе по годам.

— Что я! Старики не припомнят, спрашивал их, — отозвался шофер. — Что-то май покажет, поглядим.

— И май будет, как в поговорке: май — коню сена дай, а сам на печь полезай! — брюзжал Погодин. — Ведь кругом все-таки теплей... И в Прибалтике, и под Москвой, в Белоруссии тоже. А нами словно черти играют! Это чьи поля пошли? Тальниковой? Ну-ка, встань...

Поле было небольшое, пройдя краем, обозрел все, вернувшись и усаживаясь, кривился скептически.

— Так себе пропашка, хотя и ничего... Но — не Трошнев пахал! Его почерк сразу узнаешь. Двигай дальше, Петро.

На ухабах кидало, и, достав таблетки, никак не мог проглотить всухую, давился, пока проглотил.

Следующая пашня длинно протянулась вдоль леса, и в отдаленном краю темнел застывший трактор.

— Во работнички! Стоит у них агрегат и ногу чешет, — взыграл директор. Машина еще не остановилась, а он уже выпрыгнул, шагал по пахоту.

Пока дошел, разогрелся и разгорячился, увидев у открытого мотора спины тракториста и прицепщика, в спины и выпалил:

— Ковыряетесь, сахарницы к небу выставив! Эх, кипит твоя картошка! Что у вас там?

Тальникова обернулась, поправляя измазанную косынку, и Саня Макарычев оглянулся, проглотил усмешку, глядя на смущенное лицо директора.

— Это вы, значит, Анна Владимировна... Не разобрался с полета.

— Ничего, я привыкла. — Она отирала руки. — А к таким художествам привыкнуть не могу, — кивнула на трактор. — И этот из капитального! Долго нам будут негодные машины поставлять?

— Объяснить не объясню, а знаю, что сами б лучше отремонтировали... Трошнев где пашет?

— В залесских полях. Затем под Колпино переедет.

— Ну-ну. — Погодин достал сигареты. — Закурите моих?

Анна Владимировна протянула руку, спохватилась и отдернула.

— Не буду... Я вообще бросить хочу. Все время пишу, что вредно это.

— Жить тоже вредно — в конце концов помираешь, — невесело пошутил Погодин. — Когда бросишь, поделишься опы-

том, у меня никак не выходит. — Он взглянул на часы. — Поехал я. Машина есть?

— Там оставила, — кивнула на кусты Тальникова. — Я прицепщика подожду, он к механику отправился.

— Ладно, счастливо вам. — Погодин еще потоптался и махнул рукой отходя. — Особо не возитесь, время дорого!

Сергей Букреев со вкусом умывался из бочки, накренив, чтобы было удобнее. Затем, на ходу растираясь полотенцем, зашел в вагончик, достал из чемодана чистую рубашку, надел и застегнулся.

— Сеня, я твою громыхалку возьму, ничего? — спросил наблюдавшего за ним с койки Клевшина.

— Бери, — разрешил тот и, приподнявшись на локте, ухмыльнулся. — Ты, никак себе шалаву завел?

— Никак. — Букреев пригнулся, разглядывая себя в низко повешенном зеркальце. — А что?

— Да не поздно ли? Скоро тронемся отсюда.

— Я свое успею... Горючку давно заливал?

— Полный бак.

— Вот и ладно. Отдыхай.

— Опять к утру вернешься? — Клевшин потянулся. — Хотя бы рассказал про ваши шуры-муры... Какая она в общении?

Улыбнувшись и покачав головой, Букреев пошел к нему, и Сеня попятился на койке, пока не дотянулся до стены.

— Ты знаешь, почему личная жизнь человека называется личной? — Сергей присел у него в ногах и спрашивал тихо.

— Ну, чего ты... Я же просто, Сергера!

— И я просто объясняю: личная она потому, Сеня, что другим нос совать не положено! Ты обдумай это, бока пролеживая, думать полезно, от шевеления мыслей мозги тяжелеют.

Покуривающие под навесом мелиораторы наблюдали, как бригадир вышел и сел в

седло мотоцикла, как завел и, вздыбив, развернулся на заднем колесе. Уехал.

Мотоцикл пронес его полевой дорогой, расплескал воду ручья, летел в Кобенево. Проезжая мимо гаража, Букреев сбавил ход — увидел Савкина, возившегося подле трактора.

Савкин обернулся, лишь когда двигатель смолк, и поспешно вытер руки паклей.

— Эге-е, будто кто знакомый идет?

— Здорово, добрый дядя. Неужели починить решил? И осилишь?

— Спробую. — Савкин присел на бревно. — Сам чего не на работе?

— У нас день нормированный, не как у вас.

— Выходит, вам лучше, — согласился механик. — А все хорошо бы тебе на земле поработать, пока в силах... Кто на земле не работал, тот обо всем настоящего понятия не имеет.

— Думаешь? — сощурился Букреев. — Может, и так... Да ведь и я на земле тружусь.

— Это разное, — лицо Савкина стало сурово-задумчивым. — Для тебя в земле один заработок, а нам — жизнь вся! И чтоб отозвалась земля, в нее не токмо что пот да зерно роняешь... Опять жизнь кладешь. Так и меняемся год от году: мы ей свое, а она нам свое.

— Не густо она вам отзывается, — подсел рядом Букреев. — А?

— Мало охотников осталось меняться почестному, — хмуро кивнул Савкин. — В городе хлеб легче и платют не хуже. А иной человек попросту судит: где полегче, тама вроде и жить крепче...

И засмеялся вдруг, а Букреев удивился и спросил:

— Ты о чем? Вспомнил что?

— Ага... Вспомнил, как в городе живут, и помыслил: ну как надолго тама свет отключить, во будет! Ни тебе воды, ни тепла, ни дружка дружку разглядеть в потемках... Еще и без хлеба насидишься! А я

сколько хочешь без техники обойдусь. Вода рядом, дрова запасены, хлебы напеком, а когда потребуется, вино изготовим, чтоб скучно не стало... Понял?

— Это я понял. Знаю. Сам из березовых...

Букреев осекся, не желая выдавать дальнейшего.

— Закурим не-то? — Савкин потянул из кармана дешевый портсигар.

— Не курю и другим не советую.

— Ага. — Палец механика ткнулся в его грудь. — Механизм берегешь? Жить долго думаешь?

— Думаю. Я толком еще не расчухал жизнь эту... А хочется. — Букреев встал и подошел к трактору. — Что тут у него, полагаешь?

Проезжая мимо гаража, Тальникова увидела обоих, подъехала и вылезла из кабины. Но они не замечали ее: мотор трактора работал, и мужчины оценивающе-внимательно вслушивались в его стук. Затем Савкин остановил двигатель, Букреев увидел Анну Владимировну и кивнул.

— Ох, начальство приехало... Долго еще командировать сегодня?

— Есть дела, — призналась она. — В Колпино надо съездить и насчет кормов проследить. Здесь меня подожди. Ладно?

— Ты его вербуй к нам, Владимировна, — предложил Савкин. — Он дотошно в моторе кумекает, остаться проси.

— Вот сами и попросите, — улыбнулась печально.

— Не, бабий упрас лучше получается. Вернее дело выходит.

— Идем, провожу, — предложил ей Букреев.

Они шли к машине, а Савкин задумчиво смотрел вслед, разминал папиросу неторопливо.

Полинка Авдошина и ветеринар Тропарев шли рядом по зазеленевшему бугру, вдоль заросшей кустами речушки. Тропарев не оставил городских манер, выгля-

дел несколько комично в плаще и при галстукке, хотя Полинка этого не замечала.

— Скушно у вас все-таки, — посетовал молодой человек. — Не гуляет никто, и вообще повести тебя некуда...

— Зачем меня вести? — рассмеялась Полинка. — Я не корова, сама иду. А что не гуляют, так наработались за день, самое время началось... Не, не скушно! Тепло придет, так-то все зацветет красиво.

— Ну да, это я понимаю, — без энтузиазма откликнулся Тропарев. — Может, ко мне пойдем? Пластинки послушаем...

— Не-е... Походим еще. Ой, глядите, там уж и есть кто-то! — Взглянув в сторону близких кустов, она остановила спутника, потянув за рукав. — Обойти надо.

Тропарев с сомнением посмотрел на вязкий луг под склоном бугра, на Полинкины сапоги и на свои туфли.

— Мокро обходить... А пластинки хорошие, я недавно покупал. Пойдем, а?

— Ну ладно, когда очень хотите, — согласилась девушка. — Только чтоб недолго, меня мамка хватится...

Помехой им явились Тальникова и Букреев, сидели на толстой, принесенной полководцем колоде. Отстраняясь от него, обвинявшего настойчиво и грубовато, она попросила:

— Не надо, Сережа... И разговор где-то близко.

— В деревне это, — уверил он, но опустил руки. — Не пойму я тебя. С тобой в горячо-холодно играть хорошо... Только я играть не мастак.

— Я тоже не хочу... Да и не по возрасту уже.

— Эка взялась себя хоронить! Рановато, по-моему. — Сергей посмотрел на мутную, быстро бегущую воду. — Смотри, опять вода поднялась. И дожди еще обещают и холода.

— Это пока неплохо... А вообще, для урочая, чтобы хорошо ему пришлось, лет шесть погод не было. То сушь надолго, то ливни зарядят. И ветры у нас всегда... Ле-

том, я понимаю: озер много, болот, от них испарения... А зимой почему?

— Такие места золотые, — подъялдыкнул он. — Зато Волга от вас течет.

— Да! — Она не поняла иронии и обрадовалась. — От нас... И леса еще остались красивые. Режут их безжалостно, хотя половина на месте пропадает, — как вывезти по нашим дорогам? Столько техники губят, что золотой выходит этот лес.

Ее горячность позабавила Букреева.

— Хозяйка! — Погладив по волосам, не сдержался, обнял, и, задохнувшись поцелуем, Анна Владимировна нашла силы отстраниться опять.

— Подожди... Я вот что, — она сидела, прикрыв глаза, а когда решила — посмотрела на него. — Вот что хочу сказать: не будем мы тут... как приبلудные. Пойдем ко мне.

— К тебе? — изумился он. — Это как?

— Так. Пойдем, и все. — Она встала, и он встал, поняв, что она здесь не останется. — Домой пойдем, раз дом есть.

Евдокия Самсоновна наблюдала из окна, как они подходили, как прошли в калитку, потом стукнуло на крыльце.

Когда вошли в сени, она отворила дверь своей половины, возникла в проеме и смотрела на них.

— Это Сергей, мама, — сказала Анна Владимировна.

— Вижу, что Сергей. И чего ему?

Анна Владимировна сдвинула брови, но сказала по-прежнему ровно:

— Он ко мне пришел. И останется. Я хотела предупредить...

— Вот и упредила, значит. — Евдокия Самсоновна без всякого выражения оглядела чужого мужчину. — Оставляй, когда решилась. У тебя помещенья своя!

Но не ушла, так и стояла, и Анна Владимировна пригласила, отворяя дверь, к себе:

— Проходи сюда. Свет справа зажигается. Выше.

Евгеньиха — артистка Валентина Владимирова.

Евдокия Самсоновна видела, как в ближней части другой половины вспыхнул свет, но затем дверь закрылась и она осталась одна.

Насосные колонки установили недавно, и собирались возле них по утрам, как собирались раньше у колодезных срубов. Старый обычай показался Евдокии Самсоновне особенно ни к чему, поскольку поджидала ее вредная толстуха Евгеньиха, беседовала с Прасковьей Авдошиной. И атаковала сразу:

— С добрым утречком тебя... Анна-то уехавши уже?

— Уехала, — брякнула ведрами оземь Евдокия Самсоновна и взялась за рукоять насоса.

— Видела, видела я, — заторопилась Евгеньиха, переглянувшись с Прасковьей. —

Да не ждал никто, что до того нахально поступит она... Обнюхаться не успела и прямо в дом привела!

— Верно, ох, верно! — жалостливо вздохнула Авдошина.

— Пото и привела, что скрадом ничего не может, как другие! — отрезала Евдокия Самсоновна и напустилась отчего-то на Прасковью. — Ты за своей лучше поглядывай! Анна-т кобылка уже, а твоя вовсе стригунок несмышленный.

— Погоди, — не унималась Евгеньиха. — А он что? Глаз у его сильно бесстыжий, как бы не сбег.

— Кто чего поймет в нынешнем мужике? — Евдокия Самсоновна вздохнула. — Она-то любит, по всему видать... Да вот и его команда отъехала, а он нет, рашёт взял.

— Зато на другую работу не больно спе-

шит, — споро вставила толстуха. — Даром есть слаще!

— А мы не бедствуем! — гордо отпарировала Самсоновна. — Так что иди себе ровнехонько, да не облейся, гляди.

Поговорили душевно, и пошла с ведрами к себе. Занесла в дом, выйдя из него с подойником, направилась к хлеву.

...Сергей Букреев спустился во двор в тренировочных брюках и кедах, сощурился на хмурое небо, начал гимнастику.

Евдокия Самсоновна, подонь, прошла мимо, скрыто улыгнувшись, ушла, но вернулась.

— Здоров махать попусту, — оценила, приблизившись. — От чего ж это помогает, такие присядки? Есть польза?

— А ты дочку спроси, — весело посоветовал Букреев. — Поинтересуйся, как ее мнение.

— Уж чего спросать, — невольно рассмеялась Евдокия Самсоновна. — Ейный совет известный... «Пусть поспит! Покормите его! Он творог любит!» — передразнила, всплескивая руками. — Я те творогу дам, ладно. И яишню ижжарю... Ешь ты ее?

— Пройдет обязательно, — заверил он. — Только вы не больше шести, если еще творог. А чай сам заварю, он у вас бледный, а я смуглых люблю.

— Сму-у-углых? Шести? — изумилась она и снова прыснула. — Ох, и нахален ты, малец! Как раз такие нам головы крутят, а мы ражы.

— Такие и крутят, — кивнул Букреев. — И зачем это вы: нахален! Давайте жить дружно, мамаша.

— Давай дружно, — одобрила она. — А хочешь Анне пособить, так вскопай мне гряды, как поешь. Она не позволяет тяжелого делать, сама норовит. Как раз и порадуешь заботой.

Букреев укоризненно покачал головой.

— Эх, деревня, деревня! Накормить не успели и уже работай! Еще посмотрим — каков творог... И что заботы ее на себя возьму, не надейтесь. Каждому свое.

— Да у ее тех забот — вот! — провела ладонью подо лбом Евдокия Самсоновна. — Выше глаз... Ты бы с ней поласковее, ухарь. Особливо, как Юра приедет. У нас, видишь, школы-то нету, так детишки в районе, в интернате живут... Он ее уважает, жалеет сильно... Парнишка без отца, прилепится к тебе, так уж при нем не гуляй по матке особенно.

— При нем не стану, — задумчиво пообещал Букреев. — Да и далеко до этого, им еще больше месяца науки пилить.

— Ведь их и домой через воскресенье возют, да! Дети ж, скучают по дому. Это, как вырастут, забывают, а покида помнят...

— Вы, мамаша, об дочке печетесь, я понимаю... Но давайте ближе к прежней теме, к завтраку.

— Давай-давай, — согласилась Евдокия Самсоновна и передразнила: — «Мамаша!» «Дочка!» Вовсе я не ей мамаша. Спасибо, что зовет этак и отношение имеет.

— Как — не ей? А кому же?

— Сыну моему, что на Анне женившись был! Да не сберегся сынок, оставил сиротами, вот и пляши теперь вокруг тебя, — с грустью закончила Евдокия Самсоновна. — Ступай, а пузу прикрыв, как раз за стол приходи.

Когда ушла, усмешка-полумаска слетела и лицо его приняло слегка озадаченное выражение. А становясь серьезным, делалось иным, предьявляя хозяина полнее и лучше.

Совхозный зоотехник Иван Николаевич Никифоров осматривал молодняк. Его сопровождали Тальникова и новый ветфельдшер Тропарев.

После зимнего отстоя животные были истощены и слабы.

— Мда-а, невеселая картина, — признал Никифоров, словно видел все впервые. — А на выгоны выведем не раньше, чем недели через две.

— Если через две! — усомнилась Тальникова. — Егорий через неделю, а травы

нигде не ухватить... Из кормов даже солома на исходе.

— Тогда вы правы, надо часть сдать. Поймите, Анна Владимировна: сомнения тоже на пользу делу бывают, поэтому я и возражал у директора... А теперь вижу — надо!

— Но ведь совсем тощих сдавать будете, — несмело вступил в разговор Тропарев. — Я таких и не видел никогда.

— Будем сдавать, — поправила его Тальникова. — Вы работаете у нас, значит, мы с вами и будем сдавать.

— Нет, сдадим, конечно, лучших. — Никифоров осторожно обошел груду навоза. — Выберем, что есть.

— Почему — конечно? — остановилась заведующая отделением. — Я совсем так не считаю.

— Позвольте, Анна Владимировна, — мягко улыбнулся Никифоров. — Государство и потребитель нуждаются в мясе, а мы им что — ошметки сдадим? Некорректно выйдет. Непатриотично, я бы даже сказал!

— Красиво говорите! Но если сдадим лучших, то к следующей сдаче едва дотянем оставшихся до их уровня. И получается, что два раза выдадим государству и потребителю... ошметки. А оставим перспективных — они нагуляются и пойдут качественным мясом. Как считаете, Никита Алексеевич?

— Н-не знаю, — робко взглянул на зоотехника Тропарев. — Я не очень разобрался еще.

— Чего же тут разбираться? — снова и так же улыбнулся Никифоров. — Район у нас новый, выдаст первые сводки туда, — он ткнул большим пальцем в крышу, — а они не порадуют. Плохой будет подарок товарищу Велехову! Правда, он может сослаться на погодные условия...

— А мы здесь не подарки райкому готовим! — жестко отрезала Тальникова. — Мы работаем. И погода — погодой, а дело — делом, о нем, а не о сводках думать надо. Займитесь отбором, Никита Алексеевич, я

потом сама проверю... Отбирайте слабейших.

Заведующая и зоотехник вышли на улицу. Никифоров нес прилипшую свою улыбку.

— Эх, Анна Владимировна... Такая вы, — он слегка поинграл руками, — аккуратная из себя женщина, а характер проявляете прямо мужской! Я вашему будущему мужу и завидую, и не очень, извините.

— Ничего. Авось выйду за человека с нравом покруче!

— Да разве вы не вышли? — удивился зоотехник. — А я слышал такое, что поздравить собирался... Ох, люди, чего придумают! Будьте здоровы.

Пошел к мотоциклу, долго заводил, а Тальникова стояла с застывшим лицом, пока не уехал.

Но сегодня впервые за последние дни объявилось солнце, оживило окрестности, и лицо ожило постепенно. А спустившись к дороге, увидела поджидающего Букреева, расцвела совсем.

Он сидел на камне, смотрел на пододвиншую и, выдрав соломинку из зубов, встретил вопросом:

— Гляжу, думаю и додумать не могу... Ты как считаешь: правильно, что кругом десятилетнее образование?

— Н-ну, как сказать... Правильно, наверное. А что?

— А то, что с десятилеткой не пойдут навоз выгрывать! Которые без десятилетки, им всем на пенсию скоро... Кому же тогда в скотники?

— Намечается, что механизмы помогут в труде, — неуверенно напомнила она. — Пошли?

— Пойдем. — Он встал, и теперь они шли рядом. — Меха-низ-мы? Так-так... А кирпичи класть? Бревна тесать? Тоже — механизмы? Я, может, и не способен учиться: здесь, — он постучал по лбу, — не хватает и здесь, — показал на грудь, — не лежит... А раз аттестат имею, все одно в вашу грязь не полезу. Не-ет, — ответил он испуганному взгляду, — это я к примеру себя называю, не думай. Сам я что угодно могу,

если захочу. В колонии повидал кой-чего, научился!

— Ты... Тебя за что судили?

— За любовь! — оскалился свирепо. — Жену любил сильно и Бору Комана, дружка закадычного... Шесть месяцев в Атлантике отходили, домой притопали, а он и говорит: помоги, Серега, внелимитные штотки через вахту пронести. Мне к свадьбе надо, а там и Нине твоей подарок есть. — Букреев втянул воздух через зубы, помотал головой. — Я покорежился, покорежился и пронес. Он и влип потом, потянули его за ушко. Х-ха! — Сергей остановился, крикнул злобно. — Я за него бегаю, трясусь, а тут и меня волокут... И говорят: вещи ваши, вы попросили друга продать, такие его показания. Я на них! А они мне — очную... Сидит кореш Боря, глядит на меня и на меня льет! А я молчу, язык съел от радости... Поняла?

— Не надо кричать, — попросила она, оглянувшись на близкие дома. — Ты говори, говори...

— А чего говорить? Домой к нам заявились — у Нинки пальтишко замшевое, про какое он сообщил... Дальше, как в сказке: суд удаляется, суд возвращается, все встают, а меня к хозяину. — Сергей снова засмеялся злобненько. — А Нинок со мной сразу в развод и замуж за торгаша с машиной. Такие вы хорошие все!

— Не все. Я — не такая.

— Уверяешь? Ручаешься?

— Ни того, ни другого не буду... Жалко, что не понял еще. Поймешь, если сможешь...

— Давай покуда без если! И вот что: я домой направляюсь, поскольку время обеда, а ты сбегай, возьми бутылочку. На деньги, держи... Загорелось что-то, а пойду — на тебя же показывать станут, что пьющего завела.

— А мы вместе, хочешь? Но я могу и сама.

— Вместе? — Он подумал, взял ее под руку. — Пошли вместе.

Евдокии Самсоновне не спалось. Зажгла свет, накинув поверх рубахи теплый платок, прошла в кухню, попила воды и вернулась. Часы показывали третий час ночи. Хотела лечь, но, взглянув на фотографии на стене, принялась рассматривать зачем-то... Фотографий было много. Висели под общими рамками по несколько в ряд, и здесь были ее родители, дядья и тетки, их дети и сама с братьями и сестрой, в разных возрастах. Еще был муж, она с ним вдвоем и родные мужа. Был мужчина в буденовке и многие в армейской довоенной форме, несколько невест, смешно и счастливо лупивших глаза в объектив, много детей... И сын ее глядел ласково, один и с молодой женой и со своим сыном Юрой на руках.

На одной фотографии сын, оставив руку с ружьем, поднимал с воды обвисшую утку, улыбался радостно... Евдокия Самсоновна гладила стекло, лицо оставалось спокойным, но что-то шептала беззвучно.

В другой половине дома Сергей лежал, закинув руки за голову, не глядя на милую, говорил медленно:

— ...Как это у вас называется? У нас говорят — в примакки пошел.

— Это ты плохо говоришь, Сережа, — она с трудом шевелила непослушными губами. — Чем считаться? Едой и питьем? У нас и чужого накормят. И вообще плохо, когда в отношения меркантильность тащат.

— Ладно, — покривился Сергей. — Забудь, это я с ходу болтнул и плохо, верно... Но туда пойду — ах, какой Игорь Михайлович был! Сюда сунусь — ох, какой-этакий! — Он кивнул на стену: — И тут он, и везде. Надоело!

— Что же я могу? — тихо спросила она. — Он свое родное любил и для него старался. Хорошие дела люди помнят, такое только своим перекрыть можно... А я... портрет держу потому, что снять стыдно. Зато знаешь, я ведь помнила его все время, а сейчас хочу вспомнить и не могу без фотографии... Во-от, Сережа, а ты говоришь!

Не только жалость, но какое-то более глубокое чувство заставили обнять напря-

*Анна Владимировна — артистка Жанна Прохоренко,
Букреев — артист Анатолий Васильев. Фото А. Ковальского*

гшиеся и опавшие плечи, и дальше говорил мягче, будто делясь и советуясь.

— Я понимаю, понимаю, не думай... Что такое меркантильность, тоже понял, хотя и не знал... И опять: ну видел же я больше тебя! И знаю не меньше и понимаю, хотя образованием слабей... А все равно ты буд-то умнее. Не умнее, а права — вот! — нашел нужное слово. — Ты все время права, а я слушаю тебя.

— Ты и не слушай тогда, — усмехнулась она. — А я стану. Я ведь и так стараюсь против себя... Стесняешься под моим начальством работать — присмотришься, учиться заочно можно. Говоришь, лес любишь — в лесничество иди, пусть нам реже видеться тогда...

— Разрешаешь, значит? — покривился он. — Спасибо... Давай уедем, Аня. Заберем пацана и махнем, страна большая!

При этих словах в ней поднялась горячая радость обретения и опала, постепенно.

— Большая... Ах, Сережа, рвешь ты меня пополам. А мама одна? Ты гляди, как она к нам... И дела разные начаты, хотя бы этот сезон закончить... Подождем, да? Только не думай с перекосом, если тебе со мной хорошо, а как я — ты знаешь, знаешь, не можешь не знать! Верно?

Лицо ее смотрелось открытым и беззащитным, и Сергей взял его в ладони.

— Анюта ты, Анюта! Много говорим, а много говорить вредно, сама зовешь по делу судить... Ты когда не на службе — лет десять скидываешь.

— Скажешь... Нет, Сережа, быстро женщины стареют в деревне. Горожане наш воздух хвалят, лесу, грибам-ягодам завидуют, а я забыла, когда ягоды брала! Воздуха за день так наемся — к ночи дышать

невмочь... Хорошо, мама помогает, не то отоспаться некогда...

— Что-то ты не очень спать, а? — рассмеялся и обнял Букреев. — Хотя и светает.

— Фу, бессовестный, — укорила она, охотно привлекаясь к нему. — Залез в душу, разлегся там и смесшься еще...

За окном рассвет брал свое, и в сарае приветствовал его криком петух.

Анна Владимировна закончила обход вспаханного поля, спустившись к болоту, присела к бочажку и умылась. Постояла, слушая пение птиц, поулыбалась чему-то, и так, все еще улыбаясь, поднялась косогором к дороге.

По дороге навстречу шел человек.

Тальникова определила его незнакомым, замедлила шаг, но, отогнав страхи, пошла решительней. И, сблизившись, узнала секретаря райкома Велехова.

— На ловца, как говорится, и зверь спешит! — приветствовал тот. — За зверя не гневайтесь, здравствуйте.

— Здравствуйте... Нил Андреевич, — она не сразу припомнила, как зовут, оглядела его с удивлением. — Не думала я, что к нам пешком соберется. А машина?

— То-то и оно, что одна лошадиная сила надежней бывает... С задним мостом нелады, стоит километрах в пяти. Но ходил же я на фронте! Не испугались незнакомого издали?

— Да нет, пожалуй... Правда, у нас и знакомых негусто живет.

— Испуга-ались, — улыбнулся он и помрачнел. — Да, народу негусто и в моих местах тоже. Я сам здешний, тверской, хочу сказать, из Кувшинова.

— Мы куда? — спросила Тальникова. — Куда направление брать? К нам?

— Куда хотите пока... Пойдем к вам. А почему с людьми так, вы как считаете? — Велехов достал и протянул ей сигареты: — Пожалуйста.

— Спасибо, не курю.

— Неужели бросили?

— Бросила... Почему? Причина не одна. Вот, к примеру, решил парень после армии вернуться... Его в другие места вербуют, хорошие условия сулят, а решил все-таки! Мы ему рады, и механизаторы зарабатывают теперь хорошо, но поработал он, огляделся и видит: ему не то чтобы с девушкой погулять, а невесту не найти, нету! Одни замужние под сорок и бабки древние...

— Это так, — кивнул Велехов.

— Так! А отчего? — вскинулась она. — Интернаты-десятилетки в городе, в райцентре... Девчатам там интересней: клуб, кино, танцы рядом, можно в туфельках покружиться, а не в сапогах, и кавалеров много. Школу заканчивают и уже работу подыскали... Наш парень и найдет там невесту, так она все равно сюда не поедет. И его уведет!

— С какой вы стороны подошли, однако! Но судите правильно... Мы подростков из села в город учить собираем, а учить их надо здесь. — Велехов забыл о сигарете и теперь раскурил загасшую.

— Конечно, здесь! — обрадовалась Тальникова. — Часто слышишь: прививать любовь к сельскому хозяйству... Разве привить любовь — можно? Прививка вещь болезненная... Сначала теряем, а потом прививать советуем. Чудно!

— Мда-а... А с духовной пищей что?

— Теперь телевизор есть. Сиди и вкушай досыта.

— Разве плохо? — искоса посмотрел Велехов. — Осуждение слышу.

— Не плохо... Но клуб людей объединяет, а телевизор обособляет. Если в гостях соберутся, то не поют уже, не рассказывают — в телевизор уставились. А кино не довести, для него дорог нету.

— Они и верно аховые. Беда это наша, а строить их — пока кишка тонка.

Женщина остановилась.

— Аховые-то аховые! Но молоко и мясо вывезти, урожай доставить транспорт находится... А новый фильм показать, бригаду концертную — нету. В общем, если так де-

ло дальше пойдет — долго подниматься будем!

Велехов увидел большую машину на дороге посреди поля. Усмехнулся. Но молчал, пока не подошли, и Тальникова молчала.

— Это ваша? — спросил подойдя.

— Моя. Она везде пройдет, я к ней привыкла.

— Придется менять, Анна Владимировна. — Секретарь райкома потрогал запыленное крыло, посмотрел на пальцы. — Погодина три часа назад в больницу в Калинин отправили, и боюсь — надолго! Кроме вас, не вижу пока кандидатуры на директорское место.

Сергей Букреев затесывал еловые столбы для новой ограды, насвистывал, и ему было хорошо.

Работая, услышал топот, мычание и голоса за усадьбой. А потом от дома пошла к нему Евдокия Самсоновна. Шла и смеялась.

— Слышь! Там бабы пришли, говорят: ваш кавалер стрелять может? А я и не знаю... Можешь ты?

— Стрелять? Стрелять сумеем, было бы из чего и куда. — Сергей воткнул топор. — На кого охоту придумали?

— Дам я тебе Игореву ружьецо, у меня захоронено для Юры... Шестое мая нынче, Егорьев день. У нас скотину в поле поперьву выгоняют.

— А стрелять зачем?

— Пойдем-пойдем, обскажу, — торопила Евдокия Самсоновна. — Стрелять-то? Животина полную зиму в хлеву отстояла, там нечисть всякая местится по темным углам... Так ее отогнать надо, понял?

— Понял, — едва не споткнулся Сергей. — Двадцатый век скоро кончится, мамаша, какая нечисть?

— Век-веком, а нечисти хватает... Ну, для веселья постреляете, и Савкин тама.

Бабы толклись возле стада, и зачем-то с корзиночками в руках. Савкин поджидал у калитки.

Сергей вышел из дома, опоясанный пат-

ронташем, осматривал ружье. Тулка была в хорошем виде, лоснились смазанные стволы.

— Пошли на заработки, охотник! — приветствовал Савкин. — Люблю это дело.

— Еще и платят за это? — удивился Букреев. — Много, не скажешь?

— Увидишь щас... На хорошую закуску хватит.

Их встретили радостным гомоном. Савкин переломил свою одностволку, и Букреев раскрыл свое, заложил патроны.

— Готовы? — подняв хворостину, спросила Зоя Шамшилина. — Давай, бабы, гони-и!

Сдерживаемые, волнующиеся от первой встречи с волей и весной животные двинулись на луг. Раздались выстрелы.

Войдя в азарт, Сергей бухал раз за разом и дуплетом, Савкин крикнул:

— Патроны береги! Щас просить начнут.

И верно: подошла старушонка, поклонившись, сказала:

— У Ласкухи моей стрельни, милоч... Отгони шелушлявых.

Подвела к корове, и опять Савкин настаивил издали:

— Под брюхо грохни... Смелей!

Бах! Бах! — раздались выстрелы. Ласкуха осуждающе взглянула на стрелка, пошла неторопливо.

— Спасибо, что уважил, — старушеница поклонилась, положила в ноги пяток яиц, отошла.

— Мне, мне теперя, гусарик! — тянула за рукав незнакомая рябая бабенка. — Мою Ночку уважь...

Бух! — стрелял неподалеку Савкин. Патроны его были снаряжены дымным порохом, сизые клубы плыли над стадом. — Бух! Бух!

— Да куда мне столько? — глядя на пяток яиц, взмолился Сергей. — Я уж так... Не обойду.

— Не-е, полагается у нас, — смеясь, подкатила еще яичек Прасковья Авдошина. — При яйцах хорошо, эт без них худо!

От дома по косогору несла ему в помощь

корзину Евдокия Самсоновна, тоже смеялась довольная...

Возвращаясь в деревню, бабы галдели, радуясь состоявшейся потехе и солнцу. У дороги смолкли, завидев грузовик с будкой, ждали.

— Это сельповская, верно, товар везет, — сказал кто-то.

Грузовик стал, чтобы высадить попутного, им оказался Никита Тропарев, а рябая хозяйка Ночки крикнула шоферу:

— Ты скоро в город, малец?

— Разгружусь и попрыгаю... Худа дорога.

— Ой! Так и я... Бегу собираться, бабы!

Грузовик отъехал. Евдокия Самсоновна, подойдя к Тропареву, спросила:

— Анну-т выдывал тама? Не передавала, ждать когда?

— Теперь ей оттуда не скоро, — уважительно сказал Тропарев. — Она директором назначена, Анна Владимировна, секретарь райкомом приезжал специально.

В наступившей значительной тишине Евгенья промолвила сладко:

— Наше вам, Самсоновна... И вам, молодой-интересный, как раз угадали пристроиться! Хорошо, когда начальство под боком — ни в чем отказу не будет...

Сергей Букреев развернулся, пошел к дому, неся ружье за ремень.

Тропарев ошибся — Тальникова торопилась, гнала вожью и приехала вскорее.

— Ну, поздравляю, Аннушка! — Встретила в сенях свекровь, потянулась целоваться. — И то сказать — заслужила... А Погодина куда повысели?

— В больнице он, мама... И с чем поздравляете? Голова ходуном идет.

— Что же с ним? — Схватилась за грудь Евдокия Самсоновна, но Анна Владимировна уже вошла к себе.

В доме было тихо и чисто, за открытым окном слабо шевелились на ветру ветки черемухи, тикал будильник на столе. Входя

сюда, Анна Владимировна улыбнулась заранее, и сейчас улыбка сползла с лица...

Еще оглядевшись, выбежала в сени и на двор, крикнула отчаянно:

— Мама! А Сережа, Сережа где?!

Та не успела отойти от крыльца, испугалась, увидев ее.

— Что ты? Здесь был, стреляли они с Константинычем... Где же? И не уходила я, токо Юре посылочку с Клавкой отправила, сельповский шофер приезжал.

— Видела я эту машину, встретила. — Анна Владимировна, шатнувшись, прислонилась к стене. Замерла.

— Ага, с домиком этаким она... Куда ты, Аня?

Невестка выбежала за ограду, громко хлопнула дверца, и взвыл мотор. Тяжелый «ЗИЛ» описал дугу, разворачиваясь, опять вышел на дорогу и понесся по ней, громяхая разболтанным кузовом.

«ЗИЛ» проскочил самый труднопроходимый участок в бору, дальше дорога шла больше полями. На открытых местах солнце высушило грунт, можно было прибавлять скорость, и Тальникова выжимала все до предела. Так проскочила второе поле, третье...

Глаза ее были сухи, и когда, миновав перелесок, опять вывела машину на открытое пространство, то увидела фанерную будку сельповской, ухотившей за поворот...

Под крышей будки, от борта до борта протянулась навесная скамейка. Букреев сидел, держась за нее, лицом к кабине. Болтало сильно.

...Вывернув руль, Тальникова выехала на поле, гнала наперерез по пахоте, а затем врезалась в жидкий лозняк, спрямляя путь, виляла в нем, пока не увидела, что дорога близко. И тогда затормозила.

Сельповский грузовик приближался слева, она уже различала лицо шофера и Клавдин Зуевой рядом с ним.

Грузовик проезжал, проплыла окрашенная голубой, стекшей краской стенка будки,

потом в глубине ее мелькнула белая шерстяная шапочка Сергея.

Негустая дорожная пыль осела скоро, и, едва отдалились рыдания чужого мотора, стало тихо. Анна Владимировна сидела, не снимая рук с баранки, по ветровому стеклу и по выдвинувшемуся на солнце капоту шевелились тени кустов.

Райцентр вырос из разряда поселка, но не дорос до города. Центральную площадь ограничивали раймаг, столовая, продуктовый магазин и навес автобусной станции. Здесь и высадил пассажиров сельповский шофер.

Легко неся чемодан, Букреев направился к вокзальчику, чья крыша виднелась за молодыми деревьями, но сзади раздался топот ног и прерывистое от бега дыхание.

— Слышь, ну куда так скоро побрел? — Клавдия Зуева протягивала холщовую торбочку. — Самсоновна аль не знала, что и ты в город?

— Не знала, — непонимающе ответил Букреев. — Что это?

— Вот и то, что, не зная, для Юрки в интернат гостинцев сунула. А мне и время нет. Еще с кем уеду? На, побегла я...

— Подожди ты...

Зуева вприпрыжку пустилась наискось площади. Букреев посмотрел на торбочку в руке, постоял и тоже пошел в противоположном от станции направлении.

Двухэтажное здание интерната выделялось новизной, за ним разметили стадион, и футбольные ворота были сбиты из березовых жердей. Игравшие подростки клубком мотались по полю, а в стороне лежал на куртке мальчик. Жадно следя за игрой, не заметил, как подошел мужчина с чемоданом, встал рядом.

— Ты... Тальников? Юра, вроде.

— Да. — Мальчик сел и улыбнулся. — Какая у вас шапочка потешная... Вы водолазом служили?

— Почему водолазом? А-а, — Букреев потрогал шапочку, поправил. — Плавал, верно. Но на дно не спускался.

— Жалко, я всегда с открытыми глазами ныряю, да в нашей Торопке вода мутная... А раков ловлю.

— Раки дело хорошее... Тут тебе принесли разное, бабка собрала.... Чего в футбол не играешь?

— Не берут, — пожал плечами Юра. — Я еще плохо умею, здесь первый год, а в деревне не с кем гонять. Зато на лыжах всех перебегал... Вы опять к нам поедете?

— Нет, — Букреев испытал неловкость и разозлился. — Мне на станцию надо! Уезжать собрался.

— На Торжок скоро пойдет. — Мальчик встал и надел куртку. — А оттуда электрички в Москву часто ходят. Мы так ездили. Найдете станцию? Пошли, провожу.

Юра нес торбочку сам, и, шагая рядом, Букреев все не мог избавиться от чувства неловкости.

— Тут музей будет партизанский, — показал мальчик. — Я раньше не знал, а у нас в лесу много найдешь: каски разные, железки от оружия, теперь собирать буду... Вы сейчас — кто?

— Я?

— Ну, делаете что, вы же работаете?

— Волюноопределяющийся пока, — снова обозлился Сергей. — Кандидат на свободные должности!

— А кем стать хотите?

— Да еще не решил...

— Я тоже, — обрадовался Юра. — Сколько всякого, верно? А уж кем станешь, после переделаться трудно...

Взяв билет и выйдя на улицу, Букреев увидел его возле чемодана на лавке, и что-то съезжилось внутри. И тут же раздался гудок прибывающего состава.

— Хорошо вам добратся, — солидно пожелал Юра у вагона. — Две пересадки, зато интересно.

— Бывай, — пожал его руку Сергей. — Ты в лесу с железками поаккуратней, не поймешь, что там валяется...

Войдя в вагон, выбрал место со стороны, противоположной станции, а поезд тронулся не сразу. Тогда Букреев подошел к окнам другой стороны, и, заметив его, мальчик обрадованно улыбнулся и взмахнул рукой.

Без того аккуратную Ригу прополоскали дожди. Букреев шел, наполненный узнаванием, ощущая, как отвык от городской толчеи.

В порту тоже было суматошно, но это была организованная суматоха труда, и в ней чувствовал себя иначе.

Моряк в фуражке с очень высокой тульей посмотрел, прошел мимо и обернулся. И Букреев обернулся. Постояли. Сблизились.

— Николай? — сказал Букреев неуверенно и уточнил: — Елистратов...

— Точно, — еще всмотрелся моряк. — Ба-а! Сережа-пижон! Вот номер... Ты откуда, король движков? А я, видишь, завязал плавать. Ожнили и скрутили... Все!

Сообщал это без печали, скорее с удовольствием, и руку пожал с удовольствием.

— Да ты, никак, снова за рыбкой нацелился походить?

— Нет, — ответил не похожий на пижона Сергей. — Куда мне... Знакомых ищу.

— Погоди, так нашел ведь. — Посмотрел на часы Елистратов. — До моей береговой вахты время есть... Пошли, ляпнем по кружечке.

Михаил Константинович Савкин, в костюме при орденских планках, тихо шел, припадая на палку. Он покинул дом в раннее время, ни над одной крышей не вился дымок растопленной печи, а над кустами речушки не разошелся туман.

Не успел отшагать от крайних домов, как сзади заурчало — дорогой катил «газик» Тальниковой.

Трудно вставившись в распахнутую дверцу, Савкин пристроил поудобнее ногу и палку, оценил сочувственно:

— Ра-ано встаешь, Владимировна. Хотя ранней пташке больше всех достается... Здравствуй.

— Здравствуйте, Михаил Константинович. А сами куда — и рано, и пешком?

— Племяш с Каковкина записку прислал, чтоб навестил его. Мужик серьезный, по неважному делу не позовет.

— Из Каковкина? — свела брови Тальникова. — Это ведь наш сельсовет... Давно я там не была, отвезу.

— Сельсовет наш, — кивнул Савкин, когда машина побежала. — Да они все рыбаки там, рыбаки от веку... Красиво живут, при самой воде.

Закурив, хотел спрятать пачку, и Тальникова попросила:

— И мне, пожалуйста, чтобы за своими не лезть... Большая семья у племянника?

— Сам, жёнка и детей двое... Держи. Так ты, вроде, бросила дымокурить!

— Бросила, да опять подняла, — хмуро отшутилась Анна Владимировна. — Подскажете, когда свернуть, а то проедем...

Каковкино стояло на высоком берегу, под берегом тянулись желтые пляжи. Отметив появление машины, в избу савкинского племянника Якова набились соседи, пожилой одинокий мужик говорил Тальниковой:

— ...Я, считай, тридцать шесть годов рыбаком. На войну ходил, руку оставил, опять к этому делу встал и сыны со мной. А ныне бригаду ликвидируют вчистую, прямо беда!

— Понимаю вас, — кивнула Тальникова. — Но что можно предпринять? В совхоз идите, рады будем.

— Конечно, не в город подаваться... Да ведь не земляные мы, милая, водяные! Ну, по плотницкой части все владеем, верно, ребята?

— Куда как ни верно, Митрич, — подтвердил Яков.

— Топор знаем, и пила не чужая...

— Амбар поставим, как запросишь!

— Это умеем, — заключил Митрич. — Да надо ль тебе плотников?

— Постоянно и столько держать не смогу, — огорчилась она. — Придется и на других работах трудиться.

— Придется, так не извернешься. — Яков влез пятерней в волосы, покосился на Савкина. — А все попросим мы вас: вы к начальству ближе — посодействуйте, чтоб из рыбаков не выводили!

Жена Якова поставила на стол миски с закуской, стаканы.

— Обещать не могу, — встала из-за стола Анна Владимировна. — И завтракать не останусь, извините.

— Как же? — расстроилась хозяйка. — Нехорошо от стола бежать!

— И на работу опаздывать хорошего мало... Обещать не могу, а поговорить — поговорю при случае. До свидания.

Новехонькая «Волга»-такси въехала в ворота парка, лихо развернулась и пристроилась к ряду других. Из нее вылез рослый парень с красивым и в баках лицом, сдвинул фуражку на затылок, шел к диспетчерской.

— Здоровеньки булы, Боря, как с планом? — приветствовал его издали один из коллег.

— План горит, счет на сберкнижке растет!

— Надо в твою сберкассу зайти, может, и мне выдадут. Как считаешь?

— Выдадут обязательно. Потом догонят и еще выдадут. Зайди.

Перешучиваясь, нырнул в дверь, скрылся. Но вскоре вышел обратно с листком вызова в руке.

— Куда едем, Коман?

— Меня только артистки вызывают, знать пора.

— Поделись клиентурой, Боря!

— Нас по-товарищески обрисуй...

— Сделаем, не тужите. — Коман помахал рукой. — Коляски пока отлакируйте.

Напоследок одарил всех улыбкой, а возле своей машины сбился с шага и замер, уви-

дев Букреева. И люди стояли неподалеку, а все равно продуло ледяным сквозняком.

— Ну? Чего обвис? — спросил тот сумрачно. — Привет.

— Здравствуй, Сережа. Ты... давно?

— Чего — давно? Тебя караулю? Недавно. И в Риге недавно, а на воле давно. — Букреев показал зубы в нехорошей полууśmieшке. — Мог бы и рассчитать, о друге помня. Я уж в земле наковыряться успел. — Он оглядел команскую машину, бывшего друга, опять машину. — А ты, значит, здесь? Сколько выгоняешь?

Пересилив страх и радуясь обыденному разговору, Коман заторопился:

— Нормально выгоняю... Я нахально не стараюсь, по-хорошему от вокзала, от аэропорта, по вызовам... Получается как раз, нам хватает. Роза сотни полторы приносит, ящик цветной взяли... Зайдешь, а? Она рада будет.

— А ты?

— Я? Ну чего спрашивать? — потупился Коман. — Мне... Мне на тебя молиться, Сережа, я думал, ты имеешь ко мне...

— А я имею! — строго посмотрел тот. — Но размениваться не стану. И заходить не стану, обойдешься! Розка с Ниной по-прежнему вась-вась?

— Видятся, — бывший его дружок облегченно перевел дыхание. — Нинкин муж квартиру построил, они теперь за Даугавой живут. Дочке их четвертый, что ли... Да вот, — он достал из бумажника фото. — Как раз Розка с Нинкой и дочка их.

— Адрес знаешь? — Букреев мазнул взглядом по фотографии, протянул руку. — У тебя ручка в кармашке, дай запишу.

— Сейчас. — Коман суетливо нашарил записную книжку, нашел нужный листок. — Где-то здесь...

— Я сам, — списав адрес, Сергей вернул книжку и ручку, пнул баллон «Волги». — Хороша тачка!

— Так оставайся, — обрадовался Коман. — С твоими руками да механиком, тридцатку чистую потянешь без хлопот!

Золотом перед директором рассыплюсь, он сделает.

— Не рассыпайся, домой поеду. Я ведь трактористом начинал, смешно сказать... Разной техникой в школе болел, но настраивался на трактор. Меч-та-ал! — Сергей опять усмехнулся. — Это уж потом обедался до уровня мировых стандартов.

Коману вдруг стало грустно оттого, что уедет этот крепкий внутри человек, и попросил почти искренне:

— Брось, Сережа, оставайся. Город — люкс, работа клевая, зачем тебе?

— Поеду! — Букреев сунул ему руку. — Живи, петушок, не поминай лихом.

Микрорайон заселили недавно, но жильцы уже успели разметить газоны, расставить таблички и навтыкать пруттики молодых насаждений.

Букреев сидел рядом с лысым старичком, шелестящим газетой, перед ним в песочнице ковырялась малышня.

— Как хотите, юноша, у меня нет доверия к Картеру! — воскликнул вдруг старичок. — Израйлю новые бомбардировщики продать! Вы понимаете, что это значит?

— Да-а, — сокрушенно покачал головой Букреев. — Поступил он несолидно, конечно... А не продешевил, дорого взял?

— Колоссальный контракт! Но даже их газеты сомневаются, поскольку это отодвигает разрешение ближневосточной проблемы!

— Ничего! Все равно мы их имели в виду!

— Что? — сверкнул очками лысый политик. — Я не понял...

— Мама! — крикнула из песочницы девочка с бантом. — Ма-а-ам!

По асфальтовой дорожке шла бывшая жена Букреева — Нина, улыбалась издали дочке.

Сергей смотрел на эту сытую, ухоженную и чужую женщину глазами знатока, не больше, и многое в ней его бы устроило.

Мать и дочь встретились перед подъез-

дом, вошли в него, а он решительно встал и пошел прочь от нового кооперативного дома.

Гараж совхоза «Прогресс» представлял объединение двух небольших зимних помещений и длинного навеса, под которым выстроились автомобили и трактора.

Тальникова шла, будто принимая парад, ее окружали несколько водителей, механик и заправщик.

— С этой что? — остановилась у очередной страдалицы, слепо тарашившей фары.

— Тут блок надо менять, — пояснил механик. — Да она того не стоит, старая...

— А та?

— Та в норме. Но резину ждем. Обещали неделей подвезть.

— Я проверю в субботу. — Она записала в блокнот. — Так что проявите заинтересованность.

Механик и водители переминались рядом, а к этой группе подошел главный бухгалтер Буланов с зоотехником Никифоровым.

— Анна Владимировна, душенька, — развел руками Буланов. — Что же это я услышал?

— В чем дело, Василий Кузьмич?

— Зачем вы в колхозе трех лошадок берете? Мы своих оставшихся мечтаем сдать, куда нам еще? На них ведь корм готовить придется!

— Я догадываюсь, что придется, — спрятала блокнот Тальникова. — Этих лошадок определим в Хвошню и Колпино.

— Но зачем, обрисуйте? — завопил Буланов. — Не пойму, к чему нам они!

— Чтобы люди самогон меньше гнали...

Воцарилось молчание, и лишь механик крикнул изумленно.

— Да, да... На одну избу возов двадцать дров надо... Сено для своей скотины нужно привезти, — она загибала пальцы, объясняя. — Мелочи еще: жерди для оград и столбы, огороды вспахать... Само ничего не придет, а лошадей такие ретивые, как вы,

списать поторопились. У нас взять трактор сколько стоит?

— Три пятьдесят...

— В час! И даем трудно, самим нужен. Вот и гонят вино, трактористов и шоферов примашивая. Те за деньги не соглашаются, а к бутылке слабы... Так? — обернулась к сопровождающим.

— Бывает, — глядя в небо, признал один.

— Ну а мне технику жалко, какую пьяные гробят. Их самих и семьи их. Поэтому лошадь в каждой деревне должна быть. А что съест, она нам больше вернет, я так понимаю...

— Рассуждения у вас, Анна Владимировна, — качал головой зоотехник Никифоров, — прямо удивительные...

— Когда перестанете удивляться, лошадей устройте подобающе. — Она двинулась дальше. — С этим трактором что?

— С этим? В нем, понимаете, будто и хорошо все, — давал пояснения механик, — но муфта передачи слаба, а Снегирев первый раз сел и не знал...

Такси бежало ходко. Сидя рядом с шофером, Сергей с любопытством посматривал на сильно изменившиеся родные места, добротные дома, крытые шифером, и типовые служебные помещения под железными крышами.

— Красиво жить стали, — сказал сам себе. — Откуда что взялось!

— Интенсификация, — сплюнул с губы табачинку шофер. — Колхозник у нас теперь будь здоров! Он лаковую мебель просит и все программы обязательно глядеть мечтает. Ужас, до чего любознательные стали!

Семен Потапович Букреев с женой Анфисой Яковлевной кормили кроликов в конце усадьбы. Пушистики шевелили ушами, жевали мелко. Хозяин весь ушел в это занятие, но жена услышала, как подъехала машина, зашептала мужу:

— Погоди, приехал к нам кто-то... На такси приехал, Семен!

— На так-си-и? — разогнулся Семен Потапович. — Важно. Тогда хватайся, мать, за сердце, беги шеплута встречать... Это не иначе — Сережка, раз фасоном давит. — Он всмотрелся, сощурившись: — Он самый и есть. Беги, ахай!

Та послушно ахнула, закачалась с боку на бок, изображая бег, и он пошел за ней, усмехаясь в бороду, отирая руки о штаны.

А много позже, за столом, накрытым на летней веранде, любовно из-под руки глядел на сына, гудел неторопливо:

— Интересную свою жизнь ты мне объяснил по малости... Кой-чего я не понял, темнота, а понять хочу вот что: чего делать думаешь?

— Пока вас повидать, — катал хлебный мякиш Сергей. — Поглядеть, как живете.

— Ясно. А я тебя неволить-подгонять не буду, — пообещал отец. — Скоро Витя с Левкой придут, опять гулять станем. А уж завтра с соседями. Обживайся, вдруг и понравится тебе в родном-то доме, да-авно ты его позабыл...

Анфиса Яковлевна подоспела к столу, поставила дымящуюся миску, чмокнула сына в темя, всхлипнула. Затормозилась обратно к делам.

— Ра-а-а, — ухмыльнулся понимающе Семен Потапович. Поймав взгляд Сергея, посмотрел за стекла веранды. — Это Женька Кольхалова соседская... Красиво образовалась девка! Понял теперь, сколько нас не видел?

Лето постепенно катилось к исходу. Увидев пригнутые плодами ветви яблонь, Анна Владимировна поняла это особенно. Проходя, сорвала зеленое в пупырышку, откусила и сморщилась. Так и шла, кусая кисленькое.

Зашла в коровник и, пробыв там немного, вышла вместе с Полиной Авдошиной.

— ...слабая она еще, так что надо лучше устроить, пока окрепнет.

— Хорошо, Анна Владимировна, я в но-

вое помещение переведу, где Пятоня стояла. Там светлее и прохладнее будет.

Согласилась и все решила правильно, да говорила равнодушно и выглядела как без живого внутри. Поэтому Тальникова, обняв за плечи, остановила ее, развернула к себе.

— Что с тобой, Полника? Ты извини, не узнаю я тебя.

— Со мной ничего, Анна Владимировна, — безучастно сказала девушка. — Мне мамку жалко, а я все равно ребенка оставляю и растить буду.

— Поли-инка... — Тальникова крепко жала неширокие плечи, смотрела и смотрела в поблекшее глазастое личико. — Что же это у вас? Как же?

— Так, — поднялись и опустились плечи под руками. — Он говорит: какая из меня жена, если во мне гордости не было... Говорит, я и с другими так стану. Лучше б он ножом ткнул, понимаете? Мы заявление подали, мамка брата вызовом вызвала, а он не хочет теперь. Брату Пете из Кустаная ехать, верно, выехал уже...

— Подожди. — Анна Владимировна достала папиросы, ломая одну за одной, бросала спички. — Ты подожди... Я поговорю с ним.

— Не смейте! — вскинулась Полна. — Я вам не позволю, слышите? Я человек уже, имею право сама... И сама с ним жить не хочу! Видеть тоже, да мамку не бросишь и свое кругом жалко.

Ее лицо все же покривила душевная и сильная боль, но справилась с ней и вздохнула.

— Пойду я... Вы не беспокойтесь, я Сластеху сегодня переведу. Подою других, молоко сдадим и переведу.

За прошедшие месяцы молодой человек изрядно возмужал и научился говорить с солидной неторопливостью.

— Сначала сделаем прививки в Хвошне. Повторные. А на ферме в Кобенева отложим, посмотрим, что с большими коровами. — Тропарев откинул волосы со лба, отер

лицо платком. — Я хочу результаты анализов подождать.

— Хорошо, — согласилась Тальникова. Они сидели в ее кабинете в Забелино, все окна были распахнуты настежь. — А почему до сих пор в Заборовку не наведались? Телют как отправили туда, так ни одного осмотра не было.

— Разве не было? — удивился ветеринар, достал и отлистнул блокнотик. И улыбнулся дружелюбно: — Верно. И как вы все помните, Анна Владимировна? Я сегодня съезжу, так что не опасайтесь. Ко мне у вас все?

— Подождите. — Тальникова подошла к окну, глядя в него, спросила глухо: — Зачем вы так с Полиной, Никита Алексеевич? Посмотрите, какая стала... Если недоразумение между вами, то его выяснить пора.

— Какое недоразумение? — напрягся Тропарев. — Никакого не вижу... Была поспешность с моей стороны, наобещал, в человеке не разобравшись, но и она должна стыдливость иметь. И вообще это интимный вопрос, его не обязательно обсуждать!

— Так что же вы не женитесь на ней? — отошла от окна и села на место Анна Владимировна. — Ведь у вас ребенок будет.

— Почему у меня? И почему обязательно ребенок?! — вскрикнул страдальчески ветеринар. — Что за темнота такая, когда вполне избежать можно... Подскажите ей, прошу вас как старшего товарища, как женщину, доверяю вам очень...

— Спасибо. А я вас прошу от нас уехать.

— Ка-ак уехать? Я же по распределению молодых специалистов... Мне два года положено отбыть. Вам что — люди не нужны? И так их нету.

— Люди нужны. Но — люди. А вы как человек не проявились, давайте расстанемся. За стаж не бойтесь — я вас отпускаю и распоряжусь о выдаче документов. Полюбовно, так сказать.

— Это другое дело, — пораздумав, оживился Тропарев. — Вы, извините, судите с позиций своего печального опыта, я понимаю. А почему специалиста на какую-то

девчонку меняете, не пойму никак. Да дело ваше, хотя в чужую жизнь зря суетесь!

— Мое, вы правы! А почему меняю... Это не размен никакой, настолько не равноценны вы с ней. Она родилась здесь, любит свое и для него работать будет. А вы — гастролер! Жаль, что и у нее теперь опыт... А так я даже рада. — Тальникова взялась за телефонную трубку. — Насчет документов можете сейчас же отправляться. Видеть вас не хочу!

Падая, яблоки глухо стукали оземь, при порывах ветра эти стуки учащались. Одно ударило по ноге, Сергей очнулся от дремы, потянувшись, сел на раскладушке и услышал звуки аккордеона.

Босой и в тельняшке парень подошел к калитке, а в соседнем полисаднике сразу оказалась вышедшая из дому Женя Колыхалова, тоже слушала гвалт приближающейся компании. Трое парней и четыре девахи дурачились, одна запела:

Ох, мне не надо «Жигули»,
Не нужна мне «Волга»,
А чтоб милый обнимал,
Целовался долго!

И вторая подхватила:

Эх, ты Вася-Василек,
Ты моя горошина,
Разве есть што в твоей жизни
Без меня хорошего!

Парень с гитарой отстал, делая вид, что подтягивает струну. Зыркнул глазами, взял несколько аккордов, нехотя пошел дальше.

Сергей тоже посмотрел на Женю, подошел к штакетнику, разделяющему участки. — Здорово! Это он тебя караулил? — кивнул на уходившего.

— Меня. Здравствуйте.

— А ты что ж?

— Так. Ну его.

— Не нравится, значит, — кивнул Сергей. — А я нравлюсь?

— Вы? — Женя отвела глаза, пунцовая, и вдруг решила: — А вы правитесь.

— Это хорошо. Только мне надо, чтобы очень нравился... А?

— Очень и нравитесь, — совсем тихо признала она.

— Тогда ладно. Тогда пошли в клуб, поглядим на ваше общество. Подожди, я оденусь скорее.

Когда возвращались, в небе холодно и ярко светилась половинка луны, улицу пересекали тени столбов и деревьев.

Женя шла, напряженно вытянувшись, прямые руки висели вдоль тела. Букреев, постояв, оглядел ее, усмехнулся тому, что должно было скоро произойти, догнал и взял за локоть.

— Пойдем тут... Поближе будет.

Она запнулась, посмотрев, но дала увлечь себя на тропку, рассекающую рощицу насаженных тополей. И едва окружили их тонкие стволы, как Сергей обхватил ее талию. Так и прошагали немного.

— Ты чего дрожишь? Холодно? — Сохраняя на лице напряженную полуусмешку, скинул пиджак, набросил на нее, развернул к себе.

— Не надо... Уже близко...

— Надо, надо. — Он стянул отвороты на груди, а затем его руки, нырнув под полы, привлекли девушку теснее. — Не бойся, ду-рочка...

Не слушая шепота увещаний, торопливо целовал склонившуюся шею, потом вдруг отодвинулся. Вгляделся в Женино лицо, а больше вгляделся в себя и, зажмурившись, постоял мгновение недвижимым.

— Та-ак... Видишь, что получается? — сообщил он испуганно-недоумевающему взгляду. — И вправду, пора нам домой.

Усадьба Колыхаловых прилегала к роще, они сразу подошли к калиточке в изгороди, и здесь Букреев улыбнулся открыто и благодарно.

— Вот и доставил я тебя, иди. Хорошо, что на люди вывела. И вообще... Славная ты! Спасибо.

— Так за что же? — тихо сказала Женя и все смотрела, стараясь понять.

Не поняв, вздохнула, неумело ткнулась холодными губами в щеку. И обмерла от собственной смелости, ожидая расплаты.

Сдержав смех, Сергей взял ее за плечи, отстранил осторожно.

— Ладно, Женечка, пора тебе к дому... Рано еще до петухов гулять...

Открыв глаза, она улыбнулась жалобно.

— Это за то гоните, что обнять путем не умею, да? Ни с кем еще не дружила, верно... Только я с вами не так чтобы — просто. С первого взгляда понравились.

— И ты мне, — ласково уверил Букреев. — Вот и ступай, еще хватит тебе времени на все.

— А другой раз позовете пройти? — Уходить ей не хотелось, но послушно открыла калитку и спрашивала торопливо: — Или просто так обещаете?

— Позову! — рассмеялся он. — Иди-иди, гулена.

Лишь войдя в отцовский сад, понял, что Женя ушла в его пиджаке, зябко передернувшись, растер плечи руками да так и остался стоять у заборчика.

Смотрел и смотрел на с детства родную улицу, освещенную луной, слушая деревенскую тишину с ночными звуками, составляющими ее. Думал.

Первого сентября стояло летнее тепло, но на главной улице райцентра шелестели по асфальту пожухлые листья.

Прошли шумной ватагой смуглые как цыгане и как цыгане бородатые студенты стройотряда в зеленых линиях робах...

И на кузовах всех машин белели надписи: «Уборочная».

Анна Владимировна вышла из магазина, а Нил Андреевич Велехов направлялся туда. Задумавшись, не посмотрела и не узнала его, но он стоял на пути и тогда подняла голову.

— Это вы? Здравствуйте... А я сына при-

везла, конфет заходила купить. Он пока любит.

— Здравствуйте. Я ваш «газик» узнал, когда проезжали... Думаю: придет или нет?

— Попозже собиралась, — оправдалась она и посмотрела прямо. — Особенно не порадую. С уборкой справимся в срок, но урожай негустой...

— Я слышал. Поговорим детально, когда зайдете, — кивнул Велехов.

— Хорошо, поговорим. Нил Андреевич, я все спросить хотела и забывала, а сейчас зашла в магазин и опять вспомнила...

— Да? Ну, спрашивайте, спрашивайте.

— Спрошу. Вот ловят на наших озерах рыбу: судака, леща, щуку... Ловят и бог знает куда везут! Она в те края приходит, глаза вылучив, квелая... А оттуда к нам другую шлют, а у нас за мороженым хском очередь. Почему бы свежую тут не продавать, хотя и подороже?

— Почему? — наежил лоб Велехов. — Ну, плановое хозяйство, поэтому... Хек сюда разнаряживают из опасения, что местных уловов может не быть, а нашу отправляют... в общем, тоже по плану.

— Понятно. Тогда я такое решила: каковкинскую бригаду рыбаков, которую гослов ликвидировал, рыбаками к себе и взять. С рыбой будем, а излишки куда угодно продадим. И детей в интернате свежей накормим всегда.

— Поймите, — осторожно взял за руку и отвел от ступеней Велехов. — Вы решили или уже приняли к себе рыбаков?

— Приняла, — вздохнула Тальникова. — Поймите, они же с рождения рыбаки, а нам выгода прямая!

— Я-то пойму... — начал он серьезно и рассмеялся, не выдержав. — Скорая вы на дело! Оно и хорошо. А вот нас навещаете редко. Заехали бы поговорить специально, раз большие дела разворачиваем.

— Хорошо, я приеду. — Она коротко задумалась, тряхнула головой и пообещала: — Обязательно приеду!

Обедали вместе, как было заведено. Анна Владимировна хлебала, не вникая во вкус, а, отодвинув тарелку, сказала:

— Больше не буду, мама... Пора мне.

— Господи! Обратило ницегошеньки не посла... Все пора и пора! Когда она кончится, такая пора, что дома по хорошему не побудешь?

— Не знаю... Теперь уж никогда, наверное.

Поцеловав ее, Анна Владимировна, натягивая на ходу брезентовый пиджачок, скоро прошла двором на улицу. «Газик» словно ждал хозяйку и охотно взял с места.

На дорогу выбежал зоотехник Никифоров, махал руками, и она затормозила.

— Мотоцикл отказал, — пояснил, садясь рядом. — Уф-ф, думал, пешком топтать придется, а тут как раз вы.

— И как раз хочу узнать, почему в Заборковке навес для телят не готов... Ночи холодные, дожди проходят, а они под открытым небом. Кашляют так — слушать страшно!

— И что вы все на меня? — обиделся Никифоров. — Я указания дал вовремя, не самому же с топором...

— Можно для пользы дела и самому. Мужчина вы сильный. Указания их от дождя не укроют, согласитесь.

Никифоров кивнул, больше думая, спрашивали выдан комплимент его силе, поглядывая на Тальникова.

— Вы, Анна Владимировна, очень круты характером стали. Те, кто вас уважает и даже любит, они понимают отчего... А иные могут подумать, что директорским постом загордились! Знаете, какие люди бывают?

— Знаю. А что же понимают те, кто меня любит? Подождите, это Трошнев, кажется...

На поле комбайн дожинал овес. Тальникова обогнула поле, въехав в рожицу берез, затормозила и вышла. И Трошнев увидел ее, приблизившись, остановил агрегат, спустился наземь.

— Здравствуйте, Алексей Петрович... Последние деньки комбайнером, да? Скоро снова на трактор.

— Последние. Еще две полосы у Ранской горы осталось, да они невелики... Быстро управлюсь.

Весь был запорошен овсяной шелухой, смешными выглядели брови, ставшие непомерно большими. Их и надупил.

— Такое дело, Владимировна... Конечно, обратно надо пахать, да видишь, три года я в отпуску не бывал. Имел мечту жёнке море показать, а тут как раз и путевки есть, говорят... Ньюрка руками машет, а мне сильно охота провезть ее, пока не устарела вконец!

— Путевки есть, — кивнула Тальникова. — Но они туристские. В туристском лагере в палатках надо жить.

— Да черти с им! Было б где кости бросить, раз незнакомое все... Не отпустишь?

— Отпущу. Ума не приложу, как без вас выкрутятся, но странно даже, что вы меня просите. Отпуска никто не может лишить, незаконно это.

— Законами не балованы, — широко улыбнулся Трошнев, и пыль осыпалась с лица. — А за добро отслужим, увидишь! Моя ажно ахнет, как скажу...

И Тальникова улыбалась, возвращаясь к машине. Никифоров принял эту улыбку в свой адрес, суетливо смял и отбросил папиросу.

— Поехали... Сегодня мне еще в город надо.

— Ох, заездят вас дела ваши, — посетовал он и, быстро оглянувшись, положил руки ей на плечи. — Может, погуляем? Ведь хорошо здесь...

— Что это вы, Иван Николаевич? — спокойно посмотрела сначала на одну, потом на другую его руку. — Кажется, я повода не давала.

— Чего уж, Анна Владимировна, — зашептал в лицо. — Несчастье ваше мне повод дало... А я счастлив разве? Сами знаете... И к вам с душой и попросту.

— Предлагаете одно несчастье другим вышибать? — Сняла его руки она. — И попросту это попросту еще понять можно...

А попросту и с душой — слишком сложно для меня. Обойдусь!

Сев за руль, развернула машину, предложила топтавшемуся на месте ухаю: — Садитесь. И не смущайтесь особенно, вполне мужская привычка, руки распускать... Нет, не сюда, сзади садитесь.

В тесноватой приемной стучала на машинке худосочная барышня научного вида, не сразу заметила вошедшую.

— Здравствуйте, — сказала Тальникова. — Нил Андреевич у себя? Я из совхоза «Прогресс».

— Нету. Еще с утра уехал и не возвращался. — Секретарша сняла очки, и научного вида как не бывало. — Если что срочное, так второй секретарь, товарищ Демин на месте.

— Нет, нет, — заторопилась Анна Владимировна. — Я в другой раз.

— Отчего же — в другой? — Демин стоял в дверях своего кабинета, улыбался располагающе. — Вам надо время приучиться ценить, а мне интересно познакомиться поближе... Вы ведь Тальникова? Проходите.

— Тальникова, — кивнула она и вошла вслед за ним в кабинет.

— Откровенно говоря, дела вашего совхоза пока идут не блестяще. — Усевшись, Демин оставил на лице улыбку, но глядел строго. — В чем причины? Техნიкую обслуживания: тракторов достаточно, машин много, но не получается...

— А зачем нам машины? — спросила Анна Владимировна.

— Как — зачем? — не понял Демин. — Это вы меня спрашиваете?

— Вас, вас, только объяснять не надо... Зимой пройдет бульдозер, разгребет коридор и ходи один трактор. Весной тоже машины стоят и сейчас скоро встанут. У нас их двадцать две числятся... И всего пять месяцев на ходу, и то если лето сухое! Нам дороги нужны... А пока нету — вездеходы со всеми ведущими. Остальное заберите и

отправьте, где нужней, чтобы зря не простаивали.

— Та-ак, — озадаченно покрутил головой Демин, — с машинами круто расправились... Еще что?

— Еще многое, — завершила она. — Опять с ремонтом тракторов... Были бы запчасти, мы в пять раз быстрее и во столько же лучше отремонтировали! Из капитального гробы приходят, не работать — сесть страшно! А наши, ремонтируя, постараются, поскольку им на них зарабатывать придется.

— Себе — не тебе, так выходит? — прищурился Демин. — Жестко вы рабочих расчитываете... Но справедливо ли?

— Я говорю как раз, как выходит, — упрямо свела брови Тальникова. — И еще хочу сказать, что нам позарез нужен мост у Ширкова. Из кожи вылезем, а постронм...

— На какие деньги? — полюбопытствовал Демин. — Советую рассуждать реально... Вам шесть деревень селить надо, а вы — мост!

— Почему обязательно надо? Мы до того доселялись, что плакать впору. — Тальникова оглянулась, встала и почти подбежала к карте района на стене: — Вот они, земли сселенных деревень... И пустуют, зарастают они! Культивировать рук нет, туда людей возить надо, а как? Мы бы в малолюдных деревнях откормочные пункты создали! Три человека вполне обслужат стадо в пятьдесят — шестьдесят голов молодняка...

— Это пробовали уже, — кивнул Демин. — Плохо получается.

— Плохо пробовали! Надо стадо не пасты, а в загоне держать и траву на корм косить... Пастбища тогда не вытаптываются — раз! Молодняк быстрее вес набирает — два! Но в загоне непременно должны быть навесы, это — три! А то при дождях у телят переохлаждение, болеют часто... И в Австралии, и в США только так на откорм содержат, я читала.

— С заграничными рецептами не знаком, а свое понимаю, — сухо пояснил Демин. — И думаю, что сначала надо перепроверить...

— «Пере» уже некогда, она дело говорит! — сказал от дверей Велехов. — Здравствуйте, Анна Владимировна, рад видеть... Придется меня на уху приглашать: отбил я ваших рыбаков в инстанциях, ловите и радуйтесь, раз такие смелые.

— Ох, спасибо! — посветлела она.

— Спасибо не отделяетесь. — Велехов снял плащ, набросив на вешалку, присел к столу. — Я за это многое спрошу... Как с кормами?

— Запасли по норме, — тоже подошла и села напротив Тальникова. — Но вот что хотела выяснить: есть хорошие покосы в лесу, а они нам заказаны...

— Лес — государственный! — напомнил Демин.

— И мы государственное хозяйство! Лесные покосы отданы лесникам, те косят, где вывезти удобно, а много остается... Кому? Кабаны и лоси траву не едят, а у нас скот бедствует.

— Разберемся, — пообещал Велехов. — Теперь давайте насчет льна поговорим... Культура наша, исконная, и оплачивается сейчас хорошо. Зачем нам доход упускать, а? Посему есть у меня к вам одно предложение...

Характеры у них были разные, отношения — сложные, но общность задач требовала сдвинения и они почти дружили.

Домой шли пешком и вместе. Отойдя недалеко от райкома, Велехов сказал:

— По-моему, пора Тальникову директором утверждать... Погодин поправится, так все равно ему где поспокойней надо... А она — тянет.

— Она беспартийная, Нил Андреевич, — напомнил Демин.

— Так у нас нерушимый блок коммунистов и беспартийных, как известно... Какой же он будет нерушимый, если ты с таких позиций подходить станешь!

— Нет, ты тут прав, конечно... Однако еще кое-что есть, — помялся Демин. — С

моральной стороны у нее... Было, было, не слышал?

— Как не слышать — один ты какой раз заводись, другие постарались... Намекаете! Да что она — урод? Каменная? Чурка с глазами? Человек она, женщина, я так считаю.

— Не понимаю твоих рассуждений, — удивился Демин. — Этак мы далеко зайти можем!

— Уже зашли, — буркнул Велехов. — Как бабы судачим! Хорошо, пускай пока и. о. останется, но с ширковским мостом им помочь надо. Слышишь?

— Слышу, — без энтузиазма среагировал Демин. И подмигнул: — Не-ет, ей богу, женщине легче свои дела пробить, нет, скажешь?

— Вот ты со стажем член партии, а бога поминаешь, — упрекнул Велехов. — Нехорошо-с... А легче им или нет, я пойду со своей Валентиной посоветуюсь, заждалась. Пока!

Трактора с груженными прицепами волокли под дождем мимо правления совхоза, на них смотрели Тальникова и главный бухгалтер Буланов.

— Не сегодня-завтра снег угадает, — посмотрел на небо Буланов. — Не успеем картошку выкопать.

— Успеет. Снег не беда, лишь бы мороза не было. Не хватает нам и с картошкой в лужу сесть... Сводки подготовили?

— Еще нет.

— Почему? Чего ждете? — разозлилась она.

— Я не жду... А и жду! — собрался с духом Буланов. — Того жду, чтобы вы попросили, только видно, вы неопытная в наших делах. — И заговорил тише: — Можно, очень можно кое-что свести концы с концами... Чтобы выглядело не ура, но прилично. Ответственность я беру, конечно. Что поделаешь, возьму...

— Не берите, Василий Кузьмич, не надо этого, — отозвалась Тальникова.

— Ой ли? — удивился главбух. — За истинные цифры вас по головке не погладят.

— Зато истинную картину лишний раз увидят и в чем нуждаемся мы... А то тришкин кафтан получается: все рапортуем, а на прилавках негусто. Спасибо вам, авось вытерплю...

Из кабины проходящего трактора выпрыгнула Полинка Авдошина, кричала на бегу:

— Анна Владимировна! Анна Владимировна, там опять возле Клюквенного мха ручей расплескался... Трактора идут, а машинам никак будет завтра скот на сдачу везти... Меня Савкин послал. А люди все картоху копают!

— Придется снять с полей, надо насыпать насыпать, — вздохнул за спиной главбух. — Вот и успели!

— Снимать не будем никого. Есть же неработающие у нас...

— Они пенсионеры, — напомнил Буланов. — Могут не согласиться.

— В ноги поклонюсь. Им тоже свой скот сдавать, а дорога одна... Пошли, Полинка!

Тальникова шагала к «газику», Полинка попевала рядом, что-то частила, помогая руками, спотыкалась... Буланов посмотрел на небо, вздохнул и вошел в правление.

В том же месте, где весной сушились мелиораторы, копались в грязи возле куч песка несколько женщин. Работали лопатами, набрасывали на носилки песок, несли по двое. Толстуха Евгеньиха дышала нарочито шумно, и идущая с ней в паре Тальникова предложила:

— Отдохните. Я, правда, не очень тяжело стараюсь набрасывать.

— Ничего, Владимировна, успокоюсь... Это я от переживания, что работа несвычная.

— Зряшная она просто, — бросила, проходя мимо, Клавдия Зуева. — Ну чего мы без мужиков можем? Без мужиков никакой путной работы не бывает, я так скажу... Давай мужиков зови, Анна!

— Сейчас Никифоров приедет, его пошлю в Хвошню, Колпино и Каковкино. Из Каковкина рыбаки приедут, пойдет работа.

— Вот с ими — пойдет! — расплылась Зуева. — А вон и трактор грохочет.

Никифоров подкатил на «Беларуси», подождя и увидев женскую бригаду, посоветовал:

— Езжайте вы, Анна Владимировна... А я пособлю.

— Нет, я останусь. Вы поторопите и скажите, чтобы трактора тут не шли. Совсем размесят, тогда ни одной машине не пролезть. — Она посмотрела в сторону леса, заметила нечто темное, отделившееся от края его и не поняла, что это. — Савкину передайте, если к вечеру «ЗИЛ» не отладит, пусть дальше не старается! Завтра последний срок скотину везти. Идите.

— Пошел. Поехал, то есть, грязь месить...

Трактор заковылял дальше, близилась помощь, но сердце поднялось к самому горлу и пришлось прижать его рукой, когда опять посмотрела в сторону леса.

Шел человек. Ему было трудно идти раскисшей дорогой, но ни грязь, ни усталость не отняли от походки независимой валкости.

— Господи! — прошептала невольно и, чтобы не быть одной, заторопилась к кучам песка. Ноги слушались плохо, и к людям успела, когда Евгеньиха увидела и узнала подходившего.

— Ма-а-мочка! Любка, гляди, это ж... Это ж мужик тот ейный идет!

— О-ой, верно! — восхитилась очень пожилая Любка. — Чево он, как думаешь? Неужли по ей заскучал...

Евгеньиха не успела ни предположить, ни ответить.

— Что прохлаждаемся? — спросила Тальникова. — Стоять некогда, завтра скот повезут, к утру надо кончить...

— Это мы так, Владимировна, так перестали, — заворковала Евгеньиха. — Быдто идет кто-то, а кто, не пойдем, только видно, что не наш человек...

— Мало ли кто идет. Дорога хоть и плохая, а общая.

Как могла независимо, прошла дальше, а «не наш человек» как раз подошел, остановился рядом, и пришлось посмотреть на него.

— Здравствуй...те, — сказал Букреев с паузой в конце приветствия.

— Здравствуйте. Что скажете? — спросила из-за намертво сжатых зубов. Лицо было спокойно, и глядела пусто.

— Работать к вам приехал. А оформить-ся нет никого. Глухо в конторе.

— Работать? — Анна Владимировна оглянулась на прислушивающихся баб. — Хорошо. Берите лопату, помогайте дорожное полотно поднять, заливают... Оформитесь после, а рабочий день запомним по ставке механика.

— Один я и подарить могу, — знакомо усмехнулся Сергей и нагнулся за лопатой. — Не жадный.

— И мы не нищие! — обрезала она, отошла и, сторбившись, пряча от ветра па-

пиросу, чиркнула спичкой.

— А ну, брось, — раздалось за спиной. Сергей догнал, стоял, опершись на лопату.

— Бросай, говорю!

Выдохнула дым, упрямо хотела затянуться еще, рука с папиросой дрожала.

— Н-ну?

Она бросила.

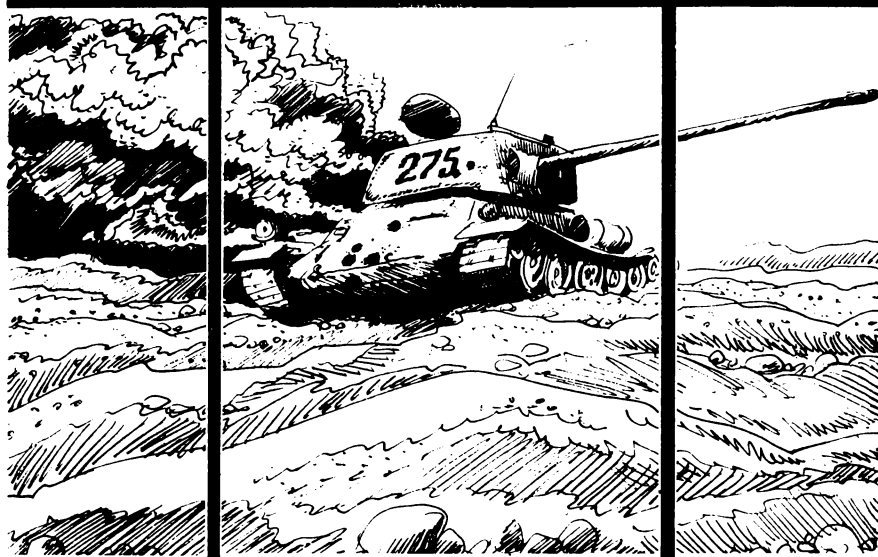
— И пачку кидай!

Сжавший пачку кулак никак не вытаскивался из кармана. Вытащив, еще посмотрела на Букреева, и он смотрел устало и строго.

Анна Владимировна отбросила пачку, медленно повернувшись, пошла к машине. Букреев видел, как взобралась на сиденье, слышал, как хлопнула дверца и заработал мотор.

Но «газик» тронулся, пошел, переваливаясь на рытвинах, и он уже не мог разглядеть лица за мокрым лобовым стеклом. А оно тоже было мокрое, сквозь слезы неверяще пробивалась улыбка и пробилась-таки.

ВЛАДИМИР КУНИН

СТАРШИНА

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ КУНИН (родился в 1927 году) до прихода в кинематографию служил в военной авиации. Член Союза писателей СССР. Кинематографический дебют Владимира Кунина состоялся в 1967 году, когда на киностудии «Ленфильм» по его сценарию режиссер Н. Бирман поставил художественный фильм «Хроника пикирующего бомбардировщика». В дальнейшем им и при его участии написаны литературные сценарии фильмов: «Удар! Еще удар!» (режиссер В. Садовский), «Разрешите взлет» (режиссеры Н. Троценко и А. Вехотко), «Дела сердечные» (режиссер А. Ибрагимов), «Горожане» (режиссер В. Роговой) и др.

Фильм по литературному сценарию Владимира Кунина «Старшина» ставит на киностудии «Ленфильм» режиссер Николай Кошелев.

Был март сорок четвертого, грязная снеговая слякоть и страшный завывающий рев подбитого танка Т-34. Он вертелся на одном месте, на единственной уцелевшей гусенице, и разбрызгивал вокруг себя грязный снег и случайную смерть. Пулеметы его били неприцельно сквозь желтое пламя и черный дым горящего солярового масла.

Откинулся верхний люк, и из башни высунулся обжатый пламенем человек. Он что-то кричал и вслепую палил из автомата вокруг себя. А потом — то ли потерял сознание от ожогов, то ли был настигнут пулей — выронил автомат и, как тряпичная кукла, повис смрадным дымным факелом на оружейной башне.

Под танком что-то грохнуло, взметнулся светлый язык огня, и танк прекратил свою нелепую пляску.

Вскинулись передние люки, и обожженный кряжистый человек стал поспешно вытягивать из танка третьего, еще живого, маленького и худенького. Маленький горел и плакал в голос, а кряжистый, пользуясь тем, что танк остановился спиной к немцам, мгновенно вытащил худенького и скатился с ним в грязную снеговую лужу. Маленький горел и плакал, а кряжистый лихорадочно валял его в снегу, накрывал своим телом, пытаясь потушить на нем огонь, и когда сбил пламя с его комбинезона, потащил волоком в сторону от горящего танка.

Немцы и не заметили их, потому что в эту секунду внутри танка стали рваться снаряды и взрывом сорвало башню вместе с орудием.

Кряжистый протащил маленького в неглубокую ложбинку, притаился и прижал

его к себе. Это был парнишка лет семнадцати.

— Старшина... — всхлипнул парнишка, и его худенькое тельце затряслось от рыданий.

— Тихо, — приказал кряжистый и поволол парнишку по грязному снегу.

— Старшина!..

— Да тут я, вот он я! Чего блажишь?! — задыхаясь, проговорил кряжистый, продолжая тащить паренька в сторону от полыхающего танка.

Старшина остановился, подтянул к себе легкое мальчишеское тело и увидел, что паренек умер.

Старшина прижал его к себе, и в ушах у него прозвучал тоскливый, предсмертный мальчишеский крик: «Старшина!..».

Было лето сорок четвертого, было тепло и безветренно, и по госпитальному садику шатались легко раненные и выздоравливающие. Цеплялись к молоденьким санитаркам и сестричкам, которые деловито шмыгали из одного корпуса в другой. Сестры и санитарки польщенно огрызались, не стесняя себя в выборе выражений. Раненые запахивали мышинные халаты, подтягивали кальсончики с черными печатями госпиталя на самых видных местах, заламывали мудреные шляпы и пилотки, состряпанные из газет, и стараясь скрыть смущение, ржали вослед языкастым девахам...

Длительное пребывание в госпиталях и больницах примиряет с нелепостью госпитальной одежды. Выцветшие от частых стирок халаты, бесформенные полосатые пижамы, кальсоны со штрипочками, тапочки

без задников и почти обязательное газетное сооружение на голове спустя месяц пребывания на госпитальной койке начинают носиться с окровавленной долей пижонства.

Сама собой определяется «мода», и от вынужденного больничного безделья способ завязывания кальсонных тесемок, по особому запахнутый халат, кокетливо подшитый белоснежный подворотничок к полосатой пижаме — становятся несокрушимой движущей силой, определителем характера и воли и даже вырастают в особое нравственное направление. И каким бы смешным и жалким это ни показалось бы со стороны, но раны от этого заживают быстрее, напропалую идет флирт с младшим медперсоналом и даже ампутации переносятся менее трагично. И в этом есть прекрасная победа Духа над плотью, столь необходимая в условиях мирных больниц и военных госпиталей, где так легко пачать жалеть самого себя...

...Под самым большим деревом госпитального садика врыт в землю деревянный стол с лавками. Четверо забивают «козла». Один сидит в кресле с колесами. Ног у него нет. Зато есть прекрасные ухоженные усы. У его партнера вся голова в бинтах. Только один глаз и рот смотрят на свет божий. У третьего — рука от плеча задрана и пригипсована к сложной конструкции из проволоки. Во всех госпиталях такое называлось «самолет». Его партнер по «козлу» — широкоплечий, кряжистый, с недоброй физиономией старшина, который по весне горел в танке. Старшина играет стоя, опершись коленом о скамейку.

Все четверо были давно сыгравшейся командой, никаких специальных «доминошных» слов во время игры не употребляли, при неверном ходе не было взаимных упреков, и ожесточенная борьба велась под самый что ни есть житейский разговор.

Собственно, в разговоре участвовали только трое. Старшина играл молча.

— Протез протезу тоже рознь, — сказал «самолет» беззвучно.

— Эт-то верно... — Безногий сделал ход, вытащил из кармана пижамной куртки зеркальце и расчесочку и пригласил роскошные усы.

— Американцы самодвижущий протез сделали. Скоро нам поставлять начнут, — послышалось из забинтованной головы.

— По лэнд-лизу, что ли? — спросил «самолет», глянул в свои костяшки и добавил: — Мпмо...

— А хрен их знает...

— Раз положено, пускай дают...

— Как же ты с бабой со своей теперь будешь? — рассмеялся «самолет». — Во, насуетишься!..

Безногий сделал еще один ход, снова вынул зеркальце, с удовольствием провел расчесочкой по усам:

— Не бойсь, корешок, как-нибудь пристроюсь!

«Самолет» и забинтованный совсем развеселились, а старшина криво ухмыльнулся, стукинул костяшкой по столу и хриловатым тенорком, с оттенком презрения сказал партнерам:

— «Рыба». Считайте бабки, чижки.

— Во гад! — удивленно сказал безногий и стал испуганно проверять свои и чужие костяшки.

Со стороны госпитального корпуса раздался женский крик:

— Старшина!.. Кацуба! Старшина Кацуба!..

Кацуба нехотя повернул голову. Кричала молоденькая сестричка со списком в руках.

— Оглох, что ли?! К замполиту!

Кацуба исторопливо снял ногу со скамейки, а сестричка закричала еще громче:

— Старший лейтенант Симмаков! Лейтенант Трєопольский! Капитан Васин! Старший сержант Бойко! К замполиту, живенько!.. Кацуба, тебе что, особое приглашение?..

Их было человек пятнадцать, почти все одного возраста — не старше тридцати.

Кто капитан, кто лейтенант, кто сержант или старшина — не разобрать. Халаты, пижамочки, замысловатые газетные треуголки. Все на своих двоих. Ни бинтов, ни костылей. Все — вылеченные. Готовые к выписке. Днем раньше, днем позже...

У майора, заместителя начальника госпиталя по политической части, белый халат в накидочку, кулаком воздух рубит для убедительности, говорит горячо, страстно, самую малость любуясь самим собой.

Все сидят, слушают. Стоят только двое — замполит у стола, Кацуба в последнем ряду прислонился к дверному косяку.

Рядом с замполитом, тоже в халате внакидку, какой-то полковник с абсолютно невоенным лицом. Все подтягивает и подтягивает сползающий халат. Видно, не привык к такой форме одежды. Не то что замполит госпиталя. Тот в халате, словно черкес в бурке. И говорит замполит выразительно и, как ему кажется, очень доходчиво:

— Прошел самый страшный час войны!.. И народ наш преодолел трагический пик напряжения всех человеческих сил в борьбе с врагом! Не за горами победа, товарищи!.. Чем и объясняется такое замечательное и гуманное решение командования снять рядовой и сержантский состав тысяча девятьсот двадцать шестого и тысяча девятьсот двадцать седьмого годов рождения с передовой ряда фронтов. Сохранить от случайной пули, от слепого осколка... Кто из них не доучился на гражданке до семи классов средней школы — направить для дальнейшего прохождения службы в строевые части тылового расположения. Кто же имеет семь классов и больше — посудет обучаться в военные школы и училища различных родов войск! Понятно, товарищи?

Сидящий в первом ряду молодой, лысый, шутовски провел по своей плещи ладонью и спросил:

— Разрешите, товарищ майор? А к нам это какое отношение имеет? Мы, вроде, все тут не двадцать шестого, не двадцать седьмого, а постарше...

И снова погладил лысину. Все рассмеялись.

— Да вы что, Рубцов! — искренне возмущился замполит. — Как же вы не понимаете важности такого политического мероприятия?! Вот товарищ полковник из штаба армии специально приехал...

— Позвольте мне, товарищ майор, — сказал полковник.

Он встал из-за стола, нервно поправил сползающий халат и вдруг увидел стоящего у двери Кацубу.

— Вы почему стоите? Садитесь, пожалуйста.

Кацуба выпрямился по стойке «смирно».

— Садитесь, садитесь... Там есть свободное место, товарищи?

— Он садиться не может, — лениво сказал Рубцов. — У него такое сложное ранение в «мускулюс глутеус».

Все беспощадно заржали.

— Куда?! — ошарашенно спросил полковник у замполита.

Замполит наклонился и тихо пояснил полковнику, куда ранен Кацуба.

— Простите, пожалуйста, — сказал полковник Кацубе, и тот снова привалился к дверному косяку. — Товарищи! Скоро война кончится...

— Как же... — протянул кто-то.

И тогда невоспитанный полковник сказал вдруг с яростью:

— Война скоро кончится! Полгода... Восемь месяцев. Максимум — год! Тем, кто родился в двадцать шестом и в двадцать седьмом, сейчас семнадцать — восемнадцать лет. И их нужно сбсречь! Их обязательно нужно сохранить!.. Нельзя, чтобы мальчики погибали в окопах и умирали в госпиталях. Вы, прошедшие страшную школу войны, поедете в военные школы и училища в качестве командиров учебных взводов, старшинами курсантских рот, помощниками командиров батальонов по строевой... Мы снимаем с фронтов не только семнадцатилетних мальчишек, но и вас — опытных и обстрелянных взрослых людей, которые прекрасно знают, почему

фунт лиха. И я не обещаю вам легкой тыловой жизни. Но сегодня воспитать их сможете только вы!.. Их очень нужно сбегать!

Полковник закашлялся и уж совсем не по-военному вынул платок из кармана и обтер лицо.

Кацуба вдруг увидел грязную снеговую лужу, обожженного мальчишку в слезах и услышал предсмертный захлебывающийся тоненький крик: «Старшина-а-а!..».

Потом, растягивая от злости слова, неожиданно для всех спросил у полковника:

— А как быть с теми? — Кацуба показал пальцем в землю. — Им тоже было по семнадцать...

Замполит испуганно посмотрел на полковника.

А полковник еще раз отер лицо платком и печально ответил Кацубе:

— А про тех помнить. Каждую секунду... — Подумал и добавил: — И всю свою жизнь.

— Виноват, — сказал Кацуба.

Через несколько дней Кацуба сошел с поезда в маленьком жарком среднеазиатском городке.

За железнодорожной станцией — базарчик и чайхана.

Кацуба снял двубортную офицерскую шинель (что за старшина военного времени, у которого нет офицерской шинели!), одернул кителек с одним лишь гвардейским знаком, поправил плоскую танкистскую фуражку, перекинул через плечо вещмешок, подхватил фанерный чемоданчик и не спеша пошел вдоль торговых рядов, глядясь и впохиваясь в неведомую ему доселе азиатскую еду.

Теперь, в форме, у Кацубы оказались очень широкие вислые плечи, был он кривоног, коренаст и казался старше своих двадцати шести лет. Шел, слегка прихрамывая, мягко ступая летними брезентовыми сапожками, и во всем его кряжистом

обличии чувствовалась громадная физическая сила.

Не торопясь, он шел мимо базарных рядов, где продавцов было втрое больше, чем покупателей, и остановился только в конце базарчика около безрукого инвалида в немислимых остатках военной формы, который торговал папиросами «Дукат» поштучно.

Рядом с инвалидом стояла миловидная лет двадцати пяти женщина и пыталась продать какие-то московско-ленинградские зимние вещи.

— Почему? — спросил Кацуба у инвалида и поставил чемоданчик у ног.

— Цена стандартная. Два рубля штука, тридцатник — пачка. У кого хошь спроси...

Невысоко пролетел самолет с приглушенно работающими двигателями. Видно, собрался садиться где-то за городом.

— Почему, говоришь?

— Два рубля штука, тридцатник — пачка..

Кацуба сдвинул свою приплюснутую фуражку на нос и почесал в затылке.

— А любую половину? — сонно спросил он.

— Это как же? — удивился инвалид.

— Пятнадцать, — сказал Кацуба.

Женщина с зимними вещами рассмеялась. Инвалид обиделся:

— Что, чокнулся?! Себе дороже выходит!..

По рядам шли четверо курсантов авиационной школы. Хохотали, пробовали тертую редьку из ведер, толкали друг друга и пребывали в прекраснейшем увольнительном настроении.

У одного была красная нашивочка за легкое ранение, у второго медаль «За оборону Ленинграда», у третьего такой же гвардейский знак, как и у Кацубы, а у четвертого, кроме значка ГТО на цепочках, не было ничего.

— Покуда с военкоматов присылали, все было тихо, мирно, — сказал инвалид, следя за приближающимися курсантами. — А как

вот таких сопляков с фронта снимали да на учебу бросили, так хоть на танцплощадку не ходи...

— А ты чего, на танцплощадку ходишь? — поинтересовался Кацуба.

И женщина снова рассмеялась. И снова обиделся инвалид.

— При чем тут я?! Люди ходят. Людям тоже потанцевать охота.

Один из курсантов прошелся вдоль рядов в дурашливой лезгинке.

— Ишь, чего выкамаривают — кобели сытые... — совсем обиделся инвалид. — Десятую норму трескают. А в дни полетов — пятую... А там и сгущенка, и белый хлеб, и масло коровье...

— Да что вы!.. — поразилась женщина. — Даже сгущенка?!

— Ну, так что? — спросил Кацуба. — Отдашь дешевле? Я пачки три возьму.

И все было бы прекрасно, если бы первому курсанту не попался под ноги чемоданчик Кацубы. Он об него споткнулся и очень оскорбился этим.

— Чей «угол»? — грозно спросил он.

Кацуба посмотрел на свой опрокинутый чемодан, оглядел сонными глазами четверых и процедил сквозь зубы:

— Что в таких случаях делают приличные люди? Поднимают чемодан, ставят его на место, просят прощения и тихо топают дальше.

— А в глаз хочешь? — коротко спросил другой курсант.

— Не связывайся, — тревожно сказал инвалид Кацубе.

— Очень я не люблю, когда незнакомые люди со мной на «ты» разговаривают, — пожаловался Кацуба инвалиду.

Снял с плеча «сидор» и положил на прилавок.

У курсанта с медалью уже прыгало бешенство в глазах.

— Чемоданчик на место, — негромко сказал ему Кацуба. — И без нервов, пожалуйста...

— Ах, ты ж сука! — задохнулся курсант. — Это ты мне?..

И, не выдержав напряжения, бросился на Кацубу.

Кацуба недобро усмехнулся, резко и коротко ударил курсанта в солнечное сплетение. Курсант отлетел метра на три, а трое остальных мгновенно рванулись к Кацубе.

Кацуба бил точно, расчетливо, без единого лишнего движения, и восемнадцатилетние мальчишки отлетали от него, взрывая своими телами серую азиатскую базарную пыль.

Инвалид старался перелезть через прилавок, чтобы помочь Кацубе, но тот приказал:

— Сиди торгуй, не рыпайся...

Он подхватил палетовшего на него курсанта с медалью за штаны и гимнастерку и перебросил его через торговый прилавок.

— Полетай немного, авиатор. Потренируйся... — сказал ему Кацуба и ногой дал пинка в зад другому, встающему с земли.

— Патруль! Да где же патруль?! — в отчаянии закричала московско-ленинградская молодая женщина. — Господи!.. Да бегите же кто-нибудь за патрулем!..

В то время «патруль» было магическим словом.

— Полундра!.. Патруль!.. — не разобравшись, в чем дело, крикнул кто-то из курсантов, и все четверо бросились врассыпную.

Но Кацуба успел прихватить одного из них — со значком ГТО. Он просто приподнял его за ремень и разорванную гимнастерку над пыльной землей и сказал ласково:

— Не прощаются... За собой не убивают... Что за воспитание!

Аккуратно опустил курсанта на ноги и приказал:

— Чемоданчик на место.

Курсант поднял чемодан и поставил его у ног Кацубы.

— Спасибо, — сказал Кацуба. — До свидания.

— Ну, погоди... — прошипел курсант и побежал вслед за приятелями.

— Хорошо, — кротко согласился Кацуба и сплюнул кровью. Кто-то из мальчишек все-таки успел достать его.

— М-да-а-а... — потрясенно произнес инвалид.

— Да как же вам не стыдно?! — вдруг заплакала молодая женщина. — Они же совсем еще мальчики! А вы их... Дурак здоровый...

Кацуба осторожно потрогал верхнюю губу, опять сплюнул кровью и удивленно сказал:

— Довольно шустрые мальчики...

И в первый раз посмотрел на эту женщину. И она ему очень понравилась. Он перскинул «сидор» через плечо и спросил инвалида:

— Так почему, ты говорил, папирочки?

Инвалид облегченно рассмеялся и лихо махнул кулечей:

— А-а!.. Бери по пятнадцать!

— О! — удовлетворенно сказал Кацуба. — Это же другой разговор!

Это была военно-авиационная школа, рожденная войной. Ни традиций, ни сладких воспоминаний «старичков» о лучших днях мирного бытия здесь не существовало.

Была далекая от фронта Средняя Азия, бескрайние просторы, которые позволяли заходить на посадку и взлетать с любого направления; почти постоянные курсы ветров и крайне малое удаление от районного центра.

Все службы авиашколы размещались в длинных деревянных одноэтажных бараках на добротных каменных фундаментах. Даже штаб школы. Но два здания были сооружены капитально. Из кирпича, в три этажа каждое, с широкими лестницами и светлыми помещениями.

Чахлая, пыльная азиатская растительность на всем расположении авиашколы была буйно расцвечена врытыми в землю стендами с немеркнущими изречениями из уставов и немудрящими афоризмами, про-

славляющими именно тот род оружия, которому служила эта школа...

Повсюду было чистенько — фундаменты побелены известкой, на спортплощадках, под турниками и брусьями — свежие опилки, проходы и проезды окаймлены белыми крашеными камешками.

По одному из таких проездов пылил «виллис» начальника школы генерал-майора Лежнева. Генерал ехал с аэродрома после тренировочных полетов. На коленях у него лежали кожаный шлемофон и планшет с картой. На гимнастерке у генерала была только звездочка Героя.

Отдавали честь «виллису» проходившие офицеры, пробежавшие курсанты и самый различный техсостав.

Генерал кивал головой направо и налево, внимательно разглядывая свою школу.

— В штаб? — спросил пожилой шофер в комбинезоне.

Генерал самую малость помолчал и сказал:

— В первую эскадрилью. Там Хижняк личный состав собрал. Пополнение инструктирует.

— Этому пополнению еще титьку со-
сать, — мрачно сказал шофер.

— А им воевать пришлось, от голода пухнуть... — то ли согласился генерал, то ли упрекнул шофера.

У барака первой эскадрильи «виллис» затормозил.

— Поезжайте обедать.

Генерал легко выпрыгнул из машины и, помахивая шлемофоном и планшетом, пошел к бараку первой эскадрильи.

Одуревший от тоски и жары дневальный вскочил с преувеличенным рвением и уже открыл рот, чтобы завопить молодец-ватое «смир-но!», но генерал приложил палец к губам. Дневальный испуганно посмотрел на генерала и шепотом доложил:

— Товарищ генерал-майор... Дневальный по эскадрилье курсант Тараскин...

Генерал махнул рукой и прошел в барак. Встал за косяком настежь открытой двери и закурил. Дневальный с откровенной завистью втянул носом дым генеральского «Казбека».

По обе стороны в казарме стояли сведенные ряды двухъярусных железных коек. Посредине, в широком проходе, выстроилась вся учебная эскадрилья — немногим более ста человек. Перед строем стояли шесть офицеров и Кацуба.

В этом царстве покорителей воздуха и завоевателей пятого океана Кацуба, в своей приплюснутой фуражечке с черным околышем и неуместно черных погонах с табковыми эмблемами, казался случайно заблудившимся, нелепым, невесть откуда взявшимся существом.

Курсанты на него поглядывали насмешливо, офицеры с чувством неловкости, и только командир эскадрильи, молодой и щеголеватый капитан Хижняк, ничего такого не замечал и говорил:

— ...кто прибыл к нам из различных воинских частей, а кто, может, успел и понюхать пороху — попрошу забыть всяческую фронтную вольницу и тому подобные отклонения от строжайшей воинской дисциплины. А также тем, кто призван военкоматами. Кончилась ваша мирная гражданская жизнь! Тут нету мамы и папы, дяди и тети. Тут армия! И чтобы никаких таких различий — дескать, я фронтовик, а ты, дескать, салага — быть не должно!.. Все вы теперь курсанты военно-авиационной школы — будущие авиаторы, летчики! Представители самого современного и самого грозного рода оружия!

При последней фразе командира эскадрильи Кацуба скривил губы.

— А самое главное, — продолжал Хижняк, — вы обязаны помнить, что пока в спокойных и далеких от войны условиях вы будете служить и учиться летать, там, на фронтах, насмерть дерутся ваши старшие братья, отцы и товарищи!.. И погибают за то, чтобы вы могли...

— А мы не просили, чтобы нас снимали с передовой! — вдруг прервал Хижняка чей-то голос из строя.

Кацуба повел своими маленькими сонными глазами и увидел, что выкрикнул это знакомый ему по привокзальному базарчику курсант с медалью «За оборону Ленинграда». Под глазом у курсанта красовался замечательный фингал.

— Молчать! — крикнул Хижняк. — Два шага вперед!

Курсант вышел из строя.

— Фамилия?

— Рядовой Никольский.

— Курсант Никольский, — поправил его Хижняк. — И прекратить разговорчики! Встать в строй!

Подобие улыбки тронуло лицо Кацубы. Он увидел второго знакомого, со вспухшей губой... Потом третьего... И, наконец, четвертого, со значком ГТО. Кацуба удовлетворенно крикнул и стал слушать капитана.

— Эскадрилья делится на четыре звена... Командирами звеньев будут летчики-инструктора, которые после прохождения вами теоретического курса в УЛО, учебно-летном отделе, будут учить вас летать...

И Хижняк показал на двух младших лейтенантов, лейтенанта и старшего лейтенанта.

— Ну, и я — командир эскадрильи... Это, так сказать, лётно-подъемный состав. Теперь состав наземный: помощник командира отряда по строевой — майор Кулюгов. Он бывший пехотинец и знает свое дело туго. Уставы, строевая подготовка, несение парядов и караульной службы...

Маленький, толстенький майор Кулюгов заискивающе улыбулся курсантскому строю.

— Ну, и наконец, старшина эскадрильи! — торжественно провозгласил капитан Хижняк и четким рубленным жестом указал на Кацубу.

— Кто самый главный человек в армии? Кто ближе всех стоит к рядовому и сержантскому составу? — театрально возвысив голос, спросил комзек. — Старшина!

И поощрительно похлопал Кацубу по вислому плечу.

— Ничего, что его погоны пока еще не соответствуют... Это дело поправимое! Старшина Кацуба тоже прибыл к нам с фронта. И он, как никто, должен вам стать отцом родным! Все через старшину!..

Кацуба холодно смотрел на отлупленных им четверых курсантов. Курсанты невидяще разглядывали Кацубу.

— За все отвечает старшина! — с пафосом продолжал Хижняк. — За внешний вид курсанта-авиатора, за дисциплину, за поведение в столовой, в казарме, в увольнении... Заправка коек, утренняя зарядка, вечерняя поверка... Это все старшина, старшина и старшина!

Хижняк улыбнулся Кацубе и спросил его бодро, как свой своего:

— Ты меня хорошо понял, старшина?

И тогда Кацуба медленно и раздельно произнес:

— Я те-бя очень хорошо понял, капитан-тан.

Это было всеобщим потрясением. Поражены были все — и курсанты, и летно-подъемные лейтенанты, и наземный майор Кулюгов.

Совершенно ошеломлены были за дверью и генерал с дневальным.

Но больше всех растерялся командир эскадрильи капитан Хижняк.

— Товарищ старшина! Вы что, с ума сошли?!

— Никак нет, товарищ капитан-тан, — отчеканил Кацуба. — Я в а с действительно, очень хорошо понял.

Дневальный, курсант Тараскин, с ужасом смотрел на генерала. Сейчас генерал ворвется в казарму... и всех бросит в железные тиски военного трибунала!..

Но генерал испугал Тараскина еще больше, когда сказал с тихим злорадством:

— Ну теперь я за вас спокоен!.. Этот старшина даст вам под хвост!

Он легонько стукнул дневального по

затылку, нахлобучил ему пилотку на нос и грозно добавил:

— Неси службу как следует!

Рассмеялся, перекинул шлемофон и планшет с картой через плечо и, насвистывая, вышел из барака.

— Раз-два! Раз-два! Выше ножку! Держи равнение!.. Раз-два! — кричал Кацуба. — Правое плечо вперед! Марш! Левый фланг — почти на месте, правый — шире шаг!.. Прямо! Выше ножку!..

Господи, боже мой! Ну зачем авиаторам строевой плац? Ну на кой черт это «выше ножку!»? Скорей бы начать летать! Скорей бы кончились эти мучения... Эту морду квадратную, этого дракона железобетонного, старшину этого Кацубу распроклятого, хоть реже бы видели!..

— Шире шаг! Держать равнение!..

Если есть бог на свете — покарай старшину Кацубу!

— Левое плечо вперед! Шире шаг!..

В километре за бараками садятся и взлетают один за другим самолеты... Ревут на взлете двигатели. Приятно урчат на посадке. Хоть бы один из них свалился на Кацубу!..

— Эскадрилья-а-а-а, стой! Пять минут на перекур! Разойтись!..

...Делают же, черт подери, самолеты, танки, пулеметы скорострельные — по тысяче восемьсот выстрелов в минуту!.. Ну неужели трудно сделать машину, которая бы чистила картошку! Почему эти полторы тонны картошки нужно чистить руками?! Да еще ночью! Да еще Кацуба торчит за спиной! Чтоб ему ни дня, ни покрышки!

— Что же вы полкартошечки-то срезаете, товарищ курсант? Это же все-таки Средняя Азия... Здесь картошечка не растет. Ее вам сюда за три тысячи верст возят!..

— В гробу я эту картошку видел! Что я нанялся?!

— В гробу, товарищ Никольский, вам вообще ни хрена не нужно будет. А вот

с утра весь личный состав школы есть захочет. Так что садитесь, не вскакивайте, ножничком не размахивайте. Здесь не баррикады, и вы не Гаврош... Показываю еще раз: в левую руку берете картошечку, в правую — ножничек. И аккуратненько...

...В столовой от него тоже спасу нет! Все старшины, как старшины — сидят за своим столом, трескают кашу с мясом, а Кацуба (чтоб он сдох!) стоит и свою эскадрилью глазами сверлит. Кусок в глотку не лезет...

Стол — отделение, стол — отделение... На столах делят хлеб. Делят, как положено: один отвернулся, другой тычет пальцем в пайку, орет:

— Кому?

— Селезневу, — говорит отвернувшийся.

— Кому?

— Прохоренко...

Все честь по чести. Никто не обижается.

— Кому?

— Отставить! — Кацуба, кто ж еще?! — Это еще что за жмурки? — А голос такой противный — хуже некуда.

— Чтобы по справедливости, товарищ старшина.

— Хорошенькая «справедливость»! Сами себе не доверяете. Еще раз увижу — два часа строевой...

— Курсант Чеботарь, подъем!

Кацуба стоит у верхней койки Чеботаря с часами в руке и засекает время. Это уже после отбоя-то! Бедный Чеботарь в одних трусах неуклюже спрыгивает с койки и лихорадочно начинает одеваться. Все у него валится из рук, пряжка ремня на боку, две пуговицы отлетели, ширинка не застегнута...

— Неплохо... — говорит Кацуба, глядя на часы. — Курсант Чеботарь, отбой! — И снова засекает время.

Чеботарь поспешно начинает раздеваться и складывать обмундирование. Гимнастерку — так, бриджи — так, портянки, обернуть вокруг голенищ... И под одеяло!

— Курсант Чеботарь, подъем!

И все с самого начала.

Мокрый от напряжения, с искаженным от бессильной ярости лицом, одетый Чеботарь вытягивается перед Кацубой.

— Отбой!

Мгновенно раздевшись, измученный Чеботарь буквально вспархивает в свою койку. Неправильно к Кацубе горят его глаза из-под одеяла.

— Прекрасно, — говорит Кацуба и прячет часы. — Вы способный человек, товарищ Чеботарь. Неплохо потренировались, верно? И не нужно слов благодарности. Я же знаю, они у вас в сердце. А я выполняю только свой долг. Так что благодарить меня не за что. Вы теперь поняли, как нужно ложиться после команды «отбой»? Спите спокойно. И пусть вам приснится что-нибудь вкусное...

Ну, прямо инквизитор какой-то! Чеботарь ему это запомнит!

Кацуба живет в каптерке, среди стеллажей с чистым нательным бельем, сапогами, шинелями, гимнастерками. Стол, стул и обычная курсантская железная койка. Висят танкистский китель Кацубы с гвардейским значком и фуражечка с черным околышем. Чистенько, как в девичьей светелке.

За столом сидит Кацуба в нижней рубашке, в галифе и тапочках на босу ногу. Заполняет какие-то ведомости, чертит график, составляет служебную записку в строевой отдел...

Услышал, как кто-то вошел в предбанник эскадрильи, и посмотрел на часы. Первый час ночи. Слышно, как дневальный залопотал:

— Товарищ капитан! За время вашего отсутствия...

— Ладно тебе... Тихо, тихо. Старшина спит?

— Никак нет, товарищ капитан. Только что выходили...

Раздался стук в дверь.

— Да, да, — сказал Кацуба. — Не заперто.

Вошел командир эскадрильи капитан Хижняк. Усталый, в стареньком стираном комбинезоне, с шлемофоном на поясе и планшетом через плечо

— Не спите, старшина?

— Никак нет, товарищ капитан. Проходите, пожалуйста.

Кацуба подал капитану стул, а для себя вытащил из-под стола патронный ящик.

— Я после ночных полетов, как лимон выжатый... — виновато сказал капитан. — До дома не доскрестись.

— Хотите чаю?

— Чаю? — переспросил капитан. — Чаю это хорошо... Послушайте, старшина, а у вас чего-нибудь другого, покрепче, не найдется?

Доставая со стеллажа чайник, Кацуба на секунду замер. Пауза была почти невесомой, он тут же повернулся к капитану и легко, не разыгрывая сожаления, сказал:

— Никак нет, товарищ капитан. Не держу. Чаю хотите?

Хижняк вздохнул. Ему не столько хотелось выпить, как просто так, по-человечески, посидеть со старшиной, пожаловаться ему на что-нибудь, в ответ услышать такую же жалобу и убедиться, что Кацуба подвержен тем же человеческим слабостям, каким подвержен и он, Хижняк. А еще Хижняк хотел послушать о фронте. Сам он до сих пор не воевал, и чувство вины не покидало его ни на секунду...

— Да нет, спасибо, — отказался Хижняк от чая. — Вот покурю и пойду...

И тогда Кацуба пожалел капитана и положил на стол пачку «Дуката».

— Попробуйте.

Хижняк закурил, с удовольствием затянулся и сказал:

— Да, в нашем ПэФээСе таким не разживешься.

— Инвалид один на толкучке торгует.

— Дерет, наверное, три шкуры...

— Ничего, терпимо. На что мне еще тратить?

Капитан посмотрел на висящий танкистский китель и фуражку с черным околышем.

— Храните?

— Нехай висит до своего часа.

Никак не получался у капитана Хижняка откровенный разговор!

— Вы знаете, Кацуба, я уже давно хотел вам посоветовать...

— Слушаю вас, товарищ капитан.

— Вы бы с курсантами того... полегче, что ли... А то вы их больно круто взяли... А? Все-таки это, как говорится, авиация. Тут своя специфика в отношениях... Не как в других родах войск.

— Но авиация-то военная?

— Конечно, военная, — излишне торопливо подтвердил Хижняк. — Но вот они скоро у нас летать начнут, а тут... Чего скрывать? Полеты начнутся — каждый день своей жизнью рисковать будет. Это на таком-то удалении от фронта! А потом вы на них поглядите — они же дети совсем еще... Дети, старшина...

...И тогда Кацуба вдруг снова увидел грязную снеговую лужу, обожженного, окровавленного мальчишку в слезах — своего башенного стрелка, и услышал его предсмертный захлебывающийся тоненький крик: «Старшина-а-а!»

— У вас есть ко мне какие-нибудь конкретные претензии, товарищ капитан? — холодно спросил Кацуба.

— Да нет, что вы! Я просто так, вообще... — Хижняк загасил папиросу и встал.

Встал и Кацуба. Натянул сапоги, надел гимнастерку и подпоясался ремнем.

Вдвоем они вышли в предбанник. Вскопил дневальный. И в это же время, не замечая ни старшину, ни капитана, совершенно сонный курсант, шатаясь, с полужакрытыми глазами, вышел из казармы. Маленький, худенький, в длинных синих трусах, пилотке и сапогах на босу ногу, курсант являл собою жалкое зрелище.

— Товарищ курсант! Вернитесь, — приказал ему Кацуба.

Ничего не соображавший курсант остановился, откровенно переминаясь с ноги на ногу.

Кацуба подвел курсанта к большому зеркалу.

— Обратите внимание на свой внешний вид, — сказал Кацуба.

— Но я же в уборную, товарищ старшина! — простонал курсант, продолжая свой трагический танец.

— Марш в казарму! Одеться, как положено!

Курсант, чуть не плача, побежал в казарму, а Кацуба с капитаном вышли на крыльцо.

— Скоро банный день... — сказал капитан.

— Так точно, — скучно ответил ему Кацуба.

— М-да... — сказал капитан.

В эту секунду мимо них со стоном промчался тот самый курсант. Уже в галифе, гимнастерке, с ремнем. И только наспех замотанные портянки торчали из сапог. Подвывая, курсант исчез в темноте. Капитан посмотрел ему вслед и рассмеялся. Что-то похожее на улыбку выдал из себя и Кацуба.

— Спокойной ночи, — сказал Хижняк.

— Спокойной ночи, товарищ капитан.

Кацуба вернулся в каптерку, закрыл на крючок дверь и из глубины стеллажа, из-за чистых кальсон и нательных рубаш, вытащил початую бутылку водки. Налил себе, неторопливо выпил. А потом почему-то вслух сказал:

— Спокойной ночи, товарищ капитан. — И снова уселся за стол составлять какие-то ведомости.

Через весь маленький городок эскадрилья шла в баню.

Шла она мимо почты, мимо саманных домиков за глинобитными дувалами, мимо

двухэтажных домов старой кирпичной кладки. Вел эскадрилью старшина Кацуба. Вел мимо кинотеатрика с «Джорджем из Динки-джаз», мимо сводок Совинформбюро на стенах, мимо военкомата. Эскадрилья срала:

Жил на свете Джонни-подшкипер,

Плавал семнадцать лет,

Знал заливы, моря, лагуны,

Старый и Новый свет!..

Шла эскадрилья мимо станции и чайханы, шла мимо пристанционного базарчика...

— Старшина! Здоров! А, старшина!.. — донеслось от базара.

Кацуба оглянулся и увидел инвалида, торговца папиросами.

— Попов! — крикнул Кацуба, и из строя выскочил сержантик. — Доведите эскадрилью до бани и раздевайте. Там все приготовлено. Я сейчас...

— Слушаю! — И Попов побежал догонять строй.

Кацуба подошел к базарному прилавку и сказал:

— Здорово, браток!

— Ишь, как тебя перекрестили!.. — восхищенно сказал инвалид.

— Не перекрестили, а перекрасили, — усмехнулся Кацуба.

— Один черт, — махнул рукой инвалид.

— Тоже верно, — согласился Кацуба. — Слушай, браток... А чего эта краля тут больше не торгует?..

— Что за краля?

— Ну, которая тогда патруль звала...

— А, Наташка, эвакуированная... Нет. Она тут бывает редко. Только, когда уж больно сильно прихватит. А чего?..

— Да так просто... — сказал Кацуба.

— Ты Наташку не тронь, — сказал ему инвалид. — Она и без тебя нахлебавшая. А ты мне, старшинка, вот лучше чего скажи... — Инвалид воровато оглянулся и зашептал: — Ты там у себя в роте мне какие-нибудь «прохоря» списать можешь? А то глянь, в чем хожу...

Он положил на прилавок ногу в разбитом солдатском ботинке и бурых обмотках.

— А я бы тебе папироски толкал по пятиалтынному...

— Чего ж ты с папиросок-то себе сапоги не купишь?

— Да ты что, чокнулся?! — презрительно сказал инвалид и убрал ногу с прилавка. — Перво-наперво, у меня коммерция, сам видишь, мелкая... А сапоги две, две с половиной тыщи не грехи — отдай! А во-вторых...

И замолчал.

— А во-вторых? — спросил Кацуба.

— А во-вторых, я человек пьющий, — сказал инвалид печально. — И мне без этого никак нельзя. Я да шнапс — вот и вся семья... «А без шнапсу жизнь плохая, ни-го-дится никуда!..» — вдруг лихо пропел инвалид с тоскливыми глазами.

Кацуба вытащил два рубля и положил их на прилавок. Взял у инвалида одну папиросу из открытой пачки и закурил.

— У тебя размер какой? — спросил Кацуба.

— Обыкновенный, — оживился инвалид. — Сорок два...

— Ладно, придумаем что-нибудь, — сказал Кацуба. — Бывай.

И пошел.

— Я тебя научу, как это дело замастырить! — закричал ему вслед инвалид. — Я, браток, сам старшиной батареи был! Знаешь, какие дела проворачивал!

И возбужденно потряс своими культиями.

В банном пару, как в дымовой завесе, двигались неясные очертания голых мальчишеских тел. Стоял крик, хохот, визг, ругань... Плескалась вода, бренчали цинковые шайки, кто-то пел: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...».

Кацуба сидел в раздевалке мокрый и взъерошенный. На свободной лавке — стопки чистого белья и портянок. На маленькой тумбочке — ведомость на получение

и невыливайка с ученической ручкой. Один из курсантов, голый по поясу, помог Кацубе пересчитать комплекты. А вокруг стояли сто пар сапог с накрученными на голенища портянками, лежали сто гимнастеров, сто галифе, сто пилюток, хозяева которых в эти минуты смывали с себя азиатскую пыль строевого плаца и десятидневную усталость классов учебно-летнего отдела.

Из «помывочного» отделения вылетел голый, мокрый курсант и заорал:

— Товарищ старшина! Там Сергееву плохое!

— Что такое? — рванулся Кацуба.

— Брякнулся на пол и дышит, дышит!!!

— На второй этаж, в медпункт! — приказал Кацуба своему помощнику. — Зовите врача, фельдшера... Кто там есть!

— Он так дышит, товарищ старшина! — в ужасе сказал голый.

— Это как раз неплохо... — И Кацуба влетел в парную. — Где?

— Товарищ старшина! Сюда!.. — раздался крик.

Расталкивая голых мальчишек, Кацуба пробрался в парной мгле к лежащему Сергееву и подхватил его на руки.

Кацуба вытащил его в раздевалку и положил на лавку. Там уже стояла женщина в белом халате и полуголый помощник Кацубы.

— Что случилось? — спросила она, и Кацуба увидел, что это та самая эвакуированная Наташка, которая когда-то безуспешно пыталась торговать в жару зимними вещами и так отчаянно звала патруль.

Дыхание с хрипом рвалось из груди Сергеева. Кацуба наклонился и стыдливо прикрыл его чьей-то гимнастеркой.

— Подложите ему что-нибудь под голову, — сказала Наташа.

Помощник Кацубы метнулся к стопке чистых кальсон и сунул несколько пар под мокрый затылок Сергеева.

Наташа села и стала считать у него пульс.

Кацуба, стаскивая через голову мокрую гимнастерку, сказал:

— Здравствуйте, легки на помине.

Наташа глянула на него, не прекращая считать шевелящимися губами. Потом достала из кармана пузырек, смочила ватку и сунула ее под нос курсанту. Сергеев вскочил, закашлялся, слезы потекли у него по лицу.

— Нашатыря не много ли? — Кацуба обалдело крутил носом и прикрывал глаза.

— Нет, — сказала Наташа и спросила ожившего Сергеева: — Дистрофия была?

— Была...

— Тебе бы есть побольше и не утомляться сильно. — Она с вызовом посмотрела на Кацубу, считая его виновником всех бед.

Кацуба криво ухмыльнулся. Его помощник прыснул от смеха. И даже сам очнувшийся улыбнулся.

— Не веселиться, а плакать надо. — Наташа устало оглядела всех троих.

Скрывая уже откровенно-издевательскую улыбку, Кацуба отвернулся и стал отжимать промокшую гимнастерку.

И тогда Наташа увидела спину Кацубы.

Страшный багровый шрам, изменяющий нормальное привычное представление о человеческом теле, начинался под левой лопаткой и уродливым руслом уходил под брючный ремень, неровно разрубая поясницу. А еще она увидела два выходных пулевых отверстия...

Она сделала всего лишь один шаг к Кацубе и осторожно дотронулась пальцем до шрама. Кацуба почувствовал прикосновение и замер.

— Простите... — тихо сказала Наташа.

Кацуба медленно повернулся к ней и, одевая отжатую гимнастерку, сказал:

— Извините, что побеспокоили. Большое спасибо, доктор.

Наташа проглотила комок и махнула рукой:

— Я фельдшер...

— Спасибо, — сказал Сергеев, все еще прижимая ватку с нашатырем к носу.

С шумом и гиканьем распахнулась дверь помывочного отделения, и в клубах пара в раздевалку выскочило несколько голых ребят.

— Ну как, Митька?.. Очухался?

Увидели женщину и завопили:

— Полундра! Пацаны, здесь баба!.. — В ужасе бросились обратно...

Кацуба шел по широким коридорам учебно-летнего отдела. Подошел к слегка приоткрытой двери класса бомбометания и заглянул.

Если бы не разрез огромной фугасной авиабомбы, если бы не висящие на стенах схемы и графики расчетов бомбометания, если бы не плакаты, изображающие взрыватели разных конструкций, если бы не химические формулы самых страшных взрывчатых веществ, если бы по углам класса не стояли различные автоматические прицелы для наиболее точного уничтожения человеческих жизней, и если бы пареньки были одеты не в военную форму, — класс этот ничем бы не отличался от обычного девятого класса средней школы... Кто играет в «морской бой», кто дремлет, кто-то стоит у доски и страстно ловит оттопыренным ухом подсказку...

Кацуба вздохнул, осторожно прикрыл дверь и пошел дальше, к кабинету с табличкой «Начальник УЛО — полковник Егоров В. А.». Для приличия стукнул в дверь и тут же открыл ее.

— Разрешите, товарищ полковник?

Полковник Егоров удивился, но будучи человеком интеллигентным, сказал по-домашнему:

— Ради бога, ради бога... Чем могу быть полезен?

— Старшина первой учебной эскадрильи — старшина Кацуба.

— Очень приятно, товарищ старшина. Присаживайтесь.

— Благодарю, товарищ полковник.

— Слушаю вас... — Полковник отложил бумаги в сторону.

— Товарищ полковник, нельзя ли сделать так, чтобы я мог иметь в своем распоряжении каждые десять дней постоянную сводку успеваемости всех моих курсантов по всем существующим предметам?

— Но примерно такую сводку получает командир эскадрильи, — с любопытством сказал полковник. — А вам, простите, зачем? Насколько я понимаю, ваши функции...

— Сейчас я постараюсь вам объяснить... — прервал полковника Кацуба.

Эскадрилья была выстроена перед своим бараком. Шло распределение личного состава на хозяйственные работы. Лицом к строю стояли командиры звеньев, комэск, Кацуба и «покупатели» — начальники производственно-фуражирного, обочно-вещевого снабжения, вооруженцы, представители хозяйственных служб школы...

— Сегодня наша эскадрилья дежурит на хозработках, — сказал капитан Хижняк. — Старшина Кацуба зачитает сейчас списки групп и определит места ваших работ. Пожалуйста, товарищ старшина.

— Внимание, товарищи. На разгрузку муки для склада ПФС — восемь человек: Лебедев, Сергеев, Попов, Сабирзянов, Климов, Чеботарь, Липатов и Бойко...

По эскадрилье пошел удивленный шумок. Смуглились и командиры звеньев. Один из них, младший лейтенант Пугачов, возмущенно рванулся к Кацубе, но комэск тихо и резко приказал ему:

— Стоять!

— Мне восемь человек мало, — раздраженно сказал начальник ПФС. — Там шестнадцать тонн муки... Мешки по восемьдесят килограммов.

— Хватит, — холодно сказал Кацуба. — Этих восьмерых — хватит. На рытье котлована под фундамент парашютного склада — шесть человек...

И снова фамилии, названные Кацубой, вызвали всеобщее изумление. Теперь к Кацубе рванулся другой командир звена. Но

капитан прихватил его сзади за гимнастерку и остановил.

— На станцию, на разгрузку авиабомб, в распоряжение начальника склада боепитания — пятнадцать человек, — прочитал в своих бумагах Кацуба. — Я поеду старшим...

— Ну, мало этого! Мало!.. — Начальник склада боепитания чуть не плакал.

— Я же сказал, что я еду старшим. Значит, уже шестнадцать? — презрительно проговорил Кацуба и стал зачитывать список:

— Никольский, Страхов, Семеняка...

В кабинете командира эскадрильи было шумно, бестолково и накурено. Командиры звеньев осаждали Хижняка напористо и без особого чинопочитания.

— Да где это видано, чтобы отличники, успевающие и талантливые посылались по нарядам, как в наказание! — кричал один. — Где это видано?!

— А все «сачки», бездари, бездельники и разгильдяи оставались в расположении! — кричал Пугачов. — Гуляй — не хочу!.. Они и так ни черта не делают, так их теперь даже на хозработы не пошлешь! Хижняк сидел за столом, обхватив руками голову.

...В каптерке Кацуба, в рабочем комбинезоне, с брезентовыми рукавицами за поясом, разглядывал пятьдесят пар новых сапог, стоявших на стеллаже. Одну пару снял с полки, глянул на подошву. Размер — сорок два.

Он поставил сапоги на место, опустился на колени и услышал, как в кабинете Хижняка кто-то сказал:

— Что же это такое?! Старшина эскадрильи будет теперь ломать нам весь учебный процесс?!

— Прислали неизвестно откуда, неизвестно кого... — послышался голос Пугачова.

Кацуба спокойно вытащил из кармана связку ключей и из-под койки достал фанерный чемодан с замочком.

...Хижняк не выдержал, вскочил со стула и застучал кулаком в стену, разделяющую его кабинет с каптеркой:

— Старшина! Старшина Кацуба!..

...Кацуба открыл чемодан и достал бумажник. Он отсчитал две с половиной тысячи рублей и спрятал их в карман комбинезона. А потом снова замкнул чемодан...

— Старшина! — треснул еще раз в стену капитан Хижняк.

...Дверь кабинета открылась, и вошел Кацуба.

— Слушаю вас, товарищ капитан.

— Товарищ Кацуба... Объясните, по какому такому принципу вы назначили людей на хозработы? Мне перед строем это выяснять не хотелось.

Младший лейтенант Пугачов закричал:

— У вас есть свои функции — вы ими и занимайтесь!

— Что же это такое, действительно, — неприязненно сказал другой командир звена.

Кацуба посмотрел на лейтенантов своими маленькими сонными глазами и неторопливо сказал:

— Функции у нас, товарищи лейтенанты, одинаковые.

Пугачов сардонически расхохотался:

— Ну дает старшина! Придет же такое в голову! Какая-то мания величия...

— Функции у нас с вами, товарищ младший лейтенант, одинаковые, — жестко повторил Кацуба. — Нам с вами требуется их сбросить. А для этого их нужно учить. И заставлять хорошо учиться. Тогда у них больше шансов выжить. Курсанты, успевающие по всем предметам, могут быть заняты на хозработах. От них не будет... А отстающим и двоечникам это только во вред. Им на это время уже назначены дополнительные занятия в учебно-летном отделе. Полковник Егоров, начальник УЛО, в курсе. Разрешите идти, товарищ капитан?

«Студебеккер» ехал через городок на станцию.

В кабине сидел начальник склада боеприпасов. В кузове — Кацуба с курсантами. Он перегнулся через борт к открытому окну кабины и крикнул водителю:

— Около бани притормозите на минутку! И водитель притормозил.

— Не расходиться, — приказал Кацуба и спрыгнул через задний борт.

Он взбежал на второй этаж и открыл дверь банного медпункта.

Наташа сматывала стиранные бинты.

— Здравствуйте, — сказал Кацуба.

— Это вы? — не удивилась Наташа. — Здравствуйте, старшина.

— Вы того безрукого знаете? Который «Дукатом» торгует. Два рубля штука, тридцатник — пачка...

— А, Иван Никанорыч... — улыбнулась Наташа. — Знаю. Сосед мой.

Кацуба деловито достал из кармана деньги и положил их перед Наташей.

— Вот тут две с половиной. Купите ему на рынке у барыг новые сапоги. Размер сорок два. Скажете, что сапоги передаст старшина Кацуба. И всё. Ни про деньги, ни про базар — ни звука. Ему нужны сапоги, а все остальное ему должно быть до лампочки. Договорились?

— Да... Но я не понимаю...

— Я спешу. Меня ждут. Договорились?

— Да.

Неподалеку от станции, в тупике, стояли два крытых пульмана. Их охраняли четыре солдата с карабинами. Солдаты были восточного происхождения, никого близко к вагонам с бомбами не подпускали, покрикивая гортанными голосами.

Был уже поздний вечер. «Студебеккер» приткнулся задним бортом вплотную к дверному проему вагона. Грязные и усталые курсанты прямо из вагона перекатывали бомбы в решетчатых длинных ящиках в кузов «Студебеккера». Кацуба стоял в кузове и еще с одним курсантом ровно укладывал стокилограммовые бомбы в плотный штабель.

— Хорошо? — спросил шофер, когда кузов был забит доверху.

— Порядок, — ответил Кацуба и тяжело спрыгнул на землю.

Надрывно рыча, грузовик медленно полз в темноту.

— Перекур, — сказал Кацуба.

Тут же были все четверо, которые дрались на базаре. Один из них, Никольский, зло проговорил, глядя в черное среднеазиатское небо:

— Пока он туда доедет, пока его там разгрузят, пока он вернется... А мы, как бобки, должны здесь загорать!..

— Конечно, бардак получается, товарищ старшина. Что, машин лишних нету, что ли? — сказал его приятель.

— Так мы и к утру не справимся, — крикнул третий.

Начался возмущенный галдеж.

Со стороны вагонов раздался испуганный голос:

— Нэ курить! Отойти от вагонов!

Никольский вскинулся, прокричал яростно:

— А пошел ты!.. Пехота зашуханная!

— О! — сказал Кацуба и встал. — Вот это правильно! Какая-то зашуханная пехота... Да как она смеет! Ну, просто распустились! Не огорчайтесь, товарищ Никольский. Это они так, по серости. А вы человек образованный, я бы даже сказал, частично интеллигентный, имеющий свои восемь классов, должны их простить. И действительно, не курить у вагонов. Подъем!

Все уже ржали над Никольским, даже его приятели.

— Но кое в чем товарищ Никольский прав. Транспорта у нас маловато, — задумчиво сказал Кацуба. — Пока есть время, предлагаю тихонько пройтись к станции и посмотреть, не найдем ли мы еще какую-нибудь тягловую силу. По дороге и покурим.

...К контрольно-пропускному пункту авиашколы медленно полз здоровенный трак-

тор и тащил за собою целый состав — четыре грузовых прицепа с бомбами. Замыкал колонну «Студебеккер». Тоже нагруженный доверху. На бомбах лежали курсанты. Были они все грязные, измученные, не похожие на людей, но при этом чрезвычайно возбужденные.

За рычагами трактора сидел старшина Кацуба и с небрежным мастерством вел этот ночной медленный поезд. Рядом с ним развалился пьяный тракторист и говорил:

— Ты меня уважил — я тебя уважил. Ты меня не знаешь — я тебя не знаю... Понял? И всё!..

Тракторист достал из-под ватника бутылку с водкой.

— Пить будешь?

— Нет, — сказал Кацуба.

— Не уважаешь, — укоризненно сказал тракторист и выпил.

На КПП их встречали генерал Лежнев, дежурный офицер, капитан Хижняк и еще несколько офицеров.

Генерал скрестил руки над головой, и Кацуба остановил трактор.

Пьяный тракторист увидел генеральские погоны и тут же попытался отрапортовать:

— Товарищ генерал...

— Это еще что за чучело? — спросил Лежнев.

— Разрешите доложить, товарищ генерал, — вытянулся Кацуба. — Это наш благодетель. Трактор нам одолжил. Очень сознательный товарищ.

— А почему дежурному по части звонят со станции и сообщают, что команда из авиашколы угнала четыре прицепа, пригтовленные к отправке? — с интересом спросил генерал. — Дежурный! «Благодетеля» снять с трактора и оставить у себя. В расположение школы не пускать, — приказал генерал. И спросил у Кацубы: — Он сам сможет перегнать трактор обратно?

— Одну секундочку... — Кацуба порылся под ватником у тракториста и вытащил

бутылку. Посмотрел на оставшуюся водку и снова засунул бутылку за пазуху трактористу. — Не думаю, товарищ генерал. Придется мне отогнать и трактор, и прицепы. Лишь бы разгрузили быстрее. Курсанты очень устали.

— Где начальник боепитания? — спросил генерал.

— Здесь, товарищ генерал!

— Утром доложите начальнику строевого отдела, чтобы он наложил на вас взыскание за необеспечение команды транспортом.

— Слушаюсь!

— Капитан Хижняк! Поднимите людей, обеспечьте разгрузку. Этих, — генерал показал на притихших грязных курсантов, — отдыхать. И чтобы отмылись как следует!

— Слушаюсь!

— Дежурный! Пошлите кого-нибудь на кухню. Пусть принесут поесть «благодетелью». А то он совсем окосел... А вы, Кацуба, как перегоните прицепы и трактор, явитесь ко мне. Часа вам хватит?

— Так точно, товарищ генерал.

И тут вдруг ожил тракторист:

— Товарищ генерал-майор!..

— Отставить! — сказал генерал.

— Слушаюсь! — вытянулся пьяный тракторист.

У генерала в кабинете была постелена постель. У дверей висела генеральская фуражка, шлемофон и планшет.

Сам генерал Лежнев, в свитере и кожаной куртке внакидку, сидел за столом и говорил по телефону:

— Я из него душу выну за это самоуправство... А прицепы уже погружены на платформы? Ну, слава богу...

Открылась дверь кабинета.

— Разрешите, товарищ генерал?

На пороге стоял Кацуба, чистый, переодетый, щуря свои маленькие глазки от яркого кабинетного света.

Генерал кивнул, показал рукой на стул и сказал в трубку:

— Я ему за это так под хвост надаю — век будет помнить! Я рад, что все обошлось... Спасибо большое. Спокойной ночи!

Положил трубку, устался на Кацубу. Кацуба спокойно и выжидательно смотрел на генерала.

Вообще-то генерал был достаточно молод — лет тридцати пяти, но уже вполне усвоил генеральские повадки. Он, покрхтывая, встал со стула и подошел к небольшому шкафчику. Открыл его, вытащил бутылку коньяку и два стакана. Разлил. Кивком головы предложил Кацубе.

— А закусить? — спросил тот.

Генерал молча ткнул пальцем в тот же маленький шкафчик.

Кацуба достал из шкафчика тарелку с двумя рублеными котлетами и горкой картофельного пюре.

— Вилка только одна, — сказал Кацуба.

Генерал открыл ящик письменного стола, достал финский нож и подцепил им котлету. Кацуба взял вилкой вторую.

— Давай, — сказал генерал.

И они выпили стоя.

...В помещение штаба вошел дежурный по первой эскадрилье младший лейтенант Пугачов. Отдал честь школьному знамени, около которого неподвижно стоял сонный часовой, и прошел к дежурному по школе.

— У тебя закурить негу? — спросил младший лейтенант у капитана, дежурного офицера.

— Махорка. Папиросы еще с вечера кончились.

Они свернули себе по большой самокрутке и закурили.

— Генерал-то еще не спит, — сказал младший лейтенант. — Я сейчас из эскадрильи шел — у него в окне свет горит...

— А он нашего старшину шпыняет, — лениво сказал дежурный по школе.

— Давно пора, — мстительно затынулся младший лейтенант. — Нарвался все-таки,

дракон несчастный! Вернись, курсанты его видеть не могут! Их прямо колошат бьет, когда он в казарму заходит!..

— Мда-а... Не повезло вам...

... — А родом откуда? — спросил генерал Кацубу.

Они сидели, курили. В бутылке оставалось совсем немного.

— Из Феодосии я, Николай Николаевич.

— А кем до войны был?

— Спасателем... — Кацуба усмехнулся. — Есть такая профессия.

— То есть, как это спасателем? — не понял генерал.

— Пляж... — мечтательно сказал Кацуба. — Море... Дамочки, пижоны, отдыхающие, командировочные... И все такие морские волки, и все хотят плавать только за волнорез и только в хорошую волну. И тонут. А ты их спасаешь... Спасатель.

— И целый день на пляже?! — потрясенно спросил генерал.

— На воде. Около пляжа... В катерочке. Или в лодочке...

Генерал разлил остатки коньяка и завистливо вздохнул:

— Целый день в лодочке... Хорошо-то как!

— Мечта! — сказал Кацуба.

Кацуба проверял чистоту оружия. Вынимал винтовки из пирамиды и лазал белой тряпочкой в казенники, придирчиво осматривал затворы, заглядывал в стволы на свет электрической лампочки. Эскадрилья была на занятиях в УЛО, и в казарме было только три человека — старшина у оружейной пирамиды, дневальный у входа и курсант Лесаев, освобожденный от занятий по причине какого-то придуманного им недомогания.

Над каждой винтовочной ячейкой была написана фамилия владельца. Кацуба читал фамилию и начинал осмотр. Лесаев стоял за его спиной и записывал все, что говорил Кацуба. И тихонько докладывал:

— А Никольский из первого звена вме-

сте с Хрипуновым вчера в самоволку бегали. Там у какой-то девки, из местных, день рождения был...

— Так... — говорил Кацуба, заглядывая в ствол. — Юрьев... Порядок. Ставьте в пирамиду, Лесаев. Чеботарь... Ну-ка, что там у Чеботаря?

— Менджеридзе и Прохоренко кальсоны и пательные рубашки обменяли на урюк и сушеные дыни. Потом всю ночь жрали...

— У Чеботаря все хорошо... — говорил Кацуба. — Никольский...

— Никольский еще песню на вас сочинил, — сказал Лесаев, — на мотив «Челиты»...

— Пойте, — неожиданно приказал Кацуба.

— Ну что вы, товарищ старшина... Неудобно.

— Ничего.

— Да я всю не помню... Только половину одного куплета и припев.

— Давайте, Лесаев, не стесняйтесь. Страна должна знать своих героев. Сергеев. У Сергеева грязь в казеннике. Пишите. И пойте.

И оспой вся морда изрыта,
И сам он похож на бандита...
Айя-яй! Ну что за зануда!
Во всей авиации нету такой,
Как наш старшина Кацуба!..

Кацуба продолжал разглядывать винтовку.

— И ствол нечищенный, — сказал Кацуба. — Запишите, Лесаев: Сергееву три наряда вне очереди за небрежное содержание личного оружия. Поставьте на место винтовку.

— А что у Никольского? — неосторожно спросил Лесаев.

— У Никольского — порядок. Стихи — не фонтан. Не Пушкин, прямо скажем. А что, Лесаев, действительно, здорово заметна оспа на моей вывеске?

— Что вы, товарищ старшина! — лживо отвел глаза Лесаев. — Абсолютно не заметно!..

...Потом Кацуба сидел в каптерке и внимательно разглядывал себя в зеркальце.

— Заметно, заметно, — сказал он своему отражению и увидел через окно эскадрилью, которая возвращалась из УЛО в казарму.

Кацуба встал и вышел.

— Прямо в казарму на построение, — сказал он старшине первого звена.

— Хоть учебники-то положить можно?! — заорал Никольский.

— Отдохнуть бы до обеда! — завопил Сергеев.

— Разговорники! — рявкнул Кацуба. — Ровняйсь... Смирно!

И когда в казарме наступила тишина, Кацуба негромко скомандовал:

— Вольно.

Строй обмяк, пастороженно и испавидяще глядя на Кацубу.

— Товарищи, — сказал Кацуба. — Я не хочу, чтобы у вас создавалось неверное впечатление обо мне. Не хочу, чтобы вам казалось, будто я замечаю только плохие стороны и занимаюсь только тем, что наказываю вас. Это совсем не так. Я отлично вижу и ваши хорошие качества, вашу готовность помочь командованию. И вот вам пример: курсант Лесаев, два шага вперед!

Обмерший Лесаев вышел из строя.

— Кру-гом! — скомандовал Кацуба.

Лесаев повернулся лицом к строю. Никто ничего не понимал.

— Товарищ Лесаев — 'один из тех товарищей, кто мужественно, с полным сознанием ответственности и своего воинского долга, честно и прямо борется со всеми отклонениями от установленного порядка нашей жизни... Только благодаря товарищу Лесаеву мы располагаем подробной информацией о недостойном поведении некоторых наших товарищей...

Лесаев был близок к обмороку. Эскадрилья стояла не шелохнувшись. Ласково глядя на Лесаева и укоризненно на эскадрилью, Кацуба продолжал:

— Я не буду называть фамилии. Товарищи сами узнают себя и сделают соответствующие выводы. Но я надеюсь, что никто больше не захочет бегать после отбоя в самовольные отлучки, даже на день рождения к любимой девушке. Никто больше не станет менять казенное имущество в виде кальсон на урюк и сушеные дыни! А тем более жрать их ночью под одеялом!.. Я уже не говорю о сочинении разных песен про своих непосредственных начальников. Спасибо вам, товарищ Лесаев!

Кацуба посмотрел на часы:

— До обеда у нас есть еще достаточно времени. И пока я буду в отделе вещевого снабжения выписывать вам же летное обмундирование, вы сможете обсудить свое недостойное поведение и правильно оценить мужественную деятельность таких замечательных товарищей, как курсант Лесаев. Разойтись!..

И Кацуба, тяжело ступая своими кривыми ногами в брезентовых сапожках, вышел из казармы...

Вечером Кацуба читал дневную рапортичку командиру эскадрильи капитану Хижняку:

— Списочный состав — сто четыре... В наряде — семнадцать. В отпуске — нет. На гауптвахте — нет. В санчасти — один.

— Кто?

— Курсант Лесаев.

— Что с ним?

— Какое-то осложнение после простуды... — небрежно сказал Кацуба. — Закружилась голова, говорит, упал в курилке, обо что-то стукнулся...

На КПП авиашколы стоял инвалид Иван Никанорыч в новых сапогах и лаялся с дежурным курсантом:

— Ты человек или кто? Тебе чего сказано: вызови старшину первой эскадрильи

Кацубу! А ты чего делаешь?

— Я уже вызвал.

— И где он?

— А я почему знаю?

— Вызывай еще раз!

— Мое дело петушиное — я прокукарекал, а там хоть рассветай, хоть не рассветай, — сказал дежурный. — Что мне, бежать за ним?

— Надо будет, и побежишь. И еще «уря» кричать будешь!

— А ну, давайте, гражданин, проходите отсюда...

Очень Иван Никанорович обиделся на «гражданина».

— Ах, ты, салага, мокрохвостая! Я тебе покажу «гражданин»! Я тебе сейчас устрою переход Суворова через Альпы!.. Ты меня вовек не забудешь! Нашел «гражданин»!

И в это время пришел на КПП Кацуба.

— Здорово, Иван Никанорыч. Чего ба- зарнишь?

— От, старшинка, чего делается?! Меня, фронтовика-калеку, «гражданином» обзывает! Мы ему уже не «товарищи»! Куды там! Они уже себя генералами мыслот...

— Да чего они привязались ко мне, товарищ старшина? — отчаянно завопил дежурный по КПП.

— Тихо, тихо, все в порядке, все смеются. — Кацуба взял под руку Ивана Никаноровича и отвел его подальше от КПП.

— Ну, как сапожки? В размер? — спросил Кацуба.

— Как на меня, старшинка! Как на меня... Наталья-фельшарица принесла, поги заставила помыть, портяночки мне простирнула и только тогда дала. Надевай, говорит, Иван Никанорыч, старшина Кацуба тебе вот чего, говорит, передал... А потом, говорит, старшину этого надо в гости пригласить. Так что приходи. Мы тебя ждать будем. А то они быстро сносятся, — Иван Никанорович показал на сапоги.

— Приду, — просто сказал Кацуба. — Уложу спать своих гавриков и приду.

Был даже патефон. Трясущимся голосом пела Эдит Утесова.

Наталья посуду мыла, пьяньский Иван Никанорович рассказывал Кацубе про свою неудачную жизнь.

— Вся заковыка в том, что я без сознания был... Ежели б мне в тот момент сознание, я бы ни за что не дал бы их оттяпать! — Иван Никанорович помахал своими кулечками. — Это что за мода такая — чуть что, ампутация! Ты вылечи! Ты же доктор на это!..

Кацуба молчал, курил. Наталья оскорбилась за медицину, грохнула сковородочку о рукомошник. Иван Никанорович понял:

— Ты, Наталья, свою обиду не показывай. Думаешь, без рук-то легко жить? Вот я и нищу виноватого.

Иван Никанорович не заплакал, а слезы сами, просто так, покатились у него по щекам.

— Это не доктор, Иван, а война виновата, — сказал Кацуба. — Доктор тебя жить оставил.

— Война вообще виновата, — не согласился Иван Никанорович. — А вот передо мной лично кто?

— И перед тобой лично. И перед Наташей. Перед каждым из нас в отдельности...

Иван Никанорович затряс головой и запричитал:

— Э-э-х, рученьки мои, рученьки! Где вы, мои рученьки?! Играл бы я сейчас на баяне разные песни! А люди бы пели...

Наталья и Кацуба одновременно взглянули на Ивана Никаноровича.

— А ты что, раньше на баяне хорошо играл? — осторожно спросил Кацуба.

— Нет, — опустил голову Иван Никанорович. — Я на нем и совсем не умею.

Помолчал и вдруг спросил с сумасшедшей надеждой:

— Но ведь мог бы научиться, правда?

— Конечно, — быстро согласился Кацуба.

Глубокой ночью Наталья и Кацуба вышли из калитки Ивана Никаноровича и сразу же, метров через десять остановились у другой калитки, которая вела в дом Натальи.

— Недалеко меня провожать, правда? — нервно спросила Наталья.

— Уж куда ближе, — буркнул Кацуба и посмотрел на часы.

— Послушай... — вдруг зло сказала Наталья: — Не смотри на часы! Умоляю тебя, не смотри на часы...

— Все в порядке, — растерянно сказал Кацуба.

— Что «в порядке»? Что ты мелешь? Какой «порядок»? У тебя, что ли, все в порядке? У Никанорыча? У твоих курсантиков?.. А может быть, у меня все в порядке?.. Может быть, у меня все в порядке, а я просто об этом не знаю?! А? — задыхаясь, проговорила Наталья.

— Успокойтесь, Наташа.

— Слушай, старшина! Да что же это, черт подери! Что я, с ума сошла?.. Слушай, останься со мной хоть немного... Я больше не могу так! Господи, да что я... Ну, до утра хоть останься. Ну, прости меня, прости, прости...

Она истерически целовала его сильные бодршие ладони, и он осторожно пытался высвободить то одну, то другую руку...

...Потом он лежал в ее постели, а она сидела по-турецки у него в ногах и курила, завернувшись в какое-то тряпье. В свете керосиновой лампы она казалась совсем еще девочкой, и непривычная нежность вливалась в душу Кацубы. Он вглядывался в ее белеющее лицо и вслушивался в ее глуховатый, спокойный, чуточку монотонный голос.

— ...я уже еле ногами двигала. Он меня в самолет на руках внес. Последний самолет из Ленинграда. Мороз. Помнишь, какой мороз был в сорок втором? Истребители сопровождали нас до Тихвина. Прилетели в Свердловск — у него брюшник. Похоронила. Ни аттестата, ничего. Кто такая? Почему не расписаны? Надо было

упеть... Упустили вы свое материальное счастьеце! Устроилась в медпункте на вокзале. Все мерзла и есть хотела... Военный комендант орет — в медпункте спать нельзя! А где спать? Платить нечем, карточки — «служашние», одежонки — кот наплакал. А беременность уже четыре месяца... Все лейтенантишка один, помощник военного коменданта, приставал. А как узнал, что я в положении, так испугался, что даже здороваться перестал, дурачок. Родила семимесячного. Дней десять всего лишь пожил, бедненький. Из больницы выписалась, села в эшелон с эвакуированными, и сюда...

...Кацуба вдруг снова, и страшно отчетливо, увидел грязную снеговую лужу, летящую по воздуху орудийную башню и обожженного, умирающего у него на руках мальчишку... И откуда-то издалека услышал его предсмертный последний всхлип: «Старшина!..».

Кацуба рывком приподнялся в постели, притиснул Наташину голову своими огромными ручищами и зашептал в самое ухо:

— Замолчи, замолчи, замолчи, замолчи!..

— Прости меня, — сказала Наталья.

Но он уже целовал ее лицо, руки, шю, глаза, рот. Его трясло, как в лихорадке, он что-то бессвязно шептал ей, потом вдруг стиснул зубы, зажмурил глаза, еще сильней прижал к себе эту внезапно ставшую ему родной, одинокую женщину...

Перед самым подъемом Кацуба переступил порог эскадрильи.

Уже светало. Дневальный курсант Чеботарь сидел без пилотки, с расстегнутым воротничком у тумбочки с телефоном. Валялись какие-то бумажки на тумбочке. Чеботарь сидел, опустив голову на руки, и покачивался всем телом, тихонько постанывая, словно от зубной боли. Он даже прихода Кацубы не заметил.

Кацуба почувствовал недоброе, тронул Чеботаря за плечо.

Чеботарь поднял глаза на Кацубу и медленно встал с табуретки. Он не застегнул гимнастерку, не надел пилотку. Он стоял, прислонясь к тумбочке, и какая-то бумажка дрожала у него в руках...

— Что случилось, Чеботарь?

Чеботарь тупо смотрел на Кацубу.

— Что там у вас такое? — Кацуба взял бумажку из неживых рук Чеботаря, пробежал глазами типографский текст с вписанными чернилами словами.

— Батьку убили... — хриплым шепотом произнес Чеботарь.

— Сядь, Чеботарь. Сядь... — растерянно сказал Кацуба, все еще держа похоронку в руках.

— Батьку убили, — почти беззвучно повторил Чеботарь.

Голова у него затряслась, и он привалился к стене.

— Убили! — потрясенный Чеботарь впервые посмотрел на Кацубу.

— Погоди... Не садись! — Кацуба метнулся к своей каптерке, отомкнул ее ключом и широко распахнул дверь. — Иди сюда! Ну, держись, держись за меня... Ах, ты ж Чеботарь ты мой, Чеботарь... Ах, в гроб, в бога, в душу!..

Поддерживая Чеботаря, Кацуба усадил его на свою койку и стал стаскивать с него сапоги, приговаривая:

— Да за что же это так всех? За какие грехи-то?! Ты ложись, ложись... Полежи тут у меня, поплачь... Плачь, не держи в себе... Похоронку-то возьми. Спрячь похоронку... Вот так. Тебе и завтрак, и обед сюда принесут. Лежи, поминай отца. Лежи!..

Кацуба накрыл трясущегося Чеботаря своей шинелью и вышел. Он закрыл каптерку и прижался спиной к двери.

Из каптерки слышались приглушенные рыдания Чеботаря...

Зимой начались полеты. К шести часам утра к столовой подкатывал грузовик и курсанты в зимних комбинезонах и унтах, с самодельными планшетами на тонком

длинном ремешке по-медвежьи переваливались через борт грузовика в кузов. И уезжали на аэродром.

Какое-то время Кацуба стоял на ступеньках столовой, курил. А потом, резко вышелкнув окурки в снег, уходил в хозяйственные службы школы. Иногда шел прямо в опустевшую казарму и с освобожденными от полетов или отдыхающим нарядом занимался починкой косяк, покраской дверей. Или садился в каптерку за свои приемо-сдаточные ведомости...

К тому времени курсанты на аэродроме уже стояли в очереди на получение парашютов и возбудженно переговаривались между собой.

Бомбардировочная спарка, то есть бомбардировщик с двойным спаренным управлением, выглядит непривычно и пелесо: кабина летчика была продолжена по фюзеляжу длинным прозрачным горбом. Впереди — курсант, сзади — инструктор.

Курсантов и не узнать сразу: теплый шлемофон с подкладкой из овчины, белый кант гигиенического подшлемника стягивали мальчишеские физиономии, делая их старше, резче, с бровями, невольно сдвинутыми к переносице.

Из-за рева двигателей не было слышно ни одного слова, но по выражению лиц, по артикуляции, по действиям в кабине и того и другого становилось ясно, кто из инструкторов был нервен и требователен, кто спокоен и насмешлив, кто свято чтит дух и букву инструкций, которыми так богата авиация по нынешний день...

Взлет — посадка... Взлет — посадка...

Что-то кричит в СПУ летчик-инструктор. Испуганные глаза Чеботаря меряют оставшиеся до земли метры...

Уверенно выбирает на себя штурвал Никольский. Довольное лицо его инструктора, он чуть помогает Никольскому секторами газа...

Пошел на разворот с набором высоты Сергеев. Заложил слишком большой крен. Его инструктор — младший лейтенант Пу-

гачов орет в ларингофоны. Да, кажется, еще и матом честит Сергеева!..

Менджеридзе начинает снижение: убирает газ, выпускает закрылки. Щелкнул тумблером выпуска шасси... Очень доволен капитан Хижняк, показывает Менджеридзе большой палец в меховой перчатке. Менджеридзе видит в зеркальце и от счастья промазывает посадку. Самолет «козлит», ударяется колесами о полосу, подпрыгивает и снова обрушивается всеми своими двенадцатью тоннами на посадочную полосу...

Хижняк мгновенно перехватывает штурвал, отчаянно пытается «притереть» машину к полосе. Что он кричит сейчас Менджеридзе — можно только себе представить...

А потом в воздух уходит другая смена, и мальчишки в меховых комбинезонах сбрасывают парашюты, валяются в снегу и клячат друг у друга окурки сигарок. Как заправские асы, они двумя ладонями показывают развороты, крены, наборы высоты, заходы на посадку...

— Что же вы в снегу-то валяетесь? — крикнул капитан Хижняк.

— Обсохнем, товарищ капитан! — крикнул Сергеев и дурашливо задрыгал ногами в собачьих унтах.

— Нет на вас старшины Кацубы!

— И слава богу, товарищ капитан! — крикнул Менджеридзе.

Хижняк в смущении покачал головой:

— Не знаю, не знаю...

Отлетавшие курсанты вокруг своих инструкторов. Несколько курсантов и молодых офицеров кружатся около ЭМПАР — автофургона с так называемой малой приводной радиостанцией. Тут работают прекрасные сержантики — девчонки лет двадцати.

— Менджеридзе! — сказал капитан Хижняк. — Если ты на посадке будешь так высоко выравнивать, как в прошлый раз, и меня, и себя угробишь...

— Никогда, товарищ капитан! — закричал Менджеридзе. — Вот если бы со мной

старшина Кацуба летал — тогда другое дело. Тогда и своей жизни не жалко!..

Капитан Хижняк сплюнул и под хохот курсантов и летчиков пошел на КП к группе старших офицеров.

— Да-а, — сказал Никольский. — Тут и я бы себя не пожалел...

— Здорово он вас скрутил, — сказал младший лейтенант Пугачов. — Надолго вы его запомните...

— Кончим школу, получим звездочку — и думать о нем забудем! Попил кровушки. Одна рожка чего стоит, — сказал Сергеев. — Словно булжников нажрался...

— Да ладно вам, — неприязненно проговорил Чеботарь. — Как бабы... Оставьте покурить, товарищ младший лейтенант.

Пугачов протянул Чеботарю окурок и рассмеялся. Никольский удивленно посмотрел на Чеботаря и голосом Кацубы скомандовал:

— Курсант Чеботарь, подъем! Курсант Чеботарь, отбой!

Все заржали. Чеботарь даже головы не поднял.

— И после всего этого! — Всплеснул руками Никольский. — Господа офицеры! На наших глазах гибнут лучшие люди!..

— Не успеть нам выпуститься до конца войны... — задумчиво произнес Чеботарь. — Не успеть.

— Не имело смысла нас с фронта снимать, — сказал Никольский.

— Я бы «За отвагу» получил... — мечтательно сказал Сергеев. — Меня представили, а дать не успели.

— Не свисти, — махнул рукой Менджеридзе. — Если бы представили, давно прислали бы. За что тебе «За отвагу» давать?

— Значит, было за что, — упрямо сказал Сергеев. — Тебя не спросили...

— Четыре рапорта подавал, — виновато сказал младший лейтенант Пугачов... — Шесть человек из нашего выпуска уже Героев имеют...

Взлетали и садилась самолеты. Рев двигателей на аэродроме не замолжал ни на секунду.

— Пугачов! — закричал Хижняк с командного пункта. — Кончай перекур! По машинам!

Все вскочили. Стали одевать парашюты. Застегивая грудной карабин подвесной системы, Чеботарь сплюнул окурочек и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Не успеть нам до конца войны. Без нас кончат... Без нас...

И все побежали к самолетам.

— Еще раз такой крен заложишь, не знаю, что с тобой сделаю! — на бегу сказал Пугачов Сергееву.

— Все будет в порядке, товарищ младший лейтенант! — крикнул Сергеев.

Несется к земле учебная «спарка». Белый крест — цель, на которую пикирует бомбардировщик, — несомненно растет на глазах у Никольского. Стрелка высотомера бежит против привычного направления.

— Вывод!!! — кричит инструктор.

Никольский включает автомат вывода из пикирования. Помогает штурвалом.

И вот уже машина, описав гигантскую параболу, мчится в горизонтальном полете.

— Ну, как?! — восторженно орет Никольский.

— Спокойно, спокойно... Хорошо.

— Внимание! — командует инструктор Чеботарю в воздухе.

— Есть внимание! — Глаза у Чеботаря сужены, лицо напряжено.

— Боевой!

— Есть боевой!

— И держи курс, чтобы не шелохнулся! Забри!

Это при скорости-то четыреста километров в час!

— Цель!

— Вижу...

— Сброс!

Чеботарь дергает за рукоять бомбосбрасывателя.

Несутся к земле две бомбы...

— Молодец, Чеботарь!

— Все равно, не успеть... — говорит Чеботарь.

— Менджеридзе, — кричит капитан лижняк. — Ты что, сдурел?! Прибери газы. Не на истребителе!.. Ха-а-рошо! И вот только так! И внимательно. И аккуратно-енько левую пожку! Ма-а-ладец!..

— Жил на свете Джонни-подшкипер, плавал семнадцать лет... — не выдерживает восторга Менджеридзе.

— Отставить! Следи за горизонтом, кукла чертова!.. Распелся!

Страшный, нарастающий вой... Бьет пламя из-под правой плоскости. Горит двигатель... Несется самолет к земле...

Беззвучно кричит Сергеев, сбивает с себя пламя...

— Прыгай, — хрипит младший лейтенант Пугачов и все пытается и пытается вытянуть машину в горизонтальный полет. — Прыгай, сволочь!..

В ужасе, кошмаре, в чудовищной неотвратимости вжимается в кресло Сергеев.

— Прыгай!!!

Земля... и взрыв!

Жил на свете Джонни-подшкипер,
Плавал семнадцать лет,
Знал заливы, моря, лагуны
Старый и Новый свет...

— негромко, в растяжку пост пьяный Никольский.

Он лежит у себя на койке, задрал ноги в сапогах на металлическую спинку, и неумело перебирает струны старенькой гитары, оклеенной вырезанными из бумаги цветными самолетиками.

Около него сидят Менджеридзе, Чеботарь и еще несколько курсантов. Остальные шатаются по казарме, курят в предбаннике, бродят вокруг барака. Полетов нет, занятия отменены.

Между рядами коек идет Кацуба. Курсанты встают, снова садятся.

Есть Союз, советская страна-а-а,
 Всем примером служит она-а-а...
 Там в заливе, где море сине,
 Где голубая даль...

— поет пьяный Никольский.

Кацуба остановился у его койки. Встали Чеботарь и Менджеридзе. Встали и остальные курсанты. Никольский даже не шевельнулся.

— Там в заливе, где море сине, где голубая даль... — повторил он и рванул гитарные струны. — Что, товарищ старшина?

Никольский сбросил ноги со спинки койки и сел, злобно глядя на Кацубу.

— Что? Три наряда вис очереди?.. А может быть, на губу, суток на пять?! Или сразу в трибунал?! За то, что курсант Никольский днем на кочку свою взгромоздился!.. А? Ну, давайте, товарищ старшина!

Кацуба смотрел на Никольского спокойно и жалостливо. Молчал, ждал, когда тот выговорится. И то, что Кацуба не отвечал, доводило Никольского до бешенства. Он вскочил, хлопнул ладонями по верхней койке и закричал уже в полный голос:

— Вот она, кочка Митьки Сергеева! Вот она!.. В каптерке ведь не убьешься, правда, товарищ старшина?!

Кацуба вздохнул и сказал Никольскому: — Лежи, дурак... И спи не распускай. И пошел дальше по рядам железных курсантских косок...

— Эскадренья, встать! Смирно! — завопил дневальный при входе.

— Вольно, вольно... — послышался голос генерала Лежнева.

Рядом с дневальным, на стенде «Боевых листков» и стенгазеты, висели две увеличенные фотографии в траурных рамках. А внизу, на куске ватмана, плакатным пером, черной тушью: «Вечная память нашим дорогим товарищам младшему лейтенанту В. Пугачову и курсанту Д. Сергееву, погибшим при исполнении служебного долга».

Генерал Лежнев держал под руку маленькую худенькую женщину лет тридцати пяти в шляпке и котиковой шубке. С дру-

гой стороны женщину поддерживал ее муж, в кожаном реглане со следами споротых погон, в офицерской шапке без звездочки. У мужчины не было ноги, и в казарменной тишине его протез явственно скрипел и пощелкивал при каждом шаге.

Сзади шел капитан Хижняк, остальные командиры звеньев. На мгновение они задержались у фотографий. Здесь, на стенде, Пугачов и Сергеев гляделись одним возрастом — Пугачов моложе, Сергеев чуть старше, — совсем еще мальчики...

Мужчина на протезе стянул с себя шапку. Женщина сухими глазами посмотрела секунду и двинулась дальше, в казарму.

Медленно, словно похоронная процессия, двигались они в проходе между двухъярусными койками, и теперь уже капитан Хижняк шел впереди, показывал дорогу.

Кацуба стоял у длинного стола в конце казармы. Лежнев кивком подзвал его к себе, пожал ему руку, представил:

— Старшина Кацуба — старшина эскадрильи вашего сына...

Женщина мелко закивала головой в шляпке.

— Покажите койку курсанта Сергеева, — попросил Кацубу генерал.

— Сюда, пожалуйста, — Кацуба пошел вперед.

Чеботарь рывком поднял Никольского с нижней койки, и гитара жалобно и слепо блякнула.

— Вот... — сказал Кацуба и наглухо загородил пьяного Никольского ото всех.

— Какая койка? — шепотом спросил генерал у Кацубы.

— Верхняя...

Маленькая худенькая мать Сергеева поднялась на цыпочках, чтобы увидеть постель, на которой спал ее сын. Она даже рукой провела по одеялу, словно хотела убедиться, что ее сыну спалось здесь хорошо.

А отец уперся воспаленными глазами в тумбочку и дышал тяжело и прерывисто. Руки у него дрожали.

— Это его товарищи по звену, — сказал капитан Хижняк, чтобы разрядить обстановку. И показал на Менджеридзе и Чеботаря. Понскал глазами Никольского и добавил: — И еще у него один друг был — курсант Никольский.

— Где Никольский?

Кацуба и вовсе вжал Никольского в угол своей широченной спиной.

— Никольский плохо себя чувствует... Перенервничал.

Генерал посмотрел на Кацубу, увидел за его спиной Никольского с гитарой и сказал родителем Сергеева:

— В части, где до нашей школы служил ваш сын Дмитрий, он был представлен к правительственной награде — медали «За отвагу»...

— Он писал, — тихо проговорила мать.

— Мы получили его награду. Хотели вручить... И... вот, — генерал протянул матери открытую коробочку и удостоверение.

В коробочке тускло поблескивала солдатская награда Митьки Сергеева.

— Спасибо, — мать снова мелко закивала головой в шляпке.

— Пять тысяч километров от передовой!.. — сказал отец и стал комкать свою шапку, чтобы унять дрожь пальцев. — Пять тысяч километров...

В маленьком дворике дома Ивана Никаноровича Кацуба колот дрова. Был он в одной гимнастерке, без ремня, волосы слиплись от пота.

Наталья брала наколотые полешки и грузила на вытянутые обрубки рук Ивана Никаноровича. Иван Никанорович задира л голову вверх, чтобы побольше уместилось, и лихо покрикивал:

— Грузи, грузи, Наталья! Ложи наверх вон то, сучковатое!

Наталья клала наверх, к самому подбородку Ивана Никаноровича «вон то, сучковатое», и Иван Никанорович, гордый своей полезностью, волок дрова в дом.

А Кацуба все рубил и рубил без остановки...

Наталья смотрела ему в спину. Потом сказала:

— В Ленинград уже можно без пропусков ехать...

Кацуба так и замер с топором над головой.

— Откуда ты знаешь? — спросил он, ту-по разглядывая полено на чурбаке.

— Знаю. И люди уже возвращаются.

Кацуба шумно выдохнул и изо всей силы хряснул топором по полenu. Полено разлетелось на две половинки, и топор застрял в чурбаке.

Вышел из дому Иван Никанорович. Кацуба силится выдернуть застрявший топор. А потом поднял топор вместе с чурбаком над головой и со страшной силой ударил обухом о землю. И развалил чурбак пополам. Повернулся к Наталье и сказал:

— Ты со мной в Феодосию поедешь. В Крым...

Но это показалось ему недостаточно убедительным, и он добавил:

— Там море теплее вашего...

И снова стал колоть дрова.

Иван Никанорович сделал вид, что ничего не слышал, и прямо с крыльца крикнул Наталье:

— А ну, давай, грузи. Грузи, грузи, Наташка! Ты не гляди на мене! Не гляди! Я ужасть, какой здоровый! Иногда даже стыдно!

Начало мая в Средней Азии — самое лучшее время года. Еще не наступила сухая, изнуряющая жара; бурая, горячая пыль еще не успела изменить нежнейшие оттенки недавно родившейся зелени; ошеломляюще цветет урюк, и вечерами воздух прозрачен и чист...

У раздаточного окна опустевшей столовой Кацуба получал, так называемый, «стартовый» завтрак для летающих сегодня курсантов.

У столовой стоял «газик» — маялся его водитель. Он заглянул в столовую и крикнул:

— Скоро, товарищ старшина?

Кацуба считал белые буханки и поэтому не ответил водителю, а только кивнул головой.

Двое курсантов в белых куртках кухонного наряда помогали Кацубе. Отставляли в сторону термосы, картонные коробки со сгущенкой, складывали в плетеную корзину буханки.

— Восемнадцать... — удивленно сказал Кацуба.

— Правильно, — ответил ему от окошка «хлебрез» — мордатый паренёк с продвунной физиономией. В руке он держал огромный сверкающий нож и лениво-нагловадно поглядывал на Кацубу.

— А нужно девятнадцать. У меня по рапортнице летают пятьдесят семь человек. А восемнадцать буханок это только на пятьдесят четыре... — обеспокоенно сказал Кацуба, заглядывая в рапортничку.

— Ну, старшина... — покровительственно улыбаясь, негромко сказал хлебрез. — Шо, нельзя восемнадцать разделить на пятьдесят семь? Комиссия какая-то приехала из округа. Мне же ее еще кормить нужно. Иисус Христос пятью хлебами десять тысяч накормил... — Он доверчиво придвинул к Кацубе свою разевшуюся физиономию.

И в ту же секунду Кацуба молниеносно сгрэб его за горло и одной рукой чуть не до половины вытащил этого здоровенного парня из окна хлебрезки.

— Это хорошо, что ты помнишь священное писание... — тихо и ласково сказал ему Кацуба. — Там еще одна прибауточка была: «не укради...». Не помнишь, сука?

Хлебрез стал сишеть и закатывать глаза. Нож выпал из его руки.

Кацуба отшвырнул его в глубь хлебрезки и так же тихо сказал:

— Девятнадцатую!

И на прилавок раздаточного окна откуда-то снизу вылезла девятнадцатая буханка.

— О, — удовлетворенно сказал Кацуба. — Это уже другой разговор.

На КП учебного аэродрома стоял генерал Лежнев, в шлемофоне и кожаной куртке. Только что отлетал и теперь покуривал в окружении нескольких офицеров. Тут же стоял и капитан Хижняк.

Офицеры держались с Лежневым свободно, но почтительно.

Садился самолет. Руководитель полетов, подполковник с повязкой на руке, что-то говорил в микрофон, не сводя глаз с самолета. И когда самолет приземлился, сказал облегченно:

— Хорошо... Заруливайте на стоянку. Все. — И отложил микрофон в сторону.

— Твой? — спросил генерал у Хижняка и показал на самолет, подруливающий к стоянке.

Хижняк полистал блокнот и посмотрел на часы.

— Мой, — уверенно ответил он.

— Что, мужики? — обратился генерал ко всем остальным. — Лучшая эскадрилья на сегодняшний день! По всем параметрам. Надо бы отметить...

— С тебя причитается, Хижняк! — сказал руководитель полетов.

— Слушаю, товарищ подполковник.

— Не, братцы! Это вы меня не так поняли, — протянул генерал. — Это с нас ему причитается... — Он повернулся к Хижняку: — Ну, что тебе — отпуск или звание? Или вольный казак, или майор с двумя просветами?

Хижняк поскреб в затылке:

— А туда, на запад, нельзя?

— Туда уже поздно. Там без тебя обошлись, — сказал генерал. — Ты не торгуйся. Выбирай...

Хижняк поднял хитроватые глаза к небу, что-то вычислил и сказал:

— А нельзя ли так, товарищ генерал? У меня сейчас средняя успеваемость по эскадрилье четыре и три десятых... К выпуску я доведу ее до четырех и пяти.

А тогда и отпуск, и майора. Так можно?
— Ну, нахал! — поразился генерал, и все опять захохотали. — Черт с тобой! Нам еще лето предстоит, будь здоров... Вот-вот пополнение весеннего призыва придет. Я посмотрю, как вы Лазаря запоете!..

— А мы на них старшину Кацубу! — сказал кто-то, и всем опять стало весело.

— Это еще неизвестно... — задумчиво сказал генерал. — Я уж так... своей властью его здесь придерживаю.

Припылил на аэродром «газик» со «стартовым» завтраком. Из кабины вылез старшина Кацуба, надел белую куртку поверх гимнастерки и приказал двум курсантам в кузове:

— Ну-ка, давайте... Осторожнее с термосами. Какао не расплющите.

— «Стартовый» завтрак привезли! — завопил кто-то из отдыхающих, и курсанты бросились к «газку».

— Отставить! — рявкнул Кацуба, и все замерли.

Он исторопливо прошел на КП, стал по стойке «смирно».

— Товарищ генерал-майор! Разрешите обратиться к руководителю полстов подполковнику Степанову?

— Обращайтесь.

— Товарищ подполковник! Разрешите выдавать дополнительный «стартовый» завтрак?

— Выдавайте.

— Слушаюсь!

Кацуба повернулся и зашагал обратно к «газику».

Потом курсанты, рассевшись кучками, уминали баранью колбасу, макали куски белого хлеба в сгущенку и запивали какао.

Отдыхали все — и самолеты, и люди.

Старшина Кацуба сидел в сторонке, покуривал в рукав. Наблюдал, как двое из кухонного наряда мыли термосы из-под какао.

Никольский, Менджеридзе, Чеботарь и еще какой-то курсант долизывали сгущенку, о чем-то шушукались, поглядывая на Кацубу.

Долизали, сдали посуду и пустую банку представителям наряда и подошли к Кацубе.

— Разрешите присесть, товарищ старшина? — почтительно спросил Менджеридзе.

— Валяйте, — сказал Кацуба.

К ним подтянулось еще несколько человек.

— Разрешите, товарищ старшина?

— Уже разрешено.

— Товарищ старшина, — проникновенно начал Никольский. — Вот мы сейчас смотрели на вас, и нам вас так жалко стало... Ну просто, слезы из глаз...

Кацуба удивленно посмотрел на Никольского. Кто-то прыснул.

— Нет, правда! — Никольский честно округлил глаза. — Ведь вам так трудно с нами...

— Ни хрена подобного, — презрительно сказал Кацуба. — Это вам со мной трудно, а не мне с вами.

— Ну что вы, товарищ старшина! — возразил Менджеридзе. — Нам с вами замечательно!

— Какие могут быть счеты! — воскликнул Никольский. — Одна семья. Как пишут в газетах; славное воинское братство... Нет, серьезно, товарищ старшина... Мы как представим себе, что в то время, как мы на полетах или в УЛО, вы, товарищ старшина, в опустевшей казарме, в каптерке... ОВЭЭС... ПЭФЭЭС... Так жалко вас! Так жалко...

Кацуба уже ждал подвоха, но пока еще не понимал, откуда.

— Неужели вам все это не надоело? — попытался ускорить события Менджеридзе.

— Он, товарищ старшина, не то хотел сказать, — быстро проговорил Никольский и тихонько показал кулак Менджеридзе. — Он, товарищ старшина, хотел предложить вам, как человеку, прожившему с нами

бок о бок целый год, разделявшему с нами все тяготы воинской службы, постигнуть еще одну грань нашего существования — воздух!

Патетика Никольского еще более насторожила Кацубу.

— Неужели вам никогда не хотелось полетать с нами? — уже осторожно спросил Менджеридзе.

— Не-а, — сказал исподатливый Кацуба и поплевал на окурок. — Имел я в виду это ваше небо.

Он посмотрел прямо перед собой, что-то представил себе и улыбнулся.

— То ли дело... Едешь в танке — девочки тебе молочко, цветочки подносят... А там, — Кацуба несколько раз ткнул большим пальцем вверх, в яркую майскую синеву. — Тоска...

Никольский так и застыл с открытым ртом...

Менджеридзе беспомощно развел руками. Курсанты онсмели.

— Убил!.. — завопил Никольский и повалился на землю. — Убил!

Он тут же вскочил, бухнулся перед Кацубой на колени и стал отбивать ему земные доклоны:

— Кормилец наш и понлец!.. Простите вы, Христа ради, нас дурачков неученых!.. Простите, батюшка, все наши прегрешения, самоволки и левыходы на зарядки!..

— Прощаю, — сказал Кацуба.

— Не держите злобы против верных рабов своих!

— Не держу.

— Пожалейте, отец родной, своих овечек заблудших!

— Еще чего!.. — сказал Кацуба и встал.

Вокруг стоял такой хохот, что с КП обратили внимание.

— Кончай ночевать! — крикнул капитан Хижняк. — Первое звено — по машинам!..

Над аэродромом стоял слитный гул.

Динамики на командном пункте искажали голоса находящихся в воздухе. Что-то

бубнил в микрофон руководитель полетов.

Собрался уезжать «газик» с кухонным нарядом. Кацуба уже влезал в кабину.

— Кацуба! — крикнул ему генерал.

— Слушаю вас, товарищ генерал!

— Не уезжайте. Разговор есть.

— Слушаюсь!

Кацуба захлопнул дверцу и не торопясь направился на КП. Но генерал сам пошел ему навстречу.

«Газик» рыкнул и покати в расположенные школы.

— Чего там курсанты ржали? — спросил генерал.

— Да так, товарищ генерал... Пацаны. Что с них взять?

Генерал открыл перед Кацубой пачку «Казбека». Закурили.

— Скоро пополнение придет, — сказал Лежнев.

Кацуба молчал.

— На сверхсрочную не надумал остаться?

— Никак нет, товарищ генерал.

— В Крым поедешь? В Феодосию?

— Так точно.

— Морс... Дамочки, пижоны, командировочные, отдыхающие, — улыбнулся генерал. — И все такие морские волки?.. И все хотят плавать за волнорез?

— Так точно, — ухмыльнулся Кацуба.

— А ты их спасать будешь?

— Обязательно.

— И целый день в лодочке?

— Так точно.

— Мечта!.. — сказал генерал. — Черт с тобой... Насильно мил не будешь.

— Не в этом дело, товарищ генерал, — уже серьезно сказал Кацуба. — Я тут уже одному человеку обещал...

И в это мгновение со стороны расположения школы послышались истошные крики:

— Товарищи! Товарищи!..

К аэродрому бежало несколько человек. Это были и курсанты, и офицеры, и техники...

— Товарищи! Товарищи!

Мимо них, обгоняя и поднимая клубы пыли, мчался «виллис». В нем стоял дежурный по школе — молоденький лейтенант с повязкой на рукаве.

— Товарищи!.. — кричал он. — Товарищ генерал! Товарищ генерал!.. Товарищ генерал-майор!..

«Виллис» затормозил в метре от генерала и Кацубы. Лейтенант выпрыгнул на землю и упал. Вскочил, хотел взять под козырек, но вместо этого схватил себя руками за голову и прошептал:

— Товарищ генерал!..

— Все!!! — крикнул генерал Кацубе.

Он метнулся на командный пункт, схватил микрофон у руководителя полетов и закричал, шаря глазами по небу:

— Всем экипажам, находящимся в воздухе! На связи генерал Лежнев. На связи генерал Лежнев!.. Война окончена!.. Война окончена! Прием!

В ту же секунду из динамиков понеслось:

— Я — третий! Я — третий! Война окончена! Нет войны! Вас понял!..

— Я — седьмой! Война окончена! Война окончена!..

— Я — пятый! Я — пятый, войну закончил!!! Я закончил войну!.. «Жил на свете Джонни-подшипкер, плавал семнадцать лет!..» Война окончена!!!

— Всем на посадку — закричал генерал в микрофон. — Всем на посадку!.. Садиться в очередности взлета! На посадку, мальчики! На посадку, пацаны мои!.. Ура-а-а!..

И весь аэродром закричал «Ура!». В воздух летели шлемофоны, пилотки, фуражки. Рты у всех были раскрыты в истошно-счастливым крике.

Но в это время динамик радиостанции на КП закричал голосом Чеботаря:

— Я — девятый! Я — девятый! Я не хочу! Я не кончил войну! Я — девятый — войну не закончил! Я еще должен... За отца, за всех!..

— Девятый, девятый!.. Спокойно!.. Война окончена... — крикнул в микрофон генерал Лежнев.

На КП все замерли.

— Война окончена, — повторил Лежнев

— Кто «девятка»? Кто «девятка»? — закрутил головой Лежнев.

— Это Чеботарь! — крикнул капитан Хижняк.

Лежнев нажал кнопку микрофона и, сдерживая волнение, заговорил:

— Девятый, девятый... Чеботарь, сынок... Успокойся. Садись. Аккуратненько садись, Чеботарь. Ты же умешь хорошо это делать. Ты же летчик, Чеботарь...

Все на КП смотрели прямо в динамик.

— Не могу... — сказал динамик голосом Чеботаря. — Не могу.

— Можешь, — твердо сказал Лежнев. — Уйди подальше, в сторону Майского... Четвертый разворот над полигоном... И заходи на посадку. Как понял?

И пауза.

— Вас понял... — упавшим голосом сказал динамик.

— Жду тебя, Чеботарь, — сказал Лежнев и положил микрофон.

Аэродром наполнился ревом садящихся машин. Все потонуло в этом страшном и победном звучании. Не было слышно ничего...

Не было слышно и как плакал старшина Кацуба, сидя на пыльной среднеазнатской земле, привалившись к пыльному старому «виллису»...

Эскадрилья чистила сапоги.

Эскадрилья подшивала белоснежные подворотнички.

Эскадрилья гладила гимнастерки и галифе...

Драила пуговицы и пряжки ремней смесью нашатыря с мелом...

Металась в поисках ниток. Клянчила иголки.

Прикрепляла «птички» к погонам...

Сновала в диком возбуждении мимо дневального — то на улицу, то в казарму...

Из громкоговорителей, висевших на стол-

бах у каждого барака, безостановочно лился вальс «Амурские волны».

Все двери были открыты. Офицеры в парадных кителях входили и выходили... Дневальный совсем запарился отдавать честь каждому. Зазуммерил телефон на его тумбочке. Дневальный схватил трубку:

— Первая эскадрилья... Дневальный, курсант Тараскин! Вас понял, — и отведя трубку в сторону, закричал: — Старшина Кацуба! Товарищ старшина, вас на Ка-Пэ-Пэ ожидают!

— Иду! — крикнул Кацуба из каптерки.

— Идет! — крикнул дневальный в трубку и положил ее на рычаг.

Открылась дверь каптерки и вышел Кацуба...

...Из каптерки вышел Кацуба, какого никто никогда не видел! Он был в офицерском кителе с черными танкистскими погонами, на которых посверкивали маленькие золотые танки. На голове Кацубы сидела приплюснутая танкистская фуражка с черным бархатным околышем. И брюки у него были с красным, а не голубым кантом!

Но что творилось на груди у Кацубы, потрясло всех, кто увидел его в эту секунду!

Левая сторона начиналась с ордена боевого Красного Знамени. Потом шли три ордена Славы — полный кавалерский набор! Медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». И еще какие-то медали...

Правая сторона кителя сверкала двумя орденами Отечественной войны и орденом Красной Звезды. Внизу, справа, гвардейский знак...

Дневальному Тараскину даже дурно стало.

Бегущие останавливались, как подстреленные. Идущие — замирали на месте. Стоящие — вжимались в стены...

По эскадрилье расплзлась тишина. Только вальс «Амурские волны» из репродукторов...

Никольский вбежал в одних трусах с утюгом в руке в казарму, увидел Кацубу и ахнул:

— Мамочка!.. С ума сойти...

— Дежурный! — рявкнул Кацуба.

Дежурный по эскадрилье вытянулся перед Кацубой.

— Слушаю вас, товарищ старшина... — ошалело доложил он, не отрывая глаз от груди Кацубы.

— Чтобы порядок был в эскадрилье. Вернусь — проверю.

И Кацуба вышел из казармы под вальс из репродукторов...

Он шел по территории авиашколы, и «Амурские волны» сопровождали его на всем пути.

Казалось, что его, Кацубу, было видно отовсюду: в этом авиационном царстве голубых погон и голубых околышей черная форма танкиста намертво приковывала к себе внимание.

Ему козыряли и курсанты, и офицеры, провожая его потрясенными взглядами.

Кацуба козырял в ответ и сосредоточенно приближался к КПП...

Проходная контрольно-пропускного пункта авиашколы — это будка с дежурным и телефоном, это большие голубые ворота с огромной железной «птичкой» и красной звездой — эмблемой военной авиации.

У ворот стояла и ждала Кацубу Наталья. Придетая во все самое лучшее.

Рядом с будкой на деревянной скамеечке сидел выбритый Иван Никанорович — в пиджачке с двумя медалями, широченных галифе и ярко начищенных сапогах. На согнутой в локте руке Ивана Никаноровича висела хозяйственная сумка. Оттуда торчали горлышко бутылки, пакеты.

Иван Никанорович удерживался на скамеечке с большим трудом и мужественностью. Время от времени его начинало клонить в одну сторону, и тогда Наталья подходила к нему и сажала его прямо.

Иван Никанорович сразу приходил в себя и изумленно смотрел вверх, на репродуктор, из которого гремели «Амурские волны».

Через проходную вышел к ним Кацуба.

— Господи, — сказала Наталья. — Слава богу!..

Иван Никанорович обалдело уставился на Кацубу, наконец признал его и, превозмогая себя, встал со скамейки.

— Ну, ты даешь, старшина!.. — сказал он и обнял Кацубу.

Кацуба притянул к себе Наталью и поцеловал ее, как жену.

Неизвестно, сколько бы они так стояли, обнявшись все троим, если бы не услышали мягкий нестройный топот сотен ног.

По дороге, ведущей к контрольно-пропускному пункту военно-авиационной школы, шел неровный строй бритоголовых военкоматовских мальчиков. Весенний призыв...

Их было человек полтора. Одеты они были все скудно: ватники, майки, старенькие пиджачки, стиранные отцовские гимнастерки, солдатские чиненые ботинки, тапочки, калоши...

За плечами — самодельные «сидора» с остатками домашней провизии...

Впереди строя, с портфелем в руке, гордо шел младший лейтенант авиации.

Открылись ворота КПП, и строй безостановочно стал вливаться на территорию авиашколы.

Кацуба, Наталья и Иван Никанорович молча провожали новобранцев глазами...

И когда за последним рядом этого строя ворота закрылись, все трое переглянулись и пошли в город.

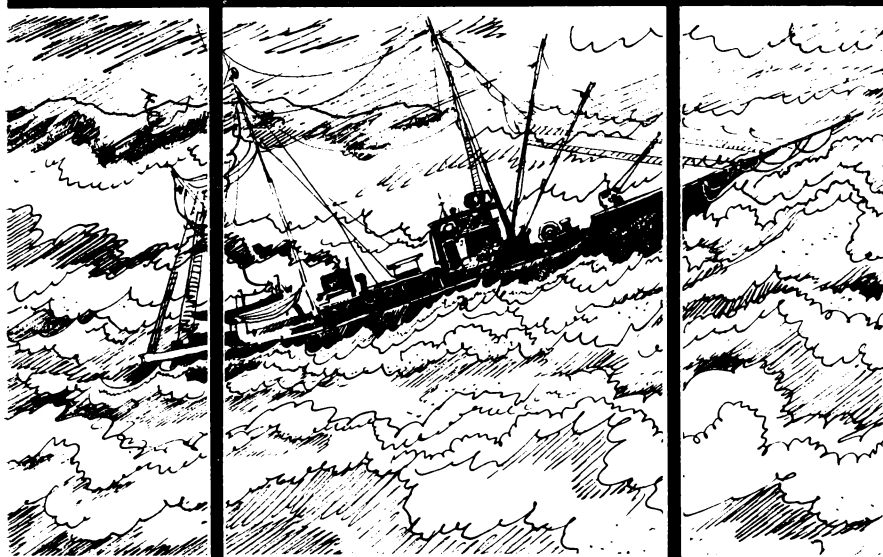
Только Кацуба один раз задержался и оглянулся...

...И увидел Кацуба свой танк, плывущий по зеленой российской траве, а из башенного люка по пояс торчал его стрелок — живой и очень веселый парнишка лет семнадцати. Он размахивал черным танкистским шлемофоном и кричал звонким и счастливым голосом: «Старшина-а-а!».

Кацуба прикрыл глаза, а потом снова открыл... Но ничего больше интересного не увидел — ворота авиашколы были уже закрыты, и перед ним была только одна огромная железная «птичка», выкрашенная желтой масляной краской, да небольшая красная звездочка наверху...

И больше не оглядываясь, Кацуба догнал Наталью и Ивана Никаноровича...

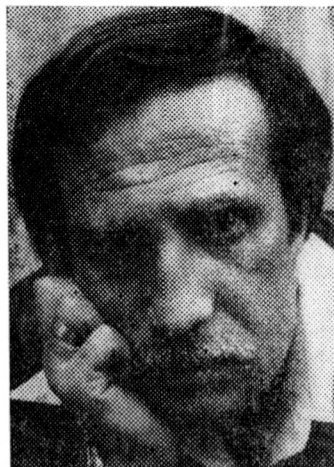
ЭДУАРД ВОЛОДАРСКИЙ ПАВЕЛ ЧУХРАЙ

ЛЮДИ В ОКЕАНЕ

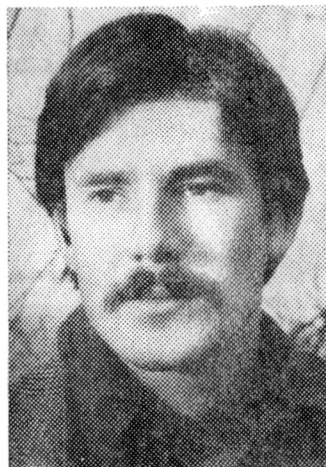

ЭДУАРД ЯКОВЛЕВИЧ ВОЛОДАРСКИЙ (родился в 1941 году) после окончания школы работал грузчиком, рабочим в геологических экспедициях, буровиком в Заполярье, журналистом на Мурманском телевидении. В 1967 году окончил сценарный факультет ВГИКа (мастерская Е. Габриловича). По сценариям Э. Володарского поставлены фильмы: «Дорога домой» (режиссер А. Сурин), «Риск» (в соавторстве с Н. Михалковым, режиссер В. Паскару), «Свой среди чужих, чужой среди своих» (в соавторстве с Н. Михалковым, режиссер С. Гаспаров), «Убит при исполнении» (режиссер Н. Розанцев), «Белый взрыв» (режиссер С. Говорухин), «И был вечер и было утро» (режиссер А. Салтыков), «Емельян Пугачев» (режиссер А. Салтыков). Эдуард Володарский автор пьес «Долги наши», «Самая счастливая» и др.

ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ЧУХРАЙ (родился в 1946 году) работал радиомонтажером, ассистентом оператора на киностудии «Мосфильм». Окончил операторский, а затем и режиссерский факультеты ВГИКа (мастерская И. Таланкина). Его дипломной режиссерской работой стал фильм «Вольному воля», сценарий которого был написан им совместно с В. Мережко. Павел Чухрай также постановщик фильма «Ты иногда вспоминай».

По литературному сценарию Эдуарда Володарского и Павла Чухрая «Люди в океане» фильм ставит режиссер Павел Чухрай на киностудии «Мосфильм».

С пологой, заросшей кустарником сопки бежит мальчишка лет десяти. Рукава не по росту большой, изорванной гимнастерки с нашивками за ранения закатаны до локтей. (На изображении возникает титр — «1946 год»). Мальчик задыхается от быстрого бега. Он пытается бежать быстрее, но силы на исходе. Вот он останавливается у полосы прибоя, со страхом смотрит в океан. За ним, продираясь сквозь цепкий кустарник, на берег выходят еще люди. И у всех на лицах выражение страха и надежды.

В сотне метров от берега приглушенно рокочет двигатель морского катера. Он продвигается к берегу, и стоящие на носу моряки баграми прокладывают ему дорогу в мешанине каких-то плавающих продолговатых предметов. Не то мешки, не то обрубки бревен, они медленно шевелятся на волнах.

Накатилась и ушла очередная волна, осела пузырящаяся пена, и тогда вдруг становится ясно, что никакие это не мешки и не обрубки бревен. Это трупы людей...

Если лететь с материка дальше^{сь} на восток, далеко, далеко, в сером предутреннем тумане, у самого горизонта возникает гряда островов. Маленькие и большие, они растянулись в свищовой пустоте океана. И как-то не верится, что на них может быть жизнь, что раскинулись на этих островах многонаселенные поселки, тянутся к небу мечты радиостанций, маяков, дымят трубы рыбообделочных комбинатов и рабоботают на них тысячи людей. Отсюда, с этих островов, уходят траулеры на лов сельди, горбуши, сайры... Но есть за этими островами и другие — поменьше, побезлюднее. Над ними бороздят небо странствующие альбатросы, скалы оглашают криками

чирки, кайры и чайки. Кос-где, по безлюдью, рассеяны станции метеорологов, да небольшие погранзаставы. Это и есть край России. Самый край света... (Титр — «1978 год»).

В однообразной глади океана глаз цепляется за возникший вдалеке подводный выброс газа. Над тяжело качнувшейся гладью появился еще один куда более сильный выброс — холм темно-зеленой воды беззвучно, медленно поднялся над волнами...

В это же время самописцы чуткого прибора вычерчивали на бумажной ленте тонкую неровную линию. Темно и тихо было в помещении метеостанции.

А далеко в океане медленно поднялась новая водяная гора. Ветер свистел над ней в предутреннем сумраке.

...Сумрак. Ежась на ветру, переступая через выброшенные водоросли, совершали привычный обход два солдата пограничника. Лысоватая сопка поднималась над островом, тяжелый прибой напознал на берег.

Поглядывая на мутный горизонт, часовые неторопливо уходили в сторону освещенного причала.

В небольшой казарме погранзаставы спали свободные от вахты солдаты.

В домике радиосвязи зажегся свет.

Еще не до конца проснувшись, женщина села на постели. Поднялась. Борясь с дремотой, привычным движением включила в сеть оставленный с вечера в стакане кипятильник и, как была в ночной рубашке, прошла в соседнюю комнату. Еще сонная, она уверенно включала какие-то тумблеры, рубильники. Пройдя по заставленной аппара-

турой комнате, вернулась за перегородку и появилась через мгновение снова, уже в юбке, застегивая пуговицы на форменной рубашке с погонами младшего лейтенанта.

Включенные приемники наполняли комнату переменчивыми шумами эфира, японской, английской речью...

Окончательно проснувшись, младший лейтенант Людмила Стрельникова вышла на крыльцо, подставила под умывальник лицо.

Горел свет и в домике начальника погранзаставы. Умывальник звякал под ладонями капитана Валерия Михайловича Орехова. Капитан фыркал, плескал воду на заспанное лицо и крепкую, как у борца, шею.

Жена Нина собирала на стол завтрак. Дверь в маленькую комнату была приоткрыта, на широкой кровати спали две девочки.

— Я, Валерик, уже чемоданы укладывать начала... — говорила Нина.

— Много барахла не набирай, — сказал он. — А то к вертолету пойдем, со стыда сгореть можно будет.

— Когда это я за барахло держалась, интересно даже? — обиделась Нина. — Как с Камчатки уезжали, так я больше половины раздала. Помнишь, термос китайский? Галке Корнаковой оставила. Одеяло стеганое медсестре. А ведь совсем новое было...

— Ладно, ладно, это я так... — примирительно пробурчал Орехов.

Нина присела напротив мужа, кулаком подперла щеку.

— Ох, Валерик, даже не верится! Неужто все? Неужто и мы с тобой проживем по-человечески?

— А до сих пор мы как жили? — мрачно глянул на жену Орехов.

Тянул задрезжала ложка в стакане, качнулась под потолком рожковая люстра.

...В доме метеоролога Кати Гребенниковой тоже закачалась лампочка, и с потолка посыпалась побелка. Катя открыла глаза и некоторое время лежала в предутреннем сумраке. Затем она медленно поднялась, шлепая босыми ногами по полу, прошла в соседнюю комнату, оторвала от барабана

сейсмографа длинную, исчерченную бумажную ленту, поднесла к глазам...

А по спящему поселку, сторонясь часовых, пробирался матрос Саня Пряхин.

Остановившись у дома Кати, он негромко постучал в окно.

Катя вздрогнула, подошла к окну.

— Открой, — тихо попросил Пряхин.

Катя отрицательно покачала головой, прижала палец к губам.

— Да открой, чего ты? — настаивал Пряхин. — Сколько можно?

Катя оглянулась на занавеску, за которой спала маленькая дочь, снова качнула головой.

— Ах, так?! — вспылил Пряхин. Оглядевшись по сторонам и заметив у крыльца пустую бочку для дождевой воды, он быстро подкатил ее к дому, поставил «на-попа», взобрался. Рискуя содрать ногти, попытался открыть окно.

— Открой или стекло высажу! — через силу усмехнулся он. — Сколько можно над человеком издеваться?

Он заметил неплотно прикрытую форточку и, рванув створку на себя, успел схватить Катю за шею и притянул к окну. Они стояли, разделенные стеклом, прижавшись к нему с обеих сторон.

— Ну что ты бесишься? — как-то устало спросила Катя.

— Ты, Катя, как не родная, ей-богу! — Пряхин жадно целовал через стекло приплюснутые Катини губы и щеку. — Ну чего ты, в самом деле, а? Мальчика на побегушках из меня сделать хочешь?

— Не нужен мне мальчик... Никто мне не нужен...

— Взрослая женщина, а такие вещи говоришь, — недобро улыбнулся Пряхин.

— Потому и говорю, что взрослая.

— Я же вижу, что тебе нравлюсь, — бормотал он торопливо и ладонью, через стекло, гладил Катино лицо.

— Мальчишка ты, дурачок... — сказала Катя грустно. — Я люблю тебя, понял?

— Так за чем дело стало? — повеселел Пряхин.

— Бабник ты... — вздохнула Катя.

— Ну ладно, Ка-ать, пусти!..

Катю все больше заражал его жадный шенот, лихорадочный блеск в глазах.

— Ма-а-ам... — тихим сонным голосом позвала сквозь занавеску дочь Верочка.

Пряхин и Катя замерли. Она пришла в себя и резко вырвалась. Потеряв равновесие, Пряхин забалансировал руками и, не удержавшись на бочке, спрыгнул на землю.

— Не выйдешь? — угрожающе спросил Пряхин, но Катя уже не ответила.

— Осада затянулась! — уже начиная дурчаться, проговорил Пряхин. — Будем брать через трубу! — И, встав на перила крыльца, он ухватился за карниз, начал подтягиваться.

И в это время на весь поселок пронзительно завывала сирена.

— Ух, проклятье! — заскрипел зубами Пряхин, срываясь с карниза.

Он скатился по ступенькам, вскочил и бросился к заставе.

На катере гремел окрашенный металлом голос мичмана Батищева:

— Тревога-а!

Матросы вскакивали, молниеносно одевались, выхватывали из шкафчиков автоматы, с грохотом поднимались на палубу.

...Мчались по дощатым мостовым солдаты. Каждый занимал свое место... Приведенные в боевую готовность, поднимались стволы скорострельных орудий... Глухо зарокотал двигатель приземистого бронетранспортера. Замер боевой расчет у пехотного гранатомета... И везде быстро работали солдатские руки, а глаза напряженно всматривались в океанскую даль... Вращалась по кругу аштенна локатора...

Туманный горизонт, ветер, серое утро.

— Отбо-о-ой! — разнеслось по острову.

— Учебная! — белозубо улыбнулся Пряхин, выбираясь из башни крупнокалиберного пулемета, установленного на катере. — Это капитан на прощанье легкую встряску устроил!

— Всегда от приятного дела оторвут, — проворчал матрос Гусельников и сонно глянул на незашнурованный ботинок.

— Дитя! Что ты понимаешь в радостях жизни! — усмехнулся Пряхин.

— А ты? — огрызнулся Гусельников. — Одни бабы на уме!

В маленьком командном бункере лейтенант Матюхин с гордостью подал Орехову секундомер.

— Неплохо, — глянув на циферблат, проворчал капитан. — Постарались на прощанье, обормоты...

— Не жаль, Валерий Михайлович, заставу другому оставлять? — спросил Матюхин.

— Жаль, — не то в шутку, не то всерьез ответил Орехов.

— Зато повышение получите, а там, глядишь, в академию... — слегка уязвлено проговорил Матюхин.

— Не люблю загадывать, — сухо ответил Орехов

Метеоролог Катя Гребенникова «сидела на связи», принимала последнюю метеосводку.

— Все поняла. Сеанс кончаю. Прием. Отбой, — коротко говорила она.

Она сняла наушники, собрала мелко исписанные листки.

— Что японцы говорят? — спросила Катя Лютю Стрельникову.

— Всякое... — От соседнего передатчика подняла голову младший лейтенант Стрельникова, сдвинула на затылок наушники. — Как погода?

— Погода — дрянь, — хмуро ответила Катя, направляясь к выходу.

— Слушай, а как твой роман? — весело спросила Стрельникова.

— Какой роман? — Опешив, Катя остановилась на пороге.

— Ну, с этим матросом... Пряхин, кажется?

— Откуда такая информация? — растерялась Катя.

— Да брось ты! Весь поселок знает!

— Чушь это...

— Да он сам этого не скрывает! — улыбнулась Стрельникова.

В солдатской столовой задребезжала посуда.

— Три балла, — прокомментировал Пряхин, с аппетитом уплетая макароны по-флотски.

— Два, — привычно возразил матрос Шахбазьян, черноглазый и черноволосый, как грач.

— Спорим! — тут же загорелся Пряхин, протягивая через стол руку. — На посылку!

— Жаль мне тебя, мальчик... — усмехнулся Шахбазьян.

— Мне мать «Столичные» сигареты при-
слать обещала! — соблазнил Пряхин.

— Хорошо... — со вздохом согласился Шахбазьян. — Звони!

...На метеостанции зазвонил телефон. Катя Гребенникова поспешно взяла трубку:

— Метеостанция! Ах, это ты?! — У нее от гнева даже дыхание перехватило. — Еще раз у дома увижу, я тебе... Я такое устрой! Трепло! — И бросила трубку.

— Ты выиграл, — помолчав и повертев в руках трубку, мрачно сообщил Пряхин Шахбазьяну. — Два балла.

Экипаж катера бодро вышагивал через заставу к берегу. Пряхин хмуро покосился на окна метеостанции, но, перехватив насмешливый взгляд Шахбазьяна, заставил себя улыбнуться.

— А кого же вместо Орехова назначат, товарищ мичман? — идя следом за Батищевым, спрашивал Пряхин.

— Тебе-то не все равно?

— Хороший начальник — половина службы! — весело ответил Пряхин и не без ехидства осведомился: — А вас с катера не со-

бираются переводить, товарищ мичман? С повышением, конечно!

— Нет, Пряхин, со мной дослуживать будешь, — тоже усмехнулся Батищев. — А вот когда из дозора придем, наряд вне очереди получишь.

— За что, товарищ мичман?

— За самовольную отлучку. Гусельников, что спотыкаешься? Переспал?

Справа, на полигоне, солдаты пограничники сустились вокруг боевых машин. Мыли из шлангов грязную броню, копались в моторах. Кто-то из них махнул рукой проходившим морякам, крикнул весело:

— Попутного ветра, рыболовы!

— Будут деньги, шлите телеграфом! — отшутились Пряхин и поправил на плече автомат.

Еще переживая ссору с Пряхиным, Катя без стука вошла в кабинет капитана Орехова, буркнула на ходу: «Здрасте» и положила на стол мелко исписанные листки.

— Здесь прогноз на ближайшие дни. — И тут же повернулась уходить.

Капитан Орехов успел окликнуть ее, когда она была уже в дверях.

— Ты присядь, Катерина. Потолковать надо.

Лейтенант Матюхин стоял перед шестью солдатами пограничниками и четким военным голосом ставил задачу:

— Приказываю выступить на охрану государственной границы Советского Союза. Вид наряда — пост технического наблюдения и визуальное наблюдение вдоль побережья. Маршрут движения на катере до объектов «Вязьма-1» и «Вязьма-2», затем от бухты вверх на сопку...

Солдаты, одетые в пятипалую форму, слушали, вытянувшись по стойке «смирно». Матросы Гусельников, Шахбазьян и Пряхин быстро перетаскивали по трапу с причала на катер «Ярославец» тяжелые ящики. Их лица и шеи блестели от пота.

— Связь с заставой поддерживать по ради-
ции, — продолжал лейтенант Матюхин. —

Оружие применять согласно инструкции. Старший наряда один — сержант Бодров, наряда два — сержант Карнаухов. Вопросы есть? Нет. Наряд кру-угом! На охрану государственной границы СССР ша-а-гом марш!

Одни за другим по узкому шаткому трапу солдаты поднимались на катер, скрывались в узкой двери палубной надстройки. Лейтенант Матюхин подошел ближе к борту, сказал мичману Батишеву:

— Постарайтесь до шторма обернуться!

— Добро, — улыбнулся мичман.

В это время матрос Пряхин, стоя на корме, выбирал швартовый канат, и была в его движениях обаятельная лихость. Он знал это, и потому получалось у него еще ловчее.

Катер отвалил от берега и все быстрее удалялся, взбивая за кормой пенную волну. Александр Пряхин с грустным видом озирает пустой причал.

— Не пришла? — спросил Шахбазьян.

— Обещалась проводить... — пожал плечами Пряхин.

— Кому какое дело, как я живу и с кем? — со злым упрямством возражала Катя и с вызовом посмотрела на Орехова.

— А ты на это дело со стороны глянь, — вздохнув, проговорил Орехов. — На острове вроде... коммунальной квартиры...

— Ну и пусть! — вспыхнула она. — Плевать я хотела!

— Плевать не надо, — посоветовал Орехов. — Это некультурно.

Катя опустила голову, молчала.

— Ты меня правильно пойми. Мне докладывают. Я должен реагировать? Это ж не шутки! Сегодня он в самоволку ушел, завтра в казарме ночевать не будет. А ведь это армия, да еще граница! Порядок должен быть.

— Да, да, я понимаю... — тихо согласилась Катя.

— Да нет, подожди, Катя! Я тебе про что толкую? Ну, он — ладно, мальчишка, у него голова опилками набита! А ты? Взрослая женщина. Охота, чтоб твое имя трепали?

— Все правильно, — устало согласилась Катя. — Куда мне, вдове соломенной!

— Тут как-то по-умному надо, с головой, — попытался сгладить неловкость Орехов. — Тебе здесь дальше жить, не мне. Я что? Я завтра — на вертолет и был таков!

— Никуда вы завтра не улетите, — думал о своем, ответила Катя.

— Это почему? — удивился Орехов.

— Циклон идет... — Она кивнула на лежащие на столе сводки.

Орехов принялся читать листки, спросил, не поднимая головы:

— И надолго его обещали?

— Дней на пять... — пожала плечами Катя.

— А это что? — Орехов выпрямился на стуле.

— В квадрате Эр-шестнадцать серия подземных толчков, с выбросами газа, — все так же глядя в сторону и думая о своем, механически отвечала Катя. — Цунами прошло мимо нас, в сторону Хоккайдо... Обрушилось на безлюдное побережье. Жертв и разрушений нет.

— Та-ак... — С растущим беспокойством Орехов встал и заходил по кабинету. — А толчки продолжают?

— Толчки идут... И что за жизнь такая, Валерий Михайлович? — вдруг горько спросила Катя. — Ну кому я мешаю?

Орехов слушал ее невнимательно:

— К тряске привыкли, так еще и цунами... — пробормотал он. — Мало на наши головы... — Орехов подошел к столу, нажал кнопку. Через секунду в дверях возник дежурный сержант, козырнул.

— Лейтенанта Матюхина ко мне быстро! — приказал Орехов.

Уже несколько часов патрульный катер «Ярославец» шел в открытом океане. Ря-

довой Гусельников стоял у борта и задумчиво смотрел в безбрежное пространство. Небо в разрывах туч просветлело, и в воде появилась густая синева. Рядом остановился мичман Батищев:

— Что, Гусельников, пригорюнился?

— Воды очень много, товарищ мичман, — задумчиво пробормотал Гусельников, — прямо бездна, а мы на ней — букашки.

— Кто-кто? — переспросил Батищев, рассматривая в бинокль появившийся на горизонте маленький остров.

— Букашки... — повторил Гусельников.

— Настоящий человек букашкой быть не может, запомните, матрос Гусельников! — отчеканил мичман Батищев. — Настоящий человек — велик и могуч!

— Он гоняет стаи туч! — укладывая в бухту канат, продолжил Пряхин.

— Отставить шуточки! Мы о серьезных вещах толкуем! — Батищев посмотрел в бинокль и добавил лукаво: — Вот матрос Пряхин себя букашкой не считает. Так, Пряхин?

— Как начальство прикажет! — бесшабашно улыбнулся Пряхин. — Нам все равно, что спать, что воевать. Спать лучше — пыли меньше!

— Учись, Гусельников. — довольно отметил Батищев. — Пряхину дисциплинку подтянуть, цены бы ему не было! — Батищев обернулся, приказал в открытую дверь ходовой рубки: — Вызывай наряд!

Рулевой дал сирену, и через несколько мгновений на палубу один за другим поднялись трое пограничников с автоматами, молча выстроились у борта.

«Ярославец» тем временем подходил к небольшому, пустынному острову. Катер отработал боком к деревянным мосткам. Гусельников и Шахбазьян спустили трап.

На мостках ожидали трое пограничников.

— Пошел, ребята, — мичман оглянулся на пограничников, стоявших у борта. Три солдата, один за другим, сбегали по трапу.

Два наряда вытянулись друг против друга. Коротко и привычно отдали рапорт.

Матросы тем временем быстро сгружали ящики. Глухо рокотал двигатель.

Затем вновь прибывшие гуськом направились по узкой тропинке в глубь острова. Трое других пограничников поднялись, на катер. Вид у них был усталый.

— Товарищ мичман, за время посещения службы на вверенном нам участке границы никаких происшествий не произошло, — доложил сержант Бачурин.

— Хорошо, — кивнул мичман. — Отдыхайте, ребята. Малый вперед!

Катер отработал малый вперед, круто развернулся и ходко пошел от берега в открытый океан.

Орехов и лейтенант Матюхин шли по широкой песчаной косе. Справа — прибой, слева — отвесные скалы высокого берега. Гигантские приставные лестницы, старинное средство спасения от цунами, дыбились здесь и там вдоль скалистого берега. Серые от времени и штормов, они казались оставленными и забытыми после штурма крепости.

— Жаль, не с этой стороны, а с востока. Там застава совершенно открыта, — негромко говорил капитан. — А поэтому вот что... Часть продуктов и боеприпасов перебросишь на вершину сопки. Палатки и что сможешь из аппаратуры...

— Слушаюсь, товарищ капитан. — Матюхин помялся и спросил с неожиданной улыбкой: — Но зачем так волноваться? Это ж еще не точно, да и вообще...

Орехов внимательно посмотрел на лейтенанта.

— Ты когда-нибудь цунами видел?

— А вы?

— Я видел, — сухо проговорил Орехов. Они подошли к пустому причалу. Матюхин взглянул в океан, пожал плечами:

— Не знаю. На нас ракеты со всех сторон наставлены, чужие бомбардировщики вдоль границы летают, а мы цунами боимся...

Орехов облокотился о перила, глядя на воду, заговорил негромко и буднично:

— У меня родители погибли во время цунами. Мы тогда тоже на острове жили. Я мальчишкой был. Большинство поначалу успело спастись — ушли в сопки. Но когда волна прошла, многие стали возвращаться в поселок. И тут пришла вторая волна. Трупы плавали неделю... Катера не могли к берегу подойти... — Орехов замолчал.

В океане, рядом с пограничным сторожевым кораблем, катер «Ярославец» казался жалкой посудинкой.

— Как служба? — перегнувшись через борт, спрашивал в мегафон командир корабля, молодой капитан-лейтенант.

— Порядок, жалоб нет! — тоже в мегафон ответил мичман Батищев.

Тем временем по тросу, протянутому между кораблями, скользил тук с почтой.

— Ничего интересного не видел? — спрашивал капитан-лейтенант.

— Да нет. Трое японцев по краю ходят. Рыбаки...

На палубу «Ярославца» тяжело шмякнулся запечатанный сургучом и пломбами брезентовый тук. Громче заработали двигатели.

Небо уже наливалось черной синевой. Волна делалась сильной. Надвигался шторм. «Ярославец» медленно отходил от сторожевого корабля.

Пряхин и Шахбазьян стащили тяжелый тук в кубрик.

— Может, и твоя посылка здесь? — хитро усмехнулся Шахбазьян.

— Вскрытие покажет, — мрачно пошутил Пряхин.

Катер полным ходом шел к следующему острову, небольшому и скалистому. Шторм все уверенней входил в силу. Ветер рвал пену с гребней крутых волн. Разбухшие черно-синие тучи закрыли небо.

Подходить к острову было трудно. Волны били в борт катера, переклестывали на палубу, окатывая матросов и приготовившихся к высадке троих пограничников.

Мичман Батищев, стоя в ходовой рубке, подавал отрывистые команды.

Наконец кое-как приблизились к маленькому деревянному причалу. Пограничники попрыгали на него прямо с борта. На палубу взобралась старая смена — насквозь мокрые ребята в пятнистых куртках и кепках. Матросы быстро сгрузили тяжелые фанерные ящики.

— Отчаливай! — раздалась команда.

...В кубрике «Ярославца» было тихо. Привалившись плечами друг к другу, спали измотанные бессонной ночью пограничники. Неловко примостившись у привинченного стола и положив головы на руки, дремали свободные от вахты матросы. И было слышно, как в тишине перекатывались по шахматной доске фигурки.

Резкий сигнал «Все наверх!» поднял на ноги спящих. Матросы бросились из кубрика, толкая друг друга.

Справа по борту от катера тяжело переваливалась в штормовых волнах полузатонувшая рыбацкая шхуна. Мокрый слипшийся флаг болтался на мачте.

— Не наша, товарищ мичман! — определил рулевой Хисмутдинов.

— Надеть спасательные пояса! —скомандовал мичман Батищев.

Рыбацкая шхуна была совершенно разбита, палубная надстройка покосилась, порваны леера и антенны. Судно чудом держалось на плаву. Горстка рыбаков толпилась у ходовой рубки, цепляясь за поручни и держась друг за друга. Волны окатывали их с головы до ног.

— Малый вперед! — командовал Батищев. — Самый малый! Машинное?

— Слушаю...

— Как у тебя?

— Нормально, — мрачно отозвался механик.

Рыбаки с надеждой смотрели на пограничный катер, который пытался подойти как можно ближе к шхуне. Они кричали что-то, размахивали руками. Видны были смуглые лица, раскосые глаза. Ударила волна, сшибла двоих, поволокла по палубе...

Пряхин и Шахбазьян стояли на носу, держась за леера.

— Корейцы, что ли? — всматриваясь в рыбаков и разматывая бухту линия, предположил Пряхин.

Батищев крикнул в мегафон:

— Малый вперед! — И скомандовал Пряхину: — При счете десять кидай!

— Не достану! — срывая голос, отозвался Пряхин. — Далеко!

— Матрос Пряхин, приготовиться!

Катер отработал малый вперед.

Суда находились довольно близко друг от друга, борта ходили вверх-вниз.

— Раз, два, три, четыре... — сквозь зубы считал Пряхин, раскачивая в руке конец нейлоновой веревки с грузом на конце. — Девять! Десять!

Он размахнулся и бросил. Конец линия упал в пенящийся водоворот.

Рыбаки с отчаянием смотрели на катер.

Шахбазьян остервенело крутил вертушку, выбирая линь.

— Что мы, нанялись, что ли?! — яростно кричал Пряхин Батищеву. — Пусть они бросают! У них борт выше!

— Пряхин, приготовились к повторному, — невозмутимо приказывал Батищев.

— Елки-палки, почему русскому Ивану всегда хуже?! — зло оскалился Пряхин.

— Интэрэсно... — едва переводя дыхание, отозвался Шахбазьян. — Армянину что, лучше?

Пряхин замер в напряжении. Снопы тяжелых брызг били в лицо, слепил ветер. Катер снова пошел на сближение со шхуной.

— Семь... восемь... девять... десять! — Пряхин размахнулся что было сил и бросил линь.

Пожилой рыбак, стоявший на корме, чуть не пополам перегнулся за борт и успел поймать конец линия. И тут же на корму обрушился гребень волны, сбил рыбака, потащил по палубе. Двое других бросились ему на помощь.

Два судна плясали на волнах, и тонкий нейлоновый трос, протянутый над темной пучиной, соединил их.

Первый рыбак, ухватившись за трос, скользнул в воду. Яростно подгребая одной рукой, а другой перехватывая трос, он медленно двигался к катеру. Волны накрывали его с головой, но спасательный пояс каждый раз выталкивал на поверхность.

Трос между судами то натягивался, как струна, то провисал глубоко в воду, и Шахбазьяну приходилось каждую секунду то вправо, то влево вертеть рукоять лебедки, чтобы держать его в одном положении.

— Цирковой аттракцион! — орал Пряхин и смеялся. — Полтинник вход, рупь за выход!

Следом за первым рыбаком скользнули в пучину еще двое. Несколько раз они тереяли трос, но чудом успевали поймать его снова, и метр за метром передвигались к катеру.

Третий рыбак, которого подняли на борт, упал, не в силах стоять на ногах.

— Спасибо, тавариса!

— Давай, давай, «тавариса»! — засмеялся Пряхин.

Последним был старый, шедущий, но, похоже, опытный рыбак. Он съехал по тросу вниз, держась за него обеими руками. Но тут волна ударила в шхуну, и трос резко натянулся, содрал кожу с рук старика и высоко поднявшись над водой.

— А-а, черт косорукий! — выругался Пряхин.

Шахбазьян вертел лебедку, отпуская трос, чтобы он лег на воду. Но волна уже оттащила старика в сторону.

— Ли-инь! — закричал Батищев.

Рыбак возник над пенными волнами — спасательный пояс не дал ему утонуть. Его крутило в водоворотах, накрывало с головой, мотало из стороны в сторону.

Пряхин размахнулся и бросил за борт линь. Промаях! Да к тому же рыбак линия не заметил, он уже основательно нахлебался. Второй раз линь бросал Шахбазьян. Опять промаях.

— Не достанем мы его! — крикнул Шахбазьян. — Он линь не видит!

Прошли считанные секунды. Рыбак отчаянно боролся с волнами. Раза два пронзительно закричал. Пограничники, вцепившись в леера, смотрели на воду, не зная, чем можно помочь.

И вдруг Гусельников бросился к борту. — Отставить, Гусельников! Назад! — закричал Батищев.

Пряхин рванул Гусельникова к себе:

— Ты-то куда, салага? Чокнулся?!

А голос Батищева продолжал греметь:

— Кто решится, ребята?

Матросы молчали. Никто не решался добронольно кинуться в штормовой океан. А сквозь рев истра доносился крик рыбака.

— Ну, что, вы только с бабами храбрые?! — пробираясь мимо Пряхина на корму, бросил Батищев.

— А тебе, мичман, все мои бабы покоя не дают? — усмехнулся Пряхин.

Батищев слышать этих слов не мог. Он стягивал с себя бушлат, собираясь прыгать в воду. Но Пряхин опередил его. Быстро привязал конец троса к своему спасательному поясу, оглянувшись на Батищева, крикнул:

— Показываю специально для слаонервных! — И лихо спрыгнул с борта.

— Носовой, следить! — опомнившись, крикнул Батищев. — Шахбазьян, держи крепче!

Пряхин отчаянно работал руками, пытаясь приблизиться к рыбаку. Они находились между шхунной и катером. Стиснутые бортами, волны в этом месте kloкотали и пенились особенно сильно. Наконец Пряхину удалось достать старика. Он притянул его к себе, пристегнул конец второго, свободного троса. Силы покидали рыбака.

— Шахбазьян! Гусельников! За лебедку! Старика первого! — кричал Батищев.

Матросы изо всех сил вертели лебедку. Тело рыбака повисло над водой. Трос тащил его вверх.

Пряхин ждал своей очереди, держась на плаву. Все, наверное, обошлось бы, не толкну вдруг волна катер. В эту же секунду Пряхина подбросило вверх, ударило о бро-

нированный борт. Удар пришелся в голову, и Пряхин потерял сознание. Обмякшее тело волна ударила о борт еще и еще раз, и оно скрылось в воде.

— Быстрее, ребята! — кричал Батищев. — Поднажмите!

Шахбазьян и Гусельников остервенело крутили рукоятку лебедки. Когда Пряхина подняли на катер, он был без сознания. Матросы окружили его. Потом осторожно понесли в кубрик.

Поздним вечером по-прежнему штормило. Над островом висела пелена дождя.

В пункте радиосвязи было сильно накурено. Шифровальщик и радист по совместительству — младший лейтенант Стрельникова подстраивала волну. Орехов уже минут пять говорил по «прямому» с материком. Матюхин, прислушиваясь, машинально поправлял на стене рамку с почетной грамотой. Батищев сидел на подоконнике, мрачный, еще не обсохший после шторма. Курил, стряхивая пепел в ладонь.

— Да... Тяжелое... Матрос Пряхин, товарищ полковник. Пока точно сказать не могу. Слушаюсь... слушаюсь...

— Пойди переоденься, — шепнул Матюхин мичману Батищеву.

Тот в ответ только безразлично махнул рукой.

— Сам удивляюсь, товарищ полковник, откуда они здесь взялись? — морщась от треска в наушниках, говорил Орехов. — Да, вроде, непохоже... Обычные рыбаки. Нет, не ошибаемся, самые натуральные китайцы из КНР...

Стрельникова кивнула в подтверждение слов капитана.

— Несколько раз с Тайваня попадались, а из КНР что-то не припомню. Да, есть. Младший лейтенант Стрельникова с японским образованием, но по-китайски тоже. Слушаюсь, товарищ полковник! Есть доложить в самое ближайшее время! — Орехов отложил наушники, тяжело вздохнул и поднялся.

Моросил все тот же надоедливый дождь. Они быстро шли к домику санчасти по скользкому, тускло освещенному тротуару. Орехов неловко ступил на подгнившую доску, едва не упал. Зло бросил Матюхину:

— Завтра же приведите в порядок! — И, помолчав, добавил без всякой связи: — Черт их занес в наши воды!

— Я же объяснял, товарищ капитан, — тяжело вздохнул Батишев. — Дрейфовали они... Течение Курасиво...

В санчасти доктор Краснов проводил офицеров в крохотную комнату, где лежал Александр Пряхин. Голова была забинтована, бинтами же он был прихвачен к кровати, чтобы не шевелился. Матрос был по-прежнему без сознания. У изголовья на табурете сидела Катя Гребенникова. На бледном лице — темные, сухие глаза.

— Ну как? — спросил Орехов.

— Очень средне... — коротко отозвался доктор Краснов.

— Значит, так, — негромко сказал капитан Орехов. — Непогода непогодой, но если надо, к утру буду просить вертолет...

— Его нельзя транспортировать, — возразил доктор, поправляя капельницу.

— Так плохо? — спросил Орехов.

— Удар был очень сильный, а рана закрытая. Образовалась обширная гематома. Ну, как сказать понятнее?.. Кровь залила мозг... Лучше б уж дыра, вышла бы кровь, а так... В общем, для него сейчас главное — не двигаться...

Мичман Батишев тяжело вздохнул. Орехов в раздумье пожевал губами.

— А если он помрет тут у тебя... не двигаясь? Тогда как? — наконец спросил Орехов и строго посмотрел на Краснова.

Катя вздрогнула и подняла голову.

— Очень может быть, — устало ответил доктор. — Но это его единственный шанс...

Из горла раненого вырвался не то хрип, не то бульканье, дыхание сделалось частым и свистящим. Катя склонилась над Пряхи-

ным. Доктор пощупал пульс, потянулся к лежащему на подносе шприцу.

— Нет! — Катя шагнула к Орехову. — Его нужно взять, товарищ капитан!.. Я... Я буду сопровождать! Его надо на материк!

Краснов сделал укол, положил шприц на поднос, сказал так же устало и спокойно: — Он умрет у тебя на руках.

— Ну, так... — вздохнул Орехов и попятился к двери. — Ты — доктор, тебе виднее...

В коридоре Орехов приказывал Батишеву:

— Утром чтоб был готов подробный рапорт, Степа, как и что. А пока иди, отдыхай. — Затем повернулся к лейтенанту: — Этих давай ко мне в кабинет!

— Спят еще... — решительно возразил лейтенант Матюхин.

— Буди! Начальство торопит, информацию требует!

— Не стоит сегодня. — Доктор Краснов вышел в коридор, закурил. — У них физическое и нервное истощение... Пусть отдохнут.

Орехов секунду раздумывал, затем решительно направился к выходу.

— При первой же возможности соберешь у них объяснительные, — сказал он Матюхину уже на крыльце. — Стрельникова переведет и зашифрует.

— А справится Стрельникова? — спросил Матюхин. — У нее же основной — японский?

Орехов коротко глянул на Матюхина:

— Ты справишься. А Стрельникова справится...

Ночью младший лейтенант Стрельникова дежурила в санчасти. Чтобы не уснуть, листила книгу, примостившись у стола в коридорчике. Один раз подошла к двери в палату, где лежал Пряхин, чуть приоткрыла ее. Катя Гребенникова, устало ссутулившись, гладила, разложив на табурете, выстиранную форменную рубашку Пряхина.

— Катя, — шепотом позвала Стрельникова.

Гребенникова повернула осунувшееся, усталое лицо.

— Поспи полчасика, а я поглажу, — предложила Стрельникова.

Катя отрицательно покачала головой.

Стрельникова вздохнула, подошла к другой двери, заглянула.

Рыбаки спали на солдатских койках. В палате пятерым было тесновато. Спал, широко разбросавшись, безбородый Лю. Выпростав из-под одеяла широкую, сильную спину в затейливых татуировках, похрапывал пятидесятилетний Ван. Сжавшись в аккуратный комочек и отложив в сторону подушку, спал старик. Хромой и тщедушный Сунь Пу сидел на койке, задумчиво смотрел прямо перед собой.

Стрельникова оглянулась. С улицы вошли доктор Краснов и лейтенант Матюхин.

— Что нового? — спросил Матюхин.

Вместо ответа Стрельникова чуть приоткрыла дверь.

Хромой Сунь Пу нервно ходил между койками, глядя себе под ноги.

— Давай его ко мне, — сказал Краснов и направился в перевязочную.

...Китаец сидел перед доктором на вертящемся стуле.

— Говорит, не может заснуть... — переводила Стрельникова.

Матюхин внимательно, со стороны смотрел на китайца. Краснов протянул Сунь Пу таблетку:

— Выпейте, это снотворное...

Китаец испуганно замахал руками.

— Он очень просит не поить его лекарствами, — переводила Стрельникова. — Он уверен, что это хорошее лекарство, но Сунь Пу никогда не пьет лекарств и дочка его, и муж дочери тоже...

— Ну тогда постарайтесь отвлечься и не думать о случившемся, — посоветовал Краснов.

— Вы писать умеете, гражданин Сунь Пу? — спросил Матюхин.

Когда Стрельникова перевела, Сунь Пу с готовностью закивал.

— Люда, дай ему бумагу и карандаш, — сказал Матюхин. — Пусть напишет объяснительную, раз все равно не спит. Разоткуй ему, что и как.

Сунь Пу пошел вслед за переводчицей и все время что-то говорил извиняющимся голосом.

— Что он лопочет? — спросил Матюхин.

— Говорит, чтобы потом не смеялись — он не очень грамотный. Вот муж его дочери, тот, конечно, написал бы, как надо. Он даже дазыбао сочинить может... Он очень грамотный человек, счетоводом в артели работает...

Сунь Пу еще долго рассуждал о необыкновенных способностях мужа дочери, но Стрельникова больше не переводила.

Матюхин вошел в кабинет к Орехову, когда тот уже собирался домой.

— Они еще спят. Разговаривал только с одним... — Матюхин улыбнулся. — Все-таки, что бы там ни говорили, а люди есть люди...

— Не понял? — поднял глаза Орехов.

— Ну... китаец этот... Простой рабочий человек, сразу видно...

— Простыми, брат Матюхин, бывают инфузории-туфельки... Он объяснительную написал?

Матюхин достал из картонной папки два листа и положил их перед Ореховым:

— Вот оригинал... А это перевод Стрельниковой.

Орехов взял листки, внимательно прочитал перевод, затем открыл железный ящик-сейф и спрятал бумаги.

— Береженого бог бережет... — пробормотал Орехов.

— Чего вы бонтесь, Валерий Михайлович, не пойму, — Матюхин смотрел на командира со скрытой иронией.

— Я, Матюхин, боюсь дураков и трусов. На свой счет можешь не принимать. — Орехов неожиданно улыбнулся. — Заигравай объяснительные у остальных...

К утру погода не улучшилась. Облака висели низко над сопками, штормовой прибой обрушивался на берег.

Когда Стрельникова вошла в палату, китайцы были заняты тем, что заматывали босые ноги обрывками тряпья.

— Доброе утро, — приветливо по-китайски сказала Стрельникова. — Выспались?

Китайцы нестройно закивали головами. Они стояли перед ней такие разные и очень по-разному смотрели на нее. Сунь Пу — чуть встревоженно; большой и длиннорукый Ху Фэн — с наивным детским любопытством; старик — устало и внимательно; крепкий, уже седеющий Ван — уверенно и чуть снисходительно. А Лю смотрел, как может смотреть семнадцатилетний наглый парень на молодую женщину.

Стрельникова подвинула к тумбочке табурет, села и жестом предложила садиться китайцам. Но они, будто не поняв, продолжали стоять.

— А теперь, — так же приветливо сказала Стрельникова, — я попрошу положить на стол все металлические и прочие колюще-режущие предметы.

Она сказала это по-китайски, достаточно внятно, но рыбаки особой прити не проявили. В их глазах окрепла настороженность и недоверие.

— Ну что же вы, не стесняйтесь, — продолжая улыбаться, подбодрила Стрельникова. Она достала бумагу, ручку, приготовилась записывать.

Первым вывернул карманы Ван, за ним дружно поспешили остальные. На тумбочке выросла горка из каких-то ключиков, спичек, зубочисток, мелких бумажных денег. Здесь также оказались два складных ножика, значки, цитатник, какие-то квитанции, короткие костяные палочки для еды, старая щербатая расческа, амулет из акулиных зубов, три широких рыбацких ножа...

Стрельникова все записала и отложила в сторону то, что подходило под нужную графу.

— А это что у вас? — спросила она ста-

рика, указав на висевшую у пояса небольшую флягу в кожаном чехле.

Старик смущенно улыбнулся, развел забинтованными руками:

— Настой. Лечебный... Всю жизнь ношу с собой. — Старик с трудом отстегнул флягу и подал младшему лейтенанту. Стрельникова повертела флягу в руках, выдернула пробку и понюхала.

— Хотите, попробуйте, — лукаво улыбнулся старик.

— В другой раз, — рассмеялась Стрельникова.

Рыбаки, оценив шутку, тоже заулыбались. Молодой Лю не сдержался и хихикнул.

Солдаты заставы уже успели позавтракать и разойтись, когда Стрельникова привела рыбаков в столовую. Они шли по поселку, с интересом поглядывая по сторонам, ловя на себе пристальные взгляды и вежливо кланяясь встречным.

Потом, в столовой, они чинно ели, но по местным понятиям совсем немного. И с неизменной вежливостью отказывались от добавок.

Повариха Антонина Петровна Батищев громогласно спрашивала:

— Кому еще добавки, а? Гляди, какие тощие-то! Совсем оголодали! Ну, ты, дядя, давай еще? Дома у вас таких макарон по-флотски нету! Вы, небось, у себя там всех воробьев стрескали!

— Антонина Петровна, — поморщилась переводчица. — Нельзя так!

— А чё я такого сказала? — удивилась повариха, пожимая литыми плечами. — Ничего я такого не сказала! Про это все знают! — Она ушла огорченная и на ходу все еще что-то бубнила.

Когда китайцы уже кончали завтракать, Батищев вместе с Шахбазьяном и Гусельниковым вошли в столовую, остановились на пороге.

— Людмила, как думаешь, — спросил Батищев, — пообщаться с ними можно?

Стрельникова смерила его оценивающим взглядом:

— Можно... Только не надо про воробьев и про международное положение.

— Конечно, — успокоил ее мичман. — Мы с понятием.

Батищев и моряки подошли к столу. Здороваясь, похлопывали рыбаков по исхудавшим плечам и спинам. Мичман сел за стол.

— Я извиняюсь, гражданин, — обратился он к молодому Лю. — ножки свои не покажете? Ноги... Обувку...

Лю, проследив за взглядом мичмана, отодвинулся от стола, приподнял ногу. Она была обернута в тряпку и перетянута бечевкой.

Мичман тихо присвистнул.

— Неприхотливо, но старомодно... — Он заглянул под стол — у остальных китайцев на ногах были такие же тряпки.

Рыбаки заметно смутились. Только Ван держался увереннее остальных. Это была уверенность сильного и немало повидавшего на своем веку человека.

— Плыть в ботинках трудно, — проговорил он вдруг по-русски, медленно подбирая слова. — Все ботинки оставили на шхуне.

— Это по-нашему! — одобрил мичман. — Чего барахло жалеть, когда жизнь на волоске.

— Жизнь... жизнь... — кивая, повторил китаец.

— Парня вашего жалко... — перевела за ним дальше Стрельникова.

Мичман и матросы помрачнели. Батищев горестно развел руками. Потом взял у Гусельникова вещмешок и высыпал на пол пять пар сапог и ботинок.

— Вот. Носите на здоровье.

Рыбаки растерянно и благодарно смотрели на грудку обуви, но брать не решались.

— Нет, нет! — мягко запротестовал Ван. — Спасибо... Нет!

— Да вы что? — удивился мичман.

— Нам хорошо так. — Ван показал на обмотки. — Легко...

— Легко? — с некоторой обидой переспросил Батищев. — Что ж, дело хозяйское...

— Легко, легко... — повторял Ван, как бы извиняясь за свой отказ.

— Забирай, Гусельников, — приказал мичман.

Гусельников уже наклонился, чтобы собрать обувь в мешок, когда Ван опустился рядом, задержал его руку.

— Хорошо... Спасибо. Мы возьмем...

Спасенные рыбаки сидели в кабинете Орехова, но вместо капитана за столом расположился лейтенант Матюхин. Ероша ладонью мальчишеский вихор, он слушал Вана.

— Нас много дней мотало по океану... — коверкая русские слова, говорил тот. — Сломался двигатель, потом рация. Курасиво понесло нас на север, мимо Японии... — Когда ему не хватало слов, он переходил на китайский, а Стрельникова переводила.

Остальные молча слушали.

— Злая беда... — продолжал Ван. — Семь наших товарищей утонуло. А теперь еще разбился ваш моряк... Как он?

— Неважно... — нахмурился Матюхин. — А вы откуда русский знаете?

— Я вырос на Амуре, — пояснил Ван. — Потом жил в Тяньцзине, в Циндао. В порту у нас было много русских специалистов... Это было давно, Ван тогда был молодой...

— Не забыли, значит, наших специалистов? — удовлетворенно спросил Матюхин и зачем-то подмигнул переводчице. Стрельникова с усмешкой опустила голову. Ван чуть заметно помрачнел, мгновение что-то сообщал, потом твердо ответил:

— Нет, не забыли.

— Ну что ж, гражданин, все хорошо, что хорошо копчается. Так в России говорят. — Матюхин был рад, что разговор получился теплым, без всяких «подводных рифов». — Думаю, денка через два — три, как погода позволит, мы отправим вас на материк. А там передадут вас китайским властям и счастливого пути, езжайте домой... А пока

вот ознакомьтесь с протоколом. — Матюхин поднялся, одернул форменную рубашку. — И еще. Возьмите у переводчицы бумагу и в ней подробенько изложите все, что вы сейчас мне рассказали... У нас так положено, граждане.

Когда Матюхин встал, китайцы тоже, как по команде, поднялись, кивали головами. Лицо Вана было серьезно и задумчиво...

Утром в медчасть пришел доктор Краснов и они с Катей вновь кипятили шприц для укола, меняли Пряхину компресс.

Неожиданно Пряхин открыл глаза, дернулся на кровати и громко, отчетливо спросил.

— Кто меня привязал?

Краснов и Катя бросились к нему. Пряхин смотрел на них широко открытыми глазами, лицо оставалось неподвижным, он не узнавал их.

— Кто меня привязал? — повторил он. — Отвяжите.

— Спокойно, Сашок, спокойно. — Краснов погладил Пряхина по плечу. — Как ты себя чувствуешь?

— Кто вы? Где я? — взгляд у Пряхина был бессмысленным.

Катя чуть не до крови прикусила губу. — В медчасти погранизаставы, — ответил Краснов.

— Почему?

— Потому что ты... попал в беду... — медленно подбирая слова доктор Краснов, — когда спасали китайских рыбаков. Помнишь?

— Каких рыбаков? — спросил Пряхин.

Катя вдруг резко отодвинула Краснова и склонилась над Пряхиным.

— Саня, посмотри на меня... Ты слышишь, Саня? Ты меня узнаешь?

Пряхин смотрел на нее и молчал.

— Саня! — почти закричала Катя. — Посмотри на меня!.. — Она взглянула на доктора. — Он не узнает нас!.. Сделайте что-нибудь!

Доктор Краснов не ответил, отвернулся к

окну. За окном, в маленьком дворике медчасти, на веревке было развешено выстиранное солдатское белье. Девочка Вера, задрав голову, смотрела, как под ветром надувается пузырем и хлопает белая рубашка.

— Саня! Санечка! Скажи что-нибудь! — кричала Катя Гребенникова.

— Ты дочку кормила? — спокойно спросил Краснов.

Катя осеклась, растерянно посмотрела на него. Она не сразу поняла, о чем он ее спрашивает.

Ван дольше других задержался на крыльце медчасти, долго счищал грязь с еще не обшоенных сапог.

В распахнутую дверь ему навстречу выбежала плачущая женщина, спустилась вниз по ступенькам. Ван посмотрел ей вслед. Она шла по деревянному тротуару, согнувшись, закрыв лицо руками.

Ван вошел в палату, ставшую их временным жильем, и замер на пороге. Глаза его еще больше сузились. Рыбаки сидели по койкам, уставившись в белые листки, разложенные на тумбочках. Лю задумчиво смотрел в потолок, сочиняя подходящую фразу. Старик, закрыв глаза, шевелил губами, неловко держа ручку забинтованными пальцами. Обычно мрачный верзила Ху Фэн от непривычного умственного напряжения был похож сейчас на растерянного ребенка. Только хромой Сунь Пу, ничего не собираясь писать, грустно смотрел в окно.

Ван медленно прошел по палате, собрал с тумбочек листки и порвал их. Обрывки сунул в карман. Рыбаки смотрели на него и напряженно молчали.

— Зачем? — наконец спросил Ху Фэн.

— Торопись, как при поносе, — спокойно ответил Ван.

— Полегче! — Ху Фэн поднялся. — Почему это я тороплюсь? Почему не писать бумагу, если просят?

— Тогда уж лучше сразу пиши завещание, — с издевкой посоветовал Ван, уклады-

ваясь на кровать и закидывая руки за голову. — Я плавал на многих посудинах, но ни разу не встречал таких ослов.

— Выбирай слова! — Ху Фэн сжал кулаки. — Не то я проучу тебя, хоть ты и помощник капитана!

Ван резко поднялся с кровати, отчеканил по слогам:

— Сядь, бол-ван!

Лицо Фэна исказилось от ярости, он размахнулся, но Ван твердо и повелительно повторил:

— Сядь!

Ху Фэн не послушался, но и не ударил. Рука медленно опустилась.

— Зачем ты так, Ван? — укоризненно спросил старик.

— А ты не знаешь? — повысил голос Ван. — Вообще, откуда вы взялись? Может, из Токио? Или из Фриско? Расселись и пишут! Студенты? Вы что не понимаете, что дома нас встретят, как предателей?

У Ху Фэна от растерянности отвисла челюсть.

— Да брось ты!.. — отмахнулся он, но тревога в глазах осталась.

— Да, да! Ты вспомни, что сделали с одноглазым Минем и его бригадой, когда они вернулись? А с их семьями что сделали? Забыл? — наседали Ван.

— Может, одноглазый и вправду был виноват... — растерянно вмешался Сунь Пу. — Нам почем знать. Но мы-то не виноваты!

— Мы ни в чем не виноваты! — подхватил Ху Фэн.

Ван хотел что-то ответить, но Лю перебил его уверенно:

— Одноглазый был шпионом, и все это знают!..

Ван спорить не стал, и все замолчали.

— Что же нам делать, Ван? — наконец спросил старик.

За дверью палаты послышались шаги, и вскоре вошли лейтенант Матюхин и Стрельникова. Увидев пустые тумбочки, Матюхин вопросительным взглядом обвел рыбаков.

— Написали?

Рыбаки отворачивались, прятали глаза.

— Ну что же вы, граждане дорогие? — развел руками Матюхин.

И тогда Ван пружинисто встал с кровати, заговорил торопливо, с волнением:

— Слово скажу, начальник! Одно слово...

Рыбаки тревожно вслушивались в русские слова, которые произносил помощник капитана Ван.

— Не надо сообщать... Не надо везти нас на материк...

— Не понял? — слегка растерялся лейтенант.

— Отпусти нас так...

— Как это — так?

— Отпусти нас, начальник!.. Тихо отпусти... — волновался Ван.

— Зачем же тихо? — все еще не мог понять Матюхин. — Мы не воры, нам скрывать нечего...

Стрельникова начала переводить, когда Ван горячо заговорил по-китайски:

— ...Пусть никто не узнает, что русские их спасли. Пусть начальник даст какой-нибудь бот или шлюпку, и они сами доберутся до родных берегов...

— Да что вы, граждане! — совсем растерялся Матюхин. — Так нельзя... Существует порядок. Это же политика, дорогие мои... Это государственное дело!

— Политика хорошая... — улыбаясь, закивал старик, а Стрельникова перевела: — Военные — хорошие люди и рыбаки — хорошие люди. Зачем губить рыбаков?

— Да чего вы, собственно, боитесь, я не пойму, — начал терять терпение Матюхин.

Стрельникова перевела. Повисла томительная пауза. Ван испытующе смотрел на Матюхина, стараясь понять, прикидывается тот или действительно не понимает. А лейтенант с простодушным недоумением смотрел на рыбаков.

— Начальник знает, какое сейчас время, — наконец осторожно проговорил Ван. — Нас могут встретить так, будто мы... Могут подумать...

— Помогите... — попросил хриплым от волнения голосом молчавший до сих пор хромой Сунь Пу.

— Вот незадача... — пробормотал Матюхин и глянул на переводчицу.

Стрельникова в ответ только пожалала плечами. Матюхин раздумывал. Китайцы напряженно ждали.

— Ну хорошо, — сказал наконец лейтенант. — Я передам начальнику заставы...

Он шагнул к двери, пропустив вперед переводчицу.

Саша Пряхин вновь впал в забытие, а доктор расхаживал взад-вперед по маленькой палате, время от времени подходил к Пряхину, считал пульс. В дверь кто-то осторожно постучался, затем она приоткрылась и показалась голова старика-китайца. Он часто закивал головой и вошел в палату.

— Что вам? — спросил Краснов.

Старик опять закивал, улыбаясь, быстро заговорил. Затем отстегнул от пояса флягу и подал доктору, показывая на лежащего Пряхина, на себя, на доктора.

— Зачем это? Что? Не надо ничего! — отступив к окну, запротестовал Краснов.

— Женьшень, — растерянно, но настойчиво бормотал старик. — Женьшень.

Для пушей убедительности он выдернул пробку и, отхлебнув из фляги пару глотков, стал гладить себя по груди и животу. И все время быстро и огорченно говорил что-то, показывая на флягу, на Пряхина и на себя.

— Нет, нет, благодарю вас, — мягко выпроваживая старика за плечи, отвечал доктор. — Ему сейчас совсем другое лекарство нужно.

Старик возражал, упирался, но вынужден был подчиниться.

Лейтенант Матюхин разыскал капитана Орехова у радиста. Сбросив мокрую плащ-палатку, капитан курил в ожидании радиосвязи.

— Разрешите обратиться, Валерий Михайлович, — начал Матюхин, отирая носовым платком с лица мелкую дождевую пыль. — Я насчет китайцев...

Но Стрельникова уже поймала нужную волну и передала микрофон капитану.

— «Вязьма!»! «Вязьма!»! Ответьте «Вымпелу!»! Прием! — заговорил Орехов.

Сквозь хрип и треск донесся далекий голос:

— Товарищ капитан, разрешите доложить. На вверенном участке границы пост технического наблюдения нарушений не обнаружил. Старший наряда сержант Приходько.

— Добро! Метеослужба сообщила о возможности цунами. Повнимательнее там! Как шторм утихнет, мы вас сменим!

— Понял вас, товарищ капитан! — донеслось сквозь треск динамика.

Орехов отдал микрофон радисту:

— Теперь свяжи с «Вязьмой-два».

Из смежной комнатки появился солдат техник.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться. У береговой линии в квадрате четыре неопознанная цель. Удаление сто пятьдесят...

— «Тревожную» группу в квадрат нарушения, — повернувшись к Матюхину, будничным голосом приказал Орехов. Сам он остался сидеть в ожидании связи с очередным постом на островах.

Стрельникова вела рыбаков вдоль полосы прибора. Они так торопились, что переводчица едва поспевала за ними.

Впереди, на песчаной косе стояли лейтенант Матюхин, мичман Батишев, капитан Орехов и молча смотрели, как штормовые волны ломали, ворочая на прибрежной отмели, растерзанную шхуну. Их шхуну! Китайцы побежали быстрее...

— Вот, понимаешь, принесло вашу красавицу, — пояснил Вану мичман Батишев. — Радар засек.

Рыбаки, не отрываясь, смотрели, как ревущий океан безжалостно ломает борта осевшей шхуны, как с треском разлетаются в стороны обломки... Бревна, канаты, несколько разбитых бочек одна волна швырнула на берег, а следующая утащила обрат-

но в пучину. Не сговариваясь, трое из пяти-рых китайцев побежали к воде. Мокрые насквозь, они отчаянно пыгались спасти в шене прибор какой-то хлам.

— Э-эй! — крикнул сержант Шахбазьян. — Тонуть не надоело?!

— Зачем им этот мусор? — пожал плечами Матюхин.

— Там не мусор, — ответил стоявший рядом Ван. — Может, сеть поймают. А может, рацию выбросит...

— Представляю, в каком она виде! — усмехнулся Матюхин.

— Она казенная, — сухо сказал Ван.

Хромой и Ху Фэн тем временем с довольными криками тянули на берег обрывки сетей. Кто-то из пограничников уже помогал им.

Лю, стараясь выловить в приборе какой-то предмет, зашел слишком далеко, и его накрыло высоченной волной. Мелькнули в мутной воде голова, вскинутые руки. Люди на берегу инстинктивно подались вперед.

Но спасти Лю не пришлось. Его выбросил на берег тот же прибор...

— Де-е-ед! — азартно вопил Лю, пытаясь устоять на ногах и волоча за собой вещевой мешок. — Я твой мешок поймал, де-е-ед!

Старик засеменил к воде.

— Там фуфайка и ботинки... почти новые... — растроганно бормотал он. — Ты же чуть не погиб из-за этого мешка, отчаянный ты парень!

Лю вытянул на песок намокий мешок, довольный и обессиленный повалился рядом.

Океан ревел, будто негодовал, что у него отнял такую драгоценность...

В палате Пряхина Катя осторожно стира-ла влажной тряпкой пыль с подоконников, табуреток, со стеклянного шкафчика с инструментами.

— Кать... — донесся до нее слабый, хрипловатый голос.

Она резко обернулась. Пряхин лежал на

высокой подушке и смотрел на нее глубоко запавшими глазами.

— Тебе... тебе лучше? — еще не веря своим глазам, спросила Катя.

— Так хорошо бывает только в ЗАГСе, — попытался улыбнуться он.

Катя облегченно перевела дух — это был прежний Санька Пряхин.

— Ты мой родной... — ласково произнесла она, опускаясь рядом на краешек кровати. — Как ты нас всех напугал... — Она взяла его руку, осторожно поцеловала.

Пряхин с трудом проглотил ком в горле, по заросшим худым щекам вдруг быстро покатались слезы.

— Фу ты! Чё это меня пощесло... — Пряхин попытался снова улыбнуться.

— Ничего, это от слабости, бывает. — Катя марлей промокнула слезы на его щеках.

— Ты на меня не сердись, Кать? — справившись с собой, вдруг спросил Пряхин. — За что? — удивилась она.

— Ну, за мою... трепотню... Да я и не говорил ничего. Один раз только... — Пряхин говорил торопливо и сбивчиво. — Знаешь, я тебе сказать хочу... Ты только не смейся, ладно?

— Да я забыла об этом давно, глупый, — улыбнулась Катя.

— Нет, нет, я скажу... У меня ни с кем ничего не было...

— Чего не было? — не поняла Катя.

— Ну... с девушками я... никогда... Потому и хвастал... Боялся, ребята засмеют.

Катя тихо рассмеялась, головой припала к его груди, проговорила горько:

— Боже мой, Санечка, какая же я старая...

Пряхин ослабевшей рукой погладил ее плечо, попросил:

— Ты только не говори никому, Кать, ладно?

— Если вдуматься, положение у них действительно аховое, — сочувствующим тоном

говорил Матюхин.

В сопровождении старшины Грунько лейтенант и капитан шли по узкому коридору склада. Кругом высились ряды ящиков и мешков.

— Если б от меня зависело... — продолжал Матюхин.

— В том-то и дело, что от тебя ничего не зависит, — перебил его капитан. — Потому ты и разглагольствуешь... Десять канистр воды на сопку перебросьте... А они? Думаешь, не понимают, чего просят?

— Да у них другого выхода нет, — пожал плечами Матюхин.

— И у нас нет. — Орехов повернулся к лейтенанту. — Ты вот что... ты лучше о цунами думай! А то потом не расхлебаемся. И чтобы каждое утро у меня на столе подробная сводка была! По всем сейсмическим делам, понял?

В палате медчасти не спали рыбаки. Сидели, завернувшись в солдатские одеяла. Их мокрые вещи сохли, развешанные по спинкам кроватей.

— Я знал, что ничего не выйдет. Никто нас просто так не отпустит, — с тихим отчаянием бормотал Сунь Пу, ковыляя от стены к стене. — Мы пропали...

— Что делать, Ван? — подал голос старик.

— До тех пор, пока ты ничего не писал — ничего не потеряно, — ответил тот.

— Тс-с-с! — зашипел молодой Лю и показал на стены, потом на уши и приложил палец к губам.

Сунь Пу придвинулся вплотную к Вану, зашептал:

— Нам не уйти, неужели ты не понимаешь?

— Надо упираться! — так же шепотом ответил Ван. — Уговаривать надо!

Остальные, чтоб лучше слышать, придвинулись вплотную.

— Не будем ничего писать, и все! — шипел Лю. — Пусть хоть режут, собаки!

— А можно сделать еще лучше! — оживился Лю и совсем тихо зашептал что-то.

Выслушав, рыбаки насторожились, колебание, страх, надежда мелькали в их глазах.

— Ну что вы на меня уставились?! — раздраженно спросил Лю. — Я сказал то, что сказал.

— Они спасли тебе жизнь, сопляк, а ты!.. О совести забыл! — пристыдил его старик.

— Совесть! — осклабился Лю. — Зато, если мы так сделаем, нас дома встретят как героев!

— Собачий ты хвост! — выругался старик.

— Ты, старик, еще пожалеешь о своих словах! — пригрозил Лю.

Хотя спорили они шепотом, спор, казалось, вот-вот перейдет в драку.

— Лю прав! — загудел вдруг Ху Фэн. — Лю знает лучше, у него брат командир в армии! Нечего нам с ними разводить церемонии! Я верно говорю, Ван?

Ван молчал. Он молчал уже давно.

— Мы простые рыбаки, а ты помощник капитана, — повернулся к нему Ху Фэн. — Тебе будет хуже, чем нам. Еще за шхуну отвечать придется.

Ван чуть заметно вздрогнул, с трудом выдал усмешку. Все поняли, что Ху Фэн попал в точку. Ван лег на кровать, накрылся одеялом.

— Спать, — скомандовал он глухо. — Завтра я сам попробую уговорить начальника.

Ранним утром Ван и капитан Орехов стояли на берегу океана. По-прежнему штормило. В сотне метров за линией прибоя косо торчала из воды рубка затонувшей китайской шхуны. Волны перекатывались через нее. Шхуна покачивалась, проломанное днище скрежетало по камням.

— Шторм утихнет, мы ее вытащим, почи- ним и сами уйдем, — горячо убеждал Ван. — Ты только позволь уйти...

— Нет. И хватит об этом, — как можно тверже выговорил капитан. Ему самому было жаль моряков. Он медленно пошел вдоль берега в сторону поселка. Ван последовал за Ореховым.

— Не уходи так! — хрипло попросил он. Орехов приостановился:

— Ну объясни ты мне, как я могу вам помочь.

— Не сообщай. Отпусти тихо.

— Это называется преступлением. — Капитан двинулся дальше, но Ван загородил ему дорогу.

— Вот! — Он вытянул перед Ореховым большие заскорузлые ладони. — Я всю жизнь работал, никого не предал, не обманул... Неужели ты мне не веришь?

— Я верю. Но решаю эти вопросы не я.

— Боишься? — горько усмехнулся Ван.

— Во-он ты как повернул! — тоже усмехнулся капитан, поднимаясь по ступенькам в канцелярию заставы. — Ну ладно... Тогда ответь мне, только честно. Ты бы меня отпустил?

Ван молчал, глядя себе под ноги, раздумывая.

— То-то и оно, — вздохнул капитан, проходя по коридору мимо часового и дальше — в кабинет. Ван торопился следом.

— Я что? Я — темный рыбак, — с угрюмой поспешностью говорил он. — Но в Китае нашлись бы люди...

— Ты брось мне про людей... — перебил его Орехов, усаживаясь за стол. — Тут за себя отвечать приходится.

Ван, не слушая его, замотал головой:

— Нет, нет! Вы с нами поступаете несправедливо!

— Так, значит, это мы виноваты! — удивился Орехов. — А на родину ты почему боишься возвращаться? Там с тобой как поступают? Справедливо?

Ван помолчал, изучая Орехова.

— Справедливо... — нехотя ответил он, и глаза его недобро блеснули. — Нам нельзя было принимать помощи от врагов.

— Вот и договорились... В этом, брат, все и дело.

Они смотрели теперь друг на друга с откровенной неприязнью.

В кабинет вошли Матюхин и переводчица Стрельникова.

— Короче говоря, так, — сказал капитан Вану, — пишите объяснительные, и нечего тянуть волюнку.

Ван поежился, будто ему стало холодно, и вдруг проговорил хрипло и решительно:

— Мы ничего писать не будем, начальник. Или сделаешь, как мы просим... или сам пожалеешь.

Матюхин и Стрельникова затаили дыхание.

— Жалеть о случившемся придется вам, гражданин Ван, — сухо и спокойно проговорил Орехов.

— ...Или сделаешь, как мы просим, — повышая голос, повторил Ван, — или мы дома скажем, что вы взяли нас в плен! В нейтральных водах! А шхуну нашу потопили! Ты сам толкаешь нас на это!

Переводчица и лейтенант Матюхин даже рты открыли от изумления.

— Нд-а-а, парень, выучка у тебя, чувствуется, хорошая, — усмехнулся Орехов. Он машинально поправил галстук, поднялся, прошел к сейфу, открыл его и достал бумагу, исписанную корявыми иероглифами. Поднес ее к лицу Вана.

Тот медленно читал, и желваки набухали у него под скулами.

Орехов спрятал бумагу в сейф, проговорил:

— Идите, гражданин Ван.

И тогда, как от ожога, китаец вдруг метнулся к окну. Со звериным хрипом он стал биться в стекла руками. Зазвенели осколки. А он — еще раз, лицом о косяк, об оконный переплет. Кровь потекла по стене и подоконнику.

Орехов и Матюхин уже набросились на него. Скрутили, оттащили в сторону. В кабинет вбежали два солдата.

— Мы все расскажем! — судорожно хрипел китаец. — Эту бумагу вы заставили его написать! Вы нас пытали! Били! Мы все

расскажем! — Кровь брызгала в стороны, заливала грудь, рубаху.

— Помогите, чего рты разинули! — зло глянул Орехов на растерявшихся солдат.

Военврач Краснов промыл Вану разбитое лицо, перебинтовал окровавленные пальцы. Ван молча следил за его работой. Скулы и лоб у него были заклеены кусочками пластыря.

У перевязочной его встретил солдат с автоматом и вместо того, чтобы пропустить в палату, указал на выход.

Ван вопросительно посмотрел на переводчицу.

— Приказано временно взять вас под охрану, — сухо пояснила Стрельникова.

Ван заносчиво вскинул голову, но, решив, видимо, что так будет даже лучше, улыбнулся и послушно шагнул вперед.

Вскоре они подошли к маленькому каменному домику, похожему на склад, с тяжелой дверью и узким оконцем. Вошли. Со скрипучих коек навстречу Вану поднимались его растерянные товарищи.

Капитан Орехов и лейтенант Матюхин торопливо вошли в пункт радиосвязи.

— Свяжи меня с материком, — приказал капитан Стрельниковой.

— Хорошо хоть бумага цела, — видя мрачное настроение капитана, попытался ободрить его Матюхин.

— А что в ней теперь толку? — пожал плечами Орехов.

Матюхин нервно прошелся из угла в угол.

— Не думал я, что они такими гадами окажутся...

— Совсем недавно ты утверждал, что это простые рабочие люди, — усмехнулся Орехов, — добрые и открытые...

— Значит, ошибся, — развел руками Матюхин.

— Быстро ты ошибки признаешь. А вдруг опять ошибешься? — Он повернулся к Стрельниковой: — Ну, что у тебя там, Людмила? Скоро?

...Работала «прямая связь» с материком. Капитан Орехов докладывал начальству. Разговор, как видно, складывался не из приятных.

— Лицо и руки, товарищ генерал. Вид, конечно, не ахти... Понимаю... Да кто же знал, что он такой фортель выкинет? Так точно, товарищ генерал, пришлось его временно изолировать.

При этих словах Матюхин заволновался, в глазах мелькнула тревога. Он хотел что-то сказать. Но Орехов жестом остановил его, продолжая слушать, что говорили на другом конце провода, и лицо его краснело, покрывалось испариной, в глазах появилась тоска человека, который не может доказать свою правоту.

— Есть попробовать еще раз... Ох, скорей бы на материк... Понимаю, что неслетная. Слушаюсь, товарищ генерал!

Орехов повесил трубку, тяжело и шумно вздохнул.

— А я, товарищ капитан, их всех вместе запер, — виновато проговорил Матюхин.

Орехов вытаращил на него глаза и выразительно постучал себя пальцем по лбу.

— Ну, а как их надо было разделить? В медчасти кого-то оставлять, так там кругом стекла, скальпели. Где я на каждого аппаратаменты найду?

— Ну-ка, давай этих ко мне... по одному! — приказал капитан Матюхину.

Жилнстый и долговязый Ху Фэй мрачно молчал, рассматривая свои заскорузлые руки. Орехов говорил с ним давно и, как видно, безуспешно:

— Ты же рабочий человек! Совесть-то у тебя есть? Простая, человеческая. — Орехов старался заглянуть китайцу в глаза. — Мы вам помогли, а вы... Как это называть? — Орехов закурил, вытер вспотевший лоб. — Ладно, бог с ней, с совестью. Но ты понимаешь, на какой шаг идете?

Стрельникова быстро переводила.

— Ты, небось, думаешь, что семью свою спасаешь, детей, — продолжал Орехов. —

А если война начнется, тогда как? Сладко будет тебе и твоим детям?

В глазах Ху Фэна мелькнула растерянность, он даже заерзал на стуле:

— Из-за этого война не начнется... — неуверенно возразил он.

Вошел Матюхин, присел у стола.

— Не-ет, милоч! Так вот войны и начинаются! — напирал Орехов, — Тут — конфликт, там — провокация, и глядишь, загорелось.

— Чего ты хочешь, начальник? — угрюмо спросил Ху Фэн.

— Чтоб ты написал правду, — оживился Орехов. — Чтобы все по-честному было, неужели непонятно.

— Не надо было топить нашу шхуну, не надо было убивать наших товарищей, не надо было захватывать нас в плен... — начал монотонно бубнить Ху Фэн, уставившись на свои руки.

— Посмотри мне в глаза, — попросил Орехов.

Китаец не поднял головы, продолжая бубнить свое. Матюхин тяжело дышал, с яростью глядя на китайца.

...Потом перед ними сидел молодой Лю.

— Не надо! Не надо! — презрительно усмехался он разбитыми губами. — Провокация не надо...

— Кто это тебя так разукрасил? — спросил Орехов, разглядывая его лицо.

— Вы! — нагло ответил Лю.

— Н-да-а, ты тоже парень не промах, — капитан иронично усмехнулся. — Сколько тебе лет?

— Восемнадцать...

— Вернешься домой и сразу орден получишь, такой молодой!

— Не завидуй, начальник, — усмехнулся Лю и постарался выдержать тяжелый, немигающий взгляд капитана.

— Да уж чему тут завидовать? Орден за подлость. Тут никто не позавидует. Даже те, кто этот орден давать будет.

— Совесть, подлость... Все это ерунда, — отмахнулся Лю. — Нас много, и это самое главное.

— Чего? — не понял Орехов.

— Нас очень много, начальник...

— Ну и что?

Лю снисходительно улыбнулся и повторил внятно, терпеливо, как маленькому ребенку:

— Нас очень, очень много, поймите вы это наконец...

— Люда, — помолчав, приказал капитан, — уведите его...

Китаец не спеша вышел вслед за переводчицей.

Капитан распахнул окно. Ровный гул океана наполнил комнату. Орехов смотрел, как тяжело и редко, будто пульс гигантского существа, ударяли волны в берег, обрушивались на бетонный волнорез. Им на смену приходили и другие, а за ними еще и еще — бесконечное множество...

— Подлецы... — бормотал Матюхин, первично расхаживая по комнате. — Стрелять таких надо! Ах, подлецы!..

— Перестань! — оборвал его капитан. — Слушать противно...

Ветер никак не стихал, и океан не унимался. Сумерки сгущались над островом. Мгновение поколебавшись, Нина Орехова открыла дверь домика метеостанции.

Катя, подоткнув юбку, мыла пол в лаборатории.

— Ты извини, Катя, я насчет прогноза... Хорошего не слышно?

— Пока нет. — Катя разогнулась, бросила тряпку в ведро. — Циклон, ты же понимаешь, Нина. Аэродромы закрыты, полеты отменены...

— Нам всегда не везет, — как-то виновато улыбнулась Орехова. — А я уже и вещи собрала. Даже постели сложила... Живем, как на вокзале.

— Не расстраивайся, — ободрила ее Катя. — Бывает и хуже.

— Да, конечно, — согласилась Нина. — Как он?

— Есть надежда... — поколебавшись, ответила Катя.

— Дай-то бог! — улынулась Нина и положила на стол матерчатый сверток. — Я вот... Верочке твоей кое-что из вещичек... Платица, сандалетки...

— Спасибо, Нина, не надо, — сухо ответила Катя. — Не пищие же.

— Да ты что, Кать?

Катя не ответила, с ожесточением поло-скала тряпки в ведре.

— И за что ты на меня обижаешься?

— Не на тебя... Мужу твоему один раз-говор простить не могу.

Орехова поджала губы, вздохнула:

— Обидчивые все стали, раздражитель-ные... Ссорятся... Раньше так не было. — И уходя, пробормотала: — Из-за китайцев, что ли?

Сунь Пу и старик сидели перед Ореховым. Стрельникова и Матюхин — чуть в сторо-не, у окна.

Орехов выглядел усталым. Он вопроси-тельно поглядывал на китайцев, а они все не решались начать.

— Просить пришел, начальник... — с тру-дом выговорил Сунь Пу.

Стрельникова перевела. Хромой собрался с духом и выпалил:

— Отдай бумагу, которую я написал!

— Да они совсем обнаглели, Валерий Михайлович! — возмутился Матюхин.

— Зачем она теперь тебе? — продолжал хромой, и на глаза его навернулись сле-зы. — Вам от нее лучше не будет... Только мне — плохо...

Орехов молчал. Наклонив голову, старате-льно рисовал на листке бессмысленные завитушки.

— Переведите ему, Люда! — не выдер-жал Матюхин. — Человек, который посту-пает подло, достоин не жалости, а презре-ния!

Орехов покосился на Матюхина, но ни слова не сказал.

Сунь Пу сгорбился и притих. Тогда за-говорил старик.

— Послушай, начальник, отпусти их, а меня оставь. Какая разница, сколько нас было? Я побуду, раз так нужно... — Старик говорил просто и искренне. Он не любил сложностей.

Орехов посмотрел на него с интересом, тихо сказал:

— Было время, в гости на чай через речку ходили, в магазин за водкой бегали... Запчасти для тракторов колхоз коммуне одалживал, а ваши помогали пшеницу уби-рать... Просто было — по-соседски. А те-перь... Ты сам знаешь, как теперь...

— Понимаю, — согласился старик. — Я тебя понимаю... Но мы-то все те же люди!

Орехов вдруг поднялся, открыл сейф, достал оттуда объяснительную записку, протянул ее хромому.

Тот не верил своим глазам, не решался протянуть руку. Матюхин тоже оторопело смотрел на капитана.

— Ну, бери же! — истерпеливо приказал Орехов.

Сунь Пу робко взял бумагу и тут же на-чал с остервенением рвать ее на мелкие ку-сочки. Старик что-то говорил ему, а Сунь Пу все рвал и рвал злосчастный листок, и по его щекам текли слезы.

— Проводи их, товарищ Стрельникова, — устало приказал Орехов. — И скажи, пусть подумают над нашим разговором. Как сле-дует подумают.

Дождавшись ухода китайцев, Матюхин поднялся:

— Я не понимаю вас, товарищ капитан.

— И не надо, — вздохнул Орехов. — Не напрягайся...

— Нет, я серьезно, товарищ капитан! — Матюхин старался говорить официально. — Получается, что вы идете у них на поводу.

— Для нас сейчас главное, чтоб они от этого своего фортеля отказались...

— Вы не имели права отдавать бума-гу, — жестко и пристально глядя на капи-тана, возразил Матюхин.

— Возможно. Придет время — признаю свои ошибки. И хватит об этом! Вы сво-

бодны! — резко закончил Орехов и первым вышел из кабинета.

Дома у Ореховых повсюду мешались узлы, чемоданы, разбросанные детские игрушки, какие-то тряпки, стопы старых журналов, масса мелких вещей, ставших вдруг ненужными накануне отъезда.

Вытираясь полотенцем, Орехов вошел в комнату, больно ударился коленом об угол чемодана, чертыхнулся.

Нина с каменным, неприступным лицом грохнула на голый, без клеенки, стол сковороду с яичницей.

— А клеенка где? — спросил Орехов.

— В чемодане.

— А вилки?

— Тоже. На самом дне. Ложкой ешь!

— Ложкой, так ложкой, — покорно вздохнул Орехов, принимаясь за еду. — Бывало, и ложкой управлялись.

Он понимал, что со словами сейчас лучше быть осторожнее, лишнее слово и — вспыхнет скандал.

Вошли девочки, Ира и Таня, тоже уселись за стол.

— Сегодня опять не летим? — спросила Ира.

— Погода... — развел руками Орехов.

— А как же мои экзамены? — спросила Ира. — У меня же экзамены в музыкальной. Ты что, забыл, пап?

— Он об этом никогда не помнил, — вставила Нина.

— Попрошу не подначивать! — нахмурился Орехов. — У меня для этого уже есть... артисты! Взрослые девчата вымахали! А терпения ни на грамм! Вы — дети пограничника, черт побери! И должны понимать! Сознать должны! — Он яростно глянул на жену: — И ты масла в огонь не подливай! Хороша, нечего сказать! — Он резко отодвинул от себя тарелку.

— Все мы должны! Все! Понимать, создавать! — взвилась Нина.

— Дождешься! — крикнул Орехов, лихорадочно застегивая пуговицу. — Отменят

назначение, и здесь куковать останешься! Тут тебе все будет! И Черное море, и пальмы в Гаграх, и музыкальная школа!

— Господи, как мне все это осточертело! — не выдержала Нина и с силой ударила тряпкой по столу.

Девочки испуганно попятились к порогу. Нина плотно прикрыла за ними дверь.

Обернулась и сказала мужу тихо и горько: — Знаешь, ты кто? Знаешь?.. Сказать?..

Орехов побагровел и перебил жену:

— Мы никуда не едем.

Нина смотрела непонимающе.

— Кто сказал? — наконец спросила она.

— Приказали. Придется задержаться. Может, на месяц, может, больше... Пока со всей этой мутью разбираться будут.

Нина постояла, будто в оцепенении, наконец покорно и понимающе кивнула. Выражение лица у нее сделалось виноватым. Она подошла к мужу, обняла, заглянула в глаза:

— Ну и ладно... — Она улыбнулась. — Нас этим не поломаешь, верно? И не такое видали...

С грохотом распахнулась входная дверь. На пороге остановился запыхавшийся Матюхин. Капитан отстранился от жены, тяжело вздохнул, спросил мрачно:

— Ну, что? Что еще стряслось? Кто-нибудь из них повесился?

— Да нет, товарищ капитан. — Матюхин кашлянул в кулак. — Матрос Прякин умирает.

Ван находился в перевязочной. Он напряженно вслушивался в звуки, доносившиеся из палаты Прякина. Там была сума-тоха — падали какие-то предметы и вперемежку с выкриками Краснова и Кати раздавались резкие стоны раненого. Даже не стоны, а скорее глухие хрипы, будто человека били под дых.

— Шприц давай! Иглу!.. Большую!.. Больше! — доносился резкий голос доктора. — Держи! Крепче!.. Нет, я сам, а ты лекарьство... В холодильнике!..

Грохнула опрокинутая табуретка. Катя

влетела в перевязочную, распахнула холодильник — на полке десяток пузырьков и коробок.

— Какое?! — отчаянно выкрикнула она.

— Ампула!.. В желтой!.. — нетерпеливо отозвался доктор.

Катя выхватила из коробки ампулу, опометью бросилась обратно.

Ван осторожно прикрыл дверцу холодильника. Выйдя в тесный коридорчик, взглянул в палату. За спинами Кати и доктора вздувалось в спазмах серое горло Пряхина. Лицо запрокинуто, голая грудь поднималась высоко и вдруг будто падала в подушки.

На ступеньках крыльца забухали сапоги. С улицы, разом заполнив тесный коридор, вошли Матюхин и Орехов. Ван отступил в глубину перевязочной, присел на подоконник, напряженно вслушиваясь в суету за стеной.

— Быстро таз!.. — выкрикнул доктор.

Кто-то пронесся по коридору, зазвенела уроненная посуда.

— Катя, лед! — снова торопил голос доктора.

Растрепанная, с безумными глазами, Катя вновь влетела в перевязочную. Рванула дверцу холодильника, выхватила застывшие в пластмассовых ячейках кубики льда. Попробовала взломать, но лед словно врос в ячейки. Не раздумывая, Катя грохнула пластмассовое корытце об пол и упала на колени, собирая в резиновый пузырь раскатившиеся кубики. Ван опустился, стал помогать... Катя опять исчезла за дверью.

Голос раненого уже совсем не походил на человеческий и своей неестественностью давил на уши. Ван поморщился, отвернулся к темному окну. Несколько секунд колебаний, и он принялся осторожно открывать раму.

Ворвавшиеся в распахнутое окно ветер и рев штормового прибоя отрезвили Вана. Бежать было некуда, и, секунду поразмыслив, рыбак снова закрыл раму окна.

В перевязочной вдруг стало до жути тихо.

Ни суматохи, ни стонов. Ван напряженно прислушался. Не выдержав, шагнул к двери.

Капитан не сразу обернулся на скрип половиц. Он один стоял в палате. Широкая спина ссутулилась. На койке, укрытый простыней, неподвижно лежал матрос.

Орехов повернул голову. Недоумение мелькнуло в усталых глазах. Он никак не мог сообразить, почему здесь китаец... Потом сообразил.

— Иди за мной, — тяжело вздохнув, сказал Орехов и пошел к выходу.

Они спустились с крыльца медчасти. Поодаль, в неясном свете уличного фонаря, ежась под порывами холодного ветра, курили Батищев и Краснов, механически вышагивала вперед и назад прямая, как струна, Катя Гребенникова.

Орехов, не останавливаясь, прошел мимо. Ван торопился следом. Молча они шли в темноту, продвигаясь по уже знакомой Вану тропе, к барaku в глубь острова.

— Не боишься? — спросил вдруг китаец. — Не боишься ходить со мной ночью?

Орехов обернулся. В усталых глазах мелькнула злоба, пальцы сжались в кулак.

— Ох, — сказал он мечтательно, — с какой бы радостью я тебя сейчас отметели! Ты бы, милый, зубы свои собирал на тропинке...

Китаец горько усмехнулся:

— Собачья у тебя жизнь, начальник, — такой ерунды себе позволить не можешь..

В комнате, где находились рыбаки, горела тусклая лампочка.

Ван сидел, привалившись к спинке кровати, и угромо наблюдал, как остальные, усевшись у тумбочек, пишут «письма протеста». Лю то и дело отрывался от своей бумаги, заглядывал в чужие.

— Ну при чем здесь матрос, если той истории вообще не было? Они взяли нас в плен! В плен, понял?! — крикнул он Ху Фэну.

— А-а-а... Ну да... — тупо согласился Фэн. — Я и забыл...

— Возьми еще листок и начни сначала! — приказал Лю и склонился к Сунь Пу: — Напиши, что били и пытали.

Хромой старательно закивал и спросил с надеждой:

— А за то письмо мне ничего не будет?

Лю не ответил. Он уже стоял за спиной старика.

— А ты чего раздумываешь?

Старик молчал.

— Эй! — Лю легонько толкнул его в плечо. — Я же тебя спрашиваю...

— Не буду... — буркнул старик.

— Что? — Лю с интересом заглянул ему в лицо.

— Не могу.

Все повернули к нему головы. А старик поднялся и отошел к стене.

— Он не хочет. Ван, — растерянно пожаловался Лю.

Ху Фэн приблизился к старику и, вертя в воздухе большими корявыми пальцами, волнуясь, попытался убедить:

— Ты что, не понимаешь? Это... нам... крышка... — Оратор он был средний.

Ван оттеснил его в сторону.

— Надо писать, — сказал он строго.

— Но ведь он меня спас, — робко возразил старик. — Не могу я.

— Он умер, — настаивал Ван. — Ему теперь все равно...

— Нет, — упрямо сказал старик.

— Ты нас всех погубишь, старый ты индюк! — взорвался Лю.

— А ты не груби старшим. сопляк! — одернул его Ван и опять повернулся к старику: — Послушай, ты думаешь, мне легко? Или Фэну? Но что же делать?.. Лю прав! Ты останешься чистеньким, но погубишь себя, нас и наши семьи...

— А ему наплевать! — зло подхватил хромой. — Он один на свете, как бамбуковый шест!

— Садись и пиши, — негромко, но строго повторил Ван.

— Слушай, Ван, ты меня знаешь давно. Я старый, зачем мне перед смертью брать грех на душу?

Ху Фэн неожиданно бросился к нему и схватил за горло:

— Ах ты, пес! Мы пишем, а он, значит... А наши жены, дети?!

Лицо старика сделалось малиновым. Ван и Сунь Пу с огромным трудом оторвали озверевшего Фэна.

— Если ты не передумаешь, — переводя дыхание, сказал старику Ван, — я не ручаюсь за него...

Старик потер шею и, с горечью глядя на рыбаков, сказал:

— Они спасли нам жизнь, а вы забыли об этом.

— Лучше бы ты сдох! — Фэн с размаха выплеснул ему в лицо остатки чая из кружки.

Утром восточный ветер потянул над сопкой разбухшие облака. Помятые, плохо спавшие после ночной ссоры рыбаки шли за переводчицей к зданию столовой. Поселок жил той же жизнью: за проволочной сеткой солдаты чинили бронемашину, где-то мычала корова, девочка качалась на качелях.

Лю резко замедлил шаг, и Сунь Пу даже ткнулся ему в спину. В закутке за домом матрос Гусельников обстругивал рубанком доски. Лицо его было мрачным.

— Вперед, — Ван недовольно подтолкнул остановившихся рыбаков, и они, опустив головы, заторопились к столовой.

...За завтраком китайцы сидели один, угрюмо смотрели в стол. Опухшая от слез повариха демонстративно швырнула на стол наполненные миски, не говоря ни слова, ушла на кухню. Через раздаточное окно было видно, как она остановилась рядом с Катей Гребенниковой. Та сидела на яшике, среди огромных тазов и кастрюль, и плечи ее мелко вздрагивали.

А китайцы молча ели за длинным столом, нарочито отодвинувшись от старика и не

пропуская возможности хоть как-нибудь ему напакостить. Когда старик потянулся за хлебом, Лю отодвинул хлебницу на другой конец стола. Потом Лю шепнул что-то сидевшему надпротив Сунь Пу и тот, послушно взяв солонку, высыпал ее всю старику в щи. Старик поднял измученные глаза, но все, как ни в чем ни бывало, продолжали есть. Тогда он взял ложку и тоже стал хлебать через силу. Сидевший рядом Ху Фэн задел локтем его миску. Щи брызнули в лицо старика, вылились на колени. Он молча пошел к умывальнику и, подставив лицо под холодную струю, долго стоял над раковиной, пряча от чужих глаз обиду и отчаяние.

Моросил мелкий дождь. На спортивной площадке, недалеко от столовой, солдаты и моряки отрабатывали приемы самбо.

Мимо них гуськом возвращались после завтрака рыбаки.

— Товарищ мичман, крестники ваши идут, — мрачно сострил кто-то из моряков.

— Макаронов по-флотски навернули, теперь с новыми силами протесты писать будут, — зло подхватил второй.

Батищев обернулся. Китайцы шли и под взглядами солдат невольно втягивали головы в плечи. Только Ван шел спокойно и прямо. Лицо его все еще украшали кусочки пластыря.

— Хоть бы спасибо сказали...

— Да плевать я хотел на ихнее спасибо! — взорвался вдруг Шахбазьян. — Помогали им, кормили на свою голову! Санька Прякин из-за такой вот гниды погиб!

— Отставить разговоры! — одернул стоявший неподалеку лейтенант Матюхин.

Но уже будто искра проскочила в воздухе. Неуютно почувствовал себя под насупленными взглядами моряков Лю. Он вскинул голову, лицо перекосила гримаса ненависти. И вдруг поднял кулак над головой, закричал протяжным, высоким голосом. Раз за разом выкрикивал что-то молодой Лю,

выпучивая глаза, срывая голос. Остальные нестройно и нехотя подхватывали.

И тогда Батищев шагнул вперед, схватил Лю за воротник, с силой притянул к себе. Затрещала рубаха на плечах китайца.

— Как ты на море трясся, забыл?! Орал: «Спасите! Помогите!», забыл?! — цедил сквозь зубы Батищев.

Лю дергался, продолжая что-то выкрикивать во всю глотку.

— Что ж ты тогда свои лозунги не вспомнил?!

— Отставить, мичман! — Лейтенант Матюхин пытался оторвать Батищева от китайца, впелся в его плечо. — Немедленно прекратить! Ты что, чокнулся! Степан, кому говорю?!

— Падаль! — Батищев с силой оттолкнул от себя Лю. Тот едва устоял на ногах, однако продолжал что-то выкрикивать, размахивая руками. Остальные китайские рыбаки смотрели растерянно и оторопело. Лишь Ван был спокоен, едва заметная усмешка промелькнула на губах.

Матюхин повернулся к переводчице:

— Эти провокационные лозунги они у себя дома орать будут! А здесь территория Советского Союза. Я тоже орать умею. понятно? Так заору, что у некоторых ноги подогнутся, понятно? Переведите!

Стрельникова громко, отчетливо пересодила. Лю все время перебивал ее, показывая на порванную рубаху. И тогда к нему приблизился Ван, с презрительной миной на лице толкнул в плечо.

Китайцы торопливо двинулись дальше.

В кабинете капитана было накурено. Орехов, Матюхин, Краснов и Батищев, разгоряченные долгим спором, смолнили сигареты одну за другой.

— Сукины они дети! Зверюга, которую от смерти спасешь, и та тебя не укусит, а тут люди... — говорил мичман.

— Нельзя, нельзя так, Степан. Здесь армия, а не базар, и нечего здесь свой темперамент показывать!

— Ну не сдержался, товарищ капитан! Прощу извинить... — горячо оправдывался Батищев.

— А чего ты от них, собственно, ждал? — спросил молчавший до того Краснов.

— Как чего? — опешил мичман. — Должна быть у человека честь и совесть, и плевать человек на них не имеет права. Если он, конечно, человек.

— Эх, Степа, самое легкое дело правильно рассуждать... А сами-то мы всегда по чести да по совести живем?

— Я — всегда! — отрезал Батищев. — И ты мне брось тут свои интеллигентские штучки! Защищай он их!

— Прекратите! — капитан прихлопнул ладонью по столу. — Не хватало еще, чтоб мы из-за них грызлись! — Он убрал со стола лишние бумаги, закрыл сейф и добавил: — Спор этот, Степан, ты на досуге доспоришь. Могу тебе сказать только, что за нарушение дисциплины все равно отвечать придется... Ладно, всё! — Орехов взял трубку, набрал номер. — Стрельникова? Давай информацию...

...В домике радиосвязи лейтенант Стрельникова отложила наушники, начала читать четко, без выражения:

— Центр циклона отклоняется на северо-восток. В квадрате Эр-шестнадцать серия слабых подземных толчков. По китайцам инструкции прежние. Пограничный сторожевой двадцать восемь-двенадцать движется к заставе. ЦСКА выиграло у «Динамо» два — один!..

...Орехов удовлетворенно повторил:

— ПСКР, значит, вышел... А про «Динамо» — это Батищеву... Ладно! Если что срочное — мы будем у Гребенниковой. — Орехов положил трубку. — Не везет тебе, Степан. Мало, что от меня выговор получил, так еще «Динамо» продуло...

...В доме Гребенниковой разговаривали тихо — в соседней комнате спала Верочка.

Катя поставила перед капитаном стопку водки. Все за столом примолкли. Орехов проревел взглядом по лицам сидящих, вздох-

нул:

— Да-а... И войны нету, а солдаты гибнут. Что ж, будем помнить его долго... — Капитан медленно выпил, закурил.

Остальные выпили молча.

— Ты, Катерина, за тот наш разговор извини, — негромко попросил Орехов.

Катя не ответила, только спросила:

— Где мы его хоронить будем?

— С транспортом на материк уйдет. Чтоб мать попрощалась, чтоб все по-человечески.

Катя чуть заметно кивнула. Шахбазьян вдруг сказал грустно:

— Хороший был у меня товарищ... Веселый...

Катя прикусила губу, ушла в соседнюю комнату, а когда вернулась, в руках у нее была нераспечатанная почтовая посылка.

— Вот... Ему с последней связью пришла. От матери...

Катя подала посылку Шахбазьяну.

— Бери, Гарник. Он ведь тебе ее на спор проиграл.

Шахбазьян растерянно принял фанерный ящикек.

— Может, не надо?

— Это твое, — возразила Катя.

Гарник Шахбазьян несколько мгновений не поднимал головы, потом взял со стола нож, осторожно вскрыл крышку, высыпал на скатерть домашнее печенье, конфеты «Каракум», несколько пачек сигарет, бритвенные лезвия и сложенное вчетверо письмо. Повертел в руках письмо, положил на стол. Сказал:

— Пусть каждый возьмет, что хочет. На память...

В комнате, где поместили китайских рыбаков, стояла томительная тишина, нарушаемая лишь похрапыванием Ху Фэна. Ван и Лю, завернувшись в одеяла, сидели на своих койках и наблюдали за стариком. Голодный, измотанный, он тяжело дышал, стоя под маленьким окошком.

— Отойди от окна, ублюдок! — потребовал Лю.

— Э-эх, какой ты жестокий, Лю, — устало и горько сказал старик.

— А ты предатель.

— Нет... — старик отвернулся к окну. — Вы дадите спать, собачьи ваши головы! — зарычал проснувшийся Ху Фэн.

— Дома отоспишься, — пообещал Лю и поближе пересел к Вану. — Дома я всем расскажу, какой ты смелый, Ван.

Лицо Вана оставалось неподвижным. Лю искательно улыбнулся, тронул его за плечо:

— Только, знаешь, ты скажи, когда вернемся, что я тоже не трус. Ты и я...

Ван промолчал. Затем произнес с неохотой:

— Скажу. Если ты перестанешь над ним издеваться.

Лю растерялся, посмотрел в спину стоявшему у окна старику:

— Но ты же сам называл его предателем!

— Как я его называл, тебя не касается, — жестко ответил Ван.

— Но... ты же сам хотел этого, Ван? Разве я ошибся?

— Я хотел не этого, — тихо, но по-прежнему твердо возразил Ван. — Я хотел, чтобы он... не мешал нам.

— «Хотел»... — усмехнулся Лю. — А он будет нам мешать! Будет!

— Будет... пока жив...

Лю вздрогнул, отодвинулся от Вана. Несколько секунд он лихорадочно соображал, затем его глаза расширились:

— Значит, ты хочешь, чтобы он... чтобы мы...

Но Ван уже пожалел о сказанном:

— Ничего я не хочу! — зло оборвал он парня, откинулся на подушку и прикрыл глаза.

— Я понимаю, Ван... Я все понимаю... — не унимался Лю.

Ван резко поднялся на кровати, лоб у него заблестел от выступившей испарины.

— Не будь дураком, Лю! — зашептал он. — Не принимай все так серьезно... Мало ли что я говорю...

— Но я не против, Ван, — бледнея, сказал Лю.

И вдруг тихо завыл старик у окна:

— Плохо! Очень плохо!

— Что? — не понял Лю.

— Мне не нравится море... — бормотал со страхом старик. — И птицы!

— Что ты хочешь сказать? — забеспокоился хромой Сунь Пу.

— И земля сегодня утром дрожала...

— Подумаешь! — отмахнулся Фэн. — Тут все время трясет.

— Нет, нет, я чувствую! — пуше прежнего заволновался старик. — Птицы! Где ты видел, чтобы ночью птицы покидали скалы? Они носят над островом! Если море отступит, то это... — Старик не договорил, бросился к двери, стал колотить в нее кулаками. — Откройте! Скорей откройте!

А в открытом океане, в ходовой рубке ПСКРа стоял уже знакомый нам капитан-лейтенант.

— Шторм стихает, товарищ командир! — донесся голос вахтенного.

— Ну и порядок! — довольно отозвался капитан-лейтенант. — Скажи Тимохину, чтоб спустился в машинное... — Капитан неожиданно покачнулся и, чтоб не упасть, схватился за плечо рулевого матроса.

Казалось, судно падает в бездну, словно не было воды под его днищем. Потом, так же внезапно, какая-то сила стала поднимать его вверх. Стремительно, как на скоростном лифте. А внизу нарастал гул, будто мчался по степи насметный табуи лошадей. Вода вокруг стала упругой и гладкой, вспучилась холмом. Под судном шла гигантская волна. Она была так пологая и так несоразмерно велика, что не могла причинить вреда судну.

В дверях рубки застыл вахтенный матрос.

— Цунами... — выдохнул капитан-лейтенант, когда все уже было позади. — Срочно радируйте на острова! Через полчаса будет у них...

Вахтенный убежал.

— Может, мимо пройдет, а может, накроет... — добавил капитан, посмотрев на рулевого. — Тогда беда...

Стрельникова бежала от домика радиостанции вниз в поселок. Чтобы сократить расстояние, выскочила к воде и помчалась берегом бухты. Ночной океан казался почти спокойным, только далекий горизонт был затянут темно-фиолетовой дымкой.

...Старый китаец колотил в тяжелую дверь гауптвахты, и остальным рыбакам казалось, что он просто сошел с ума.

— Что случилось? — В окошко заглянул часовой.

Все заговорили разом, но даже Ван на ломаном русском языке не мог объяснить, что же, собственно, происходит.

— Ждите. Переводчицу вызову, — решил часовой.

Старик сполз на пол, обхватил голову руками:

— Они ничего не чувствуют! Ничего не понимают!..

...Стрельникова ворвалась в дом Кати Гребенниковой, где все еще находились офицеры. Задышавшись, крикнула:

— Товарищ капитан, радиограмма! Цунами!..

...Над поселком завис пронзительный вой сирены. Там и тут вспыхнули прожекторы.

Капитан Орехов быстро шел по центру поселка, на ходу отдавая приказания. За ним торопились лейтенант Матюхин, мичман Батишев, военврач Краснов...

— Не теряй связи с материком! — приказал капитан Стрельниковой, повернулся к Краснову: — Женщин и детей — на вершину сопки, быстро! — Потом Матюхину: — Приказано демонтировать аппаратуру. Берн бронемашину, «газик». И все, что успеешь — наверх! То же самое касается боеприпасов и продовольствия! Все, что успеете!

Острые лучи прожекторов выхватывали из темноты фигурки солдат, несущих как-то ящики, мотки проводов, контейнеры, мешки с продовольствием, пакеты, сейфы...

...Из окна гауптвахты за суматохой эвакуации наблюдали китайские рыбаки. К домику, стоявшему на отшибе, никто не приближался. Люди и машины просезжали мимо.

— Они забыли про нас! — стонал Сунь Пу. — Они нас бросили!

— Эй, вы, откройте! — молодой Лю с размаху ударил в дверь, заметался по комнате. Загремел засов, и дверь отворилась.

— Выходите! — В проеме двери стоял мичман Батишев.

Высылавшие на улицу китайцы нерешительно топтались на месте.

— На сопку уходите! — проходя мимо, приказал им лейтенант Матюхин.

— Быстрее, быстрее! — поглядывая на часы, поторопил и капитан Орехов.

Первыми наверх уходили женщины и дети.

— Ниша... Ниша!.. — пробиваясь сквозь толпу, кричала Катя Гребенникова. Она остановила Орехова, передала ей на руки дочку Верочку, попросила:

— Посмотри за ней! Я скоро!.. — И, поцеловав дочь, пропала в кутерьме спящих людей...

...В поселке задержалась только повариха Батишева. Дородная женщина, она тяжело шагала к подножью сопки, с трудом удерживая в руках чемодан с вещами и трехлетнего сына. Повариха время от времени останавливалась и, стараясь перекричать ветер и гул моторов, звала:

— Ленка! Ленка! Ленка!

Обезумевшая от страха корова Ленка, оборвав веревку, с мычанием носилась по кустам.

Взринула Ху Фэн несколько секунд тупо смотрел на повариху, затем подошел и потянул из рук чемодан. Повариха сначала испугалась, потом застеснялась своего испуга:

— Ох! Очень вам благодарная... — И подала ему чемодан.

...А вернувшаяся в поселок Катя отчаянно и безуспешно пыталась сорвать тяжелый замок с погреба медчасти. Сначала она рвала его руками, потом стала колотить по замку булыжником. Она очень торопилась, а замок не поддавался.

К погребу подбежал Краснов. Догадавшись, закричал:

— Ты с ума сошла! Не надо. — Он оторвал ее руки от замка. — Ну-ка, быстро на сопку!

— Я не оставлю его здесь, не оставлю! — продолжая сбивать замок, упрямо ответила Катя.

Доктор смахнул пот со лба и, примирившись, бросился в сени. Вынес короткий ломик и одним ударом сшиб замок.

— Гарник! Леша!.. — позвала Катя пробежавших мимо и тяжело нагруженных моряков.

В полутемном, холодном подвале они осторожно подняли завернутое в простыню безжизненное тело и переложили в стоявший в углу гроб...

Нагруженные кладью солдаты и китайские рыбаки торопились на сопку, догоняя женщин и детей — Нину Орехову с дочерьми, девочку Веру, Стрельникову. Дети едва госпсвали за взрослыми, напуганные происходящим, притихшие. Слышалось частое, напряженное дыхание, шарканье ног, голоса.

— Ничего, девочки, ничего! — говорила Нина Орехова. — Мы только на сопку прогуляемся и сразу обратно. Вроде турпохода получится...

Мимо проходивших с вещами людей полз в гору «газик», притормозил на склоне.

— Женщины и дети — в машину! — выкрикнул мокрый и перепачканный машинным маслом сержант.

Сгибаясь под тяжестью мешка с мукой, Лю тем не менее прибавил шаг. Он незаметно оторвался от своих и постарался нагнать старика, ушедшего вверх лемного раньше.

Вот впереди мелькнула сгорбленная фигура. Лю, согнувшись, сбросил мешок в кусты и, свернув на обочину, побежал наверх, продираясь сквозь придорожные заросли.

Старик устал, его шатало. Неожиданно он услышал свое имя откуда-то сбоку. Остановился. Оклик повторился. Звали тревожно... Старик свернул на зов, пошел в темноте по сле заметной тропе.

— Эй! — крикнул он. — Что случилось? Тропка вывернула к обрыву. Старик растерянно остановился.

— Эй! — Он теперь колебался, не услышался ли. Несмело заглянул вниз.

За его спиной, из кустов, бесшумно скользнула тень. Лю — это был он — в один прыжок оказался рядом и с размаха ударил старика камнем по затылку. Старик покачнулся и тут же получил второй тяжелый и хрусткий удар.

Старик повернулся к Лю на подгибающихся ногах, но глаза его, подернутые мутью, уже ничего не видели. Лю толкнул его в грудь, и тело, тяжело ударяясь о выступы, покатилося вниз с невысокого, но крутого обрыва.

Лю выскочил на дорогу ошалевший, взвинченный только что совершенным и тут же столкнулся с идущими вверх рыбаками. От волнения Лю не сразу заметил их. Он оторопело оглядывался по сторонам, а руки его, не зная покоя, поправляли свисавшую на глаза прядь жестких волос.

Ван сразу почуял неладное.

— Где старик? — спросил он и, не получив ответа, схватил за рукав куда-то ускользающего Лю. — Говори! — И он незаметно, но сильно ткнул его кулаком в бок. Лю поморщился.

— Он сбился с дороги... И упал... — пряча глаза, но не очень скрывая, что лжет, ответил Лю.

Свернув с дороги, рыбаки кубарем скатились в ложбину. Ван подошел к лежащему лицом вниз неподвижному телу старика. Хромой и Ху Фэн стояли в нескольких шагах. Лю подойти не решался.

Присев на корточки, Ван окинул взглядом порванную о камни телогрейку, проломленный, запекшийся кровью затылок и осторожно повернул тело. Мелькнул холодный оскал изуродованного лица.

Ван поднялся, постоял, опустив голову. Решительно шаркнул к Лю и плюнул ему в лицо.

В поселке, надрывно ревя моторами, разворачивалась в узкой улочке бронемашина. Рев ее сливался с криком птиц, тучей носившихся над островом.

Батишев вынес ящик с аппаратурой через распахнутые ворота склада. И вдруг замер, в сумятице звуков услышал один...

Мичман сбежал вниз, к причалу. Воды на прежнем месте уже не было. Отступив, она оголила прибрежное дно, свай, днища катера и мотобота.

— Море уходит! — что было сил закричал мичман. — Море уходит!

Голос его потонул в шуме и рокоте. А вода отползала все дальше и дальше, и это означало, что волна-цунами где-то совсем близко...

Батишев бежал по полупустынному поселку, кричал в микрофон:

— Слушай мою команду-у! Кончай работу-у! Всем на сопку-у!

Неистово и торопливо карабкались на обрыв китайцы. Ван с обрыва метнул последний взгляд на старика...

А чуть выше, с гробом товарища на плечах, бежали, тяжело шаркая ногами по каменной дороге, Краснов, Шахбазьян, Гусельников и Катя. От напряжения пот струился по лицам, вздувались жилы на шеях и лбах. Где-то вдалеке слышался слабый гул...

...Этот гул нарастал, и его уже не могла заглушить мчавшаяся вверх последняя бронемашина.

Возле самой вершины она обогнала тех, кто ушел из поселка последними. Люди карабкались по крутому склону, задыхаясь от усталости, цеплялись за колючий кустарник. Но не было в них жалкого отчаянья. Они боролись со слепой стихией, со смертью, боролись за жизнь.

Одним из последних на вершину подпался капитан Орехов. Он то и дело оглядывался, бормотал про себя:

— Кажется, успели... Порядок, успели...

На вершине, на тесной поляне в неярком свете автомобильных фар люди сбились в толпу. Лица их были обращены к востоку. Там в кромешной тьме нарастал чудовищной силы гул. Он рос медленно, гипнотически приковывая слух, заполняя все пространство от неба до моря. Люди инстинктивно сбились плотнее. Рыбаки, женщины, дети, солдаты. Они сжались на темной каменной земле, в живой беззащитной комок — Лю, Орехов, Верочка, Ван... Все они в эту минуту были равны перед черной стеной, со страшной скоростью несущейся из бездны.

И гул нарастал. Оцепенение в людях сменилось острым беспокойством. Дети, не все понимая, инстинктивно искали защиты, прятали головы под руки матерей. Гул нарастал, и вдруг кто-то из женщин закричал неузнаваемым утробным криком, и все они, не сговариваясь, стали поднимать детей к веткам деревьев, подсаживать, отчаянно стараясь хоть на несколько сантиметров поднять их над чертой, которую должна была провести смерть...

Гул стал нестерпимым. Резкий ветер взвивал на побережье фонтаны песка, рвал листья с деревьев, ломал ветви, вот вой его перерос в низкий, давящий на уши рев... И это уже был не гул, и даже не рев — это было нечто, не имеющее названия...

Оно обрушилось на остров страшным ударом, взрывом раскатилось по темному небу. Земля охнула, будто осела от неимоверной тяжести. Ветер захлестнул сопку тучей холодных брызг, они еще долго потом звенели в воздухе.

Что это было? Конец света? Потоп? Атомный взрыв? Люди лежали оглушенные, мозг отказывался управлять телом, тело отказывалось повиноваться...

Постепенно пришла тишина, но люди по-прежнему прижимались к земле. Не хвата-

ло сил, чтобы сбросить оцепенение.

Светало, когда вереница людей медленно поползла вниз по тропе. Они шли, беспомощно шаркая подошвами сапог и ботинок, словно силы их остались там, на вершине сопки. Казалось, мир потерял краски и звуки. Немая чайка широким кругом парила в небе... Молчали птицы, не шелестела листва, слышно было только монотонное шарканье ног по дороге.

Спустившись с сопки, они не узнали свой остров. Вышка, заборы, дома, склады и сараи, пристань, катер, мотобот — все это бесследно исчезло. Лишь выброшенный далеко на берег рыбий косяк лежал на земле, как огромный серебристый платок, да бетонный волнорез одиноко и косо упирался в сонное море.

Люди молча бродили по острову, растерянно переступая через глыбы вывернутого наружу фундамента.

Батишев с маленьким сыном на руках остановился на волнорезе...

Женщины расстелили покрывало на земле, разложили еду — надо было кормить детей...

Четверо китайских рыбаков на телогрейках, как в люльке, несли маленькое безжизненное тело старика. Они остановились чуть в стороне, положили его на землю.

Орехов увидел их издали, медленно пошел навстречу через камни и рывтины.

Присев рядом, он долго рассматривал проломленный, с запекшейся кровью затылок, лицо с неподвижным оскалом зубов, лохмотья телогрейки, слабо колыхавшиеся на ветру.

Потом он поднялся и глянул в глаза каждому из четверых. В тусклые — Ху Фэна и Сунь Пу, вдруг заблестевшие — Вана, ускользающие куда-то в сторону глаза Лю. Мелко подергивающееся лицо Лю все объяснило капитану. Орехов грустно покачал головой.

— Что же вы делаете? Куда же вы ка-

титесь? — сказал он устало и горько. И, не дожидаясь ответа, пошел прочь, к людям, которые ожидали его. Его больше не занимала судьба этих рыбаков — были дела и заботы поважней.

А в небе над островом уже зависла вереница вертолетов. Один за другим садились они на полигон, сгружая людей, палатки, щиты для сборных построек, трактор, ящики с продовольствием... Разгрузившись, взлетели, унося с собой детей и женщин.

Китайские рыбаки шли к вертолету, понуро опустив головы и унося на носилках тело убитого земляка. Никто с ними не прощался, никто не смотрел в их сторону.

На траве у края полигона стоял деревянный гроб. Рядом — товарищи Пряхина, Катя с девочкой. Шахбазян, склонившись над крышкой, прибывал к ней морскую бескозырку.

Прошли мимо китайцы, прошли так, будто смерть эта не имела к ним отношения. Их не провожали укоризненными взглядами — для друзей Пряхина они просто не существовали.

...Когда рыбаки расселись в салоне вертолета, туда же, в вертолет, моряки поставили гроб с телом Александра Пряхина.

Катя долго смотрела на него сквозь распахнутую дверцу... Уже взвыл двигатель, завертелся винт, поднимая ветер, глухо хлопнула дверь, а она все стояла...

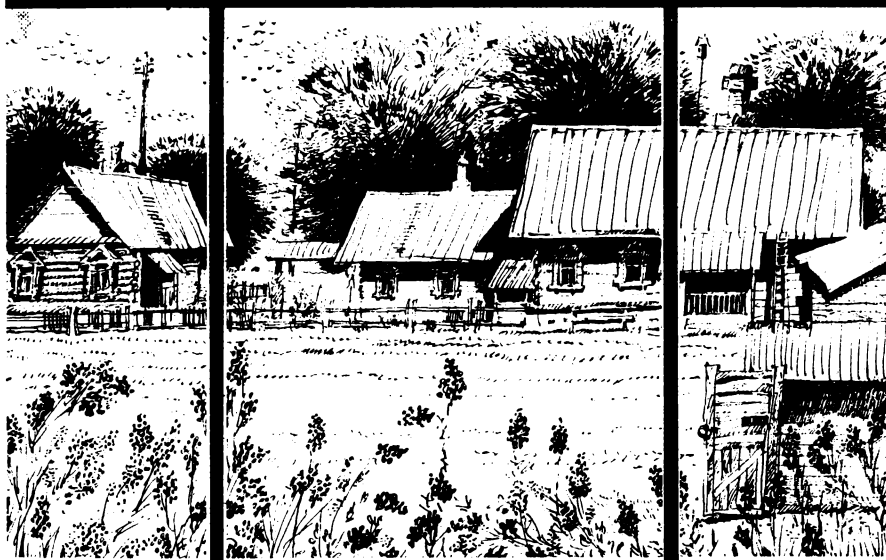
Вертолет оторвался от земли.

Рыбаки смотрели в иллюминаторы на ускользавший остров, на оставшихся внизу людей...

Когда остров стал совсем маленьким, рыбаки отвернули лица от стеклов — у ног их стоял простой солдатский гроб, рядом лежало укутанное брезентом тело их бывшего товарища. Не хотелось смотреть, не хотелось думать... Но куда было деваться от этого. Горечь стыла в их глазах. Горечь и стыд.

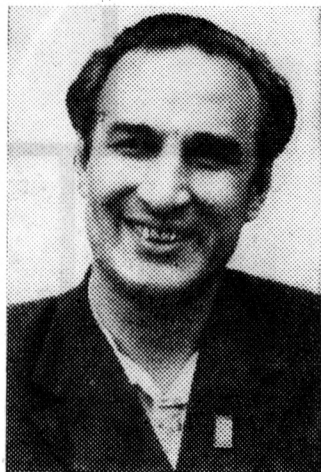
А лететь предстояло еще очень и очень долго.

ВАЛЕНТИН ЕЖОВ

ЦВЕТЫ ЛУГОВЫЕ

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ ЕЖОВ (родился в 1921 году) окончил сценарный факультет ВГИКа. Член Союза писателей СССР. Им и при его участии написаны литературные сценарии фильмов, поставленных на разных киностудиях страны: «Чемпион мира», «Ляна», «Человек с планеты Земля», «Баллада о солдате», «Золотой дом», «Своя голова на плечах», «Будь частлива, Ани», «Течет Волга», «Тридцать три», «Крылья», «Мужской разговор», «Дворянское гнездо», «Легенда», «Это сладкое слово — свобода», «Одиннадцать надежд», «Сибиряда». За сценарий фильма «Баллада о солдате» Валентин Ежов был удостоен Ленинской премии.

Раннее утро. Под первыми лучами солнца курится река. Над рекой город, тихий, еще не очнувшийся от сна. Это один из городов южной Украины.

На берегу — пристань. У берега — дебаркадер. То и дело позевывая, несколько пассажира ждут первого парохода.

В сторонке, под шитом с пожарными принадлежностями, лежа на изогнутой скамейке, спит Ксюша — рыжая девчонка шестнадцати лет. На ней голубые выцветшие джинсы, мужского покроя рубашка. Под головой у нее набитая апельсинами авоська. Пышная, толщиной в руку, коса свесилась со скамейки, упала на доски палубы.

От пристани к дебаркадеру подходит парень лет девятнадцати. Это Игорь Приходько. Он тоже в джинсовых брюках, куртке. На плече висит спортивная сумка. Ни на кого не глядя, он проходит по палубе и усаживается на скамейке в ногах у спящей девчонки. Хмуро уставившись в одну точку, он думает о чем-то своем.

Ксюша приоткрыла один глаз, другой... зевнув, поднялась, села. Потерла кулачками глаза, взглянула на реку, на солнце и... на парня.

Он сидел все так же, глядя в одну точку, напряженно сдвинув брови.

Ксюша отвернулась, перебросила косу на колени, снова посмотрела на соседа — красивый парень сидел, не обращая на нее никакого внимания. Этого, конечно, нельзя было вынести, и она спросила:

— Скажите, пожалуйста, который час?

Игорь не сразу поднял голову, посмотрел на нее как-то отстраненно, не очень ласково пробурчал:

— Чего тебе?

— Я спросила, который час?

— А-а... Пол-пятого.

— Спасибо,— Ксюша улыбнулась ему.

Игорь кивнул, не приняв улыбки. Снова задумчиво уставился в одну точку.

Ксюша посидела, затем поднялась, отошла в сторонку и, постояв немного, вдруг начала исполнять несложные упражнения из комплекса утренней гимнастики.

Игорь насмешливо покосился в ее сторону.

Ксюша выпрямилась, лукаво улыбнулась. И тут же, мастерски опрокинувшись назад, выполнила высокий «мостик». Из мостика вышла в красивую стойку на руках и из стойки мягко пошла колесом по палубе...

Сидевшая на кнехте старушка захлопала глазами, что-то прошептала и, перекрестившись, добавила вслух:

— Господи, прости мою душу грешную!

Закончив каскад упражнений, Ксюша пошла к скамейке.

— Ничего-о!.. — протянул Игорь. — Имешь разряд?

— Не,— улыбаясь, покрутила головой Ксюша.

— Зря!.. Стоит подзаниваться серьезно. У тебя неплохие данные.

Данные у Ксюши действительно были неплохие — гибкая ладная фигурка, огромные зеленые глазищи, смешные веснушки у переносицы, роскошная коса почти до колен.

— Поздно,— вздохнула Ксюша. — Поздно, в мои годы заниматься серьезно.

— Какие же ваши годы, мадам? — улыбнулся Игорь.

— Шестнадцать... Скоро семнадцать.

— О-о, совсем старуха... Развалина!

— А что? В шестнадцать нужно быть хотя бы чемпионкой Европы,— сказала Ксю-

ша и, схватив стоящее у скамейки крашеное ведро с веревкой, побежала к борту.

— Хотя бы,— усмехнулся Игорь.

Ксюша бросила ведро за борт и, зачерпнув воды, быстро подтянула его к себе.

— Слейте мне, пожалуйста! — попросила она Игорь.

Парень лил ей воду в ладони. Она умылась... Остатки воды Игорь плеснул ей на шею, под косу. Ксюша взвизгнула и, смеясь, побежала к скамейке. Коса ее распустилась, и тяжелые сверкающие волосы закутали ее всю. Достала из заднего кармана джинсов гребень и запустила его в свои рыжие волны.

— И что вытворяешь девка... что вытворяешь!.. Господи, прости мою душу грешную! — снова донеслось с кнехта.

Ксюша прыснула и вжала голову в плечи. Из-за волос виден был только один ее смеющийся глаз.

Игорь поставил ведро на место и, оглядев закутанную волосами Ксюшу, сказал:

— Святая Иисуса.

— Кто это?

— Картина есть.

— Где?

— Отсюда далеко. В Дрездене.

Ксюша секунду подумала.

— Дрезден — это в ФРГ?

— Садись — двойка! — сказал Игорь. — Ты в каком классе учишься?

— Остался последний, десятый.

— Десятый, а где Дрезден — не знаешь. Та-ак, значит, учишься ты плохо.

— А вот и нет! И совсем не плохо. Подумай — Дрезден! У меня две тройки всего и то потому, что как раз к экзаменам очень много работы навалилось.

— А ты что... — Игорь внимательно посмотрел на нее, — еще и работашь, что ли?

— Работаю.

— Где?

— У себя, в колхозе.

— В колхозе?.. Вои что. Значит, ты колхозная девчонка?

— Колхозная! — гордо ответила Ксюша. — «Рассвет» наш колхоз, слышали?

— Нет.

— Ну и стыдно!.. Очень даже стыдно.

— Это почему же стыдно?

— А потому что мы вас кормим... Овощами ваш город снабжам и фруктами... Стыдно не знать, кто тебя кормит.

— Тоже мне... кормилица! — усмехнулся Игорь.

— Да, кормилица, — тихо сказала Ксюша, опустив голову. Помолчала. — Ну, хорошо. — Она обеими руками откинула за спину волосы. — Вот что: зарядку мы сделали, водные процедуры совершили — теперь будем завтракать! — Ксюша достала из авоськи апельсин, быстро надрезала его ногтем и, раскрыв, как цветок, протянула на ладошке Игорю: — Угошайтесь!

— Спасибо. — Игорь взял апельсин. Ксюша достала себе второй. Игорь смотрел на нее, улыбаясь — ему все больше и больше нравилась эта девчонка. — Ты что, здесь на пристани почевала? — спросил он.

— Ага! Как вчера вечером в кино забралась, так и опоздала на последний пароход.

Игорь положил в рот дольку апельсина, спросил:

— Зовут тебя как, кормилица?

— Фамилия моя Жаворонкова, а имя мое Ксения, — очень выразительно произнесла она.

— Ишь ты... Ксения! — передразнил Игорь и засмеялся. — Оксана ты рыжая. Ксюха-конопуха — вот ты кто!

Ксюша несколько не обиделась и тоже рассмеялась.

— Правильно. Так меня раньше дразнили! А вас как зовут?

— Игорь меня зовут. Игорь Приходько. — Очень приятно, — прошептала Ксюша.

Они замолчали. Ели апельсины... Игорь опять было о чем-то задумался, и тогда Ксюша вдруг спросила:

— Игорь, я немножечко развеселила вас?

— Что? — не понял парень.

Ксюша дотронулась до его руки.

— Не переживайте. Вот увидите — у вас все-все будет хорошо!

Игорь нахмурился.

— А ты это почему решила, что я переживаю?

— По глазам... Я ведь нарочно все это устроила. Представление. Вы пришли — я глаза ваши увидела, и мне стало очень вас жалко... Вот я и решила развеселить вас. Вы ведь немножечко развеселились, правда?

Игорь с изумлением посмотрел на нее, покачал головой.

— Ну ты даешь, Ксения...

К дебаркадеру почти бесшумно подходил белый пароход.

Большая квартира в городском доме. Здесь живет семья Приходько.

Часы в гостиной методично отбивают восемь утра. За столом, накрытым к завтраку, — хозяйка, Алла Викторовна. Она выглядит очень молодо.

С восьмым ударом часов в гостиную входит ее муж, Василий Петрович Приходько. Он сухошав, чисто выбрит. Несмотря на внешнюю строгость, в темном от солнца лице его с выгоревшими бровями что-то осталось от бывшего деревенского парня. Сейчас Приходько директор судоремонтного завода.

Он молча проходит к столу. Молча приступает к завтраку, одновременно просматривая газету.

Так же молча его жена меняет тарелки, наливает ему кофе. Это — не молчание после ссоры. Это давно определившиеся взаимоотношения.

Первым заговаривает Василий Петрович.

— А что, для Егора будет второй завтрак? — спрашивает он, но, не получив ответа, хмурится и снова углубляется в газету.

Входит старушка. Она молча собирает тарелки.

— Мама!.. — обращается к ней Василий Петрович. — Пожалуйста, подними Егора... И пусть он немедленно идет к столу.

Старушка хочет что-то ответить, но в это время Алла Викторовна говорит:

— Евдокия Дмитриевна, не нужно будить Игоря. Пусть отдыхает. — И с подчерк-

нутой нежностью она обращается к мужу: — Мы, кажется, давно договорились, дружок, что ты не будешь вмешиваться в мои функции, так же как я не вмешиваюсь в твои.

— И чего спорить, и чего спорить... — качает головой старушка. — Кого будить, кого не будить, когда он и так чуть свет поднялся и ускакал!

— Кто ускакал? — спрашивает Алла Викторовна.

— Ягор.

— Евдокия Дмитриевна, — раздраженно заметила Алла Викторовна, — я вам тысячу раз говорила — моего сына зовут Игорь!

— Да теперича хучь горшком назови, все одно уже его и след простыл.

— Ничего не понимаю — какой след, кого простыл?..

— Ягора... Игоря, значить.

— Ничего не понимаю! — Алла Викторовна поднимается и быстро выходит из комнаты.

— Всю ночь, почитай, не спал... — обращается старушка к сыну. — А утречком собрал в котомку рубаху эту... водолазку, трусики и-и-и... закатился!.. А тебе вот что велел передать. — Она достает из-под фартука сложенную в несколько раз бумажку.

Взяв ее, Приходько быстро выходит из комнаты, идет в свой кабинет.

Здесь, в отличие от гостиной, все выдержано в очень строгом стиле. По стенам — длинные полки с книгами, большое зеленое поле письменного стола. В углу, на тумбочке, искусно сделанная модель старинного парусника. Развернув бумажку, он читает: «Отец! Ты должен меня понять! Прости, но я в гробу видел этот институт! Песталоцци и Ушинский из меня явно не получают. Экзамены сдавать не буду. Из дома смываюсь, ибо, сам понимаешь, какую мне жизнь устроит после этого мамочка!.. И вообще, хочу до армии побродить по земле самостоятельно. Чтоб я пропал, отец!.. Устроюсь — напишу! Успокой маму Обнимаю. И. П.»

Мы видим, как рука Аллы Викторовны выдергивает из рук Василия Петровича письмо. Он с усмешкой смотрит на жену. Кончив читать, та тихо произносит:

— Какой позор! — поднимает глаза на мужа. — Достукался? Доволен?

— А что? Честно сказать... я думал, что он уже не способен на такое.

Василий Петрович, повернувшись к окну, задумчиво смотрит на уходящую вдаль улицу.

— Ну что... что ты стоишь, как истукан? — слышит он полный тихой ярости голос жены.

Приходько, нахмурившись, поворачивается к ней:

— А что я, собственно, должен делать?

— Он еще спрашивает, что делать? Ты же отец! Беги, узнавай... звони в милицию, в розыск. Ты понимаешь, что произошло? Из дома сбежал ребенок!

Василий Петрович покачал головой, усмехнулся.

— Такие «ребенки» во время войны командовали ротами. — Взяв папку, он идет к двери. У порога на секунду останавливается. — Ты хоть раз в жизни почитай первую страницу газеты — узнаешь, что сейчас делается в стране и чем заняты парни его возраста.

— Пусть они занимаются чем угодно! — бросает ему вслед Алла Викторовна. — У страны много детей, а у меня сын один!

За Приходько закрывается дверь.

Алла Викторовна, постояв немного, подходит к телефону, набирает номер.

— Мне, пожалуйста, Лену! Леночка? Здравствуй, детка. Мне с тобой нужно очень серьезно поговорить... Хорошо, я жду тебя к десяти. — Она вешает трубку, так же, как муж, поворачивается к окну, тихо говорит: — Глупый мальчишка. Ты думаешь, так просто среди чужих людей... Интересно, что у тебя будет сегодня на завтрак?

— Жрать, умираю, хочу!.. А ты? — спрашивает Игорь у Ксюши.

— Немножечко, — смеется та.

Они устроились на носу парохода, на вертерке. Небольшой пароход медленно плывет против течения.

Игорь, глотая слюни, поглядывает на знакомую старушку, устроившуюся неподалеку и прочно взявшую их «на прицел». Старушка, кинув о перила вареное яичко, лупит его, бросая скорлупу за борт, где ее с криком подхватывают чайки... Ксюша покачивается со смеху, наблюдая за Игорем. А старушка, облупив яичко, достает из сумки краюху хлеба, бутылку с топленым молоком и полкруга сочной домашней колбасы. Чайки, увидев такой продукт, заорали еще громче, замесились над самой головой старушки.

— Кышь, побирушки проклятые! — погрозила она птицам и тут же покаянно перекрестилась. — Господи, прости мою душу грешную!

Игорь не отрывал хищного взгляда от улетающей колбасы старушки. Девушка перехватила его взгляд.

— А вы берите еще апельсин, Игорь. — Она пододвинула авоську. — Берите!

— Да ну! — отмахнулся парень. — И вообще я их терпеть не могу!

— Апельсины?! — удивилась Ксюша. — Интересно, какой же фрукт предпочитаете? — Колбасу!

Ксюша снова откликнулась звонким смехом на эту немудреную шутку. Игорь встал, начал рыться по всем карманам и наконец собрал несколько медных монет.

— Черт... Все деньги на билет потратил! У тебя ничего нет?

Ксюша тоже пошарила по карманам, достала несколько медяшек.

— Вот... все.

Игорь пересчитал деньги.

— Тридцать копеек. Живем! — Он решительно пошел к старушке. — Бабуся, продай колбаски на тридцать копеек.

Старушка подняла к нему личико, вся залучилась морщинками.

— Ишь, какой ловкай!.. Ить это не магазинная колбаска-то.

— Эх бабуся!.. — вздохнул Игорь. — Что б ты... — он помолчал, — жила долго-долго и счастливо. — Повернулся и пошел к трапу.

— Дай бог и тебе здоровья, родимый, а главное — поболе денег, — пожелала ему вследа старушка.

Игорь, заргемев ступенями, скрылся. Ксюша сидела на палубе, уткнув лицо в поднятые колени. Коса ее подрагивала на спине от смеха.

Снова заргемел трап, и наверх вылетел веселый Игорь. В одной руке он держал бу-мажный пакет с кефиром, в другой — две маленькие трехкопеечные булочки.

— Есть пища! — провозгласил он. — Только... как заявила буфетчица, стаканов нету. — Игорь зубами оторвал уголок пакета, протянул Ксюше. — Не брезгуешь?

— Нет. — Ксюша отпила и протянула пакет парню. Так, по очереди, они быстро опорожнили пакет, а булочку Игорь проглотил, как таблетку.

— Заморили червячка, — уныло сказал он и, положив под затылок свою сумку, растянулся на теплых досках палубы. Высоко в небесной сини невидимый самолет тянул за собой белый след. Игорь закрыл глаза. — Надо поспать, быстрее время пройдет.

Ксюша, обхватив ноги и положив подбородок на колени, смотрела на него. Коса ее, свернувшись, лежала рядом.

— Послушай... — сказал Игорь, не отрывая глаз. — Я тебя сейчас спрошу, а ты мне ответь... только откровенно, ладно?

— Ладно.

— Вот, если бы твой парень, которого ты любишь...

— У меня нет парня, — быстро сказала Ксюша.

— Хорошо, нет, так нет, дело не в этом, мне важно — теоретически. Так вот... если бы этот парень однажды сказал тебе: «Брось все, и уедем туда, куда я тебя позову...», что бы ты сделала?

— Я не могу... теоретически.

— Ну все же?... Ну?

— Не знаю... — помолчав, ответила Ксюша.

— Вот, вот! — Игорь покачал головой. — И ты бы не уехала, и никто бы не уехал... Все вы одинаковые! — Он умолк, отвернулся.

— Нет, не все мы одинаковые, — упрямо произнесла Ксюша. — А она красивая?

— Кто? — Игорь открыл глаза.

— Девушка, которой вы это предложили?

Игорь с большим интересом посмотрел на нее.

— Да-а, Ксения. Скажу тебе!.. Слишком уж ты догадливая.

Часы в гостиной Приходько мелодично отбивают десять утра.

Алла Викторовна, переодетая в светлый летний костюм, встречает быстро входящую в комнату очень красивую, стройную девушку. У нее чуть-чуть накрашены губки; яркая сумочка, маникюр, модная прическа.

— Добрый день, Алла Викторовна! — подбжевав к хозяйке, девушка приласкалась к ней.

— Здравствуй, Леночка, здравствуй, милая! — целует ее та, потом, отстранив немного и с восхищением оглядев, восклицает: — Прелесть какое платьице!

— Почти все сама шила! — говорит Леночка. — Только раскроить помогли. Последняя модель. Из «Кобеть».

— Умница, прелесть! — Алла Викторовна вздыхает. — А мой-то сыночек, знаешь, что натворил? Из дома сбегал! Как-во, а?

— Вот как!.. — Леночка удивилась, но не очень. — Я не думала, что он на это решится.

— Вы вчера вечером вместе были?

— Вместе, — опускает Леночка глаза.

— Случилось что-нибудь серьезное?

— В общем-то... может быть... — пожимает плечом Леночка.

— Ну что... что? Рассказывай скорее!

— Потребовал немедленно выходить за него замуж.

— Немедленно! — усмехнулась Алла Викторовна. — И что же ты ответила?

— Я ответила, как вы меня учили. Сказала, что нам рано связывать себя семейными путями... Что сначала нужно утвердиться...

— Ну, а он?

— Сказал, что все это мешанство, и предложил мне уехать с ним куда глаза глядят.

— Куда же все-таки?

— Я не знаю... В общем — трудиться. Какие-нибудь рельсы укладывать, деревья пилить...

— И бросить институт!

— Да. Он сказал, что я учусь в институте, а сама не люблю институт, значит, я обманываю и себя, и государство! Я сказала, что я не одна такая, кому наш институт до фонаря...

— Леночка! — поморщилась Алла Викторовна. — Кель выражались!

— Простите, Алла Викторовна! Ну, в общем, я сказала, что надо же получать диплом, что человек без диплома ничего не стоит. Тогда он психанул: «А вот я вам докажу, чего стоит!..» и ушел. — Леночка часто-часто заморгала. — Я, конечно, не думала, что это серьезно.

Алла Викторовна вздохнула.

— Вам — это, разумеется, мне и тебе.

Леночка подняла на нее глаза.

— А, может быть, я зря... Аллочка Викторовна?

— Что?

— Не согласилась.

— Ну да, вы поженитесь, а я в свои тридцать девять лет превращусь в бабушку и буду нянчить ваших детей! — зло сказала Алла Викторовна.

— Так, ведь... не обязательно... — улыбнулась Леночка.

— Что?

— Сразу детей...

Алла Викторовна подошла к ней и ласково погладила по голове.

— Я знаю, ты умница... Не будем волноваться. Я тоже начинаю успокаиваться. Если все было, как ты говоришь, — он очень скоро вернется. Разве он может долго вы-

держат без тебя!.. Ты ведь и сама не понимаешь, какая ты прелесть!..

По Леночкиной улыбке видно, что она прекрасно понимает, какая она прелесть.

— Нет, у нас с ней конечно! — решительно говорит Игорь, глядя в небо. Белый след реактивного самолета почти весь размылся, растаял в синеве... Пароход гудит, медленно огибая песчаную отмель.

— Ну, вот я и дома, — сказала Ксюша и поднялась. — Это моя пристань — Лужки... — Игорь поднялся тоже. — А ваша — следующая. Во-он, глядите — краны торчат. Это и есть Раздолье.

Игорь посмотрел вдаль: за излучиной реки, на горизонте, виднелись стрелы высоких башенных кранов.

...Пароход подходил к пристани. Игорь и Ксюша стояли на нижней палубе у выхода.

Матрос бросил чалку, пароход дернулся, словно осаженный конь, и притерся к причалу.

Ксюша, потеряв равновесие, схватилась за Игоря, ткнулась в его щеку лбом. Игорь, поддерживая, обнял ее и на секунду зарылся лицом в ее пышные волосы. Ксюша засмеялась, отпрянула, а Игорь сказал:

— Ты пахнешь солнцем, как птица.

Ксюша на секунду смутилась. Протянула руку.

— До свидания, Игорь.

— Ну что ж... Прощай, Ксения Жаворонкова!.. Спасибо за цитрусовые, — он кивнул на авоську, — а то бы я с голоду помер!

Игорь потянул ее за руку к себе, чтобы поцеловать на прощание, но она уперлась в его грудь ладошкой и, смеясь, отстранилась, протянула:

— У-у-у!..

— Ты что?.. Я же по-дружески, чудачка!

— У-у-у!.. — снова выразительно пропела Ксюша и, вырвав руку, сбежала на причал. Тут же остановилась, повернулась к нему: — Приезжайте к нам в гости, когда устроитесь! У нас весело. Почти каждый день танцы... — Она помолчала и добавила

значительно: — Под электрические гитары!

— Бит-группа колхоза «Рассвет»! — засмеялся Игорь.

— А что? У нас руководитель из музыкального училища. До свидания!

Ксюша взбежала на невысокий берег. Еще раз посмотрела на Игоря, подняла руку. Игорь поднял свою.

Ксюша, улыбнувшись, повернулась и пошла, скрылась за кромкой берега.

Матрос убрал трап. Пароход, коротко гуднув, вздрогнул и начал отчаливать.

Игорь еще раз посмотрел на берег и вдруг, закинув на плечо сумку, оперся рукой о перила и, перемахнув метровую щель, опустил на причал.

В последний раз услышав за своей спиной: «Господи, прости мою душу грешную!», — он засмеялся и побежал на берег.

...Ксюша уходила по тропинке, проложенной среди высокой луговой травы. Ветер гнал по лугу зеленые волны.

Игорь поднял руку, хотел ее окликнуть, но передумал. Он догнал ее, тихо подкрался и закрыл ей ладонями глаза.

— Ой!.. — воскликнула Ксюша и, помолчав, спросила: — Петро?

Игорь рассмеялся.

— Все поня-ятно, товарищ Жаворонкова!

— Игорь?! — удивилась Ксюша. — Вы сошли?

— Сошел... с ума! — снова рассмеялся Игорь. — Да-а, товарищ Жаворонкова... «У меня нет парня!» — передразнил он.

Ксюша адела до самых ушей.

— Причем здесь... Это же... Просто у нас в ученической бригаде... парни... много парней...

— Понятно, — улынулся Игорь.

— Ну что понятно?.. Что понятно?! — Ксюша даже отвернулась, сердясь на себя за то, что так смутилась. Она даже уронила авоську, и апельсины выкатились в траву.

— Цитрусовые здесь не при чем, — продолжал балагурить Игорь, выбирая оранжевые плоды из зеленой травы. — Ну, лад-

но, ладно... — протянул он авоську девушке. — Ты понимаешь, Ксюша, я ведь почему сошел. Я подумал, может, побуду у вас немного. Осмотрюсь. Заработаю денег... А уже потом — на стройку. А?

— Конечно!.. Поживете у нас. И деньги вам здесь никакие не нужны.

— Нет. Так я не согласен. Я должен их заработать.

— И так можно. Сейчас пойдем к Ивану Федоровичу и все решим.

— К какому Ивану Федоровичу?

— К председателю нашему — Ивану Федоровичу Мажуге.

— Мажуго? — спросил Игорь. — Мне знакома эта фамилия.

— Еще бы!.. О нем в газетах пишут. Он раньше у вас в городе работал.

...Они шли, почти по пояс утоная в цветастом разнотравье. Невидимые в солнечном небе, над ними неумолимо журчали жаворонки. Игорь задрал голову, стараясь разглядеть хоть одну пташу.

— Мои братики поют, — сказала Ксюша

Игорь посмотрел на нее, одобрительно улынулся.

— Ничего-о!.. Это ты ничего сказала, Ксения Жаворонкова. — Он окинул взглядом цветущее пространство. — Красотища у вас здесь!..

— Наши луга заливные... Скоро косить будем.

Игорь сделал шаг в сторону и вдруг бросился в высокую траву. Перевернулся на спину, раскинул руки. Ксюша засмеялась. Игорь собрал в горсть траву с цветами, пригнул к лицу, с наслаждением вдохнул запах, сказал:

— Здорово пахнут цветики полевые!..

— А вот и вам — двойка! — Ксюша обрadowанно засмеялась.

— Это почему? — удивился Игорь.

— А потому что это не поле, а луг!.. И цветы — не полевые, а луговые!.. А полевые — васильки! И они почти не пахнут. Вот.

Игорь поднялся, чуть присел и, высоко подпрыгнув, четко исполнил заднее сальто.

— Ой, как здорово! — захлопала в ладони Ксюша.

— Это чтобы ты не очень зазнавалась, «чемпионка Европы», Ксюша-конопуха! — сказал Игорь и обнял ее за плечо, прижал к себе.

Вдали послышался нарастающий треск мотоцикла. Ксюша выскользнула из-под руки Игоря, сказала:

— Это меня едут встречать.

— Петро? — подмигнул Игорь.

На этот раз Ксюша не покраснела, а отвела даже с некоторым задором.

— И Петро. И другие парни.

— Здоровые парни-то? — озабоченно спросил Игорь. — Накидают мне еще за тебя!

Ксюша засмеялась.

— Не бойтесь. Они хорошие парни.

— Я тоже не плохой парень, а за такую, как ты, кому угодно подкинул бы.

Ксюша засмеялась еще звонче, а по тропинке, оглушительно ревя, к ним летели на предельной скорости три мотоцикла. На первом водитель был один, а на двух других за спинами парней сидели девушки.

Резко затормозив, парни остановились перед Ксюшей и Игорем. Все они были в хорошо потертых джинсовых брюках. Волосы у парней опускались на плечи. Ближе всех к Игорю остановился здоровенный детина. Мотоцикл под ним казался игрушечным.

Парни, заглушив моторы, молча смотрели на Игоря. Первой нарушила молчание Ксюша.

— Здравствуйте, — сказала она.

— Здравствуй, Ксюша, — ответили девушки.

— Привет, — ответили парни, продолжая смотреть на Игоря.

Ксюша улыбнулась и начала объяснять:

— Это... товарищ к нам из города. Его зовут Игорь Приходько... — Игорь слегка поклонился. Ксюша стала по очереди представлять своих друзей: — Это Галя-маленькая... это Галя-большая! Это Сашко-черный, это Сашко-белый! А это...

— Петро, — представился могучий детина сам, протянул Игорю руку. Игорь подал свою. Парень стиснул ладонь Игоря. По лицу последнего стало видно, что он еле выдерживает это пожатие.

— Оч-чень п-приятно, — с трудом выговорил Игорь.

Петро повернулся к своим, подмигнул:

— А ничего-о... Держит ладошку малый. — Он снова поглядел на Игоря, еще чуть нажал, и Игорь, не выдержав, тихо крикнул. Петро опустил его руку, усмехнулся.

Игорь, топыря слипшиеся пальцы, покосился на Ксюшу. Та стояла, опустив глаза, сдерживая улыбку.

— Поехали, Ксюша, — сказал Петро, кивая на заднее сиденье своего мотоцикла.

— Нет. Мне... товарища к председателю проводить надо.

Петро кивнул.

— Ну что ж... До встречи, товарищ! — И он вдруг улыбнулся. И все тоже заулыбался.

Игорь, оглядев их, дружесливо сказал:

— Такие волосы уже не модны сейчас. — Он провел по плечу ребром ладони.

— Ничего, — спокойно ответил Петро. — Мы же люди деревенские — отстаем малость от моды. — Парни, довольные ответом, рассмеялись, а Петро спросил: — Ты случайно не от общества по распространению?

— Нет, — ответил Игорь. — Я не от общества. Я от себя.

Оглушительно взревев моторами, мотоциклы понеслись к селу.

Игорь, проводив их взглядом, сказал:

— Клёвые хипари в твоём колхозе. Может, это и есть ваша бит-группа?

— Нет, у тех волосы еще длиннее, — ответила Ксюша. Игорь рассмеялся. — А эти все из нашей ученической бригады. Только они уже десятый кончили. Скоро выпускной вечер.

Они поднялись из небольшой ложбинки, и вдали, в зелени садов, показалось село. Там и тут протянулись хозяйственные строе-

ния, сверкали стеклами длинющие теплицы, а над дождевальными установками в водяной пыли стояли радуги.

Председателю Ивану Федоровичу Мажуге на вид лет сорок, так же как и отцу Игоря. И вообще они чем-то похожи друг на друга. Он стоит у стола, в своем кабинете, в правлении. В руках у него паспорт Игоря.

— Та-ак... Значит, Игорь Васильевич Приходько... Постой! — председатель даже просиял весь. — Василь Петрович Приходько, директор судоремонтного, твой отец?

— Нет. Просто случайное совпадение, — не моргнув глазом, ответил Игорь.

Иван Федорович остро взглянул на него.

— Что ж... бывает... бывает... А с этим Приходько, Васей, когда-то мы крепко коreshовали, на одной подводной лодке служили... — Он улыбнулся, вспоминая свое. — Ну ладно. Куда же мне тебя определять?. Я думаю, лучше всего будет в ученическую производственную бригаду, к старшкклассникам.

— Я бы не хотел туда.

— Почему?

— Умею водить машину. Есть права.

— У отца, что ли, машина?

— Мы еще в школе автодело изучали.

— Что ж, это хорошо — шофера мне нужны.

— Только вы не думайте, что я чего-нибудь полегче ищущу, — нахмурился Игорь. — Мне все равно, какая работа, хоть навоз возить!

— Вот это речь не мальчика, но мужа! — одобрил Иван Федорович. — Удовлетворяю твою просьбу. Лады! Пойдешь возить навоз. Правда, сейчас не сезон, но у меня там один участок бедноват, подкормить надо.

— Я, собственно... — начал было Игорь, но председатель перебил.

— Вижу, ты действительно настоящий парень — никакой работы не боишься. — Он обошел стол, уселся, достал бумагу,

ручку. — Денег у тебя, небось, нет?

— Нет... — тихо ответил Игорь.

— Сейчас выпишу тебе аванс... рублей пятнадцать, — он улыбнулся, — в кино ходить... Продукты... — перегнувшись через стол, посмотрел на ноги Игоря. — Все ясно: этих «корочек» тебе и на три дня не хватит. Получишь серьезную мужскую обувь — кирзачи! Помнишь, у Твардовского: «...И почти что новые, с точки зрения старшины, сапоги кирзовые».

Председатель написал несколько строчек на бумаге, протянул ее Игорю:

— Иди к Ксюше, она тебе поможет все получить. Потом ответит тебя к деду Егору, поступишь в полное его распоряжение... И жить будешь у него, как раз по соседству с невестой.

— Быстро сосватали.

— А ты недоволен? Лучшая девушка в нашем селе.

— Мисс Село, значит, — улыбнулся Игорь.

— Что? — не сразу понял Иван Федорович. — А-а... Нет уж, я думаю, мисс Район и даже мисс Область! А для тех, кто понимает, может, и мисс Украина! Ступай, ступай к ней быстрее... Постой! — вдруг остановил он Игоря. — Ты на работу в первый раз устраиваешься?

— Вообще-то да...

— Тогда я должен сказать тебе какие-нибудь высокие слова. — Иван Федорович поднялся, обошел стол, протянул Игорю руку. — В общем, поздравляю тебя с началом трудовой деятельности!

— Спасибо, Иван Федорович!

— Первая работа, как первая любовь, — какая бы она ни была, на всю жизнь запомнится!. И знай: если бы человек не освоил крестьянскую работу, цивилизация не наступила бы... и значит, мы с тобой сейчас сидели бы в пещере и кости грызли, если бы повезло, конечно. А нет — лапу бы сосали. Вот так.

Игорь, улыбаясь, пошел к выходу.

Когда за ним закрылась дверь, Иван Федорович постоял немного, потом быстро

подошел к столу, присел на край его, при-
двинул телефон. Набрал номер...

— Здравствуйте, говорит депутат об-
ластного Совета Иван Мажуго!

— Ваня?!.. — раздался в трубке голос
Приходько. — Привет, дорогой!.. Ты что
же так долго не звонил?

— Да все, понимаешь, такая круговерть!..
А ты что не звонил?

— Да все, понимаешь, такая круго-
верть!.. — в тон ему ответил Приходько.

Оба засмеялись.

— Да, Василь... — вздохнув, говорит
Иван Федорович. — Были мы с тобой ког-
да-то флотскими друзьями, потом — до-
машними, а теперь, выходит, стали теле-
фонными!..

— Не говори, — вздохнул Приходько. —
Ну, как там ваши? Наталка-то твоя, на-
верно, совсем взрослая стала?

— Хватился! Еще осенью замуж выскочи-
ла. За летчика. Ну, вот и улетела из дома,
раз он летчик... Да-а, твоего-то Игорька я
ведь тоже почти лет десять не видел.

— И, быть может, не скоро увидишь!

— Это почему?

— Удрал из дома, стервец. Бросил инсти-
тут и убег. Теперь жду, где объявится.

— А что Аллочка?

— У-у-у!.. Лучше домой не приходить
Считает, что я во всем виноват.

— Ну что ж... Скажи ей... — Мажуго
улыбнулся. — Скажи ей, что теперь ее сы-
ночка буду воспитывать на свой лад. Вот
так.

— Не понял, Иван, — растерялся При-
ходько.

— Сейчас поймешь. Пять минут назад
ко мне один романтик приходил, на работу
устраиваться. А зовут этого романтика
Приходько Игорь Васильевич!

— Брось, Иван!!! Неужели правда?! Ну
не может этого быть!

— Да-а, а на вопрос: «Не твой ли он
сын?» этот Приходько ответил категориче-
ски: «Нет. Просто случайное совпадение»!

— Ух, подлец!!!

— И глазом не моргнул. А мне ведь и

паспорта его совсем не надо. Смотрю я на
него и стоишь передо мной ты, Васька, в
девятнадцать лет, кореш из подплава.

— Подожди, Иван!.. Черт... И что же он
у тебя будет делать?

— А навоз возить.

— Как навоз?! Простой навоз?

— Да нет, не совсем простой, коровы-то
у меня все-таки породистые! — Мажуго за-
смеялся. — Не волнуйся — найдем ему
работу поинтересней. Это он мне характер
свой показал, ну я и пошел навстречу.

— Ну, Иван!.. Вот не ожидал!.. Да как
же он у тебя очутился?

— В том-то и дело — ка-ак!.. Тут, брат,
по-видимому, ситуация. Его гакая перепе-
лочка ко мне привела!..

Ксюша заливается смехом, глядя на
слегка ошалевшего Игоря. Он — на
«птичьей ферме». Вокруг стоят высокие
просторные клетки — вольеры. В них —
незнакомые Игорю птицы, штук по трид-
цать в каждой клетке. Суеются, прыгают,
порхают... Птичий ор стоит страшный...
В сторонке две Гали скребут, чистят пу-
стые клетки.

— ...Родина их — Япония, — рассказы-
вет про птиц Игорю Ксюша, — поэтому
окна нельзя открывать, если на улице
температура ниже двадцати градусов. Сра-
зу умрут.

— Деликатные птахи, — улыбнулся
Игорь. — А что, наших нельзя что ли раз-
водить?

— Эти птицы очень нужны для меди-
цины.

— Для опытов?

— Нет, не угадали, — засмеялась Ксю-
ша. — Еще одна двойка... Из их эмбрионов
приготавливают очень ценную вакцину.

Открылась дверь, и появилась дородная,
румяная деваха лет двадцати шести. На ее
голове была немислимой величины приче-
ска, прикрытая марлевой косынкой. Она
подошла к Игорю и певуче протянула:

— Здравствуйте-э-э-э!

— Это наша Тося!.. — Ксюша повернулась к Игорю. — Знакомьтесь, Игорь. Тося — царица нашей птичьей кухни.

Тося протянула ручку, игриво произнесла:

— Вы, если на фото снимать, скажите заранее — я тогда прическу поправлю!

— Я не на фото... я так, в гости зашел, — сказал Игорь.

— В гости! Очень приятно! Нашим перепелочкам свежие ухажеры всегда нужны! — повела она взглядом в сторону Ксюши.

Ксюша рассмеялась. Птицы, словно вторая ей, запели еще громче.

— И чего они так орут, эти японки? — спросил Игорь.

— Японцы, — поправила Ксюша. — Перепелки никогда не поют, поют только перепела.

— Почему?

— Мужчины!.. — с неподражаемой интонацией сказала Тося. — Поели, вот и поют. Мужчины, если его как следует накормить, всегда поет!

Ксюша всплеснула руками.

— Игорь! Вы не умираете с голоду? Я перехотела и совсем забыла... Тося! — повернулась она к поварихе.

— Яишню ему на двадцать яиц, — определила Тося, окидывая взглядом Игоря.

— Куда же столько! — сглотнув слюну, сказал Игорь.

— Они же — вот такусенькие, — показала на пальцах Тося. — Вон наш Петро полсотни может умять.

— Игорь, вы идите к Петро в инкубаторскую, а я помогу Тосе... Мы скоро вас позовем, — заторопилась Ксюша.

На большущей ладони шевелятся маленькие пушистые комочки. Петро держит перепелят. Игорь в помещении для только что вылупившихся птенцов. Сотни крошечных существ начинают здесь свою жизнь. Среди этих крох особенно забавно выглядят здоровенный Петро.

К ним вбежала девочка лет тринадцати,

высокая, тоненькая, с рыжими косичками, очень похожая на Ксюшу.

— Петро!.. Там еще сто штук вылупились И все живые, все живые!.. Здравстуйте, — сказала она Игорю, заинтересованно посмотрела на него и убежала.

— Танюшка, — сказал Петро. — Между прочим, сестра Ксюши.

Они прошли в следующее помещение. Здесь стоял огромный инкубатор. Слышалось напряженное гудение тока. Вспыхивали контрольные лампочки. Пощелкивали реле.

Петро повернул рукоятки. Игорь увидел ряды лотков с маленькими яичками перепелок.

— Требуется поддерживать точно заданную температуру, влажность... — привычно пояснил Петро, — поэтому весь процесс полностью автоматизирован.

— Сами монтировали?

— Да, пришлось попотеть.

Снова вбежала Танюшка.

— Вас обедать зовут! — сказала она Игорю. — И тебя, Петро, тоже.

Стрельнув глазами в Игоря, она убежала.

— Слушай, — спросил Игорь, — тебе действительно правится здесь работать?

Петро усмехнулся.

— Тут по селу, сплетни — не сплетни, в общем, разговоры разговаривают, будто я здесь работать стал потому, что... ну, в общем, из-за Ксюши Жаворонковой... — Игорь хотел что-то сказать, но Петро повысил голос. — Так вот, учти: это — правда!

— Все ясно.

— И еще... — хмуро продолжал Петро. — Если какая-нибудь... — он помолчал секунду и тихо закончил: — В общем, если кто-нибудь ее хоть малость обидит, будет иметь дело со мной.

— И это ясно, — Игорь сдвинул брови.

— Ты только не обижайся, — мягко сказал Петро, — просто я тебе как новому человеку разъяснил, что к чему.

Игорь улыбнулся.

— Ну, а вдруг я в нее влюблюсь?..

Предположим.

Петро вздохнул и с тоской ответил:

— Я же сказал — не «кто влюбится», а «кто обидит».

Во дворе, рядом с «птичьим домом», в тени огромной груши, врыт огромный стол.

За него усаживаются парни и девушки. На столе горой большие красные помидоры, свежие огурцы, зеленый лук. Около Тоси, стоящей с половником в руке, дымится бачок с красным украинским борщом. А к Игорю на огромной сковородке подвигают персональную яичницу. Игорь разводит руками. Все смеются.

— Игорь, — говорит Ксюша. — Мы ваши продукты отдадим Тосе, и вы будете питаться с нами. Ты согласна, Тося?

— Ха! — фыркнула Тося. — Мне одним перепелом больше, одним — меньше... Я вон их тыщи кормлю!.. — Послышался треск мотоциклов. — А вот и еще два птенчика летят!

Во двор въезжают два Сашка. Сашко-черный, посмотрев на стол, говорит Сашко-белому:

— Глянь!.. Присхал человек из города — и сразу ему перепелиную яичню, а нам с тобой разве обломится?

— Обойдетесь и куриной, — отвечает Тося.

Первые волны рассвета поднимаются над землей. По росной, мало наезженной дороге идут Игорь и неторопливый старик, Егор Алексеевич, или дед Егор. Через плечо у него перекинута пара уздечек. Игорь обут в новые сапоги. Видно, что он невыносимо хочет спать: идет, пошатываясь, спотыкаясь на ровном месте. Руки у него засунуты в карманы.

— Значит, сейчас я тебя буду вводить в курс дела! — говорит дед Егор. — Председатель так и сказал: «Вводи его, Егор Лексеич, в курс дела!.. Перво-наперво мы сейчас — что? Сейчас мы приведем лоша-

док. Они, значит, покушали ночью, отдохнули... Мы их, конечно, запрежем, а потом мы будем на них возить — что? Навоз мы будем возить Я сызмальства в крестьянском деле и скажу тебе так. В нашем деле, самое первое дело — что?.. Навоз!.. Без него ни хрена не вырастет — ни хлебушка, ни огуречка... Значит, все зависит от кого?.. От нас с тобой все зависит! Эй, да ты никак спишь на ходу? Ловко!

Игорь встряхивает головой, говорит:

— Не привык я так рано вставать.

— Господи! Да ты глянь, благодать-то какая кругом. Самое разлюбезное дело с птицами подниматься. И работать по холодку любо-дорого!

Игорь трет кулаками глаза.

...Они переходят луговину, вброд ручей, впадающий в речку, и выходят на полуостров, заросший кустарником и высокой травой. Здесь пасутся лошади.

Егор Алексеевич снимает путы с двух коней, накидывает на них уздечки.

— Ну-кошь, давай на самую смирную! — предлагает он.

— Я не умею верхом.

— Ниче-его... — Он подставляет сцепленные руки для опоры. — Давай-кошь ногу, да не правую, а левую... Вот так... А теперича эту закидывай, как на велосипед...

Игорь, опершись на руки Егора Алексеевича, взбирается на лошадь. Сидит на ней очень неуверенно.

— Держи уздечку, да не давай ей морду опускаться!

Егор Алексеевич, подойдя к своей лошади, подпрыгивает, наваливается на нее животом и быстро усаживается.

— Объясню упряжнение, — говорит он Игорю. — Но! — значит посхали... Тр-р! — значит, стоп... Потянешь за левый повод — пойдет налево. Потянешь за правый — пойдет направо... Вот и вся управления!.. Трогай!..

Игорь тронул и тут же завалился назад. Лошадь затрусил мелкой рысцой. Игорь сразу завалился налево. Кое-как выпрямился и тут же начал заваливаться на-

право. Растерявшись, он схватился обеими руками за гриву.

— Не цепляйся! Отпусти руки! Тр-р-р!.. — кричит Егор Алексеевич, но поздно. Игорь неудержимо съезжает на одну сторону и, опрокинувшись, благополучно падает на землю. Умная лошадь тотчас же останавливается.

— Не ушибся? — спрашивает, улыбаясь, Егор Алексеевич и слезает с лошади.

— Нет... Я лучше пешком!

— Да-а, — вздыхает Егор Алексеевич. — Скоро никто верхом не будет уметь ездить... Отмирающая техника! Ну-что ж, бери ее под уздцы... вот так. Пошли.

...Они выходят на высокий пригорок, ведя на поводу лошадей. Вокруг во всей своей красе загорается летнее утро... На востоке, над полями, то и дело меняются яркие краски. Вот-вот взойдет солнце. Игорь останавливается и, как зачарованный, смотрит на горящий горизонт.

— Ведро будут! — говорит Егор Алексеевич.

— А я ведь почти никогда и не видел, как солнце всходит.

— Господи!.. — удивляется Егор Алексеевич. — Да как же ты так жил, сердешный, даже солнышка не видал?! Оно, конечно, в городе его дома загораживают.

Горящий край солнечного диска выплывает из-за горизонта.

По улице села, рядом с лошадьми, везущими в продолговатых телегах-ящиках навоз, идут Игорь и Егор Алексеевич.

На повороте Игорь слишком резко потянул возжу, лошадь дернулась, и глыба навоза свалилась на землю.

Игорь не обратил на это внимания.

Егор Алексеевич, забрав у него вожжи, остановил лошадь, строго сказал:

— Подыми! — И показал на глыбу навоза. — Я тебе все утро объяснял, а ты ни хрена не понял.

Игорь побежал поднимать глыбу. Выпрямившись, он услышал:

— Здравствуйте, Игорь! — Перед ним стояла Ксюша, свежеемытая, сверкающая улыбкой, румяная, как это утро. — Приступили уже?

Игорь, держа в руках огромную глыбу навоза, улыбнулся:

— Приступили...

— На обед не опаздывайте, — сказала Ксюша и побежала дальше.

Игорь, кинув на телегу глыбу, посмотрел ей вслед.

— Славная у тебя невеста. Старательная, — сказал Егор Алексеевич.

— И вы туда же, Егор Алексеевич! Ну какая же она невеста — только девятый класс закончила!

— Вот и в самый раз. Раньше-то на Руси девок в четырнадцать лет замуж брали, да и сейчас в селах не очень задерживаются. Это у вас в городе они до тридцати годовиков киснут. Только детишек вырастят, до дела доведут, а самим и помирить пора... Не-е, жениться надо пораньше, чтоб под старость детишки тебе и подмогнуть могли.

— А у вас есть дети, Егор Алексеевич?

Старик помолчал, пожевал губами.

— Как же... есть. Два сына.

— А где они сейчас?

— Один — в Польше... Другой — в Германии.

— Что, служат там?

— Нет. В земле лежат.

У Игоря даже дыхание перехватило от того, как просто это было сказано. Он смешался, опустил голову.

— Да ты не журись, парень, — старик вздохнул. — Обычное дело. У нас на Украине нет такой хаты, где бы горюшко не побывало.

У огородов сгружают навоз Игорь с Егором Алексеевичем. Слышно тихое пение женщин, работающих на дальнем от них участке. Но вот одна из них, молоденькая, выпрямляется и, приложив ладонь ко лбу, смотрит на Игоря. Другая, с противоположной стороны огорода, кричит ей:

— Ты куда это зенки пялишь, Клавдя?

— Да вот гляжу, какой у нас колхозничек новый объявился! — кричит в ответ та.

— Смотри, тебе его невеста глаза выцарапает! — опять кричит первая через весь огород.

— Что ты! — кричит Клавдия. — Разве Ксюша выцарапает! Она у нас перепелочка ласковая, душевная.

Обе смеются.

— А что, Катерина Ивановна, — обращается первая к маленькой пожилой колхознице. — Глянь, какого зятя тебе дочка привела. И собой видный и специальность хорошая.

Снова все засмеялись. Катерина Ивановна, мать Ксюши, выпрямилась, сказала:

— Э-э-э... Одно у вас на уме, кобылки.

По реке плывет лодка. Она покачивается на волнах от прошедшего парохода. В лодке, на веслах, — Игорь. Напротив него сидит Ксюша. Низкое солнце горит в волнах.

— ...Вам смешно, а они все, знаете, как мучаются!.. Такая у них получилась цепочка... неразрывная, — говорит Ксюша, продолжая ранее начатый разговор.

— Какая же цепочка?

— А такая... Роковая!

— Даже роковая, — улыбается Игорь.

— Понимаете... Сашко-черный влюблен в Галю-большую, а Галя-большая — в Сашко-белого, а он... в Галю-маленькую, а Галя-маленькая в Петро!.. Вот потому они все и ходят вместе и никогда не могут расстаться.

— Понятно, — кивнул Игорь. — А Петро влюблен в тебя. — Ксюша дернула плечиком, отвернулась. — Да-а, действительно роковая цепочка, — снова улыбнулся Игорь. — Им же теперь всю жизнь не разобраться!.. А знаешь что?

— Что?

— Тебе нужно влюбиться в Сашко-черного, и тогда получится уже не цепочка, а кольцо. — Игорь засмеялся.

— Не получится кольца! — сердито отрезала Ксюша.

Плывет по реке лодка.

А по берегу, как медведь, продираясь сквозь кусты, спешит за ней Петро. Он слышит смех Ксюши. Перепрыгивая канавки, обегая обрывы, старается, чтобы его не заметили, не спускает глаз с лодки...

Петро видит, как лодка останавливается у островка, вытянутого параллельно берегу... Как Игорь с Ксюшей уходят на другую сторону островка.

Петро опускается на траву. Ему видна лодка, островок, но не видны за кустами Ксюша и Игорь.

Долго сидит Петро. Смотрит на лодку... Встает, сбрасывает с себя одежду и, сбжав в воду, неслышно плывет к лодке... Вылезает на берег и сталкивает лодку в воду. Ее подхватывает течение и несет по протоке между островком и берегом.

Петро тихо плывет обратно... вылезает на берег и садится на прежнее место. Ждет. Уплывает вдаль, уносимая течением, лодка...

Петро смотрит ей вслед. Внезапно вскочив на ноги, он бросается бегом по берегу вдогонку за лодкой. Перегнав ее, ныряет в воду и плывет наперез.

...Изо всех сил выгребая против течения, он плывет на лодке обратно... Тихо проведя ее вдоль островка, Петро ставит лодку на старое место.

Снова переплывает на свой берег, быстро одевается и причесывает свои длинные волосы.

На берегу появляются остальные «звенья» роковой цепочки: обе Гали и оба Сашка.

— Купался, Петро? — спрашивает Сашко-черный.

— Вода теплая? — спрашивает Сашко-белый.

— Купался, — отвечает Петро. — Вода теплая. — Он поворачивается и уходит.

— Подожди, Петро! — говорит Галя-маленькая и идет за ним.

— Галя! — зовет ее Сашко-белый и трогается за ней.

— Пойдем? — говорит Галя-большая Сашко-черному.

— Нет!.. Я останусь здесь! Я хочу купаться! — поднимает бунт Сашко-черный.

— Пожалуйста, — холодно говорит Галя-большая и уходит.

Сашко-черный стоит некоторое время, потом в сердцах протянув: «А-а-а», бросается за остальными.

По другую сторону островка, на белом песке, у розовой закатной воды, стояли Ксюша и Игорь.

Игорь держал ее обеими руками за талию. А Ксюша, упершись ладошками ему в грудь, смеялась, отрицательно крутила головой.

— Ты что, с парнями ни разу не целовалась?

— Нет.

— Уникальный ты экземпляр, Ксения!.. У нас в школе девочки с шестого класса начали целоваться, а некоторые и раньше.

— У нас тоже.

— А ты нет?

— А я нет.

— Все ясно. Ты — Зоя Космодемьянская. «Умри, а не давай поцелуя без любви».

— Я читала ее дневники. Разве плохо она сказала?

— Это не она. Это Чернышевский сказал. Вот тебе и еще двойка... Давай поцелуемся и будешь со мной на «ты».

— У меня не получается на «ты».

— Получится. Один дружеский поцелуй.

Ксюша перестала смеяться.

— Дружеский... — прошептала она. Крепко зажмурила глаза, сжала губы и подставила ему лицо.

Игорь, улыбаясь, посмотрел на ее сморщенную физиономию и вдруг очень ласково поцеловал ее в один глаз, в другой...

Ксюша опустила голову, коснулась лбом его груди и так замерла. Он погладил ее волосы, склонился к ней.

— Ты что, Ксюш?

Она выскользнула из его объятий.

— Поедем домой.

Раннее утро. По улице села движутся одна за другой две лошади с нагруженными навозом телегами. Рядом с передней идет Игорь. Теперь он свободно поглядывает вокруг, пощелкивает прутиком по голенищу сапога.

Настречу ему, пыля, мчится «Нива» и, поровнявшись, резко тормозит. Открывается дверца, и с места шофера прыгивает на землю председатель.

— Я до тебя, товарищ Приходько!

— Тр-р-р!.. — лихо останавливает лошадь Игорь. — Слушаю вас, Иван Федорович.

— Ну что ж... Первый экзамен, считаю, ты сдал. Теперь есть для тебя одно ответственное задание.

— Слушаю, Иван Федорович!

— Понимаешь, пришел лес. Нам дали два дня срока. Не возьмем — другие заберут. А ты знаешь, как нам нужен лес?

— Я знаю, что вам все нужно, Иван Федорович, — улыбнулся Игорь.

— Правильно. Так вот... Машин у нас свободных нет. Сам видишь, овощи начали возить. И лес нельзя не вывезти!.. Значит, выход один — нужно достать еще машину. Вот ты и поедешь сейчас в город ее доставать.

— Где?

— Есть у меня один дружок. Кстати, это тот самый твой однофамилец, директор судоремонтного завода Приходько Василь Петрович.

Игорь чуть не вскрикнул.

— Вот к нему и поедешь. Только учти — разговор будет трудный!.. Он мужик хороший, но прижимистый... очень! Так что все от тебя будет зависеть!

— Я достану машину! — уверенно го-

ворит Игорь. Он с трудом сдерживает радость. — Только одно условие.

— Какое?

— Вы мне даете эту машину, и я на ней вывожу весь лес.

— Договорились! Достанешь — вози.

Посреди директорского кабинета стоят, обнявшись, отец и сын, Приходько-старший и Приходько-младший.

Отец отстраняется от сына, оглядывает его.

— А что — выглядишь хорошо. Загорел, здоров!

— Все нормально, отец!

— Ну, рассказывай, как жив? Почему не написал?

— Я же прислал телеграмму, отец. Как мама?

— Без перемен... Ну, а ты доволен, Егор?

— Да.

— Вполне?

— Вполне.

Они садятся рядом, колено к колену. Отец все смотрит на Игоря, на его сапоги, которые тот надел для порядка.

— Ну, Егор-ор!.. Я ведь по правде не ожидал от тебя такой прыти! — Оба громко смеются. — Как питаешься?

— Отлично. Вот ты, отец, например, едал перепелиную яичницу?

— Перепелиную? Не приходилось.

— А я едал!

Отец смеется и опять оглядывает Игоря.

— Ну, спасибо Ивану за то, что он тебя принял. Хороший он мужик. Мы ведь с ним старинные друзья. Кореш из подплава!

— Значит, дашь машину? — спросил Игорь.

— Какую машину?

— Так я же к тебе по делу приехал, отец.

— По делу?

— Да. Видишь ли, нам нужно срочно вывезти лес, а с машинами — вот так! —

провел Игорь по горлу. — Пospели овощи, понимаешь? Так что выручай!

Василий Петрович вдруг начинает хохотать.

— Ай, Иван! Ну и хите-ер! Это он, значит, тебя специально ко мне подослал? Ну, не-ет, Иван! Это не пройдет. Ты так ему и передай: мол, за сына большое спасибо, а насчет машины ничего не выйдет.

— Как не выйдет?! — Игорь даже встал.

— А так! Ты еще Ивана не знаешь! Это такой прижимистый мужик!

— Ты не прав, отец! Нам сейчас очень нужна машина.

— Вам сейчас, а мне они всегда нужны!

— Нет, ты не прав. Завтра твои же рабочие могут остаться без овощей.

— Не останутся! Иван на себе потащит! Он знает, что они через неделю в два раза дешевеле будут.

— Все равно ты не прав! Если хочешь, даже политически не прав!

— Что?!

— Ты обязан как сознательный представитель передового рабочего класса помогать колхозному крестьянству!

— Во-он что!.. Куда махнул! Что ж, я готов помочь кому послабей, но такому, как ваш... Иван сам, кому хочешь, помочь может.

— Значит, ты не дашь машину? — нахмурился Игорь.

— Ни в коем случае! И не мечтайте!

— Хорошо, — с внешним спокойствием произносит Игорь. — Я думаю, тебе все-таки придется ее дать.

— Каким образом?

— Я пойду к твоему секретарю парторганизации.

— Ты что же, на отца жаловаться пойдешь?!

— А у меня нет другого выхода. Ты не проявляешь должной сознательности...

— Что ж, иди, иди! Партком напротив!

— Хорошо. — Игорь идет к дверям. — Мы еще увидимся, отец.

Он выходит, Василий Петрович быстро

идет за ним. В приемной сидит секретарь-машинистка.

— Ранса Кирилловна, — обращается Приходько к ней. — Вы знаете, кто у меня был?

— Ваш сын.

— Да. А вы знаете, куда он пошел?

— Куда?

— В партком! И знаете — зачем? Жаловаться на своего политически несознательного отца!

— Какой ужас! — всплеснула та руками.

Приходько рассмеялся.

— Нет, Ранса Кирилловна. Это — прекрасно.

Бежит, бежит... уходит под колеса серая лента проселочной дороги. Весело насвистывает песенку шофер. Это Игорь. Он в кабине тяжелого грузовика, везущего лес. Над Игорем высокое синее небо, вокруг — поля, перелески, а навстречу все бежит, бежит дорога. Дорога спускается в широкую ложину, поросшую молодыми дубками. Петляет в этой роще...

Впереди на дорогу выходит человек и поднимает руку. Подъехав к нему, Игорь тормозит. Выходит из кабины.

Неподалеку от дороги в небольшой трясинке прочно увязла легковая машина «Жигули».

— Помогите, дружок! — обращается к Игорю долговязый парень, остановивший машину.

Около увязшей машины стоит еще один парень лет двадцати двух, пижонистого вида, в светлых брюках, темном пиджаке. Рядом с ним девушка.

Игорь подходит к машине. Обходит ее кругом.

— Да-а.. Крепко засели!.. Трос у вас есть?

— Нет, — отвечает долговязый.

— Может быть, веревка какая-нибудь?

— Нет.

Игорь разводит руками.

— Что же, тогда нужно гатить. Нарубить кустов, подложить.

— Топора нет, — уныло говорит долговязый.

— Вот ты всегда так, Лева!.. — капризно говорит девушка. — Теперь сиди здесь из-за тебя...

— Да-а, — Игорь подумал. — Лопату я вам могу дать, попробуйте подрыть. Лопату оставьте здесь.

Все молчат.

— Ну что ж, нужна лопата? Тогда пошли, а то мне некогда. — Игорь пошел к своей машине.

Пижонистый парень, взглянув на девушку, говорит долговязому Лева:

— Ты интеллигент, Лева. Разве так разговаривают с колхозными шоферами. Сморти — психологический этюд! Эй, дружище! — окликает он Игоря. Игорь останавливается. Парень подходит к нему. — Видишь ли, дорогой... мы не очень приспособлены к землеройным работам, — указывает он на свои светлые брюки, — а тебе к этому не привыкать. Ты уж постарайся там лопаткой, а мы в долгу не останемся. Потом, вон у тебя — полна машина досок. Скинь десяточек и постели.

— Так это же колхозные доски.

— Ну, разумеется, не твои, — улыбнулся парень, положив руку Игорю на плечо. — Бутылка и закусь!.. А? Пять минут работы — пять рэ! — он лезет в карман, вынимает деньги.

Игорь глянул ему в лицо и усмехнулся.

— Мало.

— Ну, хорошо, — небрежно кивает парень. — Рублишко прибавлю, доволен?

— Мало, — улыбается Игорь.

— Ну, брат!.. — рассердился Виктор. — Да ты, я вижу, нахальный калымщик!.. Вот что: довольно валять дурака! Держи десятку и приступай, — он протягивает Игорю деньги и ехидно спрашивает: — Теперь, я надеюсь, хватит?

— Мало, — сказал Игорь и откровенно рассмеялся ему в лицо. — Не хватит у тебя денег на эти дощечки!

— Та-а-ак! — Виктор усмехнулся, зло сузил глаза. — Ну, вот что. Сейчас ты все это сделаешь бесплатно. — Он убрал деньги. — Иначе тебе будет оч-чень больно! — И он как бы расправил свои и без того широкие плечи.

— Напугал, — сказал Игорь и повысил голос: — А ну, отвали с дороги! — Он протянул руку, чтобы отстранить парня, и тут же свалился на землю от резкого удара в подбородок.

Вскочив, разъяренный Игорь бросился на Виктора, но тот снова коротко взмахнул рукой и нанес еще более жестокий удар. Игорь лежал на земле, крутил головой. Приподнявшись, растерянно посмотрел на противника, а тот сказал:

— Шансы не равны, мой маленький. У меня первый разряд по боксу.

Игорь нахмурился, огляделся по сторонам и заметил неподалеку от себя лежащий в болотце, вырванный с корнем молодой дубок.

— Ничего, сейчас мы уравнием шансы, гад! — Схватил дубок и шарахнул что было сил по Виктору.

Завизжала девица. Виктор успел отскокнуть, дубок только слегка задел его по плечу, но и этого было достаточно, чтобы он шлепнулся задом в трясину. Мутная коричневая жижа залила его светлые брюки.

— Вот там и сиди, козел! — сказал Игорь. — Вылезешь — ноги переломаяю, первоурядник!

— Ау, мальчики!.. — вдруг раздался звонкий знакомый Игорю голос.

Он, вздрогнув, повернулся... Из леса выбежала Леночка. До чего же она красива сейчас! На ней яркое платье, к груди она прижимает охапку только что сорванных цветов. И над этими цветами — огромные удивленные глаза.

— Игорь?! Вот так встреча! Ты как здесь очутился?

— Проездом, — насмешливо ответил Игорь.

Леночка оглядела встревоженные лица своих друзей.

— Что у вас здесь произошло?

Она только сейчас замечает вылезавшего из болота Виктора и... начинает неудержимо хохотать; через секунду к ней присоединяется ее подруга, а затем заржал на весь лес и Лева.

Игорь, повернувшись, быстро пошел к своей машине... Хлопнула дверца, взревел мотор.

— Игорь, Игорь!.. — бросилась за ним Леночка и почти на ходу успела вскочить в грузовик.

Оставшаяся с парнями девица сказала, глядя вслед отъезжающей машине:

— Я, кажется, узнала этого мальчика... Это сын Приходько, директора судоремонтного завода.

— Ну да?! — снова захохотал Лева и подмигнул приятелю. — «Психологический этюд».

Леночка и Игорь — в кабине грузовика.

— ...Ты их не знаешь. Это мои новые приятели... А Виктор, в сущности, неплохой парень...

— Подлец он. С первым разрядом бросается на необученного.

— Ну уж... я думаю, ты предоставил ему достаточный повод... — Она помолчала. — Он в третий институт в этом году сдает. Тоже ищущий, вроде тебя.

— Ищущий, — усмехнулся Игорь. — Быстро он тебя нашел.

— А как же! — поддразнивает его Леночка. — Ты же пропал, даже писем не пишешь.

Игорь смотрит вперед, стиснув зубы. Он решил держаться на пределе спокойствия и не поддаваться ничему.

— Значит... «и башмаков еще не изнасил».

— Да, — продолжает кокетничать Леночка. — Полчаса назад объяснил мне в этом лесу... — Посмотрела на него. —

Все это че-пу-ха!.. Ты ведь знаешь, мне многие объясняются.

— И я в том числе, — усмехнулся Игорь.

— Ты не в том числе... Ты в другом числе. — Леночка снова посмотрела на его «каменный» профиль. — Ты глу-у-упый, глу-у-пый!.. — пропела она и, приподнявшись, чмокнула Игоря в щеку.

Руль чуточку дрогнул в его руках, но он не сдался.

— Осторожнее. Можем свалиться в кювет.

— Фу!.. Железный шофер! — надула губки Леночка и, отодвинувшись, стала смотреть в боковое окно, потом, повернувшись, сердито сказала: — Ты можешь остановить свою противную машину?.. И мы поговорим как следует.

— Не могу, я очень тороплюсь.

Леночка снова отвернулась. Они долго едут молча.

— Между прочим, — опять начинает Леночка. — Мы сейчас очень подружались с твоей мамой.

Игорь останавливает машину.

— Там — станция, — указывает он в сторону.

— Ну что ж, — Леночка поворачивается к Игорю и шутливо раскланывается. — Благодарю вас, товарищ шофер!

— Не стоит.

— До свидания!

— Счастливо, — Игорь держится до конца.

Тогда Леночка, бросив на сиденье цветы, протискивается между ним и рулем и, усевшись ему на колени, обняв, крепко целует его в губы долгим поцелуем. Потом выпрыгивает из кабины и уже с земли, держась за раскрытую дверцу, говорит:

— Между прочим, если ты теперь спросишь о том, о чем спрашивал меня в ту ночь, я, может быть, отвечу, как тебе хочется!

Захлопнув дверцу, она убегает. И тут Игорь «рухнул».

— Лена!.. Леночка!!! — закричал он, высовываясь из кабины.

На секунду приостановившись и помахав ему рукой, Леночка бежит дальше.

Игорь разворачивает грузовик и, обогнав ее, ставит машину поперек дороги. Выскочив из кабины, бросается к ней.

— Леночка!

Повиснув у него на шее, она шепчет:

— Приезжай скорее, и все будет о'кэй.

Она снова целует его.

У себя в доме перед зеркалом заплетает свою роскошную косу Ксюша. Она в новом платье. Сегодня школьный выпускной вечер. Ксюша очень хороша сейчас в этом платье. Впрочем, дело не только в платье. Ксюша полна тайного обаяния влюбленной женщины.

Тут же крутится Танюшка, привязывает к своей косичке огромный бант.

— Ты куда это собираешься, подружка? — насмешливо спрашивает ее Ксюша.

— Туда же, куда и ты, — спокойно отвечает та.

— И что же ты там будешь делать?

— То же, что и ты.

— Интересно, кто же это вас пустит?

— А нам ваш зал и не нужен, нам и под окнами хорошо! — Танюшка, заметив, что Ксюша все время поглядывает на улицу, сказала: — Уже приехал, я видела.

— Кто приехал?

— Игорь твой. Кто же еще?

— Замолчи! — Ксюша покраснела.

— А чего молчать! Все село знает, что ты в него влюблена!

И, смеясь, пулей вылетела из горницы.

В мучительном раздумье по улице села шел Игорь. Оглушенный всем происшедшим, он не знал, какое ему теперь принять решение... Подошел к дому деда Егора, взялся за калитку и в это время услышал радостный голос:

— Игорь!

Он оглянулся. От своей калитки к нему шла Ксюша. Она вся так и светилась. Чувствуя себя виноватым, Игорь пробормотал:

— Здравствуй.

— Вы пойдете... — начала Ксюша и, улыбнувшись, поправилась. — Ты пойдешь в клуб?..

— Не знаю.

— Что случилось? — взглядела Ксюша в него.

— Ничего. Все нормально.

— Ты такой мрачный.

— Устал немного...

— Конечно, — сердито сдвинула брови Ксюша. — Этот Иван Федорович кого хочешь загоняет!

— Надо же было лес вывезти.

— Знаешь что, Игорь... Ты отдохни сейчас. На торжественную часть тебе неинтересно, на концерт — тоже, а на танцы приходи, ладно? — Игорь кивнул. — На полчаса всего!.. Хочешь, я ни с кем не буду танцевать, только с тобой. Ладно? — И в зеленых глазах Ксюши засветилась такая ласка, что Игорю стало совсем не по себе...

— Хорошо, я приду, — сказал он и с тоской толкнул калитку.

Ксюша, продолжая улыбаться, пошла дальше...

Со всех концов села к большому кирпичному зданию клуба шли принарядившиеся девушки и парни, их родители... Выпускницы были, как невесты, — в белых платьях, с букетами цветов в руках.

Сумерки. Вдали от всех сидит на крыльце Игорь, все в том же нелегком раздумье.

В соседнем палисаднике зашуршали листья, и из гуши смородиновых кустов показалась над низеньким плетнем Танюшка, улыбнулась и спросила:

— Вы тоже на торжественную часть не пошли? — Игорь посмотрел на нее, не ответил. — Хотите телевизор посмотреть?.. Сейчас кончится футбол в Аргентине, и

будет Алла Пугачева петь. — Танюшка приложила к затылку растопыренные пальцы. Игорь молчал. — «Все могут короли, все могут короли»... — запела Танюшка, скрываясь в кустах. Через секунду появилась снова. — Может, вы хотите книжку почитать?.. У нас есть очень интересные книжки!.. Хотите?..

— Нет, — сказал Игорь.

— Ладно, — вздохнула Танюшка. — Сейчас я вам принесу что-то интересное! — Она убежала и быстро вернулась с каким-то журналом и пачкой писем в руках. Перелезла через плетень, подбежала к крыльцу. — Только вы не говорите сестре, а то она меня убьет. Она же велела вам это показывать. Она вас боится, потому что влюблена!

— Замолчи! — обрывает ее Игорь. — Понимала б чего.

— А чего здесь понимать-то! Все знают: кто кого боится — тот в того влюблен. Вон, Петро, он никого не боится, а сестры боится — все село знает, что он в нее влюблен!

Игорь отворачивается.

Танюшка, усевшись с ним рядом, развернула журнал. Это «Смена». В середине, на цветной вкладке, портрет Ксюши во весь рост на фоне клеток с перепелками. Заголовок в комсомольском стиле: «Так держать, Ксюша!».

— Смотрите!.. Сестра здесь очень красивая, правда? — Игорь не без любопытства взглянул на фотографию. — После этого ей столько писем пришло!.. Даже и сейчас еще приходят... Все с фото... Вот, смотрите! — Танюшка начала доставать из конвертов фотографии молоденьких солдат. — Смотрите, какие красивые солдаты, — она вздохнула. — Ксюша не хочет им писать, а я за нее всем-всем отвечаю... Мне их жалко!

Игорь усмехнулся.

— Интересно, что ты пишешь?

— А им очень просто писать. Они все пишут про погоду, и я им отвечаю про погоду... — Всплеск музыки, донесшийся

из клуба, прервал Танюшку. — Ой!.. — вскочила она. — Танцы начались!.. Побежали скорее!

Звучно вопят электрогитары в сопровождении ударника. В зале «бит-группа» местных молодых парней — яркие рубахи, волосы до плеч — все честь по чести. И репертуар, и стиль исполнения тоже на уровне: «ретро» в современной обработке. Их заезжий руководитель — борода, уши — все время в движении: играет на трубе, поет. Последний школьный бал...

Кончился один танец... Музыканты заиграли другой. Через весь зал, под взглядами присутствующих, идет к сидящей в стороне Ксюше Петро. Он, как и все выпускники, сегодня в костюме, при галстуке.

Подойдя к Ксюше, Петро протянул руку, склонился над ней, приглашая. Ксюша, коротко взглянув на него, отрицательно покачала головой. Петро, собрав все свое самообладание, повернулся и так же ровно пошел через весь зал назад, как будто вокруг никого не было. Подошел к скамье, на которой расположилась вся «кровавая цепочка». Сел, ни на кого не глядя.

Через секунду сидевшая с ним рядом Галя-маленькая сказала:

— Пойдем потанцуем, Петро?

— Посидим пока, — ответил тот, не поворачивая головы.

— Потанцуем, Галя! — тут же предложил Гале-маленькой Сашко-белый.

— Посидим пока, — ответила она.

— Пойдем, Сашко? — предложила ему, в свою очередь, Галя-большая.

— Подождем немного, — вздохнув, ответил ей Сашко-белый.

— Пошли со мной! — взял Галю-большую за руку Сашко-черный.

— Успеешь, — ответила та.

— Сейчас пойду и приглашу кого-нибудь! — в сердцах сказал «бунтарь» Сашко-черный и... остался сидеть на месте.

К клубу подходит Игорь. В квадратах света под окнами лихо отплясывают

сверстницы Танюшки, а сама она, темная, длинноногая, выделяет такие пары, которым позавидовала бы любая девчонка с городской танцплощадки.

— Игорь, Ксюша в зале! — крикнула она, помавав рукой.

Игорь прошел в клуб. Ксюша, увидев его, просила. Игорь остановился, оглядывая зал, и услышал за спиной реплики пожилых женщин, столпившихся у входа и наблюдавших за танцующими.

— Ксюшин!..

— Да-а, симпатичный!..

— Дай бог счастья!..

Игорь нахмурился, и тут к нему шагнула ярко разряженная Тося с великопной башней на голове.

— Где пропадаешь, кавалер? Ксюша здесь всем отказывает.

И взвинченный Игорь не выдерживает.

— Вы что, помешались все, да?

— Что ты!.. — пугается Тося. — Да разве так можно? Окстись, дурачок!.. Мы же — любя.

Но Игорь уже по-мальчишески занесся. Решив разом прекратить всё это, он идет к скамейке, где сидит вся «цепочка» и, склонившись к Гале-большой, подает ей руку.

— Разрешите?

Вся вспыхнув, испуганно взглянув на Ксюшу, Галя поднимается с места. Ксюша, расширив глаза, смотрит на них, а потом низко-низко опускает голову.

— Поздравляю вас с окончанием, Галя, — говорит Игорь, ведя в танце девушку.

— Спасибо... — лепечет та, оглядываясь. — А я... я думала, вы Ксюшу пригласите.

— А я пригласил вас!

Галя, сделав с ним несколько па, снова оглядывается на Ксюшу и вдруг, проговорив: «Спасибо!.. Извините!.. Я... Мне нужно!», выскальзывает из рук Игоря и подбегает к Сашко-черному: — Сашко, пойдем!

Сашко, обрадовавшись, подхватывает де-вушку. Игорь пожимает плечами и идет к выходу.

...Он выходит на улицу. Здесь продолжает пляс Танюшкина компания. Игорь отходит в сторону, во тьму, и останавливается под деревом. Поют электрические гитары... Перед Игорем возникает мрачный Петро.

— Ты Ксюшу обидел! — говорит он.

— А ты что, ее поверенный? — спрашивает Игорь.

— Подожди, — кладет ему Петро свою тяжелую руку на плечо. — Не лезь в бутылку. Я тебя прошу... слышишь? Я, — он постучал себя пальцем по груди, — тебя! — он постучал пальцем по груди Игоря. — Иди, пригласи ее.

Игорь движением плеча освобождается от руки Петро, отворачивается.

— Ты понимаешь, чего мне стоит тебя просить? — продолжает Петро. — Может, ты чем обижен, так ты скажи... А может быть, просто — «люди говорят», так это же они по простоте. Если бы обо мне с Ксюшей так говорили! Ведь ты ни хрена не знаешь, Ксюша — человек!.. Когда ей было четырнадцать — у них отец пропал... от водки... Ксюша в колхоз работать пошла, матери помогать. Сестренку вырастила...

Игорь усмехнулся.

— А ты, оказывается, сентиментальный... при твоём-то здоровье. Смешно при таких габаритах нюни разводить!

— Что?! — Петро даже задохнулся. Схватив за воротник, он рванул к себе Игоря. — Пижон!.. Пижон ты дешевый! Эх, и врзал бы я тебе сейчас!.. Только Ксюша мне никогда этого не простит... И за что она только влюбилась в тебя, в такое дерьмо!

Отшвырнув от себя Игоря, он повернулся и пошел в темноту, куда-то в сторону от клуба. Игорь стоял, морщился от жгучего стыда.

На крыльце появилась Ксюша. Посмотрев на уходящего Петро и убедившись,

что Игорь цел, она быстро пошла прочь, в направлении своего дома. Игорь заступил ей дорогу.

— Ксюша...

— Нет, нет!.. — вскрикнула Ксюша и почти бегом бросилась от него.

Игорь постоял и медленно пошел по дороге мимо темных спящих домов. А позади него, в клубе, звучала развеселая музыка.

Игорь тихо вошел в дом деда Егора и опустился на лавку прямо у двери, прилонил затылком к стене, сидел в полутьме, не двигаясь. Слабый свет от уличного фонаря освещал горнищу...

Где-то за деревянной перегородкой закрихтел, завозился, громко зевнул Егор Алексеевич.

— Пришел, гулена, — услышал Игорь его голос. — Там, на заплетке, молоко — Ксюхина мать принесла. Я полмахотки охолонул... И ты давай. Парного-то молочка у вас в городе ни в жисть не найдешь.

Игорь сидел молча... Дед еще повозился, покряхтел и начал длинно посапывать...

Игорь поднялся, на цыпочках прошел в угол и достал свою сумку. На листочке бумаги написал несколько строк, оставил бумажку на столе. Постояв секунду, он тихо прошагал к двери и вышел на улицу.

Несколько крупных капель дождя ударили его по лицу, плечам, и тут же громыхнул гром. Игорь постоял в нерешительности, глядя в темное небо... Хлынул ливень. Игорь, подняв воротник куртки, сбежал с крыльца и, свернув в проулок, задом побежал к луговой дороге.

Он пробежал неподалеку от клуба. Ярко светились раскрытые настежь окна, гремела музыка. Бал продолжался. Было слышно, как заезжий руководитель-солист лихо исполнял под электрогитары что-то вроде популярного в приморских рестора-

нах шлягера: «Ах, Одесса — жемчужина у моря!..». Шумел дождь.

Игорь бежал к реке через скошенный луг. Впереди послышался гудок парохода.

Матрос убрал трап, когда у причала появился мокрый до нитки Игорь.

— Постой, друг!.. — крикнул он и вбежал на палубу парохода.

Матрос оглядел парня.

— Ступай вниз, к машинне, обогрейся.

— Ничего! — с каким-то нервным подъемом ответил Игорь и остался на палубе. Стоял под дождем, смотрел на удаляющуюся пристань под названием «Лужки».

Алла Викторовна входит в комнату сына, неся подносик с завтраком.

Игорь лежит на широкой тахте, наполовину накрытый пледом.

— Сколько? — спрашивает Алла Викторовна, устанавливая подносик на столик, рядом с тахтой.

Игорь вынимает градусник.

— Тридцать шесть и две. Нормально.

— Счастье, что все так кончилось. Кто говорил, что от этой вашей романтики одно только воспаление легких? Кто был прав?

— Ну, разумеется, ты, мамочка! Разве ты можешь быть не права, — смеется Игорь.

— Смейся... смейся. А, в общем, нет худа без добра: Семен Борисович выпишет тебе справку о болезни, и Зинаида Григорьевна разрешит тебе сдавать экзамен. Это все-таки будет немножко лучше, чем возить навоз.

Игорь поднял палец.

— Без навоза, мамочка, как выразился один мудрый дедуля, — ни хлебушка, ни огурочка — ни хрена не вырастет!

— Фу, Игорь!.. Кель выражане! Пожалуйста, увольь меня от этого народного юмора. — Раздался телефонный звонок. — Это Леночка! — Алла Викторовна пошла

к телефону. — Между прочим, Игорек, за время твоего отсутствия мы с ней очень подружились!

Игорь и Леночка идут по городской улице. Игорь в светлом летнем костюме. Леночка нарядная, как всегда. Все обращают на нее внимание.

Леночка, взяв Игоря под руку и прижимаясь к нему, спрашивает с интонацией Аллы Викторовны:

— Ну теперь-то, я надеюсь, ты доволен?

— Доволен — не доволен, — беспечно отвечает Игорь.

— Противный!.. Ты теперь мне все время должен повторять, что ты очень счастлив!

— Счастлив — не счастлив, — отвечает Игорь, но за этой наигранной беспечностью чувствуется, что внутренне он не очень спокоен.

— Между прочим, я Виктора тоже пригласила... Надеюсь, ты не будешь психовать? — кокетничает Леночка.

— Мне-то что, — пожал плечами Игорь. — Мы с ним — в полном расчете.

Алла Викторовна сидит у телефона и громко диктует в трубку.

— ...И еще пять килограммов ветчины... Двадцать банок апельсинового сока... Пятьдесят бутылок минеральной воды... Что?.. Нет, не экспедиция, а свадьба!.. И не острите!.. Записали?.. Так. Теперь десять кило...

...В своем кабинете собирается на работу Василий Петрович Приходько. До него доносится голос жены.

Входит Игорь и закрывает за собой дверь.

— Отец, мне нужно с тобой поговорить. Василий Петрович пристально взглянул на сына, сказал:

— Садись.

— Отец, почему ты все время сейчас молчишь?

— Что я должен тебе сказать?

— Скажи, ты против моей женитьбы?

— Это не должно тебя сильно волновать, Егор.

— У тебя что-нибудь есть против Лены? Только я прошу — откровенно.

Василий Петрович помолчал.

— Ну, хорошо! Будем говорить откровенно. Видишь ли, сынок, у меня не «что-нибудь» против, а все!.. Вся жизнь моя против нее.

— Тогда ты не имеешь права не сказать мне, что ты думаешь.

— Эх, Егор, Егор... Разве это ты был тогда у меня в кабинете? Требовал, спорил, ходил в партком... и вообще действовал, был, как человек, как мужчина... Нет, это был не ты!

— Отец!

— Ладно. Скажу. Хотя, может быть, и зря: вряд ли ты уже сможешь выпрыгнуть в окно.

— Какое окно?

— Слушай. Мне было тоже около двадцати лет, когда я решил жениться. Как видишь, я тебя не могу упрекнуть в ранней женитьбе... Была у меня тогда тоже точно такая же Леночка. Красивая. Очень... Может быть, даже покрасивей твоей. И был у меня самый близкий друг — ты его знаешь — Ваня Мажуго... Он терпеть не мог этой Леночки.

— Ее тоже так звали?

— Нет... Но дело не в этом. Тогда так же готовилась свадьба. А Ваня пришел ко мне и сказал: «Колька, друг, ты совсем сюда забрался! Иногда высшая мужская доблесть заключается и в том, чтобы уметь во время убежать... Вот окно — прыгай и беги!»

— Ты... ты прыгнул, отец?

— Да, — вздохнул Василий Петрович.

— А потом женился на моей маме?

— А потом женился на твоей маме.

Оба помолчали.

— Отец, но ведь ты представляешь, какой это будет удар для мамы, для Леночки.

Приходько-старший наклонил голову.

— Да... Я тоже так думал тогда. Скажи мне, ты очень любишь Лену?

— Вот поэтому-то, может быть, я и пришел к тебе... — сказал Игорь, задумавшись. — Понимаешь, мне кажется, что я ее очень люблю... И в то же время, я сейчас почему-то все чаще и чаще думаю о другой девушке, и тогда мне кажется, что мимо меня прошло большое счастье, а я как дурак ничего не понял... Я ее очень обидел и потерял на всю жизнь...

— Настоящая женщина умеет прощать, — сказал Василий Петрович.

— Нет, отец... — покачал головой Игорь. — Ну да ладно. Спасибо за разговор.

Игорь быстро вышел из кабинета отца.

Василий Петрович посидел, опустив голову... Поднялся, подошел к модели парусника, потрогал мачту и, вздохнув, сказал:

— Прости, сын... Не смог я тогда выпрыгнуть в окно.

По улице села торопливо идет встревоженная Тося. Подойдя к «птичьему» домику, она нетерпеливо окликает Петро. Он появляется в окне.

— Выдь-ка на минутку!.. — зовет Тося. Петро выходит к ней.

— Такая новость, такая новость!.. — захлебывается Тося. — Наталкин Гринька со стройки говорит, что Игорь теперь у них работает, в Раздолье. А живет вместе с Гринькой в одном общежитии! Говорит, с самой свадьбы убежал, а невеста, говорит, не то отравилась, не то утопилась!.. Во какие дела!

Петро, крайне встревоженный, хватается Тосю за руку.

— Тоська, слышишь?! Ты об этом — никому! Слышишь?.. И, главное, — Ксюше! Чтобы — ни словечка!

— Спасибочки, предупредил!.. Как будто я сама не понимаю. Тут такое дело.

И сразу — Тося стоит перед Ксюшей и взахлеб тараторит:

— ...На самосвале!.. Понимаешь? А невеста, говорит, не то с ума сошла, не то, говорит, под поезд бросилась!

Ксюша, как стояла, так вдруг и пошла. — Ты что, Ксюш?.. Ты куда? — закричала ей вслед Тося.

Ксюша ничего не сказала, не оглянувшись. Она шла, подчиняясь одной, влекущей ее силе.

У берега реки, метров на триста выше пристани «Лужки», стоят три лодки. Сюда бегом спускается Петро с большим замком в руках. Он продевает дужку замка сквозь кольца цепей всех трех лодок и запирает их. Поднимается по откосу вверх, выходит на дорогу.

Навстречу ему идет Ксюша. У нее то же выражение лица, она так же идет, не глядя по сторонам, словно чем-то завороженная.

Петро застывает ей путь.

— Ксюша, не нужно идти к нему!.. Он тебя не стоит! Ведь он обидел тебя... Ксюша!..

Но девушка даже не взглянула на него, не сказала ни слова. Она смотрит только вперед. Она обходит Петро, как посторонний предмет. Спускается к лодкам.

— Ты все равно туда не сможешь уехать!!! — в безнадежном отчаянии кричит ей вслед Петро.

Ксюша наклоняется к лодкам и видит, что все они заперты. Это препятствие озадачило ее лишь на несколько мгновений.

Она спокойно, как была, в туфельках и джинсах, вошла в воду и поплыла. Ей нужно было на тот берег, и она туда поплыла.

Увидев это, Петро бросается бегом вниз, к лодкам. Отпирает их и, вскочив в одну, быстро отгребает от берега.

Догнав Ксюшу, он ставит поперек ее пути лодку.

— Садись! — говорит он.

Ксюша послушно взбирается на лодку. Петро помогает ей.

— Ксюша, ты только выслушай меня!.. — начинает он, но Ксюша тут же поднимается со скамьи, чтобы выпрыгнуть за борт.

Поняв, что ничего нельзя сделать, Петро глухо говорит:

— Ладно, плыви! — И сам тоже, как был, в рубашке и брюках, бросается в воду и уплывает на свой берег.

Ксюша садится за весла...

...На берегу Ксюша снимает с себя одежду, выжимает ее, выливает из туфллек воду и, снова одевшись, идет дальше к виднеющимся впереди трубам и стрелам башенных кранов...

Рев тяжелых грузовых машин... натужное ворчание бульдозеров... лязг и скрежет экскаваторов... тихое гудение кранов... Сквозь этот шум большой стройки идет Ксюша. Одежда на ней почти высохла.

Она выходит к длинному строению, обшежитию шоферов, стены которого сплошь залеплены цветными инструкциями, графиками, обязательствами, призывами.

Под окнами общежития, на улице, врыт столб. За ним четверо немилосердно зевающих парней лениво шлепают костяшками домино.

Ксюша подходит к ним.

— Здравствуйте.

— Приветик! — мгновенно оживляется один из парней. — Девушка, а вы случайно... — сразу начинает он, но тут сидящий сбоку от него, не глядя, протягивает руку и зажимает ему рот здоровенной ладонью. Из-под ладони доносится возмущенное мычание, а зажавший вежливо говорит:

— Слушаем вас, девушка.

— Скажите, у вас здесь случайно не жи-

вет такой... Игорь Приходько? — спрашивает Ксюша.

— Приходько?.. — парень убирает ладонь со рта соседа. — Он спит сейчас, после смены. Разбудить?

— Нет, я подожду, — говорит Ксюша и, отойдя в сторону, садится на край какого-то ящика.

Она смотрит на двор общежития и видит:

... Медленно открывается дверь, и на крыльцо выходит Игорь.

Ксюша бросается к нему и говорит, глядя прямо в его глаза:

— Позови меня, и я поеду за тобой, куда ты только захочешь!

Игорь улыбается, обнимает ее, и так, обнявшись, они проходят на глазах у всех, по всему строительству, выходят на берег реки.

По реке идет пароход.

Ксюша говорит:

— Помнишь, как мы плыли на этом пароходе?.. Я полюбила тебя тогда сразу и на всю жизнь!

— Я тоже люблю тебя, Ксюша-конопуха, — отвечает ей Игорь и крепко целует ее.

...Ксюша сидит на ящике, ждет. Смотрит на дверь общежития... Встает, подходит к парням.

— Можно к нему пройти?

— Девушка, а я не гожу... — снова начинаст первый, и на его рот опять ложится ладонь.

— Ты «не гожу», — отвечает ему второй и, не убирая ладони, поворачивается к Ксюше. — Можно... Его койка в конце.

Ксюша идет к общежитию.

Провожая ее глазами, молчавший до сих пор третий парень в сердцах произносит:

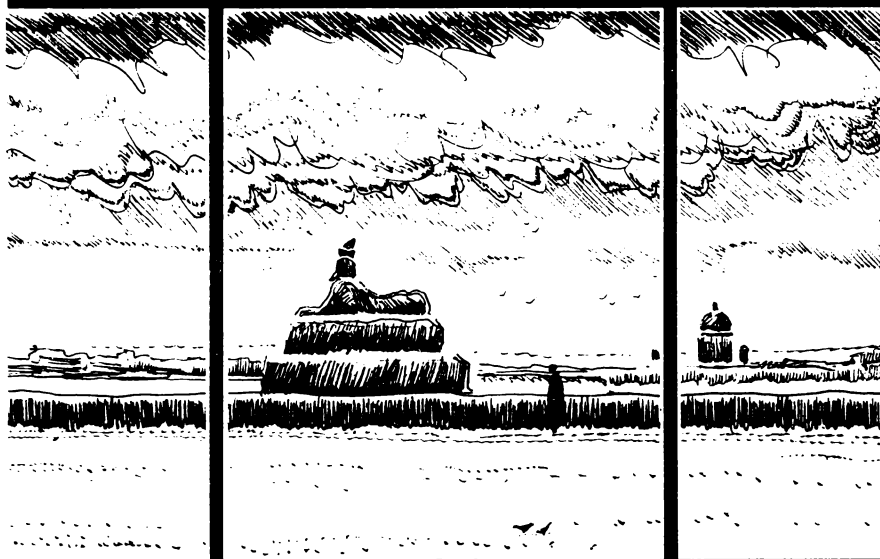
— Неправедливо!..

— Что несправедливо? — спрашивает четвертый.

— Всѐ!.. Одному — во!.. А другому — во!.. — отвечает тот, сопровождая каждое «во» соответствующим жестом.

В глубине комнаты, под раскрытым окном, не реагируя на шум стройки, крепко спит Игорь. Тихо подходит Ксюша и с ногами забирается на стоящую рядом с его кроватью табуретку. Опустив подбородок на колени, она надолго зампрает в этой позе.

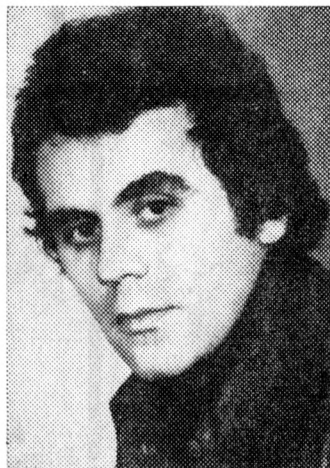
ЭДУАРД АКОПОВ

«ЗАВОЕВАТЕЛЬ»

ЭДУАРД ТИГРАНОВИЧ АКОПОВ (родился в 1945 году) после окончания Азербайджанского института нефти и химии работал инженером по электронной технике на заводах и в научно-исследовательских институтах. Печататься начал в студенческие годы. В 1972 г. Эдуард Акопов закончил Высшие сценарные курсы. Кинематографический дебют состоялся в 1974 г. на студии «Арменфильм», где по его сценарию был поставлен фильм «Человек из «Олимпа» (режиссер Д. Кесаянц). Он также автор литературных сценариев художественных фильмов «Солдат и слон» (в соавторстве с Д. Кесаянцем, режиссер Д. Кесаянц), «Сдается квартира с ребенком» (режиссер В. Крючков), «Побег в июле» (режиссер Л. Григорян) и двух телевизионных фильмов режиссера Р. Мурадяна — «Первый снег» и «Здесь мой причал».

Фильм по литературному сценарию Эдуарда Акопова «Завоеватель» на киностудии «Ленфильм» снимает режиссер Адольф Бергункер.

Огненно-красный блик заполнил весь экран, слепит глаза и мешает рассмотреть происходящее. А жаль. Судя по многоголосому шуму, суматошному мельканию фигур происходит что-то весьма значительное и интересное. Крики, советы, предостережения, армянские слова мешаются с русскими — строительство Вавилонской башни, да и только.

— Давид, провались ты сквозь землю! Не беги так, упадешь, — кричит на армянском старушка. — Здра-австуйте... — уже очень спокойно, церемонно и на русском. И тут же снова на армянском:

— Георгий, Георгий! Осторожно с сундуком! Это тебе не твой танк! Здра-а-австуйте... — опять на русском. — Асмик, что ты делаешь?!

— Мама, прошу тебя, посиди спокойно, люди смотрят, неудобно, — просит женский голос.

— Хорошо, я буду молчать!.. Зажму себе рот и буду молчать, а вы делайте, что хотите! Вы видите, я уже молчу! Молчу!..

— Бабо, бабо, посмотри, сколько я поднял! — радостно вопит мальчишка.

— Маладес! Теперь я знаю, кто из тебя получится, — амбал! Здра-а-австуйте!..

Вдруг блик задрожал, качнулся, ушел из фокуса, и на экране возник начищенный до блеска медный котел — это он давал блики под слабым ноябрьским солнцем, — гордо венчающий гору чемоданов, разноцветных узлов и картонных ящиков. Эти чемоданы и узлы громоздятся возле одного из подъездов огромного двенадцатиэтажного дома в новом квартале Ленинграда. Между чемоданами и подъездом со страшной скоростью снуют с вещами в ру-

ках семейство Калосян, переехавших в Ленинград из Еревана.

Папа Георгий — в форме майора Советской Армии, но без фуражки, мама Асмик, двадцатилетняя Джульетта и шестиклассник Давид. Глава семейства бабушка Марго сидит во всем черном на скамейке, темная одежда — это одновременно и траур по умершему тридцать пять лет назад мужу и парадное платье. На коленях у бабушки старая зингеровская швейная машинка и портрет мужа в тяжелой деревянной раме — бесценные семейные реликвии.

Бабушка поднимает голову к бесчисленным окнам дома, мечтательно вздыхает:

— Вай, вай, вай, сколько соседей. Жизни не хватит, чтоб познакомиться. Здра-а-австуйте!.. — улыбаясь, здоровается по-русски с проходящей мимо женщиной.

Та несколько недоуменно кивает в ответ.

— Георгий, ты не знаешь, почему нам не помогают? — спрашивает бабушка по-армянски зятя.

— Вот познакомьтесь с ними, мама, и спросите.

Бабушка, нахмурившись, отворачивается.

— Поможем, мамаша? — подскочил вдруг к ней мужчина неопределенных лет с плодовойгодной тоской в глазах.

— Сосед? — засветилась бабушка. — Зачем поможем? Сами справимся. Посиди лучше со мной, поговорим немножко, — схватив за руку, усадила его возле себя.

— Поможем, мамаша? — заерзал мужчина.

— Тыха-джан*, скажи, ты здесь всех

*) Тыха-джан — сынок (арм.).

соседей знаешь?

— Ну!..

— Это не я «ну», это ты «ну». Ну, говори.

— Поможем, мамаша! — в сердцах высказался мужчина.

— Ну почему ты все об одном и том же? — ласково укорила его бабушка. — Ты про соседей расскажи. Мы же вместе теперь будем жить, в одном доме.

— Да что вы!.. Я тут... поможем, мамаша... а вы тут... А! — Мужчина вырвал руку, вскочил и убежал.

Бабушка Марго удивленно посмотрела ему вслед, но тут же ее внимание переключилось на другое.

— Джульетта, если ты сейчас все покажешь людям, на что потом будет смотреть твой муж? — крикнула она внучке. — Закрой колесо!

Когда вещи уже перенесены, папа Георгий надевает фуражку, подходит к бабушке, берет ее под руку и торжественно ведет к подъезду, возле которого выстроилось в благоговейном молчании все семейство. Гордо подняв голову и неся перед собой портрет мужа, бабушка Марго переступает порог. Следом за ней с шумом и криками последовали остальные члены семьи. Житие Калошянов в Ленинграде началось.

Начало следующего дня. Обычная утренняя спешка. Слышен какой-то стук. Давид неприкаянно слоняется по комнатам.

— Па...

— Я ничего не слышу, — сунул ему под нос гудящую электробритву отец.

Давид отошел. Толкнул дверь в соседнюю комнату. Мама сидела спиной к нему перед зеркалом и вострила тушью ресницы.

— Позавтракал? — глянул из зеркала на Давида мамин правый глаз — левый в это время был в работе.

Давид с шумом захлопнул дверь и поплелся на кухню.

Раскинул руки плечистый скелет: из-под локтя сестры Давид видит его в раскрытом учебнике — Джульетта учится в мединституте.

— Принеси мою сумочку, — не отрывая от учебника, бросает сестра. — Красную...

Давид вышел в прихожую, вернулся с огромным зеленым саквояжем и брякнул его на стол.

— Дурак, — спокойно заметила сестра.

— А сама кто? — спросил Давид, поработав небрежный подзатыльник и направился к комнате, из которой вот уже целое утро доносится настойчивый стук.

Бабушка Марго упрямо вколачивала в стену гвоздь, на который собиралась повесить портрет мужа. Давид подошел к бабушке и в упор уставился ей в спину. Вот бабо наверняка должна была понтересоваться, что происходит с ее внуком.

— Интересно, в этом доме есть мужчина или нет?! — громко спросила сама себя бабушка, швыряя на пол очередной согнувшийся гвоздь.

Давид сделал шаг вперед.

— Мама, я же говорил вам, что эти стены панельные и здесь нужен пистолет! — крикнул из соседней комнаты зять.

Давид сделал шаг назад.

— Ну конечно, если у человека есть пистолет, зачем ему пачкать руки о молоко! — громко сказала бабушка.

— Давид, объясни своей бабушке, что пистолеты бывают разные! — Возмущенный отец появился в дверях комнаты. — И если ей не нравится, что ее зять военный и что его перевели в Ленинград, пусть скажет об этом открыто.

— Давид! — сказала бабушка. — Объясни своему отцу, что твоя бабушка не привыкла скрывать свои мысли. И если она захочет что-то сказать, она это скажет. И очень громко!

Давид выскочил из комнаты, ворвался в свою, разделся и в одних трусах бросился на кровать поверх одеяла.

— Ты еще не оделся? — пробежала мимо комнаты мама. Вдруг остановилась на полдороге. — Что случилось, Давидик? — Бегом вернулась обратно и приложила ладонь к его лбу. — Ты заболел? Да ты весь горящий!.. Мама! Георгий! Давид заболел!..

Все семейство тут же объявилось возле постели.

— Давидик, ложись... Давид-джан, что с тобой? Мама, я знаю, у него атетик меду акута, мы это недавно проходили... — заговорили все разом, засовывая мальчика под одеяло, накидывая сверху второе, плед, шаль.

— Прибежали! Да? Прибежали! — отбивался яростно Давид. — Когда нужно, никого нету, а как умираю — все прибежали, вспомнили, что у вас сын есть!

Бабушка Марго внимательно взгляделась во внука и вдруг сказала:

— Идите завтракать! Все! Идите, идите!

Закрыв за родными дверь, она вернулась к внуку, села возле него и спросила:

— В школу идти стесняешься?

Давид удивленно вскинул на нее глаза, затем молча кивнул.

— Правильно делаешь. Твой дед тоже стеснялся новых людей.

— Не знаю я там никого, — горячо заговорил Давид. — Чужие они мне...

— Правильно, чужие. Сейчас вокруг нас все чужие. А надо их своими сделать. Свои ведь из чужих получаются, больше не из кого. Это только родные сразу родные. Знаешь, сколько у твоего деда друзей было?

— А может, я лучше завтра пойду?

— Можешь и завтра. Но твой дед пошел бы сегодня, — сказала бабушка и вышла на кухню к завтракающему семейству.

Минутой спустя появился одетый Давид и молча сел рядом с бабушкой.

— Ты мне эти свои штучки брось! — грозно начал отец. — Ты у меня...

— Георгий! — чуть повысила голос бабушка, и зять тут же умолк.

Кабинет литературы за несколько минут до начала занятий. Шестой «б» почти уже весь собрался. Несколько ребят за партами повторяют уроки, но большинство собралось у окна, возле Лени Соболева — общепризнанного авторитета, лучшего спортсмена, эрудита, интеллектуала и прочее.

— ...Шампольон совсем уже отчаялся, — рассказывал Леня почтительно внимавшим ему одноклассникам. — Провнант был на исходе, в экспедиции началась эпидемия, и нужно было немедленно возвращаться во Францию. Но тут же вдруг ему неслыханно повезло. Нашлась билингва, так называемый Розеттский камень.

— Леня, Леня, а что такое билингва? — затеребил его Зайтуллин, маленький, юркий мальчуган.

— Не перебивай, Заяц, — недовольно одернула его Оля Иванова, добровольно исполняющая при классном лидере обязанность помощника, секретаря и тайной почитательницы.

— Билингва — это двуязычный памятник прошлого, — объяснил снисходительно Леня.

— Знать надо такие вещи, — небрежно бросила Оля. — Продолжай, Ленечка. Мы слушаем.

— Так вот, на этом Розеттском камне с одной стороны греческий текст, уже известный ученым, а с другой — египетские иероглифы...

Входная дверь тихо приоткрылась, и в класс робко, бочком протиснулся Давид.

— Здравствуйте, — от волнения и стеснения еле выговорил он шепотом.

Никто не обратил на него внимания. Давид постоял немного на пороге, растерянно озираясь, затем насунился, вышел, снова вошел, громко хлопнул дверью и что было мочи выкрикнул:

— Здравия желаю, орлы!

Ребята возле окна удивленно повернулись к Давиду. Дремавший за партой Володя Добронравов, этакое современное во-

площенные «будды, прислушнвающегося к самому себе», открыл один глаз.

— Ты чего орешь?

— Сам орешь! — отрезал Давид. — Я Давид Калоян! Приехал из Еревана и буду у вас учиться, — громко объявил он классу. — А ты еще раз крикнешь на меня — уши бантиком завяжу! Понял?

Добронравов открыл оба глаза. В классе стало тихо. Ребята ожидающе смотрели на Леню — этот маленький черноволосый мальчик вел себя чересчур уж нахально. Леня, подмигнув друзьям, направился к Давиду.

— Давид Калоян? Очень приятно, — приветливо пожал он ему руку. — А я Веспасиан.

Ребята удивленно посмотрели на Леню. Имя это им ничего не говорило.

— Армянин? — обрадовался Давид.

— Нет. Просто император. Ты разве не слышал обо мне?

Класс, догадавшись о подначке, взорвался от смеха.

Давид от гнева аж побелел, выдернул руку.

— Император, да? Император?! Ты не император! Ты знаешь кто?

— Ну, кто? — с усмешкой глядел Леня на едва достававшего ему до подбородка Давида.

— Ты... Ты... — Давид никак не мог подыскать нужного слова.

— Выпендрёжник он, — вдруг послышался ленивый голос.

Давид метнул взгляд назад. За последней партой в одиночестве сидел мальчишка в мятом свитере, с длинными, давно не чесанными волосами, когда-то подстриженными в «скобку», — полная противоположность ухоженным одноклассникам.

— И вытыкала, — добавил спокойно мальчишка.

— Правильно! И еще хуже! — горячо подхватил Давид, вновь поворачиваясь к Лене.

Но тот смотрел мимо него. На маль-

чишку. Смотрел, нахмурившись, но почему-то ничего не говорил.

— А ты что лезешь? Тебя кто спрашивает? — пришел на помощь Лене Зайтуллин.

— Заяц, а в лоб не хо? — холодно спросил мальчишка.

— А я что? Я ничего, — тут же «скис» Зайтуллин.

— Вечно эта Алешка выступает, — будто про себя сказала вдруг Оля Иванова.

При слове «эта» Давид подозрительно пригляделся к мальчишке. В самом деле на нем была юбка.

— Помолчала бы, цапочка. А то враз шею сверну! — негромко предупредила Олю Алешка.

— Вот так всегда, — мсланхолично констатировала девочка с большим бантом. — Чуть что — сразу дерется...

— И мне вчера по шее дала! — выкрикнул длиннющий худой мальчик. — Только я запел...

— Выгнать ее из нашей школы надо! Пусть обратно в свою уходит! — вновь воспрял духом ободренный общим настроением Зайтуллин.

— Правильно! Пусть уходит! — зашумели в классе. — Не звали ее сюда!..

Давид удивленно оглядывался. Он как-то вдруг оказался не у дел.

— А-а, зашевелились, бобки, — довольная, что вывела ребят из себя, ухмыльнулась Алешка. — Императора своего защищаете. Вы бы еще на задних лапках перед ним бегали... А, император? Чего молчишь? Тебе бы понравилось...

Леня не отвечал. Только взгляд тяжелел. Не отводила глаз и Алешка. Давид недоуменно смотрел на них. Что-то странное было в этой дуэли взглядов. Притих класс — очевидно, это был уже не первый случай такого столкновения.

Зазвенел звонок на урок.

— Да не связывайся ты, Ленечка. Было б с кем, — сказала Оля Иванова.

Помедлив, Леня опустил на парту. Иванова села рядом на свое постоянное место.

— Уселись, голубочки, рядышком, — презрительно усмехнулась Алешка.

— Вот, опять сама цепляется, — сказал Зайтуллин и тоже пошел к своей парте.

Разошлись и остальные ребята. Давид остался один, посреди класса. Растерянно стал высматривать себе место. И направился к Алешке.

— Свободно?

— Садись, — подвинулась Алешка.

— Ха-а, к Алешке сел! — засмеялся Зайтуллин.

Как от болезненного толчка, Леня повернулся к Давиду, жестко посмотрел на него.

— Добрый день. Садитесь. — В класс вошла Нина Ивановна — женщина лет двадцати четырех. — Давид Калошян? — сразу заметила она его. — Очень приятно. А я Нина Ивановна. Веду русский язык и литературу. И классный руковод... Сиди, сиди, — остановила она поднявшегося было Давида. — А чего так далеко забрался? Может, вперед куда-нибудь сядешь?

Давид оглядел ребят.

— Спасибо. Я здесь останусь, — твердо сказал он.

Прозвенел звонок с уроков. Давид вышел из школьных дверей последним. Стоящий неподалеку Леня поманил его пальцем.

— Пошли?

— Куда?

— Боишься? — улыбнулся Леня.

...По школьному двору быстро шел Леня, за ним еле поспевал Давид. На полпути Леня обернулся и шелкнул Давида по лбу.

— За «выпендрейника!» Остальное потом, — пообещал он невозмутимо, ощущая свое явное физическое превосходство.

— Пошли дальше, — сказал Давид.

Зайдя за угол, Леня остановился и, соznавая полную капитуляцию Давида, сказал:

— Завтра отсядешь от Алешки. Ясно?

— Нагнись, — попросил Давид и, когда Леня вял его просьбе, с размаху влепил ему сочный «шелобан».

Леня отскочил, растерянно уставился на Давида, затем бросился на него и подмял под себя...

Дверь Давиду открыла бабушка Марго с согнутым гвоздем в руке и молотком в другой — борьба с «панелькой» продолжалась. Оглядев Давида, одежда которого красноречиво свидетельствовала о недавней драке, бабушка спокойно произнесла:

— Маладес!.. Подружился...

— Что кричишь? Что кричишь?! — завопил Давид и вбежал в прихожую. — Я же просил вас, просил! Оставьте меня в Ереване!

Ворвавшись в комнату, он ничком бросился на диван и заплакал. Бабушка стояла над ним и вышла на кухню. Стала накрывать на стол. Тарелка выскользнула из рук. Нагнувшись, бабушка принялась подбирать осколки, затем вдруг швырнула их в стену, села на пол, тоже заплакала.

— Бабо, что с тобой? Ты упала, бабо? — влетел на кухню встревоженный Давид.

— Не трогай меня! У меня горе... Я думала, я мужчину вырастила, — оттолкнула его руку бабушка.

— Но я же дома плакал, не на улице!

— Какое мне дело, где ты плачешь! Твой дед плакал?!

— А если обидно? — вскричал Давид сквозь слезы.

— Когда обидно, плакать можно, — подумав, согласилась бабушка. — Но сдаваться все равно нельзя.

— А кто сдается? Кто сдается?! Я, что ли, сдаюсь?!

Бабушка посмотрела на внука, довольно улыбнулась.

— Ладно, поднимай меня с пола, обедать будем.

Кряхтя и опираясь на внука, бабушка еле поднялась на поги. Было ей отроду семьдесят лет, и лишь в глазах не чувствовался возраст.

...После обеда бабушка и внук сидели возле окна, держа в руках по стакану компота, и с тоской глядели во двор. Несколько пожилых женщин, собравшись в кружок, судачили около подъезда, поодаль играли ребята из шестого «б».

— Почему гулять не идешь? — спросила бабушка. — Видишь, сколько ребят...

— А ты почему вниз не идешь? Видишь, соседи стоят, — ответил внук.

Посмотрели друг на друга понимающе, вздохнули и снова повернулись к окну.

— В Ереване всех знала, — сказала бабушка. — Собака на нашей улице пробежала — и та мне хвостом махала.

— А мне не махала?! — вторил ей внук.

Одна из женщин, попрощавшись с соседками, вошла в подъезд. Бабушка сорвалась со стула и заспешила в прихожую.

— Ты куда? — повернулся ей вслед внук.

Не ответив, бабушка взяла совок и вееник и вышла из квартиры. Минуту спустя появился на лестничной площадке и одетый Давид. Бабушка Марго стояла возле шахты и прислушивалась. Как только показался лифт, усердно заработала вееником.

Давид спустился вниз по лестнице. Вышел из подъезда, направился к играющим ребятам. Увидев, что с другой стороны к ним идет Ленья, повернул обратно.

...Бабушка продолжала нести свою вахту — следила через решетку шахты за поднимающимся лифтом. Но лифт прополз мимо.

— Не остановился? — понимающе спросил вернувшийся внук.

Бабушка мрачно посмотрела на него.

...Снова они сидели у окна в прежней позе и глядели во двор.

— Замыкание сделать надо, — сказала она убежденно.

— А мне что делать? — спросил Давид.

Кабинет физики. Давид подошел к своему месту и увидел на сиденье рядом с сумкой Алешки чей-то желтый портфель. Сел на свободную парту в последнем ряду. Ленья обернулся, с усмешкой посмотрел на него. Вспыхнув, Давид вскопчил, схватил желтый портфель, пустил его как кеглю по паркету и сел на освободившееся место.

В класс вошла Алешка, следом за нею учитель физики Борис Васильевич.

— Прекрасно! — всеело сказал Борис Васильевич. — Кто это сделал?

— Я! — сказал Давид. Он привык отвечать за свои поступки.

— А по песку ты так смог бы? — спросил физик.

— Еще как! — сказал Давид.

— А вот и нет! — засмеялся Борис Васильевич. — А знаешь, почему?

— Я ему попозже объясню, — с угрозой произнес Ленья.

— Только попробуй! — негромко, но очень твердо предупредила Алешка, которая уже сидела рядом с Давидом.

— Алешкина, ты хочешь сказать? Ну, ну, давно тебя не слышал, — подбодрил ее физик.

— Я уже все сказала!

— Да, Алешкина, ты вещь в себе, — улыбнулся физик.

— Кто вещь? — вскинулась тут же Алешка.

— Да нет, господи... Это философский термин, — поспешил объяснить физик. — Выражение такое... Скажи, — повернулся он к Давиду, — почему ты катаешься на коньках по льду, а не, скажем, по асфальту?

— Я по асфальту катаюсь, — сказал Давид.

— По асфальту? Ну да, на роликовых. Это летом. А зимой?

— Тоже на роликовых.

Ленья громко рассмеялся. Класс охотно поддержал его.

— Он из Еревана присхал. Там жара зимой! — выкрикнул Зайтуллин.

— Нет, холодно, — сказал Давид, — Но на коньках мы все равно не катаемся.

— Как это холодно, если у вас персики растут и виноград,— вскочил Зайтуллин.— У меня отец пять лет виноград на даче сбит, а мороз жгёт!

— Зимой в Ереване бывает до двадцати градусов мороза,— негромко произнесла Алешка.

— Прогресс! Алешка географией заинтересовалась! — усмехнулся Ляня.

— Что ты сказал?! — подлетела к нему Алешка.— А ну повтори! Ну повтори!

Ляня невозмутимо молчал, не удоставая Алешку взглядом.

— Отец виноград содит, а мороз жгёт, отец снова содит, а мороз снова жгёт... — частил Зайтуллин.

— А, может, армяне на коньках кататься не любят? — проснулся как всегда дремавший с открытыми глазами Доброправов.

— Как это не любят?! — взвился сидящий рядом Петров.— А как они тогда в хоккей играют?! Как?! — затряс он Доброправова.

Сонный Доброправов и не сопротивлялся. В классе поднялся невообразимый шум. Но странно, Борис Васильевич и не пытался остановить ребят. Он, казалось, был даже доволен. Смотрел на ребят добрыми глазами и тихонечко посмеивался.

— Петров, а я и не знал, что ты хоккей не любишь,— наконец негромко произнес он.

— Я не люблю?! — оторопел от такого обвинения Петров и миг отпустил Доброправова.

— Ты. Я ведь про хоккей собираюсь рассказывать, а ты мешаешь.

— Про хоккей?!.. Да тише вы! — прикрикнул на класс Петров и выжидающе повернулся к учителю.

Заинтересовались и остальные ребята. Борис Васильевич затаил чуть паузу, добиваясь полной тишины.

— Вы знаете, что в хоккее скорость доходит до сорока километров в час. Предлагаю мысленный опыт — заменяем лед асфальтом. Какова теперь скорость хоккеистов?

— Никакая. На месте стоять будут! — уверенно ответил Петров.

— Верно. А почему? — спросил учитель.

— Так асфальт же. Не скользко.

— А что такое «скользко»?

— Ну, это... Это когда... — Петров никак не мог найти определение.

— Вот именно с этого мы и начнем сегодняшний урок.— И, полностью завладев вниманием ребят, Борис Васильевич начал занятия.

На перемене ребята обступили Давида в коридоре.

— Давид! Калошян!..— тербила его девочка с большим бантом.

— Я тебе вот что скажу: надо ваш «Ара-рат» на хоккей переключить! — горячо предлагал ему Петров.— Толк будет, я чувствую.

— Слушай, давай я тебе спою, — просил длиннющий худой мальчик.

— Давид... Калошян!..— вновь требовала внимания девочка с бантом.

— Ты мне точно скажи,— тянул его в свою сторону Зайтуллин,— как у вас виноград от морозов спасают?

— Давид! Калошян... Ну, Давид... — все пыталась обратить на себя внимание девочка с бантом.

Давид не успевал отвечать на вопросы, только кивал во все стороны головой и радостно улыбался. Наконец-то он не один, со всеми...

Мимо проходил Ляня. Глянул каким-то боковым взглядом на Зайтуллина и прошел дальше. И Зайтуллин, словно его вдруг утянули на невидимой цепочке, пошел вслед за ним. Потом от Давида «откололось» еще несколько ребят, потом еще. Так и не произнеся ни слова, Ляня шел по коридору в окружении ребят, а возле Давида оставалась только девочка с большим бантом.

— Давид, а правда, что в Армении в шестнадцать лет можно замуж? — спросила она.

Давид хмуρο повернулся к ней:

— Твоё какое дело?!

Около школы к Лене подошел Давид.

— Пошли! — бросил он и пошел вперед. Ляня за ним.

Остановились за углом, Давид обернулся, поставил портфель на землю. То же самое сделал Ляня. Давид молча бросился на него. Ляня ловко увернулся и подставил ногу. Давид упал.

— Завтра чтоб она сидела одна! — хмуро посмотрел на него сверху Ляня и, считая, что разговор закончен, пошел прочь.

— Э! — послышалось за его спиной.

Ляня обернулся. Давид уже стоял на ногах. Короткая схватка — и Давид снова на земле.

— Я не люблю повторять! — зло сказал Ляня, выведенный из себя его упрямством. — Завтра Алешка будет сидеть одна! Тебе ясно?

Давид медленно стал подниматься...

— Ты не уходи! — упрямо поднял он голову. — Я отдохну немножко и встану...

— Не встанешь!

Давид не ответил, чтобы не терять силу на слова. Он просто попытался встать. Ляня с удивлением смотрел, как Давид медленно приподнимается... и вдруг отлетел в сторону. Выскочившая из-за угла Алешка отшвырнула его от Давида.

Бессильно прислонившись к стене, Давид с удивлением смотрел, как стоявшие почти вплотную Алешка и Ляня непримиримо смотрят друг другу в глаза. Ляня отвел их первый. Нагнулся, поднял портфель и медленно пошел прочь.

Давид бежал по улице.

— Подожди, Давид, подожди, — спешила за ним Алешка.

Давид не останавливался.

— Я же хотела тебе помочь, Давид!

— А тебя просили? Просили?! — остановившись, заорал Давид, уязвленный до глубины души помощью девочки.

— Но он должен был получить! Должен, понимаешь? За все!.. — с непонятной страстью выкрикнула Алешка.

— Это мужское дело. Зачем залезла? Я сам справился бы.

— «Сам»... Да что ты против него? — снисходительно сказала Алешка. — Знаешь, какой он? — грустно произнесла вдруг она.

— Какой? — напустился Давид.

Алешка пожала плечами и смерила его снисходительным взглядом с головы до ног.

— А я не такой? Да? Не такой?! — Давид даже задохнулся от обиды. Оглянулся вокруг, подбежал к урне на тяжелой ножке, обхватил ее, приподнял. — Не такой?! Не такой?! — пыхтел, поднимая ее все выше.

Урна вдруг наклонилась и содержимое: смятые пачки сигарет, окурки, обертки изпод мороженого — высыпалось на Давида. Он так и замер с урной в руках, глядя на Алешку. И вдруг прочел жалость во все глазах. Отшвырнул урну и убежал.

Нахохленный Давид хмуро сидел возле бабушки за столом. В доме Калошянов был ужин. По заведенному еще в Ереване обычаю раз в день вся семья должна была собираться вместе. Со стены на домочадцев серьезно глядел дед, занявший наконец предназначенное ему место.

— Семь часов, — сказал сидевший во главе стола папа Георгий и посмотрел на пустующий стул Джульетты.

— Она звонила, уже выходит, — сказала бабушка.

— Я сегодня только завтракал, — сказал папа.

— Начинай есть, — невозмутимо предложила бабушка.

Папа взял вилку. Посмотрел с вызовом на домочадцев.

— А ты почему не ешь? — спросил у сына.

— Подожду, пока все соберутся, — хмуро ответил тот.

Папа брякнул вилку на стол. Она зазвенела.

— Я очень хотел бы знать, кто хозяин в этом доме!

Взоры членов семьи немедленно обратились к бабушке, но она поспешила отвести от себя эту функцию.

— Ты, Георгий. Кто с этим спорит? — сказала она.

— Тогда я хочу спросить, что происходит в моем доме? Я хочу спросить, почему после переезда сюда в моем доме все перевернулось вверх дном? Почему мы уже три дня никак не можем собраться за столом, хотя в Ереване делали это двадцать лет подряд, почему?..

— Расстояния, Георгий-джан, — успокаивающе сказала жена. — В Ленинграде такие расстояния...

— Расстояния?! А почему моя дочь торчит в институте до ночи? Тоже из-за расстояния?! А почему мой сын второй день сидит за столом с таким лицом?! А почему, наконец, от моей жены вчера вечером пахло вином?!

— Георгий, я же говорила тебе, мы отметили мой приход на новую работу, — кратко сказала жена.

— Ты в Ереване четыре раза переходила на новую работу, но вином от тебя ни разу не пахло!

— Но не могла же я отказаться, Георгий... Коллектив...

— При чем тут коллектив! Что ты сваливаешь на коллектив!..

— Георгий, — остановила его строго бабушка и показала глазами на внука. — Давид, иди к себе в комнату.

— Почему это я должен уходить? — возмутился Давид. — Кто хочет поговорить, пусть тот и уходит. Я голодный.

— Вы видите, мама, видите?! — вскричал папа Георгий. — Он уже даже вас не слушается!

На пороге комнаты появилась Джульетта. — Чао! — сказала она, не снимая пальто. — А я замуж выхожу!

В комнате воцарилась полнейшая тишина.

— Слушай, ты когда это успела! — раздался вдруг удивленный возглас Давида.

Бабушка одернула его, не сводя тревожного взгляда с зятя.

Папа Георгий аккуратно промокнул губы салфеткой, хотя так ничего и не съел, и очень тихо произнес:

— Молодец, дочка... Правильно делаешь! В Ереване тебе женихов не хватало. Нужно было приехать в Ленинград, разыскать себе здесь за три дня армянина и выйти за него замуж...

— А он не армянин, — спокойно сказала Джульетта.

— А кто? — в один голос вскричало все семейство.

Вскочив со стула, бабушка поспешно зывела внука в коридор и закрыла за ним дверь.

Давид сидел на кухне, куда глухо доносились возбужденные голоса родных. Достал из хлебницы горбушку хлеба, круто посолил и принялся есть.

На кухню вбежала заплаканная сестра, набрала воды из-под крана.

— Кому плохо? — поинтересовался Давид.

— Мне! — залпом осушила сестра стакан.

— Джуля, а дети у вас скоро будут? — проникновенно спросил Давид.

— Дурак... — Сестра дала ему подзатыльник и убежала обратно.

Вбежала бабушка, поставила на плиту кофеварку.

— Кому плохо? — спросил Давид.

— Отцу!

— А мне хорошо?

— Я одна у вас... Одна! — показала бабушка палец.

Сыпал снежок. Давид брел между домами, и было ему так плохо, как никогда в Ереване, где всегда вокруг были друзья и он никогда не оставался один. Вдруг впереди мелькнул огонек костра.

На берегу замерзшего прудика сидели вокруг костра на пустых фруктовых ящиках ребята лет шести-семи. Что-то странное и тревожное было в этом вольном огне среди стандартных домов, в пляшущих языках пламени, в темных фигурках хранящих молчание ребят. Какая-то атмосфера таин-

ственности, заговора, столь милая сердцу ребенка.

Выйдя к костру, Давид тут же опустился на корточки, чтобы быть не особенно заметным. Мальчишка рядом без слов подвинулся. Давид сел на самый угол ящика.

— Вроде время... — почему-то шепотом сказал паренек чуть постарше остальных, сидящий возле костра спиной к Давиду. Он пошуровал в огне прутиком, выкатил обугленную картофелину и ткнул в нее спичкой.

— Готово! — объявил он, и тут же к нему со всех сторон потянулись руки

— Мне! Мне! Тише! Застукают! — одновременно заговорили все.

Парень выкатывал из костра картофелины, накалывал прутиком и торжественно опускал в подставленные «кораблком» ладошки малышей. Повизгивая от удовольствия, сдерживая лкующие возгласы, ребята едирали запекшуюся корочку и впивались в дымящуюся плоть клубней — что по сравнению с этой едой значило сейчас любимое мамно блюдо!

— Да тише вы, мелкота, тише, — добродушно ворчал парень. — Устроили здесь детский сад. Вот застукаст сейчас нас дворник... Сашок, а ты чего не берешь? Стесняешься, что ли? На тебе, самую большую, — ласково протянул он картофелину малышу.

Не устоял против искушения и Давид, протянул руку. Парень повернулся к нему — это была Алешка. Давид нахмурился, отдернул руку; он не мог простить девочке, что она стала свидетельницей его сегодняшнего поражения.

— Ты чего? Бери, — протянула она Давиду картофелину.

Давид встал и пошел от костра. Вдруг позади раздался хриплый бас:

— Поджигатели! Вот я вас!..

И одновременно голос Алешки:

— Бармалей! Отрывайтесь!..

Давид обернулся. Ребята возле костра бросились врассыпную, а отвлекшую на себя внимание Алешку поймал за руку здоровенный бородатый дядька.

— А-а, попалась! А вот сейчас за уши... — мотал он ее из стороны в сторону, пытаясь добраться до ушей.

— Пусти! Кому говорю, пусти. хуже будет, — безнадежно грозя, билась в его руках Алешка. — Бармалей несчастный!..

Давид стоял и не знал, что делать. Вдруг он подлетел к костру и со звонким криком «Ура-а!» напал ногой по углям. Сноп искр взметнулся к небу. Дядька опешил и выпустил руку Алешки, которая тут же пустилась наутек. Давид за ней.

...Алешка и Давид стояли в безопасном отдалении от хриплого баса, бессильно посылавшего в темноту угрозы.

Алешка повернулась к Давиду, улыбнулась. Давид смотрел на нее сурово и гордо — спаситель!

— Ну, я пойду домой? — как разрешения спросила Алешка, хотя ей, вроде, и спрашивать было незачем.

— Я провожу тебя.

— Зачем? Я одна пойду!..

— А я говорю — провожу! Вдруг еще что-нибудь случится!.. Пошли! — И пошел первым.

Алешка с улыбкой смотрела ему вслед.

— Я вот здесь живу, — кивнула она на подъезд рядом.

Следующий день был воскресным. Лифт не работал, жильцы поднимались пешком. Бабушка Марго стояла на площадке с совком и венком. Давид приоткрыл дверь.

— Замыкание сделала? — восхищенно прошептал он.

Бабушка замахала ему рукой, чтобы он исчез.

— Здравьете... — приветствовала она женщину, поднимающуюся с продуктовыми сумками. — Вы не знаете, почему лифт не работает?

Женщина на миг остановилась, чтобы ответить.

— А вы поставьте сумки на пол, поставьте. Отдохните, зачем торопиться? Вас как звать?..

Давид восторженно покрутил головой — да, вот как надо налаживать контакты. Закрыв дверь, сорвал с вешалки пальто, шапку, шарф. Когда одетый вышел на площадку, вокруг бабушки собралось уже несколько женщин.

— Я вам вот что скажу, — с удовольствием держала речь бабушка. — Главное, чтобы быть вместе. Сейчас расходитесь по квартирам, поднимайте соседей, устройте собрание и выберем делегацию. Этот жэк еще нас долго будет помнить! Давид, оказывается, лифт здесь каждое воскресенье не работает. «Профилактика!» Мой внук, — предостерегла она его соседям.

— Здравсьте... — поздоровался со всеми Давид. — До свидания, — пошел вниз по лестнице.

— Собрание можно устроить у нас дома. Квартира большая, все поместимся. Заодно и познакомимся... — неся ему вдогонку голос бабушки.

Давид подошел к дому, где жила Алешка. Только было собрался войти в подъезд, как навстречу вышла Алешка. Под мышкой у нее был большой сверток, а в руках сумки с пустыми молочными бутылками.

— Привет... А я за тобой, — радостно приветствовал ее Давид.

— Чего? — остановилась Алешка.

— Давай придумаем что-нибудь. Сегодня же воскресенье.

— Времени нету. — Алешка пошла дальше.

— Э... подожди... — Давид побежал за ней. — А ты куда идешь? Бутылки сдавать?

— Ну! — глянула на него искоса Алешка. Ей нравилась его настойчивость.

— Вместе пойдем. Мне все равно делать нечего.

— Но у меня еще дела, — испытующе посмотрела на него девочка.

— Вместе сделаем. Давай? — И он взял у нее сумку с бутылками.

— Ну ладно, — улыбнулась Алешка.

Вдруг из-за угла навстречу вышел Ленья. Увидев их вместе, от неожиданности даже

приостановился, нахмурился, затем нарочито медленным взглядом окинул их, усмехнулся и прошел дальше, заставив Давида уступить дорогу.

— Нечего за мной шляться! — сказала вдруг Алешка, вырвала у Давида сумку и ушла.

Давид открыл дверь своей квартиры, направился в комнаты. Проходя мимо кухни, где бабушка мрачно мешала половником в кастрюле, спросил:

— А где собрание?

Бабушка отвернулась. Давид вошел в комнату. Отец сидел перед телевизором и смотрел детскую передачу. Давид посмотрел отца в спину и вдруг закричал:

— Ты отец или нет? Почему все время телевизор смотришь? Гулять со мной не хочешь, как другие отцы, хотя бы драться научил! Сидит, детскую передачу смотрит — ребенок тоже пашелся!..

Папа Георгий, медленно повернувшись в кресле, тяжело посмотрел на сына и всгал.

— Принеси подушку.

— Какую подушку?

— На какой спишь!

Давид принес.

— Встань сюда. — Отец поставил его перед диваном и заставил прижать подушку к животу. Затем отступил на несколько шагов, неожиданно легко развернулся на пятке, пригнул голову и с громоподобным криком надавал ею сына в живот. Давид с воплем отлетел на диван.

— Что случилось, Георгий? Папа!.. — вбежало в комнату встревоженное семейство.

— Такие вещи я еще в первом классе делал! — Не обращая внимания ни на кого, отец молодцеватой походкой, в которой вдруг проглянула стать бывшего уличного коновода, пересек комнату и снова уселся перед телевизором.

Домочадцы непонимающе глядели то на него, то на Давида, продолжавшего растерянно лежать на диване.

— И попробуй еще раз на отца голос под-
нять,— негромко, очень весомо сказал папа
Георгий.

Мгновенно уловив настроние зятя, бабуш-
ка набросилась на внука:

— Ты почему отцу отдыхать не даешь?
Какое имеешь право человеку мешать?

— Еще одно слово скажу,— все так же
негромко сказал папа Георгий, продолжая
глядеть на экран.— Не поправится мне же-
них — свадьбы не будет!

Джультета шмыгнула носом, беззвучно
заплакала. Мама молча обняла ее.

— Конечно, Георгий-джан.— поспешно
сказала бабушка.— Как ты скажешь — так
и будет! Ты же в доме мужчина! Кофе тебе
сделать?

Георгий выдержал паузу, во время кото-
рой домочадцы ждали его ответа, как слова
божьего, и нехотя бросил:

— Сахару побольше...

Джультета улыбнулась сквозь слезы, ба-
бушка и мама облегченно вздохнули. Давид
же все продолжал следить за отцом широко
раскрытыми глазами — он никак не мог
признать в этом человеке своего папу Геор-
гия, такого всегда привычного, домашнего...
Вдруг слетел с дивана, пригнул голову и ри-
нулся на отца. Георгий ловко подхватил сы-
на, подбросил вверх, рассмеялся, прижал к
себе. Давид не сдавался, откинув голову,
всматривался ему в лицо. Улыбнулся. Нет,
конечно же, это был папа Георгий.

Кабинет литературы.

— Молодец, Леня, просто молодец! — Ни-
на Ивановна осталась очень довольна его
ответом.— Ребята, вот как нужно отвечать.
Словам — тесно, а мыслям — просторно. Са-
дись, Леня, отлично...

Леня пошел на место, по дороге взглянув
на Алешку с улыбкой осознанного престо-
сходства.

— Ишь ты, смотри, как доволен.— хмуро
шепнула Давиду Алешка.— Опять умнее
всех выставился...

— Алешкина! — вызвала учительница.

Леня тут же обернулся к девочке с от-
кровенно-снисходительной усмешкой: «Ну-
ну, посмотрим, как ты после меня ответишь».
Алешка встала, помолчала немного и
вдруг, с вызовом посмотрев на Леню, зая-
вила:

— А я не учила!

— Почему? — удивилась Нина Ивановна.

— Времени не было!

— Как это не было? Чем же ты была за-
нята?

— Они с Калошяном хозяйством занима-
лись,— подал голос Леня.

Зайтуллин, а за ним еще несколько ре-
бят, с готовностью рассмеялись.

— Котлеты жарила! — выкрикнул кто-то
и сам же расхохотался собственной «остро-
те».

— Что, смешно очень? — Алешка словно
ждала этой реакции ребят, вскочила и повер-
нулась к ним: — А хотите, я вам еще что-то
расскажу? Вдоволь насмеетесь!

— Хотим! Рассказывай! — весело закрича-
ли в классе.

— Ребята, прекратите! — застучала Нина
Ивановна карандашом по столу. — Алешки-
на, сядь...

— Спасибо, я постою... Нина Ивановна,
скажите, вы вчера обедали?

Нина Ивановна хотела было осадить де-
вочку за неуместный вопрос, но потом ре-
шила, что лучше разрядить обстановку.

— Обедала,— спокойно сказала она.

— А кто вам сготовил все?

— Сама. А что?

— Ха-ха-ха,— засмеялась Алешка и вдруг
оборвала смех.— Чего же вы не смеетесь,
бобики? Вот ведь комедия какая — человек
хозяйством занимался! Котлеты, наверное,
жарила, борща наварила. Ну, чего скисли,
давайте посмеемся...

— Тронулась совсем,— удивился Зайтул-
лин.

— А-а, не хотите? Ну, конечно. Это вам
не Алешкина какая-то. Вот с Алешкиной
можно, она ведь чужая. Тут уж вы все ско-
пом — как же, чужак, не по-вашему поет!

— Алешкина, что ты говоришь! Это не-

правда! — растерялась от ее слов учительница.

— Ах, неправда! А то, что вы все здесь только и мечтаете, чтоб от меня избавиться, тоже неправда?! Сказала бы я вам...

Не договорив, Алешка схватила портфель и выскочила из класса.

— Алешкина!.. Света! — Учительница поспешно вышла за нею.

В классе наступила растерянная тишина.

— Ты! — вдруг рванулся Давид к Лене. — Из-за тебя все!.. Ты все начал!..

Надменно взглянув на Давида, не вставая из-за парты, Леня толкнул его рукой в грудь. Давид потерял равновесие, но парта позади сдержала падение. Леня уже шел к нему. Давид пригнул голову, набрал в грудь воздуха и, заревев вдруг «а-а!», как торпеда, врезался Лене в грудь. Тот отлетел к доске, грохнулся на пол и очумело уставился на Давида.

— У-у... — прошел по классу удивленный гул.

Не глядя на поверженного противника, Давид невозмутимо прошел за своим портфелем и вышел из класса, напоследок со снисходительной усмешкой обернувшись к ребятам.

Нина Ивановна разговаривает с Алешкой возле лестницы. За ними виднеются пустынные школьные коридоры. Девочка стоит одной ногой на ступеньке, хмуро глядит в пол, и видно, что только нежелание обидеть учительницу сдерживает ее от того, чтобы сбросить разговор и уйти.

— ...Алешкина, ну почему ты молчишь? Что-то произошло, да? — спрашивает учительница.

Алешка отмалчивается, не поднимая головы.

— Светлана, ведь что-то произошло, я чувствую. Тебе плохо в нашем классе?

Алешка не отвечала.

— Ну, послушай, ты сказала, что мы все мечтаем избавиться от тебя. Ты не могла

это просто так сказать. Значит, ты так думаешь. Почему?

Алешка продолжала угрюмо молчать.

— Светочка, пойми меня. Если ты не расскажешь всего сама, я не смогу тебе помочь. А я хочу, ты веришь мне?

Учительница мягко взяла ее за плечи, повернула к себе и заглянула в глаза. И вдруг увидела в них такую боль и смятение, что растерялась, первой отвела взгляд.

— Ну хорошо, иди, — сказала тихо и долго смотрела, как девочка спускается по лестнице.

Алешка подходила к дому. Возле подъезда ее ждал Давид.

— Ты где пропадаешь? — напустился он на нее. — Жду тебя здесь...

— А зачем? — удивилась Алешка.

— Затем! Пошли!

— Куда это?

— Куда, куда, — проворчал Давид. — В гости ко мне. Два дня уже дружим — а дома у меня не была. Семья уже удивляется!

— Не, я не пойду, — застенялась Алешка.

— А я говорю, пошли! — И, воспринимая уже как само собой разумеющееся, свою «мужскую» власть над нею, Давид не дослушал и пошел вперед. И, что самое странное, после секундного колебания, Алешка покорно последовала за ним.

Праздничный стол в семье Калошиных. За столом Алешка с Давидом. Вся семья и предполагаемый будущий член ее — высокий парень с роскошной окладистой бородой. Атмосфера напряженная, хотя внешне все спокойно. Папа Георгий добросовестно исполняет роль хозяина — разливает коньяк, мама Асмик подкладывает гостю еду, чуть испуганно поглядывая при этом на его бороду. Джульетта, заранее предвидя печальный исход встречи, подавленно молчит, едва сдерживая слезы.

— Ешь, балик-джан, — угощает Алешку бабушка, единственный человек за столом,

которого словно и не касается все происходящее.

Алешка благодарит, но при этом все ее внимание на отце с матерью.

— Ваше здоровье,— поднял Георгий рюмку, выпил и спросил: — Скажите, а вы давно знакомы с моей дочерью?

— Два года уже...

— Два года? — живо повернулся к нему Георгий.

Мама облегченно улыбнулась: два года все же срок.

— Да, два года,— подтверждает парень.— Четыре дня в прошлом году, тогда Тетта приезжала сюда на капикулы, и три дня в этом...

Папа Георгий помолчал, подвигал губами, посмотрел на прячущую глаза дочь, погом на домочадцев.

— Кто приезжал? Тетта?! — спросил спокойно, но сле сдерживаясь.

— Да, так мы называем ее в институте. Согласитесь, что Джульетта уж слишком претенциозное имя,— охотно объяснил парень.

Глаза папы Георгия вспыхнули гневом, но мама незаметно, хотя это и не укрылось от глаз Алешки, положила руку ему на локоть, и папа смолчал.

— И потом, у армян же есть прекрасные имена и вполне можно было обойтись без Шекспира,— добавил парень с улыбкой.

Мама с дочерью испуганно взглянули на Георгия. А тот снова подвигал губами, затем решительно отодвинул от себя тарелку и сухо спросил:

— Какие, например?

— Ну, Парандзем, Репсиме, Нунефар, Шотекат, Астхик... Астхик... Вы только вслушайтесь, как это мелодично — Аст-хик... Звездочка...

Домочадцы с удивлением воззрились на парня.

— Правильно говорит! — бабушка вдруг хлопнула рукой по столу, да так, что зазвенела посуда. Алешка удивленно повернулась.— Ты помнишь, Георгий, я тебя предупреждала, когда она родилась! Не называя

девочку Джульеттой, сколько у нас имен хороших!

— Между прочим, мама, вас тоже называли не Репсиме, а Маргаритой! — сказал папа.

— Ну и что? Я разве виновата, что уже тогда «Королева Марго» была в моде? А в общем, Георгий, я тебе так скажу: этот человек мне нравится. Хотя я и понимаю, кто научил его нашим именам. Нравится — и все! А дальше делайте, что хотите... Но учтите, свое слово я уже сказала! — постучала бабушка пальцем по столу.

Папа Георгий вскинул глаза и встретился с твердым и непреклонным взглядом тещи.

Алешка занервничала, посмотрела на Давида. Тот успокаивающе подмигнул ей. Он то точно знал, кто главный в доме.

Между тем дуэль взглядов между бабушкой и Георгием продолжалась. Жених с беспокойством смотрел на них, но Джульетта, невольно повторяя жест матери, положила ему руку на локоть. Исход встречи и для нее был уже решен.

— Даже Карл Маркс послал бороду! — сказала бабушка и встала.

— Мама, вы куда? Разве я что-нибудь сказал? — объявил зять капитуляцию.

— Я вернусь сейчас,— величественно повернулась бабушка в дверях.

На звонок бабушки соседнюю дверь открыла пожилая женщина.

— Здравьете... Вы меня помните? — спросила бабушка.

— Здравствуйтесь,— не очень усердно произнесла женщина.

— Не закрывайте,— сказала бабушка и пошла к другой двери.— Здравьете. Вы меня помните? — спросила она у другой соседки с сигаретой в руке и, не давая ей ответить: — Подождите здесь... — пошла к следующей двери.

Женщины, стоя на пороге своих квартир, недоуменно переглянулись.

— Помню! Помню! Вы еще обещали нашему жэку голову намылить! — вскричала

радостно в третьих дверях молодая женщина.

За столом в квартире Қалояшянов были все те же, кроме бабушки и Георгия, разговаривающего по телефону.

— Майора Одинцова попрошу... Александр Александрович? Здравия желаю! Ты чего делаешь? Тогда так, записывай адрес и забирай с собой жену... Нет, ничего особенного, все свои, маленький семейный праздник... Понял. В девятнадцать сорок выйду встречать...

Он повесил трубку и появился в столовой одновременно с бабушкой, которая вела соседей.

— Наши соседи! — торжественно объявила бабушка.

— Добрый вечер, проходите... Проходите, пожалуйста... Садитесь... — сердечно приветствовал их папа Георгий.

— А это мой зять! — гордо улыбнулась бабушка. — Георгий Аршакович...

Алешка, не отрываясь, следила за проходящим, глаза ее были тоскливы.

— Алешка, давай беги за родичами, — шепнул ей Давид. — Алешка!

— А?.. Да, хорошо, я сейчас, — сказала Алешка и вышла в прихожую.

— Только быстро, ладно? — попросил вышедший с нею Давид.

Надсвая куртку, Алешка продолжала смотреть из прихожей в комнату.

— Ладно. — Она повернулась и вышла из квартиры.

— Поскорей, слышишь? — крикнул ей вдогонку Давид и закрыл дверь.

Алешка вышла из подъезда, остановилась, долго смотрела на освещенные окна Қалояшянов, в которых мелькали тени, опустила голову и, глядя себе под ноги, медленно пошла прочь.

Школьный спортивный зал. Урок физкультуры. Мальчики шестого «б», разделившись на две команды, играют в баскетбол. Девочки в другом конце зала занимаются гимнастикой.

— Двадцать четыре — тридцать шесть! — объявляет учитель физкультуры. — Соболев, я тебя не узнаю!

Леня Соболев, капитан команды, в которой играет и Давид, бросается с мячом вперед. Его опекают сразу два игрока противника.

— Мне! Мне!.. Я свободный! — бсжит рядом Давид.

Леня, подчеркнуто не замечая его, ведет мяч один и, конечно, теряет. Стремительный обратный проход соперников — гол.

— Двадцать четыре — тридцать восемь! Соболев, в пас надо играть! — замечает учитель

Теперь начинаст игру Зайтуллин. Хочет передать мяч Давиду, но, одернутый негромким окриком Лени: «Кому?», дает пас Петрову, тот — Лене, и они втроем входят на территорию соперника. Под щитом, удачно выбрав позицию, никем не опекаемый, стоит Давид и кричит:

— Мне! Пас!.. Я открытый!..

Но команда, следуя примеру Лени, играет без него. Леня, взятый в «коробочку», отчаянно вертится с мячом, ища свободного своего. Но все они под плотной опекой, ведь фактически на поле в команде Соболева четыре игрока — Давидом пренебрегают. Мяч у Лени отнимают, несколько коротких передач противника — и снова гол.

— Двадцать четыре — сорок!

— Пропграем же! Пасуй! — В азарте игры забыв про вчерашний инцидент, подбежал Давид к Лене, но тот подчеркнуто смотрел сквозь него.

Игру снова начал Зайтуллин. Давид наскочил на него, выхватил мяч и ринулся вперед. Но игроки обеих команд прекратили борьбу. Они спокойно стояли на поле и смотрели на бегущего в одиночестве Давида. «Пожалуйста», — даже сделал кто-то из соперников жест в сторону открытого щита. Давид остановился. Посмотрел на ребят, на собравшихся возле поля девочек. Все понял. Развернувшись, ловко всяд мяч, пошел обратно, обошел один за другим всех игроков своей команды, стал спиной к щиту и, не глядя, забросил мяч в свою корзину. В

зале раздались аплодисменты. Это в одиночестве хлопала Алешка.

Леня, стоя под щитом, как-то странно смотрел на нее.

Гурьбой вывалили ребята шестого «б» из школьных ворот. Центром компании, как всегда, был Леня.

На углу компания распалась. Большая часть ребят, попрощавшись возгласом или жестом, свернули влево, двое-трое перешли улицу. Остались Леня, Оля и Зайтуллин.

— ...А ты видел, как она хлопала ему? Нарочно ведь, назло нам. Завидно, что мы такие дружны,— продолжал Зайтуллин.

Леня резко остановился.

— Заяц, а ты так смог бы — один! — хлопать?

— А зачем? — растерялся Зайтуллин.— Ну, вообще, если надо...

— Нет. Вот если не надо? — с непонятной злостью смотрел на него Леня.

— Так только Алешка может,— пренебрежительно бросила Оля.

— Вот именно,— как-то невесело усмехнулся Леня.

— О, мороженое! — увидел кноск Зайтуллин.— Угощаю! Неразменный рубль!

— Мне трубочкой! — подскочила к нему Оля.

Зайтуллин расплатился, взял себе одно мороженое, два протянул Оле.

— Леня, тебе какое? — спросила Оля.— Леня!

Леня стоял спиной к ней и смотрел, как Алешка весело вталкивала Давида в подошедший к остановке автобус.

— Слушай, куда едем? Почему автобус? — удивлялся Давид.

— Куда, куда... Три дня уже дружим — а мой дом еще не видел! — передразнивая акцент Давида, шутила Алешка.

— Твой дом рядом!

— Полежай, полежай...

Двери захлопнулись, автобус отошел. Проводив его взглядом, Леня вдруг заме-

тил, что рядом стоит Оля и смотрит ему в глаза.

— Твое мороженое,— тихо сказала она, отдала ему брикет и ушла вперед.

Давид и Алешка шли по старому району Ленинграда. Улицы здесь были тихие, не очень широкие, с потемневшими от дождей и времени домами, и стояли эти дома не так, как в новых районах, а вплотную друг к другу, прижавшись и лишь изредка расступаясь то для маленького в одну скамейку скверика, то для детской песочницы, засыпанной сейчас снегом, а то и просто оставляя между собой узенький проход, в просвете которого виднелся другой дом, такой же темный и уютный.

Весело мотая выбившимися из-под шапочки светленькими прядками, Алешка подбегала то к одному дому, то к другому, торопясь, говорила:

— Вот сюда я ходила в детский сад. А вон там, видишь, моя школа. Я в ней всю жизнь училась, до этого года. А вон больница, где я родилась. Три килограмма весила...

— А я три пятьсот,— сказал Давид и удивился: — Э, а почему ты сейчас больше меня, Алешка?

Не отвечая, она смотрела через улицу на невысокий дом красного кирпича.

— Мой дом,— глуховатым голосом произнесла она.

— У тебя что, два дома?

— Это мой настоящий, мы здесь все вместе жили... Пошли! — рванулась она через улицу к подъезду.

Со всех ног, перескакивая ступеньки, бежала Алешка по лестнице. Давид еле поспевал за ней. Увидев пролетом выше зеленую дверь, Алешка замедлила шаг, тяжело, будто преодолевая какую-то силу, подошла к двери, долго смотрела на нее, несмело протянула руку к звонку и... не дотянув, круто повернулась, сбежала обратно по лестнице.

Давид, смутно ощутивший какую-то боль в душе друга, шел рядом с быстро шагавшей по улице Алешкой, поглядывая на нее

снизу вверх, но спросить ничего не решался.

— А вот булочная,— не глядя на Давида, сдавленным голосом сказал Алешка.— Мне мама здесь каждое утро калачик покупала. Подожди...

Давид остался на улице, а Алешка вошла в булочную на углу, маленькую, тесную, на одного продавца.

— Теть Катя, здарсьте! — поздоровалась Алешка с продавщицей.

— Ой, Светочка пришла! — обрадовалась та.— А как выросла! Красивая какая стала, ну прямо на выданье... Алевтина, выдь, глянь, кто у нас объявился!..

Из подсобки вышла пожилая женщина в синем халате, видно, уборщица.

— Светка, что ли? — подслеповато прищурилась она.— Ой, а тощая-то какая, ой, ободранная, мослы все наружу... Чего мать не заходит совсем к нам? — участливо спросила она. — Видела я ее давеча с этим...

— Алевтина,— укоризненно остановила ее продавщица.— Светочка, угостить тебя чем-нибудь?

— Дайте мне две булки, тетя Катя,— поспешно отвернулась Алешка от уборщицы.

— Держи! Твои любимые, калачики... Алешка полезла в карман за деньгами. — Еще чего?! — возмутилась продавщица.— Ты это брось!

— Нет, тетя Катя, я заплачу! У меня есть — я хозяйство веду! — твердо сказала Алешка, выкладывая на прилавок мелочь. — Спасибо, — пошла она к выходу.

— Отцу привет передай, слышишь? — крикнула продавщица вдогонку. Долго смотрела через стекло витрины, вздохнула.

На улице Давид занялся булкой и не сразу заметил отсутствие рядом Алешки. А та шла далеко вперед, уставясь куда-то прямо перед собой и зло кусая зажатую в кулак булку.

— Алешка, подожди,— спохватился Давид.— Ты что, не слышишь? — Нагнал ее и схватил за руку, но Алешка вырвалась и резко отвернулась. Плечи девочки мелко вздрагивали.

— Алешка, ты плачешь?! — испуганно спросил Давид.

— С чего это вдруг? — зло повернулась к нему Алешка. Глаза ее были сухи и широко открыты.— Я никогда не плачу. Почему?! Никогда!

Давид открыл дверь своим ключом и с порога крикнул:

— Бабо, есть хочу! Бабо!..

Никто ему не ответил. Давид открыл дверь одной комнаты, потом другой. Прошел на кухню. Приподнял крышку кастрюли, внюхался — аромат. Облизнулся, закрыл крышку. Принюхался к содержимому сковородки. Снова облизнулся, раздраженно хлопнул крышкой, сел на стул и уставился на плитку. Самому накрыть себе на стол его не приучили.

На кухню вошла бабушка.

— Слушай, ты где пропадаешь? Опять, как в Ереване, целыми днями дома нет? Голодный твой внук, голодный!..

— Много будешь говорить,— величаво повернулась к нему бабушка,— совсем без меня останетесь. Замуж выйду!

— Ты тоже?! За кого?

— Начальника жэка. Он мне вчера руку поцеловал!

Давид медленно опустился на стул.

— Испугался? — грустновато улыбнулась бабушка.— Не бойся. Не родился еще такой человек, ради которого я могла бы забыть твоего деда... И не родится! Иди мой руки.

— ...А вообще, мог бы и сам разогреть. Пример с друга бери. Твоя Алешка все сама делает... — говорила бабушка внуку за едой.

— А ты откуда знаешь? — очень удивился Давид.

— Эх, балик-джан, как ты думаешь, я столько лет на свете с закрытыми глазами прожила? Ты видел, какие у нее руки? Дома у нас такие руки только у меня...

Давид посмотрел на свои руки, потом на бабушкины, снова на свои.

А когда бабушка принялась убирать со стола, молча встал к раковине и взялся за щетку для мойки посуды.

Давид готовил уроки. Задумался, поднял голову от учебника, долго смотрел на портрет деда. Со двора донесся свист. Давид выглянул в окно; сбив на ходу стул, вылетел в прихожую.

Хлопнула дверь в подъезде. Давид подбежал к Алешке, на ходу напяливая шапку, а другой рукой влезая в рукав пальто.

— Давид, простудишься! — крикнула сверху бабушка.

— Здравсьте! — поздоровалась с ней Алешка.

— Здравсьте, балик-джан. Почсму не заходишь? Поднимайся...

— Спасибо. Мы погулять.

Бабушка улыбулась ей из окна.

Давид и Алешка вышли к замерзшему пруду, возле которого неделю назад Алешка пекла на костре картошку для малышей. Усевшись на портфель, Алешка сняла обувь, достала из холщового мешочка старые ботинки с привинченными коньками и стала надевать их.

— Кататься будешь? — тоскливо спросил Давид, которому так хотелось хоть разок прокатиться на настоящих коньках.

— Пошуруй в мешочке,— не глядя на него, бросила Алешка.

Давид поднял мешочек, запустил в него руку — лицо его выразило удивление, он недоверчиво обернулся к другу — и вытащил красивые белые ботинки с блестящими лезвиями коньков.

— Для меня? Алешка, для меня?! — завопив от радости, Давид подскочил к ней, навалился сверху, и они оба кубарем покатились по снегу.

Несуключе ковыляя на коньках до берега, Давид осторожно ступил на лед, оттолкнулся н... поехал.

— Еду, еду, еду... — шепотом, боясь спугнуть удачу, выговаривал он. Доехал под внимательным взглядом Алешки до середины пруда и вдруг что было сил закричал: — Еду! — И тут же грохнулся на лед.

После двух-трех падений Давид освоился — помогло катание на «роликах», — и

вскоре они с Алешкой, как ночные бабочки, носились друг за другом по льду в быстро наступающих зимних сумерках. Падал с неба легкий снежок, вокруг было тихо и безлюдно, зажглись разноцветными огоньками окна домов, и все происходящее показалось Давиду каким-то счастливым сном наяву.

Подражая кому-то из известных фигуристов, Давид упал на колено, поднял руку и выкатился на середину пруда. Неожиданно лед под ним треснул, и Давид оказался в воде. Хорошо, здесь было по колено, он тут же вскочил одной ногой на лед. Другая не поддавалась, видно, конек зацепился за что-то на дне. Упершись руками о лед, Давид что было сил дернул ногу и вытащил. Но без конька.

— Промок? — подлетела к нему Алешка.— А где ботинок? — вдруг заметила она.

— Там остался. Зацепился...

Изменившись в лице, Алешка, не задумываясь, легла на край полыньи, опустила руки в ледяную воду и стала шарить по дну.

Давид попытался ей помочь, но Алешка оттолкнула его.

— Застудишься. Держи лучше за ноги,— и вдруг опустила голову и плечи под воду. Теперь она шарила по дну обеими руками.

— Тащи... — на миг высунулась она.

Давид схватил за коньки и выволок на лед счастливую и совершенно промокшую Алешку с ботинком в руке.

— П-п-побежали,— сле выговорила она.

— М-мне н-нельзя т-таким д-домой. Бабо волноваться б-будет.

Алешка колебалась, смотрела на замерзшего Давида.

— Ладно, ко мне пойдем.

Они вбежали в квартиру Алешки и бросились в ванну. Алешка пустила горячую воду.

— Раздевайся скорее!

Давид не заставил себя ждать. Он уже блаженствовал в ванной, когда заметил, что Алешки рядом нет.

— Алешка! — крикнул он, высунув голову из-за полиэтиленовой занавески

— Чего тебе? — появилась на пороге Алешка, глядя в сторону.

В руке она держала чистую тряпицу, которой тщательно протирала белый ботинок, Переодеться она так и не успела, с одежды капало, зубы выбивали дробь.

— Заболеешь! — завопил Давид — Залезай скорей ко мне!

— С ума сошел! — возмутилась Алешка. — Я же девочка!

Давид остолбенело уставился на нее, опомнился, в ужасной панике задернул занавеску да еще нырнул под воду.

Давид в рубашке и трусах причесывался в ванной.

— Можно? — постучала Алешка в дверь.

— Нельзя! Я не одетый! — гордо сообщил Давид. Причесавшись, поискал глазами брюки.

— А где мои брюки? — спросил он через дверь.

— Я их высушила и выгладила, — сказала Алешка.

— Сама? — Давид распахнул дверь и выхватил брюки у девочки. — Сожгла, наверное, — стал их осматривать. — Нет, — очень удивился. — Откуда ты научилась гладить?

— Оденся, — укоризненно сказала Алешка.

Давид глянул на свои голые ноги, потом недоуменно на отвернувшуюся девочку и снова исчез в ванной.

...Одетый, старательно причесанный, Давид вошел в комнату. Квартира была однокомнатной. Кровать, стол, диван, полуразобраный телевизор в углу, рядом, прямо на мягком сиденье полированного дорогого стула, паяльник, баночки с канифолью, на другом стуле мужская рубашка и брюки. В квартире чувствовался недостаток, было чисто, но как-то уж очень неуютно.

— А где родичи? — спросил Давид у появившейся Алешки.

— На работе отец...

— А мама?

— На Севере. На зимовке... — нехотя, скороговоркой пробормотала Алешка. — Веч-

но отец свои вещи разбрасывает. Никак приучить не могу, — ворча, она убрала в шкаф отцовы рубашки и брюки.

— А телевизор ты разобрала?

— Отец чудит! — с гордостью сказала Алешка. — Из космоса передачи ловить хочет...

— А сможет? — удивился Давид.

— Скажешь! Он все может. Знаешь, какой он мастер! Золстые руки!

— А мама кем работает?

— Сказано тебе, на зимовке она, — недовольно сказал Алешка. — Дамский парикмахер... Ты есть хочешь? У меня первое-второе есть.

— Ты что, правда сама все готовишь?

— А то кто же? Ну, будешь?

— Не... А я сейчас дома посуду тоже сама мою...

...Они сидели на кухне, пили чай. Давид листал семейный альбом. Алешка намоченным в масле комочком ваты протирала белые ботинки.

— Алешка, а почему все обрезанные? — спросил Давид, когда ему попала уже третья фотография с неровно отсеченными краями.

— Отец обстругал, — неохотно отозвалась Алешка.

— А кто там был?

— Никто! — Алешка пригнула голову к ботинку и ожесточенно стала его тереть. — Больше не дам коньки... Скажи своим, чтоб купили. Или в моих по очереди кататься будем...

— А эти для чего? Выходные? — пошутил Давид.

Алешка подняла голову, долго смотрела на друга, словно решая, говорить или нет.

— Материны они, — сказала тихо.

Снова помолчала и вдруг соскочила со стула, присела перед кухонным шкафчиком, торопясь, выложила на пол кулечки с крупами, банки с солью, сахаром и мукой, приподняла газету, устилающую дно шкафчика, и достала из-под нее самодельный конверт. В нем лежали две любительские фотографии.

На одной было море, пляж. Мужчина и женщина, обнявшись, стояли по шиколотку в воде, а на их плечах сидела пятилетняя Алешка. На второй фотографии весело и немного кокетливо улыбалась красивая молодая женщина.

Давид обернулся к Алешке, тоскливо глядящей через его плечо на снимки.

— А это кто, мама?

— Она...

— Красивая... — сказал Давид. Подумал немного и решил сказать приятное.— Как ты...

— Не смей так говорить! Слышишь? Никогда больше не смей! Я не хочу быть на нее похожей! — вырвала Алешка у него снимки, подскочила к шкафчику и стала прятать их обратно.

Давид посмотрел ей в спину, повернулся и пошел из комнаты.

— Давид, ты куда?

— Никуда! Почему все время кричишь на меня? — взорвался он.— Что я тебе, мальчик маленький?!

— Ладно, ладно, — примиряюще сказала Алешка.

— Ничего не ладно! На друзей кто кричит? На друзей кричать можно?! Ух, была бы ты женщиной, знаешь, что с тобой сделал?! — Он нахлобучил шапку и потянулся за пальто.

— Давидка... Ну подожди, Давидка... — отнимала у него Алешка пальто.— Ладно, извини меня. Я больше не буду. Только не уходи...

— Извини, извини... — пробормотал Давид, вешая пальто обратно.— Хорошо, совесть еще осталась, извинилась...

Он вернулся в комнату, сел на диван.

— Хочешь еще чаю? А, может, кофе тебе сделать? А, Давидка?

Давид выдержал паузу, во время которой Алешка с беспокойством ждала его ответа, и нарочито нехотя бросил:

— Кофе... И сахару побольше!

Алешка тут же убежала на кухню, а Давид блаженно развалился на диване.

... Давид, с удовольствием, со вкусом

причмокивая, пил на диване кофе, а Алешка, прислонившись напротив к стенке, внимательно смотрела на него.

— Давид, а ты мне правда друг? — внезапно спросила Алешка.

— А кто ж еще? Из-за тебя со всем классом поссорился. Как Робинзон Крузо — один живу! — выставил он палец.

Алешка молчала, на что-то решаясь.

— Я сейчас покажу тебе что-то, — тихо сказала она. — Только поклянись, что до самой смерти молчать будешь!

Давид укусил согнутый палец.

Удовлетворенная Алешка направилась к шкафу, но вдруг резко остановилась.

— Точно никому не скажешь?

— Я палец кусал! — оскорбленный в своих лучших чувствах, крикнул Давид.

— Смотри! — сказала Алешка. — Я это никому на свете не показываю. Даже отцу...

Она полезла в шкаф, достала узелок с лоскутками материи, которые скапливаются в любом доме, и выудила оттуда свернутую в трубочку тоненькую тетрадку.

— Все ты прячешь, — сказал недовольно Давид. — А это что еще такое?

— Стихи... — со странным выражением протянула ему тетрадку Алешка.

— Чьи стихи?.. Тебя спрашиваю!

— Ну, мои... — еле выдавила из себя Алешка.

— Твой? Ты что, стихи пишешь?! — вскочил с дивана Давид, который мог предположить в друге любую способность, но только не эту.

— Хватит болтать! — сердясь от стеснения, оборвала его Алешка. — Будешь читать или я обратно спрячу?

— Буду, буду...

— Только подожди, я на кухню выйду...

Алешка закрыла за собой дверь, а Давид раскрыл тетрадку. «Посвящается моей маме», — было написано красными чернилами на первой странице.

...Давид сидел на диване, продолжая читать, когда в комнату влетела Алешка.

— Отец идет! — Вырвала тетрадку и нырнула в шкаф к узлу.

Щелкнул дверной замок, и на пороге комнаты появился мужчина лет сорока, наспуленный, с худым костистым лицом. Хмуρο усталился на Давида.

— Здравствуйте... — вскричал Давид. — Заходите... Я друг Алешки.

Мужчина, молча отдав дочери пальто и шапку, снова повернулся к Давиду.

— Есть будете? — спросил Давид, — У нас первое-второе есть... Алешка, накрывай на стол!

— Это кто? — без улыбки спросил отец.

— Батя, это Давид. Мы учимся вместе, — заторопилась Алешка, с беспокойством глядя на отца.

— Что ты стоишь?! Обед грей, с работы отец пришел! — поднял на Алешку голос Давид.

— Сам-то ел? — спросил вдруг отец, впервые обратившись прямо к нему.

— Я дома буду. Без меня за стол не садятся.

Алешка метнулась было на кухню, но отец остановил ее:

— Ладно, сам я... Беседуйте...

И еще раз глянув внимательно на Давида, неожиданно улыбнулся краем рта и ушел на кухню.

— Отец мой... — сказала Алешка. — Константин Николаевич...

В дверях вдруг снова появился отец, гадливо держа за шнурочки белые ботинки.

— Ты где их взяла? — изменившимся голосом спросил он. — Она была здесь? Ты пустила ее?!

— Отдай! — бросилась к нему Алешка. Отец вернулся на кухню, открыл люк мусоропровода и кинул туда ботинки.

Скрежеща сталью по трубе, падали они вниз.

— Зачем? — подбежал Давид к люку. Открыл его, закрыл. Обернулся к Алешке. Та стояла в дверях и волчком глядела на отца.

— Эх, ты! — вздохнул отец и отвернулся.

Сникнув, словно из нее разом вылетел весь пыл, Алешка опустила голову и вышла из кухни. Давид — за нею.

— Скорее! Их можно достать! Ну что стоишь?

Алешка повернулась к нему, сделала шаг и спрятала лицо у него на груди. Давид застыл, боясь пошевелиться. Потом поднял руку и, как взрослый маленькую, стал успокаивающе гладить девочку по голове. Другая рука его нелепо болталась.

Кабинет физики. На окнах шторы, полумрак. Тускло отсвечивают стеклом портреты ученых по стенам. На демонстрационном столе два больших металлических шара на пластмассовых стойках. От шаров провода ведут к полуразобранной электростатической машине, с которой возится Борис Васильевич. Рядом с ним Нина Ивановна.

— ...А сколько я ее на разговор пыталась вызвать, — продолжает Нина Ивановна. — Мне иногда даже неудобно, я будто ломлюсь туда, куда меня не хотят пускать. Алешкина, Светлана, Светочка, случаи из своей школьной жизни рассказываю... А она молчит. И я со всеми своими педагогическими премудростями, которым нас в институте обучали, стою перед ней — дура-дурой.

— А может, дома у них что-нибудь? — предположил Борис Васильевич. — Ты говорила с родителями?.. Подержи-ка, — передал он Нине Ивановне янтарную шесточку от машины.

— Что родители! Мать на зимовке, отец в школу приходит. Хмуρο все выслушивает, буркнет: «Спасибо, до свиданья» и прочь поскорей. Я уже и в школе ее старой была, думала, узнаю что. А там мне удивляются, говорят, прекрасная девочка, открытая, веселая... Словно подменили ее у нас.

— Ты знаешь, — прервал работу Борис Васильевич. — Может, это субъективно, но у тебя в классе я постоянно ощущаю

какое-то напряжение. Ребята словно заведены на что-то...

— Вот именно! — воскликнула Нина Ивановна. — А в чем причина — не могу понять. Плохо, что я и класс-то мало знаю, только с сентября... Борька, ты же опытный меня, что мне делать, подскажи...

— Ишь ты, рецепт ей дай, — усмехнулся Борис Васильевич. — Нету его, нету. Сама не хуже меня знаешь. Вот попортишь себе с ними кровь, может, найдешь этот рецепт. И то — для данного частного случая. Для другого — новый ищи! Мы с тобой на вредной работе, нам только молоко не дают, — засмеялся он. — Отойди-ка...

Борис Васильевич с силой крутнул ручку электростатической машины, и между шарами с грохотом проскочила длинная голубая искра.

Столовая. Большая перемена. Шестой «б», как обычно, завтракает вместе, сдвинув несколько столов. Веселые шуточки, подначивания. Давид ест в одиночестве за дальним столом и украдкой с завистью поглядывает на одноклассников.

— А хотите, я вам спою? — вскочил вдруг длинный худой мальчик, но ребята со смехом усадили его обратно.

Леня что-то прошептал Зайтуллину. Тот удивленно посмотрел на него. Леня коротко сказал что-то еще и подтолкнул его плечом. Зайтуллин подчинился. Поднялся из-за стола и, держа в руке стакан с какао, подошел к Давиду.

— Сяду?

— Конечно, — обрадовался Давид.

— Как жизнь? — От необычности поручения Зайтуллин держался очень естественно.

Давид пожал плечами.

— Вечером не занят?

— Нет... А что? — заинтересованно спросил Давид.

— Тебя приглашают на день рождения. Будет весь класс. Если согласен, встре-

тимся возле школы в шесть часов, я отведу тебя...

— А кто приглашает?

— Придешь — узнаешь. Так договорились?

— Я с Алешкой приду.

Зайтуллин пожал плечами.

— А ну, брысь отсюда! — появилась возле стола Алешка.

Зайтуллин испуганно вскочил.

— Подожди, — остановил его Давид.

— Катись отсюда. Кому говорю?! — Алешка непримиримо смотрела на Зайтулина.

— Ну, ты... Не очень-то... — захохотился было тот.

— В лоб? — холодно спросила Алешка.

— Что в лоб, что в лоб?! Все время в лоб! Других слов не знаешь! — поспешил Зайтуллин от стола.

Давид хмуро смотрел на Алешку.

— Человек за стол сел, хлеб хотел со мной разделить. Зачем выгнала?

— Не люблю двурушников. Везде поспеть хочет, — презрительно бросила Алешка.

— Почему двурушник? — неожиданно, словно оскорбили его самого, возмутился Давид. — Все у тебя плохие! Одна только ты хорошая! Ни с кем дружить не хочешь!

— Неправда, — очень серьезно сказала Алешка. — С тобой же я дружу.

Давид опустил глаза. Пересиливая что-то в себе, с робкой надеждой спросил: — Алешка, а ты с ними никогда не помиришься?

— В жизни!..

Бабушка шила на машинке. Давид вошел в комнату, постоял у окна, побарабанил пальцем по стеклу. Остановился у книжного шкафа, посмотрел на корешки книг, снова назойливо забил по стеклу. Мельком посмотрел на портрет деда, отвернулся. Встал за спиной у бабушки. Сел напротив.

— Дай, пошью немного.

Не отрываясь от шитья, бабушка мотнула головой. Давид послунывил палец, стал водить по клеенке, искоса поглядывая на бабушку — как ей этот звук. Звук был препротивный.

— Дай пошью...

— У тебя дела больше нету?

— Нету.

— Погуляй пойд.

— Один?

— А где Алешка?

— Интересно, почему ты никогда не спрашиваешь, где другие мои друзья? Алешка только одна со мной учится? Помнишь, сколько товарищей в Ереване у меня было?

Бабушка ничего не ответила.

— В универсаме стоит. Живую рыбу выкинули, — сказал Давид.

Бабушка подумала немного, встала и пошла одеваться

— Ты куда? — вскочил Давид.

— Рыбу куплю...

— А я один останусь?! Один! — Давид словно только и ждал этого момента. — Разбежались все! Жить без рыбы не можете! Рыба что, самое главное на свете?!

Бабушка внимательно посмотрела на него, повесила обратно пальто.

— Если хочешь, я не пойду.

— Нет! Иди! Иди!.. Все идите! Пусть я один останусь! — Давид выскочил из комнаты, влетел в свою, бросился ничком на кровать. — Только потом не говорите, что я виноват! Не говорите! — проговорил он в подушку.

Вечером Давид со свертком под мышкой подошел к Зайтуллину, который ждал его возле школы.

— Я пришел просто так. Спросить, у кого день рождения, — сразу объявил он.

— У Лени.

— У Лени?! Я не пойду! — Давид повернулся и пошел обратно.

— Эй! — крикнул вслед Зайтуллин. — А чего ты тогда подарок взял?

— Я думал, не у Лени день рождения. К нему я никогда бы не пошел. Честное слово! — стал горячо оправдываться Давид.

— Да брось ты. Знаешь, как весело будет. Весь класс собирается. Идем. Ну...

Давид стоял и молча смотрел на Зайтуллина, борясь сам с собой. Но, сделав первый шаг, редко когда удерживаются и от следующих.

Леня открыл дверь, и на лестничную площадку выплеснула музыка, веселые ребячьи голоса.

— Привет, — улыбался Леня открыто. — Заходите...

Первым вошел Зайтуллин, следом, пряча глаза, Давид.

— Вот. Подарок, — сунул он сверток Лене. Заставить себя сказать «поздравляю» он не мог.

— Спасибо. Раздевайтесь, ребята. — Леня все не закрывал дверь, выжидаяюще смотрел на нее. — А где Алешка? Прячется, наверное? — Он улынулся, выглянул на площадку, изменился в лице, захлопнул дверь и как-то странно посмотрел на Давида. — Так ты, значит, один пришел? — усмехнулся презрительно и ушел в комнату.

Зайтуллин поспешил за ним.

Словно облитый холодной водой, стоял Давид один в прихожей. Повернулся к двери, собираясь уйти, но из комнаты вдруг выбежала Оля.

— Ты один? Алешки нет? — встревоженно спросила она. — Ой, молодец, что пришел! — расцвела она. — Ну что ты стоишь, раздевайся, пойдем... — затеребила она упирающегося Давида, стащила с него пальто, шапку и повела в комнату.

Здесь было шумно, много ребят, играла музыка. Оля посадила Давида к столу, положила на тарелочку пирожное, поставила бокал с соком.

— Угощайся. Чувствуй себя как дома. А Алешка точно не придет? — снова мелькнула тень тревоги на ее лице.

— Нет, — буркнул Давид.

— Ну, ешь, ешь... — Оля метнулась к проигрывателю, поменяла пластинку, взяла у кого-то из девочек кофточку, накинула на себя как шаль и, громко объявив: «Испанский танец!», дробно забила каблуками в пол.

Давид недоуменно смотрел на девочку. Из нее так и рвалась наружу радость.

Заинтересовавшись танцем, ребята приблизились, стали в круг. Давид сидел за их спинами. Один. Нехотя принялся за пирожное.

— А где Алешка? — услышал он позади голос. Это проснулся дремавший в кресле Добронравов.

— Дома, — нехотя сказал Давид.

— Вы же всегда вместе ходите, — снова подал голос Добронравов.

— Твое какое дело! Что пристал? Спишь — и дальше спи! — Давид раздраженно шмякнул в тарелку пирожное и высочил из-за стола.

Разбившись на группки, ребята развлекались, как могли. Кто-то показывал фокус со спичками, несколько человек собрались возле проигрывателя и молча «балдели», отбивая ногой такт, кто-то на спор, под ободряющие возгласы друзей, опорожнял уже пятый бокал с соком. Петров самозабвенно играл в настольный хоккей.

Давид сидел чуть в стороне от всех, наблюдал. Заставить себя подойти к ребятам первым он не мог — слишком памятной была недавняя игра в баскетбол. Но и сидеть одному, да еще в переполненной комнате, было до ужасного обидно. Вся его натура протестовала против такого одиночества.

Ребята же не приглашали его вовсе не потому, что сознательно чурались. Просто не было повода. Им было и так интересно друг с другом.

Вдруг длинный худой мальчик вынес на

середину комнаты стул, постелил на него газету.

— А теперь я спую! — объявил он и полез на стул.

— Да не надо! Сань, надоело!.. — удерживали его ребята.

Но мальчик вырвался, влез на стул. Прижал одну руку к сердцу, другую откинул вверх и вбок, глянул из-под нее на ребят, тихо сказал: «Итальянская народная песня» и вдруг в диком надрыве затянул:

— О, ма-ма миа, про-шай, Лю-си-я, охо-хо-хо-о-о-о...

— Ну вот, включился. Сейчас всю душу вытянет, — сказал Петров, отрываясь от хоккея. Подошел к продолжавшему петь Сане, снял его со стула, отнес в сторону — Саня все пел, — посадил на диван и сунул в рот бутерброд. Саня умолк.

Ребята смеялись. Улыбался и Давид. Леня посмотрел на Зайтуллина.

— Внимание! — крикнул тот. — А сейчас Калошян споет нам армянскую народную песню!

— О!.. Ну, Калоша, давай, давай! Жми, Давид, покажи Сане, как петь надо! — закричали ребята, подходя ближе.

Вскочив со стула, Давид растерянно оглядывался.

— Какую песню? Я не пою...

— Ну тогда станцуй, — предложил Леня холодно.

— И не танцую...

— А что ж ты можешь? — деланно удивился Леня.

— Ничего... — совсем потерялся Давид.

— Жаль-жаль. А мы-то думали... — усмехнулся Леня и отошел от Давида. За ним потянулись и остальные ребята.

— Чего ж ты? Тебя бы я послушал, — разочарованно сказал Петров, вновь возвращаясь к хоккею.

Давид смотрел на расхившихся ребят и понимал, что если он сейчас их чем-то не заинтересует, сидеть ему здесь одному «до упора».

— Я могу! — вдруг крикнул он. — Я стихи могу почитать!

— Стихи? Школьная программа на дому? — иронически улыбнулся Леня и только отвернулся, как Давид отчаянно крикнул:

— Нет, они не школьные, они настоящие!

— Ну, ну... — посмотрел на него Леня испытующе. — Полезай, — и кивнул на стул.

— Не, я отсюда.

— А нужно оттуда. — Чувствовалось, что Леня издевается над ним.

— Полезай, Давид, давай, не боись, не упадешь! — весело шумели ребята.

Давид поднялся на стул. Смотрел сверху на окруживших его ребят.

— Ну, что же ты? Начинай! — требовали ребята.

И Давид тихо начал:

Ночевала тучка золотая,
Утром далеко она умчалась...
Я стояла долго на умзале,
Будто навсегда с тобой прощалась.
Дождь холодный капает на крыши,
Молния трамвайная сверкает...
Я твой голос за окошком слышу,
Только этого никто не знает.
Мальчик заведет себе собаку
Или заведет себе сороку.
Только очень плохо человеку,
Если человеку одиноко.

— Я только это запомнил. Но там еще было много, — сказал Давид.

— Где это там? — спросил Леня.

Давид молчал. Спрыгнул со стула.

— Так где там? — снова спросил Леня. — Сам ведь написал, Самоделкин. Признавайся.

— Нет, это не я.

— Сам, сам, признавайся! Давид у нас поэт! — затеребили его ребята.

— А что, мне понравилось, — вошел в круг проснувшийся Добронравов.

— Правда, понравилось? — обрадовался Давид.

— Молоток! — воскликнул Петров.

— Здорово, Давид! — крикнул Зайтуллин.

Давид счастливо засмеялся и гордо выпалил:

— Да это ж не я, это Алешка!

И тут вдруг наступила тишина.

— Алешка?! Брось заливать-то, — сказал Петров.

— Хм, Алешка стихи пишет! — засмеялся Зайтуллин. — Скажи лучше, кулинарную книгу рифмуешь!

— Сам ты рифмуешь! — вступился в защиту Давид. — Она целую тетрадь исписала! Вот такую!

— Подожди, Заяц... Ну, ну, Давидик, рассказывай дальше, — подошла к нему Оля.

— А что рассказывать? — поняв, что он наделал, скучно спросил Давид.

— Про Алешкину. Все рассказывай. Нам очень интересно... — И Оля со значением посмотрела на Леню.

Квартира Калошианов на следующее утро.

— Давид-джан, вставай, Давид, опоздаешь, — ласково будит бабушка Марго накрывшегося с головой внука. Приподнимает одеяло и видит широко раскрытые тоскливые глаза мальчика. — Ты заболел? Давид-джан, больной ты?

— Хоть бы умер я... Выйди, я оденусь.

Класс.

— Тебя что, не было вчера дома? Я приходила, — села Алешка рядом с Давидом.

— Что ты пристаешь ко мне?! Что пристаешь?! — взорвался вдруг Давид.

Алешка недоуменно смотрела на него. Давид отвернулся, едва сдержавшись, чтобы не заплакать.

Едва прозвенел звонок с урока и Борис Васильевич вышел из класса, как Зайтуллин подскочил к двери и заложил ее ножкой стула.

— Внимание, внимание! Великая новость! Всем оставаться на местах! А ты

куда? — спросил он у подошедшей к двери Алешки.

— В лоб? — спокойно спросила она.

— Попробуй только! — неожиданно твердо сказал Зайтуллин. — Мы теперь все про тебя знаем! Леня, давай!

Леня, однако, продолжал сидеть молча.

— Леня, ты чего? Договорились же! Нечестно! — сказал Зайтуллин.

— Давай, Леня, давай! — потребовали ребята.

Пересилив себя, Леня встал и вышел на середину класса.

— Дело в том... — запинаясь, с явной неохотой, начал он, — что у нас в классе появился поэт...

— Поэт Алешкина! — крикнул Петров.

— ...И мы решили разобрать его стихи, — продолжал Леня.

— Врешь ты все! — вдруг крикнула Алешка.

— Не вру! — неожиданно яростно сказал Леня. — У друга своего спроси!

Как от неожиданного удара повернулась Алешка к Давиду.

Тот отвел глаза.

Алешка бросилась к двери, забилась в нее, закричала:

— Пустите! Пустите же! Ну выпустите...

Но Зайтуллин и Оля крепко держали стул, не давая выдернуть ножку. Алешка вдруг обессилела, опустила руки, повернулась к Лене и с таким отчаянием посмотрела на него, что у того перехватило дыхание.

— Леня, что же ты? Читай! — весело требовали ребята.

— Не надо, Леня, — вдруг жалобно попросила девочка с бантом.

Леня молча вернулся на свою парту.

— Я прочту! — сказала Оля, вышла на середину класса и, приняв «позу», начала:

Я твой голос за окошком слышу,
Только этого никто не знает.
Мальчик заведет себе собаку
Или заведет себе сороку,
Только очень плохо человеку,
Если человеку одиноко...

— Что мы имеем в этих стихах? — менторским тоном спросила Оля.

— Собаку! Мы имеем собаку! — засмеявшись, выкрикнул Зайтуллин.

— Вот-вот, — продолжала Оля. — Начала с Лермонтова, а кончила собакой...

— И сорокой!... — подхватил Зайтуллин.

— «Только этого никто не знает», — язвительно процитировала Оля.

Но Алешкина не слышала ее. Она молча смотрела на Давида, съездившегося в комочек за своей партией.

— Алешкина не хочет говорить, Алешкина презирает нас, — усмехнулась Оля. — А ведь мы, между прочим, не врем как ты. Вот ты говоришь, что у тебя мама уехала на зимовку, на Север, да?

— Хватит! Ну, хватит! Не надо больше! Хватит!.. — вырвалось у Алешки.

— Почему же — хватит? — покачала головой Оля. — Вот когда ты недавно ругала нас, мы ж слушали. И ты тоже нас послушай...

— Ну, я прошу, не надо... Я очень прошу, слышите, я очень прошу...

— Плачет... Ух ты, Алешка плачет! — хихикнул Зайтуллин.

Дремавший как всегда Добронравов проснулся, сонно оглядел класс, вперевалку направился к двери, одним толчком отшвырнул Зайтуллина, выдернул ножку стула и распахнул дверь.

Но Алешка, словно в ней надломилось что-то, даже не сделала попытки сдвинуться с места.

— Открыта же! Открыта дверь! — крикнул отчаянно Леня.

Алешка, спотыкаясь, медленно вышла из класса.

Давид звонит в квартиру.

— Алешка, открой! Это я, Давид... Алешка! Я знаю, что ты дома! Я шел за тобой! Открой!.. — колотит в дверь руками и ногами.

Выходит из подъезда — уже сумерки, переходит на другую сторону улицы, смотрит

рит на окна. Они темны. Встает под заснеженное дерево, поднимает воротник пальто и ждет, не сводя взгляда с Алешкиных окон.

На противоположной стороне, не замеченный Давидом, идет Ляня. Вошел в подъезд Алешки.

... Давид под деревом уже околесил, согревает дыханием озябшие руки. Поднимает случайный взгляд к окну Алешки — в нем горит свет, — бросается к подъезду и сталкивается с выходящим на улицу Ляней.

— Ты?! Она пустила тебя?!

Ляня, глянув на Давида, обошел его и спустился по ступенькам.

— Стой!.. — нагнал его Давид. — Драться давай!..

Ляня молча уходил дальше.

— Глухой? Я драться с тобой хочу! Драться!

Ляня остановился.

— С предателями я не дерусь. — И пошел дальше.

— Я — предатель?! — снова встал на его пути Давид. — А ты что, лучше? Это ты все начал! Ты!..

— И я не лучше, — сказал Ляня и свернул на другую сторону улицы.

— Я драться с тобой хочу, — поймал его за рукав Давид. — Слышишь, драться!

— Да отстань ты от меня! И без тебя тошно, — сказал вдруг Ляня очень устало.

— Сейчас, сейчас... Уже скоро. Еще немножко... — шептал Давид и бежал по колену в снегу к пруду, где недавно они катались с Алешкой на коньках.

Он вышел на середину пруда и стал подпрыгивать на одном месте, сильно ударя каблуками в лед.

— Предатель, да? Предатель?.. Предатель?.. — продолжал прыгать он и наконец добился своего. Провалился в воду.

Стоял по пояс в ледяной воде, впитывал ее в одежду, доводил до тела и, еле шевеля

посиневшими губами, вышептывал, как закливание:

— Вот умру... умру... Тогда узнаете, какой я предатель. Но уже поздно будет...

Громкие глухие удары пульса. Комната с полузадернутыми шторами, полумрак. Стул, на нем чашка с недопитым чаем, многочисленные склянки с микстурами, градусник. Открытая дверь в соседнюю комнату — там мама, папа Георгий, кто-то из соседей.

А в этой комнате измятая постель, красное одеяло и лицо Давида на белой подушке. Сухие запекшиеся губы, слипшиеся от горячего пота черные волосы и огромные, затуманенные температурой глаза.

У изголовья кровати — бабушка Марго. Напротив жених-бородач в белом халате, рядом с ним Джульетта.

— Кто пришел?!.. Кто пришел?.. — вдруг вскакивает на постели Давид и невидящими глазами смотрит на дверь. — Кто-то пришел, да?.. Пришел?..

— Соседи это, соседи, — бережно укладывает его обратно бабушка.

Давид снова впадает в беспамятство. Глухие удары пульса.

В комнату входит мама, кладет руку на плечо бабушки.

— Мама, я смению тебя, поспи немного. Третий день не ложишься.

— Я не устала, — сухо говорит бабушка.

— Мама, ты все придумала! Ты ни в чем не виновата! Он ведь еще ребенок, он не понимал, что делает...

— Должен был понимать! — непреклонно сказала бабушка. — Он мой внук, значит, я виновата, что он не понимал...

— Алешка пришла! — снова взметнулся Давид. — Почему вы не пускаете ее? Это же Алешка, мой друг!

Бабушка успокоила его, уложила.

— Мама, ну разреши мне пойти за этой свечкой! — взмолилась мама Асмик. — Я не могу смотреть, как он мучается. Я при-

веду ее, в конце концов притащу просто!

— Не пушу и сама не пойду! — сказала твердо бабушка. — Захочет — придет! Но я бы не пришла!..

Жених, менявший компресс Давиду, мельком взглянул на бабушку.

— Мама, ну о чем мы сейчас говорим! Разве это сейчас важно? — продолжала мама Асмик.

Бабушка подняла к дочери глубоко запавшие, обведенные синевой усталости, измененные глаза.

— А когда это будет важно? Когда он вырастет?!

Мама в отчаянии выбежала из комнаты.

— Тетта, выйди на минуту, — сказал вдруг жених.

— Зачем? — удивилась она.

— Я говорю, выйди!

Джульетта беспрекословно подчинилась.

— Не думал я, что вы такая, — сказал жених бабушке.

— Какая? — недовольно посмотрела она на него.

— Вы что, сами в жизни никогда не ошибались? Всегда все было гладко?

— Что ты хочешь? — хмуро спросила бабушка.

— Что я хочу — я сделаю! — Жених встал и скинул с себя халат. — Тетта, подмени меня, — позвал он тут же прибежавшую Джульетту и вышел.

— Добрый день, садитесь! — вошла в класс Нина Ивановна.

Подошла к окну, долго стояла там, грея руки над радиатором и глядя на кружащиеся за стеклом снежинки. Потом медленно повернулась к классу.

— Урока литературы сегодня не будет, — сказала она тихо, — я не смогу научить вас чему-нибудь сегодня... А, может быть, и никогда уже не смогу... Хотя предмет свой люблю и, вроде бы, даже знаю. Нет, знаю! — упрямо мотнула она головой. — Но этого совершенно недостаточно, чтобы иметь право учить вас. Недостаточно, — тихо говорила она, глядя куда-то мимо при-

тихших ребят. — Сейчас я пойду к Алешкиной просить, чтобы она не уходила от нас. Она не хочет больше учиться с нами. Я не знаю, как у вас все началось, хотя должна была знать. Но знаю, что не может быть правильным, когда люди объединяются для того, чтобы другой человек остался один. И готовы ради этого использовать даже предательство... Калоян виноват, но он понял это и ему сейчас очень плохо. И все-таки, главные виновники — это мы... И я — в первую очередь. Потому что за вас в ответе. И если я еще могу просить вас о чем-то — подумайте над случившимся. Подумайте... Это еще не поздно... — она постояла немного молча и быстро вышла.

Дверь за ней закрылась. Класс застыл, словно в каком-то оцепенении. И, как зияющая рана, сверлила глаз пустая парта в крайнем ряду...

Яркий весенний день. Во дворе школы радостная суета. Празднично одетые первоклассники носятся друг за другом, весело что-то кричат, и у каждого в руке маленький букетик. Вот они гурьбой окружили входящего в ворота школы фотографа с треногой на плече, заплясали вокруг.

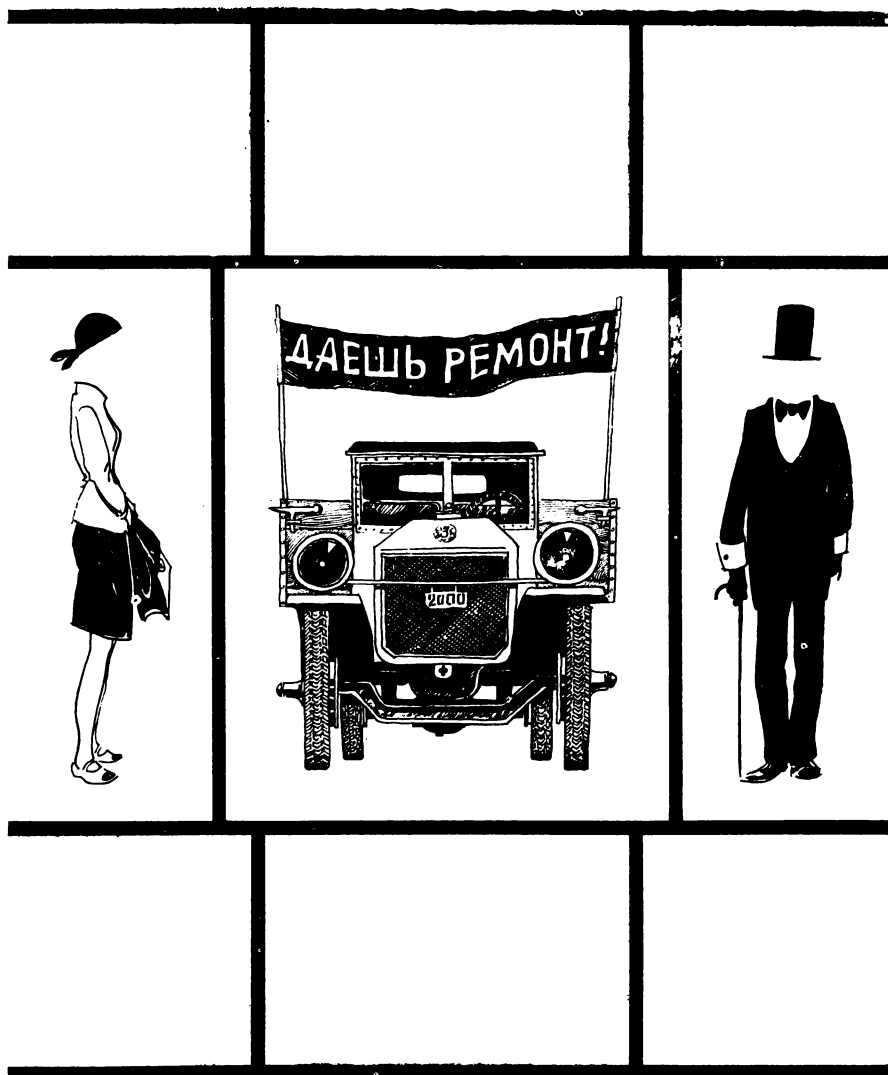
— Снимать!.. Снимать!.. Нас снимать пришли!..

— Вас попозже... Через девять лет, — добродушно говорит им фотограф, устанавливая треногу. Поправил фокус, накрылся с головой черной материей, щелчок...

И на весь экран возникла фотография выпускаемого десятого «б».

В центре, в окружении ребят, в руках у которых букетики, врученные первоклашками, сидит не очень изменившаяся за эти четыре года классный руководитель Нина Ивановна. В последнем ряду стоят рядом Алешка и Леня.

Еще щелчок. Все цветы у Нины Ивановны. Алешка и Леня смотрят друг на друга. А позади, обняв их за плечи и просунув вперед голову, улыбающийся Давид с черной полоской пробивающихся усов.

ИЗ АРХИВА МАСТЕРОВ

НОВАЯ РУБРИКА АЛЬМАНАХА

Пожалуй, ни один вид искусства не связан так тесно со своим временем, как кино. Сама его природа предопределяет фотографически точное отображение эпохи в ее конкретных приметах. Герои, их дела, их быт, атмосфера времени и обстоятельства экранного действия — все это надолго запечатлевается на киноленте. Надолго, но не навсегда. Сколько фильмов ранней поры кинематографа безвозвратно утеряно в беге того самого времени, которое это фильмы с такой точностью отражали! Судить об этих произведениях сегодня мы можем лишь по разрозненным фотоснимкам, воспоминаниям современников и — по литературным сценариям, если они сохранились в архивах киномастеров прошлого. В архивах остались и литературные киносценарии, по каким-то причинам не завершенные, по каким-то причинам не поставленные. Думается, все эти материалы интересны для нашего современника не только как исторические документы, но и как своеобразные образцы сценарной литературы, характерные для того или иного этапа развития советского кино.

В этом номере альманаха, выход которого приурочен к 60-летию советской кинематографии, редакция впервые вводит рубрику «Из архива мастеров».

Сценарии Григория Михайловича Козинцева и Леонида Захаровича Трауберга «Похождения Октябрины» и «Братишка», сохранившиеся в архиве Г. Козинцева, отражают один из самых ранних этапов становления киноискусства молодой социалистической республики. Форма их записи характерна для эпохи немого кино — все кадры будущих фильмов пронумерованы. Сами фильмы не сохранились. Публикацию подготовили В. Г. Козинцева и Я. Л. Бутовский, текст сценариев выверен Л. З. Траубергом.

Публикуемый под той же рубрикой сценарий «Крах» Михаил Ильич Ромм и Евгений Иосифович Габрилович писали в самом начале 50-х годов, в один из острых периодов «холодной войны». Сценарий этот остался не до конца завершенным. Он передан редакции из личного архива М. Ромма народной артисткой РСФСР Е. А. Кузьминой. Текст подготовил к печати Е. И. Габрилович. Сценарий публикуется с некоторыми сокращениями, в тексте они обозначены курсивом.

Григорий Козинцев
Леонид Трауберг

ПОХОЖДЕНИЯ ОКТЯБРИНЫ

Пролог. I. На далеком расстоянии три восклицательных знака, которые приближаются, расширяясь и вырастая.

2. В каждом из знаков появляется фигура человека (Октябрина, эппман, Пуанкаре). Люди в знаках подносят руки рупором ко ртам.

3. Изо ртов вылетают буквы, которые, соединяясь, образуют фразу: ОБРАЗЦОВЫЙ УПРАВДОМ ЛЕНИНГРАДА.

4. Люди в знаках сгибаются и...

5. ...превращаются в вопросительные знаки (восклицательные исчезают).

6. Три вопросительных знака увеличиваются и пропадают.

Д в о р. I. Членский билет РКСМ раскрывается на имени: Октябрина.

2. Фотокарточка оживает, появляется лицо Октябрины.

3. Октябрина за бюро во дворе штемпелюет бумаги, нажимает кнопку.

4. Крупно: палец Октябрины нажимает кнопку: «Уборка двора».

5. Из подъезда выезжает мотоцикл с дворником на нем.

6. Вид мотоцикла в движении с лейкой и метлой.

7. Вид двора сверху с несущимся мотоциклом.

8. Октябрина оглядывает двор, замечает оставшуюся кучу сора.

9. Отдельно: куча сора.

10. Октябрина вскакивает и идет к куче.

11. Октябрина у кучи, идет на нее.

12. Куча исчезает. Октябрина взглянула в

зеркало.

13. В зеркале отражение вывески: «Петроградское О-во» и т. д.

14. Октябрина повернулась, вынула револьвер.

15. Вывеска: «Дом Петроградского О-ва Взаимного Кредита».

16. Рука Октябрины с револьвером, стреляет.

17. Вывеска: «Дом Петроградского...»

18. Вывеска: «Дом Ленинградского...»

19. Октябрина смотрит на часы.

20. В ободке часов стреляющая пушка.

21. Бюро. Карточка НОТа: «12 час. — прогулка животных».

22. Октябрина свистит.

23. Из другого подъезда — выход животных.

24. Шествие животных.

25. Дворник подъезжает к Октябрине, выслушивает приказ, берет рупор.

26. Из рупора слова: ГРАЖДАНЕ! ВАШИ НАЛОГ-КВИТАНЦИИ!

27. Стены двора. Изо всех окон — руки с бумажками.

28. Октябрина в бинокль рассматривает окна. Вдруг изумляется.

29. Одно окно без квитанции.

30. Над окном появляется надпись: КВАРТИРА № 14.

31. В окне за занавеской силуэт эппмана в кресле, с сигарой.

32. Октябрина удивлена. Подходит к бюро, раскрывает домовую книгу.

33. Перелистываемая книга, при № 14:

«И. И. Иванов, безработный».

34. Октябрина сомневается. Решает поверить. Подбегает к трамплину.

35. Ударяется о трамплин, прыгает.

36. Октябрина в воздухе.

37. Окно раскрыто. Влетает прыжком Октябрина.

К в а р т и р а н э п м а н а. I. Ноги нэпмана. Качаются в такт вдыханию дыма.

2. Нэпман благодушествует и курит. Собака на плече тоже. Нэпман вынимает щеточку, маникюрит ногти, оглядывает комнату.

3. Угол с иконами.

4. Граммофон и клетка с канарейкой.

5. Белье на веревке.

6. Топор колет дрова.

7. Свинья с поросятами.

8. Общий вид комнаты.

9. Нэпман умилен. Из окна сзади него, через него пролетает Октябрина и садится на пол.

10. Нэпман в ужасе бросается в шкаф.

11. Октябрина с изумлением осматриваетеся.

12. Мелькают примечательности комнаты.

13. Октябрина, возмущенная, вскакивает.

14. Нэпман вылезает из шкафа в рваном костюме.

15. Превращается в святого с ореолом.

16. Октябрина не верит. Стреляет в нэпмана.

17. Оболочка святости и рванье на нэпмане...

18. ...исчезают. Нэпман испуган и куржится.

19. Октябрина упрекает его в нарушении правил и самозванстве.

20. Нэпман наглет, бросается на нее.

21. Бокс.

22. Нэпман полетел на пол.

23. Октябрина достает из кармана радиотелефон.

24. Лицо и рука с аппаратом в кружке.

25. Возникают другие кружки: в них лица членов Жилтоварищества и руки с аппа-

ратами. Лица слушают Октябрину, одобряют.

26. Надпись: ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЖИЛТОВАРИЩЕСТВА: ВЫСЕЛИТЬ НА КРЫШУ.

27. Кружки с лицами исчезают.

28. Октябрина прячет аппарат, решительно поворачивается и ударяет кулаком по столу.

29. Нэпман и все его вещи...

30. ...исчезают. Октябрина стоит с важным видом.

К р ы ш а. I. Вид крыши.

2. Слуховое окно чердака. Вылетают одна за другой вещи нэпмана. Затем он.

3. Нэпман вылез, не удержался и скатился к барьеру крыши.

4. Плачущая над водосточной трубой физиономия нэпмана.

5. Из трубы струя воды.

6. Нэпман подымает голову, утирает слезы, оглядывается. Видит улицу.

7. Улица. Вход в пивную.

8. Нэпман радуется, вынимает удочку и закидывает ее.

9. Тротуар. Идет дама. Спускается крючок, зацепил шляпу с париком и унес. Дама, облысев, не замечает этого, идет дальше.

10. Нэпман вытянул шляпу и парик, плюет, бросает их вниз.

11. Улица. Идет лысый господин, отирая лоб. Парик попадает ему на голову.

12. Нэпман снова закидывает удочку.

13. Вытянул бутылку.

14. Нэпман от радости пляшет. Хочет открыть бутылку.

15. Рука его бьет по доньшкуну.

16. Нэпман, полагая, что пробка вылетела, льет пиво в рот. Ничего не льется.

17. Нэпман изумлен, тыкает пальцем в пробку, наконец сообразил. Ставит бутылку на трубу, отходит к вещам и достает револьвер.

18. Нэпман стреляет в бутылку.

19. Из бутылки облако дыма.

20. В дыме появляется завертевшийся Пуанкаре, который становится в позу.

21. Нэпман ошарашен. Протирает глаза, надевает очки, затем подходит к Пуанкаре и прикасается к нему пальцем.

22. Пуанкаре спрыгнул. Из глаз его молнии. Нэпман отлетел.

23. Пуанкаре прыгнул на трубу в прежнюю позу. Оглядел Ленинград.

24. Вид.

25. Пуанкаре осторожно слез, подошел к нэпману. Тот в радости бросается навстречу. Из глаз Пуанкаре опять молнии. Нэпман падает.

26. Пуанкаре достает визитную карточку и протягивает ее нэпману.

27. Рука, протягивающая карточку: «Пуанкаре», и лицо нэпмана.

28. Нэпман остолбенел. Крестится на Пуанкаре.

29. Пуанкаре небрежно снимает шляпу, затем поворачивается.

30. Нэпман усиленно крестится на зад Пуанкаре.

31. Пуанкаре отходит. Нэпман за ним.

32. Пуанкаре — верхом на флюгере, нэпман преподносит ему...

33. ...воспросительный знак на руке.

34. Пуанкаре начинает рассказ.

Кабинет министров. I. Табличка на двери: «Отдельный кабинет министров».

2. Под столом — женские и мужские ноги.

3. Женская спина и хлопающая по ней мужская рука.

4. Слуга засматривает в шелку, ухмыляется.

5. Над столом руки с бокалами вина, перекрещиваются.

6. Вытягивается женская нога, Пуанкаре целует ее.

7. Физиономия Пуанкаре в цилиндре с моноклем, зевает и усылает этуаль.

8. Уходящие женские ноги.

9. Физиономия Пуанкаре. Он видит куклу, свирепеет.

10. Посредине комнаты — автомат в буденовке и шинели.

11. Пуанкаре в трусах, цилиндре и ленте яростно вскакивает, бросается к кукле.

12. Пуанкаре прыгает вокруг куклы, осылая ее оскорблениями, плюет на нее.

13. Входит лакей, убирает со столика.

14. Пуанкаре хватает винтовку, целится в куклу.

15. Лакей с подносом идет к дверям.

16. Пуанкаре стреляет, попадает в лакея.

17. Лакей роняет поднос и с криком убегает.

18. Пуанкаре в неистовстве бросается на куклу, ударяет в нее.

19. Кукла отшатывается, затем подается вперед и сшибает с ног Пуанкаре.

20. Пуанкаре падает на пол, садится. Ему пришла идея.

21. Надпись: ОТОМСТИТЕ БОЛЬШЕВИКАМ. ЕДУ ИНКОГНИТО В ЛЕНИНГРАД ОТНИМАТЬ ЦАРСКИЕ ДОЛГИ У ГОСБАНКА. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ — БУТЫЛКА.

22. Пуанкаре вскакивает, зовет лакея.

23. Вбегает лакей, неся бутылку.

24. Пуанкаре достает из рукава этикетку.

25. Этикетка пивоваренного завода Лепо.

26. Пуанкаре наклеивает этикетку на бутылку, вставляет воронку.

27. Лакей подает ему фрак.

28. Пуанкаре, надевая брюки, подмигивает кукле.

29. Карта Европы. Проезжает бутылка.

Б у т ы л к а. I. Море. Плывет бутылка.

2. Набережная. Всканивает бутылка.

3. Проезжает авто. Бутылка прыгает в него.

4. Авто. На подушке бутылка.

5. Пивная.

6. Бутылка соскакивает с авто.

7. Окно пивной. Всканивает бутылка.

8. Петух Патэ.

К р ы ш а. I. Разинутый рот нэпмана.

2. Нэпман бешено хлопает.

3. Пуанкаре раскланивается.

4. Нэпман отходит, надевает каску, берет шашку и идет к Пуанкаре.

5. Нэпман предлагает себя в союзники. Грозит Смольному.

6. Фасад Смольного.
7. Пуанкаре согласен. Оба в восторге пирируют руки.
8. Шляпа, в ней «дело».
9. Нэпман вспоминает о времени.
10. Госбанк с вывеской: «Закрывается в 3 часа».
11. Нэпман в панике ищет часы, не находит.
12. Пуанкаре успокаивает его, подымает ногу, на щиколотке — часы.
13. На часах — без десяти три.
14. Оба ужасаются. Нэпман бросается к лестнице.
15. Лестница. Нэпман зовет Пуанкаре.
16. Пуанкаре бежит по лестнице.
17. Вид лестницы с лезущими Пуанкаре и нэпманом.
18. На вышке оба оглядываются в поисках.
19. Вид Ленинграда сверху.
20. Летящий аэро.
21. Пуанкаре и нэпман заметили его.
22. Труба. Высовывается голова Октябрины.
23. Лицо Октябрины, она возмущена.
24. Октябрина вылезает из трубы.
25. Надпись сбоку: В ПОГОНЮ?
26. Надпись перечеркивается.
27. Октябрина осматривается.
28. Надпись в другом углу: УГРОЗЫСК?
29. Надпись перечеркивается.
30. Октябрина сообразила.
31. Нэпман и Пуанкаре бегут по вышке.
32. Лицо Октябрины подмигивает.

Бегство. I. Летящий аэроплан.

2. Пуанкаре и нэпман сворачивают лассо, метают его.
3. Хвост аэроплана. Его опутывает веревка.
4. Нэпман и Пуанкаре лезут по веревке.
5. Летчик в аэро оборачивается.
6. Нэпман и Пуанкаре лезут дальше.
7. Изумленное лицо летчика.
8. Нэпман и Пуанкаре вскарабкались на хвост аэро.
9. Нэпман и Пуанкаре ползут к летчику.

10. Надпись: ДЯДЕНЬКА! ПОДВЕЗИ!
11. Летчик показывает на значок ОДВФ.
12. Значок ОДВФ.
13. На нем слова: ЧТО ВЫ СДЕЛАЛИ ДЛЯ ВОЗДУХОФЛОТА СССР?
14. Нэпман и Пуанкаре смущены.
15. Летчик предлагает им слезть.
16. Аэро делает мертвую петлю.
17. Аэро перевернулся. Нэпман и Пуанкаре слетают.
18. Летящие вниз нэпман и Пуанкаре.
19. Медный всадник.
20. На него сваливаются нэпман и Пуанкаре.
21. Нэпман и Пуанкаре оглядываются, погоняют лошадь.
22. Замечают змею.
23. Падают от испуга.
24. На спине (или руке) Петра — часы. На них — без семи три.
25. Нэпман и Пуанкаре вскакивают, бросаются бежать.
26. Улица. Бегут. Пуанкаре и нэпман замечают трамвай.
27. Верх трамвая.
28. Нэпман и Пуанкаре бегут за трамваем.
29. Нэпман и Пуанкаре вскакивают на полном ходу в трамвай.
30. Милиционер заметил, вынул книжку, побежал.
31. Вагоновожатый останавливает трамвай.
32. Трамвай останавливается.
33. Нэпман и Пуанкаре удивлены. Подбегает милиционер.
34. Надпись: НАРУШЕНИЕ ТРАМПРАВИЛ— ШТРАФ ПО 15 КОПЕЕК.
35. Нэпман всунул милиционеру деньги. Вместе с Пуанкаре бегут дальше.
36. В руках у милиционера — царский полтинник.
37. Милиционер бежит за Пуанкаре и нэпманом.
38. Дети за госларьком.
39. Нэпман и Пуанкаре подбегают, прячутся.

40. Дети подбегают к ним и тормозят их.
41. Карточка «Друга детей», на ней — слова: ЧТО ВЫ СДЕЛАЛИ ДЛЯ БЕСПРИЗОРНЫХ ДЕТЕЙ?
42. Нэпман и Пуанкаре удивлены и сконфужены.
43. Дети прогоняют их.
44. Нэпман и Пуанкаре в страхе бегут.
45. Плакат: «Смычка города с деревней».
46. Трактор с плакатом. К нему подбегают нэпман и Пуанкаре.
47. Нэпман и Пуанкаре убеждают шофера прокатить их.
48. Шофер не согласен.
49. Надпись: ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ ДЕРЕВНИ?
50. Нэпман и Пуанкаре упорствуют.
51. Шофер пускает в ход машину.
52. Трактор катит Пуанкаре и нэпмана.
53. Колеса трактора и ноги Пуанкаре и нэпмана.
54. Лицо Пуанкаре и нэпмана.
55. Трактор сворачивает. Нэпман и Пуанкаре падают.
56. Башня Думы с часами. На них — без четырех три.
57. Пуанкаре пришла идея.
58. Оба вскакивают. Пуанкаре достает из кармана бутылку бензина, воронку. Вставляет последнюю в рот нэпмана.
59. Пуанкаре льет в воронку бензин.
60. Пуанкаре заводит нэпмана, вскакивает ему на плечи.
61. Нэпман имитирует авто, бросается бежать с Пуанкаре на плечах.
62. Пуанкаре и нэпман бегут, пугая прохожих.
63. Лошадь пугается.
64. Идет дама с собачкой. Пробегают Пуанкаре и нэпман.
65. У собачки отрезан хвост, дама в ужасе.
66. Нэпман и Пуанкаре бегут дальше.

принимают детективный вид. Пуанкаре вынимает из кармана магнит.

4. Надпись: СИЛЬНЕЙШИЙ В МИРЕ МАГНИТ.
5. Магнит в действии, из него искры.
6. Внутренность Госбанка. Касса сдвинулась с места.
7. Магнит.
8. Касса вылезает из дверей Госбанка.
9. Касса прилетела к магниту.
10. Пуанкаре и нэпман в восторге.
11. Надпись: ТЕПЕРЬ НА ИСААКИЯ, МОЛЕБЕН СЛУЖИТЬ.
12. Нэпман и Пуанкаре ташат кассу.
13. Кучка народа на улице. Стоит верблюд, рядом с ним погонщик, рекламэн Табреста.
14. Рекламэн жонглирует коробками папирос.
15. Рекламэн курит. Изо рта, носа, ушей — дым.
16. Рекламэн подходит к верблюжьей морде.
17. Плакат на верблюде.
18. Рекламэн раскрывает морду верблюда. Оттуда фонтаном куча папирос.
19. Рекламэн собирает папиросы в коробку.
20. Нэпман и Пуанкаре подтащили кассу к верблюду. Озираются.
21. Рекламэн фокусничает, верблюд — в стороне.
22. Нэпман и Пуанкаре перемигиваются.
23. Швыряют кассу на верблюда.
24. Касса на верблюде.
25. Пуанкаре и нэпман влезают на верблюда.
26. Пуанкаре и нэпман погоняют верблюда.
27. Верблюд пускается бежать.
28. Рекламэн замечает пропажу, ужасается, бросается вдогонку.
29. Бегущий верблюд.
30. Пуанкаре и нэпман блаженствуют. Достают заграничные папиросы. Курят.
31. Верблюд останавливается и поворачивает к ним морду.

Ограбление. 1. Госбанк.

2. Подбегают нэпман и Пуанкаре. Пуанкаре слезает.

3. Пуанкаре и нэпман надевают кепи,

32. Пуанкаре и нэпман не понимают, в чем дело.

33. Изю рта верблюда слова: КАК? КУРИТЬ ПАПИРОСЫ НЕ ТАБТРЕСТА? ПРОВАЛИВАЙТЕ!

34. Верблюд опускается на колени.

35. Пуанкаре и нэпман погоняют его, но напрасно.

36. Труба пожарного.

37. Едет пожарный обоз.

38. Пуанкаре и нэпман замечают его, радуются, бросают кассу. Прыгают

39. Задок пожарного авто. Подают кассу Пуанкаре и нэпман.

40. Спина шофера. Нэпман и Пуанкаре перемигиваются. Достают молот и крадутся к шоферу.

41. Пуанкаре замахивается, бьет сзади шофера.

42. Шофер, пошатавшись, падает.

43. Пуанкаре и нэпман торжествуют, бросаются к рулю.

44. Пуанкаре управляет рулем.

45. Летящий автомобиль.

46. Исаакиевский собор.

47. Колокольня.

48. Пуанкаре останавливает авто.

49. Нэпман и Пуанкаре бросаются к лестнице.

50. Нэпман вывинчивает лестницу.

51. Вывинчивающаяся лестница.

52. Пуанкаре и нэпман лезут вверх.

53. Лазанье по лестнице.

54. Еще выше.

55. Еще выше.

Исаакиевский собор. 1. Колокольня. У решетки конец лестницы. Нэпман и Пуанкаре влезают, перебираются на вышку.

2. Пуанкаре, перегнувшись, притягивает кассу.

3. Касса подымается с авто.

4. Пуанкаре поймал кассу, плюет.

5. Плевок попал на ручку лестницы.

6. Ручка завертелась обратно.

7. Лестница ввинчивается.

8. Пуанкаре и нэпман на вышке зовут попа.

8а. У них в глазах потемнело от вышины.

8б. Подмена негативом.

9. Вылезает поп.

10. Поп кропит кассу.

11. Все трое подходят к кассе.

12. Пуанкаре берется открыть ее и хватается.

13. Пуанкаре ест собаку.

14. Поп благословляет Пуанкаре, тот принимается.

15. Крупно: рука с отмычкой.

16. Дверь кассы растворяется.

17. Октябрина выскакивает из кассы, наводит револьвер, свистит.

18. Все три взломщика падают.

19. Нэпман вскакивает и бросается бежать.

20. Нэпман карабкается на крест.

21. Нэпман в страхе снимает с себя подтяжки. Делает петлю, набрасывает ее на крест, себе на шею и прыгает.

22. Подтяжки ломаются.

23. Нэпман, падающий вниз.

24. На земле кучка белья.

25. Надпись: ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ ПОКУПАТЬ ПОДТЯЖКИ НЕ В ЛЕПО!

26. На вышке Пуанкаре пытается бежать вправо.

27. Октябрина смеется.

28. Пуанкаре бежит и останавливается.

29. Навстречу ему идет комсомолец.

30. Надпись: МОПР — ПРЕГРАДА ПУАНКАРЕ.

31. Пуанкаре бросается к кассе, пытаясь захватить ее.

32. Из-за кассы выпрыгивает комсомолец со счетом в руках.

33. Надпись: СЧЕТ О-ВА СОЦ. ЖЕРТВАМ ИНТЕРВЕНЦИИ.

34. Октябрина смеется.

35. Пуанкаре звереет, выхватывает из кармана арсенал бутылок.

36. Крупно: Бутылки с этикетками: «Газ», «Яд» и т. д.

37. Пуанкаре угрожает врагам газами.

38. Сверху прыгает третий комсомолец с

противогазной маской на лице, ударяет ногой в руку Пуанкаре.

39. Бутылки разлетаются.

40. Надпись: **ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДОБРОХИМ!**

41. Пуанкаре в отчаянье. Пытается драться.

42. Комсомолец толкает его ногой к другому.

43. Другой — к Октябрине.

44. Пуанкаре, швыряемый от одного к другому.

45. Хохочущие лица комсомольцев.

46. Пуанкаре съезживается.

47. Обращается в футбольный мяч.

48. Комсомолец подбрасывает мяч высоко.

49. Мяч летит вверх.

50. Пуанкаре, летящий на землю.

52. Четыре лица склонились над перилами.

53. Лицо Октябрины. Она говорит.

54. Надпись: **А НЕ ИСПОРТИЛ ЛИ ПУАНКАРЕ КАНАЛИЗАЦИЮ? ТОВАРИЩИ! ЗА ОЧИСТКУ ЛЕНИНГРАДА ОТ ГРЯЗИ!**

55. Комсомольцы поворачиваются и убегают.

56. Поп вылезает из-за вышки, стал на колени и, возведя глаза к небу, молится и крестится.

57. На небе надпись: **ЦЕРКВИ — К ЧЕРТЯМ! ДАЕШЬ КИНО!**

58. Улица. Комсомольцы за работой.

59. Лицо Октябрины.

60. Комсомолец направляет струю воды на зрителей.

61. Сцена отодвигается. Виден аппарат, за ним оператор и группа людей.

62. Октябрина и комсомольцы смеются.

63. Ободком надпись, которая начинает кружиться: **КОНЕЦ ФИЛЬМЫ.**

БРАТИШКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Улица. 1. С большой высоты — улица Ленинграда. Полдень.

2. Кисть маляра.

3. Мрачного вида маляр на большой высоте работает кистью.

4. Улица. На одном из домов — маляр. Милиционер стоит с поднятой палочкой.

5. Милиционер. Слева и справа движение. Проезжает трамвай.

6. На площадке трамвая кондукторша поправляет бугель, потом продает билеты.

7. Улица мчится по сторонам трамвая.

8. Петров, хмураясь и крепко держа руль, ведет грузовик.

9. Грузовик мчится неровно и тряско, на колесах, на крыльях грязь, мотор полуболен, сломаны фонари, вместо четырех стенок — две.

10. На самом верху груза дремлет Женька.

11. Петров что-то бормочет сквозь зубы, трясась в такт машине.

12. Улица трясется в такт грузовику.

Порт. 13. У нагружаемого парохода стоят двое: директор некоего учреждения, другой — заведующий гаражом.

14. Директор нервно поглядывает на часы.

15. Заведующий гаражом вкрадчиво говорит, пожимая плечами:

— **ТОТ ГРУЗОВИК, ТОВАРИЩ ДИРЕКТОР, ПЯТНО НА МОЕМ ГАРАЖЕ! ВОТ ЖДИ ЕГО ДВА ЧАСА!**

16. Директор молча повернулся к нему, словно не понимая, потом кивнул головой, нахмурил брови.

Улица. 17. Грузовик мчится по улице.

Сохранившиеся кадры фильмов «Похождения Октябрины» (слева) и «Братишка» (справа). В роли Петрова — артист П. Соболевский.

18. Шофер скручивает сигарку, вдруг вместе с машиной поехал назад.

19. Шофер издал проклятие, поправил что-то, вновь поехали.

20. Грузовик трясется по мостовой.

21. Шофер с тревогой смотрит на часы.

22. Грузовик сразу остановился. Ящики полетели на землю, девочка тоже.

23. Шофер соскочил.

24. Осматривает соскочившее колесо. С усилием, при помощи девочки, ставит его на место. Грузят ящики.

25. Сел. Поехали.

26. Женька трясется наверху, уже не дремлет. Качает головой:

— НУ И МАШИНА!

Порт. 27. Грузовик еле едет, вдруг разогнался.

28. Петров не может ничего сделать. Дает сигнал.

29. По мостовой ковыляет инвалид.

30. Грузовик мчится.

31. Петров нажимает клаксон. Тот не действует.

32. Перед носом у инвалида грузовик стал.

33. Инвалид равнодушно идет своей дорогой.

34. Петров слез, осмотрел машину, с досадой сплунул:

— ИШЬ, ЧЕРТОВ СТАРИК! И КУДА ТЫ ВЕСЬ БЕНЗИН ВЫПУСТИЛ?!

35. Заводит машину, садится, трогает. Машина еле-еле ползет.

36. У Автопромторга подъезжает легковая машина, набирает бензин, едет дальше.

37. Тихонько подползает грузовик.

38. Шоферы у магазина подмигивают, тычут пальцами в грузовик, смеются.

39. Петров, не обращая внимания, вставил кишку в бак, отошел, озабоченно осматривает груз.

40. Бензин течет в бак и благополучно вытекает оттуда.

41. Шофер, стоящий сзади авто, торопится.

42. Петров занят грузом.

43. Течет бензин.

44. Шофер заднего авто ухмыльнулся,

подставил ведро под бак грузовика, набрал бензина в свой бак и укатил.

45. Петров оторвался от груза, идет к баку, ахнул.

46. Бак почти пуст.

47. Петров поправляет беду, бросает еще деньги, наливает бензин, садится, уезжает.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Г а р а ж. 1. В углу большого гаража Петров с помощницей смывают грязь с грузовика.

2. Помощница огромной тряпкой трет колеса.

3. Петров отбивает застывшие куски грязи.

4. Франтоватый шофер бархоткой стирает пыль с новенького «фиата». Продолжая работать, шофер обернулся.

5. Потоками стекает грязь с грузовика, обнаруживая ободранную обшивку.

6. Шофер фыркнул, посмотрел на товарищей.

7. Накачивающий шину шофер хохочет, глядя на грузовик.

8. Петров, не оборачиваясь, работает.

9. Зубоскалят над грузовиком два молоденьких шофера.

10. На новой машине на секунду, как бы поглядев на грузовик, вспыхнули фонари.

11. Грузовик.

12. Новая машина вся затряслась.

13. Трясется от смеха ее шофер, наливая в бак бензин.

14. Шофер соседней с грузовиком машины открыл глушитель.

15. Газ обдал грузовик.

16. Вскочил Петров.

17. Один из шоферов кинул шипцы в грузовик.

18. Петров кинулся на шофера, схватил его за ворот.

19. В двери вошел зав. гаражом.

20. Петров обернулся.

21. Нахмурил брови зав. гаражом:

— БРОСЬТЕ ХУЛИГАНИТЬ. ПЕТРОВ. ВСЕ РАВНО НОВЫЙ ГРУЗОВИК СЕГОДНЯ ВЫПИСАЛИ.

22. Петров отскочил.

23. Поднялась помощница.

24. Петров переспросил.

25. Зав. гаражом подтвердил.

26. Радостно заржали шоферы.

27. Петров схватил шапку, выбежал.

28. Женька прижалась к грузовику.

У л и ц а. 29. Шофер бежит по улице.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Г а р а ж. 1. Висит приказ об увольнении шофера Петрова за сокращением штатов.

2. По пустому гаражу проходит Петров. Рука — в кармане.

3. Подходит к грузовику. Его нет на месте.

4. Петров изумлен. Волнуется.

5. Выходит из гаража. Смотрит.

6. В стороне, рядом с кучей мусора, обломки грузовика.

7. Петров подошел, страшно обрадовался, сел в кузов. Нагнулся, поднял гайку, поставил ее на место. Рассеянно оглянулся.

8. Кругом движение. Никто на него не глядит.

9. Петров со злобой подумал:

— ВОТ ЧЕРТИ, БРОСИЛИ СТАРИКА ЧЕРТ ЗНАЕТ ГДЕ. ЕГО И СТАЩИТЬ МОГУТ НА ДРОВА, ДЛЯ РАСТОПКИ.

10. Встал, нахлобучил шапку, решительно, но медленно пошел.

У л и ц а. 11. Улица в движении.

12. Идет трамвай.

13. Работает где-то сверху маляр.

14. Милиционер направляет движение.

15. Спешат озабоченные люди.

16. Заливают асфальтом тротуар.

17. Петров бредет, сам не зная куда.

18. Парень из работающих над асфальтом окликает его.

19. Петров опомнился, обходит.

20. Вышел вновь на тротуар, остановился, не знает, куда идти.

21. Подошел, облокотился об ящик для воздушной почты, раздумывает, подошла женщина, хочет бросить письмо. Петров отошел.

22. Прислонился к афишному столбцу.

23. Почтенный гражданин изучает программу концертов, передвинул столб.

24. Петров качнулся, поглядел, пошел по тротуару.

25. Рассеянно подошел к какому-то ящику, сел, взялся за веревку, думает; ящик начинает подыматься.

26. Наверху маляр с натугой подымает ящик.

27. Петров изумленно поглядел наверх.

28. Маляр втягивает ящик, хочет сердито обрушиться на Петрова, вдруг остановился.

29. Петров тоже узнал маляра, меланхолично жмет ему руку.

30. Маляр спрашивает Петрова.

31. Тот нехотя отвечает.

32. Маляр присвистнул, решительно взяла кисть.

33. Пишет на стене: «Даешь ремонт!».

34. Петров усмехается.

35. Маляр дает ему щелчка в нос.

36. Петров сделал вид, что чужь не упал.

37. Маляр, таинственно наклонясь к нему, говорит:

— Я БЫ НА ТВОЕМ МЕСТЕ, ПАШКА, ПОД АРЕСТ ПОШЕЛ, А ГРУЗОВИК ВСЕ-ТАКИ БЫ ПОЧИНИЛ.

38. Шофер недоверчиво смотрит на него, отмахивается.

39. Маляр приходит в ярость, лезет на него с кулаками, притворно тусит. Петров, сначала с досадой, потом смеясь, защищается.

40. Маляр подмял его под себя и дружелюбно щелкает:

— БУДЕШЬ УНЫВАТЬ? БУДЕШЬ?

41. Петров отбивается, вскакивает. Секунду смотрит на маляра, потом хлопнул его по плечу. Поглядел вниз.

42. Под ним — лица.

43. Петров обернулся:

— А ТЫ ПРАВ, ЛЕШКА. Я ЭТО СДЕЛАЮ. ТОЛЬКО — ПОМОЩНИКОВ БЫ НАЙТИ.

44. Маляр ухмыляется.

45. Петров жмет ему руку. Лезет вниз.

46. Маляр энергично наверстывает потерянное время.

47. Петров соскочил на тротуар, отряхнулся, глядит.

48. К остановке подъехал трамвай. Выглянула кондукторша, позвонила.

49. Петров поглядел, ахнул, бросился к трамваю.

Т р а м в а й. 50. Петров прыгает на трамвай. Входит в вагон.

51. Возмущенная кондукторша хочет отчитать его. Посмотрела. Узнает.

52. Петров наивно смотрит на нее.

53. Кондукторша скривила гримасу.

54. Петров подмигнул.

55. Кондукторша роняет деньги. Оба разом нагибаются.

56. Стукнулись лбами. Расхохотались. Ищут, глядя друг на друга.

57. Руки шарят.

58. Кондукторша спрашивает:

— ВЫ?

59. Петров осклабился:

— Я.

60. Улыбаются. Вдруг смутились, старательно ищут. Петров нашел. Подымаются.

61. За окнами — мчится улица.

62. Петров стоит возле кондукторши. Та продает кому-то билет.

63. Петров хочет говорить и смущается. Наконец спрашивает кондукторшу:

— ВЫ?

64. Кондукторша искоса на него смотрит. Кивнула:

— Я.

65. Мчится мостовая за трамваем.

66. Трамвай заполняется сразу народом.

67. Кондукторша и Петров стиснуты, барахтаются.

68. Петров категорически говорит в пространство, стараясь сохранить равновесие:

— ПРЯМО-ТАКИ ТЕРПЕТЬ НЕ МОГУ ТРАМВАЙ.

69. Кондукторша, стоя к нему спиной, раздаёт билеты, отвечает в пространство:

— И ЗАЧЕМ ЕЗДИТЕ — КАТАЛИСЬ БЫ НА СВОЕМ... ДОПОТОПНОМ.

70. Шофера трясет. Он, смотря прямо перед собой, умиленно говорит:

— А Я ВОТ ВАМ В ПИКУ И ХОТЕЛ СКАЗАТЬ, ЧТО ГРУЗОВИКУ ОБЯЗАТЕЛЬНО БУДЕТ РЕМОНТ.

71. Кондукторша надрыдается, продает билеты. В то же время прислушивается с презрительной усмешкой.

72. Вагоновожатый позвонил, резко повернул ручку.

73. Всех в вагоне трянуло.

74. Кондукторша падает в объятия к шоферу.

75. Тот поглядел на нее сверху, внезапно сказал:

— АДЬЮ, ПОЧТЕННЕЙШАЯ. ЖАЛЬ, ЧТО РАССТАВАТЬСЯ НАДО. ПРИХОДИТЕ В ГОСТИ.

76. Кондукторша улыбается. Прищурила глаза. Предлагает:

— ХОТИТЕ НА ПАМЯТЬ?

77. Петров удивился, потом изъясляет согласие. Кондукторша оторвала билет, дала ему. Он, не понимая, смотрит на билет. Догадался вдруг. Захотел. Дал ей три рубля. Загляделся на нее, забыл взять сдачу.

78. Передняя площадка. Контролер проверяет билеты. Вскочил Петров. Контролер — к нему:

— ПОЗВОЛЬТЕ ВАШ БИЛЕТ. ЕМУ — КОНЕЦ.

79. Петров с преувеличенным ужасом замахал руками:

— ЧТО ВЫ, ЧТО ВЫ, ТЕПЕРЬ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ.

80. Засмеялся, соскочил.

81. Кондукторша бежит по трамваю, разыскивая Петрова.

82. Трамвай проехал. Петров спрятал билет. Пошел.

83. Петров идет в толпе прохожих, говоря сам с собой:

— ВСЕ-ТАКИ ПОМОЩНИКА НАДО БЫ.

84. Вдруг остановился, заметив кого-то перед собой.

85. Спина идущего впереди человека.

Человек изредка останавливается, делает странные движения, как будто чертит в воздухе, идет дальше.

86. Петров узнал, обрадовался, побежал, догоняет.

87. Догнал, хлопнул по плечу, здороваются. Идут. Петров объясняет приятелю, просит о содействии.

88. Приятель брезгливо морщится:

— ЧТО ТЫ Я, МОЖЕТ, В МИРОВОМ МАСШТАБЕ СТРОЮ, А ТЫ О КАКОМ-ТО ГРУЗОВИКЕ.

89. Обиженно пожимает плечами.

90. Петров недоумевает, старается объяснить.

91. Они переходят улицу.

92. Приятель раздраженно отмахивается от Петрова. Остановился, стал в позу, сказал:

— В МИРОВОМ МАСШТАБЕ — АВТОМОБИЛЬ — НУЛЬ.

93. Торжественно плюет.

93а. Мчится автомобиль. Петров отскакивает, рванул приятеля, не успел. Автомобиль наехал на приятеля, откинул его.

94. Шофер автомобиля гонит машину.

95. Петров бросается на авто.

96. Петров догоняет машину, на ходу впрыгивает в нее.

97. Сияя, здоровается со знакомым шофером, объясняет ему.

98. Щегольски одетый шофер повернул голову, иронически смотрит на Петрова. Сзади в авто смеются чему-то две дамочки по бокам толстого господина. Шофер переспрашивает Петрова.

99. Тот повторяет.

100. Шофер засвистел, засмеялся.

101. К носу Петрова протягивается рука шофера, демонстрируя фигу.

102. Шофер хохочет:

— ПОМОЧЬ. БЕСПЛАТНО. БРОСЬТЕ-С. ХОЗРАСЧЕТ. СДЕЛЬЩИНА. ГОНИ МОНЕТУ.

103. Щегольской мотор мчится. Смеются дамочки.

104. Петров озлился, проскрежетал что-то.

105. Выпрыгнул на ходу из мотора.
106. Пустая улица возле гаража. У столба понуро стоит Петров.
107. Петров вздохнул, огляделся.
108. Рядом — урна для плевков.
109. Петров меланхолично сплунул, присел на урну, покачал головой. Говорит, словно обращаясь к зрителям:
— НЕУЖТО ЖЕ, ГРАЖДАНЕ, НЕ НАЙТИ ПОМОЩНИКА ПО ХОРОШЕМУ ДЕЛУ?
110. Скорбно вздыхает.
111. Рядом стоящий мороженщик услужливо обернулся. Посмотрел на Петрова. Вежливо объяснил:
— ЕЖЕЛИ ВЫ КО МНЕ, ТО Я, ИЗВИНИТЕ, КУСТАРЬ-ОДИНОЧКА.
112. Петров недоумевающе на него посмотрел, снял шапочку, отвернулся.
113. Снова вздыхает. На плечо его опускается рука.
114. Петров обернулся. Женька спрашивает его:
— ЗДОРОВО, БРАТИШКА, ЧЕГО ХМУР? СКАЖИ, ПОМОГУ.
115. Петров смотрит на нее. Развеселился. Переспрашивает.
116. Девочка категорически подтвердила.
117. Петров обрадовался, объясняет ей.
118. Женька деловито слушает.
119. Стоящая у гаража машина.
120. Петров решил, склонился к Женьке. Сказал ей что-то на ухо.
121. Женька с таинственным видом тряхнула головой.
122. Петров встал, пошел. Женька — за ним.
123. Вход в гараж. Подходят Петров и Женька. Осматриваются.
124. Стоящий грузовик.
125. Маленький авто ташит грузовик.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

- Д в о р. 1. Петров молча, торжественно глядит.
2. Грузовик.
3. Двор большого дома. В углу — грузовик.

4. Петров похлопал грузовик по кузову, затем решительно прыгнул на машину, поправил что-то, соскочил, снова огляделся, крикнул, зовя кого-то, потом сорвался и бросился в другой двор.

5. Изредка окликающая кого-то, шофер добежал до мусорной огромной кучи, взбежал на нее, заглянул в окно с вывеской «Управдом», повернулся.

6. Почесал затылок, достал пачку папирос, закурил последнюю, бросил коробку на мусор.

7. У стоящего рядом мусорного ящика подымается крышка. Запыленный управдом дает наставления дворнику.

8. Шофер вынул папиросу изо рта, облегченно вздохнул, нашел.

9. Управдом повернулся, увидел пачку от папирос и недовольно бурчит:

— И ВСЕ ВЫ, ТОВАРИЩ ПЕТРОВ, МУСОРИТЕ.

10. Шофер виновато посмотрел, быстро поднял коробку, спрятал. Вдруг ухмыльнулся и искательно сказал:

— А ВОТ РАЗРЕШИТЕ МНЕ, ЕГОР ИВАНОВИЧ, У ПАС ВО ДВОРЕ МАШИНУ ОТРЕМОНИТИРОВАТЬ, ЧТОБ ПОТОМ И МУСОР ВЫВЕЗТИ.

11. Управдом скептически поглядел, кивнул головой.

12. Петров обрадовался, затряс его руку, прыгнул на землю, подбежал к грузовику.

Г а р а ж. 13. У своих машин работают шоферы.

14. К гаражу подходит кондукторша, озирается.

15. Шоферы заметили ее, переглянулись. Один пошел навстречу.

16. Спрашивает ее.

17. Кондукторша отвечает.

18. Шофер присвистнул, улыбается:
— ПЕТРОВА ВАМ, СТАЛО БЫТЬ. ТАК ЕГО СОКРАТИЛИ. МОЖЕТ, Я ЗАМЕНИТЬ МОГУ?

19. Смеется.

20. Кондукторша свысока смотрит на него. Хочет идти.

21. Подошли остальные шоферы. Знако-

мятся. Засыпают кондукторшу вопросами.

22. Она видит, что не уйти, покорилась участи, садится в авто. Шоферы окружили ее.

23. Один из шоферов, смеясь, говорит:

— НАСЧЕТ ПЕТРОВА, СМЕЯСЬ, ГОВОРИТ: ЖЕНЬКА ОБЪЯСНИТ. ОНА, КАК И ОН, СТАРИКА ОБОЖАЛА.

24. Кондукторша оглянулась.

25. Женька оторвалась от работы, недружелюбно посмотрела на нее.

26. Кондукторша вздернула нос, повернулась к шоферам:

— ВСЕ ВЫ, КАК ПЕТРОВ, ТОЛЬКО МАШИНЫ И ЗНАЕТЕ. НЕТ ТОГО, ЧТОБЫ С ДЕВУШКОЙ НА СКЭТТИНГ ПОЙТИ.

27. Шоферы запротестовали, предлагают свои услуги.

28. Кондукторша отмахивается. Отрывает и дает каждому билетки — на очередь.

29. Входит сердитый зав. гаражом.

30. Шоферы торопливо пошли на места. Кондукторша испуганно спряталась в машине.

31. Зав. гаражом молча, не глядя ни на кого, прошел к месту, где раньше стоял грузовик. Вспомнил, сплюнул, пошел на улицу.

32. Озирается, ищет грузовик, не находит. Озливается, поворачивается, спрашивает.

33. Шоферы недоумевающе пожимают плечами.

34. Зав. гаражом приходит в ярость, топает ногами, кричит:

— ГДЕ ГРУЗОВИК? НЕУЖЕЛИ УКРАЛИ? А СЕГОДНЯ, КАК НА ГРЕХ, С АУКЦИОНА ЛОМ ПРОДАЮТ, В ТОМ ЧИСЛЕ ГРУЗОВИК.

35. Женька сделала гримасу по его адресу.

36. Заведующий увидел, остолбенел.

37. Женька насмешливо говорит:

— ВЫ ЖЕ САМИ ВИНОВАТЫ. ВЕЛЕЛИ НА УЛИЦУ ВЫНЕСТИ. ТЕПЕРЬ И ОТВЕЧАТЬ НЕКОМУ.

38. Заведующий орет на нее, поворачивается, уходит.

39. Женька смотрит ему вслед.

40. Шоферы. Недоумевающе глядят друг на друга.

41. Кондукторша выпрямилась и взглянула на Женьку.

42. Та хихикает в кулак, потом, сообразив что-то, пошла.

43. Кондукторша проводила ее глазами, потом обратилась к шоферам.

— ВОТ Я БЫ СЕГОДНЯ ПОШЛА НА ЭТОТ АУКЦИОН.

44. Шоферы дружно согласились.

45. Двор. У грузовика хлопочет, разбирая его, Петров.

46. Вбегает Женька, что-то кричит.

47. Шофер обернулся.

48. Женька подходит, объясняет.

49. Петров поражен, чешет затылок. Повернулся и поглядел.

50. Полуразобранный грузовик.

51. Петров энергично тряхнул головой:

— НЕ ВЫДАМ СТАРИКА.

52. Женька смотрит на Петрова.

53. Петров говорит:

— А Я ВСЕ-ТАКИ ПОЙДУ И УЗНАЮ, ЧТО ТАМ БУДЕТ.

54. Надевает шапку.

А у к ц и о н. 55. Автомобильное кладбище. Обломки, кузова, горы мусора. Стоит толпа.

56. Аукционист монотонно восклицает:

— ОСТАТКИ ГРУЗОВИКА, МАРКА ДАЙМЛЕР. № 2000. КТО БОЛЬШЕ?

57. Кто-то из толпы кричит.

58. Петров, стоя в толпе, волнуется.

59. Аукционист флегматично выкрикнул.

60. Еще кто-то повысил цену.

61. Петров, кусая губы, повернулся, увидел.

62. На кузове маленького авто, болтая ногами, восседает между четырех шоферов и насмешливо глядит на Петрова кондукторша.

63. Петров недоуменно воззрился на нее.

64. Аукционист мечется.

65. Пробивается к нему зав. гаражом.

66. Петров затаил дыхание.

67. Аукционист готовится что-то выкрик-

нуть. К нему подбежал зав. гаражом и на ухо объясняет. Аукционист хладнокровно кивнул головой.

68. Поворачивается, стучит молотком, объявляет:

— ПРОДАЖА ГРУЗОВИКА ВРЕМЕННО ОТЛОЖЕНА, НЕ ОКАЗАЛОСЬ НА МЕСТЕ.

69. Толпа расходится.

70. Петров уныло повернулся, чтоб уходить.

71. Кондукторша вдруг оторвалась от спутников, побежала вперед.

72. Изумленные шоферы переглядываются.

73. Кондукторша, запыхавшись, подбежала к Петрову, быстро привела себя в порядок и взяла Петрова под руку.

74. Петров с изумлением посмотрел на нее.

75. Кондукторша многозначительно подмигнула ему.

76. Петров машинально пошел.

У л и ц а. 77. Петров удивленно расспрашивает спутницу.

78. Она деловито отвечает:

— ОЧЕНЬ Я ВАШИМИ СУДЬБАМИ ЗАИНТЕРЕСОВАНА, ВОТ И ПРИШЛА.

79. Они идут по вечерней улице.

80. Кондукторша смеется, трясет Петрова.

81. Он подавлен и грустен.

82. Кондукторша обижается, ехидно делает ему замечание.

83. Они остановились. Петров поднял голову, смотрит на спутницу.

84. Она полумечтательно, полусерьезно говорит, не смотря на него:

— ЕСЛИ ВАС УВОЛЯТ ЗА ЭТО, ПОСТУПАЙТЕ В ВАГОНОВОЖАТЫЕ, ВМЕСТЕ ЕЗДИТЬ БУДЕМ.

85. Искательно улыбаясь, посмотрела на Петрова.

86. Сзади них проезжает трамвай.

87. Сбоку китаец продает свои веера и игрушки.

88. Реют в воздухе детские шарики.

89. Петров смотрит на улыбающуюся девушку.

90. Она подзадоривает его.

91. Петров опомнился, усмехнулся, покачал головой.

92. Кондукторша раздосадована. Пошла. Он — за ней.

93. Вечерняя улица.

94. Другая.

95. Набережная.

96. Летний сад.

Летний сад. 97. К решетке подходят Петров и кондукторша.

98. Девушка резко повернулась к спутнику и сказала:

— И НЕ ВАШЕ ЭТО ВОВСЕ ДЕЛО ГРУЗОВИКИ ЧИНИТЬ. ВОТ АРЕСТУЮТ ЗА ЭТО...

99. Петров встрепенулся, гневно топнул ногой:

— И ПУСТЬ. А ВСЕ-ТАКИ СТАРИКА НА НОГИ ПОСТАВЛЮ.

100. Кондукторша передразнивает его, злобно смеется.

101. Петров мрачно посмотрел на нее, нахлобучил шапку, пошел.

102. Кондукторша рассердилась. Вдруг придумала что-то. Окликнула его.

103. Петров обернулся.

104. Кондукторша нервно спрашивает его.

105. Петров, подняв брови, смотрит на нее. Потом отвечает:

— НА ГАГАРИНСКОЙ, 3 ЖИВУ. А ЧТО? ДОНЕСТИ ХОТИТЕ?

106. Кондукторша вздрогнула, потом овладела собой, скривила гримасу, презрительно рассмеялась. Потом улыбка сошла с ее лица.

107. Проходящий по набережной Петров скрывается в темноте.

108. Взбешенная кондукторша сжала кулаки, погрозила вслух:

— НУ, ПОГОДИ, Я ТЕБЕ ОТОМЩУ.

109. Проходящий фронт обернулся, прислушался, подошел и, сняв шляпу, с масляной улыбкой спросил:

— НЕ КО МНЕ ЛИ-С ВЫ ИЗВОЛИТЕ
ОБРАЩАТЬСЯ, ГРАЖДАНКА?

110. Кондукторша повернулась, посмотре-
ла на него. Качнула гордо головой в знак
отрицания и, ткнув в сторону пальцем,
сказала:

— НЕТ-С, К НЕЙ.

111. Статуя.

112. Кондукторша вздернула нос и про-
шла.

113. Франт поглядел ей вслед, потом на
статую, надел шляпу и пошел в другую
сторону.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

К а б и н е т 1. Письмо на столе. В письме:
«...представительство фирмы Даймлер со-
общает Вам, что Ваш заказ получен и бу-
дет выполнен в кратчайший срок».

2. Директор поднял голову от письма.

3. В дверь вошел зав. гаражом, подо-
шел к директору.

4. Заведующий гаражом рассказывает ди-
ректору.

5. Аукцион. Прибегает агент.

6. Гараж грузовик дает.

7. Заведующий гаражом наклонился к
директору:

— ИМЕЮТСЯ ПОДОЗРЕНИЯ. РАЗРЕ-
ШИТЕ СООБЩИТЬ В ГУБРОЗЫСК?

8. Директор кивнул головой.

Д в о р. 9. Из-под грузовика вылез Пет-
ров, наклонился над мотором.

10. Из ворот выбежала Женька, подбе-
жала к Петрову.

11. С ужасом сказала ему:

— СЛЫХАЛ, БРАТИШКА, НОВЫЙ-ТО
НА ДНЯХ ПРИЕЗЖАЕТ?

12. Петров, продолжая работать, пожал
плечами:

— ЭХ, ЕЩЕ БЫ РЕБЯТ, МИГОМ БЫ
ПОЧИНИЛИ, А ОДНОМУ НЕ СПРА-
ВИТЬСЯ.

13. Женька покачала головой.

14. Колеса грузовика.

Скеттинг-ринг. 15. Колеса роликов.

16. Мчащаяся на роликах кондукторша.

17. Преследующие ее шоферы.

18. Кондукторша вдруг резко поверну-
лась к шоферам:

— ВОТ ЭТО ЖИЗНЫ! А ПЕТРОВ ДУ-
РАК, ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ НАД ГРУЗОВИ-
КОМ... И ПУСТЬ ЭТИ АВТОМОБИЛИ ЛО-
МАЮТСЯ, ЧЕРТ С НИМИ!..

19. Кондукторша подмигнула одному из
шоферов.

20. Тот неловко помялся.

21. Кондукторша помчалась дальше.

22. Шоферы за ней. Лишь один остался.

23. Наморщил лоб.

24. Колеса роликов.

25. Колеса грузовика.

26. Шофер решил. Посмотрел на часы.
Окликнул товарища.

27. Обернулись катающиеся.

28. Шофер поднялся, сказал:

— Я, ТОВАРИЩИ, ПО ДЕЛУ.

29. Неловко поклонился, попятился к
двери.

30. Улыбнулась кондукторша.

31. Второй шофер подумал, тоже покло-
нился и направился к выходу.

32. Кондукторша недоумевающе посмот-
рела, повернулась к двум оставшимся.

33. Те помялись и тоже откланялись и
ишли.

34. Кондукторша расхохоталась, заку-
жилась одна по залу.

О т д е л м и л и ц и и. 35. Выписка:
«ГРАЖДАНИН ПЕТРОВ ПАВЕЛ ИВА-
НОВИЧ ПРОЖИВАЕТ ПО УЛИЦЕ
ГЛИНКИ, № 16».

36. Милиционер подчеркнул карандашом
адрес. Встал из-за стола.

Д в о р. 37. Работа у грузовика.

— ЭЙ, ПОШЕВЕЛИВАЙСЯ... НУЖНО
ПОДНАЛЕЧЬ! А ТО НОВЫЙ РАНЬ-
ШЕ ПРИЕДЕТ...

39. Петров налаживает мотор, почти
жонглируя.

40. Во дворе, на куче песка, маленькйй
мальчишка чинит сломанную игрушку—
грузовичок...

41. В ворота вошел первый шофер, оста-
новился.

42. Работа над грузовиком.

43. В глазах шофера удивление и почтение.
44. Шофер подходит к грузовику и тоже принимается за работу.
45. В ворота вошел второй шофер.
46. Тоже пошел работать.
47. К работе присоединяются пришедшие третий и четвертый.
48. Петров чувствует, что еще работает кто-то. Обернулся.
49. Важно работающие шоферы.
50. Петров обрадовался, кинулся, жмет им руки.
51. Шоферы смущенно отнекиваются.
52. Вокруг грузовика кипит работа.
53. На улице, у входа во двор, остановился милиционер. Заглянул во двор.
54. Работающие над грузовиком.
55. Милиционер вошел во двор.
56. Подошел к Петрову:
— УВОЗОМ ГОСИМУЩЕСТВА, ГРАЖДАНЕ, ПРОМЫШЛЯЕТЕ?
57. Петров непонимающе поглядел.
58. Милиционер поднял палочку.
59. Обернулись шоферы.
60. Милиционер важно изрек:
— ЭТА МАШИНА, ГРАЖДАНЕ, АРЕСТОВАНА.
61. Ахнул Петров.
62. Шоферы отступили милиционера.
63. Один из них крикнул милиционеру:
— ЭХ, НЕ ПОЙМЕШЬ ТЫ, В ЧЕМ ДЕЛО, НЕ ШОФЕР ПОТОМУ...
64. Милиционер обиделся:
— ЭТО Я НЕ ШОФЕР?.. А КТО ШЕСТЬ ЛЕТ В БРОНЕВОМ ДИВИЗИОНЕ СЛУЖИЛ?!
65. Один из шоферов обрадовался, хлопнул по плечу, показал на какую-то несправность.
66. Милиционер заинтересовался, посмотрел.
67. Женька подтолкнула его.
68. Милиционер плюнул на руки, пошел работать.
69. Вокруг грузовика закипела работа.
70. К работающим сзади подошла кондукторша.

71. Подумала и тоже подошла работать.
72. Петров, не зная, что рядом с ним кондукторша, толкнул ее.
73. Кондукторша толкнула его еще сильнее.
74. Петров обернулся.
75. Улыбающееся лицо кондукторши.
76. Застывшее лицо Петрова.
77. Петров вскочил. Прыгнул. Перевернулся и опять кинулся за работу.
78. Во двор вошли музыканты.
79. Работающие начали пританцовывать.
80. В ворота вошел маляр. Поглядел на работающих.
81. Играющие музыканты.
82. Маляр обмакнул кисть в краску.
83. Кисть пишет по асфальту: Даешь ремонт!

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Порт. 1. Входящий в порт пароход.

Кабинет. 2. Директор учреждения надевает шляпу, оборачивается сияя к зав. гаражом, тычет пальцем в квитанцию, которую держит.

3. В квитанции извещение о прибытии с паромом груза из Ревеля весом в килограмм.

4. Заведующий восхищается:

— ТЕХНИКА. ЦЕЛЫЙ ГРУЗОВИК!
А ВЕС — КИЛО.

5. Выходит за директором.

Двор. 6. Рука с кистью малюет небольшими буквами на стенке грузовика: «По украшению работал маляр».

7. Маляр с удовлетворением отрывается от работы, глядит.

8. Чистенький, окрашенный грузовик. Вокруг хлопочут человек пять, работая.

9. Стоят, наблюдая за работой, несколько человек жильцов. Управдом брюзжит, изредка вмешивается, давая советы.

10. Из окон наблюдают домашние хозяйки.

Порт. 11. На маленьком фордике подъезжают к парому директор с заведующим гаражом.

12. Директор выскакивает, идет.

13. Пароход. Входит директор, предъявляет квитанцию, ему указывают на ящик.

14. Ящик огромных размеров.

15. Директор немного удивлен размерами ящика. Зав. гаражом смущен, но сейчас же оправляется, с восхищением говорит:

— ТЕХНИКА. ЦЕЛЫЙ ГРУЗОВИК И — РАЗБОРНЫЙ.

Д в о р. 16. Заводят грузовик.

17. Петров трогает.

18. Стоящие плечом к плечу — маляр, Женька, милиционер, один из шоферов.

19. Грузовик объезжает двор, становится на прежнее место.

20. Маляр и прочие переглядываются. Подмигивают друг другу.

21. Изю всех окон высунулись головы.

22. Петров соскочил, бросился осматривать радиатор.

23. Удовлетворен осмотром. Радостно поворачивается, жмет руку милиционеру.

24. Тот, посопев, говорит:

— ЗНАЧИТ, ТЕПЕРЬ, СОГЛАСНО КОДЕКСА, Я ВАС, ТОВАРИЩ ПЕТРОВ, АРЕСТУЮ.

25. Петров вытаращил глаза.

26. Милиционер стоит, как изваяние закона.

27. Петров распалился, сорвал кепи, бросил о землю, закричал:

— АРЕСТУИ, ЧЕРТОВ СЫН, МИЛАЯ ДУША. АРЕСТУИ И ВЕЗИ В УЧРЕЖДЕНИЕ.

28. Лезет на сиденье. Приглашает с собой милиционера. Тот лезет.

29. Маляр вышел из состояния раздумья, грозно заорал:

— СТОЙ! И МЕНЯ АРЕСТУИ. И МОЮ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ.

30. Женька немедленно присоединяется.

31. Оба лезут на грузовик.

32. С криком: «И меня!» лезут и другой шофер и еще какие-то два-три человека. Грузовик заполнен.

33. Петров в неистовстве говорит милиционеру:

— ЗАВОДИ, ЕСЛИ АРЕСТУЕШЬ. КРУТИ, ГАВРИЛА.

34. Милиционер с готовностью заводит. Грузовик тронулся. Милиционер вскочил на ходу.

У л и ц а. 35. На улицу выезжает грузовик.

36. Маляр расселся, затянул песню.

37. Милиционер строго было обернулся, но Женька заткнула ему рот.

38. Маляр залился трелью.

39. Милиционер нетерпеливо сдвинул руку девочки со рта, и оба подхватили:

— «...ИНОГО НЕТ У НАС ПУТИ...»

40. Мчашийся грузовик.

41. Петров ведет машину.

П о р т. 42. Ящик приносят. Директор просит разрешить открыть.

43. Открывают.

44. Директор рванулся.

45. В ящике — небольшая брошюрка.

46. Зав. гаражом поднял ее.

47. Это каталог в переплете.

48. Директор растерялся.

49. Зав. гаражом бессмысленно говорит: — ТЕХНИКА. КАКАЯ БУМАГА! ОПЯТЬ ЖЕ КАРТИНКИ.

50. Директор забормотал что-то, пожал плечами, пошел, заведующий за ним.

У л и ц а. 51. Мчится грузовик.

52. В «форде» возвращаются директор и заведующий.

53. Унылый директор поднял голову, посмотрел, вдруг схватив заведующего за руку, показал.

54. К дверям учреждения подъезжает грузовик. С него сыпается куча народа.

55. Директор возбужденно говорит:

— НОВЫЙ ГРУЗОВИК — У НАШИХ ДВЕРЕЙ. СЛУШАЙТЕ, ОНИ ВСЕ-ТАКИ ПРИСЛАЛИ ЕГО, ОЧЕВИДНО, ПО СУЩЕ.

56. Выпрыгивает из «форда», бежит к грузовику.

57. Петров слез, пошел навстречу.

58. Директор, остановившись, посмотрел на него, выпучил глаза.

59. И директор, и Петров, и заведующий гаражом сразу заговорили.

60. Вмешивается милиционер:

— ТОВАРИЩ ДИРЕКТОР, ИЗВОЛЬТЕ ПОЛУЧИТЬ ЗААРЕСТОВАННЫЙ МНОЮ ГРУЗОВИК ЗА № 2000.

61. Директор переводит глаза на грузовик.

62. Грузовик, как новенький.

63. Директор машинально спрашивает:

— РЕМОНТ?

64. Шофер лаконически отвечает:

— РЕМОНТ.

65. Заведующий гаражом ударил себя по коленкам, завопил:

— ТЕХНИКА, БЫЛ ГРУЗОВИК — ТЬФУ, А ТЕПЕРЬ — ВО!

66. Директор смущен:

— А КАК ЖЕ ЗАКАЗ НА МАШИНУ ИЗ РЕВЕЛЯ?

67. Из учреждения быстро вышел служащий.

68. Протянул директору бумажку, шепотом объясняет. Директор читает.

69. В отношении его извещают, что Внешторг не утвердил заказа на ревельскую машину.

70. Директор прочел, поморгал глазами, потом спрятал бумагу и убежденно говорит заведующему гаражом:

— ВИДИТЕ ЛИ, РЕЖИМ ЭКОНОМИИ. ВЫВОЗ ВАЛЮТЫ. Я ЖЕ ВАМ ГОВОРИЛ, ЧТО МЫ ЛУЧШЕ ЗАЙМЕМСЯ РЕМОНТОМ.

71. Заведующий гаражом поддакивает.

72. Директор обращается к шоферу:

— МЫ С ТОБОЙ, ТОВАРИЩ ПЕТРОВ, ПОСЛЕ ПОТОЛКУЕМ. А ТЕПЕРЬ БЕРИ МАШИНУ, КАТАЙ ЕЕ НА ПРОБУ ПО ВСЕМУ ГОРОДУ.

73. Жмет руку Петрову.

74. Тот кивнул головой, пошел к авто.

75. Маляр и другие пошли по своим делам.

У л и ц а. 76. Едет грузовик.

77. Приближается трамвай.

78. Трамвай и грузовик.

79. Кондукторша высунулась, пожимает плечами:

— ТО ЕСТЬ ДО ЧЕГО НЕ ЛЮБЛЮ Я ЭТИХ ГРУЗОВИКОВ.

80. Шофер, смеясь, приглашает кондукторшу к себе.

81. Кондукторша отрицательно машет головой:

— ХОТЬ Я И СМЕНИЛАСЬ, НО НИ ЗА ЧТО НЕ ПОЕДУ НА ВАШЕМ ПАРШИВОМ ГРУЗОВИКЕ.

82. Шофер смеется.

83. Подъезжает вплотную к трамваю, подхватывает кондукторшу, пересаживает ее к себе.

84. Кондукторша сердится, отворачивается от него. Он, смеясь, ведет машину.

85. Мелькает город. Улицы мчатся одна за другой, как будто шофер и кондукторша в первый раз путешествуют по городу.

86. В огромном грузовике — две фигуры.

87. Грузовик мчится.

88. Кондукторша повернулась к Петрову. Строго смотрит на его куртку.

89. Назидательно говорит:

— ПОРА БЫ ВАМ ОТРЕМОНТИРОВАТЬ ПО КРЕДИТОВАНИЮ НОВЫЙ СЕБЕ КОСТЮМ.

90. Петров взглянул деловито на костюм.

91. Руки соскользнули с руля.

92. Грузовик въехал в канаву.

93. Толчок. Петрова и кондукторшу выбросило.

94. Из соседнего дома выбежали люди.

ЗАГС. 95. Комната. Окно раскрыто в сад.

96. Петров раскрыл глаза, спросил:

— КУДА ЭТО Я ПОПАЛ?

97. Мудрая барышня в очках отвечает:

— ПОДОТДЕЛ ЗАПИСЕЙ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ.

98. Петров пощупал себя, потом сел.

99. Села и кондукторша.

100. Петров озабоченно посмотрел на нее. Потом, будто придумав что-то, сказал:

— А ПОЧЕМУ БЫ НАМ, ЭТО САМОЕ, НЕ ЗАПИСАТЬСЯ ПО ГРАЖДАНСКО-

МУ СОСТОЯНИЮ?

101. Кондукторша озадаченно посмотрела на него. Пожала плечами, как бы недоумевая:

— А ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ?

102. Барышня в очках раскрыла книгу, быстро строчит.

Улиц а. 103. На улице — грузовик.

104. Два пионера стоят. У одного газета. Большие буквы о забастовке в Англии.

105. Пионер задумчиво говорит:

— А КАК ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО ЕСЛИ ТАКОЙ ГРУЗОВИК В АНГЛИЮ ОТПРАВИТЬ НА ПОМОЩЬ — ДОЕДЕТ ИЛИ НЕ ДОЕДЕТ?

106. Второй пионер убежденно кивнул головой. Оба посмотрели на грузовик с почтением.

107. Грузовик.

108. Из дверей загса выходят новобранцы.

109. Кондукторша, задумчивая, говорит: — КАЖЕТСЯ, В ТАКИХ СЛУЧАЯХ, ПОЛАГАЕТСЯ, ЭТО САМОЕ... ПОЦЕЛОВАТЬСЯ.

110. Петров удивленно посмотрел на нее, махнул рукой, пошел к грузовику.

111. Быстро осматривает его, поправил кое-что, залез для ревизии под мотор.

112. Кондукторша устыдилась своих слов, тоже пошла к грузовику.

113. Петров вылезает с перемазанной физиономией, взглянул на кондукторшу.

114. Они деловито, но с чувством целуются. Рука Петрова в то же время заводит машину.

115. Рука, которая заводит мотор.

116. Ленинград с птичьего полета.

«ТИПИЧНАЯ ПЕРВАЯ РАБОТА...»

«Похождения Октябрины» (1924 г.) — первый фильм киномастерской ФЭКС («Фабрика эксцентрического актера»), которой руководили молодые режиссеры — Козинцеву тогда было 19 лет, Траубергу — 22 года. Опираясь на столь любимые молодыми революционными художниками «низкие жанры» — пантомиму, эксцентрику, цирковую клоунаду, сатирический плакат, Козинцев и Трауберг в яркой форме эксцентрической комедии пропагандировали злободневные лозунги смычки с деревней и помощи беспризорным детям, агитировали за «Доброхим» и Общество друзей воздушного флота, разоблачали нэпманов и «акул капитализма».

При всех «перехлестах» и увлечениях молодости, «Похождения Октябрины» явились закономерным этапом творчества Г. Козинцева и Л. Трауберга. С. М. Эйзенштейн назвал созданные авторами классической трилогии о Максиме «Похождения Октябрины» вместе со своей «Стачкой», «Звенигорей» А. П. Довженко и «Шахматной горячкой» В. И. Пудовкина — «типичной первой работой... необычайно чреватой зародыщами почти всего того, что приходит уже в зрелых формах через годы зрелой работы». Это же имеет в виду; и Л. З. Трауберг, когда в своей книге «Фильм начинается» говорит, что стиль ФЭКСов был и в «Октябрине» и в «Шинели», и в «Новом Вавилоне», и в «Трилогии о Максиме». В книге «Глубокий экран», в главе, посвященной работе над «Гамлетом» и названной «Агитка», Г. М. Козинцев писал: «Мне приятно вспомнить, что в детстве я расписывал агиттеплушки; и я ничуть не стыжусь своего Кулиджа Керзоновича Пуанкаре в клоуновском цилиндре» (в отличие от сценария, Пуанкаре, роль которого играл С. А. Мартинсон, получил в фильме имя и отчество).

Сценарий «Братишка», написанный в 1926 г., продолжил поиски Козинцева и Трауберга в области современной темы. Подобно «Похождениям Октябрины» он злободневен, посвящен важнейшей для того времени проблеме режима экономии, но решается уже другими художественными средствами — как своеобразная лирико-бытовая комедия. Фильм вышел на экраны в начале 1927 г.; основные роли исполняли в нем ученики Козинцева и Трауберга по киномастерской П. С. Соболевский, Я. Б. Жеймо, С. А. Герасимов, А. А. Костричкин и другие.

В. Г. Козинцева, Я. Л. Бутовский.

Евг. Габрилович
Мих. Ромм

КРАХ

Дощечка на двери — «Джемс Моррис».

Большой темный особняк, построенный в начале века. Ночь. Сверкая фарами, останавливается у подъезда черная машина.

Мистер Джемс Моррис-старший — сухой, крепкий старик — поднимается по ступенькам крыльца. Звонит. Пожилой, корректный дворецкий открывает дверь, с поклоном пропускает хозяина.

Моррис входит в слабо освещенный просторный холл с широкой лестницей наверх.

— Кто дома, Джекобс?

— Только дамы и тоже не все, сэр.

— Хорошо. Приготовьте чемодан. Я уезжаю.

— Завтра?

— Через два часа. Белье на неделю, библию, лекарство. И чтоб никто дома не знал. Особенно мистер Бэкон.

— Слушаюсь, сэр...

Старик идет наверх. Он еще не скрылся за поворотом лестницы, как вновь раздается звонок.

Джекобс открывает. Входит плотный, мясистый, очень аккуратный господин лет пятидесяти.

— Добрый вечер, мистер Бэкон.

— Кто дома? (Сбрасывает пальто на руки Джекобсу).

— Мистер Моррис-старший и дамы. И тоже не все, сэр.

— Мистер Моррис спрашивал обо мне?

— Спрашивал, сэр.

— Не говорите ему, что я вернулся.

Бэкон идет наверх и внезапно сталкивается с Моррисом-старшим, который стоит на верхней ступеньке лестницы.

— Почему я не должен знать, что вы вернулись, Эндрю?

— Просто уже очень поздно. Я полагал...

— А чем вы так взволнованы?

Бэкон багровеет:

— Я поспорил в клубе.

— О чем?

— Я утверждал, что нет ничего странного в том, что вы следите за каждым, кто переступает порог этого дома...

— Вот как?

— ...и в том, что вы заставляете всех нас жить под одной крышей, хотя и по возрасту и по положению мы могли бы...

— Вы будете жить так, как я хочу. Кроме того, вы солгали. Вы взволнованы чем-то другим. Идите спать.

— Спокойной ночи, сэр.

Бэкон идет в свои апартаменты.

Жена Бэкона, Норма, в очках и бигуди, читает, лежа в кровати.

— Что с тобой, Эндрю? Что случилось?

— Феноменальная новость! Через неделю будет подписано перемирие.

— Я это слышала сто раз. (Прислушивается). Постой... Кто-то еще вернулся...

Высокий мужчина осторожно открывает своим ключом входную дверь дома. Бесшумно закрывает дверь за собой. Крадучись,

идет к вешалке, но не успевает повесить пальто на крючок, ибо столь же беззвучно подошедший Джекобс берет у него пальто. Человек подскакивает от неожиданности. Он тощий, длинноногий, с усиками, одет модно, изысканно.

Джекобс невозмутимо вешает пальто.

— Добрый ве...

— Т-сс! Тихо!.. (Майкл Моррис-сын грозит Джекобсу пальцем, говорит еле слышно, сквозь зубы). Кто дома?

— Все, кроме...

— Тише!

— Все, кроме миссис Моррис-старшей.

— Мне наплевать на миссис Моррис-старшую. Моя жена дома?

— Дома, сэр. Кажется, рисовала картину, сэр.

— Кто у нее был?

— Никого не было, сэр.

— Вы лжете, Джекобс.

— Я никогда не лгу, мистер Майкл.

Майкл Моррис, шагая своими длинными ногами через три ступени, быстро и бесшумно поднимается по лестнице, на цыпочках проносится по коридору к двери, останавливается, прислушивается, тихо открывает дверь и застывает на пороге, подозрительно оглядывая комнату. В комнате — никого. Масса незаконченных картин ультрамодери, мольберты, палитры, кисти, краски.

Майкл крадется к приоткрытой двери, из-за которой пробивается свет, рывком распаивает ее.

Спальня. Жена Майкла — Силли — спит.

Майкл на цыпочках идет к кровати и вдруг молниеносно ныряет, заглядывая под нее. Силли сразу просыпается, садится. Она молоденькая, хорошенькая.

— Добрый вечер, Майкл. Где ты пропал? (Зевает).

Не обращая на нее внимания, Майкл крадется к шкафу и вдруг бешеным рывком распаивает его.

— Там никого нет, Майкл. (Опять зевает).

В ответ — глухое ворчание. Майкл крадется к оконной портюре. Распаивает ее.

— И нигде никого нет. Лучше поцелуй меня!

Майкл стремительно подходит к кровати, нагибается над женой, крепко берет ее за руки:

— Кто у тебя был?

Силли вспыхивает:

— Ты надоел мне! Понимаешь? Надоел со своей вечной ревностью.

— Кто?!..

— Не кричи. Три часа ночи. Все порядочные люди спят!

Звонок. Сонный Джекобс, с трудом подавляя зевоту, плетется к двери, открывает. Входит Кэтрин, жена Морриса-старшего. Ей лет сорок. Она навеселе, чуть пошатывается.

— Добрый вечер, миссис Моррис.

— Добрый вечер, Джекобс. Почему вы шатаетесь? (Грозит Джекобсу пальцем). Вы выпили? Кто дома?

— Теперь все, мэм. Вы последняя.

— Я всегда последняя. (Она смеется). Во всем и всегда. Я последняя возвращаюсь ночью. Я последняя встаю по утрам. Я и умру последняя. Нет, умру я первая в этом доме. (Ей вдруг взгрустнулось). Раньше вас, Джекобс.

— Вам письмо, мэм. Принес какой-то джентльмен.

— Чепуха. Мне никогда никто не пишет. (Ее осенило). Слушайте, Джекобс, давайте выпьем в буфетной! Вдвоем.

Джекобс потрясен:

— Миссис Моррис! Я очень прошу вас...

— Не бойтесь, Джекобс, все уже спят. В этом доме всегда все спят...

Впрочем, не все спят в доме. Супруги Бэкон вполголоса ведут оживленный разговор. Бэкон сидит на кровати рядом с женой. Он крайне взволнован:

— А я тебе говорю — на этот раз будет перемирие. Или даже мир! Я это узнал от самого Симпсона! Ты понимаешь?

— Ну?

— И все военные акции полетят к черту. В том числе и акции компании «Моррис». Твои и твоего отца.

— Что же нам делать?

— Продавать акции! И чтобы никто не знал. Даже твой отец. Продавать немедленно!

— Я боюсь...

— Чего?!

— А если не будет перемирия?

— Если, если... Овца!

— Я должна подумать и спросить бога. Бэкон взрывается:

— Так спрашивай его поскорее! Чтобы получить ответ до утра!

Буфетная. Огромный сервант. Стопки посуды и салфетки.

Здесь Кэтрин, встревоженный, унылый Джекобс и добродушная толстуха Энни, камеристка Кэтрин, сидят за бутылкой виски.

Джекобс (насильственно улыбаясь). Ну вот мы и выпили... Энни, проводите миссис Моррис наверх.

Кэтрин. Боже мой, до чего все скучно в этом доме!.. И я с вами стала скучной-скучной. А ведь какая я была веселая!.. Помни-те, Энни?

Энни. Конечно, мэм.

Кэтрин. Нет, нет, нет, нет! Я говорю: какая я была веселая лет двадцать назад. Когда я еще не жила в этом доме. И еще не была миссис Моррис-старшая. Когда я была танцовщицей в труппе мистера Бридла и в одной газете даже писали, что у меня самые красивые ноги в стране... А ты, Энни, играла все роли, где не было слов, в том числе и мужские.

Энни. Я очень любила смотреть на вас из-за кулис.

Кэтрин. А вот Джекобс не верит, что я хорошо танцевала. (Внезапно). Джекобс, заведите патефон!

Джекобс. Что вы, мэм!

Кэтрин. Заведите патефон, Джекобс. Я хочу показать вам, как я замечательно танцевала.

Джекобс. Я верю вам на слово, миссис Моррис. Три часа ночи, миссис Моррис!

Кэтрин. Хорошо. Не надо заводить патефон. Я и так вам станцую. (Встает, шагаясь).

Джекобс (опускаясь на колени). Миссис Моррис! Я умоляю вас!

Кэтрин. Ох, какая тоска!.. Никогда не буду пить с вами, Джекобс... Энни, помогите мне добраться до ванны.

Джекобс (с огромным облегчением). Вы забыли письмо, мэм.

Кэтрин. Верно, письмо... Энни, прочтите мне это письмо. У меня немного... в глазах...

Энни (распечатывает). «Моя маленькая серая мышка...» (Сразу осекается).

Кэтрин вздрагивает, мгновенно трезвеет. Медленно поворачивается к Джекобсу.

— Идите, Джекобс. Вы мне не нужны.

— Слушаюсь, мэм! (Выходит, почтительно откланявшись).

Кэтрин и Энни стоят, глядя друг другу в глаза.

— Что это, Энни?

— Подписано: «Твой Рудди»... Неужели это Теннер?.. Боже мой! Двадцать лет...

Кэтрин молча подходит к раковине для мытья посуды, мочит лицо, лоб. Потом берет письмо. Пробегает его...

— Он здесь, в городе... Проводи меня наверх...

Они вдвоем идут наверх.

Куски быстрого движения — пролетают деревья, рекламные щиты, рельсы, шпалы...

Утро. В вагоне всего десять — двенадцать человек, да и то лиц не видно, ибо все зарылись в утренние газеты. Старик Моррис переворачивает свою газету. В эту минуту музыка обрывается на полутакте и вступает голос радиодиктора:

— Минуту внимания. Из обычно осведомленных кругов стало известно, что есть серьезные основания ожидать решительного перелома в ходе переговоров о перемирии в ту или иную сторону. (Все газеты опустились, пассажиры напряженно прислушиваются). Однако наш дипломатический ком-

ментатор полагает, что эти слухи, по меньшей мере, преждевременны. (Музыка).

Теперь можно увидеть, кто едет в вагоне. Это все деловой народ, солидные джентльмены лет по 50 и старше.

Двое сидящих рядом сердито откладывают газеты.

— Вы понимаете хоть что-нибудь в этом ребусе?

— Решительно ничего.

— И в газетах те же загадки. Разве можно нормально вести дела в такой обстановке? Я хочу знать, должен ли я продавать или покупать? Расширять дело или сворачивать его?

— Святая истина!

Третий пассажир (иронически). Вы, очевидно, хотите настоящей большой войны? Может быть, с водородной бомбой?

Второй. Сэр! Поверьте, я такой же гуманист, как вы. Но в делах нужна определенность. Если война — так пусть это будет война!..

Музыка прерывается, вступает голос радиодиктора:

— Некое высокопоставленное лицо, имя которого мы не уполномочены называть, сообщило, что перемирие либо будет подписано в субботу, либо не будет подписано никогда. Лица, причастные к министерству иностранных дел, решительно отказались как подтвердить, так и опровергнуть это заявление.

Первый (хватаясь за сердце и вынимая из жилетного кармана пилюлю). Честное слово, мне начинает казаться, что все это проделки медицинских фирм, чтобы обеспечить продажу лекарств от сердечных припадков! (Глотает пилюлю).

Солидный господин, сидящий рядом с Моррисом, негромко обращается к нему:

— Простите, если не ошибаюсь, вы тоже из делового мира?

— Заводы военной фурнитуры «Братья Моррис».

— Скажите, как вы расцениваете ситуацию?

Моррис (подумав). Мои дела в блестящем порядке.

Дощечка с надписью: «Клара Стил. Комнаты для джентльменов».

Гостиничка набита бизнесменами, потерпевшими крушение и занимающимися самими незавидными коммерческими делами.

Сюда неожиданно приезжает на великолепной машине Кэтрин. Хозяйка ведет ее на площадку второго этажа. Стучит в дверь одной из комнат.

— Войдите,— слышен глухой ответ.

Кэтрин входит, и миссис Стил, потоптавшись на пороге, пересипливает все же любопытство и закрывает за ней дверь.

— Кто там? — не оборачиваясь, спрашивает стоящий у окна человек в мешковатом костюме: он старательно гладит на столе парадные брюки и не решается оторваться от этого дела.

Кэтрин молча оглядывает темную и унылую комнату.

— Кто там? — повторяет человек у окна, поворачивается и видит Кэтрин.

Он делает несколько шагов к ней и нерешительно останавливается. У него потрепанное жизнью лицо, немного оплывшее, помятое и все-таки приятное. Черные грустные глаза. Сквозь курчавые волосы с проседью уже просвечивает лысына.

Они стоят и смотрят друг на друга. И вдруг Кэтрин всплескивает руками: густой дым валит из-под утюга, оставленного на брюках.

Рудольф Теннер бросается к столу, хватая утюг, обжигается, хлопает ладонью по тряпке, льет из стакана воду.

Кэтрин, смеясь, садится на стул.

— Двадцать лет прошло,— говорит она, бросив руки на колени. — Двадцать лет!.. А ты все тот же...

Элегантная холостяцкая спальня Чарльза Морриса-младшего, брата Морриса-старшего,— к нему старший брат и спе-

шил в поезде. Пушистые ковры. Модные картинки в белых рамках. Сам Чарльз Моррис — невысокого роста, подвижной, веселый господин лет под шестьдесят — заканчивает перед зеркалом утренний туалет: поправляет галстук, трогает щеткой седые волосы, выбирает цветной платочек в тон галстуку и сорочке. Моррис-старший, усевшись на стуле и поставив свою трость между колен, угрюмо наблюдает за ним.

Моррис-старший. Мои дела плохи. Чарли. Я приехал к тебе за советом и информацией. Скажи мне как младший брат старшему: будет перемирие или нет?

Моррис-младший. Я еще не слушал радио и не читал утренних газет. (Меняет платочек в боковом кармашке и критически рассматривает себя в зеркале).

Моррис-старший (раздражаясь). Прошу тебя, не балагань. Поговорим о деле.

Чарльз послушно бросает платок и начинает примерять очки — их у него целая дюжина в самых различных оправах.

Моррис-младший. Поговорим о деле.

Моррис-старший. Я хочу знать, будет ли перемирие.

Моррис-младший. Одно очень авторитетное лицо... (меняет очки)... даже высокопоставленное лицо... (меняет очки)... вчера заявило корреспондентам...

Моррис-старший (вспылив). К черту! Я не хочу больше этого слушать! (Берет себя в руки). Чарли! Я умоляю тебя: фирма называется «Братья Моррис», она основана нашим дедом. И хотя ты в последние годы устранился от участия в ее делах...

Моррис-младший (добродушно). Ну, ну! Не без твоей помощи, милый Джимми. Скажем прямо: ты улучил удобный момент и вышиб меня. А? (Меняет очки на прежние).

Моррис-старший. Дело есть дело. И кроме того, ты не пострадал: ты снова выплыл, у тебя серьезные связи и первоклассная информация...

Моррис-младший (вздыхнув). Ну, что ж... (Отходит от зеркала). Милый Джемс, я должен тебя огорчить: послезавтра в пол-

день газеты и радио сообщат, что перемирие неизбежно.

Моррис-старший (встает, бледнея). Что ты говоришь!

Моррис-младший. Все акции, особенно военных предприятий, начнут катастрофически падать. И твои тоже.

Моррис-старший. Я погиб... Я не выдержу понижения... (Его колотит лихорадка). Ты понимаешь?.. Не выдержу!..

Моррис-младший. Слушай меня внимательно. То, что я тебе скажу, стоит в хороших руках десять миллионов. Двадцать миллионов! Но я дарю тебе это как младший брат старшему — в память покойной матери. (Очень тихо). Паника продлится недолго. Потом все снова пойдет наверх...

Моррис-старший. Как так наверх?

Моррис-младший. Дело в том, что никакого перемирия не будет!.. Держись твердо. Когда начнется паника — покупай. Но покупай тихо!.. Скупай все.

Моррис-старший (вытирая пот со лба). У меня нет свободных средств.

Моррис-младший. Займи. Выдай векселя на любых условиях.

Моррис-старший (со слезами благодарности). Чарли!.. Бог видит, как я...

Моррис-младший. Ну, ну! Ведь мы все же братья и должны помогать друг другу. (Весело). А теперь пойдем позавтракаем. Знаешь, кто меня больше всех занимает в твоей семье? Твоя жена.

Моррис-старший неопределенно хмыкает.

Моррис-младший. Правда, я видел ее всего однажды и мельком, но, говорят, у нее были самые красивые ноги в стране. Это верно?

Моррис-старший. Не знаю.

Моррис-младший. Что она сейчас делает?

Моррис-старший (холодно). Моя жена делает то, что делают жены всех деловых людей...

Окно упирается в черную кирпичную стену соседнего дома и потому, несмотря на полдень, над столом горит лампочка. Кат-

рит гладит парадный костюм Рудольфа Теннера.

— Ну, а потом? — Она искоса взгляды-вает на Теннера и вновь склоняется над утюгом.

Рудольф Теннер энергично расхаживает по комнате, курит, ерошит волосы, жестикулирует.

— Потом я перебрался в Бразилию. За-вел ресторан с концертными номерами. Но дело опять лопнуло...

— Разумеется... А потом?

— Все было, Кэтрин. И Париж, и Авст-ралия, и Южная Америка. Я даже был на войне и повидал эту прелесть.

— Что ж, по крайней мере, ты не сидел на одном месте!

— Верно. Но если сказать по правде, единственная светлая пора моей жизни — это когда мы с тобой служили в труппе Бридла... (Теннер нерешительно подходит к столу, трогает гладильную доску). Мне было тогда двадцать семь, а тебе — двад-цать, и ты была так прелестна, что даже шоферы такси бесплатно возили нас с то-бой.

Кэтрин пожимает плечами:

— Тут нет пуговицы на пиджаке. Где она?..

Теннер хлопает себя по карманам, ищет пуговицу в жилете, в брючном кармашке.

— Я помню все: и нашу комнату, и хо-зяйку, и завтраки, которые ты готовила по утрам... Вот пуговица. Не знаю, как ты, а я действительно любил тебя, Кэтрин. И ты можешь мне не верить, но кроме тебя, за всю свою жизнь я никого не любил.

Кэтрин, повернувшись к свету, вдевает шитку в иголку.

— Почему же ты бросил меня, если так любил?

— Потому что появился мистер Моррис. Ты помнишь, он каждый день сидел в пер-вом ряду, и тебе приносили букеты. А тут как раз началась какая-то война в Африке, и мне подвернулось довольно доходное де-ло. И все-таки я прогорел... Расскажи о себе. Ты счастлива?

Кэтрин поднимает голову:

— Неужели я пришла бы сюда, если была бы счастлива?

Молчание. Они смотрят друг на друга. Теннер первый отворачивается, достает сигарету, мнет ее, ломает.

— Ну, ну, не огорчайся. Все равно ты не умеешь долго огорчаться,— говорит Кэ-трин. Она уже снова взялась за иголку. — Скажи, почему ты вдруг приехал сюда?

— Почему приехал? Разве я не говорил тебе? У меня сногшибательная идея!

— Ну вот, ты уже повеселел.

— Чем я хуже других? Я тоже хочу за-работать на войне!

Глаза его горят, он даже помолодел.

— У меня есть идея. Сверхъестественная идея! Она обдумана до мельчайших дета-лей.

— Мой бедный друг,— грустно говорит Кэтрин. — Боюсь, что ты уже опоздал.

— Почему?

— В нашем доме говорят о конце вой-ны. А в нашем доме знают эти дела.

Теннер в отчаянии опускается на стул.

— Боже мой! Почему мне так не везет?! Почему я всегда опаздываю?..

Между тем, в холле этих мебелирашек жильцы — незадачливые мелкие коммер-санты и спекулянты — продолжают горя-чо обсуждать неожиданный визит столь роскошной незнакомки. Бурные споры и предположения. Самое пламенное участие в этой дискуссии принимает маленький ро-стом невзрастенический господин, продавец бритв, не нуждающихся ни в горячей воде, ни в кистях, ни в мыле, ни в зеркале, ни в электротокке. Его фамилия Томпсон. Спор обрывается радиоголосом, передающим по-следие известия:

— Переданное нами недавно сообщение о близком перемирии еще официально не подтверждено. На всякий случай мы разо-слали репортеров на все главные улицы го-рода, в парки, в рестораны, в конторы...

Передаем пока скетч под названием «Что будет, когда это будет».

...Джекобс, Энни, шофер и даже повар в колпаке, с тушкой фазана в руке, слушают радиопередачу в буфетной.

Голос радиодиктора. Включаю микрофон нашего репортера, находящегося на станции подземки. (Гулкие шаги, голоса, шум приближающегося поезда).

Голос репортера. Я нахожусь на станции подземки. Вот подходит поезд. (Грохот поезда, подошедшего к платформе).

...Джемс Моррис-старший и Чарльз Моррис-младший тоже слушают радио.

Голос репортера. Двери открываются! Радостная толпа устремляется к эскалатору. Слушайте, о чем говорят люди в эту минуту! (Нарастающий шум толпы).

...Ателье радиостудии. Идет передача. Режиссер дирижирует массовой. Радиотехники в кабине пускают с магнитофона шум метро. Актеры проходят мимо микрофона, обмениваясь радостными восклицаниями:

— Вот это новость!

— Вы слышали? Перемирие!

— Бегу покупать подарки!

Режиссер постепенно умеряет шум массовой, актеры отходят от микрофона. Радиотехник пускает шум уходящего поезда. Актер, изображающий репортера, подходит к старушке-актрисе:

— Как тебя зовут, девочка?

Старушка (детским голосом). Джоанна Вайминг. Мне четыре года.

— Ты рада, что война кончается, детка?

Старушка. Очень. Теперь вернется мой папа и привезет мне маленького белого слона.

— Прелестный ребенок! (Похлопывает старушку по плечу). Представляю себе этого слона, который живет на кухне между стиральной машиной и холодильником! (Бесцеремонно отодвигает старушку рукой и обращается к тощему актеру, мрачно ожидающему у микрофона своей очереди). А почему вы, сэр, стоите в таком глубоком раздумье?

Тощий актер (горько). Мне некуда спешить. Я разорен...

Диктор. Включаю перекресток около биржи... (По знаку режиссера вся массовка энергично устремляется в центр ателье и подымает громкий крик, изображая гул возбужденной толпы. Радиотехник включает магнитку с уличными шумами). Что такое? Здесь почему-то беспокойно... Послушаем!

По знаку режиссера к микрофону быстро подходит актер, изображающий биржевого репортера, кричит:

— На биржу пробиться невозможно! Народу здесь более, чем достаточно!..

...Вагон поезда. Все пассажиры слушают радиопередачу. Из репродуктора доносится гул толпы, шум улицы, голос биржевого репортера:

— Попробуем побеседовать с компетентными дельцами... Буду ловить их прямо на ходу... Минуту, сэр! Ваши прогнозы?

— Дурацкий вопрос! Плохо...

— Куда вы, сэр? Уже убежал! Остановим другого... Ваше мнение о делах, сэр?

— Положение очень тревожное!..

...Комната в доме Морриса-младшего.

Последние слова диктора, и передача-скетч окончена.

Моррис-младший. Что скажешь?

Моррис-старший. Грубовато... И дорого стоила вам эта передача?

Моррис-младший. Дорого стоит только то, что не окупается. Увидишь, что завтра будет твориться на бирже.

Яростный голос Бэкона:

— Алло!.. Станция!.. Алло!

Сильвия Моррис, сидя в глубоком кресле, рисует Бэкона с телефонной трубкой.

На ручке кресла удобно примостился Майкл.

Эндрю Бэкон пытается соединиться с кем-то по телефону. Норма ходит за его спиной, ломая руки. Бледный Джекобс

стоит не на столь почтительном отдалении от хозяев, как обычно.

Бэкон. Алло!.. Что?.. Занято?.. Опять занято!.. Я сказал: дайте сверхсрочный! Тридцать раз срочный! Любые деньги, черт вас... (Бросает трубку). Невозможно соединиться!..

Норма. Господи, помоги нам!

Бэкон (злобно передразнивая). Господин!.. Надо было продавать позавчера. Я говорил. Я умолял!..

Джекобс. А что же будет с моими акциями, сэр? У меня десять акций!..

Норма. Вас только не хватало! Уходите.

Джекобс. Сейчас уйду, мэм. (Проводит языком по пересохшим губам). Мистер Бэкон, вас спрашивает какой-то джентльмен.

Бэкон. Пошлите его к дьяволу! (Звонок телефона, он хватается за трубку). Ну? Соединяйте!.. Алло!.. Алло!.. Стэвенс?.. Это Бэкон!.. Бэкон!.. Бэ-э-ко-он!.. Вы слышите меня? Что?.. Это Стэвенс?.. Да прекратите этот дьявольский шум!..

...Рев толпы (на сей раз уже натуральный). Контора биржевого маклера. Трещит деревянная перегородка под напором тел. Мечутся перепуганные клерки. Кто-то рыдает, упав головою на стол. Кого-то обливают водой из графина. Мальчик пишет на доске столбцы цифр — курс акций — и тут же стирает, пишет новые.

Растерзанный маклер — Стэвенс — пытается говорить по двум телефонам сразу. К нему со всех сторон тянутся руки, бумаги, его хватают, у него отнимают трубку, ему кричат что-то в самое лицо.

Стэвенс (в трубку). Что?.. Кто?.. Не слышу!.. Это Стэвенс!.. (Сиплым рыдающим голосом). Что вы хотите от меня?.. (Расстегивает свободной рукой воротничок рубашки, отталкивает кого-то). Не понимаю!..

Мальчик внезапно стирает все цифры с доски и начинает писать все заново. Дикий рев.

Стэвенс бросает трубку.

Бэкон (все еще у телефона). Стэвенс!.. Стэвенс!.. Алло! Там черт знает что! (Бросает трубку и тут же с новым приливом

энергии набирает номер). Станция?.. Еще раз тот же номер!.. Быстро!

Джекобс (робко). Мистер Бэкон, какой-то джентльмен.

Норма. Я вам сказала: уходите!

Джекобс. Сейчас уйду, мэм. (Идет к Майклу). Мистер Майкл, какой-то джентльмен спрашивает кого-либо из мужчин по очень важному делу!..

Майкл (с видом жертвы). Хорошо... (Встает).

Бэкон (внезапно выкрикивает). Стэвенс?.. Слава богу! Это Бэкон! Бэкон!.. Продавайте!.. Продавайте все до последней акции!.. Про-да-вай-те!

Майкл в сопровождении Джекобса входит в холл. Там ждет его тот самый маленький невзрачный Томпсон, что обитает в мебелированных Клэры Стил. Он (конечно, не безвозмездно) сообщает Майклу сенсационную новость: одна из дам семейства Моррис приезжает в заведение Клэры к одному джентльмену и более чем непринужденно проводит в его комнате время. Донос падает на благодатную почву: ревнивец Майкл неистовствует, полагая, что дело идет о его жене, Силли.

Майкл (весь дрожа). Кто он?!

Томпсон. Бывший актер!..

Майкл (вне себя). Имя?

Томпсон (поколебавшись, выпаливает последнее из того, что ему известно). Рудольф Теннер!

Майкл. А-а-а!.. Теннер?.. Теннер!.. Вот оно что — Теннер!..

Томпсон (нащупывая почву для дальнейших дел). Как только она вошла, я сразу понял, что это дама из общества... Бриллианты в ушах...

Майкл. Так его зовут Теннер?..

Томпсон. Подумать только, в ее годы — и так вести себя!

Майкл (уставившись на Томпсона). В какие годы? (Хватает Томпсона за руку). Сколько ей лет?

Томпсон (осторожно). Я полагаю, лет

сорок, сэр... (Льстиво). Но она еще очень привлекательная брюнетка.

Майкл (вдруг абсолютно спокойно отпускает руку Томпсона). Это не она! Вы идиот! Моей жене двадцать лет, и она блондинка.

Томпсон (остолбенело). Но это миссис Моррис! Клянусь!

Майкл (озаренный внезапной догадкой). Ах, вот оно что!.. (Подумав). Вы можете сфотографировать ее вместе с этим Теннером?

Томпсон (гордо). Для меня нет невозможного, сэр. Но это будет стоить...

Майкл (перебивает). Хорошо.

Томпсон (уточняя). Двести, сэр.

Майкл. Вы вообще занимаетесь такими делами?

Томпсон. Я занимаюсь всеми делами.

Майкл. Тогда попробуйте выследить блондинку двадцати лет. Тоже миссис Моррис. Художница.

Томпсон. Это будет стоить дороже.

Майкл. Почему?

Томпсон. Блондинки увертливы, сэр.

Майкл (бледнея). Вы думаете?

Томпсон (твердо). Я это знаю.

Майкл сверлит Томпсона взглядом, но не успевает ничего сказать. Томпсон показывает глазами вверх. По лестнице спускается Кэтрин. Томпсон чуть заметно подмигивает Майклу, как бы говоря, — «она».

Майкл (нарочито громко). Значит, вы принесете мне фотографии?

Томпсон. Непременно, сэр. (Откланивается, уходит).

Кэтрин (беззаботно). С каких это пор вы стали интересоваться фотографией, Майкл?

Майкл (ухмыляясь). Я собираю редкие снимки.

Кэтрин. Опять какая-нибудь пакость?

Майкл. Конечно!

В холл вваливается мокрый, обессиленный Бэкон. Заплаканная Норма нежно поддерживает его под руку.

Бэкон (слабым голосом). Ну вот и все... Продал... Почти за бесценок. Но про-

дал!.. (Выпрямляется, отстраняет Норму). А вы, Майкл, сумасшедший!.. Вы будете разорены! Вы уже нищий! Поздравляю вас!

Моррис-старший. С чем это вы поздравляете Майкла? (Он вошел незамеченным и стоит в дверях холла). И почему он нищий?.. Возьмите у меня пальто.

Бэкон (помогая ему снять пальто). Мистер Моррис!

Майкл. Где ты был, старик?

Моррис (как всегда спокойно). На рыбной ловле. А в чем дело? Почему вы такой растерзанный, Эндрю?

Бэкон (с пальто в руках). Почему?! Акции «Моррис» летят в пропасть!.. Вы понимаете?

Моррис. Понимаю. Здравствуй, Кэтрин.

Бэкон. Все рушится, сэр! Вы должны немедленно что-нибудь предпринять!

Моррис (набирая номер). Попробую... (Негромко). Это вы, Вильямс?.. Еще раз подтверждаю: с этой минуты покупайте все акции «Моррис», которые появятся на бирже. (Кладет трубку и невозмутимо глядит на Бэкона).

Бэкон (еле шевеля языком). Вы... покупаете?..

Моррис. Да, Эндрю, я покупаю. Кстати, я купил все акции, которые вы продали. (Кротко). Кроме того, запомните: когда ответственный служащий фирмы узнает важную новость, он должен сообщить ее шефу, а не жене. (Мертвое молчание).

В кабинете Морриса-старшего есть тайный селектор, позволяющий хозяину слышать все, что происходит в его доме и на его заводах. Пользуясь им, хозяин слушает сейчас разговоры семьи в разных комнатах. Слышит Моррис и разговор, происходящий в спальне его жены. Беседуют Кэтрин и ее камеристка Энни.

... Они сидят у маленького столика. На столике бутылка виски, сифон с содовой, стаканы, два ярких журнала, пачка сигарет, головная щетка, пудра, зеркальце,

скомканные кредитки и дамские подвязки.

Кэтрин. Сегодня я должна быть очень красивой и очень веселой. Я веселая, Энни?

Они пьют. Кэтрин, выпив, вертит рюмку, разглядывая ее.

Энни (после паузы). Ты идешь к нему?

Кэтрин. В этом доме все следят друг за другом. Даже ты следишь за мной... Выпьем лучше еще! (Наливает).

Энни. Нет. Сейчас завтрак. Старик сразу увидит, что ты опять пила...

Кэтрин. Завтрак... Каждый день завтрак, каждый день обед... Проклятый дом! Если бы можно было не видеть их всех! (Вдруг падает головой на стол, рюмки опрокидываются. Кэтрин рыдает). Что мне делать, как мне жить? Я погибаю, Энни!

Энни. Ну вот, ты уже пьяна! Сейчас я принесу воды.

Кэтрин. Я совсем не пьяна. Мне просто так жалко себя... Так жалко!.. (Всхлипывает). И знаешь, мне жалко моего старика. Без меня ему будет очень плохо.

На мгновение появляется лицо напряженно слушающего по селектору Морриса, потом — снова спальня.

Энни (очень серьезно). Без тебя? Ты что же — решила уехать?.. С кем?.. (Кэтрин молчит). С Теннером?

Кэтрин (не отвечая, смотрит в зеркальце). Ну вот, я уже и невеселая, и некрасивая. Иди, Энни. Скоро завтрак.

Энни. Ты не будешь больше пить?

Кэтрин. Не буду. Иди.

Энни идет к двери, и Кэтрин сразу же, не дождавшись даже, чтобы она вышла, наливает еще рюмку.

... Кабинет Морриса. Старик прислушивается. Тишина. Вдох Кэтрин. Стук рюмки. Тихие всхлипывания.

... Спальня. Кэтрин сидит, опустив голову. Молчит.

... Кабинет. Моррис слушает. Тишина. Вдох. Шаги Кэтрин.

... Спальня. Кэтрин подходит к туалету. Внимательно оглядывает себя в зеркало. Пудрится. Подкрашивает губы.

... Моррис-старший встает, делает несколько шагов по комнате, снова садится, слушает. Тишина. Старик сидит, задумавшись. Потом, пробормотав что-то неразборчивое, переключает селектор.

Кэтрин под вуалью входит в знакомый нам холл заведения Клары Стил и, не оглядываясь, быстро поднимается по лестнице. На этот раз жильцы не обращают на нее ни малейшего внимания. Входит, оглядываясь, Майкл. Сидевший в углу и скрывающийся за ярким журналом маленький неврастеник Томпсон вскакивает и подбегает к нему. Они отходят в сторону.

Майкл. Она здесь?

Томпсон молча показывает наверх.

Майкл. Действуйте.

Майкл становится у перил лестницы и закрывается взятым у Томпсона журналом.

Томпсон быстро и бесшумно взбегаёт наверх. Около двери Теннера он вынимает крохотный фотоаппаратик, закладывает под жилет, просовывает миниатюрный объектив в петлю жилета. Собирается с духом, решительно распахивает дверь.

Голос Теннера. Кто там?

Томпсон (в галантном отчаянии). А, простите! Вы не один!.. (Закрывает дверь, бежит вниз).

Майкл ждет, закрывшись журналом.

Томпсон (тихо). Готово, сэр.

Майкл. Что они делали?

Томпсон. Он целовал ей руку.

Майкл. Мало. Сделайте еще два — три снимка. И поинтереснее!.. Кстати, как у вас дела с другой, с блондинкой?

Томпсон. Успешно продвигаются, сэр.

Майкл, вздрогнув, хватает Томпсона за руку. Потом, овладев собой, мрачно цедит:

— Ладно. Занимайтесь фотографиями.

Комната Теннера. Кэтрин сидит сосредоточенная, строгая. Время от времени она внимательно, испытующее смотрит на Теннера, который энергично ходит по комнате, дымя сигаретой.

Кэтрин. Ну хорошо. Расскажи, что ты делал сегодня?

Теннер. Читал газеты, пил кофе, разговаривал с Томпсоном, спорил с хозяйкой, бегал за сигаретами... В общем, все время был занят. А ты?

Кэтрин. Я тоже была занята: пила виски и ждала двух часов, чтобы поехать к тебе.

— Хочешь выпить?

— Нет... Слушай, Рудди... (Она молчит, собираясь с духом, потом решительно поднимает голову). Увези меня отсюда...

Он теряется от неожиданности:

— Куда увезти? Куда?

— Куда-нибудь... Хоть на край света.

В замешательстве он не знает, куда девать глаза. Кэтрин встает с отчаянной решимостью:

— Увези меня, Рудди! Я не могу больше жить здесь. Я сопьюсь. Или сойду с ума. Увези меня! Нам много лет... И так мало осталось прожить... Уедем отсюда, Рудди! Умоляю...

— Кэтрин!.. Ведь ты же знаешь: у меня нет ни гроша.

— Мне ничего не нужно. У меня есть кольца, серьги, ожерелье, я сама буду стирать, штопать. Я буду хорошей женой, Рудди! Уедем отсюда!

— Ах, Кэтрин!.. Надолго ли хватит твоего ожерелья... И потом... я мужчина. Я не могу жить на твой счет.

Кэтрин вдруг падает на колени, цепляясь за его руки:

— Уедем отсюда, Рудди! Спаси меня!.. Если ты меня хоть капельку любишь — уедем!..

Дверь широко распахивается, входит без стука Клара Стил с подносом:

— Простите, мистер Теннер. Вы просили кофе.

Кэтрин встает. Теннер яростно поворачивается:

— Я не просил никакого кофе. Уходите!

— Вот как? А мне показалось, что вы заказали кофе.

— Я вам сказал — убирайтесь!

Клара Стил (с достоинством). Вы не вежливы, мистер Теннер, и забываете, что я дама. (Выходит).

Возле лестницы ее ждет Томпсон. Клара Стил опускается к нему, они обмениваются неслышными репликами.

Между тем Теннер выкладывает Кэтрин свою идею, которая даст ему возможность разбогатеть. Он разбогатеет и увезет Кэтрин. Идея заключается в конструкции совершенно новой формы протеза, который станет отныне уже не обузой, а предметом комфорта. Теннер работал над чертежами такого протеза целых пять лет. Нужен только солидный делец, который купил бы эти чертежи.

Кэтрин (разглядывая чертежи). Ну, и ты нашел такого дельца?

Теннер. Да (После короткого колебания). Это твой муж... Поговори с ним, Кэтрин. Я слышал, что он порядочный человек.

Кэтрин молчит.

Теннер (волнуясь). Ведь это его прямое дело: он фабрикует протезы. (Старается заглянуть Кэтрин в глаза). Пусть он возьмет шестьдесят процентов, девяносто, девяносто девять процентов! Пусть он зарабатывает десять миллионов, мне достаточно ста тысяч...

Кэтрин молчит.

Теннер. Поговори с ним... Он купит это — и мы уедем!

Кэтрин (со странной улыбкой). Значит, Джемс должен дать тебе деньги, на которые ты увезешь меня.

Теннер (невесело пожимает плечами). Что делать? Так устроен мир.

Кэтрин. И я должна просить у мужа деньги, чтобы убежать от него.

Теннер (начиная сердиться). Но ты сама говоришь, что хочешь уехать со мной!

Кэтрин (решительно). Да, я хочу уехать с тобой. Выпьем виски.

Кэтрин сидит в кабинете мужа, изо всех сил сдерживая волнение.

Моррис. Так ты говоришь, что нашла какого-то изобретателя, который произвел переворот в протезном деле? Он молод?

Кэтрин. Ему около пятидесяти.

Моррис. Состоятельный человек?

Кэтрин. Нет...

Моррис (с улыбочкой). По крайней мере, солидный делец?

Кэтрин (поколебавшись). Нет, Джемс. Он совсем не делец. Он талантливый человек.

Моррис (после паузы, неожиданно). Это Теннер.

Кэтрин (помолчав). Да.

Моррис начинает ходить по комнате, морщась от боли в печени, про которую он только сейчас вспомнил.

Моррис. Значит, он здесь, и ты встречаешься с ним... (Подходит к Кэтрин). Он твой любовник?

Кэтрин (сухо и отчетливо). Нет. Он был моим любовником до того, как я вышла за тебя замуж. Ты это знаешь. Я не видела его восемнадцать лет.

Моррис. Почему же ты так хлопочешь о его делах? (Молчание). Ты решила уехать с ним?

Кэтрин (прямо глядя ему в глаза). Да, Джемс.

Моррис, не выдержав ее взгляда, отворачивается, берет со стола карандаш, вертит его в пальцах.

Моррис (с усилием). Тебе так тяжело со мной в этом доме? (Кэтрин молчит). Неужели тебе не жалко меня?

Кэтрин. Я сопьюсь тут или сойду с ума...

Моррис. Потерпи немного, Кэтрин. Я скоро умру и оставляю тебе все. Кроме фирмы. И делай тогда, что хочешь...

Долгое молчание. Кэтрин садится и охватывает голову руками. Моррис стоит за ее спиной, уныло глядя на ее волосы.

Кэтрин (не поднимая головы). Отпусти меня, Джемс... Зачем я тебе? Тебе только кажется, что ты любишь меня... Я уже почти старуха. Так мало осталось жить!.. Дай мне вздохнуть свободно. Позволь мне уйти из этого дома. Я ненави-

жу здесь каждую ступеньку и каждую дверь! (Отчаянно). Помогите мне, Джемс!..

Моррис. Хорошо. (Бросает карандаш).

Пусть Теннер придет ко мне.

Кэтрин (встрепенувшись). Когда?

Моррис. В пятницу утром. В контору.

Кэтрин (со вздохом облегчения). Спасибо, Джемс. Ты очень хороший человек. Я буду молиться за тебя каждое утро и каждый вечер, пока я жива. (Целует ему руку).

Моррис (отнимая руку). Не нужно молиться и не нужно благодарить.

Контора Морриса при заводе. На письменном столе — десятки чертежей самых разнообразных протезов. Старик Моррис разглядывает их, взволнованный Теннер дает объяснения.

Моррис (отодвигает чертежи). Ну что ж, все это очень остроумно. Очень!

Теннер (сердце у него замирает). Я тоже так полагаю, мистер Моррис. Недаром я трудился целых пять лет.

Моррис. Все это очень остроумно, но я не куплю этого.

Теннер (помертвев). Почему?

Моррис. Тут всего одна, но решающая ошибка... (Мягко). Дело в том, мистер Теннер, что это дорогие протезы. Люди, которые теряют на войне руки и ноги, не смогут купить их. У них нет таких денег. А те, у кого есть деньги, как правило, не воюют и не теряют ни рук, ни ног.

Теннер (ошеломленный). Черт возьми! Мне это не приходило в голову... (Начинает дрожащими руками собирать свои папки).

Моррис. Сколько вы хотели получить за эти чертежи?

Теннер (с проблеском надежды). Тысяч... пятьдесят, я полагаю...

Моррис. Вы сможете заработать не меньше. Но вам придется совершить небольшую поездку.

Теннер (недоуменно). Куда?

Моррис. В одну страну, где скоро начнется война. Не очень большая страна, и не очень большая война. Им понадобятся солдатские сумки, португези, седла, фляжки, а впоследствии и протезы. Разумеется, дешевые, мистер Теннер. Вы поедете туда моим представителем, я даю вам десять процентов от оборота. Согласны?

Теннер (уныло помолчав). Да, мистер Моррис.

Моррис. Но с одним условием: вы уедете отсюда через час и навсегда.

Теннер изумленно смотрит на Морриса.

Моррис. И еще: вы дадите мне честное слово, что моя жена не будет знать, почему и куда вы уехали. И еще: вы никогда не будете писать ей.

Теннер (с достоинством). Я неудачник, мистер Моррис. Я прожил тяжелую жизнь. Но я никогда не продавал ни своего честного слова, ни свободы действий. (Укладывает чертежи в папку).

Моррис. Пятнадцать процентов.

Теннер (резко). Я сказал — нет!

Моррис. Двадцать процентов. Не торпитесь с ответом. Сядьте. (Указывает на стул). Учтите: война будет длиться не меньше года, конъюнктура отличная!.. Двадцать два процента. Это мое последнее слово.

А через несколько дней Чарльз Моррис-младший сообщает по телефону старшему брату, что перемирие на сей раз все же будет сегодня подписано. Официальная коммюнике подтверждает это. С Моррисом-старшим сердечный припадок.

Норма, Силли, Бэкон и Майкл тесной кучкой стоят в холле. Норму трясет. Бэкон молчит, как туча. Майкл потерял свое обычное элегантное спокойствие, и даже Силли встревожена.

Бэкон. Вы понимаете — все вскрыли будут немедленно предъявлены к взысканию. Фирма, как гиря, пойдет ко дну.

Силли (испуганно). Но ведь, кроме фирмы, есть еще дом, земля, бриллианты, какие-то ценные бумаги...

Норма. Все, что не фирма, завещано ей.

Силли. Кэтрин? Глупости!

Бэкон. Ну, знаете, можно быть и художницей, и дурой, но не до такой же степени!

Майкл. Потихе вы, кусок говядины! (Звонок).

Норма (бледная от злобы). Это она!..

Бэкон (Силли). Откройте дверь, перепелка! (Силли бежит к двери).

Майкл. Перемирие... Ах, скоты! Кто бы это мог ожидать?!

Силли открывает дверь. Входит доктор, похожий скорее на старого маклера. За ним — долговязый молодой ассистент.

Доктор (тревожно). Мистеру Моррису плохо? Мне звонил Джекобс.

Норма и Бэкон переглядываются.

Норма. Он стареет, доктор. Прошу вас...

Доктор быстро проходит в кабинет. Ассистент — за ним.

Бэкон (Майклу). Почему вы не показали старику фотографии, пустомеля?

Майкл. Я их послал по почте с анонимным письмом. (Вынимает из кармана три фотографии Кэтрин с Теннером). Точно такие же!

Бэкон. А если он не читает анонимных писем?

Норма. Дай сюда! (Разглядывает фотографии). Господи, как я ненавижу эту гнусную рожу!.. Подумать только, мы будем нищими стоять на пороге ее дома!..

Майкл (небрежно). А может быть, убить ее, а?

Бэкон (пораженный). Вы в своем уме?!

Майкл (шутя). Это очень просто: Она вернется пьяная и, как всегда, пойдет принимать ванну. (Все больше увлскаясь). Нужно только войти, нажать ей голову ладонью — вот так... и подождать несколько минут. Вот и все.

Бэкон (сердито). Прекратите этот бред!

Майкл. А что? Все будут думать, что она сама захлебнулась. Ведь она всегда пьяная. (Теперь уже невозможно понять, говорит ли он серьезно или ваяет дурака).

Бэкон. Как старший здесь, я запрещаю вам вести подобные разговоры!

Майкл (нравоучительно). Человечество вообще делится на тех, кто убивает, и на тех, кого убивают. Эта дама из тех, кого убивают.

Бэкон (стиснув зубы). Замолчите, наконец!

Силли (порозовев от волнения). Нет, почему? Это очень интересно...

Норма (в ужасе). Силли!

Силли (возбужденно улыбаясь). Где она сейчас?

Майкл. Пьянствует, по обыкновению...

Действительно, Кэтрин и Клара Стил выпивают в холле заведения для мужчин. Выясняется, что Теннер уехал, обещав Кэтрин вернуться за ней. За выпивкой Клара сообщает Кэтрин, что Теннер не вернется — напрасно она его ждет.

Между тем, старому Моррису совсем плохо. Он лежит на высоко взбитых подушках и мутными глазами глядит на доктора: дыхание у него хриплое, прерывистое, губы все время шевелятся.

Доктор (ассистенту). Боб! Еще шприц. Быстро!

Доктор подходит к столу, протирает руки спиртом, тихо говорит ассистенту:

— Кажется, дело идет к концу. Долго мы здесь не задержимся.

Ассистент подает готовый шприц доктору. Моррис совершенно безжизнен, он, кажется, даже не замечает, что с ним делают. Доктор быстро и ловко производит инъекцию.

Ассистент. Смотрите, он все время хочет что-то сказать.

Доктор (наклонясь к самому лицу Морриса). Ну, в чем дело, друг мой?

Моррис (из последних сил). Который... час?

Доктор. Два часа, разгар белого дня. Уж не собираетесь ли вы к себе в контору? (Бодро смеется).

Моррис (довольно отчетливо). Включите... радио...

Доктор и ассистент изумленно смотрят друг на друга.

Доктор. Боб, нам не хватает только музыки!

Ассистент фыркает и идет к приемнику, доктор берет руку Морриса, проверяет пульс, хмурится.

Внезапно раздается голос диктора, продолжающего уже начавшуюся передачу:

— Такова поразительная игра судьбы! Еще опрометчивее поступил известный биржевик Харвей Дейтон, который пятнадцать минут назад пустил себе пулю в лоб, полагая, что он разорен. (Глаза Морриса медленно открываются). Между тем, если бы мистер Дейтон отложил выстрел всего на четверть часа, он узнал бы, что возникли трудности и перемирие сегодня не будет подписано... (Моррис неожиданно приподнимается на подушках, он — весь превращается в слух). Как нам только что дополнительно сообщили из весьма информированных источников, оно вообще не будет подписано ни сегодня, ни завтра, ни вообще в ближайшее время. (Музыка).

Моррис глубоко вздыхает, с усилием приподнимается еще выше, садится и вдруг с силой ударяет кулаком по подушке. Доктор столбенеет.

Моррис. Так я и знал! Они просто хотели обмануть меня. Выродки!

Доктор (еле шевеля языком). Кто?

Моррис. В том числе и мой брат. От одного отца и одной матери!

Доктор (придя наконец в себя). Ложитесь и не шевелитесь, черт вас возьми!

Моррис. А я чуть было не поверил ему! (Ударяет себя кулаком по лбу).

Доктор (не на шутку перепугавшись). Если вы не ляжете, я сейчас же уйду! Или мы свяжем вас!

Моррис (ложится). Я хочу есть.

Доктор (теряя последние силы). Неслышанно!.. (Хватает руку Морриса, считает пульс). Чудеса, Боб!.. (Прислушивается к пульсу). Честное слово, очень хороший пульс. Волосы встают дыбом!..

Ассистент. Неужели он действительно хочет есть?

Моррис. Очень.

Входит Джекобс со льдом.

Доктор. Гм... Джекобс, унесите лед обратно. Можно дать мистеру Моррису полчашки бульона и рюмку теплого вина пополам с водой.

Моррис. Чепуха! Бифштекс и стакан шампанского. И мы выпьем с вами, доктор.

Доктор (окончательно потрясенный). Меньше всего я полагал, что вы когда-нибудь сможете пригласить меня к завтраку.

Новая весть дошла до детей Морриса-старшего, собравшихся в холле: весть, что перемирие опять-таки не будет. Теперь они хором восхваляют коммерческий гений отца.

Норма. Как хорошо, что в эту радостную минуту мы здесь вчетвером! Какой дружной была бы наша семья, если бы не эта посторонняя женщина, этот бочонок виски!

Бэкон (Майклу). Кстати, пока старик хорошо себя чувствует, покажите ему фотографии.

Майкл. Сейчас?

Бэкон. Именно! Нужно расчистить вопрос о наследстве от всякой путаницы.

Норма. Не забывай, что доктор послал за кислородной подушкой. Через два часа может быть уже поздно.

Майкл. Хорошо, пусть он покончит с бульоном, и я войду.

Кабинет. Энни кормит старого Морриса бульоном.

Моррис (проглотив ложку бульона, весело). Знаете, доктор, что я вам скажу? Нашему старому доброму миру деловых отношений приходит конец. (Проглатывает еще ложку бульона). У нас осталось только одно лекарство — война! Это — как вспрыскивание морфия или камфары. (Проглатывает ложку бульона). Каждое новое вспрыскивание ведет нас к концу. Но мы уже не можем остановиться. (Приканчивает буль-

он и с сожалением глядит на пустую чашку).

Доктор. Ну, если деловой мир чувствует себя так, как вы сейчас, я за него спокоен.

Входит Майкл.

Моррис. А, Майкл! Ну, кто был прав?

Майкл. Как всегда — ты! Простите, господа, мне нужно потолковать с отцом. (Доктор и ассистент отходят к окну. Майкл присаживается на край кровати). Говорят, тебе лучше, старик? Очень рад. Кстати, я принес тебе забавные картинки. (Показывает Моррису три фотографии, не выпуская их из рук). Узнаешь?..

Моррис (радостно). Так это же Кэтрин со старинной Теннером!

Майкл (быстро). Они сняты две недели назад!

Моррис. Вздор! (С явной издевкой). Это еще во времена театра Бридла. Сцены из спектакля.

Майкл. Я сам был в доме, где снимались эти фотографии. Я стоял за дверью.

Моррис. А я говорю — это театр Бридла!

Майкл. Даю тебе честное слово...

Моррис. Пошел вон! Или я велю вышвырнуть тебя...

Моррис-старший рвет фотографии. В эту секунду радиомызыка обрывается на полутакте. Вступает взволнованный металлический голос диктора:

— Передаем экстренную информацию... (Майкл останавливается у двери)... Внимание! Если бы потребовалось определить наш век одним единственным словом, то я сказал бы, что это век неожиданностей. (Старый Моррис настораживается, подается вперед). Всего полчаса назад мы сообщили, что перемирие подписано не будет. (Старый Моррис застывает, он весь превращается в слух). А сейчас мы получили возможность сообщить самую горячую новость. Только что официально объявлено, что обе стороны подписали перемирие сегодня в два часа десять минут по местному времени. (Музыка).

Моррис сидит на кровати, прямой, страшный, хватая воздух широко открытым ртом.

Потом, согнувшись всем телом, с каким-то странным хрипом падает навзничь.

Доктор и ассистент бросаются к нему.

Майкл (от двери отцу). Старый дурак!

Дверь с треском распахивается, в кабинет врываются бледные Бэкон и Норма.

Норма (быстро подходит к кровати и отталкивает ассистента). Ты все-таки разорил нас!

Доктор (Норме). Отойдите от кровати!

Бэкон (Моррису). Бесстыжий авантюрист!

Майкл. Лавочник!

Доктор. Отойдите, говорю вам!

Норма. Я у себя в доме! Я не уйду, пока не скажу ему все!

Бэкон. И на этот раз он будет слушать!

Доктор (кричит). Он не будет слушать! Он умер. (Отталкивает всех от кровати).

Радио передает веселую музыку. Ассистент, косясь на родственников покойного, быстро идет к приемнику и выключает его. Тишина.

Бэкон (вполголоса Норме). Ну, вот. Можешь считать, что ты не у себя в доме. Ты в доме миссис Кэтрин Моррис.

Норма молчит, не поднимая глаз.

Дверь вновь распахивается. В кабинет быстро входит возбужденная Силли, громким шепотом сообщает:

— Она пришла! Она идет сюда!..

Норма, резко повернувшись, выходит.

Посреди холла стоит Кэтрин. Она заметно пьяна. Увидев Норму, надменно поднимает голову и решительными шагами направляется к дверям кабинета. Норма загоразживает ей дорогу:

— Туда нельзя!

Кэтрин (смерив Норму взглядом). Мне нужно поговорить с Джемсом.

Норма (сквозь зубы). Я не пушу вас. Вы пьяны.

Из кабинета выходят Силли, Майкл и Бэкон. Останавливаются за спиной Нормы.

Кэтрин. Но мне нужно сейчас же поговорить с ним.

Норма. Он не будет говорить с вами. Приведите себя в порядок... (После паузы).

Примите ванну... (Майкл и Бэкон быстро взглядывают друг на друга и тут же опускают глаза).

Кэтрин (как можно спокойнее). Мне не нужна ванна. Я достаточно трезва.

Норма. Нет, вы пьяны. Примите ванну... Если вы протрезвитесь, я пушу вас.

Силли (внезапно, со светлой, детской улыбкой). Кэтрин! Зачем вы спорите? Ну, примите ванну. Я сама приготовлю вам. Пойдем, Кэтрин, душенька!

Кэтрин. Почему вы так хлопчете об этой ванне? Можно подумать, что вы хотите утопить меня в ней...

Бэкон и Майкл, помертвев, не поднимают глаз.

Силли (со звонким смехом). Идем, Кэтрин! Вы ужасно смешная и милая.

Кэтрин. Ну, идем.

Силли берет Кэтрин под руку, они идут наверх.

Молчание.

Из кабинета, вместе с ассистентом, выходит доктор.

— С вашего разрешения, я известил похоронное бюро Вэбстера. Очень респектабельное обслуживание, первоклассный персонал. Сочувствую вашему горю, господа. (Откланивается).

В комнате наверху Силли усердно уговаривает Кэтрин принять ванну. Кэтрин соглашается не сразу: ей хочется разговаривать и курить.

Бэкон, Майкл и Норма по-прежнему стоят в холле. Мертвая тишина.

На верхней площадке лестницы появляется Сияли.

Силли (громко). Ну вот! Она в ванне... (Стуча каблучками, быстро сбегает по лестнице, подходит к Майклу). Она одна. Энни нет. Дверь не заперта.

Майкл (не глядя на нее). Что ты хочешь этим сказать?

Силли (невинно). Ничего. Я говорю: она в ванной. Одна. Энни нет. Дверь не заперта. (С жадным любопытством глядит то на Майкла, то на Норму, то на Бэкона).

Молчание.

Норма. Мы — нищие. Все, что осталось после краха фирмы, будет принадлежать ей. Этот дом, в котором мы родились. Мебель, которая куплена еще при моей матери... (Рыдает). Что делать, Эндрю?

Бэкон (вдруг). Идем, Майкл.

Майкл (бледнея). Как?.. Сейчас?.. Дайте подумать...

Бэкон. Думать нет времени. Идем!.. Мужчина вы или нет?

Майкл (бодрясь). Хорошо, идем!

Когда они скрываются наверху, Силли вдруг срывается с места, тоже бежит наверх.

Норма (в ужасе). Силли! Куда вы?

Силли (громким шепотом). Я сейчас вернусь! Я только взгляну!..

Бэкон и Майкл входят в комнату Кэтрин. Дверь в ванную закрыта.

Бэкон (оглядевшись, вполголоса). Спи- майте пиджак.

Майкл (испуганно). Зачем?

Бэкон. Чтобы не быть мокрым, осел! (Снимает пиджак, расстегивает запонки сорочки). Включите радио. И погромче!..

Майкл включает радио. Оглушительный крик толпы. Медь оркестра.

Улица города, запруженная ликующим народом. Летят в воздух шапки, цветы, вздымаются тысячи рук. Люди обнимаются, целуются.

Другой город, другая улица. И здесь тысячи восторженных людей, то же ликование. С балконов летят букеты. Сияют тысячи глаз, сверкают тысячи радостных улыбок.

Голуби взлетают в небо. Они несутся се- ребряной бурей.

Мир!

Города сменяются городами, и всюду ликуют люди, гремят оркестры, сыплются дождем цветы и тысячи голосов повторяют долгожданное слово: мир!

Холл. И здесь шумит и ликует радио.

Посреди холла в пальто, с чемодапчиком в руке стоит свежий, улыбающийся Чарльз

Моррис-младший, сверкая белоснежными сединами и золотыми очками невиданной формы. Он, очевидно, только что вошел.

Моррис-младший (очень громко). Есть кто-нибудь в этом доме?

Ему не отвечает никто.

Моррис-младший (подходит к лестнице). Алло! Есть тут кто-нибудь живой?

По лестнице спускается Норма.

Моррис-младший (сердито). Что здесь происходит, Норма? Дверь открыта, никого нет...

Норма. Дядя Чарльз! (Бросается к нему). Только что умер папа!

Моррис-младший. О-о!.. Всего несколько часов назад я говорил с ним по телефону... Иди, моя бедная девочка...

Бэкон (подходя). Мистер Моррис? Я Эндрю Бэкон, муж Нормы, если вы помните меня.

Моррис-младший. Может быть, вы можете мне снять пальто, Эндрю Бэкон? (Бэкон берет пальто). А что это за красotka?

Силли (очаровательно улыбаясь). Я же- на Майкла, дядя.

Моррис-младший. Завидую Майклу. (Бе- рет Силли за подбородок). А где ваш счастли- вый супруг?

Силли. Вот он! (Показывает на лестницу, кричит). Майкл, иди поздоровайся с дядей!

Майкл медленно, на ватных ногах, спуска- ется по лестнице, держась за перила и цеп- ляясь каблуками за ступеньки.

Моррис-младший. Здравствуй, Майкл. Ты прекрасно выглядишь. А где Кэтрин?

Майкл, споткнувшись, чуть не падает. Бэкон, уже повесивший пальто, подходит к дядюшке.

— Может быть, вы хотите пройти к по- койнику?

— Идем, Бэкон.

Джекс Моррис-старший лежит на кровати в своем кабинете уже прибранный и причесанный.

Норма рыдает у изголовья. Джекобс и Энни завешивают зеркало крепом, приносят и зажигают свечи, беззвучно переставляют стулья.

Моррис-младший (смахивая слезу, вполголоса). Бедный Джемс... Я помню его совсем молодым. Он носил клетчатые штаны и круглую соломенную шляпу по тогдашней моде. Он был смуглый, бойкий юноша, и усы у него торчали вверх... Как быстро прошла жизнь! Вот он уже умер. Странно подумать, что он умер почти нищим и что вы все... (Не договаривает. Вздыхает). Бедный Джемс! Он наделал много глупостей... Он, видимо, полагал, что война будет длиться вечно. И вот — он банкрот и фирма перешла в другие руки.

Бэкон (бледный). В чьи... руки?

Моррис-младший. В мои, Бэкон, в мои. (Ласково оглядывает родственников). Ну-с, почему вы молчите?

Но никто не может вымолвить ни слова.

В комнату неторопливо входит старый фотограф в глухом черном сюртуке с большим аппаратом на груди.

Фотограф. Простите, я фотограф из похоронной конторы. Кто здесь вдова? (Норма). Вы вдова?

Норма (нервно). Я — дочь.

Фотограф. Пожалуйста, сюда. Дочь — с правой стороны. И не нужно слез. Поверьте, молчаливая скорбь получается на фотографии лучше. (С некоторым сомнением — к Силли). Значит, вы вдова?

Силли. Я невестка.

Фотограф. Невестка — в ногах. Мужчины, прошу сюда. А где же все-таки вдова? (Томительная пауза).

Фотограф (поражен). Нет дома вдовы?! Простите, но я не могу снимать без вдовы. У меня будут большие неприятности с шефом. Я лучше покурю, пока она придет.

Моррис-младший (подозрительно). А где, в самом деле, Кэтрин?

Молчание

Фотограф медленно выходит.

Моррис-младший обводит родственников взглядом, задерживается на трясущемся Майкле.

Моррис-младший. Гм-м... Это действительно странно, что ее нет дома и никто не

знает, где она... Майкл, ты не знаешь, где твоя мачеха?

Майкл открывает рот, но не может выдать ни слова.

Силли (выручая Майкла, с внезапной дерзостью). А может быть, она уже вернулась и принимает, как всегда, ванну?

Бэкон зеленеет, Майкл почти в обмороке.

Силли. Я могу пойти посмотреть.

Моррис-младший. Идите, девочка. (Силли выходит, улыбнувшись Моррису, но ее улыбка пропадает зря, ибо тот переводит внимательный взгляд с Майкла на Бэкона).

Как только Силли скрывается, Моррис уходит к окну, кивком головы приказывая Бэкону следовать за ним.

Моррис-младший (очень тихо). У вас слабые нервы, Бэкон. У вас и у Майкла. А вы еще хотели быть хозяином военного предприятия. Чтобы торговать войной, нужно иметь много денег и стальные нервы, милый мой. Джемс был недостаточно богат для больших военных дел. С его капиталом можно было разве что фабриковать солдатские открытки. Но у него, по крайней мере, были крепкие нервы. А у вас нет ни денег, ни нервов. Вы никуда не годитесь, милый Бэкон! Придется уволить вас... Ну, где же эта прелестная малютка? Честное слово, она энергичнее вас всех!

Дверь резко распахивается. Силли обводит всех растерянным взглядом и, крепко сжав ладони, подходит к Бэкону и Моррису:

— Эндрю... дядя Чарльз... она... она... (еле слышно) она лежит в воде... с головой... там... По-моему — она захлебнулась. (Не может продолжать).

Моррис-младший. Послушайте, Бэкон, вам не кажется странным, что она захлебнулась чересчур вовремя?

Бэкон молчит. Теперь уже и у него трясутся руки.

Моррис-младший (снимает очки, играет ими). Ведь Джемс оставил все, кроме фирмы, именно ей. Он сам мне говорил. По-моему, нужно послать за полицией.

Бэкон. Но... дядя...

Моррис-младший. Я вам не прихожусь дядей, Бэкон. Моя племянница — Норма. (Надевает очки). Зовите полицию!

Бэкон. Я прошу вас, сэр...

Моррис-младший. Зовите полицию, Бэкон! Или я сам ее позову. Это будет хуже. В мертвой тишине Бэкон идет к телефону, снимает трубку, набирает номер.

Моррис-младший (резко). Положите трубку! Я пошутил... (Холодно улыбается). Я убежден, что это несчастный случай и берусь убедить в этом полицию.

Бэкон, обессилев, опускается на стул.

Моррис-младший. Встаньте, Бэкон! (Бэкон вскакивает). Я оставляю вас управляющим моими заводами. Настоящий делец всегда предпочитает знать про своего подчиненного то, чего никто не знает. Такой

подчиненный будет работать, не покладая рук... Ну, где ваша благодарность?

Бэкон. Спасибо, сэр! (Вытирает пот со лба).

Моррис-младший. Теперь идите в контору. Вы потеряли достаточно времени.

Бэкон (стоя почти навтыжку). Какого курса держаться, сэр?

Моррис-младший. Сегодня перемирие, а через полгода — снова война. Там или тут, сейчас или послезавтра — но она будет. Считайте, что она продолжается.

Бэкон. Слушаюсь, сэр. Считать, что она продолжается.

Моррис-младший. Вот именно. Она продолжается!

Гремит радиомызыка. Ликование тысяч и тысяч людей, приветствующих мир.

О СЦЕНАРИИ «КРАХ»

Я уже не помню, когда мы работали над этим сценарием. Скорее всего, в самом начале пятидесятых годов. Стало быть, это наша четвертая совместная с М. И. Роммом работа — после «Мечты», «Человека № 217» и «Убийства на улице Данте». И последняя перед тем его творческим кризисом, о котором он не раз говорил и писал и который разрешился такими шедеврами, как «Девять дней одного года» и «Обыкновенный фашизм».

Тема, персонажи, сюжет — все в «Крахе» предложено Роммом. Он же и компоновал всю вещь. Я сотрудничал с ним лишь в отдельностях да в диалогах: со времен «Убийства на улице Данте» я чрезвычайно любил (и люблю) такого рода словесный рисунок и темп.

«Крах» — попытка публицистического сценария, но публицистики, вооруженной всеми средствами художественного письма. Так, по крайней мере, он задуман.

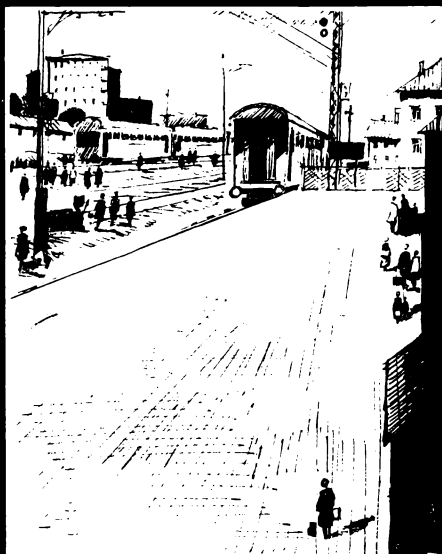
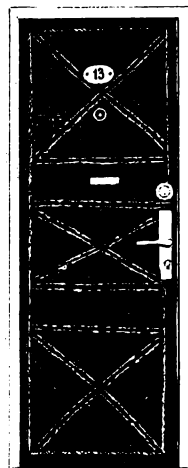
Возвращаясь к нему в наши дни, я вижу в нем кое-что, чего бы не написал сейчас: известную схему, предопределенность фабулы и персонажей, может быть, некую пародийность. Однако не следует забывать, что прошло почти четверть века, все изменилось в поэтике сценарного письма. Не следует упускать из вида и тех норм и правил, что требовались от экрана в те годы.

Сохранился, однако, роммовский юмор, а также присущая ему тонкость и острота художественных характеристик и построения сцен. Остался Ромм-художник, полемист, памфлетист, каким он так ярко предстал перед нами в дальнейшем. Я даже думаю — не здесь ли начальные ростки того, что стало «Обыкновенным фашизмом».

Публикуемые отрывки отражают лишь главную сюжетную линию — военный фабрикант Джемс Моррис-старший и его семья. Джемс фабрикует фурнитуру для обмундирования войск, и акции его предприятия взлетают вверх, когда высока и отчетлива конъюнктура войны, и низвергаются, когда видны очертания мира. Мир — это разорение для семьи Моррисов...

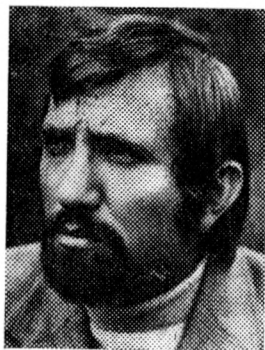
Евг. Габрилович

СЦЕНАРИИ

КОРОТКОМЕТРАЖНЫХ ФИЛЬМОВ

ВИКТОР ИВАНОВИЧ МЕРЕЖКО (родился в 1937 году) закончил Львовский полиграфический институт, а затем — сценарный факультет ВГИКа. По литературным сценариям Виктора Мережко поставлены фильмы: «Здравствуй и прощай» (режиссер В. Мельников), «Одиноким один» (режиссер Г. Полока), «Трын-трава» (режиссер С. Никоненко), «Журавль в небе» (режиссер С. Самсонов), «Трясина» (режиссер Г. Чухрай) и др.

ЛЮДМИЛА АНТОНОВНА ЮРОВА закончила сценарный факультет ВГИКа. По сценариям Л. Юровой снято несколько документальных телевизионных картин и короткометражный фильм «Треугольник, или Ищите корову» (режиссер Г. Марчук). Пьеса «Вир-ра», написанная Л. Юровой совместно с драматургом Е. Ростиковым, удостоена в Минске второго приза на конкурсе пьес о нашем современнике.

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ КАНЕВСКИЙ (родился в 1933 году) закончил Автодорожный институт. А. Каневский автор нескольких сборников юмористических рассказов и ряда пьес. Юмористические рассказы Каневского часто публикуются в центральной прессе. По его литературным сценариям поставлены художественные, мультипликационные и документальные фильмы.

РОЗА УСМАНОВНА ХУСНУТДИНОВА автор многих новелл, рассказов, сказок. Училась в Ленинградском Государственном университете. В 1970 году окончила Высшие сценарные курсы. По ее сценариям на киностудии «Союзмультфильм» было поставлено более десятка мультипликационных фильмов. Роза Хуснутдинова автор литературных сценариев фильмов «Алпамыс идет в школу» (режиссер А. Карсакбаев), «Женищина из Мевазара» (режиссер А. Хамраев), «Три дня праздника» (режиссер М. Оsepьян) и сценария «Ришад, внук Зифы», опубликованного в альманахе «Киносценарии» 1976 г. Фильм «Алпамыс идет в школу» был удостоен Главного приза за лучший детский фильм на X Всесоюзном кинофестивале.

Виктор Мережко

САНАТОРИЙ «ВОРОТА КAVKAZA»

Киноновелла

Яков Шугаев уезжал в санаторий.

Была самая верхушка лета, жара стояла колом, сухой июль свернул листки в тоненькие папиросные трубочки, а картофельная ботва сникла и осела на подкученную землю.

— Ну?.. — спросил председатель колхоза Севастьян Емельянович, кладя руку на плечо Якова. — Какие имеешь первостепенные планы?

Тот пожал крутыми плечами, неуверенно улыбнулся. — Да вроде чтоб отдохнуть.

— Правильно, — одобрил председатель. Выпроводил из кабинета заглянувшего кассира с бумагами, повернул замок на один оборот. — Это главное и основное....

Оглядел сбитую фигуру любимого тракториста, с трудом заправленную в темно-синий костюм, поправил галстук и шляпу, кивнул на гармошку, стоящую рядом с чемоданом.

— А инструмент с какой целью?

Яков смутился.

— Для настроения.

— Тоже правильно, но с мерой допустимости. Важно, чтоб не втянуться в сомнительное общество. Понимаешь, о чем?

— Понимаю.

— Ну и молодец.

Севастьян Емельянович сел за стол, сцепил плетеночкой пальцы и некоторое время смотрел на Якова, будто не решался сказать напоследок что-то важное и нужное.

— А других планов никаких не имеешь? Яков опустил глаза, молчал.

— Стесняешься, что ли?

— Имею... Для того и гармошку беру.

— Одобряю целиком и полностью, — Севастьян Емельянович прям-таки расцвел. — Хватит в дурачках ходить... Тебе сколько уже?

— Сорок четыре.

— Неужели?

— Ну.

— Тем боле... Ищи кралю, привози, а тут разберемся. Коллективом!.. — Председатель прошел к двери, проверил надежность запора, вернулся на место. — Но один совет в целях безопасности все же дам.

Он опять сплел пальцы в корзинку и опять уставился на Якова длинно и загадочно.

— Я на этих курортах, Яша, не дай бог сколько бывал и решение оттуда вынес одно — народ на курорт ездит всякий. В особенности женщины....

Яков снял шляпу, вытер мокрый лоб.

— Несерьезные, что ли?

— Разные... Поэтому в шею тебя не гонят, времени отпущено достаточно, выбирай как следует.

— Тогда, может, лучше не ехать? — С Якова лило ведрами.

— Вернешься порожняком, выгоню из колхоза, — на полном серьезе пообещал Севастьян Емельянович. — Тратить колхоз-

ную путевку зазря никому не позволю... Даже тебе, лучшему трактористу, — покопался в бумагах, хмуро заинтересовался: — Санаторий как называется?

— «Ворота Кавказа»...

— Знаю. Находитесь в самом начале Кавказа. Зато солнце, грузины, вино — все есть. — Председатель выбрался из-за стола, все с тем же хмурым видом приобнял Шугаева, трижды почеломкался. — И чтоб больше никаких разговоров... Бывай.

Билетов на проходящий поезд не было.

Желающие уехать проталкивались к подслеповатому кассовому окну, локтями выжимали друг друга, каждый старался доказать собственную главную необходимость, а кассирша сидела по ту сторону решетки и спокойно, как японский бог, наблюдала за всей этой катавасией.

— У меня путевка!.. Курорт!.. — кричал Яков Шугаев и тащил за собой чемодан вместе с гармошкой. — За них деньги заплачены!.. Или это не считается?! «Ворота Кавказа»!..

— Да повежливей вы, гражданин!.. — взъелась какая-то дамочка в парике. — Вы со своими воротами все чулки мне подерете!

Яков ошалело посмотрел на нее.

— Какими воротами?

— С чемоданами полегче!.. Хоть каждый день чулки покупай!

— А сейчас, между прочим, можно и без чулок ходить, — заметил длинноволосый парень, зажатый со всех сторон, и засмеялся. — Не холодно.

— А ты в парикмахерскую сначала сходи, потом рассуждать будешь, — огрызнулась дамочка и стала проталкиваться вперед. — Волосатик.

Яков посмотрел на нее, перевел взгляд на «волосатика», задержался на неподвижной кассирше и стал выбираться из толпы.

Нашел свободное место, присел, достал из чемодана полотенце и принялся вытирать мокрое лицо, мокрую шею, мокрую голову. Пофукал под пиджак, помахал его

крыльями и тут заметил ту самую гражданку, что упрекала за чулки.

Она сидела поодаль и с нескрываемым огорчением рассматривала изорванный капрон на ногах.

Яков взял чемодан и гармошку, через зал направился к ней.

— Порвали все-таки?

Дамочка одернула платье, свела ноги поплотнее, посмотрела на него.

— Что нужно?

— Можно зашить, — сказал Яков. — Нитки и иголка у меня имеются.

— Вы билет достали?

— Нет.

— Вот и идите. А меня оставьте в покое.

Яков потоптался, хотел было еще что-то сказать, но наткнулся на неприятный взгляд пострадавшей гражданки и пошел прочь.

Кюск, где продавался одеколон, мыло, всевозможная безделица, а также женские капроновые чулки, находился в дальнем закутке вокзала.

Шугаев через головы столпившихся покупателей зацепился за продавщицу, спросил:

— Капроновые чулки есть?

— Есть, — ответила продавщица и снова исчезла из поля зрения.

Яков опять стал ловить ее.

— Одну штуку дайте.

— Размер?

— Не знаю... Любые давайте!

— Два двадцать.

Яков торопливо достал из внутреннего кармана деньги, сунул через головы трешку, получил в ответ чулки и сдачу и взглядом отыскал ту самую дамочку.

Она сидела на прежнем месте.

Шугаев снова достал из чемодана полотенце, вытерся, пятерней разгреб волосы, набрал в грудь побольше воздуха и двинулся через зал по избранному курсу.

Чулки он положил рядом с дамочкой. Сам не сел, хоть и было место, остался стоять и ждал реакции.

Реакция была замедленной.

Дамочка сначала не поняла, даже взяла попку в руку, подняла взгляд на рас-

плывшуюся от удовольствия физиономию Якова, сказала:

— Сейчас...

Встала и куда-то пошла. Куда, Яков первой не сообразил. Удивленно смотрел, как несла она, оставив в сторону, конвертик с чулками, как исчезла в толпе и как показалась вновь, ведя за собой молоджавого милиционера.

— Вот, — показала она на Шугаева, и глаза ее были полны слез. — И еще издевается...

— Гражданин... — приложил руку к козырьку милиционер. — Что вам нужно от этой гражданки?

Яков спанталычно смотрел на нее.

— Я к вам обращаюсь, гражданин!...

— Дура, — сказал Яков.

— Гражданин!..

— А разве умная?.. Дура и есть дура.

Яков взял чемодан и гармошку, усмехнулся, крутнул головой и побрел с вокзала.

Жара на улице стояла адская. На редких скамейках под тенью народ лепился густо и цепко, обедали прямо здесь же из раскрытых чемоданов, а детвора носилась как угорелая и каждый раз норовила попасть под колеса редкого транспорта.

Шугаев выбрал местечко попрохладнее, поставил чемодан, сам уселся на него. Дышать было прямо-таки нечем. Снятый пиджак тоже ничего не дал, и тут Яков обратил внимание на парня в шортах, вышагивавшего в задумчивости от скамейки к скамейке.

Парню в такой одежде было наверняка не жарко. А может, даже более того.

Яков встал, на всякий случай пару раз оглянулся на оставленные чемодан и гармошку, и подошел к нему. Кивнул на голые ноги.

— А что, так разрешается?

Парень недоуменно посмотрел на него.

— Что?

— Вот так... В трусах. Разрешается?

— А вам не нравится? — Парень явно был готов к конфликту.

— Нравится, — ответил Яков. — А мили-

ция не гоняет?

— Странно, но пока не гоняет... Еще вопросы будут?

— Нет.

Парень снова принялся вышагивать, Яков вернулся на место, издали наблюдая за ним, заметил еще одного «голоногого», проследил за этим тоже и еще за тем, как равнодушно прошел мимо него милиционер, взял свои вещи и направился к небольшому, крепкой кладки привокзальному домику с четкими буквами «М» и «Ж».

Радио объявило, что кто-то потерялся и никак не может найтись, на перроне оставился поезд, билетов на который все равно не было, и тут из половины «М» домика вышел Яков Шугаев, причем вышел в несколько преобразенном виде.

Был он без костюма, но в шляпе и в трусах. В нормальных сатиновых трусах. По колену... Носки, чтоб не сползали, крепко держались носкодержателями.

Отразил первые недоуменные взгляды, продифелировал в противоположный конец площадки, купил стакан газированной воды, издали помахал парню в шортах. Мол, не дрейфь, я с тобой.

— Совсем офонарели люди, — будто ни для кого пробормотала продавщица воды. — Голяшом скоро ходить будут.

Яков сделал вид, что то ли не понял, то ли не расслышал, выплеснул недопитые полстакана на землю и тут заметил, что издали за ним внимательно следит знакомый милиционер.

Внимания никакого на него не обратил, вернул стакан продавщице, одернул трусы еще понизже, чтобы избежать случайности, и двинулся к парню в шортах.

Парень, выдать, понял его намерение, на мгновенье задержался, а потом, будто испугавшись, пошел прочь, торопливо и с оглядкой.

Шугаев с подчеркнутой независимостью уселся на собственный чемодан, потрепал по голове разинувшего на него рот пацаненка, внутренне удивился общему вниманию, направленному на него. Расстегнул

гармошку, вынул из чемодана носовой платок, расстелил его на колене, поставил гармошку ребром и, прислонившись ухом к мехам, заиграл громко и с переборами «Светит месяц».

Народ заинтересованно поприподнялся со своих мест, некоторые даже подошли чуть ближе, в несуществующий круг лихо и как-то сходу ворвался мужичок в кепке и с золотыми зубами и пошел кругами, утрамбовывая грешную и донельзя сухую землю стоптанными каблуками.

— Юх-ха!.. — кричал он, разбрасывая руки по сторонам и зазывал желающих. — Юх-ха!..

Любопытные стояли все так же поодаль, в танец никто пока не шел, Яков рвал меха широко и самозабвенно, и тут в естественный ход веселья вмешался тот самый милиционер, который был уже знаком Якову по дамочке с чулками.

Подошел к Якову, приложил руку к козырьку, спросил:

— Опять вы?

Танцора как ветром сдуло. Шугаев спокойно сжал гармошку и так же спокойно посмотрел на милиционера.

— Я... А в чем дело?

— Оденьтесь... Вы, кажется, не на пляже. Яков молчал.

— Вы меня слышите?

— С трудом.

— А если я приглашу в отделение?

— За что?

— За безобразие... Оденьтесь, вам говорят!

Яков огляделся, нашел парня в шортах, показал на него.

— А ему можно?

— Он в шортах, а вы в трусах... В шортах разрешается.

— А может, я в этих... в шортах. А он — в трусах. Как это определить?

Милиционер начинал терять терпение.

— А я вам говорю, оденьтесь. На вас смотрят!

— Пушай смотрят. Я за это деньги не беру.

— Документы! — коротко приказал милиционер.

— Прямо сейчас?

— Предъявите документы, гражданин!

Яков опять отыскал парня в шортах, помахал ему.

— Эй!.. Подойди-ка сюда!

Тот стоял неподвижно.

— Подойди!.. Помогите нам разобраться!

— Гражданин!.. — подключился к Якову милиционер. — Подойдите, пожалуйста!

Парень чуть сдвинулся с места и пошел вдруг прочь быстро и без оглядки.

— Равнение с одним неизвестным, — сказал Яков. — Еще вопросы будут?

Он по новой приладил гармошку, растянул было меха, но милиционер опять остановил его.

— Я прошу документы.

— Не дам, — ответил Шугаев. — И придираться тут нечего! Может, личность моя не нравится?

— Представьте себе, не нравится. Пройдете в отделение!

Яков укоризненно посмотрел на него, отложил гармошку, открыл чемодан, вынул оттуда сложенные брюки и пиджак, только хотел надеть все это, как вдруг замер..

Нет, этого не могло быть. Это можно только придумать. Расскажи кому-нибудь потом, все равно не поверят.

Пыльную и раскаленную привокзальную площадь пересекла Даша.

Была она не одна, сзади — прицепом — тащились двое малышей. Один лет семи, второй — чуть поменьше.

— Держи.. — Яков сунул опешившему милиционеру брюки и пиджак и бегом, спотыкаясь и плутая ногами со слепу, бросился к Даше.

— Даш!.. — крикнул он, и крик не получился. — Даша!..

Она остановилась, с недоумением и страхом смотрела на бегущего к ней человека в трусах, инстинктивно — в целях защиты — прижала детей к себе.

Яков в метре остановился, тяжело дышал и не мог поверить своим глазам.

— Даша?..

Она спокойно выдержала его взгляд, осмотрела с ног до головы — в том числе и тонкие волосатые ноги в трусах и в подвязках, так же спокойно сказала:

— Вы ошиблись. — И кивнула назад: — Вот мой муж.

К ним приближался высокий статный офицер с тонким нервным лицом.

— В чем дело, товарищ?.. — спросил офицер и взял Шугаева за локоть.

— Товарищ обознался, — ответила Даша, отвела от Якова руку мужа, сказала: — Пошли..

Они пошли, никто из них ни разу не оглянулся, и только старший сын все воротил и воротил голову на неподвижно стоявшего Якова.

Яков вернулся к милиционеру, взял у него одежду, тут же надел ее на себя, поднял чемодан и гармошку.

— Пошли..

— Ладно, — ответил тот. — Будем считать, что конфликт улажен.

Шугаев отрицательно повел головой, повторил:

— Пошли.

Комната, где располагалась милиция, была чуть побольше стола, стоявшего посередине. И еще — стул, бачок с водой и длинная отшлифованная скамейка у самой стенки.

Яков сел на скамейку, милиционер занял положенное место за столом, и некоторое время оба молчали,

— Знакомая? — спросил наконец милиционер.

Шугаев поднял на него глаза, ответил не сразу.

— Жена..

Брови милиционера поползли вверх.

— Ну а... Если жена, то как?

— Бывшая.

— Ну и что?.. Не узнала?

— Узнала.

— Ну?.. — милиционер ждал еще чего-то.

Яков усмехнулся.

— Стул гну... Бывает так, что лучше б не узнавала.

Сержант озабоченно смотрел на него.

— А документы при вас?

— При мне.

— Покажите.

Яков молча достал из внутреннего кармана пачку бумаг, протянул их милиционеру. Тот долго копался в них, перечитывал что-то, временами поглядывал на «задержанного», потом вернул все назад.

— «Ворота Кавказа», значит?

Шугаев кивнул.

— Не бывал, не знаю... Ну, а с женой как?

— С женой в порядке. — Яков встал. — Можно идти?

— Вообще-то можно. Но можно и посидеть.

— Пойду... — Он спрятал документы, взял чемодан и гармошку, кивнул милиционеру. — Пока.

— Салют.

Солнце слепило глаза, и смотреть на окружающий мир было невозможно. Яков вынул выпуклые «жабы» очки, нацепил их на переносицу и, смутно видя сквозь поцарапанную пластмассу, направился на перрон. Сел под стену, в тень, смотрел на вареную плавающую публику, равнодушно наблюдал за суетой вокруг прибывшего состава, на который все равно билетов не было, и тут опять увидел Дашу.

Она опять была не одна. Опять за ней топтались двое ее сыновей, и высокий нервный офицер шагал в двух шагах от них.

Шугаев вырос перед ними, как белый гриб в дождь — внезапно и крупно. И вид у него был самый решительный.

— Даша, — произнес он спокойно, — скажи своему мужу, чтоб не трогал меня.

Они стояли друг против друга, и Даша негромко попросила офицера:

— Не трогай его..

— Один вопрос, Даша, — сказал Яков, — и я уйду..

— Кто это? — спросил офицер.

— Мой муж, — ответила Даша. — Бывший...

— Можно, значит, вопрос?.. — Пот заливал лицо Шугаева.

— Можно.

— Сейчас... — Яков достал носовой платок, вытер лицо и шею, снова поднял чемодан и гармошку. — Почему ты уехала и ни разу не написала?

— Это было давно, — сказала Даша, — и, думаю, не стоит возвращаться к этому.

— Стоит, — ответил Яков. — Неужели ты ни разу не подумала, как я здесь живу?

— Минутку, — остановил его офицер. — Это, по-моему, уже второй вопрос. Вы свой регламент исчерпали.

— Кого исчерпал?

— Регламент... Время, то есть!

— А вы торопитесь?

— Представьте себе... И вообще, хватит об этом!

— Об чем?

— Обо всем!.. У нас вещи в камере хранения!

— Ты иди, — сказала мужу Даша, — а я сейчас...

— Но что ему от тебя нужно?

— Иди.

— Ступайте, товарищ майор.

— Я поступаю... То есть, пойду! Но учтите, — майор помахал пальцем перед самым лицом Якова, — со мной шутки плохи. Я не из тех!.. Она вам это может подтвердить. Пошли!.. — Он сгреб в одну руку сыновей и потащил их прочь. Остановился, крикнул издали: — Очки снимите, когда с женщиной разговариваете. Интеллигент!..

Офицер уводил ребятшек и снова старший сын воротил голову до тех пор, пока не скрылся за углом.

Шугаев и Даша остались одни. Молчали.

— Ну, — усмехнулась Даша, — говори...

— О чем? — спросил Яков.

— Ну как? Ты же меня остановил. Говори...

— Сейчас.

Яков отвернулся, смотрел куда-то вдаль и в сторону, губы его как-то жалобно, по-

бабьи сморщились, он никак не мог их расслабить, потрогал даже руками, произнес сдавленным, не своим голосом.

— Я ведь так один и живу.

— Могу догадаться, — сказала Даша. — Холостой, значит?

— Холостой.

— Крепко умеешь держать слово. Мне мама, между прочим, писала.

— А сама что ж ни разу не приехала?

— Не интересно... Маму к себе приглашала, а самой сюда не интересно. Контингент другой...

— Кто?

— Контингент.. Общество, то есть. Люди!..

— Ну да, — согласился Яков, — люди тут другие... Тебе и со мной неинтересно было жить. Чуть что — скучно...

Даша улыбнулась.

— А то не так?.. Если не клуб, то ты дома с гармошкой. Или этот ненормальный... как сго...

— Котелок, — подсказал Яков.

— Ну да, Котелок... С балалайкой. Сядете вдвоем и хоть из дому беги.

— А ведь получалось.

— Получалось. Особенно эта...

— «Разлилась Волга»...

— Во, во!.. Вы играете, а я сижу рядом и реву. Хорошо так.

— А еще ты пела, — сказал Шугаев.

— Так я и сейчас пою... Да-а. В Доме офицеров. Солойкой!..

— Голос у тебя хороший.

— Хороший... Как только приезжаем в новую часть, Федя меня сразу... это мой муж — Федя... он сразу меня в дэо, принимайте, мол, будете иметь новую гордость. И как в воду глядит. Через месяц на меня пальцем на улице показывают.

— Зачем?

— Узнают!.. Знаменитостью становлюсь. Да-а...

Радио что-то объявило, слов никаких разобрать было нельзя, и Даша сказала:

— Этим поездом мы уедем.

— А билеты?

— Федя достанет.

Ни Федю, ни детей пока еще видно не было, Яков посмотрел в ту сторону, откуда они могли возникнуть, спросил:

— Значит, в общем и целом, ты довольна?

— А разве я полная дура, чтоб быть недовольной? — Даша от недоумения даже пожалала плечами. — Муж, как сам обратил внимание, майор... В почете и уважении не нуждаюсь. Солдат даже при мне в машине ездит... На одном месте никогда не засиживаюсь — туда-сюда по земной поверхности. Передислокация называется... Подружки — майорши, а то и полковничихи. Так что я, дура, чтоб быть недовольной?

— А в деревню не заседешь? Тут ведь рядом.

— Собиралась. Даже подарков кой-каких накупила. А в последний момент передумала... Из-за тебя, между прочим. Как увидела, что в трусах бежишь, так сразу и передумала.

Шугаев улыбнулся.

— Так меня в деревне нету. Я здесь, на станции.

— А тебя разве угадасшь? Сейчас ты на станции, а через минуту будешь по деревне бегать, жизни никакой не давать. Разве я тебя не знаю?

— Больше не буду, — сказал Яков. — Вот поговорил и не буду. Мне поговорить нужно было.

— А до трусов зачем разделся? — засмеялась Даша.

— Жарко.

— Ой, боже... Так ведь разве это культурно, Яша? Ну ладно б шорты, да и то в таком возрасте их не очень оденешь, а тут в трусах. Хорошо, хоть в милицию не забрали.

— Пробовали, — Шугаев тоже засмеялся. — Документы даже проверяли.

— Я ж говорю, что тебя не угадасшь. Ты во всем такой... Яша, Яша, и когда ты только за ум возьмешься?

— Вот вернусь и возьмусь, — сказал

Яков. — Сразу возьмусь, без промедления.

— Ты шутишь, а я серьезно.

— Я тоже серьезно... Ребятишек я усыновлю.

— Да ты что?!.. — Даша даже отступила на шаг. — Я, правда, думала, шутишь, а ты серьезно... Десять лет прошло!

— Это для тебя десять лет, а для меня, может, год.

— Ненормальный... — Даша смотрела на него, посмсвивалась, пожимала плечами и, похоже, все еще не верила. — Ей-богу, ненормальный... У меня вон старший... женить скоро буду. А ты... прям хоть стой, хоть падай.

Яков все так и держал чемодан и гармошку в руках, глаз из-под его «жабьих» очков видно не было, он тоже пробовал усмехнуться и тоже пожимал плечами.

— Ненормальный... Правда, что ли, что один живешь?

Шугаев усмехался.

— Пошутил.

— А ведь врешь, наверно.

— Пошутил.

— А зачем?.. Шутишь зачем?.. Разве это... красиво? — губы Даши начинали дрожать и кривиться, она кусала их, пожевывала, и глаза медленно увеличивались от наплывающих слез. — Прям псих и больше ничего...

Она еще смотрела на Шугаева, потом вдруг уткнулась в его плечо, вспилилась обеими руками и забилась, затряслась в безудержном плаче.

Яков стоял прямо, вещей своих из рук не выпускал, и только лицом побледнел немножко да кадык часто ходил вверх-вниз.

Даша постепенно успокоилась, достала из сумочки платок, вытерла глаза, усмехнулась.

— Дурачок ты, Яша, дурачок, и уши у тебя холодные... — зашелкнула сумочку, опять усмехнулась. — Ну вот и все... Вот и встретились. А теперь кто знает, когда еще придется.

— На новое место? — спросил Яков.

— Нет, в санаторий. Отдыхать... Федя достал путевки. И место, говорит, красивое, и название красивое... «Ворота Кавказа» называется.

Горлю Шугаева стало узким.

— А... и прямо туда?

— Прямо туда... Хотела, правда, на родину вот засхать, да в последний момент передумала. Теперь в санаторий...

Из-за угла показался с двумя чемоданами и с двумя детьми Федя, остановился передохнуть, и Даша торопливо сказала.

— Иди... Иди, а то сейчас разговоров не оберешься. А я напишу... с мыслями соберусь и, может, напишу. Иди...

Она побежала помогать майору, Яков отошел в самую тень вокзала, сел под стенкой, видел, как Федя о чем-то допрашивал Дашу, и она, посмеиваясь и отмахиваясь, что-то отвечала. Потом задрожала земля, на станцию прибыл пыльный и раскаленный состав, и Федя побежал в вокзал доставать билеты.

Даша в сторону Шугаева не оглядывалась. Только старший сын ее отыскал Якова и не сводил с него детских и что-то по-

нимающих глаз.

Федя вернулся тут же. Похватал чемоданы, закричал, засуетился, и они всей семьей побежали вдоль состава. Нашли нужный вагон, затолкали наверх чемоданы, посадили детей, майор что-то стал доказывать проводнице, потом помог влезть в вагон Даше, подтянулся за поручни сам, и состав громыхнул.

Над головой Яши забулькало радио, поезд медленно, будто по киселю, поплыл, набирая скорость, Федя все никак не мог управиться в тамбуре с тяжелыми чемоданами, проводница что-то говорила ему, в окне вагона показалось что-то, может быть, Дашино лицо, промахнул последний сигнальный фонарь и стало тихо.

Тихо, до звона в ушах.

Шугаев вынул из нагрудного кармана все свои бумаги, отыскал в них путевку в «Ворота Кавказа», смял ее и выбросил в рядом находящийся мусорный ящик. Аккуратно расстелил на колесе носовой платок, расстегнул гармошку, уселся на чемодан поудобнее, прислонился ухом к мехам и широко и сладко заиграл «Светит месяц»...

Людмила Юрова

ОСТРОВ НА ПЯТОМ ЭТАЖЕ

Киноновелла

Первые дни весны. На улицах потоки людей и транспорта. Антона и Юлию отличить сразу — влюбленные. Антон — высокий парень двадцати лет, с крепким скуластым лицом, с очень коротко остриженными темными волосами. Юлия — юная, тонкая, светловолосая.

Они сворачивают в маленький дворик, засаженный тополями и липами. Входят в подъезд пятиэтажного кирпичного дома. Поднимаются по лестнице. В общем коридоре Антон открывает одну из трех комнат коммунальной квартиры..

— Наш остров любви, куда никто не посмеет ступить! — Антон обнимает Юлию и целует.

«Остров» — десять квадратных метров. Старый мягкий диван. Круглый стол. Низкое широкое кресло. Около него, на полу, — магнитофон и транзистор. Книжные полки. На стенах висят акварели, пастели. Над диваном — огромная картина «Три богатыря». Над раскладушкой — «Весна» Боттичелли и посмертная маска Пушкина. В углу лежат эскизы, палитра, кисти, стоит мольберт.

Слышится грохот кастрюль. Юлия вздрагивает.

— Это соседка, Сусанна, — успокаивает ее Антон. Включает одновременно магнитофон и транзистор, чтоб заглушить кухонные шумы.

— Какое прелестное имя! — Юлия снова прильнула к нему. — Только мы вдвоем! — Она окидывает взглядом комнату.

— Только ты и я. Завтра!

— И всегда!

Из магнитофона слышится тихая мелодия, из транзистора вырывается голос комментатора. Но эти разнородные звуки не мешают влюбленным. Они целуются.

Та же комната. Но теперь посреди стола празднично накрытый стол. Гости, их немного, в нетерпении прохаживаются, натываясь друг на друга, так как стол занял все пространство.

Вот эта нарядная, хлопотливая, озабоченная женщина — мать невесты, Юлии. Мужчина с радостным лицом и очень молодыми, как у Юлии, глазами, ее папа. Он любит молодого жениха. А молодожены — друг другом.

Дверь комнаты неожиданно распахивается, и входит гусь. Огромный, белый. За ним, тоже вытянув шею от едва сдерживаемого смеха, показывается Ленья, друг жениха. Он явно доволен произведенным эффектом.

— Белые крылья, — он кивнул на гуся, — молодым на счастье! Поздравляю! — И расцловал молодоженов. — Натуральный, лапчатый! Упирался, из-за него и запоздал.

— Чудесный гусь! — восклицает невеста.

Гусь деловито выходит через приоткрытую дверь на кухню.

— Видит бог, натуральный! — ликует папа, проследив взглядом за гусем.

Мама сдержанно молчит.

— В такой необычный день и подарки должны быть необычными! — говорит гость и отодвигает стул: мол, пора и начинать свадебное пиршество.

Но тут опять распахивается дверь и на пороге появляется Лена, подруга невесты, с разноцветным живым шаром в руках.

— Юленька, Антон! Поздравляю! — Она протягивает молодоженам аквариум с рыбками. — Я так рада за тебя! — И обнимает подругу.

— Молодежь на выдумку хитра! — говорит мама.

Тут на кухне что-то загремело, мама метнулась к двери, а в комнате снова оказался белый гусь. Отряхнув от чего-то крылья, гусь устоял на аквариуме, видимо, принимая его за маленький пруд, где вырос.

— Люблю животный мир! — ликует папа.

— Правильно, — соглашается с ним гость. — В такой день... — Он снова нетерпеливо берется за стул.

Снова распахивается дверь. На этот раз на пороге возникает соседская супружеская пара. Супруги с загадочным видом выпускают из сумки сонного полосатого кота. Тот лениво проходит мимо гуся и аквариума, словно они для него не в диковинку. Может, и вправду повидал он их на своем веку...

— Дорогие наши соседи! Хоть и без приглашения, но сочли своим долгом явиться и поздравить от всей души! — выпаливают супруги. Заметив гуся и рыбок, неуверенно добавляют: — Его Тимошей зовут.

В ответ молчание. Обреченное. И тут невеста не выдерживает:

— Ну и что?! — выкрикивает она, с вызовом оглядывая гостей и родителей. — Зато такой свадьбы нигде никогда не было!

— Не было, доченька! — радостно поддерживает папа.

— В этом ты можешь быть уверена! — соглашается мама. — При ваших десяти метрах очень оригинально иметь живой уголок!

— Милая, у нас было и того меньше, — напоминает ей папа, — а ведь жили втроем, с дочкой, и даже очень ничего!

— Дочка — не живой уголок! — отрезает мама. Помедлив, снисходительно улыбается. — Собственно, ничего страшного. Много ли надо этим крошкам? Покормить несколько раз в день, вычистить за ними. Тоже несколько раз. И следить, чтоб не съели друг друга.

— А лучше не следить! — добавляет нетерпеливый гость.

— Милая, — папа все не может успокоиться. — Это все мелочи быта. Любовь — главное.

— Скоро серебряная, а ты так и не понял, что главное, — сокрушенно смотрит на него мама.

— Горько, — тихо произносит папа, и ликование сменяется грустью.

— Что? — не понимает мама.

— Горько, говорю! — повторяет папа.

— Горько! — истошно кричит нетерпеливый гость, и все его поддерживают.

Жених наклоняется к невесте. И тут дверь снова распахивается — в который раз! — и на пороге возникает старушка. Маленькая, сухонькая, с кактусом в руках. Поцелуй молодоженов не состоялся. Старушка живо подходит к невесте.

— Юная, юная какая! — восхищается она. И протягивает ей кактус. Невеста с изумлением принимает подарок. Старушка целует ее, потом жениха, смущенного не менее невесты. — Он цветет раз в сто лет. И только в том доме, где любовь!

— Теперь полный порядок: флора и фауна! — Папа ласково усаживает незнакомую старушку за стол. Нетерпеливый гость облегченно опускается рядом.

— Это кто... с кактусом? — тихо спрашивает Юлия у Антона.

— Добрая фея! — задумчиво отвечает он.

После свадьбы. Теперь в этой маленькой комнате — только молодожены. Вдвоем. Юлия проводит ладонью по лицу Антона. Антон целует ее ладонь, нос, щеки...

— ...Они сидят за круглым столом напротив друг друга. Едят хлеб с колбасой, нарезанные толстыми неровными ломтями. И смотрят друг на друга. Юлия кладет на тарелку недоеденный кусок, протягивает руку Антону. Он тоже кладет хлеб и гладит ее тонкую руку...

...Юлия, зарывшись в кресле, поджав под себя ноги, листает книгу. Внимательно рассматривает иллюстрации. Антон карандашом набрасывает ее портрет. Внезапно Юлия откладывает книгу, Антон — карандаш. И, не сговариваясь, идут друг к другу и целуются...

Антон глядит на спящее лицо Юлии. Гладит ее размастившиеся светлые волосы. Потом медленно встает, стараясь не разбудить, раздвигает шторы. Не спуская глаз с Юлии, берет лист бумаги, карандаш и быстро рисует ее, спящую, безмятежную. Она поворачивается, прячет лицо в волосах, словно скрывая его от карандаша.

Антон оставляет эскиз. Открывает настежь окно. И хлынул свет, ворвался ветер. Юлия поворачивает лицо, и оно мигмом омывается ярким потоком света. Она изумленно вскакивает и визжит от радости.

— Антон, весна! — Она повисает на его шею. Потом высовывается в окно. — Уже листьями пахнет! Вот-вот распустятся почки. Ой! — Она отдергивает ногу, неожиданно почувствовав мягкое прикосновение. Это пушистый кот и белый гусь оказались рядом. — Откуда они? — Юлия с удивлением смотрит на них и на аквариум.

— Кажется, свадебные подарки, — неуверенно произносит Антон.

— Слушай, мы же про них совсем забы-

ли! — Юлия всплеснула руками. — Как они только живы? И кактус не завял. Смотри, маленький бутон!

— Это колючка! — присматривается Антон.

— Увидишь, это бутон! Помнишь, что та старушка-фея сказала? — И они целуются.

Заглушая шум ворвавшейся в окно улицы, на кухне гремит посуда. Юлия вздрагивает.

— Это соседка, Сусанна! — объясняет Антон.

— Прелестное имя.

И они снова целуются.

Живность вроде бы не обращает внимания на молодоженов. Кот забрался в кресло и, свесив пушистый длинный хвост, с интересом следит, как гусь, сложив крылья, ходит взад-вперед, с любопытством наблюдая за бегущими по полу солнечными зайчиками. Кактус растет на глазах. А молодожены все целуются.

Из коридора слышится шум. Скупое стучат, и дверь распахивается. Юлия отпрянула от Антона. И с недоумением смотрит на старушку с тонкой книжкой под мышкой.

— Фея?! — Юлия не то спрашивает, не то утверждает.

— Бабушка Лиза, — мрачнеет Антон.

— Вернулась я, внук! — улыбаясь, говорит бабушка и кивает на кактус: — Растет-то как!

— Родная... бабушка? — спрашивает Юлия у мужа.

— Родная, внученька, родная! — радуется бабушка, что ее признают. — Вот мой диванчик. И богатырики!

— Богатырики? — По светлому лицу Юлии мелькает тень. — Вы и живете здесь?

— А как же? С внучком Антошей! — охотно разъясняет бабушка.

— Понимашь, Юлия, бабушка и я... — Тут он осекся, увидев, как из-за сухонького бабушкиного плечика выглядывает любопытное, смущенное лицо деда.

Дед, увидев, что он раскрыт, выходит.

— Дед Коля. Друг Елизаветы Ивановны. Очень рад, очень рад... — церемонно кланяется дед.

— Он ненадолго. Всего на несколько ночек! — успокаивает бабушка внуков.

У Юлии опускаются руки.

— Юлечка, ничего, — суется Антон, — дни, как пули, пролетят.

— Какие пули? — настораживается бабушка.

— Свистят которые, — живо объясняет дед Коля. — Мимо ушей.

— Мимо? — И бабушка успокаивается. Она берет со стола зеленый чайник и идет на кухню. За ней потянулись кот и гусь. Рыбки тоже хотели, но на их пути стояло стекло аквариума.

— Поместимся, — прохаживается по комнате дед Коля, выставив вперед жидкую бороденку, все время патыкаясь на мебель.

— Значит, с самого начала ты мне лгал, — шепотом пригвоздила Юлия мужа.

— Я не лгал. — Антон косится на старичка. Дед Коля включил магнитофон и блаженствовал, сидя на диване. — Скрыл факт существования бабушки по тактическим причинам. Ты все время мечтала, что будем одни, не мог я...

— Не любовь без памяти, а тактика... В итоге, мы совершенно одни! — Слезы отчаяния показываются на ее глазах.

— Воркуете? — улыбается дед Коля.

— Воркуем! — Антон сердито выходит из комнаты.

Бабушка Лиза привычно хозяйничает на кухне. Живность с деловым видом снует у ее ног.

— Бабушка! Я же просил! Как можно дольше.

— Что, внук? — бабушка с готовностью поворачивается к Антону.

— У друга своего пожить. Все равно целые дни вместе проводите!

— А что люди скажут? — взволновалась бабушка.

— Бабушка, тебе же восемьдесят!

— Стыдно, — бабушка внезапно расстро-

илась, — стыдно напоминать женщине о возрасте.

— Ну какой это возраст? — смущенный внук идет на попятную. — Через шестьдесят лет и мне будет столько же. Но я не отчаиваюсь.

— Правильно. Никогда не надо отчаиваться, внук! — ободряюще хлопает его по плечу бабушка. Внук слегка приседает, не столь от удара, сколь от удивления. — Все возвращаются на круги свои, вот и я...

— Ну хорошо, бабушка, — внук, смирившись, обнимает сухонькие родные плечики. — Но почему ты вернулась с дедом?

— Любовь, — говорит бабушка.

— Что?

— Первая любовь Коллина, говорю, приехала погостить с детьми, внучатами. Не видела столицы. А где остановиться, как ле у Коли? Юные годы не забываются.

— Это какая же... первая любовь?

— Молодая, и семидесяти нет, — ревниво признается бабушка. — Компания у него мажорная, а внучат у нее... со счету собьешься. Вот мы и...

— Бабушка, но что скажут соседи?!

— Мне восемьдесят, чего там говорить, — беспечно произносит бабушка.

Как ночь пришла, все разместились. Бабушка с дедом Колей — валстом на диване. Кот — в кресле, гусь — на полу, молодожены — на раскладушке.

Юлия лежит, обиженно отвернувшись к стене. Антон протягивает к ней руку. И вдруг, несмотря на столь поздний час, из кухни слышится грохот посуды, ворчанье, Юлия резко дергается. Раскладушка, громко пискнув, молниеносно складывается, выбрасывая за борт молодоженов. Гусь, как ошпаренный, отлетает в сторону, захлопав крыльями. Кот снисходительно косится на них и сворачивается в своем кресле в полосатый клубок.

— Это соседка, Сусанна! — пытается успокоить взволнованную жену Антон.

— Странное имя... — недовольно отзыва-

ется Юлия. — Можно даже сказать — приятное.

— Юленька, не сердись. Они, — он кивает на диван, — совсем ненадолго.

Юлия смотрит на мирно посапывающих деда с бабушкой, на разваленную раскладушку. И тут замечает мохнатый клубок в кресле. У нее от обиды дрожат губы. Смахивает этот клубок на пол и сама сворачивается в кресле. Растерянный муж машет с досады рукой, стягивает постель на пол и укладывается, отворачиваясь к стене. Живность тут же оказывается рядом.

И только все замерло, как послышалась боевая, задорная песня:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боя взять Приморье —
Белой армии оплот!..

Юлия и Антон одновременно вскинулись, уставившись с подозрением на диванчик.

— Тс-с! — Бабка, приподняв заспанную голову в платочке, прикладывает палец к губам. — Он в полнолуние поет. Не мешайте! — И опять засыпает.

— Мы же еще и мешаем! — тихо возмущается Юлия.

Антон смотрит в щелку между шторами: никакого полнолуния — худенький серпик сиротливо скитается по небу.

Бабушка читает вслух что-то смешное. Читает восторженно, с упоением. Рядом с ней, в кресле, сидит кот. Он шурится, делая вид, что дремлет, но торчащие уши свидетельствуют о том, что он не пропускает ни слова. А дед Коля хохочет до икоты, слушая чтение бабки.

Юлия, разложив по столу учебники, усердно чертит графики. Антон рисует углем деда Колю.

Бабушка откладывает в сторону книгу и встает.

— Дедок-то светленький! — замечает она, глядя на рисунок внука, — а ты счернил его. — И идет на кухню.

— Вылитый я! — одобряет рисунок дед Коля. И с готовностью трусит за бабушкой.

Юлия тут же вскакивает, подбегает к Антону. И вот он уже крепко обнимает ее, а она лихорадочно гладит его волосы.

— Дети, — бабушка просовывает голову в дверь.

«Дети» отпрянули друг от друга.

— Ближники с вареньем будете или со сметанкой?

— Все равно, бабушка! — отвечают они разом.

— Не знаю, что и делать. — Бабушка продолжает стоять, раздумывая. — Дед Коля хочет со сметаной, а я с вареньем.

— Сделай и с тем, и с другим. — Внук крошит в кулаке уголь.

Дверь наконец закрывается, и они снова вдвоем! Антон целует Юлию. И тут, коротко стукнув в дверь, входят друзья молодоженов — Лёня и Лена.

— Вы не представляете, что мы решили с Лёней! — с порога сообщает Лена.

— Не представляем, — мрачно соглашается Антон. Он сминает портрет деда, бросает в угол.

— Мы подали заявление, — начал, было, Лёня.

— В ЗАГС? — удивилась Юлия.

— В деканат! — говорит Лена. — Переходим на заочное отделение и...

— ...уезжаем в село, — заканчивает Лёня. — Знаете, какое выбрали село?

— Какая разница, деревня есть деревня! — говорит Антон.

— Сбежите оттуда через пару дней, — не верит Юлия.

В дверь стучат, и на пороге появляется соседская супружеская пара.

— Приветствуем. Антон, Юленька, — властно начинает слабая половина этой пары, — мы откроем вам совершенно бескорыстно один секрет. Чтобы медовый месяц длился всю жизнь, надо как можно меньше быть вдвоем, наедине!

— Но мы... — с недоумением начинает Юлия.

— Не спорьте, у нас опыт. Правда? — Слабая половина поворачивается к сильной, та согласно кивает. — Наш семейный

корабль наткнулся на многие рифы, но за борт не выбросило никого. А все почему? Мы почти не бываем вдвоем.

Тут показывается гора золотистых блинчиков, за ней — бабушка в цветном фартуке и белом платочке. А за ней — дед Коля, бережно несущий в одной руке банку со сметаной, в другой — банку с вареньем.

— А посему мы все, — продолжает слабая половина, — и бабушка с дедушкой тоже, — замечает она их, — пойдем в кино!

— Картина про любовь? — интересуется дед Коля.

— Естественно! — даже обижается слабая половина. — А блинчики... — она подхватывает два верхних, один — для мужа, другой глотает сама, — это очень опасно, девочки! Вместо ужина — прогулка на воздухе, и вы всегда будете юными!

На экране герои фильма объясняются в любви. Лёня с Леной смотрят, затаив дыхание. Бабушка Лиза с дедом Колей тяжело вздыхают. Юлия и Антон украдкой целуются.

— Не отвлекайтесь! — толкает их опытная чета, сидящая начеку.

— Эх, пронеслась, — с сожалением произносит дед Коля.

— Пронеслась! — без сожаления соглашается с ним бабушка.

Они возвращаются из кинотеатра по пустынной, едва освещенной улице. Дурманяще пахнет весной.

— Что? — не понимает опытная чета.

Дед Коля вдруг расправляет плечи и, выставив вперед бороду, ясным, горьковатым голосом декламирует:

Принесите вина — надоела вода!

Чашу жизни моей наполняют года.

Не к лицу старику притворяться непьющим.

Если нынче не выпью вина — то когда?

— Кумир моей души! — восклицает расторопанная бабушка, протягивая сухонькую руку деду.

Дед Коля встрепенулся, словно птица, попавшая в силки.

— Омар Хайям! — благодарно жмет ему руку бабушка

Антон и Юлия плетутся сзади, крепко сцепив руки. Каждый два шага целуются.

— Не отставайте! — кричит им нестихающая опытная чета.

— Я им сейчас накостыляю по шее! — рванулся Антон.

— Это грубо! — останавливает его Юлия.

— Нужно деликатно. Если еще раз пристанут, выставить их за дверь, — шепотом предлагает Юлия.

Они лежат, прижавшись друг к другу, на раскладушке.

— По-моему, они просто не любят друг друга, раз могут быть не вместе, — заключает Антон.

— Антон! — вдруг вскакивает Юлия. Раскладушка предупредительно пищит, но не складывается. — Значь, что я придумала?!

— Тише, не разбуди! — Антон оглядывается на диван и живность.

— Мы будем, — говорит Юлия шепотом, но все так же восторженно, — ходить друг к другу на свидания!

— Как? — удивляется Антон.

— Как прежде! И будем только вдвоем! — Она смеется.

Утро. Бабушка заплетает светлую тонкую косичку и повязывает платок. Дед усиленно кряхтит, пытаясь выправить голос после ночного пения. Юлия, стоя у окна, расчесывает мягкие волнистые волосы. Антон отжимается от стола, встает, трогает мускулы. Но как только бабушка с дедом исчезают за дверью, Юлия бросает гребень и, легко оббежав стол и стулья, занимавшие почти все пространство, тут же повисает на шею Антона. Он целует ее.

И тут резкий звонок. Юлия сразу же прыгает в сторону, наткнувшись на гуся. Тот громко хлопает крыльями. Она опускается в кресло и тут же снова вскакивает: кот встряхивается, расправляя прямая-

тую Юлией пушистую шерсть. Антон что-то сердито бурчит и решительно распахивает дверь. Юлия слышит два глухих удара, звук падения чего-то тяжелого на пол, потом тишина, снова легкий шум и... на пороге появляется смущенный Антон.

— Это не к нам, — объясняет он коротко.

— А к кому? — удивляется Юлия.

— К Сусанне. Жених.

— Как жених?! — восклицает Юлия. — Ей же пятьдесят!

— Любовь с первого взгляда до гробовой доски. Первый взгляд был давным-давно, а... По ее милости женихуствует столько. Все не соглашается: женщина, мол, имеет право выбора. А какой выбор? Только Ваня и есть. Собирайся!

— Куда?

— На свидание. Хватит. В этой квартире шизофреником станешь.

Они сидят в зрительном зале кинотеатра, среди детей. Утренний сеанс. На экране герои фильма объясняются в любви. Антон наклоняется к Юлии поцеловать, но видит любопытные мальчишеские глаза. Молча берет за руку жену и тянет ее к выходу.

Оживленная платформа вокзала. У поезда «Москва — Кишинев», ни на кого не глядя, целуются влюбленные. Антон и Юлия. Их со всех сторон толкают пассажиры, не обращая на них внимания. Юлия становится на подножку вагона, не спуская глаз с Антона.

— Девушка, а билетик?! — удивляется проводница.

— Я понарошке, — не глядя на нее, с улыбкой говорит Юлия.

— Я сейчас штрафану понарошке! — сердито говорит проводница.

Юлия спрыгивает и повисает на Антоне, целуя его, словно после долгой разлуки. Состав медленно движется, а они, не заме-

чая удаляющегося удивленного лица проводницы, целуются.

Комната молодоженов. Они вдвоем. Антон берет зубок чеснока из салатницы. Едва очистив его, сует в солонку, откусывает черный хлеб.

— Могла бы чего и приготовить! — упрекает он жену.

— Я тоже только из института! И помоему, — напоминает она спокойно, — мы еще до свадьбы договаривались готовить вместе. А теперь сваливаешь на меня.

— Когда это мы так договаривались?!

— Уже все забыл? Забыл?! — восклицает Юлия. — Ты, может, и выпил еще, что сразу рванулся к чесноку?

— Да я голодный как собака! — взвыл Антон. — К чему рваться, если ничего нет на этом чертовом хрустале, подарочке твоих предков!

— Так... о моих родителях? — возмущилась Юлия.

— А ты как... рада была моей бабушке?!

— Ты сам напомнил, что пора отсюда...

— А кто хотел этого?!

— Значит, я во всем виновата?

— А по-твоему, я? — не уступает Антон. — Я, — он кивает на стены в розовую полоску, — как зверь в розовой клетке!

— Остров любви стал клеткой?! — Юлия даже задохнулась.

— Хватит! — произнесли они разом и выскочили из комнаты, хлопнули дверь, пошли в разные стороны.

Они снова встречаются у своей двери. Антон молча пропускает жену вперед. Юлия задумчиво подходит к окну, стоит молча. Потом, не оглядываясь на мужа, тихо говорит:

— Знаешь, Лены дома не оказалось.

— И Лёни, — неохотно, потухшим голосом говорит Антон.

— Уехали все-таки в какое-то село.

— В Лужки.

— Так быстро собрались. Даже не предупредили! — тихо сетует Юлия. Она опускает голову и тут замечает поникший кактус. — Что это? Я же его поливаю!

— И гуся с котом не видно, — оглядывает комнату Антон. — Смотри, пустая вода! — Аквариум действительно без рыбок.

— Все нас покинули! — горько произносит Юлия. Она поднимает с пола скомканный лист, разворачивает его. Уголь стерся, едва можно догадаться, что это портрет деда Коли. — Не понимаю, почему...

— Не понимаешь? — переспрашивает с усмешкой Антон. — Добились своего: остались одни. О чем и мечтали.

— Мечтали, но чтобы не так... Пусто...

— И холодно, — Антон пожился. Встал, подошел к окну. — И листья пожухли. Вроде, весна была, а снова потянуло зимой.

Ночь. Юлия лежит на диване. Антон — на раскладушке. Оба не спят. Непривычно тихо. Даже соседка Сусанна не гремит посудой на кухне по своему обыкновению.

— Я узнал адрес Лёни с Леной! — сообщает вдруг Антон.

— А ты знаешь адрес деда Коли? — спрашивает Юлия.

— Не представляю даже! — огорченно произносит Антон. — Бабушка только и говорила, что компатка, а где...

— Антон! — Юлия встает, босыми ногами легко ступает к раскладушке и ложится рядом с Антоном. — Мы утром разыщем бабушку. — Она умолкает, спрятав лицо на плече Антона. — Нет, сейчас... — Она пытается встать, но Антон притягивает ее к себе.

Утро. Солнечное, теплое. Юлия распахивает окно.

— Снова весна! — удивляется она. Высовывает голову за окно и вдруг видит старушку в белом платке, с книжкой под мышкой. — Бабушка... — недоуменно произносит она. — Антон, бабушка! — кричит она радостно. Сзади нее захлопали крылья. Это белые крылья гуся. О ногу потерял кот. — Антон, бутон появился! А ты говорил, обыкновенная колючка. — Она наклоняется к кактусу. На колючем теле растения и вправду алеет бутон.

А весна заливает солнцем боттичеллевскую «Весну».

Александр Каневский

ЛЕНЬ

Сценарий мультфильма

В большом аквариуме плавает толстая рыба. Подплывает к стенке аквариума, смотрит прямо в глазок кинокамеры, открывая и закрывая рот, пытается что-то сказать. Из рта у нее вылетают пузырьки, в каждом из которых — по букве. Буквы выстраиваются в слова:

«Когда-то я умел говорить...»

Рыба прочитывает фразу и добавляет еще один пузырек с буквой «а»: «умела».

Подумав, втягивает пузырек обратно и выпускает другой, с буквой «о»: «умело».

Выпускает следующую порцию пузырьков, и мы читаем:

«До сих пор не могу понять, как я здесь очутился... очутилась... очутилось...»

Тот же аквариум. В нем много рыб. Все они прижалась к стеклу и голодными глазами смотрят на стоящую рядом банку с червяками.

Аквариум и банка стоят на письменном столе. Тут же, на столе, — большая подушка. На подушке — две спящие головы. Одна человеческая, другая — кошачья. Слышится храп и посвистывание. Потом — нарастающее жужжание. Прилетела муха, садится сляпшему человеку на нос. Он открывает глаза, видит муху. Дергает носом, но она не улетает.

— Пошла вон! Сейчас как хлопну — будешь знать!

Муха продолжает ползать по носу.

— Вот подниму руку и хлопну... Нахалка какая! Если бы не лень — от тебя бы мокрое место осталось...

Муха продолжает прогулку по переносице.

— Надо что-то делать... Ведь покоя не будет. Надо что-то делать...

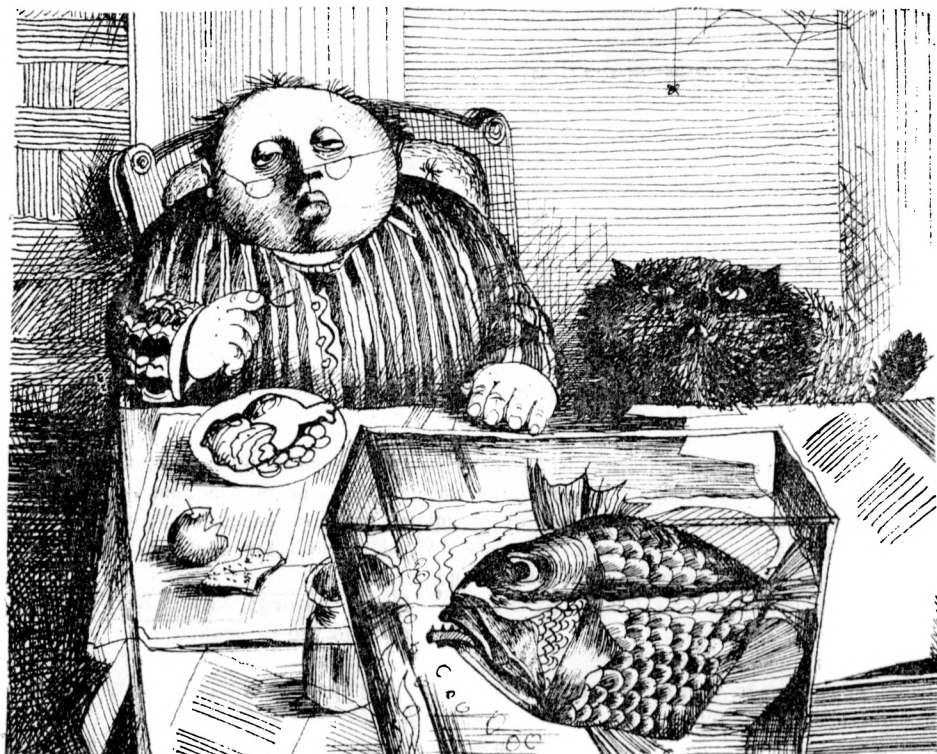
Кот открывает глаз, видит происходящее и, резко выбросив хвост, смахивает муху.

— Спасибо, Вася. Ты — настоящий друг. — говорит Человек и снова закрывает глаза. Уже впадая в дремоту, замечает голодных рыб в аквариуме и бормочет:

— Надо бы их покормить... Три дня — на одной воде...

...Человек толстый и небритый. Он сидит у стола, в махровом халате, надетом на голое тело, на ногах — теплые шлепанцы. Голова его по-прежнему на подушке. Рядом с подушкой — электроплитка, на ней кастрюля с каким-то варевом.

Рыбы жадно смотрят сквозь стекло на банку с червяками. Те дразнят их, показывая «носик». Не выдержав, рыбы начинают пожирать друг друга. Каждая впивается в хвост своей товарке. Первая пожирает вторую, вторая — третью, третья — четвертую... Последняя хватается за хвост первой — круг замыкается. Рыбы постепенно заглатывают друг друга. Рыбья карусель, сжимаясь, уменьшается в диаметре.

Рисунок автора к сценарию «Лень».

И тут из-за водорослей выплывает еще одна рыбина и проглатывает остальных, сразу резко увеличиваясь в размере.

Толстяк спит, и муха снова садится ему на нос. Тот нехотя открывает глаза.

— Вот надоеда... — он дергает носом, потом, изогнув губу, дует на муху. Но та не улетает. — Вот подниму руку и хлопну... дождешься.

Кот открывает глаза, видит муху и снова снайперски смахивает ее хвостом. Муха взлетает, пронесится над аквариумом. Рыба в дельфиньем прыжке хватается добычу и плюхается обратно в воду.

Человек удивлен:

— Оказывается, рыбы мух жрут...

Он дотягивается до кастрюли, стоящей на электроплите, берет ложку, начинает

хлебать. Какая-то макароника повисает у него на подбородке. Он пытается ее стряхнуть, но она висит прочно. Тогда кот, быстро вытянув язык, слизывает ее.

— Спасибо, Вася, — благодарит Человск.

Голодная рыба в аквариуме поедает водоросли и песок. Начинает грызть стекло, откусывает верхний край стенки аквариума, с хрустом прожевывает и глотает.

— Совсем озверела... Надо бы ей корма подсыпать... Да лень... — Со вкусом потягивается толстяк.

Кот, тоже потягиваясь, встает, подходит к аквариуму и хочет отпугнуть рыбу. Та хватается его, перекидывает через борт и затягивает под воду. Перепуганный кот, сцепившись передними лапами в край аквариума, дико орет.

— Бедный Вася... Друг мой единственный... Надо бы ему помочь... Вот сейчас встану и помогу... Сейчас встану... — Человек делает несколько вялых попыток попать ногами в шлепанцы. — Фу-у... Устал... Бедный Вася.

Рыба последним рывком затягивает кота под воду и целиком заглатывает его. Она становится еще больше. Ей уже тесно в аквариуме. Акробатическим кульбитом рыба выпрыгивает из воды, хватая человека за шиворот, выдергивает из халата и бросает его в аквариум. Он барахтается, пытаясь остаться на воде.

— Что это значит?.. По какому праву?.. Я буду протесто...

Рыба бросает ему в открытый рот червяка. Толстяк проглотил. Облизнулся. Уже менее решительно начал:

— Буду жалова...

Рыба снова бросает ему червяка. Человек проглотил. Понравилось.

— Ничего... Вкусно... Попробую с ней похорошему договориться. Только бы не захлебнуться. Только бы удержаться на поверхности.

Рыба щелкает его по затылку, и он уходит под воду.

— Что вы делаете?! Я же утону... Задохнусь... Захлеб... — Удивленно: — Ничего... Дышу... Неужто жабры прорезались?

Несколько раз со свистом процеживает воду сквозь жабры.

— Безобразие! Я вам не рыба! Выражаю протест! Сейчас выпрыгну из аквариума и такой скандал устрою!

Несколько раз взмахивает руками, хватается за край аквариума, хочет подтянуться. Потом отпускает руки и плюхается обратно.

— Отяжелел я от червячков... Да и вместо слов какие-то бульки вылетают. Вылезешь, а она разозлится, кормить перестанет... Я ей отсюда протест выражу. Из-под воды булькну... Еще червячков давай... С булькой!

Рыба бросает ему червячков, затем —

крошки хлеба. Он глотает все и, успокоенный, снова уходит под воду.

— Ну, вот... Будет знать, с кем дело имеет...

Он плавает, помахивая руками. Постепенно руки все теснее прилипают к бокам. Только ладони, превратившись в плавники, загребают воду. Ноги срastaются, превращаются в раздвоенный хвост, на котором еще какое-то время держатся шлепанцы. Потом и они спадают.

Прильнув к стеклу, Человек видит, что рыба сидит на его месте в его халате, доедает его обед. Он возмущен:

— Это же хамство! Надо срочно выбраться отсюда... А как? Мозг-то у меня рыбный стал, ничего придумать не в состоянии... А может, не надо ничего придумывать? Зачем воду баламутить? И тут жить можно. Тихо, уютно, червячков дают...

Он погружается на самое дно. Видит пушистый хвост — все, что осталось от кота.

— Бедный Вася... Друг моей буйной молодости... Пошумели мы с тобой, побушевали... А теперь — хватит... — Взбивает хвост, как подушку, ложится на него. — Размножаться пора.

Появляется вереница икринок. В них, как в люльках, покачиваются маленькие чловечки, в точности похожие на папу.

Человек кричит рыбе:

— Мне теперь большой аквариум требуется... У меня рыбки малы...

Мы видим заросшее тиной стекло аквариума. В глубине его, на самом дне, толстяк, жестикулируя плавниками, рассказывает детям-малькам о своих подвигах в молодости, в доказательство кивает на хвост друга-кота. Дети восхищенно разевают рыбы рты.

Он смотрит прямо на зрителя, хочет что-то сказать, но не может — виновато разводит плавниками и выпускает несколько пузырьков с буквами, которые складываются в слово: «Конец».

КРУГОВОРОТ

Сценарий мультфильма

Хозяин собирается уходить, направляется к вешалке, снимает пальто и вдруг с ужасом видит, что половины мехового воротника нет. Надевает меховые ботинки — оказывается, и из них вырваны куски меха, один ботинок даже превратился в босоножку. Хозяин тянется к пыжиковой шапке, и тут — разгадка всех неприятностей: на шапке, по кругу, сидят мама-моль и ее четверо детей. При помощи ножей и вилки они разделяют шапку, как торт, вырезая из нее кусочки меха.

Хозяин хочет расправиться с насекомыми, прихлопывая их ладонями, но ничего не выходит. Семья моли порхает над его головой, вслед за ним весело хлопая в ладоши.

Тогда хозяин обрызгивает их жидкостью «Антимоль» и посыпает нафталином. Мама-моль умыивается под струей жидкости и пудрится белым порошком. То же самое делают и маленькие молята.

Хозяин в отчаянье опускает руки.

И тогда приходит Советчик. Он приносит двух жаб и объясняет, что они, жабы, расправятся с насекомыми. Хозяин благодарит Советчика, ставит для жаб ящик с подстилкой, и жабы начинают гоняться за молью и быстро прогоняют всех.

Хозяин счастлив. Но его радость продолжается недолго — жабы размножаются молниеносно. Они выскакивают из-под подушки, из комнатных туфель, из унитаза. Единственное место, где их нет — это ящик с подстилкой, в котором хозяин и устраивается на ночь.

Утром приходит Советчик и приносит двух цапель. Хозяин благодарит его и выпускает птиц на охоту. Через некоторое время

последняя жаба в ужасе выпрыгивает в окно восьмого этажа. Но теперь хозяин не может избавиться от птиц: они оказались очень привязчивыми созданиями, целыми днями плещутся в ванной, а питаются рыбками из аквариума. Хозяин выгоняет их за дверь — они влетают в окна. Он закрывает окна — они топчутся на балконе и барабанят клювами в стекло.

И снова приходит Советчик, приносит двустволку и объясняет, что птиц можно отогнать выстрелами. Хозяин благодарит его и выставляет оба дула в форточку.

Рядом, за стенкой, вопит маленький ребенок. Над ним папа и доктор в белом халате. С трудом успокаивают малыша. И вдруг гремят выстрелы. Это хозяин отгоняет цапель. Птицы, действительно, после каждого выстрела взмывают в небо, но врываются папа и доктор, возмущаются, размахивают руками, угрожают.

Приходит Советчик, бросает на пол ковер, свернутый в рулон. Хозяин благодарит и разматывает рулон по полу, стенам и потолку, погружая комнату в ковровую изоляцию. Затем снова выставляет дула в форточку и стреляет.

У соседей прислушиваются папа, доктор и ребенок. Папа, приложив к стене ухо, доктор — стетоскоп, а малыш — бутылку, с которой он стащил соску. Все тихо, сквозь ковер не доносится ни звука.

Хозяин счастлив: цапли улетели навсегда. Он отворачивается от окна, и вдруг глаза его в ужасе расширяются: из густого коврового ворса выглядывает мама-моль и ее четверо детей, посылая ему воздушные поцелуи.

Приходит Советчик и приносит жаб.

ДОЖДАЛСЯ!

Сюжет сатирического киножурнала

— Не хочу!.. Не могу!.. Не имею права!.. — трижды отрубил директор, и трое огорченных сотрудников покинули кабинет.

Вошла секретарша, вручила директору запечатанный конверт. Он вскрыл его, прочитал письмо и издал торжествующий возглас:

— Фу-у!.. Наконец-то!.. — Радостно и облегченно вздохнул. Потом спохватился, кивнул на дверь: — Верните их!

Секретарша выскочила в приемную, заложившую посетителям, и выудила оттуда тех же трех сотрудников.

— Итак, вы просите деньги на строительство Дворца культуры? — спросил директор у первого.

— Молодежи по вечерам деться некуда, а смета до сих пор не согласована с управлением.

— А зачем согласовывать?.. Я ее сам утверждаю. Вот! — Директор решительно подписал какой-то документ. — И даю дополнительные средства на строительство стадиона. О молодежи надо заботиться!.. Что у вас? — обратился он ко второму.

— Разрешите хоть в лабораторных условиях проверить мою схему! — взмолился сотрудник.

— Это затаит висдренне. Нет, мы ее сразу во всех цехах запустим. Да, да, да!.. Не рисковать — значит, топтаться на месте! — Директор повернулся к третьему. — Слушаю вас.

— Поговорите с технологом — пусть хамить перестанет.

— Разговоры здесь не помогут — я его снимаю с должности. И мне наплевать, что у него дядя в министерстве!..

Счастливые посетители покинули кабинет.

— Я вас, Вадим Петрович, сегодня просто не узнаю, — удивленно произнесла секретарша.

Директор поднялся над столом, как над трибуной, и произнес:

— Двадцать лет сидел я в этом кресле и ни одного решения сам не принял. Ответственности на себя не брал, все ждал своего часа. И дождался: на пенсию меня ступускают, с завтрашнего числа. Значит, за все, что я сделаю сегодня, завтра будет отвечать другой. Зовите ко мне сейчас каждого. Всех! Подряд!.. Все подпишу, разрешу, санкционирую... Полжизни руки были связаны — хоть полдня поработаю по-настоящему.

Роза Хуснутдинова

СЦЕНАРИИ МУЛЬТФИЛЬМОВ

ОБЛАКО

В теплый летний вечер, когда по небу плыли, направляясь к закату, легкие вечерние облака, окрашиваясь постепенно в огненные цвета, одно облачко отделилось и, медленно покачиваясь, стало опускаться вниз, на крыши города. И вот оно уже опустилось во двор большого многоэтажного дома.

Во дворе было темно, но многие окна были распахнуты настежь, потому что время года было летнее, теплое, и, опускаясь вниз, облачко, казалось, с любопытством поглядывало на окна.

Само облачко мерцало и трепетало, как тлеющие угли в печке, — то подергивалось пленой, будто масло, то опять разгоралось.

Из самого верхнего окна дома выглянули две головки — мальчика и девочки — и восхищенно переглянулись между собой.

— Ах, облачко, — сказал мальчик.

— Облачко, — прошептала девочка, — будто белый цветок.

— Будто воздушный корабль, — сказал мальчик.

— Будто беленький барашек, — пропела девочка.

— Будто военный парашют, — сказал строго мальчик.

— Будто шляпа из перьев, — сказала девочка.

— Будто пороховой дым из пушки, — сказал мальчик.

И каждый раз облачко действительно чуть изменялось и выглядело именно так, как виделось оно детям.

Облачко приблизилось к дому, заглянуло в окно и увидело комнату, очень красивую. В ней было двое — мужчина и женщина. Женщина сидела в кресле и плакала, а мужчина стоял перед ней и курил.

Женщина плакала и говорила:

— Я хочу быть счастлива!

Мужчина говорил:

— У нас есть дом, — и обводил руками прекрасно убранную комнату.

Женщина плакала:

— Я хочу быть счастлива!..

Мужчина говорил:

— У тебя есть я, — и смотрел на себя в зеркало.

Женщина плакала:

— Я хочу быть счастлива!

Мужчина говорил:

— У нас есть дети!

Женщина рыдала.

Мужчина говорил уже растерянно:

— У нас есть собака.

Женщина продолжала рыдать.

Мужчина говорил:

— Кошка...

Женщина не прекращала рыданий.

Мужчина, взглянув в окно, воскликнул: — Облако! Смотри! У нас есть облако! — и побежал к окну.

Но женщина зарыдала еще безутешнее... Облачко во дворе вздохнуло и передвинулось дальше, в следующее распахнутое окно.

В этой комнате за столом сидел мужчина и был увлечен следующим занятием: в руках у него была линейка, справа весы, а слева микроскоп, и все, что было в этой комнате, мужчина быстро и привычно сначала измерял, потом взвешивал, потом изучал в микроскоп. Почти все вещи в комнате были уже снабжены табличками, но мужчина неутомимо искал новые.

Тем временем женщина, находящаяся в комнате, подавала на стол еду: яйцо, арбуз, стакан молока, хлеб. И все это он быстро измерял, взвешивал и просматривал в микроскоп, потом навешивал таблички и съедал.

Но вот в поле его зрения попала рука женщины, подвинувшей ему хлеб. Мужчина тут же схватил руку, приложил к ней линейку и уже потащил было ее на весы, но женщина хлопнула его по руке с линейкой

Подняв голову, он увидел вдруг в окне неизвестное нечто (это, конечно, было наше облачко) и издав торжествующий крик, с линейкой, весами и микроскопом устремился к окну. Женщина вскрикнула, а облачко едва-едва успело отскочить от окна и скрыться. Теперь оно скользило, не оставиваясь у распахнутых окон.

Вдруг облачко опять остановилось. Из одного окна доносилась тихая прекрасная музыка. Это была комната художника, вся заставленная и увешанная произведениями искусства, а сам он, еще молодой человек, стоял, склонив голову набок, — несколько утомленный и восхищенный — перед своей только что законченной картиной.

На холсте масляными красками было написано летнее голубое небо в тот час, когда закат уже близок, а по небу плеслись

нежные, легкие, особенно удавшиеся художнику облака.

Что за прелесть эти облака, — казалось говорил самому себе художник. Он подошел к картине и грациозным движением руки сделал еще один мазок, хотя и так все было прекрасно.

Художник повернулся к окну, невидящим взглядом посмотрел на облачко, трепетавшее перед ним, затем подошел к окну и захлопнул его. Опустил шторы. Он хотел остаться наедине со своим творением.

Облачко за окном будто упало.

Теперь оно держалось напротив окон первого этажа.

В одном из окон показалось обрадованное лицо женщины в фартуке и с засученными рукавами. Что-то загрохотало внутри дома, и через несколько секунд из дверей выбежала эта женщина с огромным ведром в руках. Подбежав к облаку, она отхватила от него полное ведро воды и вбежала в дом.

Вслед за ней с криками стали выбегать во двор женщины с кастрюлями, ведрами, корытами, ковшами.

Но вдруг облачко стремительно поднялось вверх, над крышами домов, и легко и быстро полетело по небу, становясь все меньше и меньше. Скоро оно догнало своих собратьев и присоединилось к ним.

В глубине двора стояли и смотрели, здоров головы, мальчик и девочка. Они стояли, взявшись за руки, в пустынном дворе.

— Оно было как цветок, — сказала девочка.

— Как воздушный корабль, — сказал мальчик.

— Как беленький барашек, — сказала девочка, вздохнув.

— Как парашют, — сказал мальчик.

— Как белая шляпа из перьев, — сказала девочка.

— Как пороховой дым из пушки, — сказал мальчик.

ОТВЕРЖЕННЫЙ

Улица большого города. Небоскребы. Реклама. Полчища машин. По улице идет человек с грустным лицом. Никто не обращает на него внимания. Поток людей движется мимо него.

Человек хочет заговорить с одним, с другим — никто не останавливается. Поток людей движется мимо него, сквозь него, не замечая его.

Человек встает на голову, стоит так — никто не обращает на это внимания.

Человек ложится на тротуар, как будто ему плохо, — никто не останавливается.

Человек протягивает руку к прохожим, как за милостыней, — никто не замечает его.

Человек достает из кармана кошелек, сам протягивает его прохожим, кто-то из них, мгновенно схватив, исчез в толпе.

Человек сворачивает на боковую улицу. Здесь тихо, пустынно. Он садится на скамейку, погружается в нераздуманные размышления: отчего ему не удастся заговорить ни с кем?..

Вдруг он видит на скамейке напротив человека, который плачет. Наш герой смотрит на него, ему становится жалко его, он садится с ним рядом и тоже плачет, сочувствуя ему. Но плачущий, увидев рядом с собой человека, перестает плакать, резко встает и уходит. Он хочет плакать один. Наш герой растерянно смотрит ему вслед: разве он не хотел как лучше, разве он не сочувствовал искренне?..

Идет дальше. Видим на следующей скамейке человека, которому очень смешно. Этот человек показывает пальцем в пустое пространство перед собой и хохочет до слез.

Наш герой присоединяется к нему и тоже хохочет, некоторое время смеются вместе.

Вдруг смеющийся человек замечает, что рядом кто-то сидит и смеется вместе с ним. И он тут же перестает смеяться.

Смотрит на нашего героя с удивлением, с недоумением, с неприязнью. Резко встает и уходит.

Герой, понурив голову, остается один на скамейке. Улыбка сходит с его лица. Встает и медленно идет дальше. Вдруг слышит какой-то скрип. Замечает ребенка, который раскачивается на доске.

Вверх-вниз, вверх-вниз, раскачивается доска. Но на противоположном конце доски — камень, видно, у мальчика нет друга, не с кем ему качаться.

Человек обрадованно спешит к ребенку, снимает с доски камень, усаживается сам и, улыбаясь, начинает раскачиваться вместе с мальчиком на доске, вверх-вниз, вверх-вниз. Как хорошо качаться! Но мальчик не улыбается в ответ. Лицо его враждебно. Он перестает раскачиваться, подходит к человеку, делает повелительный жест — сойди с моей доски! Человек слезает. Мальчик поднимает камень, кладет на противоположный конец доски, усаживается сам и начинает медленно, сосредоточенно раскачиваться, вверх-вниз, вверх-вниз, не обращая внимания на стоящего рядом человека.

Человек, опечаленный, идет дальше..

Вдруг впереди замечает человека, который кого-то зовет, манит к себе.

Наш герой оглядывается, может, это зовут кого-то другого, не его... но никого больше вокруг не было, человек звал именно его.

Наш герой подошел поближе. У человека в руках был автомат. Он стрелял из него по мишени. Наш герой подошел еще ближе. Человек, улыбаясь, протянул ему автомат. Показал на мишень: стреляй!.. Наш герой прицелился, выстрелил в мишень. Попал. Человек засмеялся. Хлопнул его по плечу. Обнял. Показал: давай еще! Стали стрелять вместе.

Теперь они стреляли в мишень по очереди... Радовались, когда попадали в яб-

лочко, хлопали друг друга по плечу, смеялись, радовались... И стреляли, стреляли, стреляли... Весь воздух вокруг них наполнился гулом...

Постепенно пространство вокруг них оживало. Уже вырисовывался из пустоты, окружавшей их, какой-то пейзаж, небо... И они дырявили пулями этот пейзаж, небо... И хохотали, хохотали... А потом мишень вдруг тоже обратилась сначала в невидящего, нарисованного, а потом в живого бегущего человека... И они продырявили его пулями... И снова хохотали как безумные...

А потом откуда-то с другой стороны выснулось ружье, прицелилось тщательно и выстрелило прямо в них. И попало.

Наш герой упал на землю, все завертелось у него перед глазами, закружилась земля, небо, возникли и промелькнули какие-то прекрасные картины, детство ли, сны ли, возникло женское лицо, солнце, которое вдруг стало огромным, а потом наступила тьма...

Улица большого города... По ней движется поток людей, распростертое тело лежит посреди улицы, на асфальте... Холодно мерцает реклама кока-колы. Людской поток движется мимо, не останавливаясь.

ВЕЛОСИПЕДИСТ

На экране возникает фигура велосипедиста, медленно движущегося посреди цветущего пейзажа. На лице его мечтательное выражение. Он то радуется цветку, выглядывающему из травы, то слушает пенья птицы, щебечущей на дереве, то замирает на месте, наблюдая движение облаков на небе или полет прозрачнокрылых синих стрекоз.

Колеса велосипеда медленно скользят по траве, тонкие спицы колес движутся по кругу подобно золотым лучам солнца, вращающимся на небе.

Вот велосипедист выезжает из чаши цветов. Прямо перед ним открывается маящая синяя лента дороги, уходящая куда-то далеко-далеко... Велосипедист сворачивает в сторону этой дороги, едет по ней. Спицы колес завертелись быстрее.

Впереди велосипедиста — легковая машина. Велосипедист, улыбаясь, нажимает сильнее на педали велосипеда, увеличивает скорость и обгоняет машину. Доволен. Еще увеличивает скорость. Обгоняет еще машину.

Ноги велосипедиста заработали энергичнее, руки вцепились в руль, весь он подался вперед, с лица его исчезло мечтательное выражение, оно теперь выражает радость от все увеличивающейся быстроты движе-

ния. Скорость нарастает. Пейзажи слева и справа мелькают все быстрее. Их все труднее разглядеть.

Вот велосипедист мчится параллельно с поездом... Обгоняет поезд. Обгоняет теперь самолета, летящего над ним... Он летит как одержимый, весь подавшись вперед, слившись со своим велосипедом в единое целое, в неутомимом желании двигаться еще быстрее, еще стремительнее. Лицо его выражает восторг.

— Бемс! — соскакивает одно колесо велосипеда, крутясь исчезает за обочиной дороги.

Велосипедист, не замечая этого, мчится дальше.

— Бемс! — соскакивает второе колесо.

— Бемс! — падает зволок.

— Бемс! — падает на землю руль.

Велосипедист, увлекаемый силой инерции, движется дальше. Крутя педали, вцепился в воображаемый руль. Он совершенно счастлив...

Но, рано или поздно, это должно было кончиться. Вот руки, ноги велосипедиста задвигались медленнее, голова упала на грудь, скорость движения заметно снизилась. Пейзаж вдоль дороги проступил яснее. Велосипедист остановился и рухнул. Лежит посреди дороги...

Он поднял голову и посмотрел на прекрасную, залитую сверкающим солнцем, синюю ленту дороги, уходящей куда-то далеко-далеко. Она была пустыня.

Но вдруг из-за дуба, стоящего на обочи-

не дороги, выползла маленькая гусеница и, медленно, ритмично двигаясь, проползла мимо изумленного велосипедиста и поползла по сверкающей синей ленте дороги...

ВЕТЕР

Весь день в городе обсуждали, кого унесет ветер. Стало известно, что завтра в городе ожидается большой ветер, и он будет с собой уносить.

Вот и обсуждали, кого он будет уносить.

«Его обязательно унесет» — говорили про кого-нибудь.

«Его? — Его, конечно... зато этого — никогда».

«Никогда» — соглашались все остальные. «А мы забыли еще того, помните?..» — говорил кто-нибудь.

«А-а, этого?.. Этого, конечно... зато вот этого — никогда».

«Никогда» — соглашались все остальные.

«А ее?.. Она ведь только и ждет, чтобы ее унесло?..»

«Ее — да, — соглашались все остальные, — её — да».

К вечеру всё закончили. Все уже в городе знали, кого унесет, а кого не унесет.

Те, которые знали, что их унесет, готовились к тому, что их унесет.

Те, которые знали, что их не унесет, готовились к тому, что их не унесет.

Легли спать, но многие не спали. И из тех, кого унесет, и из тех, кого не унесет. Наступило утро.

Все встали и начали поглядывать на небо. По-разному вели себя.

Самый толстый человек в городе, круглый, как шар, сидел дома и спокойно ел сметану. Он знал, что его никогда никуда не унесет.

Одна девушка, про которую все говорили, что ее унесет, — она каждый вечер залезала на крышу дома и вставала там на

цыпочки — все ждала, что ее унесет. И сегодня она была на крыше и сначала вставала на цыпочки, а потом устала и села — все равно же ее унесет...

Один человек, ничем особенно незамеченный, но про которого все знали, что вот его обязательно унесет, занимался своими делами: унесет — так унесет, не унесет — так не унесет, а он, знай, делает свое дело.

Все коровы ушли за город, на пастбище: они-то знали, что сегодня будет только людей уносить...

Один мальчик сделал себе пропеллер, чтобы если унесет, так быстрее, быстрее уноситься...

И еще два старика сидели, вспоминали: «А помнишь, как один раз меня унесло?..» — «А меня как унесло — помнишь?..»

Налетел ветер.

Первым его порывом был унесен человек, про которого все так и думали, что его унесет...

И второго такого же, про которого все думали, что его унесет, унесло, и третьего...

И ту девушку как подхватило, как понесло, понесло — и в окно, и в дом, в котором она жила, и там ветер ее оставил, даже окно за собой прихлопнул... Кто бы мог подумать, такая была девушка, ай-ай, яй!...

Зато мальчика с пропеллером унесло... Сначала не уносило, не уносило, он старался, а его все равно не уносило. Он пропеллер на землю бросил, закричал, заплакал, и его вдруг подхватило и понесло... Летит, визжит...

Зато вот все удивились, когда самый толстый человек в городе, круглый, как

шар, как сидел со своей сметаной на стуле, так вдруг приподнялся — и в окно, и на улицу. Семья как закричит: «Вернись, вернись!..» А он оборачивается, извиняется: «Не знал, — говорит, — не думал» А сам улыбается — вдруг знал!..

И еще те старики... Только что сидели рядом, только что кивали головами: мол, правильно, правильно его унесло. Или пожимали плечами: ну, как, мол, такого унесло... Как вдруг один из стариков отделился от всех, приподнялся вверх — рубашка вздулась. «Куда?» — кричит вто-

рой, — куда ты? Я думал, нас обоих унесет... Как тогда, помнишь — обоих!..»

Последней унесло корову. Про нее долго в городе думали: почему? Никто не мог догадаться.

Правда, один человек вспомнил, что прошлым летом, когда все коровы спокойно ходили по пастбищу и ели траву, именно эта корова отделилась от всех и взобра-лась на какую-то горку и все хотела броситься с этой горки... Еле оттащили...

Но, может, не поэтому унесло, может, совсем другая причина. Кто ж знает...

Главный редактор *В. СЫТИН*

Редакционная коллегия:

*О. АГИШЕВ, С. АНТОНОВ, Е. ГАБРИЛОВИЧ, С. ЖГЕНТИ,
В. СОЛОВЬЕВ, В. ТРУНИН, С. ЮТКЕВИЧ.*

Ответственный секретарь *Е. КЛЕЙНЕР*

АЛЬМАНАХ «КИНОСЦЕНАРИИ»

Госкино СССР, Москва, 1979.

Редактор *О. Горбачева*
Техн. редактор *Н. Рюрикова*
Корректор *Т. Покровская*
Мл. редакторы *М. Сергисенко, Т. Зорина*

Подписано к печати 26/IV-79 г. А-03189 Формат 70×90^{1/16}. Печ. л. 19
Усл. печ. л. 22,23 Уч.-изд. л. 26,3 Тираж 50 000 экз. Заказ № 268
Цена 1 р. 54 к. Всесоюзное объединение «Союзинформкино» Госкино СССР.
Адрес редакции: 103006, Москва, Воротниковский пер., д. 12
Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области

КИНОСЦЕНАРИИ

ЦЕНА 1 Р. 54 К.

АЛЬМАНАХ • 1979

